

ББК 63.3(2Камч)
В74
УДК 908(571.66)

Рецензент канд. ист. наук, доцент Н. В. Толкачева

Вопросы истории Камчатки. Выпуск 2. — Петропавловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2008. — 484 с., ил.

Второй выпуск ежегодника включает три рубрики. «Камчатская историческая библиотека» представляет работы историков XIX в. А. С. Сгибнева и В. Н. Берха, опубликованные в 1820-х и 1860-х гг.

Рубрика «Восполняя белые пятна» содержит авторские статьи, посвященные истории населенных пунктов полуострова, работе органов местного самоуправления, деятельности промышленных предприятий Камчатки в годы войны. Здесь же показано, как начинались взаимоотношения между русскими и японцами в XVIII—XIX вв.

В рубрику «Автопортрет времени» включены архивные материалы и мемуары, характеризующие общественно-политическую обстановку на полуострове в начале 1920-х гг.

Издание адресовано всем интересующимся историей Северо-Востока России.

Ответственный редактор С. В. Гаврилов

© Холдинговая компания
«Новая книга», 2008
© С. В. Гаврилов,
составление, 2008
© Авторы, 2008

ISBN 978–5–87750–109–6

СОДЕРЖАНИЕ

Сведения об авторах	4
---------------------------	---

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

<i>А. С. Сгибнев.</i> Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 гг.	5
<i>В. Н. Берх.</i> Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги российского купечества	124

ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

<i>В. И. Борисов.</i> Из истории населенных пунктов долины реки Камчатки	179
<i>В. П. Пустовит.</i> Гласные: не белые, не красные. Петропавловская городская Дума — первый опыт местного самоуправления на Камчатке	256
<i>С. В. Гаврилов.</i> Предприятия Камчатки в годы Великой Отечественной и советско-японской войн	360
<i>В. Н. Аров.</i> «Камчатские» японцы	427

АВТОПОРТРЕТ ВРЕМЕНИ

<i>Х. П. Бирич.</i> Доклад о занятии Охотско-Камчатского края	454
<i>М. И. Савченко-Славский.</i> Краткий доклад о положении на Камчатке	463
<i>М. Ф. Орлов.</i> На Камчатке в 1921 и 1922 годах	469
Последний Андреевский флаг	478

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аров Валерий Николаевич — преподаватель кафедры истории и философии Камчатского государственного технического университета (КамчатГТУ), один из старейших камчатских краеведов. На полуострове с 1962 г. Окончил исторический факультет Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Область научных интересов — история освоения полуострова в XVIII и XIX вв. Активный пропагандист исторических знаний, лектор общества «Знание», разработчик вузовского курса «История Камчатки». Автор ряда научных и учебно-методических работ, многочисленных статей в периодической печати. Первая историческая публикация «Камчатка и русские кругосветные плавания» вышла в 1969 г. Печатался в ежегодниках «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки», «Вопросы истории Камчатки», сборниках трудов КамчатГТУ, «Вестнике КРАУНЦ».

Борисов Виктор Иванович — историк, краевед, действительный член Русского Географического общества (РГО). Родился на Камчатке, выпускник исторического факультета Камчатского государственного педагогического института (КГПИ). Область научного интереса — история населенных пунктов Камчатки. Автор трех книг, инициатор издания книг шведских путешественников о Камчатке: «Деревня в тени вулканов» и «По дикой Камчатке». Автор сценариев двух фильмов о полуострове. Составитель серии сборников «Пойдем ныне по своему Отечеству...» Публиковался в ежегоднике «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки», журнале «Неизвестная Камчатка», автор многочисленных статей в периодических изданиях. Первая краеведческая публикация «Ительмены. Кто они?» вышла в 1987 г.

Гаврилов Сергей Витальевич — преподаватель мореходного факультета КамчатГТУ. Родился на Камчатке. Окончил механический факультет Дальневосточного технического института рыбной промышленности и хозяйства. Области научного интереса: история развития судовой техники, история морского транспортного и рыбопромышленного освоения охотско-камчатского побережья. Автор семи книг, ряда научных, учебно-методических и научно-популярных работ. Публиковался в журналах «Морской флот», «Дальний Восток», «Краеведческие записки», «Неизвестная Камчатка». Инициатор издания и редактор ежегодников КамчатГТУ «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки» и «Вопросы истории Камчатки». Действительный член РГО, член Союза журналистов России, лауреат краеведческой премии имени С. П. Крашенинникова.

Дустовит Валентин Петрович — историк, писатель. На Камчатке с 1953 г. Окончил филологический факультет КГПИ. Области научных интересов: история революции, гражданской войны и политических репрессий на Северо-Востоке России. Автор четырех книг, публиковался в журналах «Неизвестная Камчатка», «Дальний Восток», «Казачий вестник», ежегодниках «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки» и «Вопросы истории Камчатки», сборниках материалов областных Крашенинниковских чтений. Первая историческая публикация об убийстве С. М. Кирова «Закат на рассвете» вышла в 1988 г. Член Союза журналистов России, член Союза писателей России.

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

А. С. СГИБНЕВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ГЛАВНЕЙШИХ СОБЫТИЙ В КАМЧАТКЕ С 1650 ПО 1856 гг. (Окончание)

IV. 1772—1816 гг.

Бунт Бенъевского заставил правительство обратить особенное внимание на полуостров Камчатку. Императрица Екатерина II, желая положить конец всем бедствиям камчадалов и вообще восстановить там порядок, назначила камчатским командиром лично ей известного капитана Магнуса Карла фон Бема. 30-го апреля 1772 г. она подписала в Царском селе следующий указ на имя иркутского губернатора Бриля.

«Всемиловитейше пожаловали мы отставного капитана Бема премьер-майором, повелевая оному быть *главным командиром* в Камчатке с жалованием по 600 руб. в год. Почему и имеете все находящиеся там остроги и прочие селения с жителями препоручить в главное его управление, снабдя при выезде его из Иркутска наставлением, сходственным с законами и с настоящими там обстоятельствами, к приведению в лучший порядок и благосостояние жительствоющих. А в какой силе сии наставления от вас ему даны будут, об оном не оставите нам донести в свое время».

Таким образом, по смыслу этого указа камчатское управление снова сделано независимым от охотского, иркутский же губернатор, кроме того, предписывал Бему заведывать Ижигинским округом, Курильскими и Алеутскими островами.

6-го сентября 1772 г. Бем прибыл в Иркутск, где по случаю распутицы остался ожидать зимнего пути и только 28-го ноября мог отправиться из Иркутска. Бриль, согласно с Высочайшей волей, дал ему инструкцию следующего содержания:

«1) Поручается вам в команду и управление вся Камчатская земля и все живущие там лица, Большерецкий, Верхний и Нижний остроги, Тигильская крепость и вновь построенная в Пенжинской губе в 1752 году Ижигинская крепость, которая до сего состояла в ведении охотской канцелярии, а также принять в свое ведение Курильские и другие близ Камчатки лежащие острова и на них живущих ясашных инородцев. По прибытии в Большерецк, где нахо-

дится камчатское управление, принять там все дела и указы, денежную казну, артиллерию, все имущество и воинскую команду, а из других мест собрать подробные сведения, как о казенном имуществе, так и о числе ясашных.

2) Обратит внимание на камчатские беспорядки, происшедшие как от оспенного поветрия, так и от ссор бывшего командира, флота капитана Извекова, с полковником Пленеснером, от пьянства и других беспорядочных поступков первого, о чем, впрочем, исследовано особою комиссиею под начальством полковника Зубрицкого, а также от возмущения ссыльных и других промышленных людей, которые убили командира Нилова и разграбили казну и морское судно, ушли в море. Для прекращения всех этих беспорядков, впредь до указа, по распоряжению охотского начальства послан туда флота капитан Хметевский, который уже летами весьма стар, а потому на место его командирован охотской команды капитан Тимофей Шмалев, который должен прибыть на место в лето 1772 г. Но от них нет никаких донесений. Прекратить все беспорядки без послабления.

3) По сложности ваших занятий в большерецкую канцелярию для земских дел назначить к себе помощником Шмалева или другого офицера по вашему выбору и даже двух. А капитана Хметевского отправить в Охотск, если он еще не отправился. Прочих же командиров в острогах испытать, и если окажутся ненадежными, отослать в Охотск, дабы не получали там даром двойного жалования, и заменить их другими.

4) Вам же самим с камчатской большерецкой канцелярией состоять единственно под начальством иркутского губернатора и иркутской губернской канцелярии и исполнять их указы, а с охотской и прочими провинциальными канцеляриями сноситься промемориями.

5) Хотя 7-го октября 1771 г. и предписано Шмалеву укрепить и исправить Большерецкий острог, но он не мог еще этого исполнить, и потому вам, как этот острог, так и другие привести в новое положение, чтобы они были безопасны от бунтовщиков, чукок и коряк. Работы производить служителями, производя им плату на основании Высочайше утвержденного в 3-й день октября 1769 г. доклада военной коллегии, из тамошних доходов. По прибытии в Охотск, если признаете за нужное взять с собою команды, артиллерию и прочих припасов, то снести по этому предмету с вновь назначенным охотским командиром, который на основании предписания к его предшественнику, полковнику Пленеснеру, от 15-го января 1772 г., все исполнит. Если же и там что-нибудь не окажется, то мне рапортовать.

6) Военную команду осмотреть, и если будет недостаток, то оный пополнить солдатскими и казачьими детьми, а негодных к службе солдат, чтобы напрасно не получали двойного жалования и хлеба не поедали, отослать в Охотск, а взамен их требовать других из отправленных отсюда в 1771 и 1772 годах в Охотск солдат, сколько будет потребно, без излишества. А которые

из неспособных окажутся годными для поселения — селить в Камчатке и поступать с ними по силе Высочайшего указа 22-го августа 1763 г.

7) Солдатских и казачьих малолетних детей переписать, и чтобы без призрения не оставались и праздно не шатались, с семилетнего возраста отдавать в школы, выбрав для их учения грамотных служителей. А в содержании их поступать на основании указов: именного 1735 г. июля 9-го, правительствующего сената 3 ноября 1744 г., именного 19 апреля 1764 г. о гарнизонных батальонах, да указов государ. военн. коллегии 1767 г., ноября 9 и 1769 г., мая 25, употребляя деньги на содержание школьников от тамошних доходов. По совершеннолетию этих мальчиков определять: детей солдат в солдаты, а казачьих — в казаки, а если окажут способности, то и в другие должности. Кроме того, обучать камчадальских детей на основании указа прав. сената 1764 г., января 15 дня.

8) Хотя в год раз представлять ведомость об оружии и людях военных в Камчатке, а также списки офицеров с аттестацией для представления их к награде и унтер-офицеров для производства их по вакансии в офицеры, по усмотрению вашему, достойных и знающих читать и писать. Сверх же положенного числа в офицеры отнюдь не производить.

9) Назначенное вам, а равно служителям, денежное, а последним и хлебное довольствие производить из тамошних доходов по силе указов: сената 1760 г., марта 29, 1761 г., августа 23 и 1762 г. октября 9, регулярным провианта натурою муки по 32½ ф. на месяц, а за остальные 12 пуд. деньгами, по полтора, а за крупу, в случае недостатка в ней, по 2 руб. за пуд; а денежное жалование по полевому положению двойное, а за годовую аммуницию деньгами ординарное. Казакам: денежное жалование полуторное; муки по 10 пуд. в год, а за остальную деньгами. За прошедшие же годы ни в каком случае ни денег, ни провианта не производить, в силу указов сената 1764 г., декабря 17, 1765 г., октября 18 и 1779 г., ноября 22 дня. Если же денежной казны будет недостаточно, требовать из Охотска. Но вообще заботиться, чтобы денег было всегда в запасе на год, а провианту на два, на случай крушения судов и других случайностей, чтобы не было в Камчатке голода. Кроме того, на всякий случай принуждать, чтобы тамошние жители всегда имели в большом запасе рыбный корм.

10) Всех ссыльных в Камчатке самим осмотреть и разведать, какого они поведения. И ежели окажутся за ними хотя малая дерзости, держать их под строгим караулом и порознь по острогам, дабы они не могли сделать заговора, донося об их поступках в Иркутск, а до получения резолюции производить от казны кормовые деньги, если таковых они на свободе не получали.

11) Из присланного от полковника Зубрицкого донесения видно, что во всех камчатских острогах по последней переписи состояло в ясаке 2 573, да малолетних 1 131; из того числа от оспенной болезни умерло 1 736, мало-

летних 673, да женского пола 2 358; за тем осталось ясашных 856, да малолетних 477; но как Зубрицкий недолго был в Камчатке, и опись составлена скоро, то надо ее проверить и рассмотреть, с кого и с какого времени следует взять ясак, и собирать его на основании инструкции, Высочайше утвержденной в 4 день июня 1764 г., данной отправленному в Сибирь для переобложения ясаком инородцев гвардии секунд-майору Щербачеву.

12) Из такой поверки можете вы увидеть убыль и сколько за смертью осталось их селений впусте. Все эти селения, а в особенности годные вновь к заселению места, в том числе годные к хлебопашеству и скотоводству, описать и сообразить, кого надо послать на убылые места: ясашных, якутов, казаков или крестьян и с каким довольствием; составить всему смету с примечаниями — какие льготы надо им дать, а по прошествии оной что с них в казну собирать, и все это представить ко мне, и каждый год присылать краткие ведомости, сколько мужского и сколько женского пола умрет, вновь родится, браком сочетается и сколько инородцев окрестится.

13) В проезд ваш через Якутск взять там подлекаря с медикаментами для пользования в Камчатке служилых и других от оспы и разных болезней. А если там не окажется лекарств, то требовать из Иркутска. Подлекарю производить жалование со дня выезда из Иркутска двойное, т. е. 240 руб., и предписать ему, чтобы он в прививании оспы поступал по силе регламента, согласное с разосланным печатным постановлением.

14) Всех тамошних жителей и приезжающих из разных городов купцов и промышленников от обид и грабительств охранять. Да и самому вам обходиться с ними ласково и подавать в нужных случаях добрые советы, а тяжёбые дела решать по силе законов. Случающиеся же между приезжими купцами тяжёбые дела решать третьейским судом, лучшими купцами, определяя при этом для справедливости и с своей стороны одного офицера. Если же ясашным будут от кого-либо налоги, взятки и грабежи, то поступать по указам: прав. сената 1745 г., октября 26, именным: 1754 г., июля 20, 1760 г., августа 16, 1763 г., июня 13 и прав. сенат. 1760 г., сентября 4, а для лучшего обхождения с камчадалами руководствоваться 22 и 23 пунктами инструкции, данной охотскому начальнику 22 февраля 1757 г. сибирским губернатором Мятлевым, по коей и вы должны заботиться отучать их от ленности.

15) Давно уже приняты были меры к размножению в Камчатке хлебопашества и скотоводства, и в некоторых годах был там хороший урожай, а рогатого скота в настоящее время там разведено до 200 голов. В 1767 г. в силу указа прав. сената отправлен туда для размножения хлебопашества сержант Рознин с земледельческим орудием и семенным хлебом, а в 1769 г. добровольно вызвавшийся со своими инструментами и семенами студент при бывшей камчатской миссии, посадский Рыжков, но урожай был мал. А с 30 апреля 1764 г. Государыня, присутствуя в сенате, Всемилостевейше пожаловала та-

мошным поселенцам доставленный в Камчатку скот, хлеб и разные земледельческие инструменты. По прибытии в Камчатку вы соберете подробные сведения: какой урожай был в каждом году и в каком месте, и по этому сообразите, где надо усилить хлебопашество, и требуйте для того посельщиков. Приставьте для присмотра за хлебопашцами надежных людей и старайтесь довести его до того, чтобы не встречалось надобности привозить хлеб с р. Лены.

16) А как во всей Камчатке ныне находится один мерин, один жеребец и три кобылы, то в Якутске купить вам 2 жеребцов и 4 кобылы, которых из Охотска отправить на Камчатку сухим путем вокруг моря. И отдать их в надежные руки для приплоду.

17) Именным указом 30 апреля 1764 г. повелено казенную соляную продажу в Камчатке прекратить, а предоставить без всякой пошлины выварку соли частным лицам, и все какие есть там для этого казенные припасы подарить тому, кто может сделать лучшее употребление. Но в 1769 г., 29 января и 1770 г., октября 19, Пленеснер донес, что вываркою соли в Камчатке частные лица не занимаются, потому что фунт меди там 1 руб., а дрова по 2 руб. сажень, а потому и соль обходится хозяину 5 и 6 рублей пуд, а в продаже до 8 руб. И тамошние жители вместо соли употребляют на соленье рыбы тополевый пепел, а потому в рыбных припасах крайне нуждаются и голодуют. При этом Пленеснер представил свое мнение, чтобы доставлять соль в Камчатку и Ижигу из Охотска и продавать ее по стоимости казне, с наложением провозной платы. Вследствие чего предписано было отправлять в Камчатку соль на казенных судах вместе с провиантом и продавать ее по 2 р. 5 к. пуд, не запрещая при том заниматься вываркою и частным лицам. Вам нужно будет убедиться, подлинно ли частные лица стараются вываривать для себя соль, и по какой цене у них она в продаже, и сколько можно заботиться приохотить их к выварке соли.

18) С 1732 г. в Камчатке началась выкурка из сладкой травы вина, которое продается казною. Вино это против хлебного гораздо хуже и имеет запах, и мало уже там употребляется, ибо по указу прав. сената 1769 г., января 1, купечество стало доставлять туда французскую водку, ром и другие виноградные вина. И так как известно, что сладкую траву на выкурку вина всегда доставляли камчадалы, оставляя для этого свои звериные промыслы, а оттого и взнос ясака в казну умалется, то не признаете ли удобным выварку вина из сладкой травы вовсе прекратить, а взамен того доставлять из Охотска хлебную водку и продавать ее там, соображаясь с ценами на водку, вываренную из травы и французской водки. Или нельзя ли отдать Камчатку, подобно другим губерниям, на откуп, и за какую цену? По всем этим предметам представить мне свое мнение и не приводя их без разрешения правительствующего сената в исполнение, а до того времени по-прежнему выкуривать вино из сладкой травы и к продаже онаго принимать старание.

19) По воеводскому наказу 7204 г. (1696), февраля 18, и инструкции 1743 г., марта 20, данной камчатскому командиру, повелено: неясашных людей вновь приискивать и в подданство приводить и с них ясак собирать ласкою, а не жестокостию. В силу этого наказа и инструкции вам стараться коряк, чукоч и других народов приводить в подданство ласкою, без всякой грубости.

20) Многие купцы, как при Охотском порте, так и в Камчатке, завели суда и посылают промышленников на известные и неизвестные еще острова для промыслу зверей, с платою в казну десятой части. Большерецкая канцелярия снабжала их наставлениями и книгами на основании указа правительствующего сената 1768 г., мая 22 дня. Вам оказывать им всевозможное содействие и стараться соединить этих купцов в одну компанию и представить ко мне свои соображения: 1) на каком основании делать отпуск судов на острова и 2) не следует ли на каждом судне посылать с казенной стороны для сбора ясаков и для описания вновь открытых островов.

21) Из прилагаемой карты усмотрите, что от самой Лопатки в полуденную сторону в море находятся Курильские острова, на которых живут ясашные курильцы, а на самых дальних мохнатые, а простираются те острова до Японского острова Матсмая. И хотя в 1766 г. для описания островов и разведывания тамошних жителей был послан в небольших байдарах из Камчатки, в бытность там командиром капитана Извекова, сотник Черной, который был даже на 19-м острове, но журнал его уцелел только черновой, а карты вовсе не было, и потому для объяснения он был вытребован в Иркутск, где от оспы умер, и журнал остался без объяснений. По тому же журналу значится, что по морским между островами проливам до 19-го острова расстояние от Камчатки 805 верст, да острова в длину 1 066 вер., а в ширину 566 вер. На всех тех островах он ясаку несколько собрал. Ему курильцы объявили, что на 22-й остров (Аткис) приходят два японских судна, а в недавних годах и на 20-й стали приходиться, с 16 человеками, и живут на тех островах месяца по два и покупают здесь жир, юколу, бобров, нерп, орловые хвосты, а продают вино, табак, хлебные припасы, озямы, небольшие серебряные сабли, ножи, топоры, котлы зеленой меди, да чугунные на ножках. При хорошей погоде с острова Матсмая японцы перебираются на 22-й остров в сутки, и, напротив, мохнатые курильцы с этого острова на байдарах ходят на Матсмая для торговли. Чтобы поверить эти показания, необходимо построить в Камчатке судно и послать его под видом звериного промысла на Курильские острова, даже до 22-го, а смотря по обстоятельствам и до Матсмая. Не вызовется ли для этого кто-нибудь из частных лиц, то отпуск учинить секретно, определяя на то судно знающего навигацию, а также и из бывших с Черным толмачей одного или двух, предписав делать на тех островах наблюдения над нравами и обычаями жителей, а также о положении мест, о реках, лесах, рыбных и звериных промыслах, и положить те острова на карту. При встрече же с японцами выведы-

вать, какие им потребны наши товары и какие от них получить можно, и по каким ценам, и невозможно ли сделать с ними торгового договору, причем показывать им всякую благопристойность. Мохнатых курильцев ласкою склонить в подданство наше и предложить, не согласятся ли они, чтобы посмотреть российское обхождение, по одному человеку отпустить на судно с тем, чтобы они на хорошем корму и в довольном призрении были.

22) Если на Камчатку попадут каким-либо случаем иностранцы, или же будут привезены с островов с их согласия, то их отправлять на казенном содержании в Охотск, где удовлетворять кормом без недостатку и не отпускать оттуда до указа из Иркутска. И между тем обучать говорить по-русски, а которые пожелают, то читать и писать, а равно, выбрав детей казачьих, и обучать их толмачить на иностранных языках, а если можно, то и писать

23) Хотя для доставления в Камчатку грузов и имеются транспортные суда, но для курьеров и почты необходимо завести два легких судна. О чем посоветуйтесь в Охотске с морскими офицерами и приведите в исполнение, если усмотрите в том пользу. Для чего потребуйте от Охотского командира мастеровых и разные судовые припасы, а также штурманских учеников. Распределите рейсы этих судов так, чтобы одно судно выходило из Охотска в то время, когда другое должно возвращаться из Камчатки.

24) Так как якоря и прочее железо для судохозяев вывозится в Камчатку отсюда, чрез не малое расстояние, то озаботиться, не найдутся ли в Камчатке железные руды, чтобы завести там небольшой железный завод. А также отыскивать и другие металлы и минералы и разные курьезные вещи, как-то: окаменелости, раковины, черепахи и т. д.

25) От 3 октября 1771 г. полковник Зубрицкий представил, что нашел он лучшую и способную дорогу от Большерецка до Верхнекамчатского острова, короче прежней на 300 верст, и потому предполагает бросить прежнюю, трудную и гористую. Рассмотрите это обстоятельство и, если найдете удобным, то сделайте поселения по новой дороге из тамошних камчадалов, с согласия старшин, наблюдая при этом, чтобы поселенцы были размещены по самым выгодным местам для их жительства.

26) Осмотреть по камчатскому берегу около Олоторского мысу, не надлежит ли где построить для защиты всей Камчатки редуты и караулы, и от рек прямо к Пенжинскому морю сделать укрепления засеками или другим чем, а потому и могла б вся Камчатка остаться под защитою тех редутов и укреплений, без всякой опасности от олоторцев, чукоч и коряк. Все укрепления необходимо снабдить людьми, порохом и свинцом и приличною инструкциею.

27) О всех чрезвычайных случаях рапортовать немедленно, а самому поступать по силе указов.

28) А как не бывши в Камчатке трудно определить в инструкции все обстоятельства, то если встретится что-либо новое к пользе Высочайших инте-

ресов и тамошних жителей, то предпринимать, если от того ничего вредного не приключится. А если время дозволит, то лучше писать обо всем в Иркутск.

29) Впрочем, что касается до дел, тайности подлежащих, то поступать по силе указа 17 января 1724 г.».

По прибытии в Охотск Бем старался ознакомиться там по расспросам и донесениям прежних командиров с бытом нижних чинов, служащих в Камчатке, и послал оттуда донесение Вяземскому о их бедственном положении. По этому поводу 10 декабря 1774 г. состоялся сенатский указ на имя сибирского губернатора об устранении всех недостатков в продовольствии нижних чинов в Камчатке.

17 сентября 1773 г. Бем отправился в Камчатку с 4 судами, на которых было погружено 8 908 пуд. провианта, 763 пуд. соли, 100 пуд. пороху, пушки, ядра, свинец и прочие военные припасы. 12 октября суда прибыли в Камчатку, а 15-го Бем вступил в управление.

В это время к иркутскому губернатору Брилю поступили три проекта об осмотре Чукотской земли и Северной Америки. Первый от начальника иркутской навигацкой школы Татаринова, который предполагал сделать морское путешествие из устья р. Лены вокруг Чукотки до Камчатки и на пути *осмотреть Америку*. Второй проект получен от якутского дворянина, природного чукчи Дауркина. Он просил дать ему геодезиста и 4-х казаков, с которыми предполагал осмотреть и описать землю чукоч и сопредельную к ней Америку. Дауркин в проекте своем между прочим упоминал, что по распоряжению Чередова он с 7 января 1763 г. по август 1764 г. был уже в Чукотии, где живы еще его родные, и что он осведомился там о *матерой земле* за Чукотским носом, которую предлагал осмотреть и описать, но не был отпущен капитаном Перепелкиным. Третий проект представил гражданин гор. Берлина студент Фридрих Сирин. Он предлагал личные свои услуги к осмотру Чукотской земли и Америки, если ему будут даны денежные средства и приличное число военной команды.

Бриль по рассмотрении этих проектов сделал следующее решение: «Желания всех, представивших проекты, затруднительны и казне убыточны, а именно: Татаринов хочет идти морем, тогда как капитан-лейтенант Лаптев не мог пройти далее устья р. Колымы. Потом судно купца Шалаурова и К^о по выходе из устья р. Колымы пропало без вести. Дауркин же, как чукча, *всякой отчаянности подвержен*. Если в то время, когда существовал Анадырский острог, чукчи были в постоянной измене, то что же можно ожидать от них теперь? Не менее того неудобен и проект Сирина. Он предполагает построить два судна на р. Анадыре и на них с 40 человеками команды отправиться в путешествие. До Анадыра же он намерен дойти двумя партиями: одна через Колыму, а другая из Охотска через Ижигу. Предположение это неудобноисполнимо, потому что трудно и даже невозможно доставить к Ана-

дыру все необходимые материалы для строения и вооружения судов, а также и продовольствие для команды на несколько лет. Да и рискованно подвергать людей гибели от чужков. К тому же Сирина, как иностранцу, верить это дело сомнительно. Итак, нахожу, что отправлять для открытий кого-либо из трех *крайне опасно и невозможно*».

Самые же проекты были отосланы к Бему, которому Бриль предписал: «разведать на месте: можно ли для предполагаемого описания Чукотии и известия о Северной Америке на основаниях, указанных этими лицами, или других, отправить туда экспедицию?» При этом Бриль командировал Дауркина в распоряжение Бема.

По прибытии в Камчатку Бем, прежде чем приступить к каким-либо распоряжениям, счел необходимым ознакомиться с условиями вверенного ему края и бытом его обывателей. Для этой цели он посетил многие селения инородцев, входил в мельчайшие подробности их жизни и как нежный отец не отказывал никому в добром совете и рассмотрении жалоб, хотя бы оне касались только семейной жизни. Примером своим он укротил наглость служилых, примирил их с туземцами и уничтожил, по возможности, взяточничество. Словом, его уму, честности, энергии и справедливости во всех действиях туземное население обязано своим освобождением от рабства и угнетения, тяготевших на нем более полувека. Хорошая память о Беме сохранилась в Камчатке и по настоящее время.

Забываясь о продовольствии жителей полуострова, он в каждом селении завел общественные и частные огороды и приохотил камчадалов к разведению картофеля. Не менее того было обращено им внимание и на хлебопашество. Кроме имевшихся уже двух заимок (сибирское название фермы), Камчатской и Ключевской, была заведена еще образцовая казенная заимка, где в первые годы управления Бема рожь родилась сам-тринадцать, и даже сам-четыренадцать, а ячмень сам-пять и сам-шесть; но последующие затем опыты, несмотря на все заботы Бема и личный надзор за крестьянами, привел к прежним печальным результатам, и Бем писал в Иркутск, что на хлебопашество в Камчатке нельзя рассчитывать, потому что в иные годы случаются там морозы в исходе июня и в первых числах июля.

До 1774 г. в Камчатке железо продавалось по баснословно высоким ценам. Бем, чтобы удешевить этот необходимый в хозяйстве туземцев металл, обратил внимание на существовавший уже в Камчатке железодельный завод.

Железное производство началось в Камчатке в 1752 г. Иркутский мещанин Семен Глазачев, находясь по торговым делам в Камчатке, открыл железную руду около Верхнекамчатского острога в Мильковском селении и в этом же году без посторонней помощи выделал и отослал в Большерецкую канцелярию 20 пудов железа с просьбою дать ему на это производство привилегию с тем, чтобы десятая часть железа поступала в казну. Привилегия была выда-

на, и Глазачев снабжал железом охотские суда в счет следующей с него 10-й части, а остальное продавал частным лицам. Бем убедил Глазачева сдать завод в казну с тем, чтобы он остался мастером на этом заводе за жалование из казны. Бем усилил производство завода и назначил смотрителем его сержанта *Телеутова*, которому предписал: «Иметь крепкое смотрение и неослабное принуждение к добыче руды и выплавке железа». Выделка железа производилась обыкновенно летом, а зимою подвозилась только руда. Из 210 пуд. руды добывалось 20 пудов железа.

27 мая 1769 г. сенат по ходатайству Бема разрешил производить Глазачеву, кроме жалования... летом по 5, а зимою по 4 коп. В 1775 г. Глазачев оставил службу в заводе, и вместо него назначен был мастером казак Ребров. С 1774 г. по 1780 г. выделано железа 274^{1/2} пуда и продавалось, хотя и дорого, по 13 р. 80 коп. кричное и 6—7 р. полосовое, но все-таки далеко дешевле прежней цены. По неимению настоящего мастера, оно не отличалось и хорошими качествами, но, тем не менее, покупалось охотно. Преемник же Бема, майор Шмалев, за *скудость руды и непрочность железа* закрыл этот завод.

До Бема соль продавалась в Камчатке от 6 до 8 руб. за пуд, тогда как камчатские жители в течение всей зимы питаются почти одною только вяленою рыбою, заготовляемой летом. Хотя 30 апреля 1764 г. и было Высочайше разрешено камчатским жителям солеварение из морской воды; но по неимению средств к приобретению всех необходимых к этому делу приспособлений частные лица не могли начать этого производства в больших размерах. Бем стал вываривать соль на казенном заводе и продавал ее ежегодно от 500 до 700 пудов, по 35 к. за пуд.

Грубое и бесчеловечное обращение наших промышленников на островах с туземцами заставило Бема назначать на каждое промышленное судно по два грамотных унтер-офицера с тем, чтобы они смотрели за поведением команды, заботились о сборе с островитян ясака и вели бы журнал всему виденному ими на островах.

До 1769 г. в Камчатке собирался ясак по переписке Цея, несмотря на то, что почти половина ясашных плательщиков умерла от оспы. Обстоятельство это было причиною, что на оставшихся в живых камчадалах до прибытия в Камчатку Бема накопилась недоимка до 20 тыс. рублей; Бем исходатайствовал разрешение о сложении этой недоимки и распорядился сделать новую перепись инородцам.

Старанием Бема доходы казны увеличились на полуострове до того, что на них он содержал всех служащих и выполнял свои предприятия по устройству края, не требуя никаких сметных ассигнований на расходы и, кроме того, сдал своему преемнику 50 000 казенных денег.

В 1774 г. доходы казны простирались в Камчатке до 57 778 руб. 40 коп. (ясаку на 2 288 р. 70 коп.; подушных 419 р. 74 к.; винных 6 789 р. 21 к.; с лавок

418 р. 80 к.; неокладных сборов 31 854 р. 95¹/₂ к.; 10 % с промыслов 18 257 р. 60 к. и с неполных десятков 41 р. 10 к. — *Авт.*); в 1775 г. — 32 278 р. 74 коп. и в 1776 г. — 27 056 р. 76 к., кроме ясачного и винного сбора в Ижигинском округе, где считалось тогда 355 ясашных плательщиков.

Всех военных служащих считалось в то время в Камчатке: в Большерецке 152, в Петропавловской гавани 32, Верхнекамчатске 55, Нижнекамчатске 102, в Тигиле 88 и Ижиге 263. Весь расход на содержание их, а также лиц гражданского и духовного ведомств простирался деньгами до 26 859 р. 38 к. и провиантом на 11 844 р. 93 к.

Скудное содержание нижних чинов при страшной дороговизне в Камчатке на все жизненные припасы было далеко недостаточно для обеспечения их быта, и потому по издавна заведенному порядку они распускались обыкновенно на летние месяцы для заготовления себе на зиму продовольствия и, разумеется, в ущерб служебным обязанностям. Бем неоднократно представлял иркутскому губернатору о необходимости увеличения им содержания в размере 15 руб. в год каждому, в том внимании, что в Камчатке вяленая рыба, служащая вместо хлеба, продается по 3 и 4 руб. за полсотни, не говоря уже о других предметах продовольствия. Кроме того, указывал на несправедливый закон, по коему производится казакам содержание вполовину меньше противу солдат, тогда как они несут одинаковую служебную обязанность с последними. Для покрытия же этих новых расходов он предлагал учредить в Камчатке банк для выдачи надежным купцам и промышленникам денег под проценты с ручательством других лиц.

Бем привел, насколько возможно, в порядок все камчатские укрепления и распределил по ним гарнизон. Тигильскую крепость обнес валом, построил в ней новые укрепления и казармы для нижних чинов. Кроме того, вновь построил *Начикинский* острог.

Не менее того Бем заботился и о народном образовании. Представлял иркутскому губернатору о необходимости учреждения на полуострове школ гражданского ведомства для обучения грамоте туземцев; но на представление это не получил никакого ответа, и потому обратил свое внимание на улучшение военных школ. По штату 1773 г. в школах этих положено иметь определенное число учеников, и именно: в Большерецке и Верхнекамчатске по 15, Нижнекамчатске 10 и Тигильской крепости 30 человек. Учителями в них назначались грамотные унтер-офицеры. На жалование же школьникам по тому же штату положено 4 272 р., кроме казенной одежды и провианта. Бем на эти же средства нашел возможным увеличить число штатных учеников вдвое и, кроме того, приказал обучать в этих школах детей туземцев и прочих жителей.

Бемом была устроена в Большерецке первая больница, в которую по его же ходатайству был выслан лекарь Робек — первый медик, назначенный на постоянную туда службу.

Для составления карты полуострова Бем распорядился съемкою, поручив это дело штурманам-ученикам под наблюдением старшего из них Измайлова. Глазомерная съемка была произведена от Большерецка до Тигиля и от Тигиля по пенжинскому берегу до р. Пустой; от р. Пустой через хребет на р. Олютору; с Олюторы по берегу до Укинского острога и обратно на Карагу; с Караги через хребет на р. Лесную и с Лесной через Тигильскую крепость до Большерецка. Съемка начата 27 октября 1775 г. и окончена 25 февраля 1776 г.

В 1777 г. были окрещены жители Карагинского острога. Бем переселил их в Олюторские острожки, пострадавшие от оспы, а впоследствии они слились с олюторцами; заселил тракт между Большерецком и Верхнекамчатском, открытый в 1765 году; уничтожил вовсе несколько селений, жители которых по местным условиям затруднялись в приобретении себе продовольствия, переселил их в более удобные места.

Кроме того, многие предположения его, по неполучению разрешения от иркутского губернатора, остались невыполненными. Мы укажем здесь только на главнейшие из них: 1774 г., декабря 6-го Бем представлял о необходимости заведения в Камчатке навигацкой школы для приготовления штурманов на промышленные суда, которые, находясь под управлением людей почти вовсе непосвященных в морские науки, беспрестанно терпели крушения; просил разрешения о переносе главного управления Камчаткою в Тигильскую крепость, находящуюся в центре полуострова; представлял об учреждениях во всех главнейших крепостях больниц, хотя с одним лекарем, на счет камчатских доходов; предполагал подчинить охотское управление камчатскому или обратно, так как, по его мнению, только при этих условиях можно было ожидать своевременного снабжения Камчатки провиантом и другими потребностями. При этом Бем писал в Иркутск: «В настоящее же время на все мои требования охотский командир *отзывается с грубостию*».

В 1769 г. чукчи напали на коряк и олюторцев, угнали оленные табуны и несколько человек пастухов убили. В видах обеспечения на будущее время коряк от нападения чукоч, Бем проектировал устроить крепости на р. Пенжине и Олюторе, а на р. Майне, где обыкновенно олени переправляются во время перехода их к Ледовому морю и обратно и мимо которой реки нельзя обойти чукчам, устроил форпост. «Тигильская же крепость, — доносил Бем, — не защищает Камчатку от набегов чукоч, которые могут пробраться в Нижнекамчатск по восточному берегу полуострова. Устройство же редутов поперек всего полуострова не только неудобно, но даже и невозможно по значительности пространства, занимаемого полуостровом».

Но новый иркутский губернатор Немцов, человек честолюбивый и мелочной, будучи недоволен Бемом за его переписку с князем Вяземским, не обращал на представления Бема внимания и писал ему, *чтобы он больше*

занимался делом, нежели бесплодными проектами. В особенности Немцов стал притеснять Бема с того времени, когда прислан был к последнему прямо от князя Вяземского курьер с секретным письмом и возвратился опять с письмом Бема.

Наконец Бем после ряда оскорблений, сделанных ему Немцовым, написал к нему письмо с просьбою объяснить ему причины, послужившие поводом к этим неприятностям. Немцов ответил ему новым оскорбительным предписанием, в котором, не стесняясь, указал на сношения его с Вяземским. Бем препроводил к Немцову копию с переписки своей с Вяземским, объяснив ему, что делает это только для того, чтобы доказать, что в сношениях его с Вяземским *нисколько не имеется такой склонности, которая бы могла вредить чести его.*

Из переписки этой видно, что Вяземский по поручению Императрицы писал Бему, чтобы в случае неприятельского нападения на Камчатку он не допустил бы врагов похвастаться победою. На что Бем отвечал: «Я почитаю жизнь свою наименьшей жертвою, если случай потребует лишиться оной для пользы государственной». Кроме того, Вяземский 27 апреля 1775 г. уведомлял Бема, что Императрица разрешила ему производить жалованье по 1 000 руб. Содержание же остальных писем Бема заключалось в сообщении сведений о положении жителей Камчатки и о мерах, принятых им к улучшению их быта.

Но и эти убеждения не подействовали на Немцова, который, получив от иркутского архиерея письмо о притеснениях, будто бы делаемых *иноверцом Бемом* православному духовенству в Камчатке, написал Бему самое дерзкое предписание, так что Бем решился ответить ему следующим интересным рапортом: «Покорнейше прошу определить положительно отношения здешняго духовенства к начальнику, ибо оно вмешивается не в свои дела, и даже не дает мне ответов на мои запросы. А как держит себя здесь духовенство, то стыдно и сказать! Виноват, конечно, во всем протопоп Никифоров, которому я неоднократно сообщал о разврате здешняго духовенства. Но и сам-то Никифоров такой же, как и прочие. Например, он в компании поссорился с прапорщиком Шкутиным и жаловался на него мне; я арестовал этого офицера, а после узнаю, что Никифоров, кроме того, не дал ему в церкви при всем народе целовать креста, как оглашенному. Разумеется, я хотел об этом донести, но Никифоров выпросил у меня и Шкутина извинение.

До моего прибытия в Камчатку начальник миссии давал от себя предписания командирам судов о принятии на их суда духовенства. Я это запретил. Отвратить же духовенство от беспорядков при настоящих обстоятельствах некому: оно пишет себе, что хочет, епархиальному начальству, и ему верят.

Но дабы вы не думали, что все мои прежния предположения я делал в свою пользу, то для этого и по *вольности дворянства подаю в отставку*, тем

более, что я [имею] слабость от частых болезненных припадков и неспособен уже для дел, то полезность та не для меня, а для воинских команд, прочаго общества и будущего командира, котораго признают к определению достойным» (рапорт Бема от 31 августа 1777 г. — *Авт.*).

Но злой Немцов не желал ограничиться одною отставкою Бема. Он, как видно, ждал случая предать его суду, в чем и успел. В декабре 1774 г. Бем отправил дворянина Дауркина из Большерецка в Ижигу с тем, чтобы он в случае прихода туда чукоч вступил с ними в торговые сношения и убедил их добровольно принять подданство России. Дауркин 2 марта 1775 г., узнав, что чукчи подходят к Ижиге, вышел к ним навстречу по дороге к Каменскому острогу с 20 солдатами и на другой день рано утром встретил чукоч, которые, увидав русских и ожидая их нападения, надели на себя куяки и вооружились копьями и стрелами. Но Дауркин вступил с ними в переговоры и убеждал идти в Ижигу для уплаты ясака. На пути они встретили партию русских и коряк под командою прапорщика Мордовского. Чукчи расположились лагерем возле этой партии, а в Ижигу послали парламентаров, которые согласились дать ясак; но отказались только выдать аманатов. Начальник же ижигинской команды, пьяный капитан Пересыпкин, будучи недоволен этим отказом, вышел со всем гарнизоном из Ижиги и 9 марта напал врасплох на чукотский лагерь. Чукчи взялись за оружие, но не устояли противу русских. В этой стычке было убито 50 чукоч, много взято в плен коряками, а казаки выбрали себе нескольких женщин *для блуда*; а остальные чукчи разбежались.

Происшествие это ужасно беспокоило Бема, и он просил князя Вяземского, чтобы тот убедил Императрицу в безучастии его в этом бесчестном деле. Немцов же, пользуясь этим случаем, послал в Камчатку полковника Кирсанова для производства строжайшего следствия над Бемом и Пересыпкиным, предписав Бему находиться у него в повинении. Кирсанов прибыл в Ижигу в сентябре 1778 г. и на другой год выехал в Иркутск. По окончании следствия Бем был предан суду. Но, несмотря, однакож, на все происки Кирсанова и Немцова, он по суду оправдан, а Пересыпкин разжалован в рядовые.

В 1776 г. чукотский тоен Амулят пришел в коряцкую землю с 180 чукчами, чтобы *учинить воинской поиск на верноподданных коряк* в отмщение за прошлогоднее поражение. Чукчи сделали несколько убийств на реках Апуке и Пахаче и отогнали несколько табунов коряцких оленей.

По получении указа об отставке, Бем 14 марта 1779 г. сдал должность старшему по себе капитану Василию Шмалеву, и весною хотел уже выехать в Охотск; но непредвиденные обстоятельства заставили его снова вступить в дела управления.

В исходе апреля 1779 г. прибыл из Петропавловского порта в Большерецк курьер с известием, что 18 апреля пришли в гавань два английских военных судна под командою капитана Клерка: одно 26-пушечное трехмачтовое,

а другое 22-пушечное двухмачтовое. С тем же курьером было поручено донесение штурмана Измайлова с о-ва Уналашки, доставленное в Камчатку Клерком, в котором Измайлов писал, что 23 сентября 1778 г. суда эти пришли к северной оконечности Уналашки, где стояли на якоре до 15 октября, и что во все это время он оказывал команде судов содействие к приобретению рыбы и свежей воды, причем по незнанию английского языка вместо разговора *маячил*.

Здесь надо заметить, что по окончании второй экспедиции Беринга Петропавловская гавань совершенно опустела. Там жил только сержант с десятью солдатами для присмотра за разными экспедиционными вещами. Все строения Беринга давно сгорели, а церковь разрушились. При заботах же правительства об укреплении Камчатки никому не приходило в голову, что иностранцы могли сделать нападение на Камчатку с этой стороны, а потому гавань оставалась без всякой защиты. При таких условиях известие о приходе туда иностранной эскадры не могло не навести страха на всех жителей полуострова, тем более что все подготовлены были к неприятельскому нападению на Камчатку рассказами Бенъевского и беспрестанными указами начальства о принятии мер к обороне.

Большереецкая канцелярия, несмотря на заверение Измайлова, что суда эти не неприятельские, *потому что с ним и на пустынном острове обходились ласково* (Измайлову Клерк подарил квадрант, шпагу и карты южного полушария и входа в Петропавловскую гавань. — *Авт.*), не хотела верить, чтобы они пришли с добрым намерением. И потому был собран военный совет, который под председательством Бема решил по недостатку артиллерии и команды не предпринимать пока никаких решительных мер; но послать на эскадру депутацию из лиц не служащих с письмом от Бема, который остался во главе управления, потому что считал бесчестным оставить край в такой критический момент. Депутатами были избраны: крепостной человек Бема — *Пота*, знавший немецкий язык, купец *Посельский* и прикащик купца Панова.

Кроме того, был послан нарочный в Нижнекамчатск, чтобы там имели предосторожность от англичан, а в Верхнекамчатск послано предписание, чтобы в *сикурс* отправить всех лишних солдат в Петропавловскую гавань, с исправною аммуницією и ружьями; взамен же этой команды передвинуть 20 человек в Верхнекамчатск из Тигильской крепости. В случае же неприятельских действий со стороны иностранцев приказано вооружить всех окрестных обитателей и *чинить отпор*.

Между тем депутация прибыла в Петропавловскую гавань и была принята англичанами очень любезно. Клерк просил депутатов снабдить эскадру скотом и провиантом; но как просьба эта не могла быть исполнена без разрешения Бема, то Клерк, в свою очередь, послал в Большереецк депутацию,

состоящую из капитана Гора, лейтенанта Кинга и живописца Вебера, знавшего немецкий язык. Депутация эта прибыла в Большерецк 30 апреля вместе с нашей депутациею.

Шмалев доносил в Иркутск: «Оные гости нами с Бемом с надлежащим по званию их почтением, с оказыванием благопристойности приняты и на собственном нашем коште содержаны и по здешнему месту, сколько возможно, были довольствованы, т. е. чаем и сахаром снабжены из нашего кошта безденежно, в чем они весьма довольными отзывались».

Клерк сообщил Бему, что на одном из их судов *Resolution* команды 114 человек, а на другом *Discovery* 70 человек. Эскадра эта по открытии Сандвичевых островов отправилась к северо-западному берегу Америки, которого определила общее направление, заходила на Уналашку и потом прошла через Берингов пролив до шир. 70°44', где остановлена была льдами. Возвратясь к югу, она посетила снова Сандвичевы острова, где начальник экспедиции Кук 14 февраля был убит (это была третья экспедиция Кука. — *Авт.*). После того принял начальство над экспедициею Клерк.

Бем распорядился послать на эскадру из Нижнекамчатска двадцать голов рогатого скота, *в то число, по слабости здоровья главнокомандующего, две дойные коровы для пропитания молоком* и, кроме того, 250 пудов ржаной муки. Все это отпущено англичанам безденежно, «ибо, — писал Шмалев, — по казенным ценам мука стоит 2 р. 50 к. пуд, а бык 80 руб. Если потребовать с них деньги, то они хотя бы по нужде и заплатили; но сочли бы это за немалое притеснение».

2-го мая английская депутация выехала из Большерецка *с принадлежащим почтением и пушечной пальбой*. С нею отправился на эскадру и Бем, который провел с англичанами четверо суток, и при съезде с судна на берег ему салютовали с обоих судов по чину адмирала.

Бему англичане подарили разные вещи, вывезенные с островов, квадрант и несколько зрительных труб. Бем все эти вещи передал в большерецкую канцелярию, которая на основании Высочайшего повеления, чтобы все вывезенные с островов *курьезныя* вещи доставлялись в академию, — отправила их в Петербург.

5-го июня английская эскадра ушла в море. Бем и Шмалев снабдили Клерка указом к нашим промышленникам на островах, чтобы они *старались оказывать англичанам почтение и дружество*. Клерк в письме своем к Бему объяснил, что в апреле будущего года он снова с эскадрой придет в Петропавловскую гавань и просил его заготовить к их приходу несколько штук скота, 3 бочки смолы, 2½ пуда ниток парусных, 100 иголок, 4 куска парусины, два троса в 4½ дюйма и 2½ дюйма, гвоздей разных 2½ пуда и 100 березовых плах. Бем все хлопоты о присылке просимых ими вещей принял на себя и в июне 1779 г. выехал в Иркутск.

Несмотря на все заверения англичан, что они путешествуют с ученою целию, Шмалев не верил им и убеждал иркутского губернатора о скорейшей высылке в Камчатку солдат, пушек и пороху.

В рапорте своем к генерал-губернатору Шмалев, между прочим, писал, «что, хотя иркутский губернатор предписывал, чтобы в случае прибытия в Камчатку иностранцев не допускать их съезжать на берег более 10 человек, и то для самых необходимых надобностей, но я не встречаю возможности исполнить этого предписания, потому что все ружья у казаков негодныя. Из Якутска и Охотска высылают в Камчатку только те из них, которыя не могут быть употреблены там в дело. Хорошей артиллерии и канониров также нет. Все имеющиеся здесь пушки скорее сделают вред нашей прислуге, чем неприятелю, а канониры вовсе не знают своего дела, так что при пальбе в высочоторжественные дни редко обходится без несчастья. При отбытии англичан из Большерецка, служителя, заряжавшего пушку, *совсем разбило*».

Новый иркутский губернатор Кличка донес обо всем этом князю Вяземскому, присовокупив при том, что с вновь назначенным в Камчатку командиром, коллежским асессором Рейнеке, он пошлет к морю подкрепление; но не надеется, чтобы Рейнеке мог прибыть в Камчатку ранее 1780 г.

Что же касается до требуемых англичанами материалов, то он выписал часть их из Москвы с особым нарочным, а тросы приказал выслать из Енисейска.

На донесение это князь Вяземский 10 декабря 1779 г. писал Кличке, что по докладу Императрице донесения о приходе в Камчатку англичан, Ея Величество изволила указать, чтобы: 1) выданный Клерку провиант и скот были приняты на счет казны; 2) заготавливаемый вновь скот и другие припасы также отнести на счет казны, ибо за все это заплатит английский посланник в Петербурге; 3) Камчатку привести в оборонительный вид непременно, так как путь туда сделался уже известен иностранцам.

Кличка, получив это распоряжение, предписал Рейнеке построить в Петропавловской гавани редуты; но как не было в Иркутске инженера для этих работ, то командировал из навигацкой школы сержанта, *знающего хорошо рисование* (!). С Рейнеке было отправлено 4 канонира, 3 унтер-офицера, 5 пуд. пороху, 50 пуд. свинцу и 50 ружей *годных*. Для пользования же больных в Камчатке по недостатку в Иркутске медиков послан с Рейнеке иркутского баталиона сержант, знавший лечить от оспы.

Между тем Кличка получил следующее донесение Шмалева от 1 ноября 1779 г.: «Та же английская эскадра пришла в Петропавловскую гавань 13 августа 1779 г. под командованием капитана Гора, капитан же Клерк умер на пути в Камчатку. Все требуемые англичанами в первое прибытие припасы доставлены из Охотска в Петропавловскую гавань 30 августа на судне «Святой Георгий», а 18 июля пригнан в гавань скот из Нижнекамчатска».

Шмалев посетил эскадру и был принят Гором с пальбою из всех орудий. После того участвовал при погребении Клерка. «На северной стороне гавани, — доносил Шмалев, — англичане устроили ему могилу у березового дерева; обложили ее дерном и обнесли частоколом. Самое погребение производилось при пушечной пальбе, *по своему закону*» (в 1787 г. в бытность Лаперуза в Петропавловской гавани французы над могилою Клерка поставили небольшую гробницу с вырезанною на медной доске надписью на французском языке о заслугах этого мореплавателя. — *Авт.*).

В другом же донесении Шмалев писал: «Я должен сознаться вашему превосходительству, что брал с собою в Петропавловскую гавань вместо переводчика ссыльного Ивашкина, знающего немецкий язык».

1-го октября оба судна ушли в море. За содействие экспедиции Бем впоследствии получил от английского правительства большую серебряную вазу, а Шмалев столовые часы, принадлежащие Куку. Часы эти и по настоящее время целы и хранятся у иркутского протоиерея Громова.

11-го сентября 1780 г. прибыл в Камчатку новый *главный командир* из военных, коллежский ассессор Франц Рейнеке (отец бывшего директора гидрографического департамента Михаила Францовича Рейнеке. — *Авт.*), который и принял управление от капитана Шмалева, назначив последнего командиром Тигильской крепости. Рейнеке был назначен главным командиром по представлению Клички и утвержден в этой должности 30-го мая 1779 г. с жалованием по 1 000 рублей.

Рейнеке было поручено обратить внимание на хлебопашество, огородничество и садоводство; он устроил на р. Мильковой первую водяную мельницу, которая существовала до 1830 г., и завел ручные жернова. В 1782 г. было посеяно 173 пуда ржи, 49 пуд. ядрицы, 33 пуда овса, 1½ пуда пшеницы и 20 пуд. конопляного семени; но урожай был до того скуден, что крестьяне не могли собрать и того количества хлеба, которое было посеяно. Строгими мерами поддерживал общественные и частные огороды, заведенные при Беме. Разослал по всем острожкам наставления, как разводить картофель и разные огородные овощи. Вообще можно сказать, что огородничество было при нем в самом цветущем состоянии. Не менее того обращал внимание и на скотоводство. В 1781 г. было в Камчатке 138 лошадей и 272 штуки рогатого скота. Рейнеке писал в Иркутск, что по рекам и озерам трава бывает выше человеческого роста, и сено можно ставить два раза в лето.

Рейнеке возобновил брошенный при Шмалеве железный завод и построил в нем две новые печи. Производил под личным своим наблюдением выделку железа, которого из 8 пуд. руды выходило 22½ фунта. Но так как пуд камчатского железа обходился при нем по 10 руб., а привозное значительно понизилось в цене и продавалось уже не дороже 5 руб. за пуд, то Рейнеке отдал завод в аренду крестьянину Попову и кузнецу Протасову на следую-

щих условиях: 1) чтобы они поставляли железо в казну то той цене, по какой обходится иркутское железо с доставкой в Камчатку; 2) взамен поступившего к ним вместе с заводом казенного имущества они обязаны доставить в казну столько железа, сколько весят все принадлежащие заводу металлические вещи и инструменты и 3) обучать без особой платы железному производству казенных учеников. Но через три года лица, взявшие завод в аренду, по незначительности доходов закрыли его действие.

Доходы Камчатки простирались при нем до 25 тысяч рублей. Он предполагал, по мысли Бема, перенести главное управление Камчаткою в Тигиль; но по причине постоянного неулова рыбы в р. Тигиле отменил свое намерение. После того привел в порядок полуразрушенные здания в Большерецке и построил там новую церковь.

Рейнеке был человек деятельный и честный; но, несмотря на эти прекрасные качества, он оставил по себе недобрую память за жестокое обращение с своими подчиненными. В Камчатке и по настоящее время сохранилось приращение об одном начальнике, засекшем до полусмерти казака за то, что собака его разорвала курицу начальника. А этот грустный факт случился при Рейнеке в 1782 году.

Между тем с открытием губерний и Камчатка получила одинаковый образ управления с другими провинциями европейской России. По указам 19-го марта 1782 г. и 2-го и 6-го марта 1783 г. учреждены в Сибири наместничества и особая Охотская область, независимая от Якутской, в состав которой вошла и Камчатка с тремя округами: Ижигинским, Акланским и Нижнекамчатским. Главное управление Охотской областью поручено было охотскому коменданту; в прочих же городах положено иметь разные присутственные места и городничих, а в округах исправников. Таким образом Камчатка снова была подчинена охотскому начальнику.

На основании этих указов иркутское наместническое правление предписало Рейнеке открыть города: Ижигинск, Акланск и Нижнекамчатск с их округами и присутственными местами. Городничим же в Камчатку был назначен коллежский ассессор Орленков с тем, чтобы он жил в Нижнекамчатске и управлял всем полуостровом по инструкциям охотского коменданта.

Рейнеке перенес управление из Большерецка в Нижнекамчатск и открыл там присутственные места 27-го февраля 1785 г. Но к открытию Акланского округа встретилось затруднение, потому что города Акланска вовсе не существовало и его приходилось выстроить вновь. Акланский же острог, оставленный русскими осенью 1746 г. и выжженный коряками в 1748 г., уже не был возобновляем по близкому к нему соседству Ижигинской крепости. Между тем на р. Аклане находились кочевья коряк, которые сильно противились устройству у них города. Рейнеке, опасаясь новых с их стороны возмущений, решился основать город на реке Паллане, куда и послал команду для

постройки необходимых зданий. Но место, выбранное Рейнеке для города, оказалось безлесное и неудобное для рыбных промыслов. Камчатские же старожилы представили Рейнеке много выгод к постройке города на р. Аклан, изобилующей рыбою и строевым лесом. Кроме того, при существовании тут города, надеялись на развитие торговли с чукчами и коряками. Охотские же грузы предлагали доставлять на судах в Каменскую губу, удобную для якорной стоянки и находящуюся недалеко от устья р. Аклана. Недоразумения эти Рейнеке послал на разрешение в Иркутск, а акланское управление временно устроил в Тигиле. Начатые же работы на Паллане коряки сожгли, а рабочих разогнали.

Пока решался вопрос, где быть городу Акланску, наводнившая Камчатку толпа пьяных подьячих стала заводить новые порядки в округах. Начались небывалые разъезды по полуострову чиновников и казаков и, разумеется, без платежа прогонов. Камчадалы послали депутацию в Нижнекамчатск, которая жаловалась, что подобные разъезды отвлекают их от обычных занятий и лишают запасов собачьих кормов; но городничий отвечал, что все это *необходимо для нового порядка*. В акланское управление выбрали двух сельских заседателей из коряк, которых и привезли в Тигиль силою. Они, не понимая вполне своего назначения, считали себя чем-то вроде аманатов, и один из них бежал; но был пойман и *наказан Орленковым плетью*.

Кроме городничего Орленкова, в нижнекамчатский округ был послан из Иркутска исправник барон Штенгель. По инструкции, данной Штенгелю, ему предоставлены были отдельные права над округом, с тем только, чтобы он содействовал городничему в делах управления. Обстоятельство это было причиною, что и Штенгель считал себя независимым командиром. Служащие, нередко получая от них противоречащие приказания, не знали, кому и повиноваться, а с туземцев собиралась чащина земскими чиновниками для других начальников. Рейнеке, разобрав дело, сменил Штенгеля и поручил его округ капитану Шмалеву.

Открыв ижигинские присутственные места, Рейнеке в 1785 г. послал партию казаков на р. Пенжину для отыскания удобного места для постройки г. Акланска, так как иркутское начальство поручило ему самому решить вопрос, где удобнее построить этот город. Но коряки, боясь близкого соседства ненавистного им чиновничества, не хотели допустить русских до устройства города в центре их заселения, и потому, вооружив против русских чукоч, пришедших в коряцкую землю под управлением чукчи Хергувья, пошли с неприязненною целию на Пенжину и в том же году напали на русских, убили 5 казаков, взяли в плен 3-х женщин и одного казачьего сына (пленницы эти были возвращены в 1788 и 1789 годах. — *Авт.*), а остальные разбежались.

После того почти все оленные ижигинские коряки, чтобы избежать частых посещений чиновников, отошли со своими табунами в Паропольский

дол (Парапольским долом называют камчадалы всю безлесную тундру между р. Анадыром и линией, проведенною от мыса Олюторского к истокам р. Пенжины. — *Авт.*) к р. Олюторе и к р. Тигилю. Вслед за коряками пришло к Олюторску до 500 чукоч, для свидания с первыми. Русские ждали нового бунта, но чукчи, обменяв у коряк свои товары, ушли к Анадыру.

В 1786 г. коряки ограбили почту, шедшую из Охотска, а почтальона оставили в дороге на произвол судьбы. По распоряжению Рейнеке производилось по этому делу следствие, которое обнаружило, что почтальоны возили постоянно с собою множество товаров для продажи и большой запас разной провизии. Коряки просили Рейнеке, чтобы он распорядился отправлять почты без всяких почтальонов, ручаясь за их целость. Кроме того, жаловались на большой разъезд чиновников. Но Рейнеке объявил им, что он не вправе изменить этих порядков.

Не найдя удобного места для города Акланска на р. Пенжине и опасаясь нового восстания коряк, Рейнеке построил его наконец на р. Аклане и, переведя туда присутственные места из Тигиля, выехал в 1786 г. из Камчатки, где оставался только за невыполнением этого последнего поручения.

В 1786 г. положено отпускать на содержание восьми церквей в Камчатке и двух в Охотске ежегодно по 1 200 р. Сумма эта по Высочайшему повелению 5 июня 1808 г. была увеличена почти вдвое.

В 1787 г. геодезист Елистратов сделал на байдаре съемку берега от Тигиля до р. Пенжины.

В 1788 г. чукчи первый раз сделали предложение русским вступить с ними в торговые сношения, назначив местом ярмарки р. Ангарку, впадающую в р. Оной, в Колымском округе (Онойская ярмарка существует и по настоящее время. — *Авт.*), обещаясь притом быть верными данниками нашему правительству и не нападать на коряк. В деле этом принимал горячее участие исправник Беннер, а главное, как впоследствии объяснил чукотский старшина Тумма камчатскому коменданту Кошелеву, что они прекратили неприязненные действия противу русских потому, что дядя его, один из почетнейших старшин, умирая, завещал жить с русскими в дружбе. Иркутское начальство наградило главнейших чукотских старшин кортиками и почетными кафтанами, а 11 октября 1789 г. последовало Высочайшее повеление, чтобы чукчи были приняты в подданство России с правом производить торговлю и промышленность без всяких стеснений.

В том же году было поставлено на берегу Берингова пролива тридцать русских железных гербов в знак того, что Чукотская земля принадлежит России. 12 ноября 1791 г. Императрица Екатерина препроводила в иркутское наместничество 20 серебряных и 80 медных медалей с повелением: «Сих людей приласкать и раздать медали первейшим из них», а 7 ноября разрешила ежегодно отпускать из казны по 500 руб. на подарки чукчам.

Пользуясь переменой отношений чукоч к русским, купец Баранов с купцом Кречевцовым завели на р. Анадыре селение и занялись промыслом зверей, моржовой кости и китового уса, вступив притом в торговые сношения с чукчами. Но вскоре чукчи за плутовство и обман русских разорили все их заведения в Анадыре и разграбили имущество Баранова.

Во время этих преобразований в Камчатке в Петербурге снаряжалась в наши колонии на Восточном океане кругосветная экспедиция. Подвиги англичан, старавшихся познакомить Европу с отдаленными странами земного шара, обратили на этот предмет внимание и нашего правительства. К тому же генерал-губернатор Якоби представлял Императрице о необходимости посылки военных судов к островам для наблюдения за действиями иностранцев, «ибо, — доносил он, — получено мною известие от промышленников, что английские суда приходили к нашим американским владениям для торговли с туземцами и выменяли у них до 800 бобров, сверх немалого количества *земляных зверей*. Из чего предусматривается, что российского престола подданным принадлежащая великия выгоды присвоить стараются других наций народы».

На этом основании Императрица указом своим от 22 декабря 1786 г. повелела снарядить кругосветную экспедицию *для охранения права нашего на земли, Российскими мореплавателями открытыя*. Кроме этой главной цели экспедиции, на нее было возложено географическое исследование в Восточном океане, заведение торговых связей с Японией и, наконец, доставка разных судовых и военных припасов в сибирские порты, а именно: 5 000 пуд. железа, 1 500 арш. парусины, 3 000 пуд. такелажа, пушек: 12- и 16-фунтовых 12, 3-фунтовых 20, селитры и серы на 1 000 пуд. пороха и разные инструменты. В состав экспедиции были назначены суда: «Холмогор» в 600 тонн; «Соловки» в 530, «Сокол» и «Турухтан» в 450 тон. и «Смелый». Все суда были трехмачтовыми. Начальником экспедиции назначался капитан 1-го ранга Муловский. Для научных целей экспедиции были выписаны из заграницы специалисты по разным отраслям наук. Экспедиции предназначено было в декабре 1787 г. выйти из Англии и следовать к мысу Доброй Надежды. У Сандвичевых островов эскадра должна была разделиться: «Смелый» идти с грузами в Петропавловский порт, два судна для исследования Курильских островов, а остальные два под личным начальством Муловского для принятия во владение России всех земель, лежащих между гаванью Нутка до начального пункта открытий капитана Чирикова, а также земель и островов, не занятых еще иностранцами. Но это первое предприятие русских для плаванья кругом света (еще в 1732 г. адмиралтейств-коллегия и сенат при снаряжении экспедиции Беринга рассуждали об отправлении ее кругосветным путем. Потом капитан Биллингс просил из Охотска разрешения адмиралтейств-коллегии по окончании экспедиции отправиться обратно в Кронштадт,

обойдя мыс *Доброй Надежды*. Но коллегия не согласилась на это ввиду предстоявшей тогда экспедиции Муловского. — *Авт.*) не осуществилась. Война с Турцией и ожидаемый разрыв дипломатических сношений с Швецией остановили экспедицию, и 28 октября 1787 г., когда суда были уже готовы к отправлению, состоялся Высочайший указ об отмене ее. И только через 15 лет было предпринято русскими первое кругосветное путешествие.

Между тем первый охотский комендант Козлов-Угренин, которому подчинена была и Камчатка, пожелал лично осмотреть вверенный ему отдаленный край. В ноябре 1786 г. он отправился из Охотска в путешествие с большою дворнею сухим путем по берегу Охотского моря.

По прибытии 8 января 1787 г. в Ижигу он отдал исправника Гауза под суд за разные злоупотребления и прожил здесь до 22 января, приготавливаясь к дальнейшему путешествию. Из Ижиги он взял для своего конвоя 50 казаков, кроме 10 человек прислуги и инородцев, сопровождавших его. Городничий и исправник ехали впереди и выгоняли инородцев для вырубki кустарника и леса, мешавших проезду большого возка Угренина, в котором была устроена железная печь. В этот возок впрягалось до 60 собак, да под конвой и прислугу до 250 собак, согнанных на дорогу со всего полуострова. Прогонов Угренин вовсе не платил, а напротив того, в каждом селении брал еще с души по лисице или соболю в чашину. Независимо от того дворня Угренина вела везде меновую торговлю с туземцами, которые, боясь гнева Угренина, отдавали свои меха за разные безделки, нарочно для того привезенные прислугою его из Охотска.

В Каменском острожке Угренин застал чукок, пришедших для торговли. Здесь Орленков уговаривал Угренина отослать обратно в Ижигу военную команду, служившую только обременением для камчадалов, так как во время пути не предвиделось никакой опасности; но Угренин совет этот принял за дерзость и с того времени постоянно преследовал Орленкова.

Наступила весна, а Угренин продолжал путешествие. Орленков собрал камчадалов почти со всего полуострова на р. Камчатку, куда они должны были переносить на руках свои бота (однодревья). На большом плоту, устроенном на нескольких ботах, было поставлено две рубки: одна с двумя каютами для Угренина и для его кухни. Впереди рубки была поставлена пушка, а над рубкою поднят флаг. Подобных же два плота были устроены для секретаря Угренина Воронова и его прислуги и, кроме того, сзади шло до 50 ботов с конвоем и разными грузами. С раннего утра и до вечерней зари несчастные камчадалы тянули флотилию бичевою, без отдыха и пищи. Утром отваливали от берега, а вечером приставали к нему по пушечному выстрелу. Во всех селениях встречали Угренина, по распоряжению исправника, с хлебом-солью и соболями. Наконец, после больших усилий, дотащили флотилию до Верхнекамчатска. Здесь Угренин узнал о прибытии в Петро-

павловскую гавань двух французских военных судов под командою Лаперуза. По этому поводу Угренин с частию своей свиты отправился в Петропавловскую гавань, где нашел он небольшой гарнизон под командою прапорщика Хабарова, батарею о трех пушках и несколько изб.

Лаперуз прибыл в гавань с судами *Boussole* и *Astrolabe* 25 августа 1787 г. и пробыл там до 19 сентября.

При отправлении французским правительством в Восточный океан Лаперуза, ему, между прочим, поручалось обратить особое внимание на берега Кореи, Татарии и Японии, потому что о географическом положении этих мест имелись в то время самые темные и сбивчивые понятия. Лаперуз в 1787 г. прибыл в Татарский пролив (Татарский пролив назван этим именем потому, что, по предположениям тогдашних ученых, побережье его занимали монголы, которых вся Европа называла в то время татарами. — *Авт.*), где открыл залив де-Кастри, названный по имени французского морского министра. Отсюда Лаперуз намеревался пройти в Охотское море Амурским лиманом, но через несколько часов по выходе его из де-Кастри глубина постепенно стала уменьшаться, а потому Лаперуз, опасаясь отмелей, стал на якорь на глубине 9 саженей и послал в лиман гребные суда. Но суда эти, дойдя до глубины 6 саженей и не встретив течения от севера, как ожидал Лаперуз, вернулись назад. Тогда он заключил, что Сахалин или соединяется с матерым берегом перешейком, или же канал, отделяющий его от материка, до того мелок, что вход в Амур с юга недоступен. После того Лаперуз описал западный, южный и юго-восточный берег Сахалина и пролив, отделяющий Сахалин от о-ва Матемая.

Угренин посетил эскадру и был принят на ней с почетом и пушечной пальбой. По просьбе Лаперуза было отпущено на его суда 7 голов рогатого скота, много овощей и других предметов продовольствия. Лаперуз над могилою Клерка и Делиль-де-Лакроера, бывшего астронома второй Беринговой экспедиции, поставил гробницы.

Перед отбытием с Камчатки, Лаперуз послал в Петербург к французскому посланнику с донесением о своем путешествии вице-консула Лессепса. Угренин обещал Лаперузу сопутствовать ему до самого Охотска (в письме своем к генерал-губернатору Лаперуз благодарил его за радушный прием, сделанный ему в Камчатке Угрениным и жителями гавани. А на другой год была прислана к генерал-губернатору от французского правительства медаль с изображением Лудовика XVI, пожалованная начальнику команды в Петропавловской гавани прапорщику Хабарову. Из Ботанибея Лаперуз послал известие о своем пребывании в Камчатке и целую об ней статью, напечатанную в *Voyage autour du Monde* 1785—1788. — *Авт.*).

25 сентября Угренин с Лессепсом, секретарем, нижнекамчатским исправником Шмалевым, Хабаровым, переводчиком Ивашкиным, 4 сержантами

и 4 казаками отправился из Петропавловской гавани на байдарах до р. Паратунки, где были приготовлены для него лошади, на которых он и доехал до Нижнекамчатска. Здесь на 10 ботах устроен был такой же плот, как и во время первого путешествия, а кухня, грузы и команды разместились на других 6 плотках, которые приводились в движение шестами, и этою тяжелою работою были заняты камчадалы.

По прибытии Угренина в Большерецк, он прожил там более трех месяцев в ожидании зимнего пути, проводя время с молодым Лессепсом и Шмалевым в кутеже и разврате. Почти ежедневно в квартиру его созывались жены и дочери жителей Большерецка *на вечерки*, и горе той женщине, которая вздумала бы противиться желаниям кого-либо из кутящей компании. В особенности же своим нахальством и дерзостью в отношении женщин отличался Лессепс. Все нравственные люди избегали даже встречи с этою разгульною компаниею.

Лессепс в путешествии своем по Камчатке, напечатанном в Париже (смотри Лессепсово путешествие в Камчатке, переведенное на русский язык. Москва, 1801 г.), между прочим, говорит: «Русские и камчадалы не ревнивы: они не заботятся о нравственности и поведении своих жен». Он, конечно, мог вынести такое убеждение, находясь под покровительством Угренина, которому никто не решался противодействовать, боясь его гнева и жестокого наказания.

Пока Угренин кутил, земские чиновники сгоняли со всех сторон к Большерецку камчадалов с собаками. С наступлением же удобного пути множество нарт было нагружено провизиею, соболями и лисицами, запас которых значительно увеличил Угренин в Большерецке. 300 собак запрягалось под багаж Угренина, 50 в его повозку, 40 в повозку Лессепса и, кроме того, множество нарт ехало с конвоем и дворнею Угренина.

Из Авачи Угренин послал Шмалева по западному берегу Камчатки для заготовления собак и кормов, а сам с обозом отправился снова в Нижнекамчатск, где, по словам его, было в то время до 100 домов.

В половине февраля на пути из Нижнекамчатска через Еловку, Говенский и Пусторецкий остроги погибло более половины собак, так что нарты с багажом оставлены были на дороге. Да и для остальных собак не осталось кормов.

Жители острожка, напуганные рассказами про жестокости Угренина, все разбежались, спрятав свои рыбные запасы. В Пусторецком острожке все остальные собаки подошли от голода и изнурения. К счастью Угренина, 1 марта приехал Шмалев с камчадалами и собаками, собранными с помощью крутых мер. При таких условиях Угренин перестал уже думать о комфорте, а заботился только о том, чтобы добраться в целости до Охотска. Из Пусторецка Лессепс поехал в Охотск вперед, куда и прибыл 25 апреля 1788 г., а Угренин остался здесь ожидать прибытия из Ижиги конвоя и 150 собак. Когда же кон-

вой прибыл, он отпустил всех камчадалов, которые, лишившись собак, принуждены были идти в свои жилища пешком, иные за 400 и 500 верст. Дальнейшее путешествие Угренина сопровождалось гибелью остальных собак. Он прибыл из Ижиги в Охотск морем на транспорте 10 октября 1788 года.

Проезд этот окончательно разорил камчадалов. Потеряв удобное время для промыслов, они, кроме того, отдали последние запасы пушнины и кормов Угренину и его свите и, наконец, лишились всех собак. Событие это камчадалы называли *собачьею осною*.

Когда же дошли до Иркутска слухи о путешествии Угренина по Камчатке, иркутское начальство предписало ему (20 апреля 1789 г.) донести, «за какими делами он разъезжал по полуострову?» Угренин отвечал, «что он ездил туда для заведения порядка и устройства чукок и коряк, а также для того, чтобы ознакомиться с краем, ибо без того он был только начальником для виду и не мог бы следить за соблюдением там законов».

Между тем последствия его проезда по Камчатке не замедлили там обнаружиться. Весною 1788 г. камчадалы до того нуждались в продовольствии, что ели байдары, падаль и древесную кору. Камчадалы, чтобы положить конец своим бедствиям, решились послать в Иркутск депутацию из двух почетных старшин, которым поручили рассказать иркутскому начальству *о собачьей осне* и других препятствиях, имевших гибельные для них последствия. Депутация прибыла в Иркутск в феврале 1790 г., где передала все сказанное выше и, кроме того, просила о трех предметах: 1) сложить с камчадалов недоимку в ясаке, накопившуюся после 1775 г. и происшедшую от проезда чиновников и других независимых от них причин; 2) избавить край от множества чиновников, их разоряющих и отвлекающих от занятий своими беспрестанными разъездами и 3) собирать с них ясак по наличному числу камчадалов, т. е. с 1 325 душ, а не по той неизвестной для них переписи, по которой он собирается. Камчадалам было обещано покровительство и исполнение их просьб, и они отправились обратно в Камчатку. Недоимка с Высочайшего разрешения был им прощена на другой же год; но остальные две просьбы остались без всяких последствий (до 17 марта 1775 г. недоимка на камчадалах считалась на 21 558 р.; с 1775 по 1781 г. вновь накопилось 15 075 руб., а с 1781 г. по 1790 г. — 13 242 р. 50 к. — *Асм.*).

По прибытии Угренина в Охотск остававшийся вместо него комендантом совестный судья Кох донес ему, что камчатский городничий Орленков не выполняет его предписаний. Угренин, недовольный и сам Орленковым, дал предписание секунд-майору Василию Шмалеву, произведенному в этот чин за содействие к проезду Угренина, — сменить Орленкова и выслать в Охотск. Орленков сдал должность одному из земских чиновников Фролову. Шмалев же желал занять ее сам; но Фролов не хотел признать его начальником. Вследствие этого вышла ссора, в которую вмешался находившийся в то время

в Камчатке флота капитан Биллингс. Он предоставил власть Шмалеву и донес об этом происшествии иркутскому губернатору. Весною 1790 г. Орленков по прибытии в Охотск был отдан под суд.

В 1791 г. с 4 по 10 апреля было сильное землетрясение на Курильских островах, которое особенно было ощутительно в Нижнекамчатске, где попадали трубы с домов и обрушились крыши. Шмалев, напуганный этим землетрясением, писал в Иркутск о необходимости уничтожения Нижнекамчатска и перенесения управления в Большерецк, так как, по его предположениям, город Нижнекамчатск в самом непродолжительном времени должен был провалиться (большая часть камчатских землетрясений сопровождалась извержениями из огнедышащих гор. В делах архивов сохранились следующие сведения о самых замечательных извержениях в прошлом столетии. С 1721 по 1731 год непрерывно горела Камчатская сопка; потом в 1737 г. она снова горела семь дней. В 1735 г. возгорелась Авачинская сопка. В 1776 г., октября 23, в полдень во время землетрясения возгорелись сопки: Жупанова, Вилюченская и Опальская. С 1769 г. Толбачинская сопка ежегодно зимою и осенью выбрасывала дым и сажу. В 1769 г. Толбачинская сопка зимою и осенью выбрасывала пламя, с 26 октября по 16 ноября. В январе 1790 года Вилючинская извергала лаву, песок и камни. Опальская погасла в начале нынешнего столетия, а Жупанова курилась еще и в нынешнем столетии. — *Авт.*).

Но Шмалеву недолго пришлось управлять Камчаткою. В половине февраля 1790 г. прибыл в Иркутск фельдъегерь из Петербурга с указом Императрицы Екатерины II от 9 января 1790 г., коим сообщалось губернатору, что англичанин Кокс, вступив в шведскую службу капитаном, получил разрешение от шведского правительства на построенном им 14-пушечном судне «Меркурий» грабить наши колонии на Восточном океане. При этом предписывалось иркутскому губернатору, чтобы в случае, если Биллингс не ушел еще в экспедицию, то поручить ему [предотвратить] покушение Кокса на наши владения.

На этом основании 23 февраля 1790 г. был послан в Камчатку и Охотск курьер с предписанием о приведении в оборонительное положение Петропавловской гавани и Охотского порта. При чем послано к Шмалеву распоряжение о назначении его командиром Петропавловской гавани, с тем, чтобы он оказывал содействие Биллингсу в этом последнем поручении. Шмалев приступил к постройке в Петропавловской гавани батарей; но все пушки оказались негодными, и при пробе их несколько разорвало. Шмалев писал об этом в Иркутск, и потому были высланы другие пушки из Охотска. Наконец кое-как, и то только в 1796 г., укрепил гавань шестью батареями: 1) на левой стороне при входе с моря, противу камней *Трех братьев*, на которой не было пушек, по недоставлению их из Охотска; 2) на правой стороне, на Угловом мысу, с одной 3-фунтовой пушкой; 3) на правой стороне,

повыше жилья *со входу в гавань, судам противная*, о 6 пушках 3¹/₂-фунтовых и 2 фальконетах; 4) на левой руке, *сигнальная*, о 2 пушках и 1 фальконете; 5) на кошке, на левой стороне, о 7 пушках также 3-фунтовых; 6) в гавани о шести медных пушках. В 1797 г. Шмалев построил в гавани дом для начальника гавани из тополевого и ветлового лесу. После Шмалева стали назначать отдельных командиров в Петропавловскую гавань. Городничим же вместо него определен 15 марта 1791 г. коллежский асессор Воеводский, который вступил в управление Камчаткою 13 декабря 1791 г.

В 1790 г. пришло из Охотска в Петропавловский порт судно экспедиции Биллингса «Слава России», которое во время этого пути открыло остров Св. Ионы, нанесенный по счислению Биллингса на карту в 38 немецких милях на *SO 20°30'* от Охотска. Судовые же припасы и провизия были доставлены на судне «Обновление храма России». Во время зимовки Биллингса в Петропавловской гавани было построено там другое судно «Черный Орел», спущенное на воду 31 мая 1791 г. По окончании экспедиции «Черный Орел» ушел в Охотск, а «Слава России» осталась в Петропавловской гавани без всякого употребления и 27 марта 1801 г. затонула на глубине 3-х сажень со всеми хранившимися в нем судовыми припасами и материалами.

Биллингс после тщетного ожидания шведского судна и безуспешной попытки пройти морем из устья р. Колымы вокруг Чукотии 26 августа 1791 г. отправился осматривать Чукотскую землю сухим путем с доктором, лекарским помощником, штурманом, рисовальщиком, геодезистом и тремя служителями, в числе которых находились неизменные его спутники: казак Сибиряков (впоследствии полковник и командир камчатского батальона) и женщина, переодетая в мужское платье. Сдав судно «Слава России» в губе Св. Лаврентия капитану Сарычеву, он перешел на байдарках в Мечигменский залив и оттуда на оленных нартах отправился вдоль Чукотской земли параллельно берегу в значительном от него расстоянии к Онойской крепости, куда и прибыл 17 февраля 1792 г. Путешествие его подробно описано в записках Сарычева, и потому мы ограничимся здесь сообщением тех только сведений, которые автор записок упустил, вероятно, из скромности. Во-первых, для команды экспедиции Биллингса коряки пожертвовали множество оленей. Но Биллингс выписал в расход значительную сумму на покупку их; показывал в книгах расход на прогоны, которых никому не платил. Слагал со счетов разлившуюся водку, которой вовсе не было и т. д. (все это сообщено было из Иркутска Адмиралтейств-коллегии по секрету 4 февраля 1792 года. — *Авт.*). Наконец принял по сомнительным причинам под свое покровительство начальника ижигинской команды майора Тимофея Шмалева, находившегося за разные злоупотребления под уголовным судом, взял его к себе в экспедицию и даже успел устроить дело таким образом, что по окончании экспедиции Шмалев был назначен начальником Охотского порта. И хотя причины,

заставившие Биллингса хлопотать о Шмалеве, и стали впоследствии обнаруживаться, но со смертью Шмалева окончились и дальнейшие исследования по этому делу.

Городничий Воеводский разъезжал для своих выгод по полуострову, выменивая у инородцев на вино, порох, свинец и другие вещи пушных зверей, и не пренебрегал взятками. Воеводский, опасаясь, чтобы Нижнекамчатск не подмыли реки Радуга и Камчатка, перенес город в 1791 и 1792 годах на правый берег р. Радуги.

Начальник Петропавловской гавани майор Василий Шмалев, имея отдельное назначение, не хотел признавать над собою власти Воеводского, который жаловался на Шмалева губернатору Пилю. По этому поводу Пиль 5 июля 1793 г. предписал всем без исключения чинам, находящимся в Камчатке, подчиниться городничему. Обиженный этим распоряжением Шмалев начал писать доносы на Воеводского, вскрывшие все его злоупотребления, а Воеводский, в свою очередь, писал на Шмалева, и ссора их кончилась тем, что обоих их отдали под суд, причем Воеводский 1 мая 1794 г. был вызван в Охотск, а Шмалев оставался в Камчатке, где и умер 18 декабря 1799 года.

Из следственного по этому предмету дела видно, что в 1791 г. прибыл в Петропавловскую гавань священник Верещагин для того, чтобы отправиться оттуда на Курильские острова для проповеди слова Божия; но Шмалев не пустил его и писал охотскому начальнику: «Это большое отягощение камчадалам, а потому самому Богу, яко милосердному человеколюбцу, приятно быть не может таким образом доставление проповеди слова Божьяго. Все духовные лица отправляются на острова только для своих выгод». Когда же камчатский протоиерей Никифоров вступился за Верещагина, то Шмалев, поссорившись с ним, выдернул ему клоч бороды.

Из того же дела видно, что 14 августа 1797 г. пришло в Петропавловскую гавань трехмачтовое судно купца Бышева. Шмалев принял его за шведского крейсера и начал было противу него неприязненные действия. Но вскоре присланная на берег шлюпка доставила Шмалеву судовые бумаги, и судно было пущено в гавань.

В 1793 г. прибыл в Татарский пролив на небольшом бриге, сидевшем в воде 9 фут, знаменитый английский мореплаватель Бротон. Следуя по пути Лаперуза от де-Кастри к Амурскому лиману, он достиг на 8 миль далее его, до глубины 2 сажень. Канал, по которому шел бриг, казалось, оканчивался заливом, на три или четыре мили углубленном в берег. Посланный на гребном судне для исследования этого залива офицер по возвращении на бриг объявил, что хотя между отмелями и встречались глубины, но оне, постепенно уменьшаясь, приводили его то к сахалинскому берегу, то к сплошным отмелям. Залив же оказался окруженным повсюду каменными берегами, так что нигде не было ни малейших признаков прохода в Амур. Обстоятельство

это заставило Бротона оставить свое намерение пройти этим каналом в Охотское море и заключить, что Сахалин полуостров.

В 1794 г. два английские военные судна *Discovery* и *Chatam* производили гидрографические работы у наших американских берегов под главным начальством Ванкувера.

Здесь мы должны упомянуть еще об одном довольно важном событии — это образование Российско-Американской К°. Еще в 1783 г. рыльский гражданин Шелихов составил небольшую компанию для звериного промысла на островах. В 1786 г. генерал-губернатор Якоби ходатайствовал о выдаче этой компании привилегии; но правительство не согласилось, и не без причины. Ему хорошо были известны действия наших промышленников на островах, их жестокое обращение с туземцами, грабежи и убийства. В особенности же был известен по своим неблагоприятным действиям промышленник Шелихов. Иркутские купцы, занимавшиеся промыслом на островах, единогласно указывали на Шелихова как на главнейшего виновника всех бедствий островитян. Император Павел I, чтобы защитить жителей островов от жестокости промышленников, хотел уже вовсе запретить им посещать острова; но по смерти Шелихова в дело это вмешался камергер Рязанов, женившийся на дочери Шелихова и получивший в приданое акции компании, которая в 1798 году была уже преобразована и названа *Соединенною Американскою Компаниею*. Рязанов, стоя во главе этой компании, успел с помощью связей устроить дела таким образом, что Император отменил прежнее свое намерение и 3 августа 1798 г. утвердил акт компании, а 8 июня 1799 г. принял ее под свое покровительство, дав притом ей наименование *Российско-Американской Компании* и привилегию на 20 лет. В 1798 г. компания открыла свою торговлю в Камчатке, Охотске и Ижиге.

В 1794 г. приехал в Камчатку на смену Воеводскому губернский секретарь Крылов, утвержденный в должности городничего указом сената 17 апреля 1796 г. Крылов был послан в Камчатку против его желания. Не находя никакой возможности содержать себя одним жалованием, он вскоре по прибытии в Камчатку писал иркутскому губернатору, что при его скудном содержании и страшной дороговизне в Камчатке на все жизненные припасы, ему осталось два исхода — *или пользоваться взятками, или входить в долги*. Избрав из двух зол последнее, он просил у иркутского губернатора, как милости, вызвать его из Камчатки.

При этом, ходатайствуя об увеличении содержания всем вообще служащим в Камчатке, он весьма картинно представил незавидную жизнь тамошних обитателей: «Камчатский край окружен со всех сторон, кроме северной, морем и изобилует во множестве горящими сопками, извергающими пламя совокупно с густейшим дымом, производящим грубый мрак, заражающий самый воздух, который, меняясь с морским влажным, составляет яд, раз-

слабляющий человека, наводящий на него уныние, умаляющий силы, портящий кровь, умножающий болезненные припадки и даже влекущий за собою народныя бедствия; а потому вино и здоровая пища при таких климатических условиях необходимы для подкрепления здоровья. Но к этим-то предметам и нет приступу бедным чиновникам и обитателям здешняго края. Вино продается по 46 руб. за ведро — цена неслыханная! Казне прибыль, а жители отягощение!»

После того Крылов выслал в Иркутск еще несколько подобного рода представлений, и наконец губернатор в 1797 году разрешил ему выехать в Иркутск, сдав должность до прибытия нового городничего Щеглова чиновнику Фролову. Но Фролов в 1798 г. попал под суд за пьянство и плутовство, а Щеглов вскоре после приезда в Камчатку, и именно в 1799 г., должен был отправиться обратно в Иркутск по случаю новых преобразований в управлении Камчаткою.

Из вышеприведенных фактов мы видели, что камчатских городничих назначали без всякого выбора. О присутственных же местах нечего и говорить — в них были присланы все выгнанные из службы иркутские чиновники, которые постоянно находились в бездействии... Угнетенные камчадалы знали уже, как разорительно вверяться чиновникам и потому никогда не обращались с жалобами в суд, а все свои споры предоставляли разбирать тоенам; если же по несчастию какое-нибудь дело и попадало в суд, то прав был тот, кто мог больше заплатить блюстителям правосудия. Словом, этот чиновничий класс своим примером распространил пороки и разврат, внесенный на полуостров казаками. Между тем казна тратила ежегодно по 42 722 руб. на содержание этих чиновников и казаков, тогда как доходы Камчатки в 1794 г. простирались только до 18 000 руб.

Введение в Камчатке присутственных мест доказывает только, до какой степени была мало знакома с условиями края высшая иркутская администрация; обратив, к несчастию края, полное на него внимание; она не ограничилась введением там губернских учреждений; но придумала сформирование баталиона полковника Сомова полка, который предписывалось расположить в Камчатке, за исключением двух рот: охотской и удской. О сформировании и отправлении этого полка в Камчатку мы будем говорить впоследствии; здесь же заметим, что все громадные единовременные расходы, произведенные на отправление этого баталиона, далеко не могли равняться с теми расходами, которые потребовались по прибытии баталиона в Камчатку.

Затея эта дорого стоила казне; но еще дороже обошлась она несчастным камчадалам. На том судне, на котором отправился из Охотска в Нижнекамчатск шеф полка генерал-майор Сомов с ротою солдат, заболел один рядовой гнилою горячкою. Болезнь эта распространилась на судне с такою силою,

что некому было управлять судном, которое после продолжительного плавания с большим трудом дошло до Петропавловской гавани, лишившись на этом переходе до 30 человек умерших. По прибытии же в Камчатку Сомов не принял никаких карантинных мер против заразы, и она чрезвычайно быстро обошла весь полуостров. В зиму 1799 г. и 1800 г. болезнь похитила 1 682 человека туземцев обоего пола, а с русскими более 2 000 человек. Камчадалы, не знакомые с этою болезнью, уничтожали жар холодной водою и тем еще более вредили больным. Чрезвычайно грустную картину представляла в это время Камчатка. Многие селения вымерли до одного человека, и трупы лежали не похороненными до окончания этой ужасной болезни, известной в Камчатке под названием *сомовского поветрия*. Кроме того, безбрачная жизнь солдат развела в Камчатке другую страшную болезнь, существующую там и по настоящее время. В 1800 г. по распоряжению высшего правительства в видах искоренения этой последней болезни был командирован на службу в Камчатку лекарь Малафеев.

Едва успела прекратиться горячка, Сомов вздумал прибывшую с ним в Петропавловскую гавань роту солдат перевезти со всем багажом на собаках в Нижнекамчатск, вытребовав все необходимые для этого средства от камчадалов. Кроме того, все транспортные суда с провиантом, предназначенным для продовольствия батальона, пришли не в те гавани, которые им были назначены по расписанию, а потому Сомов распорядился и провиант этот развезти на собаках по полуострову. Операция эта стоила казне огромных расходов и сопряжена была с большими убытками для камчадалов, лишившихся более половины своих собак и пропустивших удобное время для промыслов.

Провианту было прислано в Камчатку гораздо менее противу потребности. К тому же при перевозке его с места на место произошли большие потери, так что Сомов приказал половину пайка отпускать солдатам *порсою* (толченою сухою рыбою).

Нелегко также было Сомову разместить солдат по главнейшим пунктам полуострова, потому что нигде не было приготовлено для них помещений. Наконец, после разных передвижений и перемен кое-как устроили. Служебных занятий, конечно, не было у солдат никаких, и потому большая часть из них завела себе собак и разъезжала по камчатским селениям для торговли.

Камчадалы же, не зная их прав и принимая за тех же чиновников, уступали им все, что только те требовали. Кроме того, Сомов, не соображаясь с условиями края, распорядился, чтобы ежемесячно доставлялись к нему из мест расположения войск отчеты и присылались еженедельно нарочные за получением его приказов. Независимо от того, эстафеты почты и курьеры посылались по всему полуострову почти каждый день. С наступлением же весны, кроме того, отправлялись в путешествие: исправник для осмотра округа, свя-

щенник с причтом для осмотра церквей и совершения треб; провиантский комиссионер для проверки магазинов; казачий старшина и ротные командиры для осмотра своих команд и, наконец, сам комендант, для общего порядка, с большуюю свитою на 60—70 собаках. Но как в некоторых острожках после горячки вовсе не было жителей, то в такие селения нагнали камчадалов с собаками из других острожков. В случае же проезда какого-либо начальствующего лица, в особенности же во время больших снегов, камчадалов выгоняли на лыжах на дорогу для протаптывания пути собакам.

При таких порядках главный источник богатства камчадалов — звериный промысел — почти вовсе пресекался, тем более что с прибытием в Камчатку батальона было запрещено частным лицам, в том числе и купцами, продавать порох и челебуху, употребляемую до того времени камчадалами для отравы зверей. В одном из своих приказов Сомов объяснил, что продаже пороху он запретил в тех видах, чтобы солдаты не продавали казенного пороху, а челебухи — потому что в 1799 г. ею отравились двое камчадалов. И хотя казенная продажа пороха по одному фунту на человека существовала по-прежнему, но на этот порох земские чиновники смотрели как на одну из статей своих доходов и брали за него баснословную цену (указом 1730 г., декабря 23, разрешалось из казны продавать порох *седомым людям* до 1/2 фунта, а свыше 10 фунтов никому не продавать; а указом 1734 г., мая 20, дозволено давать пороху из казны не свыше 3 фунт., а *знатным* людям до пуда. — *Авт.*). А между тем с несчастных, разоренных камчадалов требовали исправной уплаты ясака!

По отправлении в Камчатку батальона из Иркутска ежегодно отправлялся туда провиант по числу находившейся там военной команды; но по трудности сообщения Якутска с Охотском большая его часть оставлялась в пути. Сомов писал в Иркутск, что по недостатку провианта солдатам не выдается и четверти положенного им пайка. Тогда в Иркутске снова подняли вопрос о хлебопашестве в Камчатке. Бывший нижнекамчатский городничий Воеводский по поручению начальства составил по этому предмету записку, в которой, между прочим, изложил, что, прежде всего, необходимо усилить русское население на полуострове переселением крестьян охотского округа, которых тогда считалось 104 семьи и, кроме того, поселить там отставных солдат и казаков, праздно шатающихся в Камчатке. Для поощрения же крестьян брать у них хлеб в казну по местным ценам и дать поселенцам другие преимущества. Кроме того, предлагалось завести три солеваренных завода: в Нижнекамчатске, Тигиле и Петропавловской гавани.

Иркутский губернатор Леццано передал эту записку на рассмотрение Сомова, который 12 июля 1800 г. донес Леццано, что предположение Воеводского он вполне одобряет; но только находит, что назначенное им число крестьян слишком недостаточно, и потому просил прислать из Иркутска еще

50 семейств казаков для поселения на р. Камчатке, с ассигнованием 27 000 руб. на единовременные расходы. Для устройства же солеваренных заводов требовал 19 641 р. единовременно и по 11 250 р. ежегодно.

Надо заметить, что предположения эти Сомов писал в то время, когда в Камчатке было уже 160 семейств крестьян, окончательно отказавшихся от хлебопашества после бесполезных опытов и занимавшихся уже рыбными и звериными промыслами.

Леццано, сообразив всю по этому предмету переписку, пришел к самому ошибочному заключению. 13 августа 1801 года он представил следующие по этому делу свои соображения: «С одной стороны, по великим издержкам казны на доставку полку Сомова провианта и аммуниции, по изнурению якутов и по неверной, а нередко гибельной перевозке провианта чрез море на транспортных судах, а с другой, *по удобству камчатского климата к размножению хлебопашества* и скотоводства, весьма полезно было бы обратить гарнизонный Сомов полк по примеру бывших ландмилицких полков; от чего впоследствии вознаградились бы все издержки казны, и не только одно войско тамошняго края *вкушало бы хлеб от своего земледелия*, но и все жители безбедно могли бы оным довольствоваться».

Предположения эти 19 сентября 1801 г. были одобрены, и предписано Леццано представить по этому делу более подробные соображения. На это последнее предписание Леццано донес:

«Поелику места к хлебопашеству удобныя признавались: близ Нижнекамчатска, где состоит две роты из 219 человек; близ Петропавловской гавани, где 101 ч. и в Удском остроге, где 144 человека, то и полагаю роту, расположенную в Большерецке из 93 человек, по неудобству там земли к хлебопашеству, перевести в Петропавловскую гавань, находя приличным в этом месте быть двум ротам, ибо оно одно подвержено покушениям неприятельским. Охотская рота может довольствоваться провиантом из Камчатки».

Хлебопашеством предполагал он занять две трети солдат, а остальных оставить для караулов с тем, чтобы хлебопашцы были готовы во всякое время отразить неприятеля. Но чтобы солдаты не забыли военной службы, предполагал ежегодно с 1-го по 21-е июня обучать их фронтовому образованию.

Доводы свои Леццано подкрепил следующими цифрами: «На заведение хлебопашества в Камчатке требуется единовременно 41 000 руб.; но так как трехгодичная доставка провианта в Камчатку, Удский острог и Охотск обошлась в 224 572 руб. 40 коп., каковые расходы будут и впредь, то рассчитывая в первый год урожай только сам-пять, получается хлеба 27 750 пуд., что достаточно на довольствие команды и засев будущего года, а произведенный расход вознаградится в непродолжительное время».

Предположения эти Высочайше утверждены 29-го декабря 1801 г. Сомов, получив предписание Леццано о приведении в исполнение Высочайшей воли,

26 мая 1802 г. писал ему, что он полагает совершенно иначе расположить поселения, и именно: две роты, предназначенные в Петропавловскую гавань, поселить в Верхнекамчатском остроге, а из двух нижнекамчатских рот одну поселить близ Ключевского селения, а другую в 350 верстах от Нижнекамчатска, близ острога Машуры.

«Шефу полка со своим штабом находится в Верхнекамчатске, как центре расположения войск, с тем, чтобы и гренадерская, и моего имени рота поселилась близ Верхнекамчатска. Большерецкий гарнизон перевести к устью р. Камчатки для содержания там караулов. По сему расположению уповаю, что здешняя войска в полном довольствии, и гарнизон будет в исправности и готовности к отражению неприятельского нападения». При этом Сомов просил ассигновать 44 349 р. 78½ коп., необходимыя для выполнения этих предположений.

В другом же рапорте от 5 августа 1802 г. доносил Государю, что он уже приступил к постройке необходимых зданий в предположенных им к заселению местах и подготовке земли к хлебопашеству.

Эти новые предположения Сомова Высочайше были утверждены 13 января 1803 г., и испрашиваемая им сумма денег ассигнована в распоряжение иркутского губернатора. Из них употреблено на покупку инструментов, семенного хлеба и скота, а также и на доставку хлеба и скота в Камчатку 33 333 р. 21 коп.

В то же время из всех прежних камчатских команд сформирована была еще одна рота солдат для ижигинского гарнизона.

Но едва Сомов приступил к выполнению своих предположений, как обнаружались новые непредвиденные расходы. Нужно было доставить в Камчатку из разных губерний на казенный счет семейства нижних чинов. Семенной хлеб, доставленный в Камчатку прежде, нежели успели приготовить землю, от долгого лежания в сырых магазинах стал портиться; его перемололи в муку и потребовали новые семена, которые, по каким-то причинам, были высланы из Иркутска только в 1807 г., а прибыли в Камчатку в 1809 г. Посланный из Якутска в Камчатку скот по недостатку сена в Ямской крепости большую часть был убит, и из большого табуна осталось только 20 голов. В 1805 г. снова отправлено в Ижигу 219 голов рогатого скота и 194 лошади; но до Камчатки дошли только 73 головы рогатого скота и 36 лошадей. Пришлось его высылать в третий раз. Кроме того, потребовались для поселенцев коновалы, мельники, кожевники и т. д. Словом, расходам не было конца.

Между тем обычные транспорты с провиантом для довольствия камчатских команд в ожидании будущих благ ежегодно отправлялись в Охотск по-прежнему на нескольких тысячах лошадей, потому что Сомов писал, чтобы не прекращали доставку в Камчатку провианта до получения от него уведомления о приведении хлебопашества в настоящий вид, как бы предвидя,

что дело это не совсем легкое. В 1802, 1803 и 1804 годах поселенцы не успели приобрести ни зерна своего хлеба. Все три года прошли в передвижении солдат и перевозке провианта из гаваней в места поселений. В Верхнекамчатск и Машуры доставляли провиант солдаты на своих собаках, по 2 руб. с пуда. Но и при этих громадных расходах не успевали [доставить] потребного количества провианта для довольствия поселенцев, и потому, чтобы избежать голода, всех поселенцев из Верхнекамчатска и Машуры снова перевели в Петропавловскую гавань и Нижнекамчатск.

В течение трех лет солдаты построили несколько изб, а о хлебопашестве вовсе не заботились, потому что получали от казны провиант и хорошую плату за доставку его в собственные свои квартиры. Наконец в начале 1802 г. Сомов получил печальное известие, что запас провианта в Камчатке до того мал, что и при уменьшенной его выдаче к весне не останется и пуда муки. Чтобы предотвратить голод, Сомов завел для промысла рыбы казенные суда и невода, стоившие казне 5 547 р. и, кроме того, купил у чукоч и коряк оленей, употребив на это значительные суммы. По этому поводу Сомов писал в Иркутск, что хотя по Высочайшему повелению 10 августа 1801 г. положено иметь в Камчатке постоянный запас провианта; но охотская флотилия не успевает доставлять даже и того количества, которое потребно для довольствия команд.

После ряда неудач Сомов убедился, наконец, в неприменимости на практике своего проекта и, чтобы избежать будущих дурных последствий, подал прошение о выезде из Камчатки по слабости здоровья. Просьба его была уважена, и в 1802 г. был назначен вместо него молодой генерал Кошелев, человек образованный, честный, умный и деятельный (перед выездом своим из Камчатки Сомов представлял генерал-губернатору о необходимости иметь в Камчатке переводчиков с французского и немецкого языков на случай прихода иностранных судов. Но представление это оставлено без последствий. — *Авт.*).

Новый камчатский комендант Кошелев 10 июля 1802 г. прибыл в Охотск, где, ознакомившись с положением охотских и камчатских дел, донес Государю, что охотское начальство не заботится о доставке провианта в Камчатку. «На казенных судах, — писал он, — перевозятся преимущественно грузы Российско-Американской К^о, а провиант и купеческие товары остаются не отправленными. Компания же, не имея на Камчатке конкурентов, продает предметы продовольствия по самым высоким ценам; например: пуд масла по 60 руб., а флягу водки, около 3-х ведр, от 700 руб. до 1 000 руб.!» «Так что, — писал он, — я вынужденным нашелся написать вице-адмиралу Фомину, что если и на будущий год он отправит товары компании, то я их конфискую и на эти деньги куплю оленей у коряк для продовольствия нижних чинов. В Охотске компанейские суда строятся казенными людьми в один год, а казенные транспорты по три года». Высказав в этом рапорте еще несколько

злоупотреблений охотского начальства, в заключение Кошелев просил подчинить Охотск камчатскому коменданту.

Государь, получив это донесение, Высочайше повелел для приискания мер к устранению всех беспорядков в Охотске и Камчатке составить особый комитет из министров: коммерции, военного, морского и сибирского генерал-губернатора.

Комитет после нескольких совещаний пришел к нижеследующим заключениям: «Охотский порт не подчинять камчатскому коменданту, а для управления Камчаткою учредить областное правление из судьи, исправника и двух заседателей под председательством коменданта, которому именоваться правителем Камчатской области. Кроме того, в Ижиге иметь комиссара и при коменданте секретаря, почтового экспедитора и двух писцов, с отпуском из государственного казначейства исчисленных на этот предмет расходов по 8 800 руб. в год. Ижигинский округ подчинить коменданту, а областное правление — иркутскому губернатору; по части же судной — иркутской уголовной палате. Камчатскому гарнизону состоять из 5-ти рот: четырем находиться в Камчатке и одной в Ижиге. Из 4-х камчатских рот две иметь на ландмилицком положении, а остальные на положении гарнизонном. В учрежденное при батальоне отделение военно-сиротского дома назначить учителей и служителей и иметь в школе 50 учеников. Местопребыванием коменданта назначить Верхнекамчатск». Постановление это 11 августа 1803 года Высочайше утверждено, а 17 июня 1804 г. последовало Высочайшее повеление об упразднении города Акланска и Ижиги с их округами и присутственными местами.

Кошелев, приняв должность коменданта, открыл, что Сомов и большая часть его офицеров занимались казнокрадством и грабили солдат и обывателей. Принадлежащий нижним чинам провиант выписывался в расход и продавался частным лицам чрез посредство прикащиков Российско-Американской К^о. Все книги и счета были с фальшивыми расписками. Продавали казенный порох компании, которая сбывала его туземцам по баснословно высоким ценам. Кошелев конфисковал у компании весь порох и записал его на приход казны, арестовал прикащика компании Хлебникова за его мошенничество (Г. Тихменев говорит, что будто бы Кошелев стеснял торговлю компании, арестовал Хлебникова за то, что он не хотел понизить цен на товары. Мы имели возможность проверить этот факт и потому считаем обязанностью восстановить истину. — *Авт.*).

Ознакомившись с условиями края, Кошелев весьма деятельно занялся хлебопашеством; но результаты были те же, что и прежде — хлеб погибал на корню от утренников. Кошелев доносил генерал-губернатору, что его удивляет, как могло даже составиться убеждение о возможности хлебопашества в Камчатке при тех климатических условиях, в которых находится этот край.

При этом он писал, что скотоводство возможно там в больших размерах и просил выслать 100 семейств якутов со своим скотом.

С прибытием батальона в Камчатку нижние чины бросили казенное обмундирование и завели себе туземную одежду из звериных шкур, соответствующую климату. Обстоятельство это подало Кошелеву мысль представить Государю проект нового обмундирования камчатского батальона из звериных шкур, с тем, чтобы представлено было ему устроить два завода на укинском берегу и в Ижиге для выделки мундирных, аммуничных и других вещей из звериных шкур, как для военных команд, так и для жителей полуострова, приобретая сырые материалы у коряк и чукоч. При этом Кошелев представил и образцы предполагаемого обмундирования. Проект этот был передан на рассмотрение генерал-губернатора и оставлен затем без всякого внимания. И только впоследствии, когда батальон был уже расформирован, морское министерство ввело в обмундирование нижних чинов морского ведомства, служащих в Охотске и Камчатке, куклянки, парки и торбаса.

30 июня 1803 г. состоялся высочайший указ на имя Кошелева о заведении солеваренных заводов в Нижнекамчатске, Петропавловской гавани, Тигиле и Большерецке.

В видах понижения цены на вино Кошелев желал возобновить винокурение из сладкой травы. Казенное винокурение началось в Камчатке еще в 1732 г. при дворянине Добрынском, который успел понизить цену на вино с 40 до 18 р. Сенат, получив от Беринга уведомление, что вино это вполне может заменить хлебное, указом своим от 20 сентября 1733 г. предписал в Камчатке сделать все необходимые приспособления для винокурения и продавать вино от казны. На основании этого указа вино приготавливалось по мере его потребности.

4-го января 1769 г. сенат разрешил купечеству продавать в Камчатке виноградные вина и французскую водку. Но винокурение все-таки продолжалось, и с 1762 г. по 1774 г. выкурено 8 213 вед. 1-го мая 1771 г. продажа вина в Камчатке была отдана на откуп на четыре года купцу Савельеву, по прошению которого Императрица Екатерина II в 1773 г. повелела: «Всякую водку, в том числе и травяную, продавать в Камчатке одному откупщику».

По окончании срока контракта Савельева иркутский губернатор снова отдал продажу там вина купцу Лебедеву, по 9 600 р. в год; но Бем успел убедить сенат, что откуп — большое обременение для края, и контракт Лебедева не был утвержден. Но при этом, чтобы не оставить край без водки, сенат предписал отправлять водку в Камчатку из Иркутска, так как местное вино, по донесению Бема, камчадалы и команды пили неохотно. Иркутская водка обходилась казне с доставкой в Камчатку до 13 руб. за ведро.

В 1783 г. Рейнеке, чтобы доставить камчадалам возможность заняться продажей сладкой травы, снова начал винокурение; но Угренин прекратил

его в тех видах, как писал он, что камчадалы, продавая в казну сладкую траву по выгодной цене — 4 руб. за пуд, исключительно заняты собиранием ее в ущерб рыбным промыслам. При нем доставлялось в Камчатку ежегодно от 1 000 до 1 500 ведер водки из Иркутска. Продажею водки заведовали обыкновенно частные пристава, а потом купцы, с вознаграждением от казны. После Угренина опять возобновлено было винокурение в небольших размерах. Но в 1804 г. вся медная посуда на заводе пришла в негодность и была продана с аукционного торга.

Кошелев писал в Иркутск, что продажа сладкой травы есть одна из главнейших статей доходов камчадалов, и что вино из сладкой травы обходится гораздо дешевле привозного. Но на представление это не получено разрешения.

Для большего сближения с чукчами Кошелев в 1805 г. представлял иркутскому губернатору о необходимости возобновления на р. Анадыре острога; но только не с прежнею военною целию, а для торговых с ними сношений. При этом Кошелев объяснил, «что чукчи вообще народ дикий, сильный, способный к грабёжам и крайне мстительный в случае малейшего обмана. Вся связь с ними русских заключается в мене товаров: медных, железных и чугунных вещей, табаку, бисеру, корольков и прочь. с нашей стороны и мягкой рухляди, моржовой и мамонтовой кости со стороны чукоч. Но как наши торговцы на Анадыре, по словам чукоч, их постоянно обманывают, то очень немудрено, что чукчи при удобном случае жестоко отомстят за это русским». Но и на это представление не было обращено внимания, а между тем предположения Кошелева скоро сбылись. В 1806 г. чукчи убили на Анадыре 14 промышленников Российско-Американской К^о и сами дали знать об этом Кошелеву, объяснив ему, что поводом к этому послужил постоянный обман комиссионера купца Воробьева (селение компании находилось в 70 верстах от большого Анадырского острога. — *Авт.*). При этом они сами просили устроить вновь Анадырский острог для присмотра за меновою торговлею. Кошелев в 1807 г. доносил об этом в Иркутск, но и на этот раз дело ограничилось одною перепискою.

Вопрос о возобновлении Анадырского острога был возбужден еще в 1791 г., после разорения на Анадыре всех поселений купца Баранова. Якутский дворянин Эверстов представлял об этом сенату проект, который по повелению Императрицы был передан чрез генерал-губернатора Пиля на рассмотрение находившегося в то время в Камчатке флота капитана Биллингса. Последний в 1792 г. донес Пилю, что все чукчи желают возобновления острога, и что он со своей стороны меру эту признает полезною для сближения с этим народом. При этом Биллингс предполагал доставлять к Анадырскому устью провиант из Охотска морем, а оттуда вверх по реке на байдарах. Но иркутский губернатор, представив генерал-губернатору Пилю все доводы и цифры, на основании которых упразднен Анадырск, успел убедить его

в бесполезности этих предположений. Письмо 24-го ноября 1792 г. представлял Императрице Екатерине II доводы иркутского губернатора, на основании которых 26-го января 1793 г. последовало Высочайшее повеление: оставить дело это без всяких последствий.

В 1795 г. ижигинский исправник Лаксман для наблюдения за промышленниками и для сбора ясака с чукоч послал на р. Анадырь прапорщика Хабарова с 20-ю казаками. Но Хабаров сам торговал с чукчами и обманывал их. Кроме того, собаки его уничтожили в селении запас рыбы у промышленников, так что по выезде его передохли все собаки от недостатка пищи.

Лаксман представлял в Иркутск, что селение на р. Анадыре следует уничтожить, потому что учреждение его не согласно с Высочайшей волей, объявленной Пленеснеру, и потому иркутский губернатор предписал перенести это селение или на р. Майн, или на Алнат, находящуюся в 150 верстах от Анадырского селения.

Распространившаяся по полуострову венерическая болезнь (венерическую болезнь камчадалы называют *русскою болезнию* или *арожин*. — Авт.). приняла в 1806 г. такие уже размеры, что Кошелев нашел необходимым собственно для венерических больных построить отдельную больницу на Мильковских водах, в 160 вер. от гавани, и сделал представление в Иркутск о присылке для нее врача.

Придерживаясь принятому нами порядку в изложении событий, мы должны упомянуть здесь о прибытии 2-го июля 1804 г. в Петропавловскую гавань первого русского кругосветного корабля «Надежда».

После тщетных попыток отыскать удобное сообщение Якутска с побережьем Охотского моря, Российско-Американская К^о решила завести сношения с своими колониями на Восточном океане кругосветным путем. С этою целию в начале 1803 г. главное правление компании, согласно с проектом Крузенштерна, распорядилось снарядить два корабля: «Надежда» и «Нева», первое под командою капитан-лейтенанта Крузенштерна, а второе капитан-лейтенанта Лисянского. Кроме доставки грузов в колонии, экспедиции этой поручалось посетить Японию для заведения с нею торговых связей. Посланником же в Японию был назначен один из главнейших акционеров компании камергер Рязанов.

26-го июня 1803 г. экспедиция вышла из Кронштадта и у Сандвичевых островов суда разлучись. «Надежда» пошла с посланником в Камчатку, а «Нева» к острову Кадьяку. По сдаче в Петропавловской гавани грузов, Крузенштерн 27-го августа 1804 г. вышел в море для следования в Японию и 26 сентября прибыл в Нагасаки. После неудачных переговоров Рязанова с японскими уполномоченными, Крузенштерн вышел в Японское море и 28 апреля 1805 г. открыл залив на северной оконечности Матсмая, названный им по имени канцлера графа Румянцова. 1 мая Крузенштерн прошел проливом

Лаперуза в Аниву на южной оконечности Сахалина. Потом, войдя в Охотское море, сделал опись восточного берега Сахалина до мыса Терпения, где принужден был прекратить работы по причине встреченного им льда. Пройдя через Курильскую цепь, 18 мая открыл группу островов *Каменные ловушки* (Муссир), и через 4 дня прибыл в Петропавловский порт. Высадив здесь Рязанова, 23 июня Крузенштерн вышел из Авачинской губы и 30-го, пройдя проливом Надежда между островами Матуа и Рашуя, вышел в Охотское море. 7 июля прибыл к мысу Терпения и отсюда продолжал исследование берега Сахалина. Обойдя северную его оконечность, спустился к устью р. Амура. Встретив в северном канале, отделяющем Сахалин от берега, сильное течение и совершенно пресную воду, заключил о близости амурского устья и потому послал шлюпку для дальнейших исследований. Но сильное течение, заставившее шлюпку возвратиться на судно, и опасение, чтобы дальнейшими исследованиями не навлек подозрение китайского правительства, — были причиною, что Крузенштерн не окончил предполагаемых изысканий и, подобно Лаперузу и Бротону, пришел к ложному заключению, что лиман Амура между Татарским берегом и Сахалином забросан сплошными мелями.

По возвращении в Петропавловскую гавань Крузенштерн изготовил здесь корабль к обратному плаванью и 23 сентября отправился в Кантон и оттуда в Кронштадт.

Из Камчатки Рязанов представлял правительству о скорейшем занятии острова Сахалин, чтобы не могли предупредить нас другие державы. Особенное внимание обращал он на губу Аниву, еще малоизвестную тогда свету; кроме того доказывал пользу занятия Сахалина и в отношении видов на Амур. То же самое писал и Крузенштерн, представив при том правительству свое мнение, что завладеть Анивою можно без всякого сопротивления. Быть может, никогда не представлялось такого удобного времени к занятию Сахалина, так как тогда не было еще на нем никаких японских селений; но правительство по каким-то причинам не воспользовалось этими предложениями. Быть может, что оно рассчитывало на участие в этом деле компании, которая 21 августа 1808 г. получила разрешение завести там поселения; но компания ограничилась только этим разрешением.

Мы выше уже заметили, в каком бедственном положении нашел Кошелев камчатский баталион. Будучи сам честным человеком, он был чрезвычайно строг с чиновниками и офицерами, предававшимися от бездействия пьянству, взяточничеству и разврату. Крутые меры, принятые Кошелевым противу их бесчинств, вооружили всех его подчиненных, которые составили заговор о тайном убийстве его. Во главе заговора стоял баталионный командир полковник Сибиряков, бывший вестовой Биллингса. Соучастники его были: майор Маников, капитан Батюшков, поручики: Соломка и Хитрово, прапорщик Хомяков, подпоручик Росторгуев, исправник Донин, купец Выходцев,

мещанин Барнашев, отставные, выгнанные из службы Кошелевым: майор Козельский и подпоручик Ермолинский; аудитор Савинский и квартирмейстер Шелашников. Всего с нижними чинами 37 человек. Кошелев, будучи предупрежден об этом бунте преданными ему людьми и, убедаясь в справедливости слухов о заговоре, арестовал всех заговорщиков, а Козельского, Шелашникова, Ермолинского, Расторгуева, Савинского, Выходцева заковал в кандалы. В комнатах, где заключались преступники, приказал заколотить окна, строго запретить впускать к ним посетителей, и сам приступил к производству следствия, донеся в то же время о всех своих распоряжениях генерал-губернатору.

Следствие это открыло еще и другой, более обширный заговор, заключавшийся в том, что нижние чины и жители Камчатки, любившие Кошелева за его честность, правдивость и гуманное с ними обращение, дали обещание вырезать всех заговорщиков, если они сделают Кошелеву хотя бы малейший вред.

Следственное дело Кошелев отправил в Иркутск с поручиком Клевецким, которому дал следующее оригинальное предписание: «Так как начальник Охотского порта Бухарин имеет привычку задерживать и распечатывать почты и эстафеты, то вам предписывается не давать ему прилагаемых конвертов, а если он или кто-нибудь другой будет требовать их силою, то, ничего не боясь, *бить того чем попало, до смерти, как бесчестного человека* (Бухарин находился в страшной вражде с Кошелевым, обличавшим его в злоупотреблениях. — *Авт.*)».

В это время генерал-губернаторствовал в Сибири Пестель, а иркутскою губернией управлял известный в Сибири Трескин, человек умный и деятельный, но в то же время гордый, мстительный деспот в полном смысле этого слова. Пестель постоянно жил в Петербурге и, будучи под влиянием Трескина, был только исполнителем всех предначертаний последнего. Трескин же ненавидел Кошелева за его резкие донесения, которые посылались во всех тех случаях, где Трескин позволял себе какие-либо несправедливые распоряжения или употреблял в бумагах дерзкие выражения. Например, Трескин требовал, чтобы Кошелев присутствовал в камчатском областном правлении и подписывал бы все донесения к нему этого правления. Кошелев отвечал ему на это: «Ваше превосходительство, чтобы избавиться от всех главнейших негодяев и пьяниц в Иркутске или по каким-либо другим, неизвестным для меня побуждениям, прислали их сюда членами областного правления, и потом требуете, чтобы я присутствовал, а, следовательно, и советовался с этою грязною компаниею свиней. Но если бы я и решился на эту меру, то этим стеснял бы только вас, ибо нельзя было бы ни Пестелю, ни вам писать таких диких предписаний областному правлению, какие пишутся теперь».

При таких условиях нельзя было ожидать решения дела о заговоре офицеров в пользу Кошелева, тем более что Пестель давно уже был вооружен Трес-

киным против Кошелева. Пестель и Трескин признали во всем виновным Кошелева, которому генерал-губернатор строго предписал немедленно освободить всех арестованных и самому ожидать дальнейших распоряжений от высшего начальства. В предписании этом Пестель, между прочим, высказал Кошелеву, что со вступлением его в должность коменданта Камчатка превратилась в острог.

Получив это предписание, Кошелев послал Пестелю чрезвычайно резкое донесение, в котором, между прочим, высказал, «что подобного рода несправедливое решение могло произойти только от того, что Пестель зять Биллингса, у которого полковник Сибиряков был вестовым и писарем, а потом возвышен в чинах за содействие Биллингсу красть и грабить всех в Камчатке. Поэтому, — писал он, — вам не хочется обвинить Сибирякова, имеющего к тому же протекцию у всесильной Российско-Американской К^о, будучи зятем правителя дел главного ея правления Зеленина (компания ненавидела Кошелева за арест прикащика и преследования ее злоупотреблений в Камчатке. — *Авт.*). Я, как человек честный, не боюсь вашего гнева и говорю вам правду, что вы самовольный властелин и пристрастны к моим противникам».

Но не долго пришлось Кошелеву бороться с своими врагами — Трескин при своем изворотливом уме все распоряжения Кошелева успел перетолковать таким образом, что его обвинили в тысяче преступлений и даже в растрате 3 т. руб. казенных денег, употребленных им на уплату камчадалам за доставку провианта из гаваней к месту расположения войск. Кошелев на сделанный ему по этому предмету запрос отвечал, что он принимает этот расход на свой счет и уже внес эти деньги в камчатское казначейство. «Будущие же начеты, — писал Кошелев, — я также уплачу, хотя бы это стоило моего достояния, лишь бы не было причины думать, что я извлекал из всех этих расходов свои выгоды». 14-го ноября 1806 г. Кошелев был отрешен от должности, вместо него назначен генерал-майор Петровский, а 30 марта 1808 г. граф Аракчеев уведомил Пестеля, что Государь Император Высочайше повелел: «Генерал-майора Кошелева по прибытии в Иркутск арестовать и препроводить в Петербург под присмотром, а всех арестованных в Камчатке офицеров освободить, не внося им в формуляр бытность их под судом».

Но Пестель и Трескин не ограничились этим распоряжением. Они поручили Петровскому произвести строжайшее над Кошелевым следствие и задержать его в Камчатке до особого распоряжения. Петровский 19 августа 1807 года прибыл в Тигиль, а 4 сентября принял управление Камчаткою. Желая угодить Пестелю, он жаловался на Кошелева, что он не сдал ему должности на законном основании, что на следствии дает уклончивые ответы и т. д. Пестель написал об этом Аракчееву, который 24 апреля 1809 г. предписал задержать Кошелева в Камчатке, пока он не исполнит всех требований Петровского.

Несчастный Кошелев должен был в течение более двух лет прожить для следствия в Камчатке, будучи окружен врагами и подвергаясь разным оскорблениям со стороны ханжи и взяточника Петровского и бывших своих подчиненных. Наконец, 12-го ноября 1809 г. Кошелев прибыл в Иркутск и под арестом был отправлен в Петербург, и предан суду. Но до окончания суда Кошелев поступил в ополчение и за оказанную им особенную храбрость в Отечественную войну 1812 г. по Высочайшему повелению был освобожден от суда.

При всех натяжках в следствии, Кошелев по суду оказался только виновным в превышении власти, закрытии духовного правления и отрешении от должности протоиерея Никифорова и диакона.

Для разъяснения последнего обвинения необходимо заметить, что духовное правление состояло тогда из того самого протоиерея Никифорова, которого побил Шмалев, и вечно пьяного священника Логинова. Никифоров предал в церкви после службы проклятию Кошелева и вместе с Логиновым гласно помогал врагам Кошелева делать всякие беспорядки, так что на церковных хорах найдены были бумаги, обличившие заговор офицеров. За эти-то поступки и за растрату церковных сумм Кошелев отрешил их от должностей, о чем сообщил иркутскому губернатору и святейшему синоду. Но Трескин при содействии иркутского архиерея Вениамина успел оградить Никифорова.

Во время Кошелева по Высочайшему указу 18 июля 1806 г. была снаряжена в Камчатку и на Курильские острова особая экспедиция для научных исследований. В указе этом, между прочим, было сказано: «В экспедицию для описания Камчатки и Курильских островов, имеющую продолжаться три года, назначить находящегося при посольстве графа Головкина адъютанта академии наук Редовского и землемера Кожевина. Повелеваю производить им из сумм государственного казначейства жалование: Редовскому по 1 000 р. и столовых по 600 р., а Кожевину жалованья 900 р. и столовых по 300 р., выдав сверх того им на прогоны единовременно 912 р. 52 к., да на подарки, инструменты и т. п. 1 000 руб.». Экспедиция была снаряжена по мысли назначенного в 1805 г. послом в Китай графа Головкина, который после тщетных попыток пробраться в Китай дал всем членам своего посольства разные назначения.

Все необходимые для экспедиции вещи и продовольствие были заготовлены в Иркутске и отправлены в Охотск на почтовых лошадях. В том же 1806 г. Редовский, Кожевин, препаратант и два служителя прибыли в Охотск. Вещи экспедиции в половине сентября были отправлены в Петропавловскую гавань на гальоте «Охотск» под командою штурмана Трубникова. Но гальот этот 30 октября 1806 г. разбился на первом Курильском острове, причем судно и весь груз погибли. Команда же спаслась и прибыла в Камчатку весною 1807 г. на трех байдарках.

Сам же Редовский для лучшего обозрения края отправился из Охотска 9-го ноября 1806 г. сухим путем через Ижигу и 8 февраля 1807 года умер, приняв яд.

Петровский по вступлении в должность коменданта послал ряд донесений к Пестелю о страшных беспорядках в Камчатке, возникших при Кошелеве, желая, вероятно, выслужиться этими донесениями. Но когда 6-го апреля 1807 года Пестель предписал ему донести, в чем именно заключаются эти беспорядки, то Петровский только и мог указать на арест офицеров и закрытие духовного правления.

Но и самому Петровскому скоро пришлось испытать ряд неприятностей от неограниченного деспотизма Трескина. До того времени, пока Петровский нужен был Трескину по делу Кошелева, Трескин снисходительно смотрел на него; но когда Кошелев выехал из Камчатки, он стал посылать к Петровскому строгие предписания, требуя при том донесений о его действиях по управлению областью. Петровскому, несмотря на рабскую его покорность начальству, надоели, наконец, дерзкие распоряжения Трескина, и он, между прочим, писал Пестелю: «Иркутское правительство входит во все распоряжения вверенного мне края — зачем же я здесь? Если вашему Высокопревосходительству угодно, чтобы я состоял в непосредственном распоряжении Трескина, то убедительнейше прошу назначить вместо меня другого, ибо я уже 9 лет генерал-майор!» Кроме того, 25-го ноября 1808 г. Петровский донес министру коммерции, «что иркутское губернское начальство, желая из каких-то видов отдать Камчатку на откуп, завело с камчатским областным правлением безрассудную переписку, обидную и оскорбительную для управления моею областью и самого чина моего».

Оба эти донесения попали через Пестеля в руки Трескина, который сумел устроить это дело таким образом, что Аракчеев в том же 1808 г. сделал Петровскому строжайший выговор за неуместные его выражения против начальства.

В 1810 г. Петровский доносил военному министру, что иркутское начальство не высылает в Камчатку для тамошних команд потребного количества провианта. На запрос, сделанный по этому поводу Пестелю, он отвечал военному министру, «что Петровский давно уже питает к иркутскому начальству недовольствие за то, что оно старается удержать в границах стремления его к самовластию, и принял решительное намерение вредить ему. Команда камчатская, состоящая из 18 офицеров, 415 нижних чинов и 305 кантонистов, достаточно снабжена провиантом, судя по количеству отправленной туда муки».

Время управления Камчаткою Петровским ознаменовалось прежними грабительствами и притеснениями туземцев. Сам Петровский под благовидным предлогом водворения порядков объехал весь полуостров, кроме олюторских острожков, и везде собирал соболей и лисиц. Сибиряков, исправник Донин и полицмейстер Расторгуев грабили также всех беспощадно. Кроме того, Сибиряков выводил солдат на частные работы и деньги брал себе. Донин же пускал в оборот солдатский провиант. По всей Камчатке перевози-

лись купеческие клады без прогонов, потому что Петровский участвовал в торговле с купцами. Петровский отдал с подряда купцу Выходцеву перевозку казенного провианта из Петропавловской гавани в Нижнекамчатск по 10 руб. с пуда, тогда как камчадалы брались перевозить по 7 руб. Впоследствии открылось, что Выходцев за эту сделку должен был купить провиант Петровского и Сибирякова, хранившийся в Нижнекамчатске, по 10 руб. за пуд. Кроме того Выходцеву предоставлено было под видом почты доставить на обывательских байдарах разные товары с Курильских островов, выгруженные там с разбитого судна.

Жители Нижнекамчатска в особенности терпели от притеснений Петровского. Они безвозмездно должны были содержать почтовую гоньбу и поставлять безденежно дрова для отопления казенных зданий (по жалобе нижнекамчатских жителей 27 сентября 1809 г. состоялся сенатский указ, чтобы с жителей Камчатки не требовать безденежно поставки дров для отопления казенных зданий. — *Авт.*). Жены же и дочери обывателей посылались еженедельно без всякого вознаграждения мыть полы в квартиру Петровского и во всех казенных зданиях, а сопротивлявшихся наказывали телесно. Сибиряков с компанейскими прикащиками Паско и Пановым объехал для торговли всю Камчатку. Камчадалы были выгнаны для его проезда на 300 и 400 верст, потому что он брал на станциях по 130 собак, большая часть которых погибла, и камчадалами пришлось возвращаться в свои жилища пешком. За все эти труды Сибиряков заплатил им только 45 руб., считая, в том числе, и прогоны.

Петровский доносил иркутскому губернатору, что по неумову пушных зверей камчадалам нечем платить ясак, а между тем Петровский, Донин и их компания продали в 1811 г. камчатским купцам 7 000 соболей и лисиц, не говоря уже о запасах пушнины, сделанных всеми офицерами и нижними чинами.

В 1808 г. Трескин хотел отдать продажу вина в Камчатке на откуп. Но сенат не согласился на его предложение, чтобы откупщики не разорили туземцев. Отказ этот был основан на представлении Петровского, который доносил министру коммерции, *что хлебная водка в Камчатке бесполезна, а паче пагубна*, при этом просил дозволить продажу в Камчатке вина всем без исключения. Но впоследствии открылось, что Петровский хлопотал не о пользе туземного населения, а для своих личных выгод, потому что сам он был камчатским откупщиком, участвуя с купцами в продаже французской водки и помогая Российско-Американской К^о торговать вином. Поверенные Петровского ездили по стойбищам инородцев и выменивали у них соболей и лисиц на водку, несмотря на существовавшее уже тогда запрещение продажи им вина. Предусмотрительные корячки старшины, зная слабость своих соплеменников к хмельным напиткам и опасаясь, чтобы они не дошли до окончательного разорения, убедили коряк удалиться с своими табунами оленей от Ижиги в отдаленные тундры.

Петровский по приезде своем в Камчатку доносил Пестелю, что он предполагает начать хлебопашество в больших размерах. Но опыты его не привели ни к каким полезным результатам. Посеянный в 1809 и 1810 годах близ Нижнекамчатска разный хлеб позяб от утренников. С 1812 г. казенное хлебопашество в Камчатке было прекращено.

Между тем потребность в хлебе была громадная. Несмотря на то что в 1809 и 1810 гг. были отправлены из Охотска в Камчатку 6 транспортов с мукою, в 1810 г. был крайний в нем недостаток. Камчатский комиссионер предлагал Петровскому употребить на довольствие команды хранившийся в Петропавловской гавани семенной хлеб в количестве 2 420 пуд., перевозка которого в Нижнекамчатск обходилась в 28 240 руб.; но Петровский ответил ему, что семена нужны для будущих посевов, и приказал отпускать команде по $\frac{1}{4}$ пайка провианта. Мера эта произвела ропот между нижними чинами, которые просили своих офицеров доложить об их неудовольствии Петровскому, и когда офицеры подали рапорты, Петровский арестовал их, а главных виновников из нижних чинов заковал в кандалы, как бунтовщиков.

Пока Петровский разными бесчестными проделками наживал себе состояние, Трескин постепенно вооружал против него высшее начальство. И, наконец, военный министр в 1812 г. командировал в Камчатку для исследования всех его злоупотреблений майора Тараканова. Осенью 1812 г. Тараканов прибыл в Камчатку и приступил к следствию по делам, относящимся до военной части, а все остальные вопросы, как равно и жалобы камчадалов, отклонил от себя под тем предлогом, что он не уполномочен на производство следствия по гражданским делам.

На первых порах Тараканов весьма деятельно занялся возложенным на него поручением: допрашивал нижних чинов, поверял магазины и книги и т. д. Но впоследствии Петровский и Сибиряков успели склонить его на свою сторону соболями и деньгами, так что Тараканов перебрался даже в квартиру Сибирякова, а стол имел у Петровского. По выезде же из Камчатки он вывез с собою большой запас соболей и лисиц. Но, несмотря на слишком снисходительное следствие Тараканова, Петровский все-таки по прибытии из Камчатки в Иркутск был отдан под суд, потому что в руках Трескина было слишком много данных к его обвинению. Не ушли также от суда и офицеры камчатского батальона, которых Петровский оправдал по делу Кошелева. Все они оказались виновными в соучастии с Петровским в разных противозаконных действиях.

Перечисляя события этого времени, мы должны указать здесь на приход в Камчатку шлюпа «Диана» и дальнейшее его плавание в Тихом океане. 16-пушечный шлюп «Диана» (в 300 тон. и 90 ф. длиною) был отправлен 25 июля 1807 г. из Кронштадта в Восточный океан под командою капитан-лейтенанта Головнина. Главнейшая цель его путешествия была географиче-

ские исследования в части Великого океана, прилежащей к русским владениям в Азии и Америке, а также и доставка разных грузов в Камчатку. По случаю разрыва с Англиею шлюп был задержан в Саймонс-бае 13 месяцев, а потом он прибыл в Петропавловскую гавань только 25 сентября 1809 г. Сдав здесь груз, он отправился в Ситху, откуда вернулся в Камчатку в 1810 г. В 1811 г. Головнин получил распоряжение сделать съемку южных Курильских и Шантарских островов с прилежащими берегами. В июне того же года Головнин осмотрел южные Курильские острова от Матуа до Урупа и 6 июля стал на якорь на южной оконечности Кунашира, чтобы налиться водою. 11 июля Головнин с мичманом Муром, штурманом Хлебниковым, с 4 матросами и одним курильцем-переводчиком съехал на берег. Японцы, желая отомстить русским за поступки Хвостова, взяли их в плен. Старший офицер шлюпа лейтенант Рикорд после бесполезных попыток освободить Головнина отправился в Охотск.

В октябре 1810 г. по восточную сторону Камчатской Лопатки разбилась японская буса. Из находящейся на ней команды 6 человек погибло во время крушения бусы, 9 найдено на берегу замерзшими и 7 полуживых от холоду. Последние были доставлены сперва в Петропавловскую гавань, а потом в Охотск (дела иркутского архива. — *Авт.*). Рикорд, пользуясь этим случаем, поместил японцев на «Диану» и 22 июля 1812 г. вышел в море, взяв с собою охотский транспорт «Зотик», и 28 августа подошел к Кунаширу. Но и на этот год Рикорду не удалось освободить Головнина, и он отправился на зимовку в Петропавловскую гавань. Раннюю весною Рикорд вышел в море, зашел в Охотск и оттуда 23 мая отправился к острову Кунаширу, а потом в Хакодате и, наконец, 7 октября 1813 г. после продолжительных переговоров японцы освободили Головнина и его спутников, и шлюп прибыл с ними 3 ноября в Петропавловскую гавань.

Между тем Петровский по разбитии японской бусы не хотел отпускать из казны денег на содержание потерпевших крушения японцев, и только после долгих убеждений лиц, к нему приближенных, согласился продовольствовать их на счет казны. В донесении своем об этих японцах он, между прочим, писал Трескину, что хотя он и не имел законного права расходовать на содержание их казенные деньги; но, однакож, решился на эту меру, чтобы не умерить их с голоду, и что он предписал кому следует быть при содержании их экономнее (Трескин на донесении этом написал оригинальную резолюцию: *«Мерзавец! Хорош начальник отдаленного края!»*) Резолюция эта и теперь цела в делах иркутского архива. — *Авт.*). На другой год по ходатайству Трескина было Высочайше разрешено отпускать на содержание этих японцев от казны ежегодно по 219 руб. 26¹/₂ коп.

В 1810 г. была такая суровая зима в северо-восточном крае Сибири, что Берингово море и проливы между Курильскими и даже Алеутскими (*Али-*

уая по-алеутски означает «Что такое?» От этих-то слов и произошло название алеутов, о которых в первый раз услышали в Камчатке в 1747 году. — *Авт.*) островами покрылись льдом, который стоял почти целый месяц и так крепко, что ходили по льду. Явление это чрезвычайно редкое в тамошних морях.

Мы выше уже сказали, что Кошелев просил иркутского губернатора о высылке в Камчатку особого медика для пользования туземцев от венерической болезни. Не получая на это представление никакого ответа, он высказал эту необходимость во всеподданнейшем отчете. По этому поводу последовало Высочайшее повеление об отправлении в Камчатку собственно для прекращения венерической болезни доктора Шпера с двумя фельдшерами. Шперу было назначено производить жалование по 1 200 руб., а фельдшерам по 200 р. в год, о чем сообщено Пестелю 20 ноября 1807 г. в именном указе.

23 сентября 1808 г. Шпер прибыл в Нижнекамчатск с большим запасом медикаментов. Наслышавшись в пути о личности Петровского и будучи независим от него, Шпер не обращался к нему ни с какими просьбами, а, сблизившись с Кошелевым, руководствовался его советами. Обстоятельство это было причиною, что Петровский возненавидел Шпера, в особенности за сближение его с Кошелевым, и, желая чем-нибудь повредить ему, послал на него в Иркутск донос, что будто бы он вместе с Кошелевым слишком свободно говорит о сибирском начальстве.

В декабре 1808 г. Шпер отправился в путешествие по полуострову для осмотра больных и по возвращении своем в январе 1809 г. в Нижнекамчатск сообщил Петровскому, что не встречается никакой возможности прекратить на полуострове венерическую болезнь до тех пор, пока все больные не будут собраны в одно место. При таких убеждениях, считая бесполезным оставаться долее в Камчатке, он выехал в Иркутск, послав при этом донесение министру внутренних дел, в котором, между прочим, писал, «что при тех условиях жизни, при которых находятся камчадалы, доктор в Камчатке из *всех бесполезнейших вещей есть самая бесполезная*, и особенно для венерической болезни. Большая часть жителей полуострова страдает цингою, язвами и чирьями, так что сифилис есть болезнь второстепенная. Чтобы приступить к лечению туземцев, необходимо иметь сухое помещение и здоровую пищу; но этих-то условий и лишены больные. Там нужен не доктор, а средства к удобной жизни. Имеющихся в Камчатке двух докторов очень достаточно, чтобы в случае надобности подать пособие камчадалам».

Но министр внутренних дел за самовольную отлучку Шпера из Камчатки назначил его на службу в Иркутск, и только в 1810 г. по особому ходатайству Трескина было разрешено ему поступить в действующую армию.

Хотя Шпер и не выполнил благих намерений правительства; но, тем не менее, принес большую пользу камчатскому краю своею служебною пере-

пискою с Трескиным, послужившею поводом к новым преобразованиям в Камчатке.

В одном из донесений своих к Трескину Шпер, между прочим, написал: «Когда-то в Камчатке считалось до 50 000 туземцев, а теперь едва наберется 1 500! Кто этому причиною? Русские, внесшие на полуостров разврат и всякого рода болезни. В особенности же увеличилась там смертность с прибытием баталиона. В течение последних 8 лет умерла там по крайней мере пятая часть жителей. Кроме того, Камчатку превратили в страну ямщиков: беспрепятственные посылки и переводы солдат, перевозка грузов и обозрения, которые чрезвычайно выгодны для обозревающих. Многие из офицеров и солдат имеют своих собак и разъезжают на них по полуострову для корыстных целей. Камчадалы безответны — провозжают и кормят проезжающих на свой счет. Сколько ни запаси летом камчадал рыбы, все истратит зимою для прокормления чужих и своих собак, а весною голодует. Тогда начальство кричит — камчадал ленив и беспечен. А не думает того, что он отдает все, пока есть, да и не смеет поступить иначе, боясь побоев и наказания.

Для чего был приведен баталион в Камчатку? Если для усмирения жителей, то это лишнее, потому что загнанные и угнетенные камчадалы не в состоянии уже решиться на какую-либо отчаянную меру. Если для защиты гаваней, то бесполезно, потому что ни у одного солдата нет порядочного ружья, а гавани не имеют даже посредственных укреплений. Для того, отвечаем мы, чтобы истребить и жителей, и солдат!»

Донесение это подало Трескину мысль об упразднении камчатского батальона. В 1809 г. он вошел с представлением к Пестелю, в котором просил для блага жителей Камчатки и Якутского края, разоренного ежегодною транспортною провианта и разных батальонных грузов, вывести с полуострова бесполезные войска.

При представлении этом Трескин приложил следующую записку, заключавшую в себе много интересных фактов.

«Назначение в Камчатку батальона сделано помимо иркутского губернатора после манифеста 1799 г., июля 15, по политическим видам. На содержание батальона, кроме находящихся в Камчатке 129 чел. казаков, в течение 10 лет употреблено 1 791 566 руб., не считая единовременных расходов. Но все эти затраты ничего не значат против того бедственного положения, до которого доведен теперь Якутский край. Еще до назначения в Камчатку батальона якуты чувствовали уже ощутительную тяжесть в доставке в Охотск провианта; но с прибытием батальона потребовалось ежегодно по несколько десятков тысяч лошадей, большая часть которых пала на дороге по недостатку кормов и изнурения по непроходимому пути. В одном 1808 г. пало у них до 10 000 лошадей. Разоренные якуты отказались от подрядов, и их стали наряжать для перевозки провианта силою, заставляя выполнять эту повинность и бедных, и богатых.

Прежние опыты хлебопашества в Камчатке, кажется, достаточно убедили правительство в его невозможности; но, несмотря на это, приступили к новым опытам, и в больших размерах, стоивших казне громадных расходов. Военная же команда отняла у камчадалов их первобытную простоту, свободу и спокойствие. Словом, край упал до того, что не скоро может поправиться».

В то же время возвратившийся из кругосветного плавания капитан Крузенштерн подал правительству мысль об уничтожении в Камчатке баталиона.

Пестель донесение Трескина препроводил к графу Аракчееву, который 12 ноября 1809 г. уведомил его, что дело это передано на рассмотрение комитета министров.

Прошел год, а вопрос этот все еще рассматривался в комитете министров. Все сомневались в доводах Трескина, что в Камчатке хлебопашество невозможно, тем более, что и посол наш в Японии Рязанов, посетивший Камчатку, доносил Государю, что страна эта чрезвычайно удобна для земледелия. «Камчатский полуостров, — писал он, — изобилует рыбою, дикими зверями и птицами. Скотоводство может быть здесь в больших размерах, потому что трава родится в человеческий рост. Хлебопашество при малейшем внимании могло бы иметь величайшие успехи. В Верхнекамчатске без удобрения полей хлеб родится сам 8-мь, ячмень сам 14-ть. Реки способствуют к сообщению. Лес очень хорош, особенно лиственничный. Необходимо только устранить недостаток соли, без которой камчадалы бедствуют и по недостатку ея квасят рыбу в ямах и едят березовую кору. Употребляя медную посуду без полуды, они подвержены разного рода болезням. В женщинах в Камчатке крайний недостаток, так что на 30 мужчин приходится одна женщина».

Наконец, в исходе 1810 г. Трескин вновь возбудил этот вопрос, и 11 января 1811 г. по Высочайшему повелению составлен был особый комитет под председательством Пестеля из следующих лиц: вице-адмирала Сарычева, капитана Крузенштерна, профессора Лангсдорфа и лейтенанта Гагемейстера. На обязанности этого комитета было возложено составить подробные соображения насчет преобразования управлений Камчатки и Охотского края, имея при том в виду, чтобы Петропавловский порт был сосредоточием наших приморских владений на Восточном океане. Кроме того, комитету поручено окончить свои заседания в течение трех недель. Комитет открыл свои заседания 14 февраля и, по рассмотрении всех предложенных ему на обсуждение вопросов, составил новое положение о Камчатке, которое 9 апреля 1812 г. было Высочайше утверждено.

Положение это заключалось в нижеследующих 90 пунктах:

1) Всех нижних чинов и унтер-офицеров камчатского баталиона, роты в Удском остроге находящейся, команд: штатной, провиантской и комиссариатской, выслуживших узаконенный срок, уволить в отставку.

2) Уволенным таким образом нижним чинам и унтер-офицерам всех вышеупомянутых команд предоставить свободу или остаться в Камчатке на поселении, или возвратиться внутрь государства на место прежнего их жилища, либо куда пожелают.

3) Затем из не выслуживших узаконенные сроки унтер-офицеров и нижних чинов укомплектовать полагаемые §§ 12 и 25-м флотскую экипажную в Петропавловской гавани роту, также и казачьи команды, камчатскую и ижигинскую, какое потребуется за пополнением сих последних команд казачьи детьми, к несению службы способными, что в особенности поручить будущему начальнику Камчатки, предписав ему наипаче избирать к тому, по возможности, людей, кои сами в Камчатке остаться пожелают, предпочтительно же сибирских уроженцев.

4) Тех за сим из не выслуживших узаконенного срока унтер-офицеров и нижних чинов, кои также изъявят желание поселиться в Камчатке, уволить равным образом в отставку; кои же не изъявят такового желания, оных, не увольняя от службы, вывести из Камчатки и предоставить по прибытии их в Иркутск тамошнему военному начальству сделать им распределение по его усмотрению.

5) Таким образом из нижних воинских чинов останутся в Камчатке те токмо, кои сами добровольно сего пожелают, с тем, чтобы вступить в звание поселян и упражняться в хлебопашестве. Новое сие сословие людей, приобретенное к поселенным уже прежде в Камчатке русским землепашцам, примет название государственных крестьян, и дети останутся при них, как дети всех прочих поселян.

6) Вследствие сего уничтожить находящееся в Камчатке военно-сиротское отделение, яко уже за таковым распоряжением ненужное.

7) В звание помянутых, вновь водворяемых в Камчатке поселян из воинских унтер-офицеров и нижних чинов, принимать предпочтительно женатых, и таковых, кои, женившись, обзавестись могут прочно хозяйством.

8) Всем унтер-офицерам и нижним чинам, которые в Камчатке поселены будут, отведа удобные для хлебопашества земли, доставить им сверх того от казны безвозвратно следующие единовременные пособия:

а) Раздать им имеющийся ныне в Камчатке казенный конный и рогатый скот, по рассмотрению будущего начальника Камчатки.

б) Им также раздать имеющиеся в Камчатке казенные землепахотные инструменты и принадлежащие к сему разные материалы, как-то: железо и прочее.

в) Семенной хлеб, как ведомства иркутской казенной экспедиции, так и состоящий при гарнизонном батальоне от тамошнего урожая, раздать им же по равным частям, а более по ближайшему рассмотрению будущего начальника Камчатки благонадежности людей, коим станет он отпускать хлеб сей.

Но поелику быть может, что хлеб от перевозки и долгого лежания попортится и к посеву окажется негодным, как то случилось в бытность там генерал-майора Кошелева, — то в пособие сим новым поселенцам купить оный у живущих близ Верхнекамчатска русских крестьян в деревнях Мильковой и Ключевской; а хлеб, ныне в Камчатке находящийся, употребить на что годен будет, по усмотрению начальника.

г) Дабы каждому из остающихся в Камчатке отставных унтер-офицеров и рядовых дать способы обзавестись и сделаться совершенным поселенином, освободить их всех на первые три года от всяких казенных податей и общественных повинностей; от рекрутства же оставить их, на основании Высочайше утвержденного в 1810 году мнения комитета министров, навсегда изъятыми.

9) По уничтожении таковых распоряжений, внушить поселенцам, что они, поступая в сей новый род состояния, относительно их продовольствия никаких других пособий от правительства ожидать более не могут, а обязаны приобретать нужное собственными своими трудами и стараться учреждать хозяйство свое сколь можно прочнейшим образом.

10) Отставных из выслуживших узаконенных лет нижних воинских чинов, которые в Камчатке поселены будут, если по прошествии двух лет не покажут они на деле никаких успехов в хозяйстве, обращать паки в службу для окончания выслуги узаконенного срока.

11) Для вящего поощрения камчатских поселян к хлебопашеству удостоверить их со стороны правительства, что хлеб, какой может оставаться у них за собственным их продовольствием, будет у них покупаем местным начальством по той самой цене, во что обходится казне хлеб привозный, с доставлением онаго в Камчатку, и сверх того назначать награды тем из них, кои преимущественно пред другими поставят более хлеба, о каковых начальник Камчатки обязан представлять всякий раз на дальнейшее рассмотрение для назначения воздаяний, соответственных оказанным успехам.

12) За таковыми распоряжениями об упразднении камчатского батальона, сформировать в Петропавловской гавани одну флотскую экипажную роту из 122 человек, коих заимствовать из мест и команд, в том же штате показанных, применяясь, впрочем, и к 3-му § сего положения, где между прочим сказано, чтоб на укомплектование учреждаемой флотской экипажной роты обратить способнейших из остающихся за реформой камчатского батальона людей, узаконенного срока не выслуживших.

13) Роту сию комплектовать впредь детьми служащих в оной нижних чинов, 15 лет и более от роду имеющих, однако обращать на сие комплектование не иначе, как в случае только крайней необходимости.

14) Служба флотской экипажной роты состоять имеет более в содержании караулов при гавани, в защищении Петропавловской крепости и всей

Авачинской губы, в случае нужды, в плавании на судах и вообще в исправлении всех обязанностей по их званию.

15) Предыдущим § постановляется в числе обязанностей флотской экипажной роты защищение Петропавловской крепости и всей Авачинской губы. На сей конец в комплекте оной по штату между прочим 30 артиллеристов.

16) Артиллеристов сих заимствовать из артиллерийской ныне в Петропавловске состоящей команды, уволив из оной всех унтер-офицеров и солдат, узаконенные сроки выслуживших, и дополнив недостаток, буде какой от сего увольнения последует в артиллеристах, способнейшими из камчатского батальона людьми, срочных лет еще не выслужившими, на основании того же 3 § сего положения.

17) Всех нижних служителей флотской экипажной роты снабдить оружием, после расформирования камчатского батальона остаться имеющим.

18) Как по опытам известно, что обыкновенная солдатская или матросская амуниция в Камчатке неудобна, то впредь туда никакой амуниции не посылать, а для всех нижних чинов флотской экипажной роты в Петропавловской гавани покупать на счет казны свойственную тамошнему краю одежду.

19) Образ сей одежды, сроки употребления оной и прочия надобности предоставить учредить сообразно местным обстоятельствам будущему начальнику Камчатки и представить о том на усмотрение высшего начальства.

20) Жалование и прочее довольствие чинам, флотскую в Петропавловске роту составлять имеющим, производить, кроме ротного командира и лейтенанта, коим содержание на сей раз назначается по особому штату, все то же и на том же основании, как производится сие в Охотском флотском экипаже, исключая обмундирования, о коем выше §§ 18 и 19 сего положения делается особое постановление.

21) Детям нижних флотской роты служителей никакого довольствия не производить, доколе не вступят в действительную службу.

22) Из находящейся в Камчатке казачьей команды всех неспособных к службе по старости и болезням оставить на свободное жительство в Камчатке. Но как могут быть из них и теперь, и после такие, которые не в состоянии уже сами себе доставлять пропитание, то назначается им инвалидное содержание.

23) Число инвалидов полагается 15 человек.

24) Содержание им определяется на общем об инвалидах положении, не производя токмо амуниции, так как она и для служащих казаков по настоящему положению отменяется.

25) За сим из казачьей в Камчатке команды сформировать две команды особые, одну для Камчатки конную, а другую для Ижиги пешую, укомплектовать и сии команды согласно § 3 сего положения таким числом способных

из камчатского баталиона людей, какое потребуется за наполнением оных казачьими детьми, к исправлению службы годными.

26) Служба сих казаков ограничивается не сроками, а способностями к несению оной.

27) Служба сих казаков состоять имеет в содержании караулов при казенных местах, в рассылке по казенным надобностям, также с почтами и эстафетами, в охранении купеческих караванов и в прочих поручениях, какие по обстоятельствам возлагаемы на них будут.

28) Каждого казака, не имеющего собственного оружия, снабдить оным также из числа того, которое остаться может от расформирования камчатского баталиона.

29) Амуниции от казны не давать, а каждый должен иметь свое собственное одеяние.

30) Кроме жалования, в штате назначенного, производить каждому казаку от казны половинный солдатский паек провианта, а за другую половину вменяется прибавочное противу нынешнего жалование.

31) Касательно продовольствия детей казачьих поступать на основании том, как сказано о детях морских служителей в § 21 сего положения.

32) Из конной казачьей команды, в Камчатке состоять имеющей, 30 человек и 4 урядниками полагается для распределения по острогам; остальные же должны состоять при Петропавловской гавани. Впрочем, сие представляется ближайшему усмотрению на месте камчатского начальника.

33) Лошадьми команду сию снабдить из имеющегося в Камчатке казенного скота. Фураж для лошадей состоять должен в зимнее время только из одного сена, за неупотреблением в тамошних местах овса; летом же будут иметь подножный корм. А поелику езда на лошадях возможна в Камчатке только летом, то для зимней службы казаки должны иметь собак.

34) По прежнему порядку провиант и прочие потребности для продовольствия и снабжения в Камчатке и Ижиге воинских команд доставляемы были из Охотска. Доставку сию продолжат и ныне на прежнем основании, доколе землепашество в Камчатке не распространится до нарочитой степени, или пока не будут придуманы другие способы к снабжению сей отдаленной страны всеми нужными ей потребностями.

35) Хлеб в Камчатку доставлять мукою или зерном, как того главный начальник по соображениям его требовать будет.

36) Настоящее областное в Камчатке правление, яко слишком для края того обширное и многосложное, упразднив, поручить управление Камчатки особому начальнику на правилах, сколь можно простых и единообразных.

37) Пребывание начальника Камчатки назначается впредь в Петропавловской гавани.

38) По прежнему распорядку управление Ижиги зависело от начальствующего в Камчатке. Но как ныне по отдаленности его местопребывания, в Петропавловске назначаемого, встретились бы ему значущия неудобства в наблюдении за управлением ижигинскою округою, то по уважению сему, отделив оную от Камчатки, причислить к Охотской области, от коей уже зависеть имеют как комиссар, по штату для Ижиги полагаемый, так и все тамошние чиновники и казачья команда.

39) При начальнике Камчатки, коего управление органичивается таким образом одною сею областью, состоять имеют следующие чиновники: помощник начальника, секретарь, объездный комиссар, три писаря из урядников или казаков и их детей, два лекаря и три лекарских ученика.

40) Начальник Камчатки имеет определяем быть из морских чиновников, который, кроме познаний по морской части, должен иметь нужные способности для успешного управления столь отдаленной области.

41) Оный же начальник должен быть купно и ротный командир флотской экипажной роты, в Петропавловской гавани полагаемой.

42) Начальник Камчатки состоит под главным управлением сибирского генерал-губернатора, который снабдит его подробной инструкцией в отношении обязанностей, на нем лежать имеющих.

43) Главнейшие из сих обязанностей имеют состоять:

а) *По части хозяйственной* — в поправлении состояния жителей поощрением их к промышленности, тамошнему краю свойственной, к хлебопашеству и скотоводству, равно и в изыскании способов и источников к приращению по возможности доходов казны и к приумножению выгод тамошних жителей.

б) *По части полицейской* — в учреждении и сохранении во всем порядке, благоустройства, спокойствия, безопасности, как общей, так и частной, и в разбирательстве взаимных жалоб и дел между жителями Камчатки и приходящими в Петропавловский порт на купеческих судах рабочими людьми и их хозяевами.

44) Поелику по упразднении камчатского областного правления все дела, как по военной, так и по гражданской части, поступать имеют на рассмотрение начальника, то и решительное по ним исполнение должно исходить токмо от его лица.

45) В случаях особенной важности, или когда бы нужда представилась произвести дело вместе и о жителях Камчатки, и о нижних чинах тамошних воинских команд, учреждается особое присутствие из начальника Камчатки, его помощника, комиссара, когда сей не в отлучке, и из аудитора, коего должность исправляет, как по штату о флотской экипажной роте полагается, состоящий при оной клерк.

46) Присутствие сие, решая дела обыкновенные, не полагает никакого формального заключения по важным делам, а обязано учиненное им и всеми сведениями снабженное исследование представлять с мнением и замечаниями своими в иркутское губернское правительство, а сие рассылать подобные следственные дела по принадлежности в места, кои по роду участвующих в деле лиц имеют право на суждение.

47) Буде же встретится важное какое дело, отлагательства не терпящее: оное начальнику Камчатки решить с совету его офицеров, без предписания высшего начальства, по чрезвычайному отдалению коего не может он получать нужных разрешений в надлежаще время.

48) С преступниками из воинских команд поступать: 1) На основании конфирмованного в 8 день сентября 1803 г. доклада о новом образовании генерал-аудиториата. 2) На основании Высочайшего повеления, по докладу министра военных морских сил последовавшего, о праве охотскому начальнику наказывать нижних чинов; и 3) На основании такого же Высочайшего повеления, состоявшегося на доклад министра военных сухопутных сил об учреждении Кригсрехта, вместо положенных законом 7-ми судей, только из 3, по недостатку офицеров.

49) Штатные издержки производить начальнику на законном основании, не требуя на то разрешения. Сверх того, в непредвидимых и неотлагательных случаях употреблять ему, буде то для пользы казенной необходимо нужно, до 5 000 руб., донося всякий раз, сколько, на что и по каким важным и особенным причинам издержано.

50) Мемории из дневных своих журналов обязан начальник Камчатки посылать на рассмотрение в иркутское губернское правление.

51) Для производства дел назначается при нем канцелярия под именем канцелярии камчатского начальника, которая составлена быть имеет из секретаря и трех канцелярских служителей, по штату назначенных.

52) Начальнику Камчатки предоставляется учредить порядок производства дел, применяясь в сем случае сколько можно к тому, который существует в Охотске по Высочайше утвержденному 11 августа 1803 г. положению об управлении оным портом. Вообще он имеет состоять в тех же отношениях, как по части морского управления, так и по части гражданской, в коих поставлен и начальник Охотского порта.

53) Помощник начальника Камчатки полагается для успешного исправления дел, на его обязанности лежащих.

54) Помощник начальника Камчатки, быв также из морских чиновников, исправляет купно и должность лейтенанта в флотской экипажной роте.

55) Помощник начальника Камчатки должен исполнять все поручения, какие на него сим последним возлагаемы будут; в случае же отлучки по делам

службы, равным образом в случае болезни или смерти начальника, он занимает его место и управляет Камчаткою временно.

56) Начальнику Камчатки предоставляется в случае неотыскания надежного чиновника, в должность комиссара определять для исправления оной из казачьих урядников, известных по знанию канцелярского порядка и по хорошему поведению, с назначением таковому делопроизводителю жалования, по его усмотрению, из оклада секретарского, но не свыше половины онаго.

57) Чиновник сей имеет быть употребляем особенно для объездов по предписанию начальника Камчатки по местечкам и селениям оной, для надзора там за порядком и благоустройством, и вообще для исполнения поручений начальника.

58) Лекаря должны с достаточными практическими сведениями и опытностью соединять возможную готовность и усердие к облегчению страждущих болезнями. В отличную заслугу вменится им, если они обратят усилия свои на изыскание способов врачевания, камчатскому краю свойственных, и в особенности приложат попечение о введении между камчадалами прививания оспы, коея натуральные действия столь для них пагубны. Сверх того, обязанностью их будет объезжать попеременно остроги и селения Камчатки для посещения больных и подания им помощи.

59) Всем определенным в Камчатку чиновникам дать следующие выгоды: а) При определении в должность и отправлении в Камчатку производить в следующий чин и выдать прогонные деньги по сему чину и по расстоянию места, откуда кто следовать будет, а сверх того выдать половинное жалование не в зачет. б) При увольнении от службы в Камчатке по выслуге пятилетнего срока беспорочно и достаточными об успехах по службе удостоверениями снабдить прогонными деньгами до места, куда кто выехать пожелает, и сверх того выдать не в зачет половинное жалование. в) Ежели начальник положенный срок прослужит согласно с ожиданиями правительства; ежели учредит во всем порядок сообразно инструкции, какая дана ему будет, распространит промышленность, усилит хлебопашество и представит высшему начальству надлежащий отчет о всех успехах пятилетнего им управления, то сверх обыкновенных наград, какие он в продолжение пяти лет по общему порядку и правилам заслужить может, обратит половину назначенного ему жалования в пенсион по смерти. д) Ежели он, по убеждению начальства, пожелает еще остаться в Камчатке на другое пятилетие, то по окончании онаго с тою ж пользою для тамошнего края, обратит ему в пенсион по смерти полное жалование 2 800 рублей. е) Ежели помощник начальника в продолжении пятилетнего служения отличит себя своим поведением и усердием в исполнении возлагаемых на него поручений и приобретет совершенную доверенность начальства, то он, по удостоверению начальника, преимущественное

получает право заступить его место, в случае увольнения его от службы. Буде же вакансии таковой не случится, и он пожелает еще остаться в должности сей на другие пять лет, то по выслуге оных с равным отличием обратиться ему половинное жалование, то есть по 600 руб., в пенсион по смерть.

ф) Лекарям, сверх обыкновенных наград, на которые они будут иметь право в продолжение пятилетнего служения в Камчатке по успехам своим и по засвидетельствованию о том начальника, буде прослужат и другое затем пятилетие с успехом и пользою тамошнего края, обращать половинное жалование, то есть по 600 руб. в пенсион по смерть.

г) Лекарским ученикам по успехам их в практике, по поведению и по выслуге с пользою для края 10 лет, обращать половинное жалование по смерть в пенсион по одобрению начальника.

h) Секретаря при начальнике и объездного комиссара за беспорочную и с пользою для края выслугу в Камчатке десяти лет награждать согласно с предыдущею статьею.

и) Сверх того, чтобы гражданским чиновникам доставить возможные способы к безнуждному содержанию себя в столь отдаленном крае, вместе с ежегодным заготовлением провианта для воинских команд доставлять в Петропавловскую крепость по 1 000 и особо в Ижигу по 500 пуд. ржаной муки на счет казны. Хлеб сей выпускать в продажу гражданским чиновникам за наличные деньги по распоряжению местного начальства и по числу семейства каждого; а в случае крайности продавать и жителям по той цене, по какой стоит он казне; безденежно же провианта никому, кроме воинских команд, не производить.

к) Определенным по штату в Ижигу чиновникам сверх упомянутого хлебного вспоможения, назначают все те же выгоды, какие предоставлены выше чиновникам в Камчатке.

60) Коменданта Камчатки генерал-майора Петровского отозвать, доставя ему нужное на проезд денежное пособие.

61) Всех чиновников, как гражданских, так и военных, без всякого исключения из Камчатки возвратить.

62) Распоряжение к возврату чиновников сих представить учинить будущему начальнику Камчатки на основании подробных наставлений, какие по сему предмету от сибирского генерал-губернатора даны ему будут.

63) На сем же основании предоставить начальнику Камчатки сделать все нужные распоряжения к доставлению в Охотск всех тех из нижних воинских чинов, кои по содержанию 2 § сего положения, выслужив законные сроки, пожелают возвратиться на прежние их жилища.

64) Сим нижним служителям, равно как и чиновникам, доставить от казны для возвращения их из Охотска и оттоль до Иркутска все те пособия, какие сибирский генерал-губернатор признает нужными; для чего и снабдит он своими предписаниями начальников Камчатки и Охотского порта, имея особенно в виду, чтобы при доставлении людей из Охотска в Иркутск якуты сколь можно более сохранены были от дальнейшего их разорения.

65) По прибытии чиновников в Иркутск воинские размещены быть должны по назначению военного министра, а гражданские определяются по усмотрению сибирского генерал-губернатора в губерниях сибирских.

66) Воинских нижних чинов и унтер-офицеров, кои не пожелают добровольно остаться в сибирских губерниях, отпустить из Иркутска на места прежнего их жительства, снабдя их надлежащими видами и кормовыми деньгами, полагая на каждого по 10 коп. в сутки...

67) В отвращение притязаний, какие нередко делают неблагонамеренные чиновники к камчадалам под разными видами, подтвердить строго, чтобы никто не касался внутренних распорядков их в селениях и острожках, кольми паче не привлекал бы их каким-либо наущениями к тяжбам и волоките; но чтобы они, оставаясь спокойно при правах своих и обычаях, разбирались в обыкновенных делах собственным судом своим и расправою по силе дарованных ясачным народам привилегий, многими указами подтвержденных.

68) Для облегчения камчадал в платеже ясака, который вносят они ныне к крайнему их расстройству и за умерших, число которых от свирепствовавшей между ними в последнее время заразной болезни возросло до чрезвычайности, сделать им перепись, и по сей переписи взимать ясак впредь только с наличного числа душ.

69) Недоимку, буде какая ныне при сборании ясака на камчадалах окажется, с них сложить, по примеру тому, как подобная недоимка и пред сим была Всемилостейше им отпущена.

70) Для вящего на будущее время облегчения камчадал от взноса излишнего за умерших ясака, всегда для них отяготительного, делать им перепись чрез каждые десять лет, буде в течение оных не случится общей по государству ревизии.

71) Поелику ясак по заведенному порядку взимается под распоряжением местного начальства по оценке присяжных ценовщиков, причем нередко вкрадываются злоупотребления, то будущему начальнику Камчатки обратиться ближайшее на предмет сей внимание, иметь прилежный надзор, чтобы и камчадалы, внося ясак натурою, не теряли ничего в ценах, и казна была бы в выигрыше, получая оный наиболее зверем, сколь можно лучшей доброты.

72) Чтобы камчадалам доставить тем более пособий к поправлению их состояния, казенный конный и рогатый скот, буде какой останется за раздачею онаго по § 8 сего положения новым поселенцам Камчатки, продать им по сходной цене; в вящее же поощрение их к скотоводству, тех, кои наиболее окажут в сем роде хозяйства успехов и прилежания, награждать деньгами из числа вырученных за проданный помянутый скот.

73) В отвращение недостатка, каковой камчадалы и вообще жители Камчатки терпят в соли, как для обыкновенного их продовольствия, так и для поселения разных хозяйственных запасов, рыбы и прочего, учредить в при-

морских, изобильных лесом, берегах Камчатки солеварения, по примеру находящейся близ Охотского порта, доколе обстоятельствам не представится удобнейших способов к продовольствию края сего солью.

74) Местному начальству употребить все усилия, чтобы продажные в Камчатке на соль цены сделались сколь можно менее для жителей обременительны. Соль продавать в Петропавловске, Нижнекамчатске и Ижиге.

75) Камчадалы, нуждаясь в порохе и свинце для отправления звериной промышленности, принуждены покупать оные чрезмерно дорогими ценами. В отвращение сего сделать распоряжение, чтобы потребное в годичную пропорцию для камчатских жителей количество пороху, по сделанному исчислению 205 пуд. составляющее, равно и нужное по соразмерности количество свинца, доставляемо было в Камчатку ежегодно для продажи по установленной от казны цене. Местами продажи сей назначить Петропавловскую гавань, Нижнекамчатск и Ижигу. Меру, по сколько продавать жителям сих припасов, назначит местное начальство.

76) За сим подтвердить запрещение на продажу в Камчатке звериной отравы под названием челибухи известной, яко ненужной, за установлением в продаже пороху для производства там звериного промысла, а при том могущей быть опасным средством в руках злонамеренного человека. Наконец

77) Под строгим взысканием запретить мелочным торговцам и купеческим прикащикам, разъезжающим по Камчатке, развозить в камчадалские селения горячие напитки, продажу коих производить исключительно казенным откупщикам в назначенных местах, и именно: в Петропавловской гавани, Нижнекамчатске и Ижиге. Таковому же запрещению подвергнуть фруктовые водки и всякого рода спиртовые напитки.

78) Поелику можно предполагать, что военное неприятельское судно, если бы оно с намерением или по случаю зашло к берегам камчатским, обратило нападение свое на Авачинскую губу и на близлежащие приморские места, то для отвращения сего принять нужные меры, а именно:

79) Умножить в Петропавловской гавани преимущественно и сколь возможно более воинскую команду сформированием в оной, как выше полагается, флотской экипажной роты и установлением особенной полицейской казачьей команды.

80) Укрепить сию гавань всей артиллерией, находящейся в Камчатке, как при баталионе, так и оставшеюся от потопшего судна «Слава России» и частью со шлюпа «Диана».

81) Сверх того, для защищения Авачинской губы, а равно для встречи и отвода имеющих приходить туда и отходить казенных транспортных судов, построить три легкие канонерские лодки или барказа и два четырехвесельные ялика. Постройку сию, по невозможности совершить оную в Петропавловской гавани, произвести в Охотске, откуда набор и обшивку упомянутых су-

дов, равно и потребные к тому железные укрепления, по изготовлению оных доставить на транспортных судах разобранными в Петропавловск, сделав при том нужные распоряжения об окончательной оных достройки на месте.

82) Отменив ход транспортных судов из Охотска в Нижнекамчатск, Большерецк и Тигильскую крепость, по неудобству и опасности пристаней сих мест, постановить, чтобы все транспорты с провиантом и другими для Камчатки потребностями, из Охотска отправляющиеся, приходили, кроме следующих в Ижигу, в одну Петропавловскую гавань.

83) Для складки провианта и других потребностей, какие на транспортных судах привозимы будут, возобновить имеющиеся в Петропавловске казенные магазины; для помещения же воинских команд построить казармы, госпиталь и прочее, буде то начальник Камчатки признает нужным и удобным по местным его соображениям.

84) Для нижнекамчатской команды, ежели она там по усмотрению начальника состоять будет, полагается закупать хлеб у живущих близ Верхнекамчатска поселян. Если же закупка сия окажется невозможною, то довольствоваться помянутую команду провиантом, из Охотска привозимым, доставляя оный из Петропавловска в Нижнекамчатск сухопутно. Таким же образом довольствоваться и прочие воинские команды, ежели оныя где, кроме Петропавловской гавани, находятся будут.

85) Как доставление морем вокруг Кап-Горна, или Мыса Доброй Надежды нужных потребностей не только для Камчатки и Ижиги, но и для самого Охотска обойдется по учиненным опытам и исчислениям несравненно дешевле (в 10 раз. — *Авт.*) сухопутного доставления чрез Якутск до Охотска, а оттуда морем до Камчатки, то когда восстановится по обстоятельствам безопасность мореплавания, отправлять из Кронштадта через каждые два года в Камчатку означенным путем транспортное судно со всеми нужными припасами, посылая при этом туда всякий раз и военный малый фрегат.

86) С отправлением судов сих учинить следующие главнейшие распоряжения:

а) чтобы они кроме доставления необходимых потребностей по назначению заходили на Сандвичевы острова и брали там соль для Камчатки и самого Охотска, так как она, по учиненным наблюдениям, может обходиться дешевле не только камчатской, но и охотской соли; б) чтобы морские офицеры, на них отправленные, старались приобретать опытность в искусстве мореплавания по обширным морям; в) чтобы камчатский начальник посылал военное судно на Курильские и Алеутские острова и в Америку для обозрения живущих там подвластных России народов и донесения правительству о состоянии сих народов и вообще всех американских заселений; д) чтобы военное судно употребляемо было сверх того для приведения в большее совершенство морских карт отдаленных тамошних мест и даже к самому от-

крытию при благоприятном случае новых островов; е) чтобы при открытии свободного плавания из Кронштадта в Камчатку суда, в Охотске находящиеся, переведены были в Петропавловскую гавань для развозки оттуда под управлением отряжаемой для сего из флотской роты команды в прочие тамошние места нужных потребностей, из Капштадта приход имеющих. Между тем ф) чтобы Охотский порт, не уничтожая онаго, уменьшен был в той мере, в какой существование его представляется необходимо нужным для доставления в Камчатку потребных припасов и других пособий, в такое токмо время, когда иным удобнейшим путем доставление сего производить по обстоятельствам будет невозможно; о чем министерство морских военных сил по сношению с сибирским генерал-губернатором не применит, учинив особенно надлежащее постановление, представить на утверждение по порядку.

87) Тауйский и Ямской остроги, по причине отчисления Ижиги к охотскому начальству, или снабдить малою казачьею командою, или завести там поселение, дабы посредством сего можно было иметь нужные сообщения между Ижигою и камчатским правлением, в Петропавловске ныне полагаемым.

88) При сих, так сказать, вещественных распоряжениях к улучшению состояния Камчатки и ее обитателей, нужно обратить внимание и на нравственность сих последних. Нравственность всего более назидается духовными особами, яко учителями веры и насадителями добра. Почему предоставить главному духовному правительству пеших всемерно иметь там всегда благонадежных священников из белого ли, или из монашеского духовенства, как то за удобное признано будет; о чем иркутскому духовному начальству учинить зависящие от него распоряжения по сношению с местным начальством гражданским, которое, наблюдая за личным и нравственным поведением священников, всякий раз, когда им что-либо предрассудительное замечено будет, не применит неукоснительно о том уведомить иркутское начальство.

89) Священникам, кои при введении сего новаго о Камчатке положения тамо оставлены будут, как и тем, кои впредь туда посылаться станут, пользоваться теми же выгодами, какие предоставляются начальнику оной, по силе 59 § сего положения, то есть: ежели они прослужат там пятилетний срок, согласно с ожиданиями правительства, учредят по части своей порядок сообразно наставлению, какое от духовного начальства дано им будет, и представлять в том отчет, подтвержденный местным начальством, в таком случае обращается им половина жалования в пенсион по смерти. Если же останутся они в Камчатке и на другое пятилетие и прослужат оное с равным отличием, тогда получают в пенсион полное жалование.

90) В Петропавловской гавани нужно построить церковь по неимению там оной. Преосвященный иркутский, составив общее с гражданским начальством надлежащие зданию сему планы и сметы, представит о том по порядку.

При этом были утверждены следующие штаты: 1) чиновников в Камчатке: начальник Камчатки (жалов. 2 800 р., столовых 1 200 р.), секретарь (750 р.), объездный комиссар (750 р.), писарей 2, лекарей 2, учеников их 3.

В Ижиге: комиссар, его помощник, два писаря, лекарь и ученик.

2) Военной команды: в Камчатке 1 сотник, 5 урядников и казаков 50; в Ижиге: сотников 2, урядников 3 и казаков 100.

Из числа ижигинской команды ежегодно в марте месяце положено высылать 60 человек казаков при купеческих караванах на чукотскую ярмарку между реками Пенжиною и Кузминой. Конным же казакам в зимнее время положено исправлять службу на собаках.

3) Флотской роты в Петропавловской гавани: ротный командир, он же помощник начальника, лейтенант 1, мичманов 2, строевых нижних чинов 97 и нестроевых 21.

Кроме того, на устройство Петропавловского порта было ассигновано по 5 000 р. в год.

С преобразованием гражданского управления в Камчатке было обращено внимание и на духовную часть. В 1812 г. состоялось распоряжение синода, чтобы в Нижнекамчатске, Верхнекамчатске, Тигиле, Большерецке и селениях Ключевском и Ичинском иметь по одному священнику с причтом, а в Петропавловской гавани и Охотском порте по протопопу, по 2 священника и по одному дьякону, и в Ижиге 2 священника.

Трескин по получении новых штатов составил инструкцию начальнику Камчатки, которую препроводил на рассмотрение к Пестелю. Пестель же от своего имени представил в государственный совет на утверждение. Но государственный совет 20 октября 1815 г. постановил: предоставить утвердить ее генерал-губернатору. И инструкция эта была единственным руководством начальникам Камчатки до самого перенесения Петропавловского порта в Николаевск.

Пестель по каким-то причинам не желал, чтобы камчатскими командами были флотские офицеры, и хотел утвердить в этой должности какого-то майора Федорова, о чем подал докладную записку Государю; но как ходатайство это противоречило новому положению, то оно и было оставлено без последствий.

Между тем Трескин, не получая в течение пяти месяцев никакого уведомления о назначении в Камчатку нового начальника, поручил временно исправлять эту должность Охотской флотилии лейтенанту Рудакову, которого рекомендовал ему начальник Охотского порта Миницкий, войдя вместе с тем с представлением к Пестелю об утверждении в этой должности капитана Рикорда.

23 января 1813 г. Рудаков принял должность от Петровского, и последний 13 июня выехал из Камчатки. Расформированием же баталиона занимался

полковник Сибиряков. В это время состояло в Камчатке: солдат 591, кантонистов 160, казаков 346, упряденных команд нижних чинов 27, на инвалидном содержании 22, артиллеристов 42.

Рудакову было предписано предложить солдатам остаться на поселении в Камчатке, и тем, которые согласятся, раздать безденежно казенный скот и семенной хлеб, сколько потребуется, а остальной скот и хлеб продать (в это время было в Камчатке казенного скота: 200 голов рогатого и 40 лошадей. — *Авт.*).

Остаться на поселении согласились 50 человек. Часть солдат поступила на формирование Петропавловской морской роты, несколько человек зачислено в казачью команду, а остальные 130 человек были отправлены в Иркутск. На отправлении этих последних с 80 женами и 45 человеками детей израсходовано до 100 000 руб.!

Новые поселенцы, получившие от казны скот и хлеб, в тот же год продали и то, и другое, сделались тунеядцами, шляясь по миру, и занимались воровством. Рудаков хотел собрать их в одно место, чтобы удобнее было наблюдать за ними, но Трескин в видах поощрения их к труду вошел с представлением об освобождении поселенцев от платежа повинностей на 10 лет вместо прежде назначенных 3 лет. 29 ноября 1815 г. государственный совет утвердил это представление, но и эта мера не принесла большой пользы делу. При всех стараниях Рудакова и Рикорда только 16 человек обзавелись домохозяйством; 8 оказались неспособными за старостию и были уволены в отставку на собственное пропитание; 13 человек нищих Рудаков собрал в особое селение, а остальных определил на службу.

В видах обеспечения Камчатки продовольствием, 11 июля 1813 г. состоялось Высочайшее повеление, чтобы там постоянно был двухгодичный запас провианта.

V. 1816—1856 гг.

Иркутский губернатор Трескин, не получая никакого ответа на представление свое о назначении начальником Камчатки капитана Рикорда, которого не утверждали в этой должности по случаю отсутствия Государя за границу, вошел с новым по этому предмету ходатайством к Пестелю, который уведомил его, что назначение Рикорда состоялось в марте 1816 г.; помощником же к Рикорду был назначен капитан-лейтенант Голенищев. В мае 1817 г. Рикорд вступил в должность начальника Камчатки.

В первые годы его управления жителям Камчатки пришлось испытать новые бедствия, не зависевшие уже на этот раз от начальства. В 1816 и 1817 годах на всем полуострове было сильное разлитие рек, которым смыло множество домов и балаганов с имуществом камчадалов. Кроме того, в 1816, 1817, 1818 и 1820 годах был такой неулов рыбы, что если бы не энерги-

ческие распоряжения Рикорда, то дело не обошлось бы без большой смертности между камчадалами.

В течение всей навигации суда развозили по главным приморским пунктам казенный провиант, который раздавали камчадалам за весьма умеренную цену, и даже 1 500 пуд. роздано безденежно, так что казна понесла чрез это убытку более 20 000 рублей. Несмотря, однакоже, на эти потери, правительство одобрило распоряжения Рикорда, и по ходатайству его в 1818 г. асигновало, кроме того, для пособия камчадалам 10 000 руб., а 18 ноября 1818 г. состоялось Высочайшее повеление, чтобы и на будущее время при неуроке рыбы продавать инородцам хлеб по стоимости его казне с принятием на счет его расходов по доставке провианта из одного порта в другой. В обыкновенное же время разрешалось продавать провиант по действительной его стоимости. По распоряжению Рикорда провиант развозился по селениям зимою на собаках. У коряк были приобретены табуны оленей, которых распределяли по селениям, более нуждающимся в продовольствии.

В это же время появились на полуострове целые стада медведей, которые, нуждаясь в пище, бродили по селениям, съедали скот, собак, запасы рыбы, бросались на людей и даже истребляли друг друга. Подобного случая не было еще никогда в Камчатке, и жители полуострова в течение всей зимы 1816 и 1817 годов боялись выходить из жилищ невооруженными. С осени 1816 г. до весны 1817 г. убито одними туземцами до 5 000 медведей, да около Петропавловского порта нижними чинами 197 штук. Медведи заели 80 голов скота, 3-х человек и сильно искусили 9 человек.

К довершению этих бедствий в Петропавловской гавани появилась горячка. Слухи об этой болезни быстро распространились по полуострову, и камчадалы, помня *сомовское поветрие*, окончательно упали духом и бросили свои обычные занятия. Рикорд сам посетил почти все камчатские селения и личным своим присутствием и благоразумными распоряжениями восстановил везде порядок и предотвратил распространение болезни. Осмотрев хозяйство камчадалов, он раздал усерднейшим из них 12 серебряных медалей.

Рикорд входил в положение и нужды туземцев и, несмотря на их скрытность и запуганность, приобрел у них такое доверие и любовь, что они поведали ему самые задушевные тайны. Все нужды камчадалов были хорошо известны Рикорду еще до поступления в должность командира Камчатки, потому что он во время зимовки шлюпа «Диана» в Петропавловской гавани объехал почти весь полуостров.

При заботах своих о благосостоянии края он принимал деятельные меры к устройству на полуострове больниц. Вопрос этот был поднят еще Рудаковым, который представлял Трескину о необходимости устройства больниц в Петропавловской гавани и на Мильковских клочках. При этом Рудаков доносил Трескину, что на клочках больница уже заложена на сумму, пожертво-

ванную командою пришедшего в Камчатку кругом света корабля «Надежда». Но Трескин по каким-то причинам не уважил представления Рудакова, и постройка больницы была оставлена, несмотря на то что пожертвованной суммы оставалось еще налицо 3 247 руб. 60 коп.

Рикорд донес Пестелю, что по причине распространившейся между камчадалами венерической болезни, переходящей из рода в род, он нашел необходимым безотлагательно открыть две больницы: в Мильково и Тигиле, на 30 человек каждую. Для этой цели в 1818 г. было построено новое здание, а в Тигиле занят под больницу дом тамошнего начальника. В эти две больницы были собраны камчадалы, страдавшие венерическою болезнью, цингою и чирьями. Результаты этой меры были самые утешительные. Из больниц возвращались в свои селения камчадалы уже окончательно излечившиеся, а вместо них привозились новые больные. В 1819 г. правительство, усмотрев из отчетов Рикорда об успехе в пользовании туземцев, ассигновало 30 000 рублей на лучшее устройство больниц.

До Рикорда камчадалы лечились у знахарей-казаков киноварью, квасцами, ярью, купоросом, нашатырем и другими сильными средствами, щедро раздаваемыми местным купечеством. Камчадалы, видя благодетельные результаты пользования в госпиталях, перестали обращаться за пособием к шарлатанам и охотно шли в госпитали и за советом к медикам. С особенным уважением мы должны упомянуть здесь о лекаре Любарском, который в бытность свою в Камчатке посвятил себя исключительно для пользы камчадалов, съезжавшихся к нему за пособием со всего полуострова.

Получив от камчадалов жалобы на существовавший тогда порядок сбора ясака, стеснительный для них, Рикорд нашел необходимым установить по этому предмету новый порядок. До 1804 г. ясак собирали не с души, а по селениям, так что в некоторых селениях приходилось в год ясаку с каждого на сумму от 3 до 10 руб., а в других от 56 коп. до 3 руб. (соболь по казенным ценам стоил 2 руб., а лисица 1 руб. — *Авт.*). Но как после горячки, похитившей много камчадалов, нельзя было руководствоваться прежней переписью, произведенною еще в 1763 г., то 19-го марта 1803 г. состоялся Высочайший указ сенату, чтобы умерших камчадалов из оклада и платежа ясака исключить, сделав им новую перепись, а недоимки умерших сложить. По этому поводу приступили к 6-й народной переписи в Камчатке, которая продолжалась четыре года. В эту перепись были внесены в первый раз *апукские* и *хатырские* инородцы, в числе 166 человек, не платившие до того времени ясака. Но в 1813 г. Рудаков донес в Иркутск, что инородцы эти живут около морских берегов, переменяя весьма часто места своих жилищ, и потому нет никакой возможности следить за взносом ими ясака, тем более что по неимению у них собак и кормов трудно попасть в их жилища. На основании этого представления Рудакову было разрешено исключить их из оклада, предоста-

вив им платить ясак по их произволу. Из отчета о 6-й народной переписи в Камчатке, представленной в Иркутск, видно, что в 1795 г. в 65 селениях считалась 2 171 душа мужеского пола; с них собиралось ясаку по положению 1763 г. на 3 826 руб.; на содержание почтовых лошадей 564 р. 46 к. и на содержание судебных мест 390 р. 78 коп. (по указам 1797 г., декабря 18, и 1806 г., ноября 26. — *Авт.*). С 1795 г. по 1804 г. умерло одних ясашных плательщиков 986, осталось 1 685 душ. По ревизским же сказкам, собранным Рудаковым, оказалось ясашных плательщиков 1 713 человек, включая в это число курильцев и сидячих коряк.

Рикорд сделал новую, седьмую, перепись, по которой оказалось: всех камчадалов в 49 селениях 1 428 мужчин и 1 330 женщин; олюторцев в 7 селениях: 260 мужчин и 238 женщин, в том числе крещеных: мужчин 123, женщин 121. Сидячих коряк в 2 селениях не крещеных: мужчин 53, женщин 48; а всего инородцев 1 741 мужеского пола и 1 616 женского. Сверх того, курильцев 1-го, 4-го и 14-го островов 67 душ обоего пола.

По этой переписи русских было:

В Петропавловском порте, разного сословия	297 муж.	183 ж.
В Тигильской крепости	98 —	87 —
В Нижнекамчатске и Усть-Приморском острожке	113 —	132 —
В Верхнекамчатске	30 —	35 —
В Большерецке	34 —	34 —
В селении Мильковском	72 —	41 —
В селении Ключевском	106 —	96 —
В селении Ичинском	11 —	10 —
В селении Воровском	1 —	2 —
В селении Паратунском	25 —	11 —
В селении Авачинском	10 —	13 —
На Мильковских горячих ключах	4 —	1 —
А всего:	701 муж.	645 ж.

Из числа инородцев назначено Рикордом к платежу ясака только 945 человек, потому что 128 челов. камчадалов оказалось больных и престарелых, а 568 челов. — не достигших 17-летнего возраста. Рикорд распорядился, чтобы сбор ясака делали сами тоены и доставляли бы его в ближайшие остроги. Кроме того, по окончательном сборе ясака делалась ему оценка, и если оказывался излишек, то он продавался, а вырученные деньги употреблялись на покупку камчадалам пороху, свинца и провианта.

В 1799 г. горячка истребила все народонаселение между Петропавловской гаванью и Нижнекамчатском, так что некому было содержать на этом пространстве почтовую гоньбу. Коменданты распорядились поселить на этот тракт камчадалов с тигильского берега; но они не могли привыкнуть к новой местности и подвергались разным болезням. Рикорд переселил их на прежние места, а на тракт перевел крестьян, имевших домашние оседлости.

Отправляясь в Камчатку, Рикорд просил губернатора отправить с ним шесть человек ремесленников, в которых ощущался крайний недостаток в Камчатке. Трескин приказал назначить для этой цели 6 якутов и отправить их на счет остатков от ликвидационной суммы, а в 1820 г. по распоряжению Сперанского было отправлено в Камчатку еще 22 человека мастеровых, учителями в ремесленную школу, учрежденную по положению комитета министров 27 февраля 1807 г., согласно с представлением Рикорда. На содержание этой школы положено ежегодно отпускать по 2 075 руб. и кроме того ассигновать одновременно: на постройку для школы здания 5 000 руб. и на покупку необходимых инструментов 3 000 руб. Рикорд в 1818 г. открыл эту школу.

Набожный Рикорд постоянно заботился об устройстве церквей на полуострове и улучшении быта камчатского духовенства. По его ходатайству ассигновано было 6 000 руб. на постройку новых церквей в Ичинском и Мильковском селениях и 7 000 руб. — в Петропавловской гавани. Камчатское духовенство состояло тогда большею частью из людей невежественных и даже малограмотных. Рикорд представил Пестелю о необходимости устройства в Камчатке духовного училища, синод утвердил это ходатайство, и 18 апреля 1816 г. последовало Высочайшее повеление об учреждении в Петропавловской гавани духовного училища с ассигнованием 4 000 руб. одновременно и по 3 675 руб. ежегодно. В этом училище было положено иметь двух учителей и 25 учеников с распределением их на два класса. В первом классе было назначено преподавать: русский и славянский языки, чистописание и нотное пение, а во втором: арифметику, грамматику и закон Божий. Каждому ученику положено содержание по 100 руб. в год. Учителям же определено производить: одному из местных священников вдобавок к получаемому жалованию 150 руб. и другому, студенту семинарии, 500 руб. Училище подчинено было начальнику Камчатки.

Рикорд открыл это училище 14 октября 1820 г. в доме, пожертвованном Российско-Американской компанией, потому что назначенный для этой цели дом не был окончен еще постройкою. В училище это Рикорд поместил, кроме 25 учеников духовного звания, еще 10 воспитанников разного сословия.

По ходатайству Рикорда, синод 19 ноября 1822 г. разрешил перевести камчатское духовное правление из Нижнекамчатска в Петропавловскую гавань.

По случаю дороговизны муки в Камчатке, в 1810 г. было разрешено офицерским детям мужеского пола производить от казны провиант. По положению же 7 марта 1799 г. и 9 апреля 1812 г. производился провиант штаб-офицерам, на собственное лицо, а обер-офицерам вдвое. По ходатайству же Рикорда 2 марта 1820 г. право это распространено и на чиновников гражданского ведомства.

В Петербурге с большим участием принимались все предложения Рикорда на счет преобразований в Камчатке. И, наконец, чтобы не стеснять его

в денежном отношении, 5-го мая 1821 г. состоялось Высочайшее повеление об ежегодном ассигновании 5 000 руб. на постепенное возведение строений в Петропавловском порте, с тем, чтобы начальник Камчатки распределял эту сумму по своему усмотрению. Соблюдая благоразумную экономию, Рикорд на эти средства успел устроить все необходимые здания в Петропавловском порте и, насколько позволяли средства, укрепил его тремя батареями о 22-х, 10-ти и 5 орудиях, уничтожив имевшуюся до того времени одну батарею о 7 пушках.

До 1812 г. сношение чукчей с русскими ограничивались рекою Ангаркою (400 верст от Нижнеколымска), а с 1812 г. анюйской ярмаркою. С перенесением ярмарки на р. Анюй 55 человек чукоч приняли подданство России и обещались платить ежегодно ясак; но в течение 13 лет они не внесли и четвертой части причитавшегося с них ясака и, наконец, в 1825 г. объявили в Ижиге, что все принявшие подданство умерли. Чукчи снова жаловались в Ижиге на бесчестные поступки компанейского прикащика в Анадырском селении Воробьева, который постоянно их обманывал при продаже разных вещей, как, например: одному чукче за 104 красных лисицы, 9 сиводушек, 4 рыси и 6 выдр он заплатил только $1\frac{1}{2}$ пуда табаку.

Для успокоения чукоч в 1814 г. был послан в анадырские селения ижигинский комиссар Пшеницын на 7 нартах с 14 казаками (путь его лежал на р. Ижигу через селения Паренское, Аптыльхутово и Шестаковское, потом через Русский хребет к месту прежнего Анадырского острога и, наконец, 35 верст вниз по Анадыру до селения. Обратнo же поехал он другим путем (оставив прежний путь вправо) через Майорскую сопку, на которой был убит Павлуцкий, два рукава р. Майна, и цепью высоких гор вышел на р. Пальцовую в Кузьмину, где встретил чукоч, пришедших для торговли. — *Авт.*)

В 1820 и 1821 гг. ижигинские оленные коряки в числе 339 душ перешли в Камчатку и поселились около Тигиля.

Рикорд постоянно заботился о привлечении в Камчатку иностранцев для торговли. Еще в 1815 г. прибыло в Петропавловскую гавань для исправления повреждений английское купеческое судно. Капитан этого судна продал жителям гавани 170 ведер рому и много пушных зверей. Управляющий Камчаткою капитан Рудаков по уходе этого судна вошел к Иркутскому губернатору с вопросом: следует ли починять в порту коммерческие иностранные суда и какую брать пошлину с привозимых на этих судах товаров? Представление это было передано на рассмотрение комитета министров, который 22 мая 1818 г. разрешил починять поврежденные суда в случае их прибытия в Камчатку (Высочайше утверждено 4 октября 1822 г. — *Авт.*). Но о пошлине Рудаков не получил никакого ответа и, вероятно, потому что в это время рассматривался вообще вопрос об иностранной торговле в наших приморских владениях в Восточном океане, возбужденный нижеследующими обстоятельствами.

В 1812 г. прибыли в Петропавловскую гавань два купеческих судна с разными товарами, принадлежащими гражданину Соединенных Штатов Добеллю. По продаже здесь части своего груза суда ушли в Охотск, где продали остальную груз. По этому поводу иркутский губернатор просил министра финансов указать ему законоположения, которыми бы он мог руководствоваться при торговле с иностранцами в наших приморских владениях. Министр финансов передал этот вопрос на рассмотрение комитета министров, сообщив при том комитету свое мнение, что иностранная торговля будет иметь самое благотворное влияние на этот отдаленный край, и потому признает со своей стороны необходимым Добеллю производить торговлю в Охотске и Камчатке, что вообще следует по возможности поощрять такой торг, и нижеследующий порядок: 1) все товары, мануфактурные и другие, как-то: платье, белье, бумажные материи, чай, кофе и проч. пропускать с той пошлиной, какая взыскивается по кяхтинскому тарифу; 2) все товары, служащие к необходимому жизненному продовольствию, и аптекарские материалы пропускать без всяких пошлин; 3) все товары, по кяхтинскому тарифу запрещенные к привозу, пропускать со взысканием 30 % с рубля. Мнение это 24 июля 1813 г. было утверждено комитетом министров.

В 1814 г. Добелль прибыл в Петербург с предложением открыть торговые сношения между Филиппинскими островами и северо-восточными берегами Сибири. Услуги, оказанные им Крузенштерну в Кантоне, были причиною, что предложение его было благосклонно принято в Петербурге, и для рассмотрения этого вопроса был составлен особый комитет, в котором между прочими лицами участвовали министр финансов и генерал-губернатор Пестель. Комитет признал предложение Добелля заслуживающим внимания, и Государь утвердил доклад комитета по этому предмету. Вслед за тем Добелль был назначен российским генеральным консулом на Филиппинских островах; но испанское правительство не согласилось на назначение его, а дозволило только Добеллю оставаться на Филиппинских островах для содействия торговли с Россией.

Между тем Добелль был пожалован в надворные советники и получил от нашего правительства предложение снабжать Камчатку жизненными потребностями и завести китовый промысел около камчатских и охотских берегов. Для этой цели он отправился в Сибирь сухим путем.

В то время, когда Добелль готовился к выполнению своих планов, в 1817 г. прибыло в Камчатку купеческое судно, принадлежащее англичанину Гордону, с разными товарами. Гордон предложил Рикорду завести постоянную торговлю между нашими приморскими владениями на Восточном океане и Ость-Индию. Рикорд представил и это предложение на рассмотрение министра финансов, приложив при том и ведомость всем товарам, доставленным Гордоном. Министр финансов, по рассмотрению этой ведомости на-

шел, что большая часть товаров Гордона состоит из предметов роскоши и значительного количества крепких напитков. Но как, по его мнению, подобного рода товары более вредны, чем полезны для жителей Камчатки, то он сообщил комитету министров о необходимости ограничить иностранную торговлю в этом крае известными условиями, запретить вывоз за границу мягкой рухляди, золота и серебра, монеты российского чекана, ассигнаций, огнестрельного оружия, судовых припасов и проч. Гордону же, во избежание убытков, предоставить продавать привезенные им товары с взысканием с некоторых из них казенных пошлин. Если же в 1818 г. придут в Охотск или Камчатку новые суда, то с привезенными на них товарами поступить также, как и с товарами Гордона. И правила, какие будут установлены по этому вопросу, привести в действие в 1819 г.

Комитет министров, согласившись с мнением министра финансов, испросил Высочайшее утверждение всех этих предположений с тем, однако же, условием, чтобы охотскому и камчатскому начальникам предоставлено было право по получении этих положений, если они окажутся неудобными, войти с особым по этому предмету представлением. Вслед за тем министр финансов сообщил генерал-губернатору, чтобы со всех товаров, привозимых в Камчатку из-за границы, кроме предметов продовольствия, взыскивалось пошлины, как равно и с вывозимых за границу. Кроме того, положил с приходящих и отходящих судов взыскивать как за отход, так и за приход в порт по 20 к. с каждого ласта (ласт — единица меры веса или объема груза. — *Ред.*).

В 1819 г. Добель принял присягу на подданство России и, чтобы иметь законное право на торговлю, записался в купцы. Потом, вооружив на свой счет судно, отправился на нем в Манилу, откуда ездил в Макао. Во время его отсутствия из Манилы там возникло возмущение, во время которого Добель лишился дома и всего своего имущества, стоившего до 60 000 руб. Но, несмотря, однакоже, и на эти потери, он нагрузил свой корабль разными товарами и отправился на нем в Камчатку.

В бытность его в Камчатке, Рикорд заключил с англичанином Пиготом и К^о нижеследующие условия на промысел китов около берегов Восточной Сибири: 1) промысел начать к 1 июня 1821 г., 2) производить промысел в течение 10 лет под русским флагом на собственных судах и собственными людьми, 3) в течение этих 10 лет пользоваться компании привилегией плавать в примыкающих к Восточной Сибири, 4) в течение этого времени Пигот обязан обучить 10 чел. русских китовому промыслу и, кроме того, платить за всякий пуд рыбы, если компания будет вывозить ее за границу, по 50 коп.

Заключая это условия, Рикорд имел в виду через 10 лет приручить камчатских жителей к китоловству и затем завести в Камчатке местный китовый промысел. К тому же он полагал, что китобойные суда под русским флагом будут внушать японцам уважение к нашей силе в тех морях.

Приступая к такому делу, Рикорд, конечно, знал, что из всех человеческих занятий на море ловля китов требует особой смелости и морской отваги, которая приобретается опытом. Промысел этот с давних времен был лучшим способом образования опытных матросов и мореходов. Поэтому мы видим в этом намерении одну прекрасную цель — ознакомить прибрежных жителей с мореплаванием. Но Российско-Американская К^о по понятным причинам вмешалась в это полезное для края предприятие и представила правительству свое заключение, что в предложении англичан кроется задняя мысль, и что в деле этом страдает интерес компании и камчатских купцов.

Вопрос этот был передан на рассмотрение особого комитета, состоявшего из министров внутренних дел, финансов, иностранных дел и статс-секретаря графа Каподистрия. Комитет положил: контракт Рикорда с Пиготом считать недействительным, а предоставить китовый промысел Российско-Американской К^о. Кроме того, в этом же комитете по ходатайству компании было постановлено:

1) Всем иностранным купеческим судам вовсе запретить торговлю в наших приморских владениях Сибири и даже не приходить в порты Восточной Сибири, за исключением несчастных случаев.

2) Запретить иностранцам записываться в гильдии купечества и селиться в Камчатке и Охотске.

3) Объявить комиссионерам Добелля, что им запрещается пребывание в тех местах, с предоставлением льготы на несколько лет по усмотрению местного начальства, как для продажи своего имущества, так и для выезда.

4) Ожидаемое с Филиппинских островов судно Добелля принять в Камчатке и позволить продать товары, объявив ему, чтоб впредь не привозил уже туда своих товаров.

Положение это 31 марта 1820 г. было Высочайше утверждено и получено в Камчатке 29 октября.

Судно Добелля прибыло в Камчатку в июле 1821 г. под португальским флагом (в это время в Макао никто не мог торговать, кроме португальцев. — *Авт.*). Жители Камчатки наперебой раскупали его товары, потому что им никогда не приходилось даже и слышать о таких незначительных ценах, по которым Добелль продавал свои товары. Например, пуд крупчатой муки стоил у него 8 р. 50 к., тогда как ржаная обходилась с доставкой в Камчатку по 14 руб. за пуд; соль продавалась по 2 р. 50 к. за пуд, когда казенная продавалась по 19 руб. Подобные цены были и на другие товары. Факт этот красноречивее всяких убеждений мог указать на пользу для камчатских жителей иностранной торговли; но местный монополист — Российско-Американская Компания — видела в этом страшное зло не только для Камчатки, но даже и для всей России.

Помешав таким образом русским поданным принимать хотя и относительное участие в китовом промысле и не умея взяться за это предприятие, компания предоставила воспользоваться богатствами Охотского и Берингова морей иностранцам, приняв таким образом на себя огромную нравственную ответственность перед всею Россиею... Но об этом важном предмете мы будем говорить еще раз в свое время, теперь же к этому добавим, что компания приняла было на себя доставку провианта в Камчатку, но на другой же год отказалась, потому что в деле этом нельзя было нажить ей рубль на рубль!

В это же время, и именно 15 августа 1820 г., прибыло в Камчатку с Сандвичевых островов от тамошнего короля судно с солью под управлением англичанина, давно поселившегося на островах. Обстоятельство это послужило поводом к сношению Рикорда с королем Тамеамае II. Рикорд от 5 сентября написал к нему письмо, которым просил короля установить торговые сношения с Камчаткой, присылая ежегодно соль и вывозя взамен ея лес и рыбу. При этом Рикорд послал королю в подарок: серебряную медаль с изображением Государя, несколько хрустальной посуды, две фарфоровые вазы, пару оленей и молодого выученного медведя. Привезенная же соль в количестве 2 000 пудов был принята в казну с уплатой за нее разными товарами, привезенными Добеллем.

По отправлении этого судна, Рикорд получил вышеприведенное положение комитета, противоречившее всем его предположениям. Не желая лишить жителей Камчатки всех выгод, приобретаемых ими от иностранной торговли, он решился еще раз войти по этому предмету с представлением, рассчитывая на просвещенное содействие в этом деле преобразователя Сибири Сперанского, которому Рикорд представил все причины, заставившие его так настойчиво хлопотать об иностранной торговле. Сперанский с большим участием взялся за это дело и обо всем этом донес лично Государю, испрашивая при том разрешения на следующие вопросы Рикорда:

- 1) Дозволить ли Добеллю поставку в 1822 г. 25 000 пуд. муки по 8 р. 50 к.?
- 2) Продолжать ли ему и на будущее время доставку жизненных припасов в Камчатку?
- 3) Разрешить ли ему употреблять португальский флаг?
- 4) Принимать ли соль с Садвичевых островов?

23 декабря 1821 г. Государь собственноручно написал по этому делу следующее решение: по первому пункту — *Дозволить*; по второму: *Продолжать на судах, принадлежащих Добеллю или всякому другому русскому подданному, о чем Рикорду войти в условие с Добеллем*; по третьему: *Употребление португальского флага на судах Добелля дозволить единственно при входе в порт Макао; допущения же португальских судов в Камчатку не разрешать*; по четвертому: *Принимать и суда, принадлежащие и Сандвичевым островам.*

Эта Высочайшая воля была сообщена в Иркутск с фельдъегерем, а в Камчатку с особым курьером.

Благодетельнейшая эта мера значительно удешевила ценность на все жизненные потребности в Камчатке. Российско-Американская К^о сперва подержала там свою торговлю, хотя и без прежних выгод; но впоследствии вовсе ее прекратила, благодаря иностранной конкуренции.

После того Добелль подал новый проект насчет китового промысла. Он предлагал купить в Северной Америке два судна, нанять до 30 человек американских китопромышленников и к ним прибавить потребное число русских матросов и с этими средствами начать китовый промысел возле Курильских островов, имея главный складочный пункт на мысе Лопатка. По представлении этого проекта Сперанским Государю, он передан был 5 июня 1822 г. на рассмотрение тарифного комитета, который оставил этот вопрос до прибытия в Петербург Рикорда, просившего об увольнении его от должности начальника Камчатки. Но впоследствии дело это было забыто.

Добелль торговал и в Охотске, но там он понес большие убытки. Охотский начальник Ушинский, получив первое распоряжение об иностранной торговле, конфисковал все предметы роскоши, бывшие у Добелля в продаже, остальные же товары опечатал и выдал их обратно только через три года, когда они все от долгого лежания в сырых магазинах испортились, так что за все товары, стоившие до 120 000 руб., Добелль едва выручил до 50 000 руб., в том числе пропало у него за должниками 18 000 руб.

В 1829 г. Добелль просил министра финансов вознаградить его за понесенные убытки; но как из Охотска не могли дать точных сведений о потерях Добелля, то просьба его оставлена была без всякого удовлетворения.

Кончая обзор камчатских событий во время управления Камчаткою Рикорда, мы считаем необходимым упомянуть здесь о посетивших в этот период времени Петропавловскую гавань русских кругосветных судах и действиях их в Северном и Восточном океанах.

Вопрос об открытии пути через Северный полярный океан издавна занимал все морские державы. Русские сделали первую попытку в этом деле в 1765 и 1766 годах; но предприятие это не осуществилось (экспедиция Чичагова. — *Авт.*) и только в 1815 г. по мысли графа Румянцова и на его средства был снаряжен в Кронштадте для этой цели бриг «Рюрик» под командою капитан-лейтенанта Коцебу. 13 июля 1815 г. Коцебу вышел из Кронштадта, а 13 июня 1816 г. прибыл в Петропавловскую гавань. Выйдя отсюда 15 июня и следуя около берега Америки, он открыл небольшую бухту Шишмарева с островом Сарычева и залив Коцебу. Перейдя потом к восточному мысу Азии и следуя вдоль берега на юг, зашел в залив Св. Лаврентия и оттуда на Сандвичевы острова. 10 июля 1817 г. Коцебу прибыл снова к острову Св. Лаврентия, намереваясь идти отсюда для новых открытий в Полярном

море; но по причине своей болезни принужден был отказаться от этого предприятия и предпринять обратное путешествие в Кронштадт (путешествие на корабле «Рюрик», СПб., 1821—1818 гг. — *Авт.*).

Бриг «Рюрик» не успел еще возвратиться в Кронштадт, как 16 августа 1817 г. был послан в кругосветное плавание шлюп «Камчатка» под командой капитана 2-го ранга Головнина. В инструкции Головнину, между прочим, предписывалось: 1) доставить разные грузы в Камчатку; 2) обревизовать колонии Российско-Американской К° и 3) определить географическое положение и сделать съемку тем местам в русских владениях на севере Великого океана, которые еще не были в точности исследованы. Шлюп «Камчатка» прибыл в Петропавловскую гавань 3 мая 1818 г. Сдав здесь груз, шлюп отправился к Командорским островам и, определив их положение, пошел к о-ву Кадьяку. Окончив здесь свои поручения и составив карту Чиниатского залива, Головнин посетил Новоархангельск и порт Монтерей и оттуда ушел обратно в Кронштадт.

31 июля 1819 г. были отправлены из Кронштадта для географических исследований в Северном полярном море шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный»; первый под командою капитана Васильева, а второй — капитана Шишмарева. Шлюп «Благонамеренный» отправился на Уналашку за толмачом для языка северных американцев и прибыл туда 8 июня 1820 г., а шлюп «Открытие» пошел прямо в Петропавловскую гавань, куда и прибыл 4 июня 1820 г.

В конце июня шлюп «Открытие» вышел из Петропавловской гавани и 16-го прибыл в залив Коцебу, где и соединился со шлюпом «Благонамеренный». 18 июля оба шлюпа вышли в море и, следуя вдоль американского берега к северу, 29-го достигли до широты $71^{\circ}6' N$, где встретили льды и потому взяли курс к югу и осмотрели острова: Св. Лаврентия, Павла, Георгия и Уналашку. Прозимовав в порте Франциско, 26 июня «Благонамеренный» отправился для исследования берегов Азии к северу от Берингова пролива, а «Открытие» — для осмотра северного побережья Америки. Кроме того, капитан Васильев послал небольшой бот, построенный в Ситхе, под командою капитан-лейтенанта Авинова для съемки берега между мысами Невенгамом и Дерби. Капитан Васильев, дойдя до шир. $70^{\circ}40' N$, вернулся в Петропавловскую гавань, где нашел бот, выполнивший только часть предназначенных ему работ по дурному качеству судна и болезни команды. Капитан же Шишмарев описал северный берег острова Св. Лаврентия и пошел далее к северу, но, встречая постоянно льды, принужден был вернуться в Петропавловскую гавань. Осенью 1821 г. оба шлюпа отправились обратно в Кронштадт.

Экспедиции этой мы обязаны исследованием части берегов Америки от мыса Невенгама до Нортонова залива и от мыса Лисбуерна до мыса Ледяного, а также и северо-восточной части Азиатского берега до мыса Сердце-Камень.

Командиры этих судов по возвращении из кругосветного плавания довели до сведения правительства, что в последнее время иностранные суда весьма часто стали посещать наши колонии на Восточном океане, производя торговлю с туземцами разными мелочными товарами и хмельными напитками в ущерб торговле русских подданных.

Чтобы положить предел подобным действиям иностранных судов, правительство нашло необходимым составить на этот предмет особые правила, которые 4 сентября 1821 г. были Высочайше утверждены. Содержание этих правил в главных чертах заключалось в следующем:

1) производство торговли, китовой и рыбной ловли и всякой промышленности на островах, в портах, заливах и вообще по всему северо-западному берегу Америки, начиная от Берингова пролива до 51° *N* широты, также на островах Алеутских, по Восточному берегу Сибири и по островам Курильским, то есть начиная от того же Берингова пролива до южного мыса о-ва Уруп и именно до 45°50' северной широты, предоставлено в пользование единственно российских подданных.

2) Воспрещено всякому иностранному судну не только приставать к берегам и островам, подвластным России, в предыдущей статье означенным, но и приближаться к ним на расстояние менее 100 итальянских миль (итальянская миля равна 1 867 м. — *Ред.*). Нарушающий это запрещение подвергается конфискации со всем грузом.

3) Из этого правила исключаются суда: или бурю занесены, или пришедшие к берегам за недостатком съестных припасов и корабли дружественных держав, пришедшие для ученых целей, причем суда эти должны иметь паспорта от российского морского министерства.

Для охранения же наших прибрежных жителей от грабительства и насилий команд китобойных судов и вообще для наблюдения за исполнением Высочайше утвержденных правил был послан в 1821 г. из Кронштадта военный шлюп «Аполлон» и вместе с ним для доставления грузов в Камчатку бриг «Аякс». Начальство над этим отрядом было вверено командиру шлюпа капитану 1-го ранга Тулубьеву, а командиром шлюпа был назначен лейтенант Филатов. 28 сентября оба судна вышли из Кронштадта, но в Скагерাকে во время шторма разлучились. На пути к мысу Доброй Надежды Тулубьев умер, и команду над шлюпом принял лейтенант Хрущев. 15 августа 1822 г. шлюп прибыл в Камчатку, где, сдав отправленные на нем грузы из Кронштадта, ушел в колонии для занятия своего поста. Бриг же «Аякс» потерпел крушение у голландских берегов и в 1822 г., по исправлении, возвратился в Кронштадт.

В 1822 г. был послан на смену шлюпу «Аполлон» фрегат «Крейсер» и с ним 20-пушечный шлюп «Ладога» для доставления грузов в Камчатку. Первым командовал капитан 2-го ранга Лазарев 1-й, а вторым командовал Лазарев 2-й. 17 августа отряд вышел из Кронштадта, и фрегат прибыл в Новоархангельск 3 сентября, где и оставался до 1824 г., когда был сменен шлюпом

«Предприятие». Шлюп же «Ладога» 10 сентября 1823 г. прибыл в Петропавловскую гавань, где, сдав груз, отправился в Ситху и оттуда вместе с фрегатом обратно в Кронштадт.

28 июля 1823 г. вышел из Кронштадта в кругосветное плавание шлюп «Предприятие» под командою капитана Коцебу и 8 июня 1824 г. прибыл в Петропавловскую гавань. Сдав здесь груз, он отправился в Ситху на смену фрегата «Крейсер», но по случаю заключения конвенции с Соединенными Штатами дальнейшее его пребывание в колониях было бесполезно, и потому шлюп 11 августа 1825 г. отправился обратно в Кронштадт.

Между тем Рикорд, по прослужении в Камчатке 5 лет, был переведен по собственному желанию в Балтийский флот, и вместо него назначен капитан 2-го ранга Станицкий, который прибыл в Камчатку 18 сентября 1822 г. и в ноябре принял должность от Рикорда. Последний же выехал в Охотск сухим путем и прибыл туда 28 февраля 1823 года.

Станицкому Высочайшим указом повелено было: «При управлении Камчаткою соображаться правилами флота капитана Рикорда и воздерживаться от всяких перемен».

В 1826 г., 18 июня, посетил Петропавловскую гавань английский военный шлюп *Blossom* под командою капитана Бичи. Налившись водою, шлюп 24 июня ушел для ученых изысканий к Беринговому проливу и на другой год, 22 июня 1827 г., снова заходил в Петропавловскую гавань.

Станицкий, будучи ограничен в своих действиях Высочайшим повелением и приняв управление от такого деятеля, который предусмотрел все нужды края, не предпринимал никаких нововведений, за исключением разве постройки новой церкви в Петропавловской гавани и наложения на иностранные товары пошлин: в пользу городов по 2 к., карантинных по 2 к. и в капитал коммерц-коллегии по 1 коп. с рубля. И хотя управление Камчаткою Станицкого прошло бесследно, но, тем не менее, он был из числа лучших начальников. Его честность, правдивость и постоянная забота о нуждах инородцев и своих подчиненных не могут быть обойдены молчанием.

В одно время с назначением Станицкого на Камчатку, 22 июля 1822 г., было Высочайше утверждено новое положение об управлении Сибирью, составленное Сперанским, по которому Сибирь разделена на Восточную и Западную. В состав Восточной Сибири вошли губернии: Иркутская, Енисейская, область Якутская, приморские управления: Охотское и Камчатское, пограничное управление Троицкосавское. Ижигинский край причислен был к Охотскому управлению.

На место Станицкого 6 декабря 1826 г. был назначен бывший помощник Рикорда капитан 2-го ранга Голенищев, который принял должность 28 сентября 1828 г. Голенищеву, первому из камчатских начальников, было предоставлено в 1828 г. право по делам гражданского управления особой важности

сноситься прямо с министром внутренних дел, помимо главного сибирского начальства.

В бытность свою в Петербурге он просил министра внутренних дел снабдить его инструкцией. По этому поводу сибирский комитет 24 января 1828 г. постановил предоставить капитану Голенищеву собрать на месте все правила для управления Камчаткою, изданные в разное время, и из них составить общий наказ тамошнему управлению. Голенищев впоследствии выполнил этот тяжелый труд; но о судьбе его ничего не известно, и камчатские командиры по-прежнему руководствовались инструкцией Трескина.

Голенищев, будучи хорошо знаком с камчатским краем, еще в 1827 г. писал из Петербурга генерал-губернатору Ловинскому, что для улучшения быта камчадалов необходимо освободить их от почтовой гоньбы, отвлекающей их от звероловства и, кроме того, предлагал всех камчадалов, живших по р. Камчатке, перевести на восточный берег полуострова, где жили они прежде. «Ибо, — писал он, — в случае неулова рыбы в реке, как было это в 1818 и 1819 годах, они, живя при море, могли бы иметь морских зверей, мясо и жир, которых камчадалы едят охотно. А по реке Камчатке заселить крестьян, которые могли бы заняться скотоводством, а если возможно, то и хлебопашеством». Для большего заселения края он предлагал предоставить отставным чиновникам селиться в Камчатке с выдачей пожизненной пенсии и небольшого вспомоществования на обустройство.

5 (17) апреля 1824 г. была заключена конвенция с правительством САСШ, IV пунктом которой дозволялось кораблям обеих держав в течение 10 лет заходить без малейшего стеснения во все внутренние моря, заливы, гавани и бухты, находящиеся в пределах обеих государств, для производства рыбной ловли и торговли с туземными жителями. А 16 февраля 1825 г. была заключена конвенция с Англиею о границах обоюдных владений в Америке, торговле и мореплавании в Тихом океане.

В течение всех 10 лет иностранные китобойные суда, пользуясь данным им правом посещать наши берега, делали в прибрежных селениях безнаказанно всякого рода бесчинства. Голенищев неоднократно доносил об этом главному сибирскому начальству. Наконец в 1834 г. по истечении 10-летнего срока министерство иностранных дел обратилось к правительству Соединенных Штатов с просьбою о запрещении американским судам заходить во внутренние наши моря и заливы. Правительство Соединенных Штатов обнародовало об этом во всех своих официальных газетах. Но мера эта не принесла никакой пользы, так что Российско-Американская К^о в 1845 г. для охранения своих прав исходатайствовала Высочайшее разрешение об учреждении крейсерства в морях, прилежащих к ее колониям, о чем сообщено было и правительству Соединенных Штатов.

Военные же наши суда в это время не посылались уже для крейсерства. Отправленному из Кронштадта 17 сентября 1824 г. в кругосветное плавание шлюпу «Мирный» под командою капитан-лейтенанта Дохтурова поручалась только доставка разных грузов в Петропавловский порт. Но шлюп этот, получив повреждение в море, возвратился в Кронштадт.

23 августа 1825 г. с тою же целью был послан из Кронштадта в Камчатку военный транспорт «Кроткий» под командою капитан-лейтенанта Врангеля. 11 июня 1826 г. он прибыл в Петропавловскую гавань и по сдаче здесь грузов отправился обратно в Кронштадт.

Наконец 20 августа 1826 г. были отправлены из Кронштадта в кругосветное плавание еще два судна — шлюпы «Моллер» и «Сенявин». Кроме доставки грузов в Камчатку им поручено было сделать обозрение и съемку северо-восточных берегов Азии и северо-западных Америки и исследовать часть Великого океана, лежащую между этими берегами. Первым из этих судов командовал капитан-лейтенант Станюкович, а вторым — капитан 1-го ранга Литке. Шлюп «Моллер» 13 июля 1827 г. прибыл в Петропавловский порт. Сдав здесь грузы, капитан Станюкович отправился к описи Алеутских островов, потом посетил Новоархангельск, Сандвичевы острова и 11 апреля 1828 г. возвратился в Петропавловскую гавань. 27 апреля 1828 г. он снова отправился для описи Алеутских островов и 3 августа пошел в Камчатку. Через месяц прибыл сюда капитан Литке, и 30-го октября оба шлюпа оставили берега Камчатки.

В инструкции, данной капитану Литке от государственного адмиралтейского департамента, предписывалось заняться исследованием берегов Чукотской земли и полуострова Камчатки; сделать съемку северных и южных берегов Охотского моря и южных берегов Охотского моря с Шантарскими островами.

12 июня 1827 г. капитан Литке прибыл в Новоархангельск и 19-го отправился для выполнения инструкции, зайдя на пути к острову Уналашке за байдарою с алеутами. С 26 августа по 1 сентября занимался съемкою о-ва Св. Матвея и потом отправился в Петропавловский порт, куда и прибыл 19 сентября. Сдав здесь грузы, 19 октября капитан Литке вышел в море для описи Каролинского архипелага и 28-го мая 1828 г. возвратился в Петропавловский порт, откуда вышел 15 июня, взяв курс к Берингову проливу. Следуя вдоль камчатского берега, определил все главнейшия на нем пункты от Авачи до острова Карагинского и 16 июля прибыл в губу Св. Лаврентия. Следуя отсюда вдоль берега к югу, капитан Литке осмотрел устье Мечигменской губы и 28 июля открыл пролив Сенявина. До 6 августа занимались съемкою этого пролива с островами; потом осматривали берега далее к югу; 10-го вышли в Анадырское море и 16-го остановились в заливе Св. Креста. Съемка этого обширного залива потребовала много времени. По выходе из залива

капитан Литке определил мысы Св. Фаддея и Олюторский и 23 сентября прибыл в Петропавловский порт и оттуда [отправился] в Кронштадт.

По ходатайству Голенищева был отправлен в Камчатку кругом света садовник Ридель чтобы ознакомить камчадалов с огородничеством, садоводством и вообще разведением полезных растений, с обязательством обучить несколько человек туземных жителей садоводству и сделать описание тамошней флоры. В помощь ему были назначены два воспитанника московской земледельческой школы, пожалованные в коллежские регистраторы. При этом было ассигновано: на заведение в Камчатке сада и содержание садовника 3 840 руб.; на разъезды садовника по Камчатке 800 руб. и, кроме того, министр внутренних дел разрешил Голенищеву употреблять на непредвиденные расходы из экстраординарной суммы по 1 000 руб. в год. Для сельскохозяйственных же расходов было послано из Якутска в Камчатку через Ижигу 50 лошадей, доставка которых обошлась казне в 7 500 руб. Ридель прибыл в Камчатку в июле 1829 г. и с особенным усердием принялся за дело. Но постоянная болезнь мешала ему лично наблюдать за успехами огородничества, а потому и труды его не принесли большой пользы краю. Наконец в июне 1833 г. Ридель умер (Ридель после смерти оставил полную коллекцию камчатской флоры, которая попала в руки невежд и была брошена. — *Авт.*). Голенищев, желая и без него поддерживать земледелие и огородничество, составил сельскохозяйственную компанию на акциях. Всех акций было роздано на 5 700 руб. Устав компании 18 августа 1831 г. был Высочайше утвержден. Главнейшие его пункты заключались в следующем:

1) Дозволяется компании в течение 20 лет занимать удобные земли, никем еще не занятые.

2) Через 20 лет предоставляется уступить занятые места кому угодно.

3) Поселить в Камчатке на счет казны 15 семейств хлебопашцев.

Компания начала свои опыты на р. Аваче и по р. Камчатке. Императорское московское общество сельского хозяйства, несмотря на то, что Рикорд сообщил ему, что земледелие в Камчатке невозможно по климатическим условиям, ассигновало от себя на это предприятие по 1 000 руб. в год. Но опыты хлебопашества были неудачны: 22 августа иней повредил яровой хлеб, а стебли ячменя упали, подточенные мышами. Компания утешала себя мыслью, что это случайность; но последующие опыты привели ее к тем же результатам. Наконец в 1835 г. начальник Камчатки Шахов донес генерал-губернатору, что компания, кроме неудачных опытов, не принесла никакой пользы краю. Но вольноэкономическое общество в видах поощрения земледелия на Камчатке в 1837 г. назначило директору компании купцу Колмакову золотую медаль и тем компаньонам серебряные. Несмотря, однакоже, и на это поощрение, акционеры определили прекратить действие компании, и 12 ноября 1840 года Высочайше повелено упразднить эту компанию.

Оставшийся же капитал компании в количестве 1 483 р. был пожертвован на устройство в Камчатке учебного заведения по сельскому хозяйству.

Голенищев исходатайствовал о сложении с крестьян оброчных статей. По постановлению сибирского комитета 24 августа 1831 г., основанному на представлении Голенищева, 31 человек камчатских мещан были перечислены в крестьяне.

По его же представлению 6 августа 1828 г. Высочайше утверждено мнение государственного совета о предоставлении камчатским купцам в течение 10 лет права заграничной торговли наравне с купцами первых двух гильдий с дозволением вывозить из Камчатки внутрь Сибири все иностранные товары, кроме чая и разного рода крепких напитков. Мера эта имела благотворительное влияние на весь северо-восточный край Сибири, значительно понизив цены на все жизненные потребности. Генерал-губернатор Восточной Сибири, видя всю пользу иностранной торговли в Камчатке, вошел с представлением о продолжении срока этой торговли еще на 5 лет, то есть по 6 августа 1843 г., на что и последовало Высочайшее разрешение 14 декабря 1837 г. Для облегчения же расчетов торгующих в Камчатке иностранцев с покупателями, им предоставлено было брать за товары русские ассигнации с тем, чтобы при уходе их судов из Петропавловской гавани они сдавали эти деньги в казначейство и взамен их получали квитанции с переводом на Петербург.

По журналу сибирского комитета, Высочайше утвержденному 24 января 1828 г., была сделана новая перепись инородцам, по которой оказалось камчадалов, способных платить ясак, 687, малолетних 744 и дряхлых и увечных 270. Оленных коряк 92, малолетних 49, дряхлых 33. Курильцев 19, малолетних 21, стариков 10. Главнейшее занятие камчадалов заключалось в промысле соболей, лисиц, медведей, волков и выдр; коряк — в разведении оленей и частью в промысле соболей и песцов, а курильцев — в промысле бобров и лисиц. По переписи этой причиталось с камчадалов гораздо менее ясаку, чем по прежней. Кроме того, по ходатайству Голенищева разрешено было собирать ясак только с наличного числа инородцев от 18- до 55-летнего возраста, по одному лучшему зверю с души.

В 1828 г. был в Камчатке неулов рыбы; но энергическими распоряжениями Голенищева, разославшего своевременно по острожкам порох и провиант, был предупрежден голод. Это обстоятельство подало ему мысль учредить на подобные случаи особый инородческий капитал. Представление его по этому предмету было утверждено, и 15 марта 1833 г. ассигновано для пособия туземцам 3 300 рублей. Капитал этот Голенищев увеличил продажей оставшихся от ясака соболей и лисиц.

Голенищеву камчадалы обязаны уничтожением тяготевавшей над ними зависимости от местного купечества. По заведенному издавна порядку камчадалы приобретали от купцов все необходимые товары в долг с обязатель-

ством выплачивать его по окончании звериных промыслов. Но долги эти доходили до таких значительных размеров, что на уплату их недоставало всего годового промысла камчадалов. Голенищев запретил купцам отпускать инородцам в долг товары. Мера эта была полезна еще и в том отношении, что остановила развившуюся между камчадалами роскошь в одежде.

26 января 1828 г. сибирский комитет постановил высылать в Камчатку, согласно с ходатайством Голенищева, через каждые два года разные припасы, необходимые в домашнем быту жителей полуострова, и продавать их беднейшим жителям по тем ценам, по каким обошлись они казне. В 1838 г. морское министерство разрешило продажу эту производить в магазинах Петропавловского порта.

Голенищев входил с представлением об увеличении числа больниц в Камчатке, где инородцы постоянно страдают язвами, глазными и другими болезнями. При этом он писал в Иркутск, что в Камчатке только две больницы, отстоящие одна от другой на несколько сот верст, при которых только один медик. На этом основании ему разрешено было построить еще три больницы и прислано в Камчатку четыре медика.

Голенищев же представлял о необходимости увеличения содержания чиновников и духовенства. Насчет последнего он писал, что оно состоит из тамошних уроженцев и, не имея никакого образования, чванится своим сном и служит только тормозом к образованию, а потому и просил прислать в Камчатку священников более образованных. Детям же лиц духовного звания, скопившимся на Камчатке в значительном числе, просил предоставить избрать род жизни. Кроме того, представил о постройке церквей на границе Камчатской области к Ижиге, на восточном берегу в Дранкинском селении и на западном берегу — в Лесновском селении. Эти последние предположения Голенищева были также Высочайше утверждены 24 декабря 1827 г. Но постройка этих церквей продолжалась около 10 лет, и только в 1836 г. была освящена дранкинская церковь, а лесновская — в 1837 г. Кроме того, в это же время были построены церкви в Ижиге и Большерецке.

В то время, когда Голенищев хотел приступить к постройке новых церквей, камчадалские тоены укинского берега (восточный берег Камчатки от р. Озерной до р. Дранкинской называется укинским берегом по р. Уке, а от р. Тигиля до р. Лесной — полланским берегом по р. Поллану. — *Авт.*), боясь близкого с ним соседства духовенства, распустили между своими родичами слухи, что с постройкою церквей священники будут заставлять их после венчания при себе же исполнять супружеские обязанности. Слухи эти взволновали укинское население, и оно обнаружило сопротивление постройке дранкинской церкви. Голенищев разобрал дело, сменил несколько тоенов, а дранкинского, как главнейшего виновника, вытребовал в Петропавловскую гавань, где и заключил в тюрьму.

По распоряжению Голенищева был послан в 1830 г. в Тигиль капитан-лейтенант Кузьмищев для заведования этой крепостью. Двухлетнее его там пребывание ознаменовалось многими полезными преобразованиями в управлении тех инородцев. Он, между прочим, научил и приохотил их к огородничеству и, в особенности, к разведению картофеля.

С прекращением после Рикорда доставки соли из-за границы, она снова возвысилась в цене и доходила до 28 руб. за пуд. Голенищев просил предоставить доставку соли Российско-Американской Компании. Сибирский комитет 24 января 1828 г. утвердил это представление, и компания доставила 7 247 пуд. соли, которую продавали по 4 руб. 40 к. за пуд; но впоследствии увеличила и эту цену, и потому по постановлению сибирского комитета, Высочайше утвержденному 9 декабря 1830 г., соль приказано доставлять в Камчатку из охотского солеваренного завода.

В заведенной при Рикорде ремесленной школе Голенищев сделал некоторые преобразования. Со времени ее учреждения и по 1828 г. из нее выпущено было 26 учеников, из коих 1 выучился портному ремеслу, 2 столярному и купорному, 2 чеботарному, 1 котельному, 1 плотницкому, 2 кузнечному, 7 человек поступили в казаки, 6 в матросы, 4 уволены за неспособностью. Собственного дома школа не имела, а помещалась в казармах. В 1828 г. в ней было 8 учеников, которые кроме ремесел обучались и грамоте.

В 1828 г. генерал-губернатор сообщил министру внутренних дел, что в школе этой никогда не было определенного числа учеников, а потому и просил ограничить штатное число учеников 12-ю, с тем, чтобы оставить в пользу школы все положенное по штату содержание, то есть 2 075 р. При этом генерал-губернатор писал, что школа крайне необходима в Камчатке, как единственное учреждение для воспитания сирот.

Комитет министров журналом своим 29 декабря 1828 г. представление это утвердил с тем, однакож, чтобы выходящие из этой школы ученики употреблялись собственно для пользы жителей края, а не для службы, и потому положено было принимать в школу людей свободного сословия.

Голенищев, обратив особенное внимание на эту школу, встретил затруднение в учителях, и потому назначил учителями мастеровых из флотской команды. Но как морское министерство не дозволило ему отвлекать их от своих прямых обязанностей, то Голенищев просил иркутского губернатора выслать в Камчатку для этой цели кузнеца, слесаря и столяра из поселенцев. При этом Голенищев представил новый штат школе на 10 учеников вместо прежних 12 и просил разрешить ему накопившуюся от некомплекта учеников сумму в количестве 7 695 руб., а также и доходы, могущие быть от работ учителей и учеников, употреблять на улучшение школы, в которую предполагал принимать только детей местных казаков. Предположения эти были утверждены комитетом министров 24 октября и 7-го ноября 1833 г.

По просьбе же Голенищева о высылке 3 мастеровых иркутский губернатор распорядился назначить 10 человек мастеровых из ссыльнокаторжных; но Голенищев просил не заражать край подобными преступниками, и потому в мае 1833 г. были присланы требуемые им мастеровые из иркутского ремесленного дома.

В 1830 г. по распоряжению Голенищева сделана опись восточного берега Камчатки от Авачи до мыса Лопатки (опись этого берега была произведена в 1790 г. геодезистом Гилевым, но весьма поверхностно. — *Авт.*) на байдаре корпуса штурманов штабс-капитаном Ильиным. В следующем 1831 году он описал Авачинскую губу и берег от нея к северо-востоку до мыса Шипунского.

В 1835 г. штабс-капитан Скрыпов продолжал эту опись к северу до устья р. Камчатки.

10-го июня 1829 г. прибыл из Кронштадта в Петропавловскую гавань с разными грузами военный транспорт «Кроткий» под командою капитан-лейтенанта Гагемейстера. По сдаче здесь груза он отправился в Кронштадт. В половине августа 1832 г. прибыло в Камчатку другое кругосветное судно — транспорт «Америка» под командою капитан-лейтенанта Хромченко, которое по выгрузке доставленных на нем разных материалов 13 октября ушло в Кронштадт. Наконец, перед выездом Голенищева из Камчатки, 27 июня 1835 г. прибыл в Петропавловскую гавань тот же транспорт «Америка» с разными грузами под командою капитан-лейтенанта фон-Шанца. Сдав груз на бриг «Елизавета», транспорт отправился обратно в Кронштадт.

По прослужении 5 лет Голенищев просился съездить в отпуск в Петербург, где предлагал лично представить свои соображения о разных нуждах края и затем возвратиться в Камчатку, чтобы прослужить там еще пять лет. Но генерал-губернатор, пользуясь этим случаем, просил сменить вовсе Голенищева, *как человека беспокойного и строптивого*, тогда как Голенищев был всеми любим в Камчатке.

При вступлении своем в должность начальника Камчатки, Голенищев был в хороших отношениях с губернским начальством; но с 1831 г. по каким-то причинам отношения эти изменились, и Голенищеву приходилось нередко получать разные замечания и отказы на свои представления. Наконец в 1832 г. генерал-губернатор стал требовать от него подробных отчетов в расходовании денежных сумм, чего не делалось прежде, и запретил без его разрешения распоряжаться даже экстраординарною суммою.

На основании представления генерал-губернатора 15 января 1835 г. был назначен вместо Голенищева капитан 1-го ранга Шахов, который принял должность от Голенищева 11-го октября 1835 г.

По вступлении своем в должность Шахов донес генерал-губернатору Восточной Сибири, что предшественник его привел край в самое бедственное

положение и расстроил все прежние полезные учреждения. «Вся заслуга Голенищева, — писал он, — заключается в том, что он перед своим домом распланировал место для сада, расположил дорожки и куртины, развел церкви и насадил молодых тополей».

Такой отзыв о Голенищеве чрезвычайно дурно рекомендует Шахова. В этом поступке мы видим или желание Шахова выслужиться перед генерал-губернатором, который не благоволил к Голенищеву, или же выставить на вид свои заслуги. Шахов, как мы увидим ниже, далеко во всех отношениях стоял ниже Голенищева — человека честного, деятельного и справедливого, оставившего в Камчатке надолго добрую о себе память.

По проискам Шахова было наложено на Голенищева значительное наказание за недостаток казенной соли. Голенищев просил на пополнение этого взыскания взять его дом в Камчатке за 4 500 ассигн. для ремесленной школы.

В 1837 г. в Камчатке был неулов рыбы, заставивший камчадалов употреблять в пищу своих собак и всякую падаль. В особенности же голодали жители Лесновского острожка. Коряцкий старшина *Этек*, чтобы спасти их от голодной смерти, подошел со своим табуном оленей к острожку и позволил несчастным страдальцам пользоваться его оленями безвозмездно до тех пор, пока не миновал голод. За этот человеколюбивый поступок Этек был награжден золотой медалью.

В 1836 г. по ходатайству Шахова были отправлены в Камчатку два ученика сельского хозяйства: Сорокин и Рычагов для наблюдения за хлебопашеством. Но во время Шахова один только раз удался урожай ячменя на Паратунских ключах. Сорокин пробыл в Камчатке 10 лет и большею частью занимался письменными делами у начальника Камчатки, а Рычагов все время пьянствовал.

Генерал-губернатор, осведомясь, что Шахов обращает мало внимания на хлебопашество, 11 января 1838 г. предписал иркутскому губернатору потребовать от него по этому предмету объяснение. Шахов 10 июня 1833 года писал, что виновен этому не он и просил нарядить следствие, которое могло бы раскрыть все беспорядки и злоупотребления Голенищева и обнаружить те благодетельные меры, которые придумал он (Шахов) в искоренение зла.

9 августа 1837 г. прибыл в Авачинскую губу 54-пушечный французский фрегат *Venus* под командою капитана Де-Пети-Туара и пробыл здесь 17 дней. Не имея никаких известий об отношениях России к Франции, Шахов не на шутку струсил от этого неожиданного гостя. С особенною энергиею занялся он постройкою временных батарей по чертежам Рикорда и приготовил их к действию. Но тревога была, как оказалось, напрасная, потому что фрегат пришел для географических изысканий. Офицеры фрегата хотели соорудить в гавани памятник Лаперузу; но Шахов вызвался сделать этот памятник на свой счет; однако он выехал из Камчатки, не исполнив этого обещания. И толь-

ко преемник Шахова Страннолюбский поднял этот вопрос, а министр внутренних дел испросил на это разрешение у Государя. Памятник был сооружен Страннолюбским в 1843 г. Он выстроен был по чертежу, составленному в Париже, из дерева и обит листовым железом. Деньги же, употребленные на постройку его в количестве 192 р., были взысканы с Шахова чрез морское министерство.

В 1837 г. Российско-Американская К^о вошла с представлением к генерал-губернатору о дозволении ей производить у камчатских берегов промысел бобров, который, по словам компании, должен был доставить *несомненную выгоду жителям Камчатки*.

Условия, предложенные компаниею, заключались в следующем: 1) компания предлагает прислать в Нижнекамчатск 8 байдар с алеутами для производства вместе с камчадалами бобрового промысла по обе стороны Камчатки в течение 3-х лет; 2) за это право компания обязуется платить за каждую шкуру бобра первой величины по 100 руб., а за среднего по 50, оставляя в пользу промышленников мелкие шкуры; 3) за право же ловить бобров компания принимает на себя доставку для жителей Камчатки разных материалов по дешевой цене кругом света.

Но генерал-губернатор не дал по этому предмету никакого положительного ответа, потому что находил необходимым прежде получить соображения по этому вопросу лиц, знакомых с условиями тамошнего края. И разрешение на это компания получила, как мы увидим ниже, только в 1840 г.

В 1838 г. последовало Высочайшее разрешение о предоставлении в Камчатке беспощинной торговли еще на 5 лет, то есть по 6 августа 1843 г. с тем, однакож, условием, чтобы крепкие напитки привозились только для чиновников и офицеров, а не для продажи.

Неспособный и дурной во всех отношениях начальник, Шахов был человек заносчивый и строптивый. Ненависть к нему была общая. Но, несмотря и на эти дурные качества, он, быть может, и прослужил бы кое-как свои обязательные пять лет, если бы он не столкнулся с тамошним духовенством, во главе которого стоял образованный, умный и хитрый протоиерей Прокопий Громов, который через иркутское епархиальное начальство успел вооружить против Шахова генерал-губернатора. Иркутский преосвященный сообщил генерал-губернатору, что Шахов не исповедается, не причащается, не держит постов, в царские дни не ходит в церковь и, наконец, будто бы ворвался однажды в баню в то время, когда мылось там семейство одного священника. На основании этих жалоб и других, полученных от подчиненных Шахова, генерал-губернатор Руперт в 1838 г. предписал начальнику Охотского порта Головнину отправиться в Камчатку и рассмотреть поступки Шахова, а также и все беспорядки, происшедшие во время Голенищева, о которых так усердно доносил Шахов.

Но в это время прибыл в Иркутск по делам упразднения Иркутского адмиралтейства и Байкальской флотилии и обозрения Камчатки и Охотского края адъютант начальника главного морского штаба князя Меншикова капитан-лейтенант Васильев, и потому Руперт оставил посылку в Камчатку Головина и передал все жалобы на Шахова на рассмотрение капитана Васильева.

Капитан-лейтенант Васильев по рассмотрении всех доносов на Шахова до поездки еще в Камчатку донес Руперту, «что важность жалоб на Шахова заставляет сомневаться в правоте его действий, а потому оставлять его на этом месте более вредно, чем полезно. По прибытии же моем в Камчатку надо ожидать новых на него жалоб. Обстоятельства эти поставили меня в затруднительное положение при разбирательстве начальника с подчиненными. Во избежание чего приемлю смелость просить об удалении Шахова от занимаемой должности, которая может быть замещена на время капитан-лейтенантом Шишмаревым, как способнейшим штаб-офицером».

На этом основании Руперт 12 июля 1839 г. предписал Шишмареву сместить Шахова по *расстройству умственных способностей*, как доносил он министру внутренних дел 13 июля 1839 г.

В 1839 г. прикочевали на Камчатку чукчи. Предводитель их Чинник принял православие, и примеру его последовало еще несколько человек его соплеменников.

Шишмарев управлял Камчаткою в течение года, и хотя по своим способностям он вполне был достоин занять место начальника Камчатки, но 11 октября 1839 г. назначен был вместо Шахова капитан 2-го ранга Страннолюбский, который прибыл в Камчатку 7 октября 1840 г.

Страннолюбский по вступлении в должность начальника обратил все свое внимание на улучшение быта жителей полуострова. Убедясь, что хлебопашество невозможно там в таких размерах, чтобы вполне обеспечить их продовольствие, он успел приохотить камчадалов к огородничеству, чему вполне благоприятствует камчатская почва и климат. Успехи его в этом деле были так велики, что в 1844 г. посев картофеля простирался до 1 596 пудов, а урожай до 20 015 пуд.!

Страннолюбский содействовал камчадалам в звероловстве, облегчив им способы к приобретению из казны пороха и свинцу, и постоянно выписывал для них по умеренным ценам винтовки. Учредил 30 удельных старшин для наблюдения за своевременным промыслом рыбы. Старался приохотить их к скотоводству. При нем было в Камчатке 1 564 головы рогатого скота и 289 лошадей. Уничтожил, насколько мог, между камчадалами обычай дарить мехами всех проезжих чиновников. Ввел у них оспопрививание, и в течение 1840, 1841 и 1842 гг. была привита уже оспа всем детям камчадалов.

В отчете своем об устройстве быта камчадалов Страннолюбский, между прочим, писал, «что камчадалы редко обеспечивают себя рыбой в должном

количестве, хотя улов ее почти всегда хорош, причем большею частию случается так, что если мал улов рыбы на Камчатке, то достаточен в других реках и наоборот. Лучшие рыбы: чавыга, кижуч, хайко, красная и горбуша. Ход рыбы продолжается с мая по ноябрь. Рыбу обыкновенно солят, вялят и квасят в ямах. Квашеная рыба преимущественно употребляется для собак. Промысел нерп и тюленей производится во всей Камчатке; в особенности же в Олюторской губе. Мясо их камчадалы едят, а кожи употребляют на обувь, ремни для нарт и на собачью сбрую. Нередко случается, что на берег выкидывает мертвых китов, мясо которых камчадалы также едят, а жир употребляется на освещение, а нередко и в пищу».

Убедясь, что отправление в натуре подводной гоньбы есть одна из тягостнейших повинностей, отбываемых камчатскими жителями, которая разорила их, он представил генерал-губернатору проект о замене этой повинности вольным подрядом. При этом он полагал учредить на всем полуострове 61 станцию, и на каждой от 2 до 5 подвод, а всех 191 подвод, по две собаки в каждой. На содержание этих подвод предполагалось учредить со всех жителей Камчатки податного сословия особый сбор с 409 ревизских душ до 2 р. 85⁵/₇ коп. и с 884 душ инородцев по 1 р. 42⁵/₇ коп. с души. Но как этот сбор был недостаточен для покрытия всех расходов по почтовой гоньбе, простиравшихся до 6 310 р., то предлагал учредить постоянный ход почты только по одному восточному берегу от Петропавловского порта до Ижигинского округа; почтовое же сообщение по западному берегу вовсе уничтожить, оставив содержание подвод только для земских сообщений. При таком порядке требовались только 102 подвод на сумму 3 350 руб., остальную же за это сумму просил отнести на земский сбор. В 1842 г. генерал-губернатор утвердил гоньбу с подряда, но с тем, чтобы весь расход был отнесен на счет земских сборов Иркутской губернии.

Почтовый тракт в Камчатке идет из Ижиги на Каменское селение, и это пространство проезжают в 4 дня; отсюда по льду до вершины Пенжинской губы 3 дня; до р. Вевника 1 день; до селения Кички 2 дня; до Дранки 3 дня. Здесь дорога разделяется на две ветви: одна западным берегом Камчатки через Тигиль, а другая восточным через Нижнекамчатск. Через Тигиль выезжают в 14-ть, а через Нижнекамчатск в 13 суток. Из Ижиги же до Охотска при хороших обстоятельствах — в 16 суток. Почта же обыкновенно отправлялась из Петропавловского порта по тракту в Охотск один раз в год, в декабре, и еще раз летом на одном из судов флотилии.

Ясашных плательщиков считалось при нем 884 души (в 1835 г. на полуострове считалось камчадалов 2 700 душ; олюторцев 607; русских обоего пола 2 072 души; из них жителей Петропавловской гавани 900. — *Авт.*). Зверей вывозилось из Камчатки ежегодно соболей до 6 т. и лисиц до 1 500 штук.

При этом Страннолюбский доносил иркутскому губернатору, «что камчадалы не имеют никакого хозяйства, потому что их обирают купцы. С первым зимним путем отправляются они в путешествие по Камчатке и живут в острожках целую зиму, продавая камчадалам чай, сахар, дабу, китайку, табак, медную посуду и другие предметы. Все звери, какие только есть у камчадалов, переходят в руки купцов; причем лучшего соболя купцы оценивают в 15 р. ассигн., а дают за него товару только на 5 р. Обобрав таким образом камчадалов, купцы стараются дать им еще что-нибудь в долг, с тем расчетом, чтобы и весь будущий их промысел попал к ним в руки». При приведении в известность долгов камчадалов оказалось, что одному приказчику купца Шелихова камчадалы должны до 20 000 руб. Чтобы уничтожить это зло, Страннолюбский подтвердил запрещение Голенищева продавать камчадалам товары в долг более чем на 5 руб. на каждое семейство и прекратил прием прошений от купцов о денежных взысканиях с камчадалов. Кроме того, основываясь на распоряжении иркутского губернатора 22 июля 1839 г., чтобы весь ясак высылался из Камчатки лучшей доброты, не дозволил в 1840 г. купцам разъезжать по Камчатке до окончания сбора ясака. Купцы послали жалобу в Иркутск на Страннолюбского, и иркутский губернатор предписал ему отменить это последнее распоряжение.

Страннолюбский неоднократно представлял о необходимости уничтожения в Камчатке откупной системы, тяготевшей над ней с давнего времени. С 1839 по 1843 год назначено было ввозить в Камчатку для продажи ежегодно по 800 ведр спирту; но откупщик всегда доставлял его гораздо больше. Страннолюбский просил генерал-губернатора, если он не признает возможным уничтожить вовсе откупной системы, то, по крайней мере, ограничить лишний ввоз спирту. «Камчадалы, — писал он, — с каждым годом все более и более пристращаются к горячим напиткам, чрез что гибнут со своими семействами». Руперт сообщил ему, что уничтожить откупную систему он не вправе, а о соблюдении откупщиком условий сделано распоряжение.

12 ноября 1840 г. состоялось положение комитета министров о посылке от министерства государственных имуществ в Камчатку на два года агронома для собрания верных данных о климате и почве Камчатки и составления основательного заключения о том, какое хозяйство возможно и полезно на полуострове. Для этой цели был избран прусский подданный Кегель, которому положено было жалования по 857 р. в год, три пуда муки и 10 фунт. крупы в месяц на счет 3 803 руб., накопившихся в Камчатке от суммы, ассигнуемой на устройство там оранжерей.

В инструкции Кегелю, между прочим, было сказано: по прибытию в Камчатку сделать посев озимых хлебов. Делать опыты над разведением картофеля, гречихи, репы, брюквы, капусты и хлебных растений. Стараться развести яблоки и разные кустарные породы, свойственные климату, увеличить ско-

товодство и молочное хозяйство. Принять в свое ведение двух учеников садоводства и ремесленную школу, которую привести в лучшее устройство, и выучить учеников таким занятиям, какие могут быть полезны в домашнем быту тамошних жителей. Составить описание Камчатки в ботаническом отношении и вести в течение двух лет метеорологические наблюдения. В отношении почвы исследовать плодородность, составные части и глубину ее, а также и свойство подпочвы. На пути к Охотску осмотреть хлебопашество в Якутской области и Охотском крае. По истечении двух лет представить обо всем отчет министру государственных имуществ.

20 сентября 1841 г. Кегель отправился из Охотска в Камчатку на бригае «Камчатка», который разбился около Большерецка, и все семена, находившиеся при Кегеле, были подмочены, так что в 1843 г. взамен их были высланы новые. Весною 1842 г. Кегель с учеником Сорокиным отправился в путешествие по полуострову и, наскоро осмотрев его, представил министру Киселеву следующие свои соображения:

«Большая камчатская долина, защищенная с севера и востока высокими горами, соединяет в себе все удобства для поселения до 100 000 душ крестьян и развития хлебопашества, если только оказать поселенцам содействие к расчистке лесов и в снабжении скотом. Старый хутор основан на дурном месте и запущен. Ремесленную школу необходимо перевести на вновь устроенный им хутор на р. Камчатке. Завести кожевенные и мыловаренные заводы, чтобы не пропадали сырые кожи и жир. Перевести камчадалов с западного берега на восточный, очистить около их селений леса, развести домашнюю птицу, для чего необходимо уничтожить всех собак».

Страннолюбский и все камчатские старожилы, узнав о таких ложных убеждениях Кегеля, советовали ему не компрометировать себя подобного рода донесением; но Кегель, как ученый муж, пренебрег их советами, и даже в донесении своем присовокупил, что Страннолюбский во всем ему противодействует.

По приезде своем в Камчатку Кегель просил генерал-губернатора о высылке туда мастеровых и разного рода скота и о выдаче ему пособия за понесенные убытки по время крушения брига «Камчатка». Просьба эта была передана на рассмотрение Страннолюбского, который донес генерал-губернатору, что высылка в Камчатку мастеровых и скота при настоящем положении дел совершенно излишня; что же касается до испрашиваемого Кегелем пособия, то, по отзыву командира брига «Камчатка», все вещи Кегеля при крушении судна были спасены. «И, наконец, — писал Страннолюбский, — Кегель не более, как шарлатан, от которого нельзя ожидать никакой пользы».

Кегель, узнав о таком отзыве о нем Страннолюбского, начал писать беспрестанные на него доносы министру, который вынужден был написать генерал-губернатору, чтобы он сделал Страннолюбскому строжайшее замеча-

ние. При этом он просил перевести ремесленную школу из Петропавловской гавани в Мильково, где Кегель мог бы иметь за нею присмотр, потому что она, по словам Кегеля, доведена была до упадка.

К счастью Страннолюбского, прибыл в Иркутск для ревизии сенатор граф Толстой, который дело это передал на рассмотрение командированным от него в Камчатку и Охотский край для ревизии чиновникам князю Львову и Булычеву. Чиновники эти нашли, что наветы Кегеля на Страннолюбского несправедливы, и что последний пользуется от всех уважением и не подал никаких причин к каким-либо нареканиям, и, наконец, что все действия Страннолюбского клонятся к пользе края. Что же касается до Кегеля, то они нашли его вовсе бесполезным для Камчатки и потому разрешили Страннолюбскому отправить его в Охотск.

Все труды Кегеля ограничились посевом хлеба в Щапинском и Толбачинском селениях, тогда как он во всех немецких и русских газетах приписывал себе честь разведения в Камчатке картофеля.

По прибытии в Камчатку Страннолюбского, там было одно только училище, которое содержалось за счет духовного ведомства. В нем обучалось 25 учеников духовного сословия и 10 камчадалов. Дети же нижних чинов и разночинцев оставлены были без всякого призрения и целые дни проводили на улицах. Страннолюбский заставил их ходить в учрежденную им школу, в которой безвозмездно обучали грамоте и арифметике морские офицеры, а закону Божию — местный протоиерей. К этому времени вышло распоряжение об учреждении сельских школ, и потому при всех приходах были открыты священниками новые рассадники грамотности.

В декабре 1840 г. Страннолюбский входил с представлением к начальнику главного морского штаба о соединении заведенной им школы с ремесленной. По его проекту ученики школы должны были жить у своих родителей, получая только казенное обмундирование. Расходы же на покрытие предстоящих издержек на содержание школы предполагал относить на счет 2 075 руб., ассигнуемых на ремесленную школу, и на процент с капитала бывшей сельскохозяйственной компании. Морское министерство входило по этому предмету в сношение с министром государственных имуществ, который нашел соединение школ возможным только в таком случае, если воспитанники школы по окончании курса наук будут употреблены для пользы камчатских жителей, а не для военной службы.

Мнение это было сообщено Страннолюбскому, который 29 мая 1843 г. сообщил инспекторскому департаменту, что занятия учеников ремесленной школы, по невозможности заведения в Камчатке хлебопашества, ограничиваются разведением огородных овощей и изучением мастерств: бочарного, столярного, слесарного и кузнечного. Для обучения же грамоте школа не имеет своих учителей, и ученики ея для этой цели ходят в школу кантонистов. При

этом Страннолюбский представил штат школы кантонистов морского ведомства на 40 учеников, прося его утверждения. Но дело это оставлено было без всяких последствий, и возобновил его камчатский военный губернатор капитан 1-го ранга Завойко.

В 1840 г. на английском купеческом судне было доставлено в Камчатку 6 человек японцев, потерпевших крушение. Страннолюбский донес об этом в Петербург, и в 1841 г. последовало Высочайшее повеление об отправлении их на родину на судне Российско-Американской К^о, причем предписывалось не входить ни в какие официальные сношения, а высадить только японцев, где пожелают.

В 1843 г. японцы эти были отправлены в Ситху, и в том же году на бриге «Промысел» под командою штурмана Гаврилова были отправлены в Японию. 3-го июня Гаврилов прибыл к острову Матсмаю, где и высадил японцев. При появлении русских жители разбежались, и привезенные ими японцы просили взять их обратно на судно. На другой день показалось японское судно, за которым Гаврилов погнался, чтобы высадить на него японцев; но не мог догнать и 8 июня сдал их на о-в Итуруп (еще в 1836 г. компанейский бриг *Уналашка* под командою подпоручика Орлова был на Матсмае для доставления 4 японцев, где встречен был неприязненно и принужден был высадить японцев на Итурупе. — *Авт.*).

6-го мая 1841 г. было сильное землетрясение в Камчатке, которое в особенности было ощутительно в Петропавловской гавани и ее окрестностях. После того землетрясение продолжалось с меньшею силою до октября месяца.

20 октября 1841 г. прибыл в Петропавловский порт из Кронштадта с разными грузами транспорт «Або» под командою капитан-лейтенанта Юнкера. По сдаче здесь груза он 24 ноября, прорубившись сквозь устье Авачинской губы, покрытой льдами, ушел в Кронштадт.

В 1837 г. американец Томсон предложил свои услуги снабжать ежегодно наши приморские владения на Восточном океане провиантом по умеренным ценам. Но министр финансов 5-го января 1838 г. сообщил генерал-губернатору, что неудобно в таком важном деле доверяться одному лицу, тем более что даже Российско-Американская К^о, на которую несколько более можно положиться, отказалась от этой операции, не надеясь выполнять ее ежегодно. При этом министр финансов присовокупил, что если кто из иностранцев без всяких условий, за сходную цену доставит провиант в Камчатку, то не препятствовать принимать его на счет будущих посылок из Якутска.

В 1841 г. был значительный недостаток провианта в Камчатке, так что Страннолюбский вынужденным нашелся купить в лавке Российско-Американской К^о, которая в это время возобновила свою торговлю в Камчатке, 500 пуд. пшеничной муки, которую и выдавал вместо ржаной. Случай этот

подал Страннолюбскому повод к новому ходатайству о заграничной доставке провианта. Но на представление это не было получено никакого ответа.

Наконец в 1843 г., по случаю сделанного негоциантом Северо-Американских Штатов Бордманом морскому министерству предложения доставлять в Петропавловскую гавань все продовольственные припасы по выгодным для казны ценам, учрежден был при морском министерстве особый комитет для рассмотрения этого вопроса. Комитет постановил спросить, прежде всего, Российско-Американскую Компанию, не возьмется ли она доставлять продовольствие в Камчатку? Компания на предложение это представила следующие условия: 1) Компания соглашается снабжать Петропавловский порт продовольственными предметами *без всяких за то вознаграждений*, кроме платы за продукты; 2) Принимает также на себя снабжение Ижиги и Тигиля, а также перевозку почт, пассажиров и купеческие клади из Охотска в Петропавловскую гавань и обратно.

Но как для этого компании необходимо будет завести в Охотском море по крайней мере два небольших судна, поднимающих до 5 000 пуд. груза, то ей необходимо особенное единовременное пособие в 57 714 руб. на заведение этих судов. Кроме того, ежегодно отпускать по 30 342 руб. на содержание экипажей, ремонт и проч. и предоставить ей право через каждые 5 лет вызывать из Балтийского флота для службы в компании по 400 человек матросов. И затем компания будет перевозить пассажиров и купеческую кладь на тех же условиях, какие существуют ныне на казенных транспортах. «И это называется *без всяких вознаграждений*».

Комитет все эти условия нашел выгодными для казны, кроме перевозки клади и пассажиров и доставки провианта в Ижигу и Тигиль, что положено по-прежнему оставить на обязанности казны. Но в это время компания вспомнила, что срок беспощинной иностранной торговли в Камчатке (которая очень не нравилась ей) должен кончиться 6 августа 1845 г. и, вероятно, полагая, что дело это не обойдется без ее участия, вздумала воспользоваться удобным случаем, чтобы выговорить еще одно условие — запрещение иностранной беспощинной торговли в Камчатке, предоставив это право одной компании.

Генерал-губернатор Руперт соглашался даже и на это последнее условие. Но министерство финансов взглянуло на это дело иначе и нашло, что предоставление компании исключительного права торговли в Камчатке положительно вредно во многих отношениях, тем более что это было бы противно и с заключенными с Англию и Соединенными Штатами условиями. Таким образом, предложения компании были отвергнуты, и министр внутренних дел на основании представления Страннолюбского исходатайствовал 20 июня 1844 г. продолжение беспощинной торговли в Камчатке до 6 августа 1850 г.

15 декабря 1840 г. открыта камчатская епархия, в состав которой вошли: колонии Российско-Американской Компании, Камчатка, Охотский край

с Ижигинским округом, Удский острог, а через 10 лет и Якутская область. Первым епископом был нынешний московский митрополит Иннокентий, именовавшийся Камчатским, Курильским и Алеутским. Главное местопребывание епископу назначено в Новоархангельске.

19 августа 1842 года архипастырь прибыл в Петропавловскую гавань, откуда объехал весь полуостров и во всех церквях совершал литургии. С открытием в 1844 г. семинарии в Новоархангельске камчатское духовное училище было упразднено.

Страннолюбский весьма деятельно занялся устройством Петропавловского порта. Он застал все казенные здания порта в разрушенном виде. Они обыкновенно строились из тополевого и ветлового леса, растущего в окрестностях порта. Непрочность этого леса заставила его доставлять для построек лиственничный лес за 700 верст с устья р. Камчатки. Несмотря на трудности его доставки на транспортном судне, которое в течение лета успевало сделать не более 3 рейсов и доставить до 300 бревен, Страннолюбский выстроил из лиственничного леса все необходимые здания. Укрепил порт четырьмя батареями и вообще завел в нем порядок и чистоту.

Возбужденный при Шахове Российско-Американской К^о вопрос о бобровом промысле в Камчатке был передан Рупертом на рассмотрение капитан-лейтенанта Васильева, который донес Руперту, что он не видит причин препятствовать ей в этом деле, а потому компания и получила на это разрешение и начала промысел в 1840 г. Бобры обитают в Камчатке по всему восточному берегу между Лопаткою и Камчатским носом. Прибрежные жители добывают их в незначительном количестве, так, например, в 1837 г. осенью поймали двух бобров и зимою застрелили двух. Летом они обыкновенно ловят их сетями, поставленными на отмелях между камнями, куда выходят бобры питаться морскою капустою и отдыхать. Но при таком способе промысла нередко случалось, что по причине сильного ветра и буруна камчадалам в течение месяца нельзя было выходить в море для осмотра сетей на своих долбленых ботах, а, кроме того, сети путались от буруна. Компания для этой цели назначила бриг *Промысел* и в течение года приобрела 30 бобров. Но через два года бросила это дело, не приносящее ей никакого дохода.

Командированные в Камчатку для ревизии чиновники князь Львов и Булычев по окончании возложенного на них поручения представили сенатору графу Толстому следующие замечания:

«В Камчатке с давняго времени появилась заразительная болезнь — *камчатская проказа*, проявляющаяся в наружных пятнах, бугорчатых опухолях и язвах. Но как подверженные этой болезни доживают до глубокой старости и могут заниматься домашними работами, то Страннолюбский всех таких больных, коих оказалось 14 человек, поселил в 30 верстах от гавани на Дальнем озере, поручив их надзору медика, и заставил заниматься рыбною лов-

лею. Причину этой болезни приписывают употреблению морской рыбы, в особенности же свежей. Находящаяся в 150 верстах от Петропавловского порта Мильковская больница и в 30 верстах от гавани ванны на Паратунских клочках — разрушились».

Граф же Толстой в отчете своем о Камчатке, между прочим, упомянул, что управление Страннолюбского Камчаткою вообще сопровождалось полезными для того края предприятиями и оставило в местных жителях память о его попечении и добродушии.

Страннолюбский по собственному желанию был переведен в Балтийский флот, а вместо него 7 февраля 1845 г. был назначен капитан 2-го ранга Машин, который прибыл в Камчатку 21 августа 1845 г. (при Страннолюбском 30 октября 1843 г. разрешено иметь постоянного лоцмана в Нижнекамчатске с производством ему от казны провианта. — *Авт.*).

15 мая 1845 г. прибыл из Кронштадта в Петропавловскую гавань транспорт «Иртыш», назначенный в Охотскую флотилию, под командою капитана Вонлярлярского. Транспорт этот по сдаче груза ушел в Охотск. «Иртыш» вышел из Кронштадта 14 октября 1843 г., следовательно, пробыл в пути более 1½ года.

В том же 1845 г. казенный транспорт «Ижига» потерпел крушение при входе в Авачинскую губу.

Капитан Машин по принятии должности отправился обозреть полуостров, чтобы лично ознакомиться с нуждами жителей. Он нашел, что почти все камчадалы, за исключением немногих северных, завели огороды, а некоторые и рогатый скот.

Жители же селений, расположенных между Верхнекамчатским и Ключевским, занимались хлебопашеством, и в 1845 г. было посеяно ими до 25 четвертей ячменя. На камчадалское хлебопашество капитан Машин не рассчитывал, подобно некоторым своим предшественникам. Столетние опыты доказали совершенную его невозможность в Камчатке, как в стране, где снег лежит почти 8 месяцев в году и случаются морозы в то время, когда хлеб цветет. Огородничество же было при нем в отличном состоянии. В 1845 г. на 648 огородах собрано 18 000 пуд. одного картофеля.

16 апреля 1834 г. Государь Император утвердил мнение особого комитета, рассматривавшего вопрос об обеспечении на будущее время нашей кяхтинской торговли, о посылке одного корвета и транспорта из Черного моря в Восточный океан под начальством контр-адмирала Пуягина. Главнейшее его поручение заключалось в собрании в китайских портах необходимых для нас сведений по части торговой и заведении торговых связей с Китаем и Япониею. Кроме того, ему поручалось: осмотреть внимательно восточный берег Охотского моря, северную оконечность Сахалина, губу, образуемую этою оконечностию и материком, и устье Амура.

Главному командиру Черноморского флота предписано было изготовить к октябрю 1843 г. корвет «Менелай» и один из благонадежных транспортов. Но в августе месяце министр финансов доложил Государю Императору, что экспедиция эта, требующая от 250 до 430 тысяч сверхсметных расходов, может повредить нашей сухопутной торговле с Китаем, почему Государь и приказал отложить ее на неопределенное время.

В 1843 г. командир брига «Охотск» капитан-лейтенант Транковский донес начальнику Охотского порта, что во время его зимовки в Ижиге приходившие туда чукчи объявили ему, что в последнее время стали показываться у устья р. Анадыра какие-то иностранные суда для торговли с чукчами, и что на самом устье реки построена ими небольшая крепостца с несколькими орудиями, при которой поселено 12 человек иностранцев с женами.

Генерал-губернатор донес об этих слухах министру внутренних дел, который 21 января 1845 года предложил ему для собрания более верных сведений о действии иностранцев на реке Анадыре снарядить туда экспедицию на счет сумм иркутской казенной палаты. Генерал-губернатор Руперт 5 июля 1845 г. предписал начальнику Охотского порта послать туда двух офицеров с приличным числом нижних чинов сухим путем из Ижиги. При этом по распоряжению Руперта были высланы в Охотск табак, иглы и другие вещи для подарков инородцам. Но вновь поступивший начальником Охотского порта капитан Вонлярлярский донес генерал-губернатору, что в Охотске нет ни одного судна для доставления экспедиции в Ижигу. При этом Вонлярлярский представил Руперту по поводу этой экспедиции следующие свои сообщения: «Экспедиция эта не только затруднительна, но даже невозможна по трудности сообщения Ижиги с р. Анадыром. Хотя в старину ижигинские казаки довольно часто посещали р. Анадыр; но это делалось при содействии коряк, сопровождавших казаков со своими табунами оленей. В настоящее же время, по случаю удаления коряк от места их прежних жительств и уменьшения у них оленей, не только сделалось затруднительным сообщение Ижиги с Анадыром, но даже и Камчатки с Охотском. Капитан Рикорд чуть не погиб при выезде из Камчатки, потому что коряки не хотели его везти, а обозревавший Камчатский край капитан-лейтенант Васильев не нашел вовсе коряк на прежнем их месте жительства и принужден был отыскивать их по следу.

Если только отправить экспедицию на собаках, то нельзя рассчитывать, когда она вернется, потому что на этом пути бывают пурги по две и по три недели, после которых необходимо на лыжах прокладывать дорогу для собак, выбегающих при худших обстоятельствах только от 5 до 10 верст в сутки. К тому же на 5 человек с провизиею на два месяца необходимо иметь 11-ть нарт, да для корму собак 43 нарты, для чего потребуется 648 собак и 54 каюра (каюр необходим при каждой нарте собак. От этого слова происходит глагол *каюрить* — править собаками. — *Авт.*). Но таких перевозочных средств не мо-

жет дать Ижига; да если бы средства эти и нашлись, то на одни прогоны пришлось бы употребить 4 860 руб., не говоря уже о том, что 12-ть человек не принесут никакой пользы делу, если действительно найдут там укрепления. Поэтому я полагал бы отправить экспедицию морем».

Руперт препроводил это донесение министру внутренних дел, который 5-го февраля 1846 г. сообщил ему, что Российско-Американская К^о приняла на себя снаряжение к устью Анадыра экспедиции, а потому прежнее распоряжение по этому предмету просил оставить без последствий.

Компания в том же 1846 г. снарядила к устью Анадыра экспедицию на байдарках под командою вольного шхипера Клиноквострема. Экспедиция эта открыла в 20 милях к востоку от устья Анадыра удобный для якорной стоянки залив, названный именем начальника экспедиции; осмотрела устье р. Анадыра; но не нашла там никаких укреплений. В 1848 г. главный правитель колоний капитан Тебеньков отправил для продолжения описи устья р. Анадыра два брига: «Охотск» и «Камчатка» под начальством капитана 2-го ранга Зарембо. Посланные с бригаом гребные суда исследовали лиман и течение реки на 54 мили; но и этот раз не встретили иностранцев.

Анадырский лиман оказался большею частью судоходным. Он образует обширную гавань. Устье р. Анадыра мелководно. По берегам его расположено 13 селений чукоч.

Кроме того, экспедиция открыла и описала еще один залив между заливом Клиноквострем и устьем Анадыра, названный заливом Св. Николая. Залив этот представляет удобное и безопасное убежище для судов.

Хотя анадырская экспедиция и не подтвердила слухов о присутствии на устье р. Анадыра иностранцев; но, тем не менее, слухи эти имели некоторое основание. Китобойные американские суда ежегодно посещали Чукотскую землю, занимаясь китовым промыслом около северо-восточных берегов Азии.

В 1846 и 1847 гг. до 20-ти китобойных судов посетили Петропавловскую гавань, и команда их бесчинствовала и буйствовала на берегу. Капитан Машин просил генерал-губернатора в отвращение их самовольства разрешить ему: осматривать судовые паспорта; делать медицинский осмотр командам; запретить съезжать на берег ранее утренней и позже вечерней зари; беглых с судов употреблять в работы до сдачи их на суда той нации, к которой они принадлежат; содержать буйных в тюрьме; не позволять приставать к берегу в окрестностях порта; не позволять на рейде производить пушечную пальбу и т. д. Но дело это до самого выезда капитана Машин из Камчатки осталось не разрешенным.

Вековое спокойствие Охотского и Берингова морей до тридцатых годов нынешнего столетия не было еще нарушено китобоями, и богатство этих морей, принадлежавшее по всем правам русским, не обратило на себя нашего внимания, и оно сделалось достоянием иностранцев, которые с тридца-

тых годов начали преследовать китов и в наших морях. Но в Тихом океане после Нанкинского мира, заключенного между Англией и Китаем 29 августа 1842 г., по которому открыт был доступ европейским судам в китайские порты, в 1846 г. уже до 500 американских судов занимались китовым промыслом в Беринговом и Охотском морях, а в 1848 г. американское судно *Superior* прошло через Берингов пролив в Ледовитое море и в несколько дней приобрело полный груз китового жира. В 1849 г. по следам его пустились туда 154 судна. В эти последние два года выручено американцами за китовый жир, приобретенный в прилежащих к нашим владениям морях, 17 412 453 доллара! — цифра почтенная, которая должна служить упреком Российско-Американской К°, смотревшей с редким хладнокровием на такой легкий способ обогащения иностранцев и не желавшей или не умевшей взяться за это выгодное предприятие. Весь китовый промысел компании ограничился дохлыми китами, случайно выброшенными на берег. Правда, компания приняла в этом деле, как мы увидим ниже, некоторое участие, но уже в то время, когда иностранцы успели истребить китов в Восточном океане до такой степени, что китобойные суда иногда в три года не могли приобрести полного груза... Но возвратимся к событиям сороковых годов.

Со времени открытия русскими плавания в Камчатке, там вместо маяков жгли костры. Городничий Воеводский распорядился, чтобы в Тигиле, Нижнекамчатске, Большерецке и Петропавловской гавани были сделаны для маяков треугольные срубы, обращенные одним углом к морю с двумя прорубленными окнами, в которые за неимением стекол вставлялись выделанные нерпичьи шкуры или пузыри. Освещение же продолжали делать дровами с салом или рыбьим жиром. Шмалев в 1792 г. вставил в окна стекла. Но, не находя удобным такое освещение, приказал уничтожить срубы и жечь по-прежнему большие костры.

Капитан Машин первый из камчатских начальников поднял вопрос об устройстве в Петропавловской гавани настоящего маяка. На основании его ходатайства морское министерство в 1849 г. выслало из Кронштадта в Камчатку осветительный аппарат, и 1-го июля 1850 г. был уже в действии новый маяк на Дальнем мысу вышиною от горизонта воды 450 фут.

16-го декабря 1846 г. Высочайше утверждено мнение государственного совета о взимании платы за перевозку пассажиров и клади из одних сибирских портов в другие.

В главнейших чертах оно заключалось в следующем:

а) С пассажиров брать по 1-му рублю 70 коп. с каждого, за исключением детей моложе 10 лет, которые перевозятся бесплатно.

б) С пушных товаров: бобров 30 к.; соболей и лисиц-сиводушек 15 к.; с красных 7½ к.; песцов по 3 к. со шкуры; белок по 2 р. 90 коп. с 1 000; со шкур оленей 1 руб. 50 коп. с пуда.

в) Вино до 1851 г. перевозить по условию с откупщиком, по 14¹/₂ коп., а с 1851 г. по 30 к. с ведра. С прочей же клади по 30 к. с пуда.

г) Из Петропавловского порта в Охотск со всякой клади по 60 коп. с пуда.

Из числа вырученной за перевозку пассажиров и клади суммы 35 % отделить в пользу команды судов, на которых будет перевозиться груз, а 65 % отчислять в экономический капитал морского министерства.

С учреждением же Аянского порта, по положению сибирского комитета, Высочайше утвержденному 18 февраля 1854 г., назначено было за перевозку на судах клади из Аяна в Петропавловский порт и оттуда и Ижигу, Тигиль и Нижнекамчатск взимать по 30 к. с пуда, а из Ижиги, Тигиля и Нижнекамчатска в Петропавловский порт и из него в Аян — по 60 к. с пуда.

В 1846 г., 25 мая, адмиралтейств-совет по ходатайству Машина назначил отпускать ежегодно на кошек в Петропавловском провиантском магазине по 5 р. 71³/₄ копеек. Как, по-видимому, не мелочно это оригинальное положение, но мы решились привести его здесь, потому что оно возникло по довольно серьезным причинам. Ежегодный значительный недостаток провианта заставил капитана Машина обратить на этот предмет особое внимание. По рассмотрении же этого дела оказалось, что недостаток этот происходит от мышей, которыми чрезвычайно богато все побережье нашего азиатского материка. Тогда увидели необходимость иметь при магазине кошек, по неимению которых в Камчатке пришлось их привозить за несколько тысяч верст.

В 1847 г. капитан Машин просил у генерал-губернатора ассигновать особую сумму на заведение в Камчатке школ для обучения камчадалов. В представлении этом он, между прочим, писал, что среди камчадалов так мало грамотных, что старшинам их нередко случается при получении какого-либо предписания от начальства ехать за 300 верст к грамотному для прочтения бумаги. Но, не получив на это представление ответа, он учредил одно училище в селении Мильково. С согласия родителей поступило в это училище 23 камчатских мальчика от 8- до 15-летнего возраста из разных селений. Их обучали читать, писать, закону Божию, арифметике и отчасти сельскому хозяйству. Ученики школы жили у крестьян на условиях, сделанных с их родителями, на счет которых содержалась и самая школа.

В 1848 г. прапорщик Киренский снял план устья р. Камчатки, а в 1849 г. поручик Савин сделал съемку морского залива, прилежащего к устью этой реки, с губою Лахтак. Кроме того, в течение 1849 и 1850 годов был сделан план Петропавловского порта и промер гавани и рейда.

13 мая 1849 г. прибыл в Петропавловскую гавань отправленный из Кронштадта в состав Охотской флотилии транспорт «Байкал» под командою капитан-лейтенанта Невельского. По сдаче здесь грузов он отправился для исследования устья р. Амура и оттуда в Охотск.

В том же году посетил Петропавловскую гавань генерал-губернатор Восточной Сибири генерал Муравьев. Убедясь в неудобствах Охотского порта, он, прежде, нежели приступить к каким-либо распоряжениям по этому предмету, счел необходимым лично осмотреть главнейшие наши приморские пункты на Восточном океане: Охотск, Аян и Петропавловскую гавань. Генерал Муравьев первый из генерал-губернаторов решился на такое трудное путешествие. Выйдя из Охотска на транспорте «Иртыш» под командою капитана 2-го ранга Поплонского, он 50 суток пробыл в море, а обратное путешествие в Иркутск совершил по новому аянскому тракту.

Во время этого путешествия генерал Муравьев окончательно убедился в безотлагательной необходимости перенесения Охотского порта на другое, более удобное место; Петропавловская же гавань, как одна из лучших гаваней в мире, конечно, не могла не обратить на себя его внимания, и он решился основать здесь главный пункт наших приморских владений на Восточном океане.

23 сентября 1849 г. генерал Муравьев послал из Якутска представление князю Меншикову о закрытии Охотского порта и о сосредоточении всех наших морских сил и средств Охотского моря в Петропавловской гавани. В представлении этом он, между прочим, писал, «что Камчатка представляет все условия, необходимые для увеличения народонаселения и для распространения хлебопашества и скотоводства в такой степени, что и 10 000 человек служащих будут иметь местное продовольствие; а снабжение порта всеми потребностями будет продолжаться из Якутска без всяких новых расходов. Ижигинский округ должен быть причислен к камчатскому управлению; но, вместе с тем, с этими изменениями управление Камчаткой должно быть возвышено, и назначен туда военный губернатор из морских офицеров, подчиненный прямо генерал-губернатору, а не иркутскому губернатору, как ныне. Охотский окружной суд может быть также перенесен в Камчатку».

Представление это было уважено, и 2 декабря 1849 г. последовал Высочайший указ правительствующему сенату следующего содержания:

1) Из частей, подведомственных Камчатскому приморскому управлению, и Ижигинского округа, состоящего в ведомстве Охотского приморского управления, образовать особую область, которой именоваться Камчатской областью.

2) Управление этой области по всем вообще частям вверить военному губернатору, назначенному из чинов морского ведомства, которого и подчинить непосредственно генерал-губернатору восточной Сибири.

3) Охотский порт, по неудобности его, а также тамошнее приморское управление упразднить, присоединив сей край в виде особого округа к Якутской области. Находящийся же в Охотске окружной суд перевести в Камчатку и

4) Приведение сего в исполнение на предписанных особо основаниях возложить на генерал-губернатора.

По упразднению таким образом Охотского порта, Охотский флотский экипаж, Охотскую мастеровую роту и Петропавловскую флотскую роту соединили в один общий состав под названием 46-го флотского экипажа.

Для выполнения же всех своих предположений по этому предмету генерал-губернатор избрал начальника Аянского порта капитана 1-го ранга Завойко, которого представил к утверждению в должности камчатского военного губернатора.

В представлении своем о капитане 1-го ранга Завойко генерал Муравьев, между прочим, писал князю Меншикову: «При мнении моем, что Охотский порт должен быть немедленно уничтожен, и все в нем находящееся для пользы службы и человечества должно быть переведено в Петропавловский порт и, соображая настоящее положение Камчатского края и предстоящую ему будущность, не могу не желать, чтобы начальник Камчатки с 1850 г. вполне соответствовал этому назначению».

На основании этого представления Высочайшим указом 15 февраля 1850 г. капитан Завойко был назначен исправляющим должность камчатского военного губернатора и командира Петропавловского порта (капитан 1-го ранга Завойко был вскоре по вступлении в должность произведен в генерал-майоры, а потом переименован в контр-адмиралы. — *Авт.*).

12 июля 1850 г. он сдал Аянский порт капитан-лейтенанту Кашеварову, а 13-го на корабле Российско-Американской К^о *Амха* отправился в Петропавловскую гавань и 5 августа вступил в управление областью. Предместник же его, капитан Машин, выслуживший в должности начальника пять лет, выехал в Петербург.

21 февраля 1850 г. по положению комитета министров окончившийся 6 августа 1850 г. срок дозволения производить иностранную торговлю в Камчатке продолжен еще на 5 лет.

В марте 1850 г. ассигновано в распоряжение камчатского военного губернатора по 1 420 руб. ежегодно на экстраординарные расходы.

10 января 1851 г. последовало Высочайшее утверждение положения об управлении Камчатскою областью и штат этого управления.

В Петропавловском округе положено иметь: исправника с помощником, окружной суд, казначейство и окружного стряпчего. В Петропавловском порте — полицмейстера и при нем письмоводителя (к Петропавловскому округу были причислены и Курильские острова. — *Авт.*).

В Ижигинском округе — земского исправника с помощником и отдельно заседателя с помощником для Анадырского селения. Окружных врачей 3, лекарский учеников 6 и одну повивальную бабку.

В селениях положены волостные и сельские, а в кочевьях инородцев — родовые старшины.

При военном губернаторе назначено: помощник его, правитель канцелярии, 2 чиновника особых поручений, инспектор по медицинской части (он же главный лекарь морского ведомства), помощник его (один из морских медиков), землемер, горный чиновник и адъютант.

Ежегодный расход на содержание гражданского управления был определен по штату в 29 050 руб.

Камчатскому губернатору, кроме общих прав, были предоставлены еще нижеследующие права. В отношении управления сухопутными и морскими войсками — начальника дивизии, а по делам военносудным — командира корпуса, находящегося в составе армии. Местопребыванием губернатора назначен Петропавловский порт.

14 марта 1851 г. был Высочайше утвержден штат Петропавловского портового управления и 46-го флотского экипажа (в 1853 г. был переименован в 47-й, а еще позднее в 27-й. — *Авт.*). По штату этому положено: при штабе: старший адъютант, обер-аудитор, столоначальник, бухгалтер, казначей, переводчик, архивариус, частный инспектор корпуса штурманов, 10 штурманских офицеров, 12 кондукторов, 2 артиллерийских офицера, пейхвахтер (лицо, отвечающее за хранение вооружения и снаряжения. — *Ред.*) и 6 кондукторов.

В комиссии военного суда: презус (председатель. — *Ред.*), 4 ассессора (из наличных флотских офицеров) и аудитор.

По управлению капитана над портом: капитан над портом (он же помощник губернатора), помощник его, секретарь, бухгалтер, его помощник, старший офицер корпуса корабельных инженеров, его помощник, 2 кондуктора; содержатель магазинов, 14 вахтеров, 8 подшкиперов, 8 баталеров, 23 унтер-офицера разных мастерств и 20 писарей по всем частям управления.

Кроме того было назначено два флотских штаб-офицера по особым поручениям к генерал-губернатору восточной Сибири (на должности эти были назначены: командиры транспорта «Байкал» капитан 2-го ранга Невельской и старший офицер того же транспорта капитан-лейтенант Казакевич, с производством обоих в следующие чины. — *Авт.*).

Штат 46-го экипажа был утвержден в следующем виде: командир экипажа (капитан над портом), помощник его, капитан-лейтенантов 4, лейтенантов 6, мичманов 6, унтер-офицеров 80, музыкантов 14, матросов 904, врачей 4 и священник. Нестроевая рота: писарей 8, фельдшеров 8, поваров 4, циркульников 4, ложников 4, слесарей 4, комиссар, вахтер и 96 мастеровых.

46-й экипаж положено комплектовать местными кантонистами и нижними чинами линейных баталионов. Нижним чинам по прослужении 15 лет предоставлено право пользоваться бессрочным отпуском для поселения в Камчатке (в 1852 г. поселенцам этим разрешено выдавать по 130 руб. каж-

дому на домообзаведение. — *Авт.*). Пробыв же 10 лет в таком отпуску, они увольняются в отставку, но с обязательством остаться там на жительство. Нижние же чины, которые прослужат полные 25 лет, доставляются на родину на казенный счет. Неспособные же нижние чины обращаются на инвалидное содержание, не высылая их из Камчатки.

На содержание морского управления положено по 28 253 руб. 82 коп. в год.

22 июня 1851 г. был Высочайше утвержден герб Камчатской области: в серебряном поле щита изображены три сопки или огнедышащие горы черного цвета. Щит увенчан золотою Императорскою короною.

В 1849 г. Сибирская флотилия состояла из следующих судов: брига «Курил», транспортов: «Иртыш», «Байкал», «Охотск», бота «Кадьяк», вновь заложеного бота «Ангара» (в 89 тон.) и тендера «Камчадал». В 1850 г. почти все суда были заняты перевозкою грузов и команды из Охотского порта в Петропавловск.

Но из числа этих судов бот «Ангара» в 1850 г. разбился у восточных берегов Камчатки под командой прапорщика Чуднова (команда спасена), а бриг «Охотск» обсох в 1850 г. в заливе Счастья у Петровского зимовья (в 1855 г. был сожжен). В том же году был отправлен из Охотска в Петропавловскую гавань бриг «Курил» под командою капитан-лейтенанта Григорьева с грузом и 38 человеками пассажиров и команды, который пропал без вести. В 1851 г. транспорт «Байкал» под командою капитан-лейтенанта Гарновского был брошен в Охотске на Старопортовую кошку и значительно поврежден.

При таких условиях контр-адмирал Завойко счел необходимым заложить при устье р. Камчатки, где в изобилии растет строевой лес, бот и шкуну. Бот № 1 был спущен на воду 27 мая 1852 г., а шкуна 25 июня 1853 г. и названа «Анадырь».

13-го декабря 1850 г. Высочайше утвержден устав Российско-Финляндской китоловной Компании. Главнейшие параграфы этого устава заключались в следующем:

a) компании выдается из финляндских сумм единовременно 20 000 руб. и по 10 000 на каждый из первых четырех кораблей, для этой цели снаряженных.

b) в течение 8 лет дозволяется иметь на этих судах иностранных шкиперов и экипажи.

c) беспощинно привозить в Финляндию и вывозить оттуда в течение 12 лет все предметы китоловства.

d) по истечении 5 лет компания может прекратить свои действия, если вырученная ею прибыль будет менее 3 % в год.

При этом компания обязалась снарядить четыре судна, и первое в 1850 году. Основной капитал компании, состоящий из 200 000 руб., был разделен на 200 акций.

Первое снаряженное компаниею судно — *Суоми* — в течение 1852 и 1853 годов приобрело в Охотском море значительный груз жиру; второе — *Турка* — безуспешно проплавало в 1853 и 1854 г., третье — *Аян* — было сожжено в 1855 году в Петропавловском порте англо-французскою эскадрою.

После таких неудач компания прекратила свои действия. В этой-то китоловной компании и принимала некоторое участие Российско-Американская Компания.

В 1852 г. Императорское Русское Географическое Общество предполагало отправить экспедицию для исследования Камчатки и сопредельных с нею стран на север по р. Анадыру, на запад до меридиана, проходящего через Ижигинскую губу, а также Курильских и Алеутских островов и побережья наших североамериканских владений и [провести] топографическое исследование мест, лежащих за р. Анадыром к Ледовитому морю до устья р. Лены. На этот предмет граф Чапский пожертвовал ежегодно по 5 тысяч рублей, в продолжении 5¹/₂ лет, и коллежский советник Голубков 30 000 р. Но вследствие представления военного губернатора Камчатской области о различных затруднениях, которые встретит экспедиция в продовольствии и лошадях, она была отменена и занятия ею были сосредоточены в западной части Забайкальской области и восточной части Иркутской губернии.

В 1852 г. по распоряжению генерал-губернатора был командирован в Камчатку горный чиновник Дитмар, которому, между прочим, было поручено: 1) исследовать, не находится ли в Камчатке золота, кусок которого был найден недалеко от Нижнекамчатска на месте старого города. 2) Осмотреть месторождение киноvari, курением которой лечатся камчадалы от худосочия и которая, по словам Палласа, находится у устья р. Таловки. 3) Осмотреть месторождение пемзы. 4) Отыскать медную руду, каменный уголь и самородную серу.

Дитмар пробыл в Камчатке три года и составил геологическую карту осмотренной им местности. Золота не нашел, и полагает, что найденный кусок скорее слиток, чем самородок. Киновари также не открыл. В Халагирской губе нашел медный колчедан. При речках Облесковой, Вахиль и на Маячном мысу открыл каменный уголь, годный для пароходов, которого по распоряжению контр-адмирала Завойко доставлено было в Петропавловский порт до 1 600 пудов. На Авачинской сопке найдено им месторождение серы, на высоте 8 700 фут. Другое подобное месторождение серы находится, по его словам, на Киапинической сопке. Пемза же находится около кратеров этих сопки. При отчете своем Дитмар представил коллекцию горных пород полуострова.

Генерал-губернатор Восточной Сибири в июне 1849 г. застал в Петропавловском порте английские военные суда — шлюп и шкуну, а во время плаванья своего по Охотскому морю встретил до 150 китобойных судов.

В 1850 г. он получил донесение, что на о-ве Св. Георгия китобойные суда разорили китовые лежбища, а около Аяна китобои меняли у тунгусов олень и рыбу на водку.

Обстоятельство это подало генералу Муравьеву мысль учредить постоянное крейсерство в Охотском море из двух фрегатов. 13 февраля 1850 г. он вошел по этому предмету с представлением к князю Меншикову, и 30 мая последовало Высочайшее повеление о назначении для этой цели одного корвета. В том же году был послан к берегам Сибири корвет «Оливуца» под командою капитан-лейтенанта Суцова, с тем, чтобы командир и офицеры по доставлении корвета в Камчатку были возвращены в Кронштадт сухим путем, а корвет с нижними чинами поступил бы в состав Сибирской флотилии. На содержание этого корвета было исчислено по 88 267 руб. 93 к. в год.

29 июня 1851 г. корвет прибыл в Петропавловскую гавань (здесь командир фрегата Суцов утонул на шлюпке 25 сентября 1851 года. — *Авт.*). Но он не мог заняться исключительно одним крейсерством, будучи отвлечен другими поручениями. Сперва он был занят по делам местного управления, а потом находился в эскадре вице-адмирала Путятина в Японском море, а между тем в 1851 г. команда одного из китобойных судов в драке с чукчами убила у них 12 человек. В том же году прибыл к нашим северо-восточным берегам Сибири хорошо вооруженный люгер под флагом Северо-Американских Штатов. Впоследствии оказалось, что это было английское купеческое судно, приходившее для торговли с чукчами. Наконец, в 1852 г. правительство Соединенных Штатов снарядило две экспедиции: одну с целью установить торговые связи с Япониею, а другую для обозрения северных берегов Тихого океана до Берингова пролива. Первая была поручена капитану Перри и состояла из одного линейного корабля, трех паровых фрегатов, корвета, двух шлюпов и парохода, а вторая под начальством капитана Рингольда состояла из шлюпа, брига и двух пароходов.

При таком скоплении иностранных судов в Тихом океане присутствие там одного нашего крейсера было весьма недостаточно, тем более что в 1852 г. главное правление Российско-Американской К^о просило генерал-губернатора, чтобы наши крейсера посещали колонии и в особенности Командорские острова, где множество китобоев. И потому генерал Муравьев 5 апреля 1853 г. вошел с новым представлением о посылке в Охотское море крейсеров, по случаю увеличения там иностранных судов. По этому поводу были отправлены из Кронштадта в Камчатку в 1853 г. фрегат «Аврора» под командою капитан-лейтенанта Изюльметьева, корвет «Наварин» под командою капитан-лейтенанта Истомина и на другой год яхта «Рогнеда» под командою владельца ее капитан-лейтенанта князя Лобанова-Ростовского. Судам этим предписано было по прибытии к берегам Сибири поступить в распоряжение генерал-губернатора. Кроме того, в том же году был отправлен в Камчатку

с разными грузами транспорт «Неман» под командою капитан-лейтенанта Шкота. Но из числа этих судов корвет по случаю значительных повреждений не мог прибыть к месту назначения; транспорт разбился в Каттегате, а яхта по случаю войны продана за границую. И, таким образом, из всех судов один только фрегат «Аврора» прибыл в Петропавловскую гавань 19 июня 1854 г. Продолжительное плавание фрегата от Портсмута в Камчатку и влияние непогод были причиною, что на фрегате развилась в сильной степени цинга, от которой умерло во время плавания 8 человек и свезено в Камчатке на берег 164 человека больных. Но особое попечение о больных контр-адмирала Завойко и капитана Изъльметьева, хороший уход за ними, свежая пища при медицинском пособии весьма скоро восстановили здоровье команды, и фрегат был готов к плаванию; но по случаю войны и он не был в крейсерстве.

Крейсерам нашим была дана следующая инструкция, Высочайше одобренная 9 декабря 1853 года.

1) Иметь постоянно в виду, что правительство наше не только не желает запрещать или стеснять производимого иностранцами китового промысла в северной части Тихого океана, но даже дозволяет иностранцам ловлю китов в Охотском море, составляющем по географическому положению внутреннее русское море, и что главная цель учреждения крейсерства заключается в том, чтобы промысел этот производился не во вред подвластным России племенам, и чтобы в морях, омывающих русские владения, повсюду соблюдался должный порядок.

Посему поручается вам наблюдать: а) чтобы иностранцы, промысляя китов, не входили в заливы и бухты и не подходили ближе трех миль к берегам Русской Америки (к северу от 54°40' *N* широты), Камчатского полуострова и Сибири и к островам Кадьякского архипелага, Алеутской гряды, Прибылова, Командорских и других в Беринговом море, а равно и к островам Курильской гряды, Сахалину, Шантарским и другим в Охотском море, к северу от 45°36' *N* широты лежащим, причем следует пояснить иностранцам, что китовый промысел в бухтах, заливах, проливах и в расстоянии трех миль ближе от означенных берегов и островов предоставляется исключительно русским.

б) чтобы иностранцы без дозволения местного начальства не приставали к нашим берегам и островам для производства торговли с туземцами, запасаения дровами и вытопки китового жиру. Дозволение это может быть получено: относительно камчатского берега от тамошнего губернатора в Петропавловском порте; относительно берегов Америки и островов Берингова моря, а равно и Курильской гряды — от правителя колоний в Новоархангельске; относительно же берегов Сибири, острова Сахалина, Шантарских и других островов Охотского моря — от начальника Аянского порта.

с) чтобы капитаны китоловных судов ни под каким видом не оставляли, как это случалось доселе, в ненаселенных местах российских владений, своих

матросов в наказание за нарушение дисциплины. Для этого предмета, а равно для починок, снабжения и других надобностей открыты для иностранных китобоев: Новоархангельский порт, Павловская гавань на острове Кадьяк, Петропавловский порт и Аянский порт. Во время пребывания в этих портах иностранцам запрещается производство китового промысла, и они обязаны исполнять все постановления и правила, для тех портов существующие.

2) Плавание ваше располагать, соображаясь с плаванием китоловов, которые, отправляясь на промысел с Сандвичевых островов и других мест, обыкновенно рассчитывают так, чтобы прийти в Охотское море в начале мая, а в Берингово — в начале июня для промысла китов в открытом море и около островов, а в июле и августе посещают преимущественно заливы, куда в это время киты-самки обыкновенно уходят телиться. Наконец, в сентябре китоловы оканчивают уже промысел в северных широтах и удаляются на юг.

3) При встрече китоловов в запрещенных иностранцам водах, т. е. в заливах, бухтах, проливах и в расстоянии ближе трех миль от берега останавливать каждое судно и, потребовав от капитана письменных ответов на предметы, поименованные в данных вам опросных листах, объявлять ему для сведения и исполнения содержание первого пункта этой инструкции. Вообще обходиться с китоловами ласково, как следует с судами дружественных наций, имея в виду, что в случае особой надобности, по причине аварии и тому подобных экстренных обстоятельств, иностранцы могут ходить во внутренние воды и приставать к нашим берегам повсюду; но должны при том удерживаться от запрещенных в первом пункте инструкции действий и тотчас по миновании надобности уходить в море.

4) С китоловными судами, которые будут найдены производящими китовый промысел в запрещенных водах, или торгующих без письменного дозволения подлежащего начальства с туземцами, или вытапливающими на берегу китовый жир, поступать также, как выше сказано, и тотчас приглашать их удалиться в море, а в случае нужды и понудить их к тому соответственно обстоятельствам средствами, с подтверждением не позволять себе на будущее время подобных нарушений установленного порядка. Туземцам же объявлять, чтобы они впредь не торговали с иностранцами под страхом лишиться полученных от иностранцев товаров. Эта угроза должна быть приводима в исполнение над теми туземцами, которые будут вторично замечены в запрещенной торговле (вырученные от продажи конфискованных у туземцев товаров суммы было бы ближе всего обращать в инородческий капитал Камчатской области (примечание, сделанное в инструкции). — *Авт.*).

5) Если бы иностранцы позволили себе насильственные действия или грабеж в черте российских владений, то прежде всего оказывать защиту и покровительство жителям наших островов и берегов, хотя бы для того и потре-

бывалось отразить силу силою, но только избегая, по возможности, кровопролития. По восстановлении же должного порядка в подробности исследовать происшествие на месте, и если при том окажется, что поступок китоловов выходит из ряда обыкновенного буйства, сословию их свойственного, особенно если при том произошло кровопролитие или китоловы оказывали вам сопротивление вооруженною рукою, то с подобными судами обращаться как с морскими разбойниками и доставлять их в Петропавловский порт для поступления с ними по законам. В случае же меньшей важности оканчивать дело на месте и, оказав удовлетворение обиженным на счет виновных, отпускать иностранные суда с должным внушением капитану. При этом следует употреблять силу только в случае крайности, а стараться действовать на иностранцев главнейше влиянием военного флага.

6) Если же иностранцы, сделавшиеся виновными в преступлениях против прав собственности или личности туземцев, кроме смертоубийства, — окажутся беглыми матросами, выдачи которых будут просить капитаны их судов, то не выдавать сим последним этих людей до тех пор, пока они не будут на месте подвергнуты надлежащему наказанию, а обиженные не получат должного удовлетворения.

7) Если бы на принадлежащих России островах и берегах были найдены беглые иностранные матросы или высаженные туда капитанами в наказание, то таких людей принимать на корабль для доставления в один из наших портов, где есть военное начальство; а если за время пребывания на берегу люди эти не будут обвиняемы в преступлениях, то стараться в случае возможности передавать подобных людей на встречающиеся иностранные суда одной с ними нации.

Кроме того, ученый комитет морского министерства и гидрографический департамент снабдили командиров крейсеров следующей инструкцией:

а) на восточном берегу Камчатки от Петропавловского порта к северу до Берингова пролива описаны и положены на картах капитаном Литке одни только более выдавшиеся мысы: Карагинский остров, устье р. Анадыра, залив Св. Креста, северный берег Анадырского залива с проливом Сенявина и губа Св. Лаврентия, а чтобы дополнить изданные капитаном Литке карты, необходимо описать прочие части восточного берега Камчатки.

б) положение островов Курильской гряды и возвышенностей на них, служащих приметными местами, определены на картах Сарычева и Крузенштерна неудовлетворительно, особливо острова Парамушир, Алаид, Ширинки, Онекатан и проч., между которыми более бывает плавание судов Камчатской флотилии.

в) западный берег Камчатки, Пенжинский и Ижигинские заливы и весь северный берег Охотского моря с Тауйскою губою до самого Охотска на картах назначен с описей и журналов 1700-х годов, исключая небольшой ча-

сти берега около Тигиля, между мысами Утхолотским и Каматаном, который описан офицером корпуса штурманов Гавриловым в 1848 и 1849 годах.

d) остров Св. Ионы, лежащий почти на середине Охотского моря, требует точнейшего определения.

e) необходимо поверить положение берега с картами от Охотска до Аяна.

f) южную часть Курильской гряды, как-то: острова Кунашир, Итуруп, Уруп, Симуир и проч. необходимо описать подробнее.

g) восточный берег о-ва Сахалина хотя и описан Крузенштерном, но и его поверить необходимо, в особенности южный берег Сахалина, где залив Анива, а также весь пролив Лаперуза, находящийся между Сахалином и Матсмаем.

«Таинственные острова или скалы, долженствующие служить местами приютов для морских котов в их странствовании на север, и где они проводят зиму (вероятно, к югу от Алеутской гряды, в широтах севернее тропиков), ожидают еще быть открытыми, не для того, чтобы тревожить этих земноводных в местах их зимнего отдыха, но для безопасности мореходцев.

Так как берега Охотского и Берингова морей описаны не везде довольно тщательно, и весьма немногие пункты определены астрономически, то военные крейсеры наши оказали бы весьма важную услугу гидрографии, если бы обратили особенное внимание на тщательное обозрение тех местностей, которые были исследованы только поверхностно.

В настоящее время необходимее всего, казалось бы, обратить внимание на южную часть Охотского моря и исследовать во всех вышеизложенных подробностях: Курильские острова с проходами между ними, восточные и западные берега острова Сахалин и, если не встретится особенных препятствий, остров Матсмай и восточный берег материка Азии, от устья Амура до оконечности полуострова Кореи и вообще Татарский пролив и Японское море.

Во время крейсерства и пребывания в окрестностях острова Ситхи необходимо исследовать подробно как самые берега этого острова, так и в особенности и проливы южнее оного».

Кроме судов, посланных в крейсерство в 1852 г., были отправлены в Тихий океан фрегат «Паллада», шкуна «Восток» и транспорт «Двина», но уже для других целей.

Фрегат «Паллада» под командой флигель-адъютанта Унковского и под флагом вице-адмирала Путятина вышел из Кронштадта 7-го октября 1852 г. для заключения торгового трактата с Япониею. В порте Лойд поступили в распоряжение вице-адмирала Путятина: шкуна «Восток» под командою капитан-лейтенанта Римского-Корсакова, корвет «Оливуца» (капитан-лейтенант Назимов) и барк Российско-Американской К^о *Князь Менишиков* (капитан-лейтенант Фуругельм). По окончании переговоров с Япониею эскадра вице-адмирала Путятина весною 1854 г. прибыла в Татарский пролив. Фрегат «Паллада» по неблагонадежности был оставлен в Императорской гавани, где по

распоряжению местного начальства затоплен, чтобы не достался в руки неприятельской эскадры. Прочие же суда эскадры получили другое назначение.

Винтовая железная в 40 сил шкуна «Восток» была куплена вице-адмиралом Путягиным в Бристоле. Она впоследствии поступила в состав Сибирской флотилии.

Транспорт «Двина» под командою капитан-лейтенанта Бессарабского был послан в Петропавловскую гавань с разными грузами с тем, чтобы транспорт этот поступил в состав Сибирской флотилии. 27-го августа 1853 г. фрегат «Двина» прибыл в Петропавловскую гавань, откуда командир и офицеры были доставлены на тендере «Камчадал» в Аян для выезда сухим путем в Петербург, а команда зачислена в состав 47-го флотского экипажа.

Между тем вице-адмирал Путягин по неблагонадежности фрегата «Паллада» просил с пути в Японию выслать другой, более благонадежный фрегат. На этом основании в сентябре 1853 г. был послан в распоряжение вице-адмирала Путягина фрегат «Диана» под командою капитан-лейтенанта Лесовского. В июле 1854 г. фрегат «Диана» прибыл в Татарский пролив и в половине сентября ушел с вице-адмиралом Путягиным в Японию для окончания переговоров. Но в декабре 1855 г. погиб в порте Симода от землетрясения.

Коснувшись сношений наших с Япониею, мы находим необходимым упомянуть здесь о посылке в 1852 г. в порт Симода барка Российско-Американской К^о *Князь Меншиков* под командою вольного штурмана Линденберга для доставления туда японцев, спасшихся от кораблекрушения, и с письмом от главного правителя колоний к нипонскому губернатору. После продолжительных переговоров с японцами, губернатор о-ва Нипона решительно объявил Линденбергу, что не примет японцев и посланной к нему бумаги, потому что порт этот не открыт для иностранцев. По этому поводу привезенные японцы по их просьбе были высажены на берег в 5 милях от Симода.

В это время Петропавловский порт представлял самую оживленную картину деятельности. Кроме беспрестанного движения на рейде судов, и в самом порте производились усиленные работы. Для прибывших из Охотска команд не было приготовлено помещения, и поэтому приходилось строить новые здания; но при этом встретилось затруднение в лесе. Военный губернатор при своей энергии сумел устранить и это препятствие — употреблены были в дело старый рангоут, купеческие строительные материалы и т. п. Устроив, насколько позволили средства, нижних чинов и прекратив развившуюся между ними цинготную болезнь, контр-адмирал Завойко осмотрел окрестные леса, отыскал строевые ветловые деревья и указал на способы и средства к вывозке и сплаву их в Петропавловскую гавань, так что в течение 1850 и 1851 годов было добыто уже до 15 800 дерев. По доставке леса тотчас же было приступлено к постройке новых, более удобных зданий для нижних чинов. В то же время подвозились в порт песок, глина, кирпичи и трава,

употребляемая на крыши домов вместо тесу. К концу 1852 г. было уже построено две казармы с 11-ю флигелями и два магазина без излишних расходов для казны (ценность заготовленных для этих построек материалов обошлась в 11 453 руб. — *Авт.*).

Видя недостаток средств к перевозу продовольствия по всем гаваням Камчатского края, контр-адмирал Завойко приступил к постройке новых и исправлению старых судов и, не выходя из сметной суммы, в течение двух лет в Петропавловске и на р. Камчатке выстроил: шкуну, бот, флашкоут, датский ботик и 12-весельный катер; купил у иностранцев 6 вельботов, уплатив часть их стоимости дровами; исправил транспорты «Байкал», «Иртыш» и тендер «Камчадал». Устроил в Петропавловске пристань и прорубил на пространстве 10 верст от порта до селения Авачи просеку.

По прибытии контр-адмирала Завойко в Петропавловскую гавань все числившиеся при 46-м экипаже кантонисты занимались домашними работами и ходили оборванными. Контр-адмирал Завойко собрал 30 человек мальчиков в особое помещение, обмундировал их, обучил грамоте и посылал для практики в море. Но как школа эта содержалась на экономические средства, на которые нельзя было рассчитывать постоянно, к тому же число кантонистов в Камчатке, считая и казачьих детей, числилось, кроме определенных в школу, до 130 человек, которые находились также без всякого призрения, то контр-адмирал Завойко вошел в 1850 г. с представлением об учреждении в Петропавловской гавани неранжированной роты кантонистов с отпуском по 15 коп. на человека в сутки. Представление это подало генерал-губернатору мысль учредить в Камчатке общеобразовательную школу, проект которой составлялся в Иркутске. Но переписка об этом, несмотря на новое представление Завойко 18 ноября 1853 г., не привела ни к каким полезным результатам.

Стараясь развить в Камчатке торговлю, контр-адмирал Завойко разными мерами возбудил между торговцами соперничество. При существовавшей издавна в Камчатке меновой торговле камчадалы не знали настоящей ценности пушных товаров, и купцы, пользуясь этим, выменивали у них соболей на разные мелочные товары, оценивая соболя от 3 до 3 р. 50 к. Контр-адмирал Завойко учредил ярмарочную торговлю под надзором чиновника, обязанного объявлять камчадалам стоимость мехов и ценность товаров в Петропавловской гавани.

Для улучшения быта камчадалов контр-адмирал Завойко принял меры к обучению их купорному и горшечному мастерствам. В Ключевском селении построил мельницу и кузницу. Продолжал обучать камчадалов ткацкому ремеслу, и приготовление холста шло довольно успешно. На случай предупреждения *голодовки* обязал каждую семью разводить до 10 пуд. картофеля. Заботился, чтобы камчадалы выходили на звериный промысел не ранее окончания сельских работ. Главнейшее продовольствие камчадалов — вяленая

рыба — заготавливалась ими весьма небрежно и в случаях ненастной погоды гнила на вешалках. Контр-адмирал Завойко ввел у них деревянные коптильни.

Для прекращения болезней среди туземного населения посылались в округ медики и учреждены в селениях временные больницы, в которых в течение двух лет излечено до 560 больных. На Паратунских горячих ключах выстроен для больных особый дом и карантин для предохранения здоровых людей от влияния *проказы*.

Обращено было внимание и на хлебопашество. Контр-адмирал Завойко старался приохотить к нему камчадалов. При первом опыте у них из 45 пудов посеянного ячменя родилось 144 пуд., а у крестьян из посева 563 пуд. ячменя родилось 1 500 пуд. В 1853 г. отправлено в Камчатку 25 русских семейств в числе 139 душ. Но крестьяне эти, видя бесполезность своих трудов, сеяли сперва хлеб под страхом наказания, а потом и вовсе прекратили, усвоив себе образ жизни и занятия туземного населения.

В 1851 г. какой-то заштатный дьячок Федоров, посетивший Камчатку по своим делам, представил главному сибирскому начальству проект заведения хлебопашества и улучшения вообще сельского хозяйства в Камчатке, прося на приведение своих планов в исполнение 15 т. руб. Но проект его найден неудобным и потому оставлен без последствий.

Огородничество было в цветущем состоянии. У всех крестьян и камчадал были свои огороды, в которых преимущественно сеялся картофель и частью капуста, репа, морковь и проч. Картофеля было посеяно в один год 2 750 пуд., а снято 16 850 пуд. Одни только олюторцы и коряки не занимались огородничеством.

Рогатого скота в 1852 г. было до 1 700 голов и 400 лошадей. Крупный скот преимущественно находился в селениях Мильковском, Ключевском, Сопочном, Большерецком и Ичинском.

Народонаселение края в это время состояло: в Петропавловском округе из 3 973 муж. и 3 158 жен.; в Ижигинском 849 мужч. и 836 женщ. Число родившихся в обоих округах в течение одного года 169 мужч. и 169 женщ.; число умерших 159 мужч. и 144 женщ.

Приведя в порядок Петропавловский порт, контр-адмирал Завойко в январе 1853 года отправился для обозрения вверенной ему области и проехал по восточному берегу до первого Олюторского острожка, оттуда через Ветвей на западный берег в Каменское селение и дальше на север в Ижигу, из Ижиги по западному берегу через Пусторецк, Тигиль и Большерецк возвратился в Петропавловскую гавань в начале марта.

По западному берегу до Лесного острожка он встретил удобные избы и для скота теплые стаи. Находящиеся в диком состоянии жители северных частей восточного и западного берегов Камчатки по недостатку строевого леса живут в юртах наподобие нор в земле и питаются одною рыбою и мор-

скими зверями. Разведение овощей по местным условиям невозможно. Каменцы и паренцы объявили контр-адмиралу Завойко, что иностранные китоловные суда отогнали от берегов китов, а матросы этих судов ловят рыбу в их реках, отчего промысел их был неуспешен. Каменцы гораздо зажиточнее паренцов, которые, несмотря на обилие леса, живут в землянках. Контр-адмирал Завойко поставил им в обязанность завести избы. Также он распорядился, чтобы по всему тракту были поставлены вежи и на расстоянии 40 верст юрты для обеспечения проездов во время пурги.

Осведомясь, что по западному берегу полуострова существует между туземцами венерическая болезнь, он командировал туда лекаря Левицкого с тем, чтобы он собрал таких больных в тигильскую больницу. Хозяйство камчадалов нашел он вообще в отличном состоянии, благодаря заботам о них его предшественников.

По возвращении своем в Петропавловскую гавань, контр-адмирал Завойко с прежнею деятельностью занялся постройкою необходимых зданий. В короткое время были вновь построены: казармы для семейных нижних чинов, здание окружного казначейства, офицерский флигель и заложено еще два таких же флигеля. Устроен литейный завод. Кирпич для построек привозился из Тарьинской губы на двух ботах и флашкоутах.

По ходатайству генерал-губернатора камчатскому военному губернатору в 1853 г. было предоставлено право употреблять остатки от ассигнованных сумм морского ведомства на другие непредвиденные расходы. Мера эта значительно облегчила переписку, потому что прежде на всякий незначительный расход приходилось испрашивать разрешения генерал-губернатора.

В это время доставку провианта в Камчатку производила Российско-Американская К°. С 1851 по 1853 год ею доставлено в Петропавловскую гавань 130 000 пуд. муки и 10 000 пуд. крупы.

В 1853 г. по распоряжению контр-адмирала Завойко прапорщик Большучин на пути из Петропавловского порта в Тигиль, пройдя Первым Курильским проливом, осмотрел все бухты, сделал им опись и потом снял план Большерецка.

Пока контр-адмирал Завойко занимался перенесением Охотского порта и устройством Петропавловского, другие деятели занимали и упрочивали за Россию Амур, начав свои действия с устья его. Еще в 1849 г. по ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири командиру отправлявшегося в кругосветное плавание транспорта «Байкал» капитану Невельскому было поручено исследование Амурского лимана. В инструкции г. Невельскому, между прочим, было сказано:

1) Осмотреть *NO* и *NW* берега острова Сахалина, не имеется ли на этом пространстве закрытого якорного места.

2) Определить с севера подход к лиману р. Амура, вход в самый лиман, состояние лимана и нет ли в окрестностях мыса Головачева или Ромберга места для укрытого порта или, по крайней мере, места, где бы можно было защитить вход в лиман с севера.

3) Обследовать устье р. Амура и далее самую реку, где она течет в определенных берегах своих и тем определить состояние входа в реку из лимана и самой реки, и нет ли при устье ее в лимане или близ его в самой реке места, где бы можно было защищать вход в реку.

4) Описать берега Амура близ устья и берега лимана его в отношениях топографическом и статистическом.

5) Определить состояние входа в лиман с юга, и если Сахалин есть остров, отделяющийся от материка проливом, достаточную глубину имеющим, то обследовать подход и вход в лиман и реку из Татарского пролива.

и 6) Обследовать юго-восточные берега Охотского моря и губу Великого Князя Константина и по возможности привести их в сколь возможно большую ясность и определенность для безопасности плаванья судов наших по Охотскому морю.

31 мая 1849 г. по сдаче груза в Петропавловской гавани капитан Невельской направился со своим транспортом к Сахалину для выполнения возложенного на него поручения и окончил его с блестящим успехом.

Результаты исследования капитана Невельского были весьма важны. Хотя он и не успел с точностью определить направление фарватера Амура среди отмелей лимана, но, тем не менее, доставил данные, из которых можно было убедиться, что фарватер этот существует, и что, следовательно, мнения Лаперуза, Бротона и Крузенштерна о недоступности Амура с моря несправедливы.

По окончании своих изысканий капитан Невельской отправился в начале сентября в Аян, где встретился с генерал-губернатором Восточной Сибири, только что возвратившимся из Камчатки, которому и представил краткий отчет о своих исследованиях.

В начале 1850 г. капитан Невельской по ходатайству генерала Муравьева был назначен к нему для особых поручений и по прибытии в Иркутск отправлен в Аян и оттуда с командою на транспорте «Байкал» в залив Счастья для устройства там поста. 29 июня 1850 г. было заложено первое русское зимовье на устье Амура, названное *Петровским*, а позднее еще два зимовья: *Николаевское* (где ныне Николаевск. — *Авт.*) и *Мариинское*. В то время, когда капитан Невельской занимался исследованием устья Амура и Татарского пролива, генерал Муравьев успел исходатайствовать разрешение на доставление к устью р. Амура команд и грузов сплавом по этой реке.

К весне 1854 г. на р. Шилке было изготовлено до 48 барж, лодок, флашкотов и, кроме того, мастеровыми и каторжными нерчинских заводов построен был под наблюдением капитана 1-го ранга Казакевича 60-сильный паро-

ход *Аргунь*, машина которого изготовлялась на Петровском железоделательном заводе в Забайкальской области.

В начале мая было погружено на суда и плоты до 25 000 пуд. провианта и других грузов, а 14 мая экспедиция под личным начальством генерала Муравьева тронулась из шилкинского завода, имея до 1 000 человек команды и прочих чинов.

Пароход «Аргунь» под командою лейтенанта Сгибнева 9 июня прибыл благополучно в Мариинский пост, а несколько дней спустя стали подходить туда и грузовые суда (пароход «Аргунь» было первое паровое судно на водах Шилки и Амура. — *Авт.*).

С этого времени снабжение всех наших приморских владений на Восточном океане стало производиться этим новым путем взамен прежнего, трудного и неудобного охотского тракта.

Генерал Муравьев по прибытии к устью Амура отправил 350 нижних чинов через озеро Кизи в де-Кастри и оттуда на транспорте «Двина» в Петропавловскую гавань. Подкрепление это прибыло в Камчатку в самую нужную пору. При заботах своих об устройстве порта, контр-адмирал Завойко успел к 1854 г., насколько позволяли средства, укрепить его — недоставало только военной команды. По прибытии же ее, контр-адмирал Завойко 18 июля 1854 г. доносил генералу Муравьеву, что Петропавловская гавань совершенно готова встретить неприятеля, а по докладе этого донесения Государю, Его Величество изволил собственноручно написать на этом докладе: *Спасибо*. Места для батарей были указаны генералом Муравьевым во время посещения им Петропавловского порта.

О разрыве Англии и Франции с Россией в Камчатке узнали в июле месяце 1854 г. и немедленно приступили к приведению всех семи батарей в боевой вид. Фрегат «Аврора» и транспорт «Двина» поставлены были в удобном месте в Петропавловской губе. Для отражения десанта сформированы были три стрелковые отряда.

Едва успели сделать эти приготовления, как 18 августа показалась в Авачинской губе неприятельская эскадра, состоящая из следующих судов: английского парохода *Virago*, французского брига *Obligado*, фрегатов: *President*, под флагом английского адмирала, *Pique*, *La Forte* под флагом французского адмирала и *Euridice*.

После двухдневной рекогносцировки и приготовления к бою, 20 августа неприятель начал громить наши батареи. Принудив умолкнуть батареи № 1 и 4, он направил все свои орудия на батарею № 2. Фрегат и бриг два раза подходили близко к берегу, имея в шлюпках десант; но были прогоняемы меткими выстрелами наших батарей. В сражении 20 августа убито с нашей стороны 6 человек нижних чинов и ранено 1 обер-офицер и 12 нижних чинов.

До 24 августа соединенная эскадра исправляла повреждения. В то же время успели привести в порядок и наши батареи. В половине 6-го часа пополудни 24 августа неприятель возобновил свои действия, сосредоточив все выстрелы на батареи № 3 и 7. Командир батареи № 3 лейтенант князь Максудов 2-й, поддерживая мужество своих подчиненных, пал с оторванной рукой, и батарея замолкла. Батарея № 7 держалась несколько долее. Сбив батареи, неприятель отправил на берег десант на двух ботах и 23 гребных судах по направлению к батарее № 7. По выходе на берег десант занял Никольскую гору и открыл ружейный огонь по нашим войскам; но стрелковые наши отряды с криком «Ура!» ударили в штыки и сбросили неприятеля с горы. Отступление неприятеля к гребным судам произошло с большим для них уроном. В сражении этом с нашей стороны убито нижних чинов 31; ранено обер-офицеров 2, нижних чинов 63.

В Петропавловском порте найдено 38 неприятельских трупов, в том числе 4 офицера. В плен взято 4. Потери неприятеля в деле 20 и 24 августа простирались до 350 челов. 24 августа взято русскими английское знамя, 7 офицерских сабель и 56 ружей. 27 августа неприятельская эскадра ушла в море.

По выходе из Авачинской губы неприятель захватил судно Российско-Американской компании *Ситха*, шедшее в Петропавловскую гавань из Аяна, и военную шкуну «Анадырь» с лесом.

Осенью того же года контр-адмирал Завойко послал лейтенанта князя Максудова 1-го курьером через Аян в Иркутск и Петербург с донесением об этом славном деле. Щедрые награды были Государем пожалованы храбрым защитникам Петропавловского порта, а Святейший Синод в память знаменитой победы благословил ежегодно 24 августа делать крестный ход из собора на Никольскую гору.

Отдохнув несколько от тяжких трудов, команда всю осень и зиму снова была занята постройкою укреплений. Но 3 марта 1855 г. прибыл в Петропавловскую гавань адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири с предписанием его перевести раннею весною из Камчатки все гражданские и военные учреждения, а также всю морскую команду в Николаевский порт, на Амур, оставив в Камчатке только одно земское управление. Начались новые усиленные работы. Нужно было снять укрепления, погрузить на суда казенное и частное имущество и, наконец, изготовить к плаванию сами суда. К 3 апреля все работы были уже окончены, и даже казенное имущество, которое не могли поместить на суда, вывезли во внутрь страны. Пропилившись сквозь лед в Малой губе, эскадра вышла из Авачинской губы в числе 6-ти судов: фрегат «Аврора», транспорты: «Двина», «Иртыш» и «Байкал», корвет «Оливуца» и бот № 1-й. На эскадре было 282 челов. пассажиров.

1 мая эскадра благополучно прибыла в залив де-Кастри, где были высажены все пассажиры. 8 мая подошла к заливу неприятельская эскадра, состоя-

шая из трех судов, из коих один винтовой корвет, подойдя к нашим судам на пушечный выстрел, открыл огонь по корвету «Оливуца», не причинив, впрочем, ему никакого вреда. «Оливуца» отвечал немедленно. К вечеру неприятельская эскадра скрылась.

Между тем контр-адмирал Завойко, осведомившись от посланного на шлюпке офицера, что мыс Лазарева очистился уже ото льда, в ночь на 16 мая вышел со своим отрядом в море для следования в Амурский лиман и с 19 по 24 мая суда наши постепенно подходили к мысу Лазарева. В то же время прибыл в лиман на американском купеческом судне капитан-лейтенант Лесовский с 8 офицерами и 150 нижними чинами с потерпевшего крушение фрегата «Диана», а 5 июня пришел к мысу Лазарева вице-адмирал Путятин на построенной им шкуне *Xeda*. Остальная же команда фрегата «Диана» отправлена была к устью Амура на бременском бриге *Greta* с лейтенантом Мусиным-Пушкиным; но бриг этот был настигнут у острова Сахалин английским военным пароходом *Barracuta*, а находящаяся на нем команда была взята в плен.

Отправив от мыса Лазарева транспортные суда в Амур, контр-адмирал Завойко устроил на мысу батарею и приготовился с остальными судами к бою, ожидая немедленного прибытия в лиман неприятельской эскадры. Но, не видя преследования, эскадра наша 22 июня перешла ближе к Амуру, к островам *Хазимиф* и потом в Амур, сняв батарею на мысе Лазарева. Таким образом, эскадра наша благополучно миновала встречи с неприятельской эскадрой, состав которой на этот раз был значительно усилен.

Намереваясь отомстить защитникам Петропавловского порта за прошлогоднее поражение, неприятель 3 июня 1855 г. прибыл в Петропавловский порт и к своему удивлению не нашел там ни судов, ни военной команды. Но чтобы чем-нибудь ознаменовать свое посещение, он выжег в незащищенном порте все здания, которые считал казенными. Потом неприятельская эскадра два раза посетила Аянский порт, проведя там мелкие грабежи частной собственности и, наконец, 3 октября три неприятельских судна прибыли в де-Кастри, намереваясь высадить десант; но два горных орудия и 120 солдат принудили десант возвратиться на суда.

Так и окончились неприязненные действия англо-французской эскадры у наших азиатских владений в 1855 году. В 1856 г. английский фрегат *Pique* под командою капитана Никольсона, который в 1855 г. разграбил компанейское селение на о-ве Уруп после заключения уже мира, вошел в Императорскую гавань и сжег там здания поста, назвав ее заливом *Барракута*. Другое французское судно зашло в залив Посьета, открытый адмиралом Путятинным в 1854 г., и назвало его рейдом *Наполеона*. Весною 1856 г. вместо контр-адмирала Завойко был назначен военным губернатором капитан 1-го ранга Казакевич.

По заключении мира фрегат «Аврора», корвет «Оливуца» и транспорт «Двина» с их командами по распоряжению высшего начальства были отправлены в 1856 г. в Кронштадт.

В Камчатке же вслед за последней кипучей деятельностью настала невозмутимая тишина, нарушаемая только приходом раз в год казенного судна с провиантом и нескольких американских китобойных судов. С переносом приморского управления в Николаевск и с образованием в 1856 г. Приморской области, Камчатский полуостров вошел в состав этой новой области в виде отдельного округа — *Петропавловского*, для управления которым положен по штату исправник с помощником, да для заведования Петропавловским портом командирован по распоряжению местного начальства один из помощников капитана над портом.

Кончая свой обзор событий в Камчатке, мы не делаем никаких выводов и заключений из приведенных нами фактов, потому что задача наша заключалась только в подготовке материалов для будущего историка.

Ниже вниманию читателей предлагается вышедшая в 1823 г. работа историка российского флота В. Н. Берха «Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги Российского купечества». К этому труду многократно обращались исследователи последующих поколений, изучавшие историю географических открытий в дальневосточных морях и северной части Тихого океана. Здесь же приведены приложения к работе «Известие о меховой торговле, производимой россиянами при островах Курильских, Алеутских и северо-западном берегу Америки» и «Примечание к ведомостям о вывезенной мягкой рухляди». Их оригиналы на Камчатке отсутствуют. Текст воспроизводится по ксерокопии, любезно предоставленной в наше распоряжение сотрудниками Камчатского государственного объединенного музея.

В. Н. БЕРХ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ АЛЕУТСКИХ ОСТРОВОВ, ИЛИ ПОДВИГИ РОССИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА

Василий Николаевич Берх (1781—1834) — географ, полковник корпуса флотских штурманов. В 1799 г. окончил Морской корпус, в 1803—1806 гг., будучи мичманом, принял участие в первом русском кругосветном плавании на шлюпе «Нева». В 1808 г. составил карту Русской Америки. С 1809 по 1821 гг., находясь в отставке, опубликовал ряд работ и переводов по морской тематике. Работал в архиве Адмиралтейского департамента, на основании материалов которого написал ряд трудов по истории России и флота. В 1828 г. назначен историком русского флота. Основные работы: «Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны» (1821—1823 гг.), «Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги российского купечества» (1823 г.), «Первое морское путешествие россиянина... совершенное в 1727, 28 и 29 годах под начальством Витуса Беринга» (1823 г.), «Жизнеописание первых российских адмиралов или опыт истории флота» (1831—1836 гг.).

Именем В. Н. Берха названы остров в Баренцевом море в группе островов Новая земля и мыс на Новой Земле [Морской энциклопедический словарь. — Т. 1. — Л., 1991. — С. 142].

...1743. Первый, покусившийся на отважное предприятие плыть за бобрами, был сержант нижекамчатской команды *Емельян Басов*. Предприимчивый воин сей, взирая равнодушно на богатства, вывезенные спутниками Беринга и Чирикова, решил, подобно Язону, плыть сам за золотым руном. Вступив в сотоварищество с московским купцом Андреем Серебренниковым, построил он маленький шитик, именовал оный *Капитоном* и отправился на малом и ненадежном судне сем летом 1743 года в море.

Кто был у него штурманом или, как тогда называли, *мореходом*, не известно; но по запискам Большерепоцкой канцелярии видно, что он доходил

только до Берингова острова и, проведя там зиму, возвратился на следующий год в Камчатку. Неизвестно, богат ли был груз сего судна.

1745. В сем году отправился Басов вторично в море, приняв к себе в товарищи иркутского купца *Никифора Трапезникова*. На Беринговом острове и двух к нему от онаго лежащих собрали они 1 600 морских бобров, 2 000 котиков и столько же голубых песцов. Басов возвратился 31 июля 1746 года и показал соотечественникам новую дорогу к обширной и богатой промышленности.

Приложенная при сем приписка из рапорта Басова открывает, что он совершил еще одно путешествие. Басов умер около 1754. После него осталась одна дочь, которую г. Лапин знал лично. Рапорт сей получил я от г. капитан-лейтенанта кн. Шаховского, который отыскал оный в охотском архиве. Видно, что Басов был не токмо предприимчивый человек, но умный и полезный сын своего отечества.

В канцелярию Охотского порта от сержанта Емельяна Басова покорнейший рапорт.

По вступлении моем с козаками в морской вояж в прошлом 1747 году, для прииску неведомых островов на судне *Петр* шитике, на своем собственном коште... прибыли на прежде обысканной второй малый остров в августе (вероятно, на Медный)... на лайдах собрано самородной меди 50 фунтов. На том же острове в полунощной стороне нашли незнаемую вещь, руда ли она или какая незнаемая вещь, которой взято и привезено фунта с два. Да найдено на берегу служителями 205 камешков больших и малых, в том числе два желтых, один малиновый. Да еще найдена новокуръезная рыбка... Вывезено нами в Нижний Камчатской острог: бобров, кошлаков и маток 970, хвостов бобровых тож число, песцов голубых 1 520. И оные звери разделены обще всем по паям; кто со мною в вышеупомянутом вояже был... *Сержант Емельян Басов.*

Когда рапорт Басова препровожден был в Правительствующий Сенат, то послан был из онаго указ в государственную Адмиралтейств-Коллегию, дабы она, составя обстоятельную карту плаваниям капитанов Беринга и Чирикова, вместе с выписками из журналов их доставило бы оную в Сенат для отсылки к Сибирскому губернатору. Коллегия поручила исполнение дела сего знаменитому гидрографу нашему, адмиралу *Алексею Ивановичу Нагаеву*, который и составил из всех прежних сведений выписку, приложя к оной карту, коею и руководствовались все промышленники, плававшие к Алеутским островам.

Почтенный издатель Сибирского вестника *Г. И. Спасский* поместил в 4-й книжке своего журнала за 1822 год *описание Медного острова* и приложил карту онаго. Судя по последней, надобно заключить, что Басов собрал главнейшее количество мехов на Медном; ибо по северо-восточную сторону онаго видны две губы: Басовская и Петровская (по имени судна). Из описа-

ния же видно, что Басов и зимовал здесь в 1749 году; ибо 1750 года апреля 7 дня, как по стоявшему там кресту видно, задавлен навесом команды его новокрещенный Ефим Кузнецов. Следовательно, Басов отправлялся четыре раза на острова, то есть в 1743, 1745, 1747 и 1749 годах.

Удачное возвращение Басова из первого путешествия произвело тотчас соревнователей прибытком его. Некто Яков Чупров и купцы: лальской Чебаевской и иркутской Трапезников построили малое судно, *Евдокею* названное, препоручили оное тобольскому крестьянину Михаилу Неводчикову и выслали его в сентябре 1745 года в море.

Вышеупомянутый соликамский купец Иван Савич Лапин был лично знаком с Неводчиковым, рассказывал мне, что он служил у капитан-командора Беринга во время плавания его к берегам Америки (1741). Неводчиков был серебряник из Устюга, и пошел искать фортуны в Сибирь; не встречая ее нигде, пришел он в Камчатку, и здесь, как безпашпортный, взят был в казенную службу. Г. Лапин показывал мне серебряную табакерку работы Неводчикова.

Хотя Басов составил весь груз свой на Беринговом острове; но Неводчиков устремил путь свой совершенно в другую сторону. Вышедши 19 сентября из устья реки Камчатки, прибыл он по шестидневном плавании к тем островам, кои Беринг назвал островами обмана (ближние Алеутские острова). Надобно полагать, что направление сие взял Неводчиков по собственному знанию, или по совету спутников несчастного капитан-командора.

Миновав первый остров, стал Неводчиков на якоре подле второго. На другой день собралось на берегу около ста человек диких, и путешественники, не посмев выступить на оный, кидали им разные вещи в подарок. 26 числа съехал Чупров с несколькими людьми, дабы запастись свежелою водою. Он встречал в разных местах диких обитателей сего острова, делал им подарки и получил в замену оных булаву, оконечность которой представляла тюленью голову. Дикие, одарившие его сим оружием, начали требовать находившееся у него в руках ружье; но как Чупров, не соглашаясь на сие, шел к гребному судну, то они, преследуя его, схватили веревку, которую оно прикреплено было к берегу. Неожиданная наглость сия заставила Чупрова выстрелить из ружья, и при сем случае ранен был один островитянин пулею. Сотоварищи, увидя кровь на теле его, скинули с себя накидки и понесли его в воду мыть.

Неприятное происшествие сие заставило Неводчикова перейти к первому острову и расположиться там зимовать. Дикие при появлении здесь россиян кинулись в горы; но Чупров послал своих промышленников захватить одного из них, в чем хотя они и успели, но должны были сражаться с сим народом. Вскоре после сего унесло судно *Евдокию* в море, и по 7-ми дневному плаванию принесло опять к сему же острову. Со вторичного прибытия начали островитяне быть ласковее к русским и производили с ними охотно

мену. Чупров, желая иметь обстоятельнейшее известие об острове сем, послал служителя Алексея Беляева с 10 человеками обойти оный в разных направлениях. Не известно, по буйству ли или необходимости вступил Беляев с островитянами в бой; в допросах, кои впоследствии отобраны от его сотоварищей, показано, что они застрелили около 15 человек островитян. Кокс говорит, что сражение произошло за женщин, коих Беляев хотел взять силою, и за железный болт, которого не хотели возвратить ему.

Собрав во время годового здесь пребывания множество разных звериных кож, вышел Неводчиков 14 сентября 1746 года в море. Обратное плавание его было весьма несчастливо: до 30 октября был он носим жестокими ветрами, а в сей день разбило судно его при Карагинском острове (остров Карага находится к северу от реки Камчатки и обитаем коряками). При сем несчастном случае потеряли путешественники весь груз свой и должны были провести здесь зиму. В июле 1746 года возвратились они в Камчатку с тремястами бобров и малой частию экипажа; ибо 32 человека из онаго лишились разными случаями жизни.

Донос, сделанный казаком Шехурдиным, бывшим при сборе ясака, что сопутники его поступали весьма жестоко с дикими, был причиною, что всех остальных предали суду.

На судне сем вывезен был один островитянин по имени Темнак, который, обучась впоследствии российскому языку, сказывал, что остров, на коем он обитал, именуется Атт, и что неподалеку от онаго находится остров Шемя, жители коего крестятся и имеют огнестрельное оружие. Надобно полагать, что его нехорошо поняли; ибо ничего подобного на острове сем не найдено. Когда известие об открытии островов сих дошло до сведения императрицы Елизаветы Петровны, то Неводчикова произвели по именному указу в подштурманы, и в звании сем продолжал он службу при Охотском порте.

Весь груз судна оценен был, как видно по первым запискам, в 19 200 рублей. Там же упоминается, что судно *Евдокия* разбилось в 1754 году; но в каком месте, о том нет сведения.

Известия о новообретенных островах, изобилующих морскими бобрами, чрезвычайно богатый груз Басова судна, который по тогдашней дешевизне вещей и ценности денег можно теперь оценить в полмиллиона рублей, оживили предприимчивость сибирских жителей. В 1746 году отправились за промыслом два судна с дозволения Большерецкой канцелярии, которая, руководствуясь старинными узконениями о ясаке, посадила на оныя козаков для сбора сего. Первое из этих судов, шитик *Иоани*, принадлежало купцам: тотемскому *Федору Холодильову*, иркутским *Трапезникову* и *Балину* и ярославскому *Жукову*: мореходом был на оном селенгинский купец *Андреян Толстых*, который в истории первых путешествий к Алеутским островам заслуживает предпочтительное внимание.

Андреян Толстых вышел в море с экипажем, состоявшим из 46 промышленников и 6 казаков, направил путь свой к Берингову острову и, проведя на оном зиму, пошел следующей весною к югу; вероятно, хотел Толстых отыскивать тот остров, о признаках коего доставили ему сведение спутники Беринга. Знаменитый адъютант-профессор Штеллер, находившийся в 1741 году на пакетботе *Петр* у капитан-командора Беринга, говорит в своем журнале: «Июня 22 числа видели мы очень явственные признаки близости земли: во время тихой погоды окружило судно наше множество морских растений такого рода, кои, как известно, не отдаляются от берегов на большое расстояние, а вслед за оными летели птицы, кои не любят залетать далеко в море. Нет никакого сомнения, что на юг или юго-восток от курса нашего должна была находиться земля».

По журналу пакетбота *Петра*, веденному штурманом Гейсельбергом, видно, что 12 июня 1741 года была в полдень широта 45°14', долгота к востоку от Петропавловской гавани 14°14' или 172°44' в востоке от Гринвича. На карте, изданной в 1781 году под заглавием: *Карта новых открытий на Восточном океане*, поставлен знак на меридиане 190° к востоку от о. Феро в широте 48° и сказано: *страна, кою видел Штеллер, спутник Беринга*.

Не обретя на пути сем никаких островов, поплыл Толстых опять к северу, и в августе 1748 года прибыл благополучно в Нижнекамчатск. Груз сего судна, по неудачному промыслу, состоял только из 300 бобров и 1 500 песцов.

1746. Второе судно принадлежало какому-то Андрею Всевидову и имело 46 человек промышленников и 8 казаков. О путешествии сем нет никаких известий, а надобно только заключить по вышеприведенному описанию о Медном острове, что он провел там первую зиму; ибо по северо-западной стороне онаго есть гавань, именуемая Всевидовскою. В описании о Медном острове сказано, что 2-го марта 1747 года упали с утеса промышленники Юрлов и Вторых, и ушиблись до смерти.

Всевидов возвратился в июне 1742 года, но не известно, с каким грузом.

1747. В сем же году отправилось еще одно судно, именовавшееся шитиком *Иоанном*. Оно принадлежало московскому купцу Ивану Рыбинскому и ярославскому Степану Тырину. Путешественники сии, пробыв 2 года на ближних Алеутских островах, возвратились в 1749 году с 1 000 морских бобров и 2 000 песцов. Груз сей, как видно по запискам, продан за 52 590 рублей.

Значительные прибыли, полученные первыми мореплавателями с новообращенных островов, произвели всеобщую страсть к морским путешествиям. Купцы, захавшие на Камчатку для торгу с жителями страны сей, хотя и бесплодной, но изобильной разными зверьями, прельстясь успехами товарищей своих, оставляли настоящие занятия и плыли также за бобрами.

В сем году поверенные соливычегородского купца Ивана Жилкина, *Афанасий Бахов* из Устюга и *Новиков* из Якутска совершили значительное пу-

тешествие. Они построили на реке Анадыре судно, названное ими *Перкуп и Зант*, и пошли с оным вниз по реке чрез Копейкинское и Онеменское устья, где, встретив большие препятствия от песчаных отмелей, достигли до большого залива. Проходя в устье онаго, имели они в левой руке берег и прилежащий камень, от коего на 40 сажень вправо была глубина до 20 фут.

Плыв на *ОНО* около 50 верст, обошли они песчаный мыс, простирающийся к чукотскому берегу, и достигли до моря.

С 10 июля по 30 число удерживали их противные ветры подле самого берега, а посему, зашедши за мыс Св. Фаддея, вошли они в устье речки Хатырки, где нашли ясачных коряков. Ширина реки сей при устье 3 сажени, а глубина около четырех; она изобилует рыбою. Вышедши отсюда неизвестно когда, достигли предприимчивые мореплаватели сии до Берингова острова и 15 сентября положили при оном якорь. Октября 30 сделался жестокий шторм, и как почти вся команда была занята промыслом зверей, то судно их, не удержавшись на якоре, брошено было ветром на камни и разбилось вдребезги.

В сем несчастном положении прибегли Бахов и Новиков к остаткам Берингова корабля, из коих с помощью выкидного леса и построили они судно в 17 аршин длиною, которое и назвали *Капитоном*. Следующего лета выступили они в море и были еще столь предприимчивы, что пошли к *НО*; на пути сем видели они землю, и ежели бы продолжали оный с решительной твердостью, то первые бы открыли матерой берег Америки, о котором все сведения основывались тогда на одних догадках. Но, потеряв во время тумана из виду помянутую землю, повертели они назад, простояли несколько времени у Медного острова, и прибыли в 1749 году в августе в Камчатку. Груз судна сего оценен был только в 4 780 рублей.

1749. Кроме купеческих компаний, отправлялись еще на первые острова и казаки на малых судах или байдарах. Поелику расстояние от Кроноцкого носа до Берингова острова с небольшим двести верст, то совершали они плавания сии иногда весьма удачно. Ежели, к несчастью, застигал их на половине пути сильный противный ветер, то соделывались они почти всегда жертвою онаго. Около сего времени случилось обстоятельство, которое остановило предприимчивость козаков. Известно, что корабль знаменитого капитан-командора Беринга разбило на острове, названном его именем, и что спутники его, построив маленькое судно, выехали на оном в Камчатку, оставя там такелаж, артиллерию и часть корабельных припасов.

Все сие казенное имущество оказалось впоследствии расхищенным, а посему и воспрещено было приставать к Берингову острову. У Бахова же и Новикова взяли построенное ими судно в казну. Надобно, однако же, полагать, что повеление сие было дано только Большерецкою канцеляриею; ибо вскоре после сего начали опять все приставать к Берингову острову.

Упомянутый выше Андреян Толстых, который в прежнее плавание, следуя к югу, не нашел никаких островов, пустился опять в 1749 году на прежнем судне своем в море. Он пошел прямо к островам, открытым Михайлом Неводчиковым и, проведя на оных две зимы, возвратился в июле 1752 года с 1 700 морских бобров и 700 песцов. Толстых лишился во время пребывания у сих островов двух камчадалов, которых островитяне убили без всякой причины.

1749. Предприимчивый иркутский купец *Никифор Трапезников*, получа позволение плыть на Алеутские острова с тем, что сверх ясака отдаст в казну десятую часть всех промышленных им зверей, построил судно, назвал оное *Борисом и Глебом* и в августе 1749 года вышел в море. Пробыв на разных островах четыре зимы, возвратился Трапезников в 1753 году с грузом, оцененным в 105 730 рублей. Для сбора ясака находился на судне сем козак Сила Шивырин. Путешествие сие достойно особенного внимания, потому что в оное открыл Трапезников большой остров Атху.

1749. Вышеупомянутые купцы Рыбинской и Тырин отправили в сем году опять тот же шитик *Иоанн* на ближние острова. О плавании онаго нет никакого известия; а видно только по запискам, что оно возвратилось в августе 1752 года с 700 бобрами и 700 песцами. Шитик сей был самое счастливое мореходное судно, ибо по вышеупомянутым запискам видно, что оно продолжало плаванья свои до 1763 года и промыслило всего вообще 5 000 бобров.

Сказав выше, каким образом снаряжались суда сии для путешествий, должен я также упомянуть о команде или экипаже оных. Когда кто из упомянутых купцов намеревался отправить судно на острова для промысла, то извещал о сем комиссионеров своих в Иркутске, Якутске или Киренске обитавших, дабы они соглашали промышленников для вступления к ним на судно. Прикащики, наняв несколько человек, снабжали их достаточною одеждою и высылали в место назначения. По прибытии туда употребляли людей сих к вооружению судна и прочим подобным занятиям. Можно легко уразуметь, как способны были новые матросы сии, не выдавшие никогда моря, к корабельной работе!

Пред самым отправлением сочинялся список паям, вносился в книгу, и каждый должен был подписаться под оным или поставить свой знак. Ежели бы, например, какое судно имело 40 человек экипажу вместе с мореходом и передовщиком (корабельным прикащиком), то считали они 45, 46, а иногда и 48 паев. При возвращении делили весь груз мехов по числу наличного экипажа, а из лишних пяти или шести паев давали три мореходу, два передовщику и один в церковь или училище; потом брал себе хозяин половину из остальных 40 паев, а другую делили между собою промышленники по жеребьям. Случалось, что по окончании счастливого путешествия доставалось

каждому промышленнику от полупая его мехов на две и на три тысячи рублей; но ежели вывоз был не так удачен, то несчастные странники сии оставались в вечном долгу у хозяев своих.

1750. Иркутский купец Емельян Югов испросил у Правительствующего Сената позволение построить четыре судна и промышленять зверей при островах, против Олюторска лежащих, с тем, что десятину из всех мехов отдает он в казну; но вместо четырех судов построил Югов только один бот, названный *Св. Иоанном*, и вышел на оном сам 6 октября 1750 года с экипажем 27 человек в море. Первое плавание его было весьма несчастливо: буря прибила бот *Иона* к камчатским берегам, где он и провел еще зиму.

В 1751 году вышел Югов опять в море и, проведя 3 года на разных островах, окончил жизнь свою на Беринговом острове; судно же его возвратилось в июле 1754 года с 790 бобрами, 755 хвостами, 7 044 голубыми песцами и 2 222 морскими котами.

Кокс говорит, что по возвращении судна сего взят был по указу из Иркутска весь груз онаго в казну. Ослушание Югова принять к себе на судно морского чиновника было виною сей меры. Но вскоре возвратили хозяевам весь промысел, удержав только, по условию, третью часть.

Благополучное возвращение Югова судна и вывезенное на нем богатство послужили новым поощрением для купечества. В Охотске и Камчатке начали строить суда с большою поспешностью; но как о корабельной архитектуре имели в тех местах самое слабое понятие, то до 1760 года совершали сии аргонавты плаванья свои на шитиках, шерботах и тому подобных судах, которые обыкновенно строились без железа и были столь слабо укреплены, что едва могли противустоять малейшим усилиям ветра и непостоянству той стихии, на которой они основывали все будущее свое благополучие. Ежели исчислить все трудности и препятствия, которые мореплаватели сии должны были переносить, то нельзя не отдать справедливости их истинно геройскому терпению.

Во-первых, надобно начать с того, что по собрании охотников или промышленников должны они были строить корабли свои без всякого познания о науке кораблестроения из сырого и только что срубленного леса. Снасти, такелаж или веревки и канаты надобно им было выписывать из Якутска, откуда они привозились развитые. Муку, мясо и прочую провизию закупали они в Киренске и Якутске по высоким ценам. Снарядив таким образом судно свое, должны они были плыть бурным Охотским морем или около берегов камчатских, усеянных множеством подводных камней. Но ежели и миновав сии опасности, достигали они до какого-нибудь острова, то, вытащив корабль на берег, должны были отрядить половину команды на ловлю песцов и лисиц, а с другою, держа меч в руке, готовить мясо морских львов и жир китовый для пищи на всю зиму. Итак, повторю я еще раз, что претерпевае-

мые сими плавателями трудности едва могли быть достойно вознаграждены самым благополучным промыслом.

Миллер говорит, что в 1746 году стоил каждый пуд железа по доставке в Охотск 20 рублей, пенька 15, парусины 25 копеек аршин, прядева 40 рублей пуд. Бобра же продавали в Камчатке от 20 до 40 рублей, а на Кяхте отдавали гуртом в смену от 60 до 70 рублей.

1750. В сем году отправилось судно купца Рыбинского, названное по имени *Святых Симеона и Анны*, под командою козака Воробьева. Экипаж онаго состоял из 14 русских промышленников и 30 камчадалов. Воробьев, зная только по одному слуху о положении Медного острова, направил путь свой к оному, но бурю прибило его к одному из малых островов, лежащих близ Берингова, где корабль его и претерпел крушение. Храбрый козак не пришел от сего случая в уныние, но построил себе малое судно, назвал оное *Иеремиею* и возвратился в 1752 году благополучно в Камчатку. Груз судна сего состоял из 1 980 бобров разных качеств.

1752. Счастливые успехи первых покушений побудили Никифора Трапезникова отправить в сем году опять то же судно: *Борис и Глеб*, поруча оное в управление курскому купцу Алексею Дружинину. Мореход сей, вступя в море, направил путь свой к Беринговому острову, но по неизвестным причинам разбил о утесистые берега онаго судно свое. Видно, что крушение последовало недалеко от берега; ибо мореплаватели сии построили скоро из остатков корабля своего новый.

Желая посетить дальние острова, отправились они вторично в море; но несчастный рок принес опять их к Беринговому же острову и заставил претерпеть вторично кораблекрушение. К счастью их зашел сюда скоро Трапезникова же бот *Николай*, на коем они впоследствии выплыли в Камчатку с грузом в 3 474 рубля.

1753. В сем году отличнейшие и предприимчивейшие торговцы того времени московский купец Андрей Михайлов Серебrenников, тотемский Федор Холодилов и тульский Семен Красильников, построя по кораблю, решили отправить оные для открытия новых островов и описания *большой земли*: сим именем называли в те времена матерый берег Америки.

Серебrenниково судно с 34 человеками экипажа и посланным для сбора ясака козаком Максимом Лазаревым, находясь под командою архангелогородца Петра Башмакова, вышло в море в июле месяце и, направляя путь свой к востоку, прибыло к островам неизвестным. Простояв у оных некоторое время, корабль унесен был бурю в море, где мореплаватели сии видели еще четыре острова; но, не имея нужных познаний для ведения корабельного счисления, не могли определить настоящего их места на карте. Бурная погода, не позволив Башмакову пристать к островам сим, отнесла его еще далее

к востоку, где он опять увидел три острова, и у одного из оных разбил корабль свой. По выходе на берег встретили жители несчастных мореплавателей сих вооруженною рукою и метали стрелы свои с дощечки, но огнестрельным оружием были они скоро прогнаны.

По описанию Башмакова, остров, на котором они находились, был длиною в 70 верст, и вокруг него лежало еще 12 разной величины. Лесу на оном совсем не было; у жителей вышиты были разными узорами лица. Сообразя известие сие с положением Алеутской гряды, выходит, что корабль сей разбился неподалеку от острова Умнака; ибо вблизи онаго находится много мелких островов. Граф Беневский, живший на Камчатке в 1771 году, приписывает также Серебренникову открытие Лисьих островов; но говорит, что он ходил только 29° к востоку от Большерецкого меридиана. В сем случае ошибка мореход Башмаков на 5° в долготе.

На сем острове пробыли они до июня 1754 года и, построив из остатков разбившегося корабля свое маленькое судно, направили путь к Камчатке. Не зная настоящего местоположения своего, пошли они гораздо севернее и пристали к берегу при устье речки Хатырки, южнее мыса Св. Фаддея. Здесь собрали они 140 моржовых зубов и достигли благополучно до Нижнекамчатска. О грузе сего судна нет никаких известий; но, судя по запискам Кокса, видно, что он был незначителен. По донесению Андреяна Толстых видно, что Башмаков претерпел еще раз кораблекрушение. Толстых, прибыв в 1764 году к острову Атту, нашел там Башмакова с несколькими товарищами и извещился от них, что они галиот свой *Петр и Павел*, принадлежавший яренскому купцу Степану Тырину, разбили.

1753. Холодилово судно вышло в море в августе сего года и, следуя правилу прежних путешественников, зашло зимовать на Берингов остров, где и лишилось при опрокинутии байдары, девяти человек экипажа. В июне следующего года вступило оно опять в море, и находилось в великой опасности от жестокой бури, во время которой открылась в оном сильная течь. К счастью, принесло судно сие неизвестно к какому-то Алеутскому острову, где оно и остановилось зимовать.

Весною приходил к путешественникам сим камчадал с коряком и рассказывал, что их бежало 6 человек с Трапезникова корабля в намерении остаться здесь жить; но как четверо их товарищей изобличены были в непозволенном обращении с женами островитян, то они и убили их на месте преступления. Нам же, продолжали повествователи, позволили они выбрать себе жен, и мы живем здесь с ними весьма дружелюбно.

Сие Холодилово судно, назначенное для открытия новых островов, вместо успеха в настоящем намерении своем собрало только 1 600 бобров и возвратилося в 1755 году в Камчатку.

1754. Красильниково судно, опоздав выйти вместе с двумя вышеупомянутыми, отправилось в море на следующий год и, прозимовав на Берингове острове, пошло в августе 1755 года делать открытия. По десятидневном плавании принесло корабль сей к одному неизвестному Алеутскому острову; но как толпа вооруженных жителей восприпятствовала им пристать здесь, то и поворотили они к Медному, где в бурю корабль их разбило, и все остатки онаго унесло в море. При крушении сем погибла также часть команды; остальные люди с сего несчастного корабля перебрались на байдаре на Берингов остров и были впоследствии вывезены на Трапезниковом корабле в Камчатку с грузом, состоявшим из 150 бобров и 2 000 голубых песцов.

Итак, из всей экспедиции, снаряженной для открытий, один только Серебrenиков достоин истинного уважения. Не следуя старому правилу своих товарищей провести первую зиму на Беринговом острове, пошел он прямо искать новых островов и открыл оных довольно значительное число.

1754. В сем году отправлен был Никифором Трапезниковым бот *Николай* под командою козака Дурнева. Сибирский мореплаватель сей направил путь свой прямо к ближним Алеутским островам, куда и прибыл по 10-дневном плавании. По описанию Дурнева, было в то время на всех островах сих только 60 человек жителей. Дикари сии приняли его весьма дружелюбно и уведомили, что к востоку находится еще несколько островов.

Весьма замечательно, что на одном из сих островов нашел козак-мореходец три круглые медные доски, на коих вырезаны были буквы, украшенные лавровыми ветвями. Знаменитый Паллас, из сочинения которого почерпнул я описание, полагает, что доски сии были выброшены морем на остров. Не отрицая его мнения, скажу читателю, что я видел у одного сибирского старожилы разные изображения идолов, зверей и людей из мамонтовой кости, алеутами сделанные, которые меня весьма удивили и заставили заключить, что алеуты были прежде не то, что они теперь.

Дурнев, пробыв здесь две зимы, пошел к востоку, нашел один неизвестный остров и возвратился в 1757 году с грузом, который был тогда оценен в 187 268 рублей.

1756. Упомянутые купцы Трапезников, Балин и Жуков отправили еще в сем году одно судно, именованное *Адрианом и Наталиею*. Начальство над оным поручили они отличнейшему мореплавателю тех времен селенгинскому купцу Андреяну Толстым, который и вышел в августе в море с экипажем из 38 россиян и камчадалов. От устья реки Камчатки направил Толстых путь свой прямо к Беринговому острову, где и остался зимовать, как для запаса провизии, так равно и для промысла. Хотя в первом и имел он хороший успех, но не убил ни одного бобра, ибо, к удивлению, они в сей год даже и не показывались у Берингова острова.

Июля 13-го 1757 года пошел Толстых к острову Атту и застал там Трапезникова бот *Николай*, выходящий из гавани и сопровождаемый тойоном и несколькими жителями. Благоприятный случай сей доставил к Толстому все нужные сведения и средство к убеждению тойона платить ясак, который Большерецкая канцелярия велела ему собрать со всех островов. По указу сей же канцелярии убеждал он тойона ехать с ним в Камчатку; но он никак на сие не согласился.

Проведя здесь один год в мире и согласии с жителями, отправился Толстых в обратный путь и достиг благополучно до Камчатки. Груз его судна, собранный в 12 месяцев, подает нам идею о том множестве бобров, коими Алеутские острова прежде изобиловали: он состоял из 5 360 бобров разных доброт и 1 190 песцов.

1757. Мы видели, что малое судно *Капитон*, построенное Басовым и Новиковым на Беринговом острове, отобрано было от них в казну; но как солевычегородский купец Иван Жилкин просил и доказывал, что оно по всем правам принадлежало ему, то в вознаграждение за претерпенные им убытки и отдали ему судно его через 7 лет. Жилкин, обрадованный сим решением, отправил оное немедленно в море под командою козака Игнатия Студенцова. Едва только успел козак-начальник отойти некоторое пространство от берегов камчатских, то шторм прибил его опять к оным и поставил судно на мель. Потеря руля и повреждение подводной части были причинами, что Жилкин не мог отправить онаго в сем году на Алеутские острова.

На следующее лето, говорит Кокс, отправился Студенцов в море только с 39 человеками экипажа, ибо многие остались на берегу за болезнью. Козак пошел прямо к Беринговому острову и, проведя здесь несколько времени, поплыл в августе к ближним Алеутским островам. Претерпев жесткие штормы, направил Студенцов путь свой к востоку и пришел к одному неизвестному острову, где и положил якорь. На посланных им на берег людей напало такое превосходное число островитян, что они, убоясь выступить на оный, возвратились к судну; но едва успели они пристать к оному, как жестокий шторм, сорвав малый корабль их с якоря, бросил на каменный риф ближнего острова, в недельном расстоянии от вышеупомянутого. Хотя при сем несчастном случае и выбралась вся команда на берег, но спасла только малую часть провизии и огнестрельного оружия.

Удрученные сим несчастным приключением и утомленные от борьбы с водою, которая в сентябре довольно холодна, не успели еще принять отдыха, как увидели большую байдару, гребущую с поспешностию к месту их пристанища.

В сие время было только 15 человек, способных к защите; но, не взирая на сие, пошли они бодро островитянам навстречу. Николай Чупров, бывший прежде в местах сих и знавший язык сего народа, начал их убеждать оставить

неприятные меры и обойтись с ними, как с друзьями, претерпевшими несчастное кораблекрушение. Речь его не произвела ни малейшего действия над неистовыми островитянами: они пустили в ответ на оную тучу стрел. Коварный поступок сей огорчил россиян; они сделали залп из ружей и положили двух на месте. Островитяне, убоясь сей невыгодной битвы, вскочили немедленно в байдару свою и, невзирая на то, что в помощь шла им другая, отвалили от острова и погребли через пролив к ближнему [острову].

Несчастные страдальцы претерпели от сентября по 23 апреля все ужасы голодной смерти. Лучшая пища их состояла из морских ракушек и звериных кож, кои иногда выбрасывало на берег с погибшего их судна. От стужи и пищи сей умерло 17 человек, да и остальные не избежали бы сего жребия, ежели бы к счастью не нашли выкинутого на берег кита. Проведя две зимы на бесплодном острове сем, успели они построить из выкидного леса малое судно и, набив 230 бобров, отправились в море. Вскоре достигли они до одного острова, где стояло Серебrenиково судно, но располагая положить при оном якорь, разбились опять судно свое и лишились всего груза и такелажа. На Серебrenиковом судне возвратилось их только тринадцать человек в Камчатку и, не взирая на то, что они пробыли четыре года в путешествии, находились все в такой в крайней бедности, что не имели даже одежды.

1758. Московский купец Никифоров, прибывший на Камчатку для торга, усмотрев, что товарищи его получают богатые грузы мягкой рухляди с Алеутских островов, построил в Нижнекамчатске маленький бот и назвал оный *Иулианом*. Мореходом на судно сие определил он яренского мещанина Степана Глотова, который по искусству и предприимчивости заслуживает особенное уважение. Козак Савин Пономарев отправлен был с Глотовым для приведения в подданство и обложения ясаком жителей Алеутской гряды. В просьбе, коею купец Никифоров испрашивал позволения отправить судно свое, означил он именно, что посылает оное для отыскания новых островов, не велел приставать к старым или уже известным островам.

Сентября 2-го, 1758 года вышел Глов в море и пошел на восток. Крепкие и противные ветры сбивали его 9 дней с настоящего пути и принесли 12 числа к Медному острову. Рассчитывая, что в столь позднее время года нельзя ожидать благоприятного плавания, решился Глов плыть к Беринговому острову и расположился там зимовать.

Августа 1-го 1759 года вышел Глов в море и плыл на восток тихими попутными ветрами 30 дней. Сентября 1-го пристал бот к неизвестному еще тогда острову Умнаку и расположился там зимовать. Миротлюбивое расположение жителей островов Умнака и Уналашки к россиянам было причиною, что Глов провел здесь три зимы и собрал значительный груз, состоявший из нескольких черных лисиц, 1 000 чернобурых, 1 000 сиводушек и 400 огневок. Мая 23-го 1762 года пустился Глов в обратный путь и, плыв

по северную сторону Алеутских островов, прибыл благополучно в реку Камчатку 31 августа.

Козак Пономарев доставил правительству довольно обстоятельную карту Алеутских островов, означа к северо-востоку от Уналашки 8 больших островов. В донесении своем пишет он, что составил оную вместе с промышленником тотемским купцом Петром Шишкиным.

1758. Купцы Никифор Трапезников и Семен Красильников снарядили в сем году два судна. О плавании одного, *Владимиром* именованного, отыскан обстоятельный журнал, а о другом нет никаких сведений. Судно *Св. Владимир*, имевшее 45 человек экипажу, находилось под командою подштурмана Дмитрия Пайкова. Для сбора казенного ясака был на оном козак Сава Шавырин. Пайков, вышед из устья реки Камчатки, положил через 23 часа якорь при Беринговом острове, где и остался зимовать.

Июля 16-го 1759 года вступил он вторично под паруса и взял южный курс. Всеобщая молва, что к югу от Алеутских островов находится земля, была виною сего предприятия. Читатель увидит впоследствии, что сия мысль была причиною гибели известного Андреяна Толстых.

Почтенный именитый гражданин города Соликамска Иван Савич Лапин, коему читал я тетради сии и обязан за многие материалы и пополнения, рассказывал мне следующее. Гаврило Пушкарев, умный козак, плававший в 1741 году с Берингом и зимовавший по разбитии судна на Беринговом острове, утверждал, что к югу от онаго должен непременно находиться остров. Бобры и коты, продолжал он, проводя лето при Беринговом и близ него лежащих островах, удаляются на зиму к югу; известно, что они не пристают ни к Камчатке, ни же к Курильским островам; и так где проводят они зимнее время? Пушкарев твердил многократно Лапину и Трапезникову: велите прежде отыскать те острова, где зимуют коты и бобры: тогда будет у вас успешный лов.

Неизвестно, в каких направлениях плавал Пайков и до какой широты спускался он к югу; по сведению о путешествии его видно только, что сентября 1 числа прибыл он к острову Атхе и, не находя здесь удобной гавани, перешел к острову Амле и расположился там зимовать. Следуя обыкновенному правилу, разделил передовщик Семен Полевой всю команду на три артели. Первую под предводительством Алексея Дружинина отправил он на остров Сигдак, вторую с козаком Шавыриным на Атху, а сам остался при судне.

С наступлением весны возвратились обе партии благополучно; один только русский был убит на Атхе; но полагали, что он был сам виною сего происшествия. Передовщик Полевой, поощренный успехами хорошего промысла, отрядил их опять на прежние места; но вскоре по отбытии людей сих получил он сведение, что козак Шавырин убит на Атхе со всеми одиннадцатью товарищами его. Дружинин, извещенный также о происшествии сем, прибыл немедленно к судну. Поелику потеря сих людей уменьшила команду судна

Св. Владимира чувствительным образом, то и положили все с общего согласия плыть обратно к Камчатке. Едва успели они сделать нужные к сему приготовления, то прибыл к острову Атхе купец Бечевин с командою, из 60 промышленников состоявшею. Неожиданное прибытие сие переменяло план Полевого, и он решился, соединясь с Бечевиным, продолжать промыслы вообще.

1759. Купец Рыбинской и товарищи его, узнав, что Пайков пошел отыскивать острова к югу от Алеутской гряды лежащие, снарядил для сего же намерения новое судно свое, именовавшееся *Петром и Павлом*. Известный Андрей Серебrenиков, бывший еще в сотовариществе с сержантом Басовым, отправился на оном в звании морехода и передовщика, и имел экипажу только 33 человека.

Неизвестно, долго ли плавал Серебrenиков южнее Алеутской гряды: все сведения о путешествии его ограничиваются только тем, что в 1761 году возвратился он в Нижнекамчатск с 2 000 бобрами, и не сделал никаких новых открытий.

1759. В сем году отправлено судно *Захария и Елизавета* на Алеутские острова от складственной компании купцов шуйского Постникова, тульского Красильникова и вологодских Кулаковых.

Мореходом и передовщиком был на оном Степан Черепанов, города Тотмы посадский. Судно сие было строено в Нижнекамчатске и прибыло первое в Охотск. Как далеко простиралось плавание его, неизвестно; но по количеству вывезенных мехов, между которыми не было вовсе лисиц, надобно заключить, что оно было только на ближних Алеутских островах. Судно сие возвратилось в 1762 году в Охотск с 1 750 бобрами и 530 голубыми песцами.

1760. Богатый иркутский купец Бечевин, отправлявший уже одно судно на Алеутские острова, об имени, грузе и плавании которого нет никаких известий, выслал в сем году еще другое из Большой реки.

Неизвестно, где строено было судно сие, в Большерецке или в Охотске; но замечательно, что оно превосходило величиною все суда, посланные до сего времени на Алеутские острова. Длина онаго была по килю 62 фута, а все прежние имели едва 45 футов по палубе.

Бечевин наименовал корабль свой *Гавриилом* и определил на оный 42 человека русских промышленников и 20 человек камчадалов. Большерецкая канцелярия отрядила на оное сержанта Пушкарева для сбора ясака. Неизвестно, кто был у Бечевина мореходом. Кокс, доставивший нам обстоятельное известие о плавании его, не говорит о сем ни слова, а называет только артельщиков: Андрея Жданова, Якова Шарыпова, Прокопия Лобашкова, Никифора Голодова и Афанасия Осколкова.

Июля 31 миновало судно *Св. Гавриил* Второй Курильский пролив и направил путь свой к дальним островам. Сентября 25 прибыло оно к острову Атхе и, как мы выше видели, соединилось в складственную компанию с *Св. Владимиром*. Проведя зиму в сем месте, промыслили наши мореплаватели около 900 бобров, 400 разнородных лисиц, несколько речных выдр и собрали 12 пуд. моржевых зубов.

В июне 1761 года распорядились компанионы, чтоб *Св. Владимир*, побыв здесь несколько времени, отправился в Камчатку, а *Св. Гавриилу* назначили идти за поиском новых островов. Судно Бечевина, вышед в море, пристало к острову Умнаку и, запасшись водою, продолжало путь свой к западу. Вскоре прибыло оно к полуострову Аляксе и, нашед покойную гавань, расположилось там зимовать. Жители тамошних мест обошлись с россиянами весьма дружелюбно, торговали честно и даже дали им в аманаты детей своих; но мир сей и согласие господствовали недолго: буйные промышленники бечевинского судна подали скоро причину к раздорам.

В январе 1762 года Голодов и Пушкарев с партией 20 человек промышленных учинили насилие женщинам острова Унги. Островитяне, оскорбясь сим поступком, напали на них враспloch, убили Голодова, еще одного промышленника и ранили троих. Вскоре после сего сделали островитяне на россиян вторичное нападение, при котором четыре человека убито, столько же ранено, и шалаши их обращены в пепел. В мае Лобашков и еще один промышленник, пошед к теплым минеральным ключам, в расстоянии пяти верст от гавани находившимся, были там убиты. Неизвестно, чем отомстили россияне островитянам за первые нападения; но за сей поступок лишили жизни семерых аманатов. Чрез несколько дней учинили жители Аляксы в большем числе приступ к российскому жилищу; но как островитяне были заблаговременно примечены, то и прогнали их очень скоро огнестрельным оружием.

Усмотрев, что жители полуострова Аляксы начали промышленять о истреблении россиян, весь экипаж собрался на судно и, поставив паруса, отплыл к острову Умнаку. Здесь буйные промышленники бечевинской компании захватили несколько островитян с тем, чтобы они указали им путь к новым или еще неизвестным островам. Но едва выступили они в море, настала от востока жестокая буря, которая, продолжаясь несколько недель, лишила их сентября 23 числа мачт, руля и всего вооружения. К счастью, находились они в сие время близ камчатских берегов и занесены были 25 числа в малую гавань, к северу от Шипунского мыса лежащую, которая до сих пор известна под названием Бечевинской.

Груз сего судна состоял из 900 бобров и 350 лисиц. По запискам же г. Зеленского, оценен он был в 52 570 рублей.

По Коксову описанию видно, что главным виновником всех упомянутых беспорядков был сержант Пушкарев. Кокс говорит, что по прибытии к кам-

чатским берегам, когда буря утихла, Пушкарев послал четырнадцать алеутских девок за ягодами, и вскоре поехал туда сам. Неизвестно, от чего произошла у него ссора с алеутками; но когда надобно было возвращаться на судно, то две из них убежали в горы. Пушкарев, рассердясь за сие, убил одну девку на месте. Остальные, видя такую жестокость, кинулись в море и утопились. Надобно полагать, что страх, дабы злодеяние сие не открылось, побудил неистового Пушкарева еще к ужаснейшему преступлению: возвратясь на судно, велел он кинуть всех алеут за борт, исключая Моисея и Ивана, бывших толмачами. Но дабы читатель более поверил описанию сего происшествия (Коксовы повествования о России часто требуют подтверждения их достоверными свидетельствами), помещаю я здесь извлечение из Указа Охотской канцелярии, доставленного мне И. С. Лапиным.

«Указ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской из Канцелярии Охотского порта, морских Компанейщиков, Тульского оружейника Орехова, купца Соликамского Ивана Лапина, Велико-Устюжского Василия Шилова, прикащику их Иркутскому купцу Ивану Власову, по Указу Ея Императорскаго Величества и по определению здешней Канцелярии, и по поданному от меня доношению велено учинить нижеследующее.

Первое. В сходности имеющихся в здешней Канцелярии повелений, состоящее в готовности тех компанейщиков Орехова, Лапина и Шилова судно *Св. Павел* от порту Охотскаго в открытое море в вояж на известные и неизвестные острова, из гавани портовой уволить, и на то судно просимаго и отданнаго для мореплавателя Штурманскаго ученика Герасима Измайлова, отдать тебе Власову с произведением ему по окладу денежнаго жалования, а тебе купца Власова обязать в Канцелярии подпискою, чтоб ты того ученика, в сходственность полученнаго в здешней Канцелярии от Его Высокопревосходительства Господина Генерал Адмирала, и бывшаго Сибирскаго Губернатора Мятлева (Василий Алексеевич Мятлев был вице-адмирал и управлял Сибирью от 1754 года до 1757. Место его занял известный Федор Иванович Соймонов. — *Соч.*) от 14 августа 1755 года ордера, впредь доколе он на судне хозяев своих находится будет довольствоваться имеешь, как денежным, так и провиантом против окладу его (в рассуждении, что он задолжен будет на судно для собственнаго хозяев твоих удовольствия) двойным, а не одиноким окладом, да и договоренным тобою Власовым, и Соливычегородским купцом Иваном Мостовским, передовщиком Соликамскаго посадскаго Ивана Луканина и всех работных из Русских и Камчадалов всего шестьдесят два человека на том же судне и в тот морской вояж уволить же...

Четвертое. Когда ж от тамошних народов, живущих на островах сих случаев и злаго намерения предвидно иногда не будет и они со всеконечною твердостью мыслием и без зла с ласкою обходиться будут; то в таком случае передовщику Луканину, а паче ж ученику Измайлову и по должности своей

и знанию науки от тех островных народов изведать ласкою из следующего, как то: 1. О великости и числе близости островов, многолюдстве народов. 2. Какую они веру содержат и какой обычай имеют? 3. Сколь склонны и приятны в обхождениях промеж собою и тверды ли во обнадеживаниях давших? 4. Какое имеют пропитание и какое носят платье; от своих ли рукоделий или отколь что получают? 5. Не имеют ли с кем и на что каковых торгов, и на что более склонны? 6. Какое оружие при себе имеют и отколе оное получают, или сами делают из своего железа или ж их привознаго отколе? 7. Не имеют ли с кем войны, и нет ли других каких народов вблизи тех островов им известных? 8. У кого они сами, и те живущие на неизвестных островах им в подданстве и владении состоят, и платят ли какую и в чем подать? 9. От какого колена они рождены, и давно ль размножились? 10. Каков им Российский народ приятен кажется, и желают ли впредь с ним видеться, и обхождение и торг иметь? 11. Есть ли у них морския какия суда в заведении, и куда плавание совершают, имеют ли каковыя ни есть карты и лес на строение судовое; со своих ли островов или отколь из другаго места получают? И всему тому журнальную записку учинить, чрез то стараться объяснить не токмо видимую самим землю, но и невидимая, а уверяемая в словах теми народами острова изъяснить, для положения впредь на карту не румбами, но на четверть компаса и под которыми градусами и минутами какой остров или земля состоит...

Восьмое. Когда тот ученик Измайлов и передовщик Луканин совершенно расположатся судном на обысканной матерой земле, или на каковом острове по их усмотрению, для промысла морских и земных всякаго рода зверей, то из них передовщику Луканину, в силу заключеннаго с тобою купцом Власовым контракту, остаться во исполнении и из пределов заключаемых во оном не выходить, под наижесточайшим в преступлении неохрании и неисполнении штрафом. И работных людей всех по усмотрению своему безпристрастно распределить к промыслам тех морских и земных зверей по-артельно или по-байдарно, и оные б по дозвольтельному на тогдашнее видимое время случаю расослать от себя и на прочия от того расположительнаго места судном в ближние острова гавани и удобныя места; и подтвердил бы им, чтобы они в тех местах в промысле находились радительно и лености за собой никаковыя не оказывали и время, упущения не делали. И тот бы промысел был весьма во умножительство в зверях, от чего зависеть будет не токмо Государственной к интересам Ея Императорскаго Величества и компанейская польза, но и собственная его Луканина и всех работных людей выгода и прибыток, которой и служить им по выходе благополучном из вояжа будет в честь и славу собственную, и прославление паче компаниею вашею Российскаго Государства; как подобно и компания Селенгинскаго Купца Андреяна Толстых, вышедшая из вояжа 1764 году, заслужила прославление,

и известна тем быть стала Ея Императорскому Величеству Всемилоостивейшей и Всеавгустейшей нашей Монархине; да и имена той компании остались в потомках сведомы, со освобождением в выгоду от гражданских служб...

Одиннадцатое. Как из производимаго Господином Полковником Плениснером следственного дела усматривается, что Бечевинская компания, бывшая на Алеутских островах для равного ж промысла зверей, тамошним народам неописанные обиды, разорения и смертоубийства чинила, в рассуждении таковых обстоятельств не остается, чтоб и сей компании за предмет и наставление не включить, чтобы не токмо тот ученик Измайлов и передовщик Луканин сами, и одним словом заключается и вся их компания, в столь варварской поступок и в грабежи и отъемы насильные ни под каким видом, будучи на островах, не входили, и того над тамошними народами не чинили, под смертною казнию. Но единственно со всеми тамошними народами обходиться имели, как выше предписано, с ласкою, и приветствием; для чего, о сохранении сея заключенной силы, ученика Измайлова и передовщика Луканина со всеми работными обязать подпискою...

Осьмнадцатое. Если же то судно по выйдении паче чаяния из вояжа в Камчатский берег и пока Власов и Мостовской, отправить оное на известные и неизвестные земли и острова пожелаете, то в том им дать вольность на их желание, и удержания и препятствия никакого не показывать, и принуждений требованию их на тот вояж особливых дозволительных указов не чинить, а единственно остаться должны удающим сего определения указом в непременно исполнении, для чего и работных на том судне и на тот вояж по договору из вольножелающих свободных людей уволить без дачи им всем пашпортов; а единственно к отпуску их в данном указе прописать, чтобы все те люди шестьдесят два человека, отсюда уволены, а вместо пашпортов с даннаго мореходу ученику и передовщику указа взять с одних Русских из сорока четырех человек с каждого по одному рублю с четвертью копейки и того сорок четыре рубли одиннадцать копеек, кои и в приход записаны, а кто на том судне отпущены, оным прилагается у сего реэстр, и купцу Власову о том выдать. Августа 29 дня 1776 году. *Капитан Лейтенант Савва Zubov*».

В записках г. иркутского губернского землемера, коллежского советника Антона Ивановича Лосева нашел я, что Бечевин много пострадал в попытке, которую в 1764 году производил К*** А*** К***, присланный в Иркутск для следствия по корчемству. Весьма жаль, что неизвестно, был ли сам Бечевин в сем путешествии.

1760. Теперь следует путешествие селенгинского купца Андреяна Толстых, упомянутое в вышеприведенном указе.

Андреян Толстых говорит в рапорте своем: «В силу Указа Ея Императорскаго Величества Императрицы Елисаветы Петровны из Камчатской Большерецкой Канцелярии от 4 Августа 1760 года, и ордера от находящаго в Ниж-

некамчатске при предосторожности Прапорщика Василия Шмалева, позволено мне выступить в море, с прикомандированными козаками, Петром Васютинским и Максимом Лазаревым». Судно Толстого называлось *Адрианом и Наталиею*, и принадлежало собственно ему; ибо в прежние плавания составил он себе маленькое состояние, которым однако же не долго пользовался и принужден был служить опять на чужих судах.

Сентября 27-го 1760 года вышел Толстых из реки Камчатки и направил путь свой к юго-востоку. В 48-часовое плавание прибыл он к Беринговому острову и остался там зимовать. Июня 24-го 1761 года вышел Толстых в море и пристал 6 августа к острову Атту. Здесь нашел он 3 судна: первое Афанасия Чебаевского, второе Степана Постникова и третье Никифора Трапезникова. Простояв здесь 14 дней, отправился Толстых за поиском новых островов, но бури и противные ветры держали его в море до 28 августа, и сего числа пристал он к острову Адаху.

Усмотрев, что при острове сем можно иметь успешный промысел, разделил Толстых всю команду свою на несколько артелей и разослал оныя по ближним островам. Здесь провел не ученый, но предприимчивый и разумный мореплаватель сей три года, и в течение сего времени снискал благорасположение всех островитян, собрав притом и значительный груз, который состоял из 3 036 бобров, кошкоков и медведков, 2 220 бобровых хвостов, 200 бобровых лоскутов и песцов белых и голубых 532. Сверх сего собрано ясаку 100 бобров.

Июня 14-го 1764 года отправился Толстых в обратный путь, но плавание его было весьма не благополучно: бурные противные ветры прижали судно его к мелям острова Самии и повредили оно. Починив здесь судно свое, направил Толстых путь к острову Атту, где должен был снова поправлять судно, ибо в оном оказалась сильная течь. Оставив здесь взятых им толмачей и приняв к себе на судно морехода Башмакова с командою потерпевших кораблекрушение, отправился он 27 августа в Нижнекамчатск.

Сентября 4 увидел Толстых камчатский берег, и при всех усилиях своих не мог обогнуть Камчатского мыса и претерпел выше онаго совершенное кораблекрушение, но при сем несчастном случае спасен был весь груз и вся команда.

Толстых, Лазарев и Васюткин доставили начальству об открытых ими шести островах подробное сведение, а посему и назывались они впоследствии *Андреевскими*. Но замечательно, что острова сии были уже прежде известны: Башмаков зимовал на оных с помянутым козаком Лазаревым в 1757 и 1758 годах: подобным образом приписываются нередко деяния одного другому.

Замечательнейшее в описании их есть народонаселение сих островов: *Канага* мужеска и женска — 200 душ, *Чешихина*, семейств 400 или 1 200 душ, *Тагалах*, семейств 400 — 1 200 душ, *Атха* — 60 душ, *Амля* — 600 душ, *Адах* —

число душ не определено по частым разъездам их с острова на остров. Впрочем, известно, что козаки всегда старались увеличивать число народа, дабы придать более важности своему открытию. По счету их должно здесь быть мужского полу 1 500 душ; но ясак взяли они только со ста человек.

Между бумагами бывшего сибирского губернатора Дениса Ивановича Чичерина найден рескрипт премудрой императрицы Екатерины на счет сего путешествия. Читателям предложу я из онаго краткую выписку: «Денис Иванович! Реляцию вашу о сыскании и приведении Мне в подданство неизвестных донныне шести островов, так как копии с рапорта от козака Васюткина, с товарищи, читала Я с удовольствием, и сие приобретение Мне весьма приятно: жаль только, что обстоятельное всему описание и жителям переписанныя книги пропали (от разбития судна. — *Авт.*). Что вы купцу Толстых обещали, пожалованную от Меня, преждевшедшим из такового ж морскаго вояжа, компании десятую часть, ему возвратить, оное Я апробую, и прикажите то самым делом исполнить. Также козаков Васюткина и Лазарева, для поощрения их, произведите в тамошние дворяне. Дай Бог, чтоб они и предприемлемый ими нынешнею весною вояж окончили благополучно, и с добрым успехом.

Промышленникам подтвердите, чтоб они ласково и без малейшего притеснения и обмана обходились с новыми их собратьями, тех островов жителями. 1766 года, Марта 2 числа. *Екатерина*».

1760. В сем году отправлено было на Алеутские острова одно судно лальским купцом Терентием Чебаевским; но об успехах плавания его и промысла нет никаких известий. По запискам г. Зеленскаго видно только, что груз онаго оценен был в 104 218 рублей, и что оно возвратилось в 1763 году.

1762. Вышеупомянутая складственная компания, отправлявшая в 1759 году судно *Захария и Елисавет*, с присоединившимися к оной новыми товарищами иркутским Никифором Трапезниковым (который имел большое число паев в двух судах), лальским Василием Поповым, тотемским Яковом Протасовым, соликамским Иваном Лапиным и проч. отправила четыре судна с тем, чтобы они, осмотрев все острова Алеутской гряды и подле матерого берега Америки лежащие, избрали удобнейшее место для промысла. План сей экспедиции был весьма обширен; но, по несчастному стечению обстоятельств, три судна погибли со всеми бывшими на оных людьми, а последнее, хотя и возвратилось, но не вознаградило даже издержек.

Суда сии именовались: 1) *Захария и Елисавета*, находившееся под командою курского купца Алексея Дружинина; 2) *Св. Троицы*, под командою Ивана Коровина; 3) неизвестного имени, под командою штурманского ученика Медведева. Но как называлось четвертое судно, и кто оным командовал, того не мог я найти во всех помянутых записках, а известился только, что принадлежало Трапезникову.

Дружинин вышел из Охотского порта 6 сентября 1761 года с экипажем из 34 человек россиян и камчадалов. Октября 11 прибыл он в Петропавловскую гавань и остался там зимовать. Июня 24 числа 1762 года пошел Дружинин опять в море и по десятидневном плавании достиг до ближних Алеутских островов. В сентябре подошел он к Умнаку, виделся там с Готовым и решился идти зимовать на Уналашку. Когда он туда прибыл, дали ему тойоны или старшины аманатов и оказывали всевозможные ласки. Сие приятное расположение диких побудило Дружинина для успешнейшего промысла зверей разделить экипаж свой на три артели и послать оные в разные места.

Дружинин, предполагая найти более выгод на малом острове Иналаке, перебрался туда с своим отделом, и хотя от живших там тридцати алеут и не приметил никаких неприятностей, однако же построил из предосторожности крепостцу и содержал в ней непрерывный караул. В один день отправил Дружинин пять человек осмотреть расставленные клепцы и по уходе их разсудил с остальными, Степаном Корелиным, Дмитрием Брагиным, Григорием Шавыриным, Иваном Коковиным и еще одним промышленным, коего имя неизвестно, посетить жилища островитян. Побыв там несколько времени, начали уже они собираться домой; вдруг один алеут ударил Дружинина дубиною по голове, а остальные, кинувшись на него, зарезали его ножами. После сего напали они на Шавырина; но он, имея при себе топор, оборонялся оным и бежал в свое зимовье. Коковин, находившийся в сие время вне шалаша, был также окружен, повергнут на землю, и уже островитяне начали колоть его костяными ножами своими, как вдруг прибежал к нему на помощь Корелин и, разогнав сих неистовых алеутов, спас своего товарища. Дикие обитатели острова Уналашки действовали заодно, по обдуманному плану; ибо около сего же времени напали они на остальные две артели и убили всех без исключения. Ни одному из несчастных россиян сих не удалось избегнуть смерти.

Давыдов говорит в записках своих слышанное им, вероятно, во время пребывания на острове Кадьяке: что когда сии алеуты условились напасть на россиян в разных местах в одно время, то разделили между собою по некоторому количеству лучинок. Лучинки сии условились они кидать ежедневно в огонь по одной, с тем, что когда последняя повержена будет в оный, напасть на русских и лишить их жизни.

Вскоре после сего островитяне напали на зимовье покойного Дружинина, и хотя промышленники, в оном засевшие, стреляли в них из ружей; но, видя, что они продолжают свое нападение, решились по четырехдневной осаде сделать вылазку. Отважные россияне Шавырин и Коковин кинулись первые на диких и, преследуемые товарищами своими, положили на месте троих, ранили многих, а остальных разогнали. Во время осады показывали им дикие

с торжеством одежду и оружие тех промышленников, кои, быв посланы осматривать клепцы, учинились их жертвою.

Сохраня отважностью и смелостью жизнь свою, спустили россияне немедленно байдару и решились плыть к селению Калактак, где находилась вторая артель. Достигши до места сего, удостоверились они скоро, что и сии товарищи их более не существуют, а посему и положили плыть в гавань, где стояло их судно. Зрелище, которое им здесь представилось, поразило их еще более. Судно нашли они разломанным, а взморье покрытым трупами их товарищей. Несчастные промышленники сии, претерпев еще множество разных нападений и бедствий, достигли уже в марте следующего года до корабля Ивана Коровина в таком изнурении сил, что Шавырин испустил вскоре дух свой, а остальные, изнуренные болезнями, вывезены были впоследствии на корабле Соловьева в Камчатку.

1762. Другое судно, бывшее под командою Медведева, отправилось из Камчатки с 49 человеками экипажа. Кроме известия, помещенного в путешествии Глотова, не было никаких слухов об участии сих несчастных мореплавателей.

Как читатель не увидит уже здесь более предприятий почтенного иркутского гражданина Никифора Трапезникова, то почитаю обязанностью упомянуть, что из всех тогдашних купцов был он самый умный, счастливый и предприимчивый. Трапезников отправлял в течение 25 лет до 1768 года шесть судов на Алеутские острова. Поелику все мною вышеупомянутые записки не имеют исторической подробности, то и могу я только именовать некоторые из тех судов его, о плавании коих нет никаких известий.

Шитик *Николай* отправлялся еще два раза на острова. В 1762 году возвратился он с грузом в 68 170 рублей, а в третье и последнее его путешествие дикие убили большую часть экипажа, но, не взирая на сие, возвратился он в 1766 году с грузом в 10 529 рублей. В 1757 году возвратился бот *Фили* с грузом в 254 900 руб. Кроме сего имел почтенный Трапезников еще разные суда, как-то: *Святые Троицы, Петра и Павла* и еще одно неизвестного имени, которое доставило ему в 1763 году мехов на 105 730 рублей. Всего вообще вывезено бобров 10 500. Любопытно будет спросить, с каким богатством отстал Трапезников от сей промышленности? Иван Савич Лапин сказывал мне, что потеря значительного капитала в трех упомянутых судах и банкротство нескольких должников сделали его вдруг из богача бедным человеком. Старость свою провел он в крайних недостатках и едва оставил столько, что могли похоронить его пристойным образом.

1762. В сем году отправлено было судно *Адриана и Наталии*, принадлежавшее лальским купцам Терентию Чебаевскому, Василью и Ивану Поповым, да соликамскому Ивану Лапину. Мореходом был на оном яренский

мещанин Степан Готов, который, сделав важное открытие на боте *Июлиан* и вывезя первых черных лисиц, простер путь свой за пределы тогдашнего плавания: он первым приблизился к матерому берегу Америки.

Готов, вышед из устья реки Камчатки 1 октября с экипажем 46 человек, направил путь свой к Медному острову и остался на оном зимовать. Июля 26-го 1763 вышел он опять в море и 24 августа пришел на вид острова Умнака. Предприимчивый мореплаватель сей, не останавливаясь здесь, проплыл прямо к востоку и, миновав несколько малых островов, увидел большой величины гористый остров, до коего не достигал ни один из прежних мореплавателей. Отыскав удобное якорное место, расположился он здесь зимовать. Готов, желая для безопасности своей получить аманатов, требовал оных чрез находившегося у него алеутского толмача; но как жители сего острова имели особенное наречие и, по-видимому, не очень радовались приходу россиян, то и должен он был решиться проводить зиму на корабле, держа бессменный караул. Предосторожность Готова оказалась весьма благоразумною, ибо спустя несколько дней после сего островитяне при наступлении утренней зари подкрались так тихо к кораблю, что неожиданно посыпались на оный стрелы. Караул, встревоженный сим нечаянным приступом, принялся немедленно за ружья.

Звук огнестрельного оружия, с коим сии дети природы не были еще знакомы, привел их в такой страх, что они кинулись мгновенно бежать. По отступлении их нашли россияне лестницы, серу, сухую траву и бересту. Открытие сие заставило Готова усилить караулы и показало ему, с каким отважным народом имеет он дело.

Храбрые жители сего острова, который называется ныне Кадьяком, учили на россиян вторичное нападение 4 октября, в числе 200 человек. Дабы предохранить себя от действия тех пуль, кои при первом приступе поразили слух их свистом своим, несли они перед собою деревянные щиты и металы из-за оных стрелы. Сильная ружейная пальба с корабля скоро умерила бодрость их, и они опять пустились в бегство.

Природная храбрость кадьякских жителей не позволила им быть в покое во время пребывания там россиян. 26 октября приступили они в третий раз к судну. С корабля заметили скоро семь движущихся щитов, из коих за каждым укрывалось от 30 до 40 человек островитян, вооруженных копьями. Готов стал было убеждать их словами оставить сии немирлолюбивые действия; но как они вместо ответа пустили в него стрелы, то и приказал он палить из ружей. Толщина щитов предохранила оные от действия пуль; дикие, увидев сие, начали приближаться поспешными шагами к судну. Готов, опасаясь худых последствий, ссадил людей на берег и жарким приступом скоро прогнал неприятеля.

Как пребывание на корабле в сие зимнее время года могло быть вредно для экипажа, то и приказал Гловов построить на берегу шалаш, в который и перебрались его служители. Однако же мера сия не возымела настоящего действия: цинготная болезнь водворилась между корабельным экипажем, и к апрелю девятеро из онаго сделались ея жертвою. От сего времени дикие стали гораздо ласковее и променивали даже меха свои на пронизки и бисер.

Мая 24 Гловов снялся с якоря и, прошед мимо полуострова Аляксы, пристал 3 июня к острову Умнаку. Проведя здесь прежде две зимы в согласии с жителями и почитая их своими приятелями, послал он тотчас байдару с десятию человеками на берег. Люди сии пошли прямо в прежнее зимовье свое, но как были они удивлены, усмотрев, что за печкою сидит заколотый россиянин, и что пол избы выломан и облит кровию!

Приведенные в страх сим ужасным зрелищем, кинулись они немедленно к байдаре своей, и хотя в них пущено было из-за камня множество стрел, добрались благополучно до судна.

Гловов, проведя зиму несчастным образом на Кадьяке, не имел вовсе никакого груза, а посему и должен он был решиться жить здесь, дабы вознаграждать потерянное время и приобрести хотя несколько пушного товара. Островитяне противились было очень сильно выходу россиян на берег; но как отважные мореходцы сии отразили их военную рукою, то они не токмо что оставили их в покое, но даже удалились сами с сего острова.

С наступлением весны дикие опять возвратились, и один из них рассказал Гловову, каким несчастным образом убиты здесь экипажи двух судов, и что часть россиян находится и поднесь на другой стороне острова. Но как о соединении Гловова с Коровиным буду я говорить ниже сего, то упомяну только, что Гловов заходил отсюда еще на Уналашку и возвратился в августе 1766 года в Камчатку. Иван Савич Лапин сказывал мне, что груз сего судна был весьма незначителен.

Когда в 1761 году возвратился из путешествия бот *Июлиан*, и на оном вывезены были лисицы черные, чернобурые, сиводушки и красные, то при разделе мехов удержаны были охотским начальством оба первые сорта и отсланы в Кабинет Ее Императорского Величества. Там выбрали из оных только лучшие, а остальные возвратили хозяевам, и при сем случае (1764) премудрая Екатерина, наградив шестерых человек из сего предприимчивого сословия золотыми медалями, повелела освободить их от постоев и градских служб и не взыскивать 6 000 рублей казенного долгу. Вот имена награжденных медалями: тульский оружейник Афанасий *Орехов*, купцы тобольский Илья *Снигирев*, вологодские Василий *Кульков*, Василий *Шапкин*, тотемский Петр *Панов* и московский Иван *Никифоров*.

Я видел одну из сих жалованных медалей у г. Лапина: величина оной обыкновенная, но вокруг сделана серебряная осыпь, которая имеет издали

вид брильянтов. Носить велено было оныя на груди с бантом из Андреевской ленты.

Оказав сим поданным благоволение свое столь многими наградами, пожелала премудрая монархиня узнать подробнее все деяния российских аргонавтов. Посему повелела она прислать в Санкт-Петербург одного из компаньонов, предварив его, что путевые издержки примет на собственный счет. Когда повеление достигло до Охотска, то находился в оном только великоустюжский купец Василий Шилов, коего и отправили немедленно в столицу.

Шилов, прибыв в Санкт-Петербург, имел счастье быть представлен великой монархине. Государыня расспрашивала его подробно обо всех местных обстоятельствах, новых открытиях, образ их промышленности и была весьма довольна ответами благоразумного Шилова.

Шилов представил Великой Екатерине карту своего сочинения об Алеутских островах от Берингова острова до острова Амли. Государыня повелела препроводить его с оною в Государственную Адмиралтейств-коллегию, в журнале которой 1767 года февраля 5 дня записано: «Устюжский купец Василий Шилов предложил Коллегии на рассмотрение вояжей своих при Камчатских островах карту, и по оной, как известно, положение тех островов, так равно и о тамошних жителях и их промыслах и о прочем с довольным основанием изъяснялся. И Коллегия, имея по той карте рассмотрение, и сводя ее с картою ж бывшего Капитана Чирикова, и приняв оное с совершенным удовольствием, осмеливается как оную, так равно и учиненную в Коллегии по точному его объявлению Вашему Императорскому Величеству всеподаннейше при сем представить и притом донести: что Коллегия оное его Шилова объявление о тамошнем мореплавании и промыслах, також и о сопряженных с оными обстоятельствах, а особливо карту, для сведения и воспользования оною, почитается небезвозможным, ибо хотя она и не может быть почтена за точную и на правилах мореплавания основанную, но для первых начал довольно изрядную. Почему приложенное от него о том старание, а более участие в понесенных им трудах к распространению Российского мореплавания и купечества понеже в открытии новых земель, кои могут служить довольным началом к дальнейшим приобретениям, заслуживает апробацию и Всевысочайшую Вашего Императорского Величества милость».

Вот копия с двух высочайших указов, последовавших о Шилове и Лапине. Третий товарищ их, Афанасий Орехов, получил подобные же награды, как то читатели видели, в 1764 году.

«Указ Нашему Сенату. Великоустюжанского купца Василья Иванова сына Шилова, да Соликамскаго купца Ивана Лапина, за усердие их и ревность о взыскании за Камчаткою новых островов, всемилостивейше увольняем Мы от гражданских служб, так как и в 1764 году бывшие в такой же компании купцы уволены. Екатерина. Апреля 19-го 1767 года».

«Адам Васильевич (Олсуфьев, управляющий Кабинетом ее императорского величества. — *Авт.*)! Дайте из Кабинета Великоустюжскому купцу Василью Иванову сыну Шилову, да Соликамскому купцу Ивану Лапину, за усердие их о взыскании за Камчаткою новых островов, каждому по золотой медали, каковыя и в 1764 году таковой же компании купцам даны, а как Лапина здесь нет, то для отдачи ему, отдайте оную Шилову. Екатерина. Апреля 20-го 1767 года».

1764. Тотемские купцы Григорий и Петр Пановы отправили в сем году судно *Петр и Павел* из Нижнекамчатска, которое, доходя до дальних Алеутских островов, возвратилось в 1766 году с 350 бобрами, 560 черными лисицами, 513 сиводушками и 170 красными.

1764. Иркутский купец Уледников, снарядив в сем году большое судно, именовавшееся *Петром и Павлом*, отправил оное в море с экипажем из 68 человек под предводительством отличного морехода тех времен, тобольского купца Ивана Максимовича Соловьева.

Соловьев, вышел 24 августа из устья реки Камчатки, плыл подле опасной цепи Алеутских островов без счисления и наблюдений гораздо удачнее, нежели иные с хронометрами, секстантами и окружными инструментами. Сентября 16 увидел Соловьев остров Умнак; но, не нашед здесь удобного якорного места, пошел прямо к острову Уналашке.

Вскоре по прибытии туда был Соловьев посещен всеми прежними своими приятелями, от которых и услышал с душевным прискорбием, какая участь постигла Медведева и его товарищей. Алеуты сии рассказывали ему, что тойоны или начальники трех ближних островов решились искоренять всех россиян, кои к ним придут. Но нападение на них положили они делать только тогда, когда русские, разделясь по артелям, отправятся на звериный промысел.

Хотя в известиях Палласа и помянутых мною записках сказано только, что Соловьев, проведя здесь одну зиму, отправился обратно и достиг благополучно до Камчатки; но я, имев случай говорить с промышленниками прежних времен во время моего пребывания на острове Кадьяк, опишу, что он там делал. Храбрый Соловьев, получив известия об участи несчастных соотечественников своих, решился отместить кровожадущим дикарям. Сначала занялся он обстоятельными распоряжениями, построил зимовье и распределил людей к промыслам. Но он не успел еще кончить сего, как дерзкие островитяне, возгордись прежними победами, сделали на него нападение. Покушение сие было неудачно и обошлось алеутам весьма дорого. Соловьев, готовый всякую минуту к сражению, положил при сем случае сто человек на месте и истребил байдары их и жилища. Когда же после сего присоединились к нему Коковин и Коровин, то он, оставив половину людей своих при

судне, пошел с остальными на тех зверских дикарей, которые убили Дружинина и Медведева.

Кровопролитие было при сем случае ужасное: большая часть виновных в убийнии россиян заплатила за сие жизнью. Мстители сии, услышав впоследствии, что островитяне, боясь нечаянного нападения, собрались в числе трехсот человек в одно укрепленное жилище, отправились немедленно туда. По прибытии их начали островитяне метать из разных отверстий стрелы; но как вместо оных влетели к ним туда пули, то и решились они, заколов все щели, ожидать покойно участи своей. Соловьев, видя, что зданию сему нельзя будет нанести скорого вреда, подложил под оное в разных местах кишки, начиненные порохом, и поднял сих несчастных на воздух. Хотя при сем случае спаслись многие от взорвания, но были побиты ружьями и саблями. Давыдов говорит в записках своих, что Соловьев отправил в сие путешествие до трех тысяч алеут на тот свет; но число сие чрез меру увеличено: очевидцы рассказывали Ивану Савичу Лапину, что убитых было не более двухсот.

Мирный гражданин, друг человеческого рода, прочитав строки сии, вознегодует на отважного Соловьева и, может быть, назовет его варваром и губителем; но не переменит ли он мнения, ежели узнает, что после урока сего не смели уже жители Алеутских островов делать нападения на россиян? Не согласится ли он, что подобная мера была необходима для блага будущих путешественников? Любопытствуя знать, чем кончил отважный Соловьев, и какое нажил он состояние, сделал я вопрос сей Ивану Савичу Лапину. «Многочетные и удачные походы его, — отвечал он мне, — доставляли ему большие прибитки; но как он был человек безрасчетный и не всегда трезвый, то в каждую зиму, проведенную им в Охотске или Камчатке, издерживал стяжание трехлетних трудов своих и отправлялся в новое путешествие с одними только долгами. Он несчастно окончил жизнь свою в Охотске».

1765. Около сего времени составилаь новая компания из трех соучастников, купцов соликамского Лапина, великоустюжского Шилова и тульского оружейника Афанасия Орехова. К весне 1765 поспели у них в Охотске два бота длиною по килу в 45 футов: боты сии наименованы были *Петром* и *Павлом*. Снабдив оные всеми нужными вещами, пошли Лапин и Шилов на оных в Большерецкое устье и достигли туда благополучно.

Притязания большерецкого начальства за то, что компаньоны издержали во время пребывания на Камчатке ту водку, которая дана им была для морского путешествия, были виною, что не прежде, как в августе могли они отпрать суда свои в море.

Бот Петр находился под начальством известного селенгинского купца Андрея Толстых и имел экипажу 49 человек россиян, 12 камчадалов и 2 алеутов. Толстых, вступив в море 2 августа, направил путь свой прямо к югу. Мы видели выше, что он питал себя надеждою прославиться и обогатиться открытием

новых островов. Едва ли не мечтал Толстых также и о Дегамовой земле, которую тщетно искал Беринг. Проведя два месяца в неудачных поисках и имея в сие время большое число больных, не решился он плыть отсюда к Алеутским островам, а счел за нужное зайти прежде в Петропавловскую гавань.

Октября 2 числа застигнут бот сей жестоким штормом у Шипунского носа. Мореход вместо того, чтоб отойти с судном своим в море, решился положить якорь по западную сторону мыса сего; но едва только успел он совершить сие, как волнение взбросило судно его на каменную скалу и сокрушило до основания. Из экипажа, состоявшего в 63 человеках, спаслось только трое.

Достойный особенного уважения Андреян Толстых, который многими удачными путешествиями заслужил всеобщую похвалу и доставил немалые пользы отважными предприятиями своими, соделался жертвою той же стихии, которая была виновницей прежней его славы.

1765. Бот *Павел* находился под командою подштурмана Афанасия Очередина и имел 60 человек экипажу. Очередин, вышед 1 августа из Большецкого устья, прошел благополучно Вторым Курильским проливом и достиг 24 числа Лисьих островов.

Сентября 1 пришел он к острову Умнаку и расположился там зимовать. Островитяне сначала приняли россиян очень ласково, но когда Очередин потребовал с них ясак, то они совершенно переменились. Неприязненное обхождение их было виною, что экипаж от нужды и ежечасного бдения терпел голод и подвергался цинготной болезни.

Весеннее время вскоре восстановило здоровье мореплавателей, и когда они совершенно избавились от болезни, то Очередин отрядил несколько человек для собрания ясака на ближний остров. Требование сие, о котором свободные островитяне не имели ни малейшего понятия, произвело весьма дурные следствия. Ни один из посланных не возвратился к судну, и даже неизвестно, каким образом были они убиты.

Очередин отправил в августе 28 человек на остров Уналашку для ловли зверей. Жители приняли их весьма благосклонно, и поелику в сей год было там множество лисиц, то и имели они весьма удачный промысел. До декабря месяца жили там люди сии весьма покойно; но 12 числа дикие сделали на них нечаянное нападение. Дабы добрее устрашить промышленников, распустили они слух, что взяли еще два судна и людей всех перебили. Хотя известие сие оказалось впоследствии несправедливым, однако же они действительно истребили две артели, в коих было 11 россиян. Отважные промышленники, отразив диких весьма удачно, переехали отсюда на другой малый остров, и в мае соединились с Очерединым.

Очередин прожил на Умнаке без всякого приключения; ибо как в сие время находилось там судно лальского купца Ивана Попова, то и не смели

жители напасть на такое большое число россиян. В апреле начало судно Попова собираться к выходу в море и выдало Очередину бывших на оном 40 аманатов. В июле прибыло к Умнаку другое судно лальского же купца Ивана Попова, и передовщики решились соединиться в одну компанию. Оба судна, отошед вскоре к Унимаку, занимались там промыслом зверей до 1770 года.

Мая 22 отправился Очередин в обратный путь и по благополучном плавании прибыл 24 июля в Охотск. Хотя бобров вывезено было на судне сем только 600, но зато лисицы составили очень большой капитал: черных привезено было 960, а сиводушек с лишком 1 000.

Когда известие о несчастиях, претерпенных сими мореплавателями, дошло до сведения премудрой и милосердной Екатерины, то великая монархиня издала именное повеление (в 1779 году) не собирать ясака ни с алеутских, ни же с Курильских островов.

По возвращении судна сего решились почтенные компаньоны онаго явить преданность свою той премудрой монархине, которая, освободив их от всех повинностей, повелела чинить всевозможные пособия при отправлении судов их к островам. Они выбрали 120 лисиц отличной доброты и препроводили оныя к иркутскому губернатору генерал-порутчику Брилю, просили, дабы его превосходительство благоволил доставить оныя от имени их к великой императрице.

Г. Бриль выполнил желание их и в донесении своем представил государыне, сколь полезны граждане сии для отечества и сколь великих выгод можно ожидать от решительной их предприимчивости. Вместе с сими лисицами рассудил г-н Бриль отправить самого Шилова, имевшего уже счастье представляться монархине.

Государыня, приняв весьма милостиво знакомого уже ей Шилова, повелела не взysкивать с Орехова, Лапина и Шилова тех 9 000 рублей, коими должны они были казне.

1766. В сем году отправлено было тульским купцом Семеном Красильниковым и компаниею судно *Владимир*; мореходом на оном посадский Сапожников. Неизвестно, в котором году возвратился Сапожников и далеко ли плавал, но как вывоз состоял только из 1 400 бобров, 2 000 морских котов и 1 050 голубых песцов, то и надобно полагать, что он плавал только до Лисьих островов.

Лисьи острова получили название от того, что изобиловали черными, чернобурными, сивыми и красными лисицами. На Андреяновских же, Крысьих и ближних островах вовсе не было лисиц, а водились только белые песцы.

1767. В сем году тотемские купцы Григорий и Петр Пановы отправили опять судно свое *Петр и Павел*. Оно возвратилось чрез три года с весьма богатым грузом, состоявшим из 5 000 бобров, 4 000 бобровых хвостов и 1 100

голубых песцов. Сие же самое судно, как видно по первым запискам, отправлено было и в третий раз, но о возвращении онаго нет никаких известий.

1767. Упомянутый выше лальский купец Иван Попов отправил в сем году из Нижнекамчатска новопостроенное там судно *Иоани Устюжский*. Кто был на нем мореходом, и какой вывезен груз, неизвестно.

Судя по нижеприведенному, можно только заключить, что оно пробыло на Алеутских островах год и вышло опять немедленно в море.

В 1770 году возвратилось сие судно из второго путешествия с следующим грузом: бобров морских — 3 000, хвостов бобровых — 1 100, лисиц чернобурых — 1 663, сиводушек — 2 230, красных — 1 025, песцов голубых — 1 162.

По запискам капитана Тимофея Шмалева, бывшего впоследствии начальником Камчатки, видно, что судно *Иоани Устюжский* совершало еще третье путешествие и воротилось 2 июля 1772 года. Шмалев говорит: раздел был порядочный; на каждый пай досталось, за выделом в казну десятины, 20 морских бобров, 3 бобровых хвоста, 18 лисиц черных и чернобурых, 24 сиводушки и красных по 10. За пай давали купцы от 800 до 1 000 рублей. Ежели читателям покажется цена сия очень мала, то надобно знать, что в 1773 году продавалась мягкая рухлядь на Камчатке по следующим ценам: морской бобр: 1-й доброты — 60 р., 2-й — 40 р., 3-й — 25 р., лисицы: сиводушки — 2 р. 50 к., красные — 1 р. 20 к., соболи: 1-й доброты — 3 р., 2-й — 2 р., 3-й — 1 р.

Сведение сие о камчатских ценах почерпнул я также из записок капитана Шмалева.

1767. Судно, названное *Св. Иоани Предтеча*, принадлежавшее компании грека Пелопонисова и лальского купца Попова, отправлено было в сем году из Нижнекамчатска к островам. Оно возвратилось в 1772 году с 60 бобрами, 6 300 котами и 1 280 голубыми песцами.

Замечательно, что хотя Алеутские острова изобиловали мягкой рухлядью; но счастье благоприятствовало не каждой компании. Иное судно, проведя пять лет на островах, возвращалось с грузом в 20 000 руб.; а другое, пробыв на оных только два года, собирало разной мягкой рухляди на сто тысяч рублей.

1786. Компания купцов тульского Ивана Засыпкина, оружейника Афанасия Орехова и тобольского Ивана Мухина отправила в сем году судно *Николай*, которое возвратилось в 1773 году с 2 450 бобрами, 1 348 хвостами и 1 127 голубыми песцами.

1769. Помянутые Пелопонисов и Попов отправили в сем году судно *Св. Адриан* из Камчатки. На возвратном пути в 1773 году занесено оно было бурей к Удскому острогу и сильно повреждено. Груз онаго состоял в 1 200 бобрах, 996 чернобурых лисицах, 1 419 сиводушках и 593 красных.

1769. В сем же году отправлено было из Охотска и еще другое судно, именовавшееся *Св. Прокопий*, и принадлежавшее купцам: вологодскому Матвею Окошникову и якутскому Прокопию Протодяконову. Хотя судно сие возвратилось из путешествия по четырехлетием отсутствию, но груз онаго был удивительно незначителен и состоял только из 250 бобров, 230 хвостов, 20 черных лисиц и 40 сиводушек. Весьма жаль, что не известны причины, по коим оно имело такой худой успех в промысле зверей: из всех поминаемых здесь путешествий нет ни одного, сему подобного.

1770. В сем году отправлено было из Нижнекамчатска судно *Св. Александр Невский*, принадлежавшее московскому купцу Василью Серебренникову. По четырехлетием путешествии возвратилось оно с грузом 2 440 бобров, 2 320 хвостов и 1 130 голубых песцов.

1770. В июле месяце сего года отправилось вторично из Охотска судно *Св. Павел*, принадлежавшее тульскому оружейнику Орехову и купцам соликамскому Лапину и великоустюжскому Василью Шилову. Мореходом был на судне сем прежде упомянутый Иван Максимов Соловьев. Мореход сей, пробыв четыре года у острова Уналашки, возвратился благополучно в 1775 году с грузом 1 900 бобров, 1 493 черных лисиц, 2 115 сиводушек и 1 278 красных. Замечательно, какое непомерное количество лисиц находилось на островах Уналашке, Умнаке и прилежащих к ним. Хотя, конечно, промышленники ловили бы охотнее черных лисиц, нежели красных; но, как не известно, которая скорее попадет в клепцы, то и надобно заключить, что черных, чернобурых и сиводушек было здесь гораздо больше, чем последних.

1772. Теперь следует путешествие штурмана Потапа Зайкова, которое из всех до сего предпринятых надо почесть за отличное путешествие весьма искусного мореплавателя. Почтенный губернатор Иркутской губернии Франц Николаевич Кличка, прочитав журнал Зайкова, счел его столь занимательным, что препроводил оный в Академию наук, которая и напечатала его в месяцеслове 1782 года.

Судно, на котором Зайков совершил свое плавание, называлось бот *Св. Владимира* и принадлежало компании Орехова, Лапина и Шилова. Весь экипаж онаго состоял из 69 человек, а передовщиком был устюжский крестьянин Василий Шошин. Зайков вышел из Охотского порта 22 сентября 1772 года. До 1 октября плыл он благополучными ветрами, а с сего времени отнесло его бурею далеко в море. По утишении оной направил Зайков путь свой к Камчатке и вошел 19 октября в устье реки Воровской, от Большерецка к северу на 160 верст лежащей. Вся Камчатка, говорит он в журнале своем, была уже покрыта снегом.

По вскрытии реки вышел он 12 июля 1773 года опять в море и достиг 7 июля до Второго Курильского пролива, где, запасшись пресною водою,

выступил в океан. Зайков пошел прямо на *SO* и *OSO*; но, не видя никаких признаков земли, поворотил к Медному острову и положил в северной бухте онаго 26 июля якорь. Рассчитав выгоды свои, решился он остановиться здесь на зиму и вытащил судно свое на берег. Распределив команду по разным промыслам, занялся Зайков топографическим описанием сего острова. По словам его, простирается он от *NW* к *SW* на 50, ширина же онаго от 3 и до 10 верст. Зверей было там в сие время еще множество: сивучи, коты морские и нерпы приходили с моря большими табунами, но оставались здесь только до ноября. Бобры же морские проводили здесь всю зиму. Мясо оных, говорит он, употребляли мы в пищу и сушили для запаса.

Осень началась на Медном острове с сентября и была сопровождаема теплым воздухом. Зима наступила с половины декабря, но снегу выпало только на аршин, и он с половины марта начал уже таять. При северном ветре была здесь всегда ясная погода; в летнее время с половины июля до половины августа часто случались густые туманы. Снег держался на хребтах сего острова до июля. Зайков собрал здесь 27^{1/2} фун. самородной меди.

Июля 7-го 1774 года вышел Зайков опять в море, и по 23-дневном плавании пристал к первому Алеутскому острову Атту. Кроме женщин и детей было здесь только 27 человек жителей. Предприимчивый Зайков, усмотрев, что в течение времени может получить значительные прибыли, решился остаться здесь до весны. Июля 4 следующего года приготовился он к дальнейшему путешествию и, оставив на острове сем десять человек для промыслов, поплыл далее к востоку. 19 числа сего месяца пристал он к острову Умнаку и, нашед там судно вологодского купца Буренина *Св. Еввл*, согласился с начальником онаго составить одну компанию. Несчастья, постигшие здесь прежних промышленников, послужили им уроком не делиться на малые артели.

Зайков положил, чтоб судно *Св. Еввл* осталось здесь с 35 промышленниками, а сам, снабдив бот свой всеми нужными припасами и взяв 60 человек команды, отправился для дальнейших открытий. В условиях положено было, между прочим, по возвращении его к Умнаку делить им все добытые меха на две равные части. Августа 3 дня 1775 года отправился бот *Св. Владимир* далее к востоку; 17 числа подошел он к острову Унимаку и, вошед в пролив, отделяющий оный от полуострова Аляксы, стал на якорь в той же самой гавани, где прежде зимовал капитан Креницын.

В сем месте провел Зайков три года, и между тем как экипаж его занимался промыслами, описал он с топографической точностью все окружные острова. Карта штурмана Зайкова была первая, которая познакомила сибирских мореплавателей с истинным положением островов Алеутской гряды. Хотя нельзя полагать, чтобы Зайков умел определять астрономическим способом долготу места, но замечательно, что он усмотрел ошибку капитана

Креницына, который положил острова сии на 5° западнее настоящего их местоположения.

Мая 27 дня 1778 года отправился Зайков в ту же гавань, где стояло судно *Св. Евл.* Удивительно, как долго совершали суда сии свои плаванья: из упомянутой гавани можно было бы легко идти в сию часть года к острову Умнаку в три дня, но бот *Св. Владимир* пробыл в море 53 дня. Зайков, разделив все промышленные меха, прожил здесь еще до следующего лета и 19 мая 1779 года направил путь свой к западу. 30 числа сего же месяца подошел он к острову Атту и, взяв здесь остальных 10 человек команды, поплыл 12 июня к Командорскому острову. Проведя у одного несколько дней, пошел он опять 12 июня в море и достиг 6 сентября благополучно до Охотского порта. В течение семилетнего путешествия потерял Зайков 12 человек из всего экипажа. Груз, вывезенный на судне сем вместе с казенным ясаком, состоял из: морских бобров — 4 376, хвостов — 2 874, лисиц чернобурых — 549, сиводушек — 1 100, красных — 1 200, выдр — 92, росомаха — 1, волков — 3, норок — 18, морских котиков — 1 725, голубых песцов — 1 100 и $9\frac{3}{4}$ пуд моржовой кости.

Так как из всех грузов выше и ниже упомянутых судов почитался сей за самый богатейший и оценен был тогда в 300 416 руб., то для любопытного читателя исчислю я, чтобы он стал по ценам, как Российская Американская компания ныне продает меха.

4 376 бобров по 300 руб. — 1 312 800 руб., 2 874 хвоста по 20 руб. — 57 480 руб., 549 черных лисиц по 150 руб. — 82 350 руб., 1 100 сиводушек по 50 руб. — 55 000 руб., 1 200 красных по 20 руб. — 24 000 руб., 92 выдры по 30 руб. — 2 760 руб., 1 росомаха — 20 руб., 3 волка — 60 руб., 8 норок по 6 руб. — 48 руб., 1 725 котиков по 25 руб. — 43 125 руб., 1 100 голубых песцов по 25 руб. — 27 500 руб., моржовый зуб — 1 385 руб. Итого 1 603 588 руб.

Надобно, однако же, заметить, что как доброта всех мехов не могла быть одинакова, то я взял здесь только средние групповые цены. Впрочем, бобр может стоить 1 200 рублей, лисица черная 800, а котик 45.

По возвращении сего судна пожелали Орехов и Лапин отвезти в дар Великой Екатерине 300 лучших черных лисиц. Зимой 1776 года отправились они оба в путь и по прибытии в Санкт-Петербург имели счастье быть представлены ее величеству. Великая монархиня приняла их очень милостиво, благодарила за гостинец и расспрашивала о всех самонаименнейших подробностях того края.

Во время сего разговора спросила у них государыня, не должны ли они казне. На ответ, что они получили заимообразно 21 500 рублей, она промолчала; но вскоре после сего прислала к ним именное повеление на имя Иркутского губернатора, чтоб денег сих с них не взыскивать.

После сего приказала она обер-гофмаршалу угостить их завтраком и показать им Эрмитаж.

Около сего же времени были еще награждены двенадцать человек из отличнейших американских компанионов золотыми медалями. Имена их следующие: московский Иван Тимофеевич Красильников, лальский Василий Попов, московский Андрей Михайлович Серебrenиков, тотемский Григорий Панов, вологодский Федор Буренин, тульский Семен Красильников, московские Федор Никифорович Рыбинской и Федот Афанасьевич Кульков, камчатский Иван Красильников, иркутский Никифор Трапезников, великоустужский Суханов и тотемский Тишов.

1772. В месяцеслове на 1783 год помещено еще одно путешествие. Тотемский купец Алексей Холодилов снарядил в 1772 году судно, именовавшееся *Архангелом Михаилом*, с экипажем из 63 человек, и поручил начальство над оным штурманскому ученику Дмитрию Полутову. Полутов, вышед в море 8 сентября из Большерецкого устья, продолжал плавание с благополучным ветром по 20 число; но внезапно возставшая буря от запада выкинула судно на камчатский берег.

Надобно полагать, что место, на которое выкинуло судно Полутова, было песчаное; ибо без повреждений сняли его с мели, и 7 июля следующего года отправили в море. По двадцатидневном плавании прибыл Полутов к Беринговому острову и расположился здесь зимовать. По описанию его видно, что в сие время было там довольно бобров, сивучей, котов, голубых песцов и морских тюленей.

Июля 17 дня 1774 года вышел Полутов в море и 7 сентября положил якорь у острова Уналашки. Здесь провел он два года и в течение сего времени посетил все ближние острова. Июня 15 дня 1776 года, взяв с острова Уналашки толмачей, пошел Полутов к Кадьяку, и по девятнадцатидневном плавании вошел в залив на восточной стороне онаго, который вдался внутрь острова на 15 верст. По описанию сему видно, что они зашли в Игашской залив, где, как я во время моего пребывания на острове сем слышал, были прежде многолюдные селения.

Полутов нашел на северной стороне сего залива 36 пустых юрт и домов; но жители показались ему не прежде 4 июля. Они пришли вооруженные, в числе сорока человек. Полутов послал немедленно на берег толмача с разными подарками. Но свирепые обитатели острова Кадьяка были непреклонны: предлагаемые им вещи вырывали они с жадностию и, не смотря на оказываемые им ласки, убегали от судна. Полутов, не ожидая от неприязненного обращения их добрых последствий, отплыл обратно к Уналашке и, оставив там взятых толмачей, прибыл 2 августа к острову Атхе. Предполагая здесь умножить груз свой, остался он на зиму, и 25 июля 1777 года отправился в обратный путь. Хотя Полутов должен был идти в Охотский порт, но за сильными противными ветрами достиг только до Нижнекамчатского устья. Весь груз судна *Святого Михаила* состоял из 3 720 бобров, 1 680 хвостов,

488 черных и чернобурых лисиц, 431 сиводушки, 204 красных, 901 песца и 1 430 морских котов.

По запискам Тимофея Шмалева видно, что в 1772 году отправилось еще на острова судно, принадлежавшее тотемским купцам Петру и Григорию Пановым; но как называлось сие судно и когда возвратилось, о том не мог я отыскать никаких сведений.

1773. В сем году отправилось судно *Св. Еввл*, принадлежавшее вологодскому купцу Федору Буренину с товарищи, из Нижнекамчатска. Мы видели выше, что оно было вместе с Зайковым у Умнака. Судно сие возвратилось в 1779 году с грузом из 951 бобра, 690 хвостов, 540 морских котов, 63 речных выдр, 251 черных лисиц, 378 сиводушек, 630 красных и 1 000 голубых песцов.

1774. Выше упомянуто, что кроме мореходных судов отправлялись иногда на Берингов и Медный остров байдары. Теперь следует известие о байдаре камчатского купца Ивана Новикова, плававшей двоекратно на ближние Алеутские острова, которые бы в честь покойному Берингу надобно было называть *островами Обмана* (острова сии названы так Берингом потому, что он принял их за первые Курильские. — *Авт.*). Но прежде, нежели приступлю к сему, почитаю обязанностью уведомить читателя, что такое байдара. Байдарами называются в восточных пределах Сибири шлюпки, коих набор или члены быв сделаны из тонких деревьев и, имея корму единообразную с носом, обшиваются кожей морских тюленей. Хотя суда сии весьма удобны и так вместительны, что поднимают до 60 человек; но можно легко вообразить, сколь опасно пускаться на кошанных лодьях сих в дальнее плавание.

Не взирая на сии неудобности, плавала помянутая байдара двоекратно к ближним Алеутским островам, отстоящим от Большерецка на 1 400 верст. В оба путешествия, совершенные в 1772—74 годах, вывезла она хозяину своему на 16 660 руб. мехов. Сообразя достоинство тогдашних денег с нынешними, выйдет, что предприятие Новикова было достаточно вознаграждено.

1774. Вышеупомянутое судно *Св. Прокотий*, принадлежавшее купцам Протодьяконову и Оконешникову, отправилось в сем году вторично. По четырехлетнем отсутствии возвратилось оно благополучно в Охотск; но лишило хозяев своих охоты заниматься сим промыслом.

Груз онаго, подобно первому, едва ли вознаградил издержки. Весь вывоз состоял в 300 бобрах, 1 000 голубых песцах и 39 500 морских котках. По вторым запискам означен первый груз в 20 130 руб., а второй в 98 840 рублей. Но как постройка и снаряжение судна стоили тогда около 50 т. рублей, то, приняв в соображение восьмилетнее содержание онаго с безвозвратным капиталом, выйдет, что прибыли едва ли равнялись издержкам.

1774. Тобольский купец Осокин отправил в сем году судно свое, именованное *Св. Павлом*. Но предприятие его имело весьма худой успех: едва дошло оно от Охотска к Камчатке, то и разбилось здесь совершенно.

1776. В сем году отправлено было на Алеутские острова судно *Св. Александр Невский*, принадлежавшее тотемским купцам Григорию и Петру Пановым. Оно возвратилось в 1779 году, но в чем состоял груз онаго, о том нет никаких сведений.

1776. Теперь вступает в первый раз на поприще знаменитый отец российских колоний *Григорий Иванович Шелехов*. Предприимчивый муж сей, прибыв в Охотск из Кяхты, вступил тотчас в связи с якутским купцом Лебедевым-Ласточкиным и обратил сначала взор свой на Курильские острова. Желая, однако, иметь участие и в промысле с Алеутских островов, или влекомый, может быть, тайным предчувствием к той части света, которая увековечила имя его, вступил он в новое сотоварищество с камчатским купцом Лукою Алиным. Общим иждивением построили они судно в Нижнекамчатске и, наименовав оное *Св. Павлом*, отправили в 1776 году на острова.

Кто сим судном начальствовал, и какое совершило оно плавание, неизвестно, а видно только по разным запискам, что оно возвратилось в 1780 году и вывезло 936 бобров, столько же хвостов, 1 580 голубых песцов и 34 000 морских котиков; всего по тогдашним ценам на 74 240 руб.

1776. Счастливейшие из всех сибирских аргонавтов, Орехов, Лапин и Шилов, отправили в сем году судно свое *Св. Павел*, совершившее уже два благополучных плавания. Начальником был на судне сем подштурман Герасим Измайлов, а передовщиком соликамский посадский Иван Луканин. О плавании их нет никаких известий, а нашел я только в помянутых записках, что судно сие возвратилось в 1781 году с грузом из 2 726 бобров, 1 340 хвостов, 12 000 морских котов, 976 сиводушек, 577 чернобурых лисиц, 86 выдр и 327 голубых песцов; всего по тогдашним ценам на 172 т. рублей.

1777. Компания купцов рыльского Григория Шелехова, московского Ивана Соловьева и тотемских Григория и Петра Пановых, снарядив в сем году судно, названное ими *Варфоломеем и Варнавою*, отправила оное из Нижнекамчатска на Алеутские острова. О плавании сего судна нет никаких известий, а упомянуто только, что оно возвратилось в 1781 году с небогатым грузом, оцененным в 58 т. руб.

1777. Почтенный именитый гражданин города Курска Иван Ларионович Голиков, содержа в сие время питейные сборы по Иркутской губернии, пожелал также изведать счастья своего в морских путешествиях и вступил в первоначальное товарищество с умнейшим из сибирских промышленников Григорием Ивановичем Шелеховым. Общим иждивением построили они

судно и, назвав оное именем *Св. Андрея Первозванного*, отправили в 1777 году из Петропавловской гавани на Алеутские острова.

Начальное покушение их вознаградилось достаточным успехом, и хотя судно сие потерпело кораблекрушение, но спасенный груз продан был за 133 450 рублей.

1777. Иркутский купец Яков Протасов отправил в сем году судно, именованное *Зосимом и Савватию*, на Алеутские острова для промысла. Хотя о плавании онаго нет также никаких известий, но как видно из описи вывезенным мехам, что в числе оных не было ни одной лисицы, то и надобно заключить, что оно доходило только до ближних островов. Судно сие возвратилось в 1781 году с грузом, оцененным в 49 215 рублей.

1778. Тотемские купцы Григорий и Петр Пановы, отправлявшие уже несколько судов на Алеутские острова, вступили в сем году в товарищество с Арсением Кузнецовым (известным читателю моему по путешествию графа Беньевского) и, построив судно, названное по имени *Св. Николая*, отправили оное из Петропавловской гавани на Алеутские острова. Судно *Св. Николай* пробыло на островах семь лет; но зато богатый груз вознаградил терпение companions. На судне сем вывезено было бобров 2 521, хвостов 1 487, выдр 230, лисиц черных 469, сиводушек 881, красных 2 083.

1778. В сем году отправлено было еще судно *Климент*, принадлежавшее тем же Пановым и Кузнецову. Оно возвратилось благополучно в 1785 году с грузом, состоявшим из 1 118 бобров, 760 хвостов, 477 выдр, 622 черных лисиц, 760 сиводушек, 456 красных и 60 котов.

Судя по запискам Шелехова, командовал судном сим подштурман Аф. Очередин. Известно, что в 1779 году зимовал он при острове Кадьяк. Во время моего там пребывания говаривал я с промышленником Тоюрским, бывшим у него на судне. Тоюрский сказывал мне, что они привезли с собою 60 алеут с Лисьих островов, дабы заставить их промышлять здесь бобров; но план сей не удался. Жители Кадьяка поступали с ними так сурово, что даже не позволили сходить на берег. Проведя здесь зиму в крайней опасности, успели они только убить 100 бобров; но потеряли более 20 человек людей от болезни. С наступлением весны ушли они со всевозможной поспешностью к Лисьим островам.

1778. Около сего времени отправлен был Григорием Ивановичем Шелеховым и камчатским купцом Козициным бот *Св. Николай*. Судно сие совершило три плавания на Алеутские острова; но нет ни малейших известий об успехах промысла и времени его возвращения.

1779. Почтенные Голиков и Шелехов отправили в сем году судно, именованное *Св. Иоанном Предтечею*, из Петропавловской гавани. Судно сие, проведя шесть лет на ближних Алеутских островах, возвратилось в 1784

году в Охотск и вывезло 1 074 бобров, 729 хвостов, 727 голубых песцов и 440 котов морских.

1780. В сем году отправили вышеупомянутые Пановы опять судно свое *Св. Евл* из Камчатки. По пятилетием странствовании было оно, наконец, разбито у ближних Алеутских островов, но спасенный груз вывезен на каком-то другом судне и продан в Камчатке за 71 766 рублей.

1780. Возвращение судна *Св. Павла* с грузом, проданным за 74 т. рублей, доставило покойному Шелехову новые средства и достаточный капитал для дальнейших предприятий. Построив в сем году судно и наименовав оное в честь святого того города, по которому он состоял в купечестве, *Иоанном Рьльским*, Шелехов отправил оное из Петропавловской гавани на Алеутские острова. По шестилетнем странствовании возвратился *Иоанн Рьльский* к камчатским берегам и претерпел при оных кораблекрушение. Груз был, однако же, весь благополучно спасен и состоял в 900 бобрах, 654 хвостах, 18 500 морских котах и 930 голубых песцах. Замечательно, что все шелеховские суда не ходили к дальним островам, а занимались более ловлею морских котов, коих было оными вывезено по сие время без малого 70 тысяч.

1780. В сем году отправлено было московскими купцами Журавлевым и Криворотовым судно *Св. Прокопий* из Охотска. Но оно дошло только до камчатских берегов и претерпело при оных совершенное кораблекрушение.

1781. Якутский купец Лебедев-Ласточкин, который, как упомянуто, был в сотовариществе с Шелеховым при отправлении двух судов к Курильским островам, снарядил опять общим иждивением судно, именовавшееся *Св. Георгием*. Поручив начальство над оным подштурману Герасиму Прибылову, отправили они его в сем году в море.

Хотя о плавании Прибылова, продолжавшемся до 1789 года, нет никаких известий; но оно замечательно, потому что г. вице-адмирал Сарычев приписывает ему открытие островов Св. Павла и Георгия, к северу от Уналашки лежащих. По бумагам покойного Григория Ивановича Шелехова видно, что он назвал острова сии островами Зубова. Известно, что он пользовался благодеяниями князя Платона Александровича Зубова.

Груз, вывезенный Прибыловым в 1789 году в Охотск, можно почесть одним из богатейших; ибо он состоял из 2 720 бобров, 2 267 хвостов, 31 150 морских котов, 6 794 голубых песцов, 1 025 разных лисиц, 11¹/₄ пудов моржевых зубов и 15 пудов китовых усов. Но надобно заметить, что Прибылов провел на островах восемь лет!

1781. Судно *Св. Павел* купцов Алина и Шелехова было в сем году вторично отправлено и возвратилось по пятилетием странствовании с убогим грузом из 398 бобров с хвостами, 7 600 морских котов и 56 голубых песцов; все сие стоило по тогдашним ценам 35 т. рублей.

1781. В сем же году отправлено было тотемским купцом Алексеем Поповым судно *Св. Алексий*, которое по пятилетнем отсутствии возвратилось с грузом из 882 бобров, 660 хвостов, 147 выдр, 73 черных лисиц, 220 сиводушек, 1 276 красных, 470 голубых песцов, 73 голубых нориков и 2 352 котов.

1781. Купцы Орехов, Лапин и Шилов, получив от прежних удачных путешествий значительные прибыли, отправляли в сем году судно, именовавшееся по *Св. Александру Невскому*. О плавании онаго и времени возвращения нет обстоятельных известий; но счастье, благоприятствовавшее им в сем промысле, доставило и при сем случае богатый груз, состоявший из 1 830 бобров, 1 593 хвостов, 674 черных лисиц, 1 124 сиводушек, 1 417 красных, 430 выдр, 1 112 котов и 2 475 песцов: все сие стоило тогда 238 т. руб.

1782. В сем году, как во всех записках видно, отправилось только одно судно иркутского купца Якова Протасова из Нижнекамчатска. Надобно полагать, что оно также было на Котовых островах; ибо по возвращении онаго в 1789 году состоял главный промысел в 26 500 котак; бобров было на оном вывезено 292, да голубых песцов 150.

1783. В сем году отправлено под командою подштурмана Степана Зайкова судно якутского купца Лебедева-Ласточкина *Св. Павел*. Весь капитал онаго состоял из 65 паев. Имев случай получить валовой контракт судна сего, означу для любопытного читателя все количество паевщиков или хозяев.

Купцов якутских: Лебедева-Ласточкина — 34 пая, Ефима Попова — 1, Григория Дежуринского — 1, Елисея Завьялова — 1, калужских: Ивана Кортаева — 1, Василия Невежина — 1, вологодских: Михаила Исаева — 1, Василия Шапкина — 2, Василия Кулькова — 1, тотемских: Михаила Губинского — 1, Федора Никулинского — 2, Арсения Кузнецова — 1, тюменского Василия Кривошеина — 1, тульского Михаила Душакова — 2, соликамского Ивана Лапина — 2, курского Алексея Полевого — 1, иркутского Ивана Большакова — 2, холмогорского Дмитрия Сорокина — 1, заводчика Ивана Савельева — 5, мещан: якутского Савы Чебыкина — 1, мальжского Спиридона Буракова — 1, надворного советника Петра Будищева — 2. Итого 65.

Из целого числа паев отделялось: 1 — в церковь Божию и на сирот Охотской школы; 1 — передовщику камчатскому мещанину Петру Коломину; 1 — отставному боцману Дурыгину; 1 — мореходу Зайкову и 2 пая на тех промышленников, кои в течение вояжа окажут особенное усердие или отличие и будут признаны таковыми от всего экипажа, состоявшего из 67 человек.

Зайкову предписано было направить путь свой к XVIII Курильскому острову и снять с берега *бригантину* Наталию, которая была на оный взброшена во время землетрясения. По выполнении сего велено было ему остаться здесь зимовать и на следующую весну оставить бригантину в Охотске, а самому следовать за промыслом на Алеутские острова.

Не имея случая отыскать журнал Зайкова, могу только сказать, что он разбил судно свое в 1789 году около островов Павла и Георгия. Груз онаго был спасен, но Иван Савич Лапин сказывал мне, что он не равнялся издержкам.

1783. В сем году передовщики и мореходы трех купеческих судов, на Лисьих островах пребывавших, усмотрев, что промыслы их весьма незначительны и что к дальнейшему получению оных не имеют они никакой надежды, решились приступить к новым открытиям. С общего согласия подчинили они себя прежде упомянутому и весьма искусному штурману Потапу Зайкову, поручив ему избрать удобное место для промысла.

Суда сии принадлежали: 1. *Алексей* — Холодилову, Орехову и Панову. Мореходом был на оном нежинский грек Евстратий Делавров. 2. *Михаил* — Холодилову; мореходом был штурманский ученик Филип Мухоплев. 3. *Aлександр Невский* — Орехову, Лапину и Шилову; мореходом был помянутый выше Зайков.

Зайков, имев случай видеть карты капитана Кука и слышать от сопутников его во время пребывания их в Камчатке, что они нашли на американском берегу залив, названный ими Williams Sound, решился направить путь свой к оному. Зайков выступил с тремя судами своими в поход в июле, и в августе месяце достиг благополучно до желанного места, называемого ныне по-русски Чугатский залив.

Здесь встретили они гораздо превосходнейшее число народа нежели на островах Алеутской гряды, и хотя начальные успехи их в промысле были довольно значительны, но вскоре храбрые чугачи преградили им путь к оным. Промышленники сии, полагаясь на мужество свое и то превосходство, которое они всегда одерживали над островитянами, принялись за оружие. Отважные чугачи, устрашавшие набегамы своими все окружные племена, а особенно жителей острова Кадьяк, не убоялись русских ружей: они действовали стрелами своими столь удачно и храбро, что в многих стычках одержали верх над неприятелями своими и в дополнение преградили им способы к промыслам и пропитанию.

Стечение сих неожиданных обстоятельств заставило Зайкова обратиться вместо промыслов к ограждению себя от неприятеля, треть целой команды проводила всю ночь в ружье, боясь нечаянного нападения. В дополнение к сим злополучиям оказалась вскоре и цинготная болезнь, которая, соединясь с голодом, убавила в короткое время значительное число из экипажа сих трех судов. С радостию узрел Зайков наступление весны и, вооружив со всевозможной поспешностью суда свои, отправился к Алеутским островам. Столь неудачно было первое покушение россиян выступить на матерый берег Америки!

1785. Теперь можно заметить, как постепенно ослабевала предприимчивость бывшего в Сибири купечества. В 1784 году не было ни одно судно

отправлено в море. Значительные прибыли, полученные многими из участвовавших в сем промысле, побудили их, оставя оный, наслаждаться в покое приобретенным состоянием. Другие, претерпев несколько неудач, должны были остановить промысел, в котором им счастье не благоприятствовало. В сем году отправлен был из Нижнекамчатска тотемским купцом Пановым галиот, именованный *Св. Георгием*. Возвращение оного последовало через два года, но вывезенные меха удивят читателя: они состояли в 1 388 котках и 183 голубых песцах.

1787. В сем году отправлен был вышеупомянутый гальот *Георгий*, который, пробыв на островах до 1793 года, возвратился опять с небогатым грузом. Вряд ли вывезенные на оном меха окупили издержки двоекратного отправления и осьмилетнего содержания судна сего...

Окончив хронологическую историю сию, считаю за нужное упомянуть, что, по мнению моему, недостает здесь по крайней мере известий о плавании десяти судов, а особенно в последних годах. Невнимание к предмету сему виною, что при всех стараниях моих не мог я отыскать ни малейших подробностей, до оных касающихся. Еще прискорбно мне, что о обширных планах и действиях Лебедевской компании не мог я получить обстоятельных известий.

Акт высочайше дарованным Российско-Американской компании привилегиям в 1799 году положил преграду всем малым компаниям, кои не пожелали присоединить капиталов своих к Шелехову и Голикову, а посему и Лебедев-Ласточкин, отрекшийся от участия с ними, должен был оставить предприятия свои. Он имел уже в сие время порядочное обзаведение в Чугатской губе и простер так далеко планы свои, что отправлял даже одну артель во внутренности Америки. Я разговаривал многократно с храбрым промышленником Василием Ивановым, предводителем артели сей. В пути пробыв он от Рождества до Св. Пасхи, прошел, по его счету, более 500 верст, видел множество рек и озер, изобильных рыбою; встречал до 10 разноразличных племен, но не приметил нигде селения, заключавшего в себе более 200 человек.

Он толковал мне очень много о реке *Тунте*, шириною от 6 до 4 верст; сказывал, что по оной, как слышал, есть более 40 селений, но не умел порядочно объяснить, где она находилась. По 25-дневном путешествии прибыл Иванов к оной и, как думает, шел во все сие время более к северу, нежели к востоку.

Как известно, что Иванов отправился в путь сей с озера Ильмяны, на западном берегу Кунайской губы лежащего, и возвратился туда же, то и впадает, может быть, река Тунта в Камышацкую губу, названную Куком Bristol Bay.

Надобно также сожалеть, что я не имел случая получить журналы судов Пановской компании. Предприимчивые люди сии имели также большие заведения и отправляли суда свои на острова Св. Матфея и Св. Лаврентия. Почтенный Евстратий Иванович Деларов, бывший впоследствии директо-

ром Российско-Американской компании, служил долго у Пановых и, как мне сам рассказывал, совершил более 10 путешествий к островам, Камчатке и Охотску без всяких познаний о науке мореплавания. Компас и твердая память при виде берегов были его руководителями.

Признаюсь, что всю статью сию писал я с особенным удовольствием; ибо она изображает решительную предприимчивость почтенных соотечественников наших, коим заменяли недостаток познаний отважностью и непоколебимою твердостью духа...

Известие о меховой торговле, производимой россиянами при островах Курильских, Алеутских и северо-западном берегу Америки

Россия из всех европейских государств изобилует особенно мягкой рухлядью. Звериные шкуры и даже части шкур обращались в оной долгое время вместо монеты. Примером служат нам новгородские *гривны, ушки и полушки*. Во всех Уставных грамотах положены пени и награды мягкой же рухлядью; даже жалованье производили должностным людям звериными шкурами, и когда в 1595 году отправлен был в Вену посланником Михаил Иванович Вельяминов, то с ним отпущено было, как сказано в 3-м томе древней российской виблиофики, «в запас и на приказной расход и раздачу»: 1 009 сороков соболей ценою в 28 097 руб., 510 сороков куниц — 5 190 руб., 337 235 белок — 6 190 руб., 3 000 черных бобров — 2 908 руб., 120 лисиц черных и чернобурых — 565 руб., 1 000 волков — 530 руб., 75 лосин — 75 руб. Итого на 44 720 руб.

По самым дешевым ценам стоил бы сей товар ныне полтора миллиона рублей; следовательно, мягкая рухлядь теперь в тридцать раз дороже.

Храбрые козаки, простирая завоевания свои к востоку, облагали ясаком все вновь покоряемые племена, и мягкая рухлядь лилась из Сибири в Москву рекою. Покорение Камчатки и первых Курильских островов познакомило завоевателей с новыми и вовсе неизвестными им породами животных: они обрели там морских коров, кои огромностию своею привели их в удивление; ибо некоторые, быв длиною в 12 аршин, весили более пятисот пудов! Вместе с морскими коровами нашли они сивучей или морских львов, морских котиков и морских бобров. Последние, отличаясь красотою, мягкостию и пухообразностью своей шерсти пред всеми прочими животными, стали вдруг продаваться высокою ценою. За морского бобра платили в Якутске 10 рублей, а китайцам променивали оных в 60 и 90 рублей. Упомянутые выше 3 000 черных бобров были бобры речные, ибо морские до покорения Камчатки не были россиянам известны.

В 1741 году возвратился от северо-западных берегов Америки в Камчатку капитан Чириков. На судне его вывезено было 900 бобровых шкур. Мы виде-

ли выше, с какою ревностию принялись купцы, посещавшие Камчатку, за промысел сей, и как они в течение сорока лет простерли путь свой по гряде Алеутских островов и начали водворяться на северо-западных берегах Америки.

Главнейший промысел с ближних Алеутских островов состоял из морских бобров и морских котиков. С Лисьих островов вывезено было множество лисиц разных шерстей, и хотя оне приносили значительные выгоды продавцам, но были гораздо хуже добротой, нежели лисицы камчатские и сибирские; ибо шерсть всех островских лисиц очень тверда и скоро ломается. Особенное замечание заслуживает то, что теперь шерсть островских лисиц гораздо нежнее, нежели двадцать лет тому назад.

Ежели бы морские бобры, сивучи и коты не отплывали далее к востоку, то, вероятно, что все вышеупомянутые мореплаватели не простерли бы так далеко пути своего. Животные сии, усмотрев, что новые пришельцы начали нападать на них с неимоверной жестокостию, оставили отечественные берега свои и удалились в другие безопаснейшие места. Хотя жители островов, при коих они обитали, также занимались ловлею их; но поелику потребности малочисленного народа сего были невелики, то они удовлетворяли оным нечувствительным образом.

Любопытно взглянуть, как преследовали морских бобров от берегов Камчатки до Калифорнии.

Завоеватели Камчатки нашли на восточном берегу и ближних Курильских островах множество морских бобров, но поелику животных сих, одаренных превосходным смыслом, начали весьма сильно преследовать, то они вдруг оставили камчатские берега, и в 1750 году не плавал уже ни один бобр около берегов сего полуострова. На Курильских островах держались они гораздо долее: Иван Кириллов, посадский города Якутска, обогатился, промышляя там лисиц и бобров в 1743—1750 годах.

Якутские купцы Захаровы получили также значительную прибыль от Курильских островов около 1770 года. В 1775 году обратил особенное внимание на Курильские острова якутский купец Лебедев-Ласточкин: все прежние промышленники плавали туда на байдарках и не простирали пути своего далее седьмого острова; но Лебедев, построив мореходный бот, отправил оный туда под командою сибирского дворянина Антипина, знавшего японский язык. Первое покушение сие не имело счастливого успеха: Антипин достиг до осмнадцатого Курильского острова и в шторм разбил бот свой. На следующий год возвратился он на байдарках в Камчатку со всею командою, хотя занимался промыслом целый год, но вывез только 180 морских бобров, 190 котиков, 60 чернобурых лисиц, 30 сиводушек и 240 голубых песцов.

В 1777 году присоединил к Лебедеву-Ласточкину капитал свой известный Григорий Иванович Шелехов. Общим иждивением построили они гурор и, поручив оный в команду искусному штурману Петушкову, отправили

его к Курильским островам. Петушков, прибыв к осьмнадцатому острову, расположился там зимовать, и был так счастлив, что в течение десятидневного пребывания на острове сем промыслил и купил 970 морских бобров, 45 чернобурых лисиц, 70 сиводушек и 195 голубых песцов.

Прибыточный груз сей побудил Лебедева и Шелехова отправить гукур свой в том же 1776 году опять к Курильским островам. Гукур прибыл благополучно к осьмнадцатому острову в начале октября, и начальник оногo, дворянин Антипин, расположился провести здесь зиму. Неуспешный промысел и сношения с японцами, к коим Антипин ездил на байдаре к острову Матмая в гавань Аткис, были причиною, что он счел за нужное остаться здесь еще на одну зиму.

Января 8 года 1780 сделалось жестокое землетрясение; море поднялось так высоко, что гукур, стоявший в гавани, отнесло в середину острова. Антипин, не имея способов стянуть судно свое на воду, решился плыть к Камчатке на байдарах и прибыл туда благополучно в июне 1780 года. Весь двухгодовой промысел состоял только из 20 бобров, 60 лисиц и 40 песцов. От сего времени перестали промышленники ездить к Курильским островам; ибо сборщики, плававшие туда ежегодно, достали сведение, что после помянутого землетрясения бобры перевелись совершенно.

Сношения Антипина с японцами и пребывание поручика Лаксмана на острове Матмае в 1790 году подали почтенному Шелехову мысль сблизится с сим подозрительным и в тоже время богатым народом. Шелехов отправил в 1795 году на XVIII остров Уруп партию, состоявшую из тридцати промышленников с женами и детьми. Люди сии состояли под начальством иркутского мещанина Василия Звездочетова, коему приказано было обратить особенное внимание на сельское хозяйство и приняться за промыслы тогда, когда каждый поселанин будет иметь дом, огород и небольшую пашню.

Ежели бы Шелехов прожил еще десять лет, то, вероятно, имели бы мы теперь на острове Уруп колонию изо ста душ, которая, независимо от Сибири, могла бы не только довольствоваться себя, но, вероятно, уделяла бы еще избытки свои Охотску и Камчатке; но как почтенный муж сей окончил полезную жизнь свою в июне того же 1795 года, то новое заселение сие и осталось без всякого надзора.

Звездочетов не умел содержать поселенцев сих в повиновении; он начал употреблять против них строгости: на третий год четырнадцать лучших поселенцев от него бежало в Камчатку. Оставшиеся при нем, не получая из Охотска ничего нужного для поддержания разных необходимых потребностей, впали в болезни. В 1805 году выехало их на Камчатку только семь человек; остальные же вместе с начальником своим окончили жизнь на острове Урупе. Таким-то печальным образом рушилась шелеховская колония, которая могла бы быть весьма полезною восточным пределам Сибири.

Камчатские, а особенно курильские бобры отличались длинной и черною шерстью с ребровидною осью. Алеутские и американские бобры никак не могут равняться с оными в доброте.

Когда адъютант Штеллер, сопутник знаменитого Беринга, зимовал на Беринговом острове (1741), то морских бобров и песцов находилось там чрезвычайно много. Он один вывез в Камчатку более 600 бобровых шкур. Из вышеприведенных известий о промыслах каждого судна видно, что с 1760 года должны уже были промышленники плавать за бобрами гораздо далее к востоку. Через двадцать лет приблизились они к берегам Америки и вскоре после сего проникли в Кенайский залив и Чугатскую губу.

Бобровые промышленники добывали весьма легко мягкую рухлядь по всей гряде Алеутских островов. Миролюбие жителей и местное положение оных благоприятствовали их намерениям. При северо-западных же берегах Америки встретили они противное: народ был немиролюбив, мягкую рухлядь гораздо труднее было скупать, и надобно было ездить за оною по разным весьма отдаленным жилищам. Затруднения сии были причиною, что около 1795 года остались только три компании: шелеховская, киселевская и лебедевская. Первая водворилась на острове Кадьяке с 1783 года, вторая производила промыслы свои по всей гряде Алеутских островов, а последняя имела три заселения на матером берегу Америки, в Чугатской губе.

Всеми вышеупомянутыми судами вывезено было следующее количество мягкой рухляди: морских котов — 417 758, песцов — 62 361, лисиц красных — 16 478, лисиц сиводушек — 15 147, лисиц чернобурых — 10 421, выдр — 1 679, кости моржовой — 772 пуда, хвостов бобровых — 58 618, бобров морских — 98 548, усов китовых — 977, речных бобров около 3 000.

В 1798 году составила нынешняя Российско-Американская компания, а в 1799 году последовал акт высочайше дарованным ей привилегиям на двадцать лет.

В вышеприведенных известиях не сказано ничего о занятии Шелеховым острова Кадьяка. Предприятие сие относится к истории российских колоний; но здесь, обозревая успехи россиян в торговле мягкой рухлядью, надобно кратко о сем упомянуть.

Рыльский купец Г. И. Шелехов, капитан М. С. Голиков и курский купец И. Л. Голиков, имевшие участие в прежних компаниях, решились составить новую и занять остров Кадьяк, где, по сведениям, доставленным мещанином Глотовым и подштурманом Очерединым, можно было ожидать весьма богатого промысла. В 1781 году заключили они между собою контракт, чтобы построить при Охотском порте два галиота и на оных следовать самому Шелехову к берегам Аляски и занять находящиеся там острова. Складственный капитал их состоял из следующей суммы: М. С. Голикова 20 000 р., И. Л. Голикова 30 000 р., Шелехова 15 000 р., да калужского купца Юдина 1 500 р. Всего 66 500 р.

Предприимчивый Шелехов, прибыв в Охотск, заложил при реке Уроке три судна и 16 августа 1783 отправился с ними в море. Суда сии именовались: 1. *Трех Святителей*, под командою подштурмана Герасима Измайлова, на коем находился сам Шелехов. 2. *Святого Симеона Богоприимца* и 3. *Святого Михаила* под командою подштурмана Василия Олесова. Шелехов, прибыв с двумя судами к Беринговому острову, остался там зимовать. В августе 1784 года достиг он благополучно до острова Кадьяка.

Плавание галиота *Святого Михаила* весьма достопамятно по неумению Олесова и своевольству промышленников: он плыл 99 дней из Охотска до острова Кадьяка, тогда как сие плавание можно совершить при неблагоприятных ветрах в 70 дней. Зимой 1783 года провел Олесов на первом Курильском острове, а две последующие зимы на острове Уналашке. Отсюда выходил он двоекратно в море, но возвращался назад; ибо промышленники страшали его бурями и противными ветрами. Когда Шелехов плыл в 1786 году обратно к Охотску, то встретил Олесова близ Кадьяка. Шелехов, покорив немилосердных жителей острова Кадьяка военной рукою, прожил там до мая 1786 года и потом отправился в Охотск. Управление новозаведенной им колониею поручил он енисейскому купцу Самойлову, оставив при нем 120 российских промышленников и два судна, *Михаил* и *Симон*.

Поелику Шелехов в двадцатимесячное пребывание на острове Кадьяке занят был более распоряжениями основать здесь постоянное жилище и установить связи с разными дикими племенами, то вывезенный им промысел был весьма незначителен: он состоял только из 1 111 бобров, 760 хвостов и 1 060 разнородных лисиц.

Шелехов, устроив дела свои в Иркутске, определил известного читателям грека Евстратия Ивановича Деларова главным поверенным основанной им компании и отправил его летом 1787 года на остров Кадьяк. Деларов, прибыв туда, сделал весьма много умных распоряжений: в 1788 году отправил он судно *Трех Святителей* под командою штурманов Измайлова и Бочарова для обозрения или описания северо-западных берегов Америки. Чиновники сии выполнили с похвалою возложенное на них поручение и составили карту описанным им берегам.

Желая усилить промыслы, предприимчивый Деларов основал селение в Кенайской губе и доставил сим распоряжением шелеховской компании великие выгоды. В 1789 году отправил он в Охотск под командою Бочарова судно *Трех Святителей* и выслал на оном следующее количество мехов: бобров 5 500, хвостов 418, выдр 1 385, речных бобров 138 и разнородных лисиц 4 788. Деларов, пробыв на Кадьяке пять лет, выехал оттуда в 1792 году.

К чести сего достойного человека надобно упомянуть, что он был впоследствии несколько лет директором Российско-Американской компании и отличился в звании сем строгостию правил и примерным бескорытием. Дела-

ров не токмо не употреблял компанейских капиталов на свои обороты, но, напротив, когда около 1804 и 1806 годов компания нуждалась с деньгах и кредита, то он давал векселя собственно на себя. Почтенный муж сей скончался в Санкт-Петербурге в 1806 году.

На место Деларова назначил Шелехов каргопольского купца Александра Андреевича Баранова. Почтенный муж сей, вступив в управление шелеховской колонией, нашел к прискорбию, что в занятых россиянами местах морские бобры перевелись совершенно. В письме его к Шелехову от 1795 года говорит он: «Около Кадьяка и в Кенайской губе вывелись совершенно бобры, а посему и должен я был обратиться со всеми силами в Чугашскую губу, где оных довольно».

Почтенный Баранов построил первый корабль при берегах Америки и выслал оный в 1795 году с значительным грузом в Охотск. В сем же году прибыл туда другой корабль Шелехова *Александр*, который доставил богатый груз с котовых островов, Павла и Георгия.

Недолго водились бобры в Чугатской губе: расторопные алеуты, с коими Баранов ездил ежегодно сам туда, скоро их истребили. Обстоятельство сие заставило его завести новое заселение в Якутате, лежащем при матером берегу Америки в широте 59°45'. Здесь собрал Баранов значительное количество мягкой рухляди, которую и выслал в 1796 году в Охотск на трех судах: *Александр*, *Симеон* и *Феникс*. Груз сих и всех вышеупомянутых судов означен в особенной ведомости.

Усмотрев, что в Якутате вдруг исчезли бобры, должен был Баранов помышлять о новом заселении. Обозрев лично северную часть американских берегов, избрал он для сего Ситхинский залив, или Norfolk Sound, где и основал в 1799 году крепость Архангела Михаила. Место сие обещало великие выгоды для промысла, ибо находилось близ множества островов, названных адмиралом Дефонше *Архипелагом Святого Лазаря*. Здесь, как предполагать можно было, имели бобры гораздо покойнейшее жилище, нежели при матером берегу Америки, где от мыса Святого Илии вплоть до залива Святого Креста нет ни островов, ни заливов. Начальные успехи сего нового заведения были весьма благоприятны: читатели усмотрят с удивлением, что одних морских бобров вывезено было в 1803 году с лишком 20 000 шкур.

В 1802 году истреблено было селение сие дикими американцами, и при сем несчастном случае погибло около ста человек алеутов, двадцать россиян и пропало 2 700 бобровых шкур. Можно легко вообразить, коль прискорбно было почтенному Баранову злополучное происшествие сие, и как он встревожился, узнав, что дикие американцы сделали заговор истребить и Якутат. Собрав все свои силы, поехал Баранов в 1803 году туда из Кадьяка, усилил гарнизон, умножил артиллерию, заложил два судна и назначил, что летом 1804 года отправится он в Ситху, отмстит смерть своих подчиненных и зало-

жит новую крепость. Прибыв в августе 1804 года в Ситху, усмотрел он с радостью, что там стоит корабль *Нева*, прибывший из Санкт-Петербурга.

Соединенными силами исполнил Баранов предприятие свое и, овладев не без сопротивления местом, основал крепость и назвал оную *Новоархангельский порт*. Надобно уведомить читателя, что когда план крепости Святого Михаила представлен был блаженной памяти государю императору Павлу I, то его величество изволил пожаловать Баранова золотою медалию. В 1803 году произведен он был в чин коллежского советника, а в 1806 году награжден орденом Святой Анны 2-й степени...

В 1810 году усмотрел почтенный Баранов, что бобровый промысел ежегодно уменьшается, а по сему и обратился он к берегам Калифорнии, где, как ему известно было, бобров довольно. Помощник г. Баранова коммерции советник И. А. Кусков, плававший два года к Калифорнии, предложил завести там колонию и, с общего согласия с начальником своим водворился в 1812 году в месте, лежащем в широте 38°33'. Новое селение сие названо было *Росс* и расположено при речке Славянке.

Умными распоряжениями доставил г. Кусков значительные выгоды компании. Он завел связи с католическими монахами и испанскими чиновниками и, производя с ними торговлю, снабжал колонии наши хлебом. В 1815 году привезено было в Охотск на судне *Марии* 20 000 испанских пиастров, плод его торговых сношений. Селение Росс выгодно для компании по многим отношениям, а особенно по климату и отлично добротной почве земли.

Почтенный Александр Андреевич Баранов управлял Российско-Американскими областями до 1818 года и, отправившись в Россию на корабле *Кутузов*, окончил полезную жизнь свою на пути. Ныне занимает место его г. капитан-лейтенант Матвей Иванович Муравьев.

Окинув взором все селения Российско-Американской компании, увидим мы, что она занимает всю гряду Алеутских островов, большой остров Кадьяк и имеет на матером берегу Америки несколько селений, из коих многолюднейшее Новоархангельский порт. Главный предмет ее промысла составляли до сих пор морские бобры; но поелику мы видели, с какими затруднениями преследовали их по всем местам, и что весьма скоро промысел оных гораздо уменьшится, то надобно принять другую и едва ли не гораздо выгоднейшую систему управления: обратить промыслы во внутренность Америки.

Гудсоновская компания, существующая более двух столетий, может нам служить примером. Она имеет около двадцати разных заселений во внутренности Америки и, производя торговлю со всеми дикими племенами, скупает неизмеримо великое множество речных бобров и выдр...

Компания сия имела еще опасную соперницу: Северо-западную меховую компанию, которая весьма много вредила ее выгодам. С 1822 года обе компании сии соединились и, вероятно, распространят теперь гораздо далее

круг своих действий, то есть вступят даже в торговые связи с дикими американцами, близ Великого океана обитающими. Что одна из сих компаний распространила очень далеко промыслы свои, тому имеем мы доказательство: в 1818 году служитель Российско-Американской компании, посланный на Медную реку, выменял у тамошних жителей несколько медных гней и английского бисеру.

Российско-Американская компания может еще до сих пор получать значительные выгоды от колоний своих. По самому верному и не увеличенному счету добудет она ежегодно: морских котиков 30 000 на сумму 450 000 руб., морских бобров 600 на 240 000 руб., хвостов бобровых 500 на 10 000 руб., разнородных лисиц 4 000 на 180 000 руб., песцов голубых 1 000 на 15 000 руб., речных бобров 10 000 на 400 000, выдр 3 000 на 120 000, медведей 500 на 35 000, соболей, норок, выхухолей, рысей и росомах на 55 000 руб., моржовой кости, бобровой струи и китовых усов на 52 000 руб. Всего на 1 562 000 руб.

Поелику ежегодное содержание Главного правления, всех контор и колоний требует около миллиона рублей расходов, то остающиеся за сим 562 000 рублей доставят значительные выгоды акционерам. Всех акций считается ныне 7 485, следственно в двухгодовой раздел придет на каждую акцию около 170 рублей прибыли. Но надобно заметить, что выгоды сии получит она тогда, когда обратит промыслы свои во внутренности Америки. Замечательно также, что в вышеприведенном исчислении мягкой рухляди положено самое ограниченное количество; впрочем, могут быть счастливые годы, когда помянутые промыслы увеличатся вдвое и даже втрое.

Бывали примеры, что к гряде Алеутских островов приносило от юга и севера большие табуны морских бобров. В 1805 году прибыло к южным берегам острова Умнака множество морских бобров, имевших на брюхе красноватую шерсть, то есть совершенно отличной породы от всех прежде промышленных. Поелику подобные приходы случались несколько раз, то и надобно заключить, что к югу от острова Умнака должен быть неизвестный остров; ибо бобры не могут пробыть долгое время в море.

Иностранцы приняли также значительное участие в торговле мягкой рухлядью при северо-западных берегах Америки. По кончине бессмертного Кука прибыли корабли его в исходе 1779 года в Макао. На оных находилось несколько шкур морских бобров, кои и проданы были китайцам по весьма высоким ценам. Распространившиеся тогда же слухи, что меха сии собраны при берегах Америки, возбудили внимание купцов, пребывавших в Макао, и поселили в них желание воспользоваться скорее сею новою отраслью весьма прибыточной торговли.

В 1785 году отправился на промысел сей из города Макао первый корабль. Это был бриг *Морской бобр* в 60 тоннов, имевший 30 человек экипажу и находившийся под командою английского корабельщика Жамеса Ханна

(Hanna). Ханна вступил в море в марте и направил путь свой в Нушку или Зунд Короля Георга (Georges Sound), где, как сопутники Кука рассказали, можно легко собрать значительное количество мехов. Он прибыл туда в августе и, скупив в течение пяти недель 560 шкур морских бобров, отправился в обратный путь и пришел в декабре в Макао.

Собранные им шкуры морских бобров проданы были в Кантоне в марте 1786 года по следующим ценам: первого разбора 140 шкур по 60 пиастров, второго разбора 175 шкур по 45 пиастров, третьего разбора 80 шкур по 30 пиастров. Остальные 165 за 1 925 пиастров, то есть за 560 бобров получено было 20 600 пиастров.

Покойный Шелехов, узнав, что принадлежащие нам берега Америки посещаются иностранцами, жаловался на сие в 1787 году генерал-губернатору Якобию следующими словами: «Во время бытия моего прошлого года в Августе месяце в Петропавловской гавани, узнал я от Индийской компании Виллияма Питерса, что их компании 1785 года был корабль в наших границах по берегу северо-восточной Америки в широте 50°, торговались с дозволения ли Российской державы или нет, мне неизвестно, и в самое короткое время, по их объявлению, 800 с лишком бобров получили, сверх немалого количества земляных зверей. Не удовольствуясь же сим, в 1786 году туда еще пять кораблей отправили, из чего предусматривается, что Российскаго престола подданным принадлежащая великия выгоды присвоить стараются других наций народы, не имея ни смежности в земле, и ни малейшаго права на сие море».

Правивший должность Иркутского и Колыванского генерал-губернатора генерал-поручик Иван Варфоломеевич Якобий донес блаженной памяти государыне императрице Екатерине II, что непременно нужно оградить принадлежащие нам берега Америки военными судами и не допускать иностранцев подрывать нашу меховую торговлю. Вследствие представления сего повелела мудрая монархия приготовить пять военных судов, кои под начальством капитана бригадирского ранга Муловского должны были отправиться летом 1788 года в путь. Полагают, что война с Швециею остановила сие предприятие.

Прибыточное плавание корабельщика Ханны побудило хозяев отправить его вторично к тем же берегам; но предприятие сие было неудачнее первого: он собрал только 100 бобровых шкур, кои проданы были за 5 000 пиастров.

Английские купцы, пребывавшие в Бенгале и Бомбае, узнав, сколь прибыльно было предприятие товарищей их, живших в Макао, отправили также три судна к северо-западным берегам Америки.

В январе 1786 года отплыли из Бомбая две шкуны, кои, возвратясь чрез девять месяцев, доставили 600 бобровых шкур. Китайцы купили оныя гуртом за 24 тысячи пиастров.

Шкуна, отправленная из Бенгала, возвратилась также благополучно, и хотя командовавший оною лейтенант Мирс (Meares) собрал только 357 бобровых шкур, но продал оныя по весьма выгодным ценам: первый разбор по 90, второй — по 70, а третий — по 50 пиастров за шкуру. Хвосты бобровые проданы были кругом по два пиастра за хвост. *Замечательно*, что Мирс собрал отличные бобровые шкуры сии в Чугатской губе, где уже тогда были три русские селения.

Можно сказать, что не токмо Азия, но и Европа обратила вдруг взоры свои на мягкую рухлядь северо-западных берегов Америки. В 1785, 86 и 87 годах отправились туда корабли из Фландрии, Франции, Англии и Калифорнии. В кратких словах упомяну я, сколько бобровых шкур привезено было каждым кораблем в Кантон.

В 1787 году прибыл туда несчастный Лаперуз: на кораблях его находилось 600 бобров весьма низкой доброты, кои проданы были за 10 000 пиастров.

В том же году продал капитан Берклей, вышедший в 1785 году из Остенда, 800 бобровых шкур за 30 000 пиастров.

В том же году привезено было 1 000 бобровых шкур из Калифорнии, кои проданы за 32 000 пиастров.

Значительное стечение сие бобровых шкур в Кантоне было причиною, что капитаны Портлок и Диксон, прибывшие туда в следующем 1788 году, продали с великим затруднением бобров своих с небольшим по 20 пиастров за шкуру. Итак, считая те 20 бобровых шкур, кои капитан Кинг продал в 1779 году за 800 пиастров, выходит, что по 1 января 1788 года продано было в Кантоне 6 643 бобровых шкуры без малого за 200 000 пиастров. Поелику корабельщики, приходя в Кантон, не имели права продавать товаров своих сами, а должны были делать сие чрез агентов английской Ост-Индской компании, то они вскоре и отстали от сей промышленности. Купцы других держав имели пред ними еще и то преимущество, что ежели бы они и продали мягкую рухлядь свою по невыгодным ценам, за то получали 100 процентов барыша от китайских товаров, коих английские подданные на основании привилегий, дарованных Ост-Индской компании, покупать не смеют.

Впрочем, английские купцы делали иногда подрыв Ост-Индской компании: они посылали в Кантон — куда все европейские суда свободно приходить могут — корабли свои под флагами чужих держав, как-то: австрийскими, гамбургскими, бременскими, рагузскими и прочими. Вышеупомянутый капитан Берклей, вышедший из Остенда под австрийским флагом, был также природный англичанин.

Место англичан заступили при северо-западных берегах Америки граждане Соединенных Американских Штатов. Они обратились к промыслу сему с гораздо большим искусством, нежели предшественники их. Зная, что природные жители берегов сих, по невоздержанности своей, проводят зимние

месяцы в голоде, грузили они корабли свои пшеном, сухарями, мукою и па-токой. Обходя в летние месяцы весь архипелаг, узнавали они, у которого на-рода менее запасов и приходя туда на зиму скупали у них в сие время по весьма выгодным ценам всю мягкую рухлядь.

Купцы города Бостона, имевшие самое большое участие в сем промыс-ле, тешили все прихоти диких обитателей северо-западного берега Америки и, сим средством приобретая от них всю мягкую рухлядь, побуждали их зани-маться единственно звериным промыслом. До прихода иностранцев к бере-гам сим били природные жители только тогда бобров и прочих зверей, когда имели надобность в одежде. Теперь же устремились они с такою жадностию к промыслу сему, что в тех местах, где в 1790 году могли едва собрать сто бобров, покупали уже чрез десять лет тысячу.

Сперва привозили бостонцы к берегам сим фризы, байки, одеяла и капо-ты, потом начали продавать ножи, бритвы, сабли и прочее.

В 1805 году, когда корабли *Надежда* и *Нева* прибыли в Кантон, то надеяли-ся прикащики Российско-Американской компании продать бобров сих, кои были отличной доброты, по крайней мере по 30 пиастров за шкуру; но вместо того получили за каждую только 17, то есть потеряли без малого сто процентов.

В помянутом 1805 году привезено было в Кантон бостонскими корабель-щиками 14 000 бобровых шкур, которые и были виною сего значительного понижения цен. За год пред сим, то есть в 1804 году, купили китайцы 8 200 боб-ровых шкур кругом по 24 пиастра. Сверх сего находилось на корабле *Неве* 130 тысяч шкур морских котов, которых надеялись продать по одному пиаст-ру; но поелику на двух американских кораблях привезено было 90 тысяч шкур сих, то и продались наши только по 75 пиастров за сотню шкур.

В нынешнем 1823 году издал в Париже путешествие свое вокруг света лейтенант французского флота Рокефейль (Roquefeuille). Он также приходил к берегам нашим для покупки мягкой рухляди; но собрал только незначи-тельное количество, не зирая на пособия, оказанные ему капитаном Гаге-мейстером. В 1818 году был лейтенант Рокефейль в Кантоне и продал все бобровые шкуры кругом по 30 пиастров за каждую. В сем числе, говорит он, были большею частию бобры калифорнийские, но за северных бобров (то есть кадьякских и алеутских) платили китайцы охотно по 54 пиастра за шкуру.

Французский офицер сей, обозревая меховую торговлю, в Кантоне производимую, говорит: «В Китай привезено было на разных судах шкур мор-ских бобров: с 1804 по 1808 год — 59 364, с 1808 по 1813 — 46 962, с 1813 по 1815 — 6 200, с 1815 по 1818 — 12 627, в 1818 году — 4 800. Итого 130 425. Всего ценою, полагая каждую бобровую шкуру кругом по 31 пиастру, на 4 043 485 пиастров. В последующие два года, — продолжает он, — вывезе-но в Кантон еще меньше бобровых шкур; но цена была там кругом за каж-дую шкуру по 30 пиастров».

Примечание к ведомостям о вывезенной мягкой рухляди

...Обозрев ведомости мехам, вывезенным разными компаниями от 1743 по 1823 год, выходит, что в течение 80 лет, включая казенный ясак, вывезено следующее количество мягкой рухляди:

- котов морских — 2 324 364;
- бобров морских — 200 893;
- хвостов бобровых — 143 689;
- голубых песцов — 108 865;
- лисиц красных — 57 638;
- речных бобров — 58 729;
- лисиц сиводушек — 44 904;
- лисиц чернобурых — 30 158;
- выдр — 22 807;
- соболей — 18 121;
- норок — 5 349;
- белых песцов — 5 130;
- зубу моржового — 2 761 пуд.;
- медведей — 2 650;
- усов китовых — 2 988 пудов;
- рысей — 1 819;
- росомах — 1 234.

По ведомости частных компаний выходит, что грузы разных судов их оценены почти в 7 миллионов рублей; но к сему счету надобно еще прибавить 2 миллиона рублей; ибо грузы 7 судов не означены, да можно принять безошибочно, что о десяти судах нет вовсе никаких сведений. Мягкая рухлядь шелеховской компании оценена в полтора миллиона. Грузы кораблей Российско-Американской компании стоят 35 миллионов с половиною. Итак, в течение 20 лет вывезено российскими промышленниками с островов Алеутских и северо-западных берегов Америки мягкой рухляди на 46 миллионов рублей. Из всего количества мехов сих променено более половины китайцам в Кяхте, и казна получила от сего торговых пошлин более десяти миллионов рублей. Сверх сего получила казна — кроме ясака... — значительные выгоды. С каждого груза частных компаний выделяли одну десятую часть в казну, а посему и можно принять безошибочно, что одних только морских бобров поступило в ону от 1745 до 1799 года более 12 000 шкур.

*Василий Берх.
1825. Сентябрь.*

Карта Охотского моря, Камчатки и Алеутских островов, составленная В. Н. Бергом

ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

В. И. БОРИСОВ

ИЗ ИСТОРИИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ДОЛИНЫ РЕКИ КАМЧАТКИ

Настоящая работа является первой попыткой систематизировать сведения по истории населенных пунктов долины реки Камчатки. Она написана на основании материалов Государственного архива и Центра документации новейшей истории Камчатской области, Мильковского районного архива, сведений, опубликованных в областных газетах «Известия Камчатского народно-революционного комитета», «Полярная звезда», «Камчатская правда», районных газетах «Штурм», «Большевикский путь», «Ленинский путь», «Камчатский колхозник», «Знамя труда», воспоминаний старожилов.

Атласово, поселок, расположен на левом берегу реки Камчатки, ближайšie села — Лазо и Крапивная. С Эссо, Мильково и Лазо Атласово связано автобусным сообщением. Расстояние до районного центра Мильково по автомобильной трассе составляет 134 км.

В 1950—1960 гг. шло интенсивное промышленное освоение лесов долины реки Камчатки. За это время лесопромышленники основали десятки поселков, в том числе «13-й квартал», «14-й квартал», Линейный, Центральный и многие другие. После вырубki делового леса поселки оставались, а люди уходили на новые места. Попутно реорганизовывались леспромхозы. На базе Лазовского и Щапинского был создан Камчатский леспромхоз с центром во вновь построенном поселке Атласово.

Этот населенный пункт получил название в честь покорителя полуострова Владимира Владимировича Атласова, казачьего атамана, совершившего в 1697—1699 гг. поход из Анадырского острога в долину реки Камчатки.

Известный историк Б. П. Полевой, много времени посвятивший изучению личности В. В. Атласова, установил, что он родился в Якутске, видимо, между 1661 и 1664 гг. (точная дата не известна). В. В. Атласов в 1711 г. был убит в Нижнекамчатском остроге восставшими казаками. Еще сегодня в Ключах можно услышать легенду о расположении его могилы.

27 января 1960 г. состоялось общее собрание строителей нового селения. Как сообщал камчатский краевед В. П. Кусков, на нем поселок был «по предложению одного из первых жителей М. Е. Санина назван по фамилии пятидесятника В. В. Атласова». Старожилы рассказывали эту историю несколько

подробнее. «Вечером собрали собрание, где в повестку дня поставили вопрос и о наименовании. Тогда все вопросы готовились заранее, хотя иногда и возникали досадные недоразумения. Решили, что с предложением о названии выступит старый камчадал. Ему написали заранее текст. Но бумажку он где-то потерял. И вот наступил ответственный момент. С места прозвучало: “Однако, предлагаю наш поселок назвать в честь первого проходимца Камчатки Атласова”. Так и сделали». 28 марта 1960 г. Камчатский облисполком зарегистрировал это название.

После истощения лесов правобережья реки Камчатки, к 1970-м гг. центр их заготовки переместился в район Атласово. Здесь построили перерабатывающую базу Камчатского леспромхоза, снабжавшую материалами быстро строившийся Петропавловск.

1 июля 1965 г. образовался Атласовский лесхоз, где работали около ста человек. Здесь десятилетиями трудились ветераны камчатской лесной промышленности Л. В. Темченко, В. И. Косов, В. Я. Шестеркина, Г. К. Савосин из Атласовского, М. Н. Трекин из Шапинского, В. С. Дерендяев из Лазовского и А. И. Путилин из Таежного лесничеств.

Решением облисполкома 26 июля 1974 г. был образован поселковый совет, поселок Атласово выделился из состава Лазовского сельсовета. По данным Всесоюзной переписи населения, в январе 1979 г. в Атласово жили 1 283 чел.

20 марта 1991 г. Мильковский райсовет принял решение преобразовать поселок Атласово «в сельский пункт село Атласово». Сегодня здесь обработкой леса занимаются две компании: акционерные общества «Атласово» и «Атласовские лесопромышленники».

Береговое, село. Центр заготовок Камчатского леспромхоза в разные годы находился в различных населенных пунктах. В 1950-е гг. действовала дорога, связывавшая поселки лесников Центральный, Шапино, Линейный, Лазо, Макарка. Последним на правом берегу реки Камчатки стояло Береговое, или Береговая база. Чтобы добраться дальше — до делян лесорубов, надо было переправиться на левый берег реки Камчатки.

В. П. Кусков указывал, что село возникло после 1924 г., но в Приполярной переписи 1926 г. оно не упоминается. Видимо, Береговое появилось только в 1930-х гг. После образования Акционерного Камчатского общества (АКО), на него возложили обязанность снабжать рыбозаводы, промысловые базы, селения продуктами, товарами и стройматериалами. Грузы в верховья реки Камчатки доставляли на кунгасах, буксировавшихся катерами. В среднем течении в центре лиственничного леса выбрали место, где построили склады для товаров. В официальных документах его стали называть «Поселок “Склады АКО”».

В областном архиве хранится историческая справка о селе Среднекамчатская база. «С 1906 г. был построен большой склад. Инициатором строитель-

ства был русский купец Прозоров от “Торгово-промышленного общества” на Камчатке. Место было указано местными жителями с. Толбачики, как хорошее, берег не затопляет. Раньше это место называлось по-камчадалски “Орелотоек”, то есть “Торелое место”.

Название “База” возникло при советской власти, когда уже построили несколько складов и стали заселять базу рабочие, работающие на этих складах. Это была перевалочная база, так как сюда в основном привозили груза летом на катерах. А с базы до Мильково летом груза возили верхом на лошадях, а главное — зимой на собаках. Центром интеграла было тогда с. Мильково.

С 1906 г. первый пароходик — речной катер (паровой) был “Камчатка”. Он до базы приводил по 7 кунгасов груза. До Шапино — по 5 кунгасов, поэтому за перевалочной базой и закрепилось название “Среднекамчатская база”, ибо она от села Среднекамчатска на расстоянии 4 км выше по реке Камчатке.

На 1 января 1962 г. на базе насчитывается 59 хозяйств, всего жителей 266 чел., из них избирателей 135 чел. База на сегодня является как перевалочная база Лазовского рыбокооп Среднекамчатского сельсовета, ибо основные груза завозятся на эту базу. Новое название “Береговое” соответствует, так как данное село расположено на правом берегу реки Камчатка. По просьбе жителей села исполком Среднекамчатского сельского Совета просит облисполком утвердить настоящее решение». Справку подписали председатель сельсовета Ф. Еланцев и секретарь И. Слободчиков.

В 1938 г. здесь жили всего 15, а в 1939 г. — уже 47 чел.

После ликвидации в 1945 г. АКО функции по снабжению поселков возложили на кооперативные организации — рыбокоопы. Теперь село именовали «База рыбокоопы». Последнее его название — «Береговое», хотя местные старожилы до сих пор зовут это место «База».

Селение было небольшим, около десятка домов. Летом жители работали на разгрузке пришедших из Усть-Камчатска барж и плашкоутов с товарами, формировали грузы для расположенных выше селений. Зимой они охотились, держали коров и лошадей, в свободное время разводили огороды.

И. Гурвич в начале 1960-х гг. указывал на наличие здесь 59 дворов, в том числе только девяти, принадлежавших старожилам, уроженцам Камчатки. Сейчас селение не существует: его смыла река Камчатка.

Березовый Яр. От устья реки Камчатки вверх по течению тянется тундра, поросшая низким кустарником. Только в 19 км от океана появляются первые березы. Здесь в 1911 г. в урочище Березовый Яр переселенцы и основали селение с одноименным названием. Официальных документов о дате его образования пока обнаружить не удалось. Косвенным подтверждением существования такого населенного пункта можно считать протокол общего собрания граждан Нижнекамчатской волости, проходившего 6 и 7 марта 1918 г. На собрании среди других вопросов рассматривались заявления жи-

телей села Березовый Яр Межевова и Стародубова о возврате конфискованных у них шкур выдр, охотиться на которых было запрещено.

Селение, окруженное березовым лесом, располагалось на берегу небольшой протоки в нескольких десятках метрах от уреза воды. Расстояние по реке от него до Мильково составляло 548, до Усть-Камчатка — 21 км. Население здесь было немногочисленным: в 1923 г. — 59, в 1933 г. — 43 чел. Как и все камчатские жители, селяне рыбачили и сдавали улов на ближайшие рыбозаводы, заготавливали лосося себе на зиму, возделывали огороды, охотились на пушного зверя.

В апреле 1923 г. местное население помогло попавшим в беду японцем, работавшим на рыбных промыслах. Это произошло после того, как на восточное побережье Камчатки обрушилось цунами. Стихия унесла жизни 23 чел. В это время здесь находились японские заводы фирм Ничиро и Цуцуми. Чудом спаслись двое японцев, которые восемь суток без пищи и сна брели в сторону горного хребта по залитой водой тундре. Случайно они наткнулись на Березовый Яр, где нашли приют.

По данным райревкома, в 1923 г. среди жителей имелись пять духоборов, два старовера, 26 православных и 15 молокан. По национальному составу селение тоже было пестрым: здесь жили русские, татары, корейцы и китайцы.

В 1925 г. в селении имелось всего три рабочих лошади, шесть быков и 19 коров. В следующем году здесь появилась рыболовецкая артель «Начало» из пяти человек, позже сформировался колхоз. Впоследствии сюда переселились демобилизованные воины. В апреле 1939 г. Усть-Камчатский райисполком решил «удовлетворить ходатайство колхозников и колхозниц с. Березовый Яр, присвоить березовояровскому красноармейскому колхозу имя товарища Ворошилова К. Е. (тогдашнего наркома обороны. — *В. Б.*)».

Ворошиловцы не спешили обобществлять свой скот. Если колхоз имел всего лишь одну корову, то на подворьях колхозников их содержалось 17. Свиное хозяйство вообще не имело, зато у населения их было восемь.

В 1942 г. колхозники выловили 8 019,2 ц рыбы. В этом году в хозяйство приняли 19 и исключили четверых человек, за один трудодень (единица измерения трудового вклада. — *В. Б.*) колхозники получили по 6 руб. 86 коп., а также 2,31 ц картофеля, 0,85 ц овощей и 8,26 ц сена. Во время войны колхозники неоднократно вносили посильный вклад в фонд Главного командования. Так, в 1943 г. они перечислили туда 3 000 пудов рыбы и 300 пудов картофеля.

В 1942 г. в колхозе действовали клуб, Красный уголок, две передвижные библиотеки, проведшие 17 политинформаций и читок газет, восемь докладов на международные темы, три технических сообщения, девять оборонных занятий. В библиотеках числились 50 читателей, которым выдали 60 книг. Вышли восемь стенгазет, работали четыре кружка, «охватившие» 30 чел. Прошли шесть вечеров для взрослых и четыре «мероприятия» с детьми.

Колхозники с честью справлялись с производственными заданиями. В 1951 г. при плане вылова в 6 000 ц они добыли 6 487 ц рыбы. Ворошиловцы имели ставной невод в Камчатском заливе, 30 жаберных сетей и один тресколовный катер. В 1950-х гг. колхоз возглавлял председатель Авдеенко.

Хозяйство было одним из самых успешных в области. На один трудодень в 1949 г. колхозники получили по 20 руб., в 1950 г. — 7 руб. 50 коп., тогда как обычный показатель по Камчатке составлял 3—5 руб. Впоследствии колхоз стал называться «Имени 40-летия Октября». В 1960 г. здесь было 50 дворов.

После образования усть-камчатского колхоза «Путь Ленина», созданного объединением мелких рыболовецких хозяйств, разбросанных в устьевой части реки Камчатки, село Березовый Яр закрылось. После переселения отсюда жителей, на противоположном берегу еще несколько лет действовала колхозная рыбалка, называвшаяся «Березовый Яр». Затем из-за низких уловов ее закрыли.

С началом кооперативного движения здесь обосновался один из усть-камчатских фермеров. Его опыты поначалу удавались: росла капуста, давала молоко корова. Но вскоре все закончилось. Сейчас на месте Березового Яра у подножия хребта Кумроч осталось лишь несколько разрушенных домов.

Варлатанка. Далеко не все краеведы знают о существовании такого поселения. Его название, видимо, происходит от ительменского слова *Уэриатын*. Так именовали острожек местных жителей, располагавшийся на реке того же имени, притоке реки Камчатки, недалеко от первого русского острога — Верхнекамчатска.

В 1799 г. по распоряжению императора Павла I на Камчатку был послан батальон под командованием полковника Сомова. Снабжение батальона, в котором было 557 чел., представляло большие трудности, так как провиант везли из Петербурга или Якутска. Из-за нерегулярной поставки жалование солдатам выдавалось не в полном объеме. Попытка Сомова «водворить хлебопашество» успехом не увенчалась. Историк А. С. Сгибнев пишет: «Все три года (1802—1804. — В. Б.) прошли в передвижении солдат и перевозке провианта из гаваней в места поселений. Солдаты... построили несколько изб, а о хлебопашестве вовсе не заботились, потому что получали из казны провиант... Чтобы избежать голода, всех поселенцев снова переселили в Петропавловскую гавань и Нижнекамчатск».

Даже разработанные земли не могли быть засеяны из-за отсутствия семян. Доставляемые на Камчатку семена приходили в негодность, и их перемальвали на муку. Правительство отказалось от государственной программы развития хлебопашества на полуострове.

Следующий опыт по выращиванию зерновых можно отнести к 1830 г., когда по инициативе начальника Камчатки А. В. Голенищева в Петропавловске была создана «Камчатская акционерная земледельческая компа-

ния». Ее первым шагом стали опытные посевы ячменя, овса, ржи, проса, табака в Петропавловске, Тигильской крепости, по реке Камчатке в Машуре и на реке Шигачик (Сигачик). Именно здесь, неподалеку от реки Шигачик, и стояло небольшое сельскохозяйственное селение, называвшееся Варлатанкой.

Пшеница, завезенная из России, не приспособленная к камчатскому климату, давала плохие урожаи. В 1831 г. «все позябло от инеев», в 1832 г. «инеи... весь хлебный посев погубили». Летние месяцы 1831 и 1832 гг. были настолько холодными, что «даже некоторые дикорастущие здесь травы не созревали и не приносили плодов». В последующие годы результаты были такими же. В 1837 г. компания прекратила посевы, затратив на опыты 7 700 руб. Жители оставили Варлатанку.

К. Дитмар, чиновник при камчатском губернаторе в 1850-х гг., писал, что Варлатовка — селение, которое выстроил командир батальона полковник Сомов «для одной части команды». И далее: «Варлатовка... превратилась в грудку развалин».

Сейчас не осталось даже следов каких-либо строений на месте Варлатанки. Сохранились лишь три поросшие травой ямы от раскопок, некогда проводившихся здесь археологами, да весной и осенью, когда нет растительности, можно увидеть остатки старого тракта, соединявшего Мильково с Верхнекамчатском.

Верхнекамчатск. Верхнекамчатский острог — первое русское селение на Камчатке, основано казачьим пятидесятником В. В. Атласовым. Перевалив через Срединный хребет, его отряд по реке Кчанутчш (Белая) попал в долину реки Камчатки, поднявшись по реке вверх, достиг левого притока Каликыг, получившей от русских название Андриановка. Здесь казаки срубили первое зимовье Верхнекамчатское — по расположению в верховьях реки Камчатки. Это произошло в 1697 или 1698 гг.

Вернувшись в Москву, В. В. Атласов рассказал, что с реки Ичи он «отпустил на Камчатку реку к верхним острожкам для ясачного сбора казака Потапа Серюкова — всего 15 человек и 13 юкагирей; и он Потапко поставил на той Камчатке у острожков зимовье». Оставшиеся здесь казаки под руководством Потапа Серюкова три года успешно вели меновую торговлю с камчадалами. Заканчивались боеприпасы, продукты, торговать было нечем. Смена не шла, и казаки решили идти в Анадырский острог. Территорию камчадалов миновали благополучно, но «немирные» коряки побили весь отряд.

В 1700 г. на Камчатку прибыл приказчик Тимофей Кобелев, который перенес Верхнекамчатский острог на другое место. А. С. Сгибнев сообщает: «Вновь назначенному на Камчатку (в 1720 г. — В. Б.) сыну боярскому С. Бобровскому была дана инструкция, в которой, в частности, говорилось: “Ясак в Верхнекамчатске прикащику принимать при служилых. В Верхнем

питья... игры картежной не держать... Изб и бань во все лето не топить, чтобы не сделать пожару в Верхнекамчатске, а пищу готовить во дворе».

«1722 г. октября 14-го Бобровский сдал Лосеву Верхнекамчатский острог, бревенчатый, на иглах. В остроге: ясачная изба и амбар; да анбар над воротами, в котором летом содержали аманатов; казенка с аманатами, да колодники... В остроге медная пушка; казаков 41; промышленных 2».

Участник Первой Камчатской экспедиции мичман П. Чаплин застал в остроге 17 дворов.

С. П. Крашенинников так описывает острог: «Крепость в нем четверугольная с палисадником во все стороны по 17 сажен. За крепостью часовня во имя Николая Чудотворца, Государев дом с принадлежащим строением, кабак с винокурнею, обывательских домов 22, а служивых и казачьих детей 56 человек».

Архимандрит И. Хотунцевский в 1745 г. направил в острог для обучения отроков Петра Грязнова. В декабре 1746 г. Хотунцевский освятил здесь первый Богоявленский храм. Но половодье в 1754 г. смыло его, да так быстро, что «едва успели вынести церковные вещи». Следующая церковь в Верхнекамчатске была построена к 1760 г. и освящена архимандритом Пахомием. Она стала последней церковью в остроге.

«При ней парохия вниз по Камчатке реке на 292 версты, а вверх по Камчатке ж реке на 160 верст, всего в две стороны 562 версты, при ней приходских обывателей в восьми камчадалских острожках 1 376 человек обоего пола людей», — сообщал в Иркутскую духовную консисторию протопоп Стефан Никифоров.

По решению Синода Богоявленскую церковь перенесли в Мильково, на что выделили 1 250 руб. При церкви было три колокола, на одном из них имелась надпись: «1761 года лит сей колокол к вновь построенной в Верхнекамчатском остроге церкви Богоявления Господня общаго радения прикащика и казаков Василия Иванова Яцкова. Весу в нем 14 пуд».

Через тридцать лет после пребывания здесь С. П. Крашенинникова описание Верхнекамчатского острога сделал капитан Тимофей Шмалев: «В нем деревянная крепость, где приказная изба, казенные амбары: за оною деревянного строения церковь Богоявления Господня, священнической и обывательские воинских чинов дома. Воинской команды двадцать три, в том числе командир и судья приказной избы сотник».

Французский путешественник Ж. Лессепс в 1788 г. так описывал первый русский острог: «В нем было более ста домов, положение оно довольно выгодное и веселое. Стоит близ реки и близ лесов и полей, в которых земля очень хороша, и жители начинают ее употреблять в свою пользу. Церковь деревянная, не противной архитектуры».

Верхнекамчатск располагался на стрелке рек Андриановки и Камчатки, которые его часто подмывали, поэтому строения переносили на другие места.

Мореплаватель В. Головнин, посетивший Верхнекамчатск в начале XIX в., оставил такие впечатления: «В нем есть одна небольшая деревянная церковь, казенные амбары, домик для начальника, около десятка домишек. Церковный причт, несколько мещан и отставных унтер-офицеров, солдат и казаков с их семействами — составляют непременных жителей сего местечка, а временные состоят из небольшого отряда камчатского гарнизонного батальона».

Священник Гедеон, также побывавший здесь в начале XIX в., отмечал: «В Верхнекамчатском остроге церковь Богоявления Господня, деревянная, заложена 1747 года, освящена 1748-го. По причине ее ветхости службы Божии в ней не отправляются с августа 1805 года. Образа и книги ветхи, 12 риз, 4 подризника, 3 епитрахили, 14 пар поручней, 27 пелен, 13 воздухов, 7 пар покровцов, 2 завесы и церковной казны 702 рубля».

По седьмой переписи, проведенной начальником Камчатки П. И. Рикордом, в остроге проживало русских 30 мужчин и 35 женщин.

К середине XIX в. Верхнекамчатск мог стать главным городом полуострова. В конце декабря 1827 г. Сибирский комитет рассмотрел предложения об управлении Камчаткой. Начальник Камчатки А. В. Голенищев предлагал перевести резиденцию старшего местного администратора в Верхнекамчатск и переместить туда все заведения гражданского ведомства: канцелярию, казначейство, ремесленную школу, духовное училище и возвести нужные для этого здания. А. В. Голенищев отмечал, что здесь «место, изобилующее лесом, хлебородною землею, сенокосами и рыбною ловлею, там каждый хозяин дома имел бы возможность без больших трудов и издержек устроить свою экономию, обзавестись скотом и даже заняться земледелием. Все иногородные торговцы, переписывающиеся в камчатское купеческое сословие и проживающие в Петропавловском порте, изъявляют желание на переселение во внутренность Камчатки».

Комитет решил: «Начальнику Камчатки, по прибытии на место, войти предварительно по сему предмету в ближайшее соображение, составить подробные планы и сметы и представить все сие местному Главному Управлению». Но дальше дело не двинулось.

В 1850-х гг. К. Дитмар отмечал: «Сперва Верхнекамчатск играл роль укрепления, потом он был переименован в город и служил резиденцией для сборщика ясака. Теперь это только подобие камчадальского острога, и в нем не осталось и следа прежнего блеска. Десять домов с пристройками и огородами, часовня и кузница беспорядочно разбросаны по левому берегу Андриановки. Жители (21 душа мужского и 32 души женского пола), имеющие 34 головы рогатого скота и 10 лошадей». Но уже в конце XIX в. здесь остава-

лись лишь несколько семей — Зиминых, Верещагиных, Машихиных, Нечаевых, Пермьяковых.

В 1893 г. в селении жили 37 мужчин и 41 женщина, у них было 45 голов рогатого скота и 10 лошадей. Селяне собрали 330 пудов картофеля и 500 пудов репы. Впечатление о селении конца XIX в. оставил нам исследователь полуострова доктор Н. В. Слюнин: «В настоящее время здесь десяток бедных и грязных избышек, за исключением большого и старого дома старосты, оклеенного обоями и украшенного цветными картинами. Население острожка не превышает 73 душ обоего пола; на каждый дом приходится по одной лошади и по четыре коровы».

Писатель и исследователь Дальнего Востока В. К. Арсеньев в 1918 г. разыскал место, где стоял Верхнекамчатский острог, поставил здесь столб с надписью, а на месте церкви — крест.

В 1925 г. Верхнекамчатск образовывали 22 хозяйства, здесь жили 123 чел.: 32 мальчика, 34 мужчины, 31 девочка и 26 женщин. Из них 11 русских, остальные камчадалы. Они имели 38 лошадей, 33 коровы и быка.

По данным Приполярной переписи 1926 г., в Верхнекамчатске находилось 20 хозяйств, население составляло 114 чел., в том числе 66 мужчин и 48 женщин. Сельскохозяйственные посеы занимали площадь 1 822 кв. м, с которых собрали 836 пудов картофеля и 89 пудов других овощей. Сена селяне заготовили 9 185 пудов.

Весной 1930 г. по инициативе комсомольца-камчадала Георгия Ятускина образовался колхоз «Коммунар». В него объединились 14 бедняцких и середняцких дворов, что составило 70 % всех хозяйств селения. «Внутреннее оформление колхоза проходило следующим порядком: обобществлялись собаки, лошади, а сбруя, упряжь нарты и т. д. оставались не обобществленными».

В 1938 г. в Верхнекамчатске жили 134 чел. Колхозники работали в сложных условиях, много сил отдавая росту сельскохозяйственного производства. Об этом свидетельствует документ, принятый на общем собрании 3 августа 1952 г. «Распорядок дня колхозников: 1. Подъем в 6 часов утра. 2. Выход на работу в 7 часов утра. 3. Обеденный перерыв с 12 до 1 часу дня. 4. Конец работы в 8 часов вечера. 5. Многодетным матерям конец работы в 7 часов вечера».

На другом собрании, 25 апреля 1952 г., были определены цены на некоторые услуги, предоставляемые колхозом: «...2) Установить оплату за пользование трактором; для колхозников косодень 5 руб.; нарту собак — 20 руб. 3) Установить оплату за пользование жилплощадью колхоза с квадратного метра 30 копеек, частным лицам — 1 руб. 32 копейки... 5) За пользование батом для колхозников 3 руб. в день, для частных лиц и организаций — 10 руб. 6) Утвердить цену на сено на сторону за 1 кг сена — 75 коп.».

В Верхнекамчатске работала начальная четырехклассная школа. Число учившихся детей было невелико: в 1940 г. всего 40 чел. Ребята изучали рус-

ский язык (устный и письменный), арифметику, естествознание, географию, историю, чистописание, рисование, физкультуру, пение. Выставлялась и оценка за поведение. В 1944—1945 учебном году в школе обучались 28 чел., причём восемь из них не успевали.

13 июля 1956 г. облисполком решил упразднить Верхнекамчатский сельсовет, объединив его с Мильковским. Колхоз «Коммунар» в 1957 г. вошел в мильковский колхоз имени И. В. Сталина, получивший новое название «Мильковский».

После закрытия Верхнекамчатска большинство его жителей переехало в Мильково, а часть — в Шаромы. Верхнекамчатск исключили из списков населенных пунктов Камчатской области 13 декабря 1974 г. До его 300-летнего юбилея оставалось двадцать с небольшим лет. Сегодня на территории бывшего острога находится дачный поселок жителей села Мильково.

Долиновка, селение. Возникло в 1927 г. Свидетельством этому могут служить два документа. Первый — Приполярная перепись 1926 г., в которой селение не упоминается, и отчет агронома И. Ф. Голованова, по которому в 1928 г. в Долиновке уже было семь дворов и огороды площадью 821,5 кв. м.

Долиновка находится на левом берегу реки Камчатки, в ее среднем течении. В нескольких километрах от него расположена Новая Долиновка. Дорога связывает Долиновку с населенными пунктами, лежащими по берегам реки Камчатки, и Петропавловском.

Одними из первых на новое место, расположенное в 8 км по реке выше старинного камчадальского селения Машуры, переселились Максим Красильников и его племянник Иннокентий Красильников. Так было положено начало Долиновке. Старожил И. И. Звоник считает, что ее название произошло от небольшой речки Дальней, протекающей через село.

26 августа 1928 г. здесь прошел один из первых киносеансов. Областная газета «Полярная звезда» так описывала это событие: «12-го числа кино ставили в с. Долиновка, картина была интересная. На кино собралось почти все село. Одна старуха видела кино первый раз и потом рассказывала: “Когда я, — говорит, — увидела, что едут на конях, я думала, они на меня наедут, я так вздрогнула и сказала: “Ой, ой! Господи, какие они бойкие!”»

Эта же газета 20 сентября 1928 г. поместила следующее сообщение: «Село Долиновка — новое поселение, и насчитывает оно всего 12 человек-общественников. В одиночку хозяйство вести трудно, и новые поселенцы 20-го июня с. г. собрали собрание и решили каждую работу вести коллективно. Руководителем нашего коллектива наметили т. Красильникова И. Э. — председателя Машуровского сельсовета».

В 1931 г. несколько семей местных жителей образовали колхоз «14 лет Октября». Коллективизация шла довольно быстро: если в 1932 г. в колхозе было

14 хозяйств и шесть единоличников, то уже в 1939 г. из 28 хозяйств единоличными остались только три.

«Колхозник Краснояр А. Ф. выработал в прошлом году (1938. — В. Б.) 295 трудодней, члены его семьи — около 100 трудодней. Доход в этой семье в денежном выражении составил 2 346 рублей. Другой член артели Ушаков С. Д. имел 278,2 трудодня, а вместе с семьей — 597, заработали 3 670 рублей. Хорошо работали колхозники Мерлин Е. К., братья Самсон и Тихон Красильниковы, колхозница Бобрякова В. В.».

В 1936 г. посев озимой ржи составлял 7,15 га, урожай — 115,6 ц, в 1937 г. засеяно ржи 8,4 га, собран урожай 220,78 ц. Общий доход колхоза в 1937 г. составил 58 300 руб., в 1938 г. — уже 94 279 руб. В 1936 г. за один трудодень колхозники получили по 4 руб. 48 коп., в 1938 г. — по 6 руб. 14 коп.

В 1938 г. в Долиновке жили 173 чел.

В 1939 г. колхозники с 8,4 га собрали по 26,3 ц с гектара ржи сорта «Вятка», а с 6 га — по 17,6 ц яровой пшеницы. В 1940 г. сельяне добились одного из самых высоких показателей по области: на один трудодень они заработали по 10 руб. Председателем колхоза в этом году избрали местного жителя М. Г. Мерлина. Постепенно хозяйство расширялось, здесь было построено овощехранилище, рыбохранилище, юкольник.

В свободное время жители села собирались в избе-читальне, где с ними «проводилась разъяснительная работа»: читались доклады и лекции о внутренней и внешней политике и «текущих задачах». Газета «Камчатская правда» в феврале 1940 г. писала: «В последние дни в избе-читальне с. Долиновка Мильковского района проведено несколько докладов и бесед на международные темы, проводятся громкие читки художественной литературы. При избе-читальне организованы кружки художественной самодеятельности, обoronные кружки».

В 1944—1945 учебном году в местной школе работали шесть классов, в которых учились 78 чел., 15 из них не могли усвоить предлагаемую программу.

В 1962 г., по данным И. Гурвича, в Долиновке насчитывались 119 хозяйств, 448 жителей, в том числе 230 женщин и 218 мужчин. Камчадалских хозяйств в селе было 33, в них состояли 183 чел. По происхождению эти хозяйства распределялись следующим образом: 18 из Машуры, по два из Кирганика, Ключей и Мильково, четыре из Щапино, одно из Толбачика, две старожильческие китайские семьи. Остальные переселенцы приехали из материковой России.

В 1967 г. в Долиновке впервые заложены 500 парников и теплицы общей площадью 1 200 кв. м. Хороших показателей в ведении тепличного хозяйства добились Варвара Подкорытова и Нина Красильникова. Вот что писала об успехах сельян областная газета «Камчатская правда» 27 июля 1967 г.: «В долиновском отделении Мильковского совхоза началась заготовка кормов. Скошено уже 60 гектаров сена и убрано 20 гектаров. Заготовлено сена 35 тонн.

Косилкой, на которой работают комсомольцы Валерий и Михаил Красильниковы, скошено 55 га. На стоговании образцы в труде показывают рабочие совхоза Николай Клочев, Тихон и Владлен Красильниковы, Иван Кучеров, Матрена Чупина и другие».

По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., в селе жили 474 чел.

Сегодня, после ликвидации отделения совхоза, основным занятием жителей остается сельское хозяйство и, к сожалению, — браконьерство.

Еловка — самое северное селение долины реки Камчатки, названное так по расположению на одноименной реке в 80 км от ее устья. От устья реки Еловки до устья реки Камчатки 145 км.

Длина реки Еловки более 160 км, она берет свое начало на севере в Среднем хребте, принимает в себя несколько крупных притоков — Двухюрточную, Кунхилок, Шишей и другие. По реке Еловке веками существовал путь из долины реки Камчатки и ближних мест восточного берега до Тигиля. На этом пути наиболее опасным участком было плоскогорье. Случалось, что путешественники пурговали здесь по семь, а то и по девять дней.

Река Еловка на ительменском языке звучит как *Кооч*. Здесь, в лиственничных лесах, в местах нереста нерки, обитало воинственное племя черных ительменов — кооч-ай. Еловские жители, невеликие ростом, были горды, сильны и беспощадны к врагам. От остальных своих сородичей они отличались смуглостью тела. Зная по рассказам о воинственности еловских ительменов, В. В. Атласов предпочел обойти эти места и по труднопроходимой реке Кчанутчш вышел в самый центр обитания аборигенов. После трех десятилетий их жестокой эксплуатации именно здесь, на Еловке, зародился мятеж против произвола сборщиков ясака. В этом восстании погибли десятки русских и сотни ительменов.

Для привития местным жителям русской культуры, в 1750-х гг. духовная миссия открыла в острожке школу, обучавшую детей грамоте.

В середине XIX в. Еловка была средним, по камчатским меркам, селением. Здесь имелись 10 домов, в то время как, например, в Щапино и Толбачике — по шесть домов, а в Пуццо — всего три. Жители построили небольшую, простую по архитектуре часовню.

Изменение численности населения характеризуется следующими цифрами: в 1836 г. — 47, в 1851 г. — 64, в 1923 г. — 36, в 1928 г. — 44, в 1936 г. — 39 чел.

Крупный рогатый скот в селах с преимущественно камчадалским населением появился еще в начале XIX в. В 1836 г. в селе было 19 коров, в 1851 г. — 21.

Благополучие жителей во многом зависело от охотничьей удачи. Так, в 1894 г. выдался благоприятным для селян, добывших 32 соболя, 12 медведей, 18 лисиц, 12 выдр, 72 диких оленя и одного волка. Они заготовили более 37 тыс. рыбин, выкопали на огородах 148 пудов картофеля и 56 пудов репы.

В 1868 г. от Петропавловска до Еловки считалось 704 версты. Селение имело 10 домов, в которых жили 28 мужчин и 34 женщины.

В 1876 г. среди населявших Еловку 23 мужчин и 24 женщин грамотным был только один человек. Селение имело 59 построек: часовню, девять домов, 18 амбаров, 18 балаганов, 10 стай и три бани. За охотничий сезон сельяне добыли 36 соболей, четыре выдры, по семь оленей и медведей, две россомахи.

В 1891 г. детей школьного возраста насчитывалось всего трое: два мальчика и девочка, причем никто из них не учился. Спустя пять лет детей стало 11, и только двое мальчишек познакомились с основами грамоты.

Еще в начале XX в. ключевские жители отмечали, что «еловцы не забыли вкуса кислых головок», исконной пищи древних ительменов.

Заметной личностью в селе был Прокопий Тарасович Турнаев, ходивший проводником с ученым К. П. Богдановичем и участником экспедиции Ф. Рябушинского А. Н. Державиным. Потомки этого известного камчатского охотника сегодня живут в Эссо, Козыревске и Ключах .

В 1923 г. через Еловку проходил отряд красноармейцев под руководством Зенкова. Вот что они увидели: «Село Еловка расположено у подножия хребта на реке того же названия. Уже издали селение производит приятное впечатление своими хорошими постройками. В селе 20 дворов, жителей 45, общественников, все говорят по-русски. Каждый, кроме нарты ездовых собак, имеет еще лошадь и корову. Население занимается зимой охотой, а летом рыболовством. Охотятся преимущественно на соболей, но здешний соболь по качеству хуже, чем на западном берегу. Пушнину скупают коммерсанты из с. Ключей».

В 1925 г. в селе осталось семь рабочих лошадей и столько же коров.

После установления советской власти значительное внимание было уделено развитию овощеводства. В 1926 г. под овощи были заняты огороды площадью 2 440, а в 1927 г. — уже 6 223 кв. м.

В 1927 г. в Еловке жили 15 мужчин, 10 женщин и 20 детей. Жители выловили 25 444 лосося. Для охоты и нартового транспорта они содержали 119 собак.

В 1930 г. поблизости от села возник лесозаготовительный участок Ключевского лесокомбината. Сюда направили работать 92 чел.

В 1933 г. селе имело всего пять хозяйств и 35 жителей, все они считались бедняками.

В начале 1930-х гг. в Еловке образовался колхоз. По плану в 1935 г. он должен был посадить 1 га картофеля и 0,5 га капусты. Общая площадь личных участков сельян составила 0,3 га. В 1935 г. все девять здешних дворов состояли в колхозе.

Осенью 1936 г. селение посетила землеустроительная экспедиция, участник которой В. Шаталов отмечал, что селение расположено на левом берегу реки Еловки и окружено лесом. Из добротной толстой древесины выстроены

большие избы в две-три комнаты, в каждой русская печь, полати. В селении более двадцати домов, клуб, школа-интернат, магазин, баня.

В конце 1930-х гг. председателем сельсовета избрали Николая Афанасьевича Чурина, 1914 г. рождения, одного из последних потомков древнего рода ительменов — кооч-ай.

Калиновка — это небольшое, даже по камчатским меркам, селение возникло, видимо, на рубеже 1930-х гг. По мнению краеведа А. Горбача, его населяли старoverы. По нашей версии, селение названо в честь Михаила Ивановича Калинина (1875—1946 гг.), государственного и партийного деятеля СССР. Примерно в это же время на Сахалине русскими переселенцами было образовано село Михайлово-Калиновка.

Известно, что практика наименования новых селений в честь администраторов широко применялась в России и, в частности, на Камчатке. Так, фамилии губернаторов носили селения Унтербергеровка, Мономахово, Завойко. В Усть-Большерецком районе имелось селение Ленино.

На лоцманской карте реки Камчатки за 1959 г. Калиновка располагалась на правом берегу в 389 км от Усть-Камчатска. Ближайшие селения — Щапино и Лазо. До Щапино расстояние по реке составляло 30, до Лазо — 32 км.

В отчете «Современные путевые условия на реке Камчатке» за 1961 г., изданном в Новосибирске, указано: «Калиновка — лесосклад леспромхоза, раньше сельскохозяйственное селение. Общественных учреждений нет. Расстояние до Мильково 181 км». Жители Калиновки, как и всей Камчатки, занимались огородничеством, рыболовством и охотой.

В списках населенных пунктов, исключенных из учета с 1957 по 1970 г., Калиновка не значится. Свое существование она прекратила, видимо, в начале 1960-х гг., когда на ее базе организовали лесосклад, а жителей переселили в Щапино.

Камаки, селение. На языке коренных жителей Камчатки — ительменов — слово *Камаки* имело несколько значений. Одно из них — существо, живущее в воде. Старинная молва так обозначала злую русалку.

Вниз по реке Камчатке от Ключей, за семь километров до входа в горное ущелье Щеки, на левом берегу, где река делает крутой поворот, раньше находилось древнее село Камаки. Отсюда открывается прекрасный вид на Ключевскую группу вулканов, совсем рядом находится древний Шивелуч. Недалеко от тропы, ведущей от Камаки к Шивелучу, на грунте ясно были видны отпечатки следов мамонта, которые местные охотники показали участникам экспедиции Ф. Рябушинского. «Однако, шибко большой жверь был», — комментировали камчадалы увиденное.

Здесь, в окрестностях Камаки, на реке Гремучке, по данным П. Н. Дьяконова и Г. Ф. Старикова, встречаются наиболее крупные на Камчатке ягоды жимолости, достигающие в длину 24 мм.

Население Камаки сложилось из жителей ительменских острожков, которые застал еще С. П. Крашенинников: Хапичинского, где было 32 ясачных плательщика, и Шваноломского (102 чел.). В середине XVIII в. жителей Камчатки поразила эпидемия оспы, в результате которой от болезни умерло 4 767 чел. Количество мужчин, по данным полковника Зубрицкого, уменьшилось до 1 240 чел.

Во второй половине XVIII в. в Камаки работала одна из самых крупных школ на Камчатке, где обучались 20 детей. Правда, просуществовала она недолго и за отсутствием средств закрылась.

В XIX в. все население Камаки, включая детей, не превышало 100 чел. Здесь проживали: в 1836 г. — 55, в 1851 г. — 45, в 1876 г. — 52 чел., причем из числа последних лишь двое знали грамоту. В 1895 г. здесь имелись 11 домов, 28 нежилых построек, 73 жителя. Сельское стадо составляли 30 коров и всего две лошади, селяне имели 169 собак. Охота в этом году выдалась неважной: добыли 23 соболя, по четыре медведя, лисицы и выдры. Селяне поймали 32 800 рыбин, из них 2 800 употребили в пищу свежей, 5 500 засолили и 24 500 шт. заготовили в виде ююлы. На огородах собрали 715 пудов картофеля и 64 пуда репы. Основным занятием жителей Камаки было рыболовство, огородничество играло вспомогательную роль.

У каждого жителя, по словам А. Прозорова, было две сети: одна для красной рыбы длиной от 20 до 30 аршин, вторая — для чавычи, до 40 аршин длины. Плели их самостоятельно, вначале из крапивы, а затем из конопли. Крапивные сети служили один сезон, конопляные — до четырех лет.

В конце XIX в. действовавшая поблизости компания «Русское товарищество котиковых промыслов» принимала и обрабатывала здесь рыбу. Только за сезон 1896 г. местным жителям «за лов рыбы и разные работы... уплачено 4 200 рублей».

К. Дитмар, побывавший в Камаки в середине XIX в., отмечал: «Хорошо родились некоторые овощи, как картофель, капуста, репа и редька; но эти огороды устранивались, по-видимому, более из послушания начальству, чем по собственному побуждению жителей». Далее он писал: «...главную тему разговоров составляла человеконенавистница русалка Камак, которой мои спутники приписывали множество самых злых проделок». Дитмар отмечает: «Острог стоял восемью верстами выше по реке, но из-за нездорового места перенесен на теперешнее».

Это место сегодня у местных жителей так и называется: «Старые Камаки». Сейчас здесь имеется небольшая поляна, заросшая высокой травой, в центре которой находится яма — остатки полуземлянки-юрты.

А. Кириллов, автор «Географически-статистического словаря», указывает, что в 1888 г. в Камаки имелась «часовня Покрова Пресвятой Богородицы, домов 11 и жителей 40 мужского и 31 женского пола. Жители — камчадалы».

В начале XX в. численность местного населения несколько увеличилась: в 1901 г. — до 64, в 1910 г. — до 79, а в 1926 г. — до 135 чел.

Дома здесь сооружали основательно, благо строевой лес рос недалеко от селения. Все путешественники единодушно отмечали чистоту и уют в жилищах. Один из них оставил такое описание: «Потолки везде побелены, полы, стены и оконные рамы покрашены и в последние вставлены стекла; столы, даже в избушках бедняков, или прикрыты скатертью, или куском ситца; божничка со множеством икон всегда завешена какой-либо материей с изображением креста. По стенам иногда наклеивают лубочные картины, изображения святых или вырезки из иллюстрированных журналов. Сами жители толковые и приветливые».

П. Ю. Шмитд, работавший на полуострове в 1908—1909 гг., отмечал: «Селение Камаки очень невелико. Здесь живет всего 12 семей и 77 душ, к тому же все почти жители Камаки состоят между собой в родстве. На берегу выстроен ряд балаганов с вешалами для рыбы и лежат вытащенные на песок баты. Жители Камаки промышляют, главным образом, общественным неводом и делят рыбу между собою по числу душ в семье».

В. К. Арсеньев в 1918 г. отмечал: «Меня удивила работоспособность жителей Камаки на реке Камчатке. С утра до ночи они в работе. Мальчики помогают мужчинам снимать корье с бревен, ловить рыбу... Девочки тоже работают и помогают матерям: стирают белье, чистят рыбу, возделывают огороды, чинят одежду».

В 1925 г. сельские огороды занимали 3 834, а в 1928 г. — уже 19 580 кв. м. Население Камаки на 1 октября 1925 г. состояло из 103 мужчин и 101 женщины. В селении во время рыболовного сезона находится рыболовный участок Охотско-Камчатского акционерного рыбопромышленного общества.

В 1928 г., по данным экспедиции по обследованию реки Камчатки, в Камаки имелось «19 больших хозяйств, имеющих около 73 строений». В этом году селяне по самообложению должны были собрать на постройку школы 3 000 руб., в том числе 1 500 деньгами и остальные «натуральным сбором».

В 1933 г. в селе числилось 27 хозяйств, 118 жителей: 61 мужчина и 52 женщины. По социальному положению они делились так: 71 бедняк, 41 середняк, один служащий; по национальному составу: 15 русских, 98 камчадалов. Наиболее распространенными фамилиями местных жителей были Расторгуевы, Кузнецовы, Гольх.

В 1930-х гг. здесь образовался колхоз «Рыбак». В 1935 г. в него входили 27 хозяйств из 41 имевшегося, в 1936 г. в колхоз вступили еще восемь хозяйств. Председателем сельсовета в это время был Староверов.

В 1935 г. колхоз располагал 10 лошадьми, 10 собаками, 17 коровами и двумя свиньями. Через четыре года лошадей стало 13, коров — 52. поголовье свиней выросло в 22 раза и составило 44 штуки, число собак достигло 56.

В 1938 г. урожайность картофеля достигла 110 ц с гектара, стоимость общественного имущества увеличилось с 47 750 до 61 570 руб. Из колхоза вышли два хозяйства. Выплата на один трудодень уменьшилась: если в 1937 г. она составляла 11 руб. 59 коп., то в 1939 г. — только 7 руб. Женщин, выработавших свыше 100 трудодней, оказалось только четыре из 18 колхозниц. Мужчины работали более успешно: так, 15 колхозников из 29 имели свыше 200 трудодней.

По итогам работы в 1939 г. большинство колхозников заработали больше чем по 250 трудодней. За каждый из них они получили по 9 руб., а также рыбу и овощи. Доход колхоза за 1939 г. составил 143 800 руб. В 1940 г. в нем председательствовал камчадал Расторгуев, председателем сельсовета трудился Кулькин.

Больших успехов добились колхозники в годы Великой Отечественной войны. В 1943 г. они собрали с одного гектара 109 ц картофеля, 277 ц капусты, 15,7 ц ячменя. Надой молока от одной коровы составил 1 448 л. Эти показатели были значительно выше плановых. Кроме того, в Фонд обороны были перечислены 6 436 руб., уплачены 25 100 руб. налогов и сборов, приобретены облигации Государственного восстановительного займа на 10 000 руб.

Газета «Большевицкий путь» 8 апреля 1943 г. сообщала: «4 апреля на своем собрании колхозники колхоза “Рыбак” села Камаки обязались сдать в особый фонд Главкомандующего Красной Армии из урожая 1943 года 300 пудов картофеля, 150 пудов капусты и, кроме того, 300 пудов свежей рыбы, 3 000 литров молока и одну голову крупного рогатого скота».

Стоимость трудодня в 1943 г. составила: 12 руб. 13 коп., 1,03 кг картофеля, 0,4 кг капусты и 0,7 кг рыбы.

В 1950 г. колхоз «Рыбак» составляли 19 хозяйств, здесь трудились 28 чел.: 11 мужчин, 16 женщин и один подросток. 8 января 1950 г. «Камчатская правда» опубликовала заметку «Юные промысловики». «С начала промыслового сезона юные охотники уже сдали много пушнины. Ученик начальной школы с. Камаки Усть-Камчатского района Юра Горбунов добыл лисицу, горностая и 41 зайца. Много шкурок зайца сдали на заготовительный пункт ученики Женя Кречетов и Саша Попов. Всего из этой школы в зимнем промысле участвуют восемь юных охотников».

По словам современников, «Рыбак» был одним из лучших колхозов в долине реки Камчатки до 1960 г., когда восемь мелких рыболовецких хозяйств низовья объединились в один — «Путь Ленина».

В результате проводимой в те годы политики сосредоточения населения в крупных поселениях, Камаки закрыли, а жителей перевели в Усть-Камчатск, Ключи и другие поселки. Камаки были исключены из списка населенных пунктов Камчатской области в 1968 г.

Каменка, селение. 14 апреля 1923 г. цунами обрушилось на Усть-Камчатск — один из центров рыбной промышленности полуострова. В результа-

те удара стихии много людей погибло, смыло рыбоконсервные заводы и склады, люди понесли огромный материальный ущерб.

После цунами многие жители уехали из Усть-Камчатска. Кто-то поселился в Нижнекамчатске, кто-то в новом селении Крутоберегово, а две большие семьи староверов в 1924 г. основали между Крестами и Ушками, рядом с Ушковским озером, на правом берегу реки Камчатки, село, получившее название Каменка.

С первых дней они начали отвоевывать у леса все новые и новые участки земли. Несколько взрослых мужчин с помощью подростков выкорчевывали до восьмисот квадратных метров за 10—12 дней. Почва оказалась здесь на редкость плодородной, давала хорошие урожаи капусты, лука, гороха, огурцов. Репы на пуд набиралось четыре-пять штук. Проводились успешные опыты по выращиванию помидоров.

В 1928 г. камчатский агроном И. Ф. Голованов записал такие впечатления: «Когда наш катер подошел к поселку Каменка, и мы вышли на берег, то сразу же увидели свободно разгуливающих насекомых с цыплятами. Нами был задан вопрос встретившему нас гр. Куликову М. С.: “А собак разве у вас нет?” “Как нет, — последовал ответ, — они у нас загорожены”. Спустя некоторое время мы пошли посмотреть, как же у них загорожены собаки. Оказывается, устроены особые дворики. Дворы эти огорожены тыном (из тальника) высотой примерно в 2,5 метра. Площадь двориков от 27 до 48 квадратных метров, так что в среднем на собаку приходится от 3 до 4 квадратных метров. Спокойные собаки свободно гуляют, более злые привязаны. Тут же в этих двориках находятся дымокуры от комаров. Сучки со щенками сидят отдельно. И тут сказались просто хозяйская сметка-расчет».

У Куликова — старшего среди селян — было восемь детей. Он построил рубленый дом с балконом, купил небольшой катер, имел один из первых в этих краях фотоаппарат.

В 1926 г. в новом селении жили уже 42, в 1930 г. — 26, а в 1933 г. осталось только 13 чел.

Селяне для своих нужд ловили рыбу в протоке Ушковского озера. В опросном листе, направленном в 1926 г. в адрес рыбоведа В. И. Орава, Куликов сообщал размер добычи: «Ловлено в протоке Ушковского озера самцов кижуча 808, самок 881, а снетки собрано 410 штук».

После начала коллективизации крестьяне не вступили в колхоз, а решили принять участие в строительстве рыбоперерабатывающего завода рядом с селением на Ушковском озере. Здесь они надолго и обосновались в качестве рабочих.

О жизни в Каменке вспоминала здешняя уроженка Анна Степановна Куликова: «Мебель делали сами, были деревянные кровати, но всем их не хватало, спали на полу. Стол и лавки отец рубил топором. Дома у нас икон не бы-

ло. Отец у матери был очень божественный, его за это и садили, но потом отпустили. Он и всех детей называл церковными именами».

В 1930 г. в долине реки Камчатки работала землеустроительная партия из Владивостока, обнаружившая в Каменке 10 домов. Сейчас о том, что было такое селение, помнят только два-три старика из соседних сел.

Капитовка, Капитовский острожек, селение, которое в доступных нам краеведческих источниках упоминается всего один раз — у К. Дитмара. Он пишет: «...мы прошли мимо остатков... острога Капитовского, находящихся на правом берегу реки, и этот острог в доброе старое время был очень оживлен и имел зажиточное население, теперь же он совершенно опустел».

Вполне возможно, что Дитмар имел в виду ительменское поселение Капичурер, находившееся в 8,5 верстах ниже селения Камаки. Действительно, еще во времена С. П. Крашенинникова в конце 1730-х гг. здесь жили 32 ясачных плательщика, то есть все его население можно было оценить более чем в 150 чел. Поселение по тому времени считалось крупным.

Население Капичурера, видимо, полностью вымерло от эпидемии «гнилой горячки» 1799—1800 гг., завезенной на Камчатку солдатами батальона Сомова. В исповедальной росписи Нижнекамчатской Успенской церкви за 1812 г. такой острожек уже не упоминается.

Кварталы 13-й и 14-й. Местное население издавна использовало лесные богатства Камчатки. Из древесины строились дома и хозяйственные сооружения, транспортные средства — баты и нарты, дровами топили жилища. Первые попытки промышленного освоения лесных запасов предпринимались еще в самом начале XX в., когда в связи с быстрыми темпами развития рыбной промышленности в устье реки Камчатки была установлена однокорамная лесопилка. Одними из первых заготовкой леса в долине реки Камчатки после окончания гражданской войны стали заниматься бывшие капелевские офицеры.

Несколько позже один предприниматель пытался построить лесопилку в нижнем течении реки Камчатки, затем с такой же просьбой обратились двое других промышленников, которые хотели возвести аналогичный завод на участке между селениями Ушки и Толбачик. Последним Камчатский облисполком отказал из-за опасения, «что густая сеть означенных заводов окажется вредной для охоты на пушного зверя, и что обработанные лесные массивы не найдут сбыта в долине реки Камчатки». Позже решили строить лесокомбинат в Усть-Камчатске, но затем летом 1930 г. его начали возводить в селе Ключевском.

В 1928 г. начало лесозаготовки АКО. В марте 1930 г. в его составе появился лесной отдел, который в 1931 г. был реорганизован в лесопромышленное управление. Впоследствии лесная промышленность Камчатки неоднократно

но структурно изменялась. В январе 1950 г. на базе лесотарной конторы Главкамчатрыбпрома был образован Камчатский лесопромышленный трест (Камчатлес). В 1952 г. трест передали из Министерства рыбной промышленности в Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности.

Основным лесозаготовительным предприятием на Камчатке был Козыревский леспромхоз, который в среднем течении реки Камчатки в разное время имел участки Боровая, Кишкердино, Лазо, Быстрая, Урцы и другие. Из крупных участков образовались самостоятельные предприятия в Лазо и Атласово.

Из Козыревска в 1950-х гг. центр лесозаготовок постепенно переместился в Щапино. С 1952 по 1957 г. объемы работ увеличились здесь в пять раз. За короткий срок сырьевая база сильно истощилась. Упали заработки, люди стали постепенно переезжать в другие села и поселки Камчатки.

В то же время среди крупных лесозаготовительных участков были и небольшие. На них имелись бараки, частные домики, несколько хозяйственных построек, торговые ларьки. После освоения ближних лесных массивов такие участки закрывались, людей переселяли на другие или в более крупные поселки. К таким участкам можно отнести 13-й, 14-й и 37-й кварталы.

Лесные массивы Камчатки делились на кварталы, то есть квадраты леса, разделенные условной границей. Конечно, в полном смысле отнести такие временные поселения к населенным пунктам Камчатской области нельзя. Мы упоминаем о них, не имевших собственного имени, а называвшихся по территории их нахождения потому, что сейчас в Мильковском и Елизовском районах живут те, кто родился в этих лесных поселках, которых уже давно нет на географических картах.

Комарное, селение. Просуществовало всего несколько лет. После того как жители покинули это место, здесь находился лесозаготовительный участок Козыревского леспромхоза. Сегодня даже старожилы не помнят о том, что некогда было такое совсем маленькое село.

Единственным документом, где оно упоминается, является Приполярная перепись 1926 г. В соответствии с ней, здесь размещались пять хозяйств и жили 37 русских переселенцев. Примерно в трех километрах ниже по течению располагалось село староверов Каменка. Комарное находилось на правом берегу реки Камчатки в 7 км ниже Козыревска. В 1928 г. агроном И. Ф. Голованов застал здесь всего одно хозяйство, где жили староверы-переселенцы.

Исследовавший быт старожилов долины реки Камчатки И. С. Гурвич встретил в Усть-Камчатке семью И. П. Клейменова, который рассказал ему, что несколько семей, приехавших на Камчатку в 1925 г., привезли с собой рогатый скот и лошадей. Ниже Козыревска на берегу реки Камчатки они основали новое селение, начали заниматься земледелием. Но это занятие

не обеспечивало их потребности в продовольствии, поэтому они переехали сначала в Черный Яр, затем в Усть-Камчатск.

Уроженец этих мест, сын участника Первой мировой войны, воевавшего в составе русского экспедиционного корпуса во Франции, П. Беговатов рассказывал, что во время Великой Отечественной войны здесь, на Комарином участке, на заготовке леса работали солдаты. С места валки бревна доставляли до узкоколейной дороги и укладывали на дрезину. Затем их везли к берегу реки Камчатки, где выгружали. Тягловой силой служили лошади.

В лоции 1959 г. указано, что перекат Комариный расположен в 234—235 км от устья реки Камчатки. Река здесь узкая, глубина в районе переката составляет 2,1—2,7 м. На реке находятся четыре довольно крупных, поросших лесом острова. Осенью, когда вода спадает, в центре русла образуется еще один песчаный остров. Это место сейчас зовут Комаринка.

В середине 1930-х гг. Ключевской леспромхоз начал строить здесь дом отдыха для рабочих. Но затем строительство остановилось, а дом отдыха на 30 мест открылся рядом с пионерским лагерем, на озере рядом с Ключами.

Кративная. В начале 1930-х гг. власти решили поселить эвенов-кочевников в селах, построенных русскими строителями. В 1932 г. в границах существовавшего тогда Ламутского района был образован Быстринский национальный район. В 1933 г. его население насчитывало 538 чел.

В октябре 1932 г. на базе строившихся больницы, школы, интерната, ветпункта появился поселок, которому по инициативе делегатов районного съезда Советов присвоили название «Эссо», по-русски «Быстрый» (в конце XIX в. у К. Богдановича встречается написание «Ессо»). Росли и другие новые национальные села: Анавгай, Тваян, Лаучан, Кеккука. Они нуждались в доставке все возрастающих объемов продуктов, одежды, строительных материалов. Для этого требовалась дорога, первые попытки строительства которой были предприняты еще в 1929 г.

3 ноября 1929 г. газета «Полярная звезда» напечатала небольшую заметку: «Кочевники-ламуты для улучшения связи расчистили половину дороги на Козыревск. Стремление ламут связаться с культурными центрами надо поддержать. Поэтому облисполком дал распоряжение Усть-Камчатскому райисполкому провести вторую половину работы, рекомендовав Козыревску исполнить ее в порядке самообложения».

Для снабжения селений отдаленного района товарами, завозимыми из Усть-Камчатска по воде, на родниковой речке Алчекрах при впадении ее в полноводную Камчатку решили организовать перевалочную базу. Немного выше Козыревска на левом берегу реки Камчатки началось сооружение поселка и складов для хранения продуктов.

Жители-переселенцы нового села занимались перевалкой товаров, работали на складах, доставляли на лошадях и собачьих упряжках грузы в Быст-

ринский район, на базу, расположенную на 40-м километре, там, где в реку Быструю впадает речка Кававля. За несколько лет они пробили тропу, по которой летом шли конные вьючные караваны, зимой — собачьи нарты. С 40-го километра товары по селам района доставляли местные возчики. Шло время, по конной тропе пустили первый трактор, потом по прорубленной просеке прошли полноприводные грузовые автомобили. Эта старая заросшая дорога и остатки деревянных мостов видны еще и сегодня.

С созданием усть-камчатской торговой базы здесь стали формировать грузы для Быстринского района, которые в период навигации на катерах доставлялись до Крапивной. Благоприятный период для завоза снабжения был непродолжителен: в сентябре уровень воды в реке Камчатке значительно падал, движение катеров с баржами становилось затруднительным. После открытия автодороги Петропавловск — Эссо роль Крапивной как перевалочной базы резко уменьшилась.

В 1970-х гг. в Крапивной организуется лесоучасток Козыревского леспрохоза. В это время в селении жили 120 чел. После активной, но непродолжительной работы лесоучасток закрылся. Вот что вспоминал об этом событии один из его жителей, служивший тогда в армии: «Получил письмо от матери, написано коротко, с болью. Поселка Крапивная больше нет, всех переселили или в Атласово, или в Эссо. Мы с семьей переехали в Козыревск, получили квартиру. Вся Саратовская улица заселена Крапивнинскими. И далее описывается, как тяжело люди перенесли трагедию, много умерло от сердечного приступа, другие пьяные утонули в реке Камчатке, другие случайно застрелились на охоте. Некоторые семьи наотрез отказались уезжать, сказали: лучше здесь, в родной стороншке помирать, чем на чужбине. Я долго сидел неподвижно. Для меня был такой удар, кровь в жилах кипела, что я не мог в это поверить, на глазах наворачивались слезы, хотелось в кого-то стрелять, кого-то бить и бежать без оглядки.

Одним росчерком пера на бумаге перечеркнули мое детство, мою юность. Я теперь бездомная собака, сирота при родителях. Кто же дал такое право? О, господи, чем я жил и дорожил, что помогало мне в армии выстоять, теперь у меня нет, я опустошен и обезглавлен, я живой труп. Мысленно вспоминаю родных и близких, а мне было все родное в селе, представляю, как каждый переживал трагедию».

Сейчас здесь нет магазина, почты, электричества, но живут несколько семей.

Красный Яр. На расстоянии 181 км от устья реки Камчатки, в 25 км ниже села Майского, на правом берегу находится место, именуемое Красным Яром. Рядом находится озеро Красное, с левого берега в Камчатку впадает протока Красная, получившие названия по цвету воды, содержащей глинистую взвесь, придающую ей красноватый оттенок.

Сколько живут люди на берегах реки Камчатки, столько им приходится сталкиваться с ее непростым характером. Пришельцы, вновь поселяясь на берегах главной реки полуострова, снова и снова повторяли одну и ту же ошибку: они ставили свои жилища очень близко к берегу. Неоднократно в половодье река затопляла дома, улицы, а иногда смывала целые села. Несколько раз переносили с места на место Ушки, Козыревск, а из Машуры жители уехали на новое место, где основали новое село — Долиновку.

Из-за размыва берега прекратили свое существование и Кресты, расположенные в 30 км от Ключей. В феврале 1924 г. Усть-Камчатский райревком рассмотрел заявление крестовцев с просьбой разрешить им переселиться на десять верст выше по реке Камчатке. Райревком решил: «Принимая во внимание, что берег реки Камчатки, на котором расположено селение Кресты, течением реки подмывается, этим вынуждает жителей переносить постройки, а так же и то, что селение расположено на низком болотистом месте, вследствие чего оно каждодневно в половодье подвергается затоплению, и жителям нет возможности заниматься огородничеством, возбудить пред Губземотделом ходатайство о разрешении гражданам-просителям переселиться в указанную местность под названием “Красный Яр”, отстоящую в 10 верстах выше селения Кресты».

Датой образования села, названного по месту расположения Красным Яром, считается 1926 г. В этом году здесь уже жили 19 чел. В 1930 г. селение составляли восемь дворов. По плану переселения сюда в 1931 г. должны были перебраться 300 семей лесорубов. Проект, выполненный землеустроительной партией, предусматривал, что в Красном Яру будут жить 633 чел. Но эти замыслы не осуществились.

Первое время новоселы размещались в палатках и землянках. Постепенно они стали перевозить сюда свои дома из Крестов. Образованный здесь колхоз «Красное знамя» выращивал капусту, картофель, огородные овощи, содержал скот.

В 1950-х гг. в Ключах развернулось строительство ракетного полигона. Большой интерес к новому оборонному объекту проявили США. В марте 1953 г. американские бомбардировщики неоднократно нарушали воздушное пространство СССР в районе восточного побережья Камчатки. В конце марта неопознанный самолет проскочил на большой скорости рубеж прикрытия противовоздушной обороны, облетел Ключи и Красный Яр и ушел за пределы Камчатки в сторону Тихого океана.

Красный Яр закрылся в 1968 г., его жители переехали в близлежащие села Майское, Козыревск, Ключи. В начале 1990-х гг. на месте Красного Яра безуспешно пытались обосноваться фермеры. Сейчас здесь остались только ямы от домов да кусты одичавшей смородины, в которых можно найти ржавую

сельскохозяйственную технику. Гражданских жителей не осталось, но на месте бывшего селения ныне несет службу воинское подразделение.

Крахча, селение. По данным В. П. Кускова, возникло в 1947 г. После Великой Отечественной войны на Камчатку для работы на лесозаготовках стали переселять бывших власовцев, военнопленных и «неблагонадежные» семьи с Украины. Так появились новые селения: Быстрая и Крахча. Затем в лесные поселки стали приезжать врачи, учителя, другие специалисты.

Название *Крахча* у местных жителей существовало еще в дорусский период, когда здесь не было никакого селения. В XIX в. Крахча была известна как место обитания дикого табуна лошадей. Сюда камчадалы из ближайших сел выгоняли своих лошадей на зимний выпас. Сегодня здесь работает автомобильная переправа через реку Камчатку: летом на пароме, зимой по льду.

Селение Крахча располагалось на правом берегу реки Камчатки в 285 км от Мильково. Строилось оно быстро. Газета «Камчатская правда» 1 октября 1950 г. сообщала: «В Козыревском леспромхозе на лесоучастке Крахча в этом году будет закончено строительство 54 новых жилых домов. В этих домах будут жить лучшие стахановцы, служащие и инженерно-технические работники».

Описывая трудовые будни жителей Крахчи, козыревская газета «Камчатский лесник» в 1954 г. писала: «Высокой производительности труда добивается тракторист Крахчинского лесозаготовительного участка Иван Штонда. Он вместо 40 кубометров подвозит к верхним складам до 90 кубометров древесины в день... Этот молодой механизатор любит свою специальность. Вверенный ему трактор он всегда содержит в исправном состоянии... Василий Жальских горячо взялся за освоение материальной части электропилы, которая заменяет топор и пилу, намного облегчила труд рабочих».

В 1960 г. на лесозаготовках использовались лошади Орех, Керчь, Жаба, Листик, Маклуха, Зея, Замок.

К началу 1960-х гг. в Крахче имелись два магазина, школа-семилетка, больница, жили около пятисот человек. Отдыхали они активно. Старожилы Козыревска и сегодня вспоминают о футбольных баталиях между командами двух соседних сел.

С каждым годом все дальше и дальше приходилось ездить рабочим от поселка до отодвигавшейся лесосеки. Расстояние превышало 60 км. Затраты на транспорт значительно увеличивали себестоимость продукции. В 1964 г. администрация Козыревского леспромхоза решила заготавливать лес на Креруке, расположенном в 20 км от Козыревска. Теперь рабочих из Крахчи стали возить сначала в Козыревск, а затем на деляны на Креруке.

Руководство Козыревского леспромхоза стало переселять семьи из Крахчи в Козыревск и Быструю. В 1967 г. в селе осталось всего 50 семей. Через пять лет стало ясно, что сырьевая база на Креруке оказалась слабой, и содержать поселок лесорубов экономически нецелесообразно. Прошло всего

27 лет, и селение Крахча было исключено из списка населенных пунктов Камчатской области. Случилось это в декабре 1974 г.

Кресты. Сегодня мало, кто знает, что на Камчатке было такое селение, и не может сказать, почему оно так называлось. Селение Кресты или Крестовское располагалось рядом с устьем реки Крестовки, где русские казаки в конце XVII в. поставили православный крест — знак присоединения полуострова к Российскому государству.

Традиционными жителями этих мест были ительмены. Затем, после эпидемии «гнилой горячки» в 1799—1800 гг., когда большая часть населения погибла, сюда в начале XIX в. переселили несколько семей крестьян из большой русской деревни Ключи. Они несли каюрную повинность, обеспечивая удобство проезда чиновников и других «государевых» людей, предоставляя им ночлег и стол.

Точная дата образования Крестов неизвестна. Еще до прихода на Камчатку русских в этих местах находилось ительменское поселение. Об этом свидетельствует С. П. Крашенинников, располагавший его в 43 верстах от Харчино и в 61 версте от Голкова острожка. Лессепс, проезжавший по этим местам в 1788 г., пишет: «Первая деревня была на дороге (от Ушков. — В. Б.) Крестова, она мне показалась немного получше прежней, но мало отличалась от прочих». К. Дитмар сообщал, что Кресты основаны в 1820 г., но В. Головин уже в 1810 г. отмечал, что острожек Крестовский находился на расстоянии 31 версты от Ключей. П. Громов указывает: «Креста ныне нет; но от него река Кчанутчш получила название Крестовой, а от ней и самое селение, состоящее из нескольких семей пашенных крестьян, давних переселенцев с Лены, названо Крестовским». С Дитмаром согласен А. Кириллов, автор «Географическо-статистического словаря», вышедшего из печати в 1894 г. Он пишет: «Крестовское селение на Камчатке... основано в 1821 году крестьянами, выселившимися из села Ключевского».

В 1868 г. от Авачинской губы до селения считалось 592 версты. В нем стояли восемь домов, проживали 24 мужчины и 26 женщин. По переписи 1876 г. здесь жили 48 чел., из них лишь один грамотный. В селении имелись восемь домов и столько же балаганов, 12 амбаров, семь стай и две бани. В 1888 г. здесь были часовня и десять домов, которые занимали 39 мужчин и 42 женщины. В 1891 г. из 19 местных детишек школьного возраста грамоте обучались пять мальчиков и 12 девочек, а в 1896 г. из 14 детей почему-то никто не учился.

В 1893 г. в селении жили Докучаевы, Ушаковы, Кречетовы, Рыковы, Чудиновы. В начале XX в. заметной фигурой здесь был русский купец Власов, успешно ведший меновую торговлю на Камчатке, Чукотке и Аляске.

Мало кто знает, что после гражданской войны в Крестах жили на поселении бывшие русские офицеры, воевавшие на стороне белых.

После установления советской власти сельский комитет возглавил В. Ушаков, секретарем при нем состоял И. Чуркин. В 1923 г., в связи с принятием декрета об отделении церкви от государства, было описано церковное имущество. В его число вошли: «часовня, 60 икон разных бумажных и медных, 5 лампад, 2 больших и 3 маленьких, 2 подсвечника, 1 большой и 1 маленький, 1 пара хоругви из холста, 1 кадило медное, 7 штук книг разных, священное облачение 1 риза, 1 евангелие, 1 крест тункаковый, 1 чаша святого причащения, 1 колокол весом 1 пуд 2 фунта, 1 амбар».

Когда на Камчатке началась коллективизация, власти, учитывая, что близ Крестов не было мест, благоприятных для возделывания сельскохозяйственных культур, решили перенести селение на новое место — Красный Яр. Переселение проходило постепенно в течение довольно длительного срока. В 1933 г. в Крестах числились 29 хозяйств, жили 100 чел.: 53 мужчины и 47 женщин, по социальному составу делившихся на 61 бедняка, 27 середняков, 12 рабочих, а по национальному составу — на 45 русских, 50 камчадалов и одного корейца.

В начале 1930-х гг. здесь возник колхоз «Красное знамя». В 1935 г. он располагал 20 лошадьми, 13 коровами, четырьмя свиньями и 10 собаками. В 1930-х гг. председателем сельсовета трудился местный житель Михаил Васильевич Чудинов, в селе работала начальная школа.

Кроме сельского хозяйства и рыбной ловли сельяне занимались охотой. Районная газета «Штурм» 6 февраля 1938 г. писала по этому поводу: «Крестовский колхоз на 25 января план пушных заготовок выполнил на 54,7 процента. Впереди всех охотников с. Кресты идет бригада колхозника тов. Рыкова, члены бригады Чудинов Т. В., Коллегов Х. П. Бригадный договор заключен на 2 365 рублей, сдано же пушнины уже на 1 973 рубля. Бригада уверена в перевыполнении своего плана».

Постепенно все местные жители перебрались в Красный Яр, и после Великой Отечественной войны селение Кресты опустело.

Крутоберегово. На Камчатке два населенных пункта носят такое название: одно расположено в Елизовском районе, другое — в Усть-Камчатском. О последнем и пойдет речь.

Его возникновение связано с трагедией, разыгравшейся 14 апреля 1923 г. в устье реки Камчатки. Тогда на Усть-Камчатск и рыбоконсервные заводы, расположенные на морском побережье, обрушилось цунами, погибло много людей. После этого жители Усть-Камчатска Попов, Фрикман, Константин Косыгин, Кирилл и Леонид Яковлевы решили переехать за 18 км от райцентра в более безопасное место и поселиться в предгорьях Камчатского мыса, на берегу небольшой нерестовой речки Крутой. Новый населенный пункт получил название Крутоберегово.

Его население быстро росло. В 1924 г. здесь уже жили 37 чел. Затем сюда стали приезжать переселенцы из Центральной России: Брагинцевы, Бобкины, Вычегжанины, Нараб, Осколковы, Онскули и другие.

Дома располагались на «горе» — бывшей морской террасе, там, где несколько веков назад дымились костры коренных обитателей этих краев — ительменов. Это место получило громкое название — «Кремль». Здесь возводились добротные рубленые дома и бараки, прослужившие людям вплоть до 1980-х гг.

В 1933 г. в Крутоберегово имелись 71 хозяйство и 310 селян, в том числе 165 бедняков, 74 середняка, 38 батраков и 33 рабочих. Их национальный состав распределялся так: 282 русских, 26 украинцев, один кореец и один поляк.

В 1935 г. хозяйств осталось всего 27, причем 20 из них входили в колхоз. Председателем сельсовета был Коковин.

В 1936 г. в селе жили 198 чел., число хозяйств по сравнению с прошлым годом увеличилось на 30, членами колхоза стали 52 хозяйства из 57.

В период коллективизации здесь появился колхоз «Рыбак-Охотник». Местные остряки называли его: «Ни рыбалки, ни охоты». Действительно, в 1939 г. вместо 400 т рыбы поймали всего 135. В этом году работали 72 колхозника.

1943 г. выдался неурожайным. Так, картофеля при плане 75 ц с гектара собрали всего 24. Общий доход от растениеводства составил 41 568 при плане 138 087 руб. На один трудодень колхозники получили 9 руб., 0,7 кг картофеля и 0,1 кг капусты. Одной из причин невыполнения плана, по мнению райисполкома, явилась плохая работа председателя колхоза Привалихина, вместо которого избрали Н. Г. Сосновского.

В его характеристике значилось: «С 1943 г. работает председателем колхоза, за это время колхоз значительно вырос в экономическом отношении, колхозники стали зажиточными. Ежегодное выполнение плана по добыче рыбы колхозом составляет от 105 до 193 %. По его инициативе введены хорошо оправдавший себя метод полгектарниц по обработке картофеля, благодаря чему план урожая перевыполняется ежегодно от 163 до 304 процентов. Тов. Сосновский принимал активное участие в помощи фронту».

В 1943 г. колхозники Крутоберегово передали в особый фонд Главкомандующего Красной Армии 500 л молока, 315 пудов картофеля и одну голову крупного рогатого скота.

В колхозе с 1930-х гг. работала начальная школа. Затем дети продолжали учебу в школе на Первом заводе в Усть-Камчатске. Сначала учащиеся жили в доме колхозника, затем для них организовали интернат. Из него ребята на выходные дни добирались до дома пешком.

В 1949 г. колхозники заработали на трудодень 10 руб. 49 коп. и по килограмму картофеля и овощей. В 1950 г. в колхозе имелись 28 хозяйств, работали 58 чел., в том числе 28 мужчин, 27 женщин и три подростка. Хозяйство

располагало 27 головами крупного рогатого скота, 15 лошадьми, 50 овцами и тремя свиньями. Посевная площадь равнялась 9,5 га. Стоимость трудодня в этом году составила 5 руб. 49 коп. Попытка заняться овцеводством потерпела неудачу: небольшое стадо, находившееся на пастбище, попало в сильную пургу, все овцы замерзли.

В 1955 г. местную власть возглавляли председатель сельсовета Вычегжанин, секретарь парткома Нараб и председатель колхоза Федоринов. Дела в колхозе шли плохо, урожаи были низкие, страдала дисциплина труда. Основных причин тому было несколько: отсутствие сельхозтехники, низкая агрокультура, суровые климатические условия.

В начале 1960-х гг. колхоз вошел в совхоз «Усть-Камчатский». Вот что писала газета «Ленинский путь» 21 октября 1960 г.: «Усть-Камчатский совхоз — одно из молодых предприятий района. Хозяйство его уверенно идет в гору. Особенно хороших результатов добились животноводы. Средний надой молока на одну корову увеличился на 429 килограммов и составил 2 170 килограммов. Совхоз сдал государству 1 964 центнера молока». Спустя некоторое время совхоз стал называться «Крутобереговский».

Новое хозяйство расширялось. Были построены две улицы с домами на двух хозяев с бытовыми удобствами. Сооружались коровники, склады, гараж, механические мастерские, был возведен дом культуры, магазины. В августе 1972 г. открылся новый клуб. «В день строителя жители села Крутоберегова и работники совхоза получили от строителей подарок — новый клуб на 200 мест. В строительстве этого учреждения культуры принимали участие студенческие строительные отряды московских институтов. Вчера в торжественной обстановке прораб строительного участка Б. Н. Луцник вручил ножницы передовой доярке Крутобереговского совхоза Н. С. Румянцевой, которая перерезала ленточку. Клуб открыт!»

В 1979 г. в селе жили 746 чел.

К 1980-м гг. посевные площади кормовых культур составили около 2 000, силосных культур до 13 500, сенокосов около 1 500 га. Совхоз имел одно из крупнейших на Камчатке стад крупного рогатого скота и полностью обеспечивал молочными продуктами и куриными яйцами восемнадцатитысячное население Усть-Камчатска. Избыток вывозился в областной центр.

За долгую историю колхоза и совхоза здесь сменилось много председателей, но сегодня старожилы с особенной теплотой вспоминают Тихона Васильевича Каширского. При нем хозяйство достигло самых значительных высот. Его авторитет у селян был непререкаем, а к людям он относился по-доброму.

26 февраля 1988 г. в совхозе «Крутобереговский» состоялись выборы нового директора. По итогам голосования им стал В. Я. Корниенко.

В 1988 г. в селе жили 310 семей, 170 из них содержали подворья, 530 свиней, огороды площадью 19 га, 200 семей имели теплицы площадью 4 000 кв. м.

18 апреля 1991 г. директор совхоза В. Я. Корниенко отправил в адрес председателя Усть-Камчатского райсовета письмо, в котором, в частности, говорилось: «В 1991 г., согласно утвержденного производственно-финансового плана, убытки от реализации мяса птицы составят 404 тыс. руб., от яйца — 209 тыс. руб. В целом убытки составят 703 тыс. руб., а с учетом увеличения тарифа на перевоз... к концу года 1 млн руб., что ознаменует финансовый крах и банкротство совхоза».

В конце мая 1992 г. работники совхоза готовились объявить забастовку и выдвинули властям ультиматум: если их экономические требования не будут удовлетворены в двухнедельный срок, то совхоз прекратит реализацию сельхозпродукции населению Усть-Камчатска и откажется от проведения посевной компании. Но это не смогло переломить критическую ситуацию.

В 1993 г. численность жителей составила 700, в 1994 г. — 666, в 2002 г. — 407 чел. Население продолжало сокращаться. Совхоз «Крутобереговский» прекратил свое существование, на его остатках образовалась агрофирма «Усть-Камчатская».

В 2002 г. село образовывали пять улиц: Юбилейная, Новая, Строительная, Лесная, Нагорная и переулок Строительный. В этом году здесь действовали участок тепловодхоза, дом культуры, три частных предприятия, школа и детский сад «Теремок», который посещали 16 детей. Большинство селян уже покинули эти благодатные края, остались лишь несколько десятков семей, жизнь которых далека от процветания. В связи с передислокацией воинской части, где работали многие крутобереговцы, участь села предreshена.

Кирганик, селение. В XVIII в. река Кирганик впадала в Камчатку пятью устьями, каждое из которых имело свое название. Под пятым устьем во времена С. П. Крашенинникова стоял острожек Кирганик, название которого по-ильменски произносится как *Кыр-ген*.

В. Головин в начале XIX в. отмечал, что в Кирганике «тайонский дом есть один из лучших по всей Камчатке, но всего удивительнее в нем большая чистота и опрятность, которые и в домах русских, живущих на Камчатке, найти трудно, а у камчадалов это совершенное чудо».

Г. Кеннан, побывавший на Камчатке в 1865 г., так описал это селение: «...расположено на небольшом возвышении у берега реки или протоки, окружено группами тополей и берез и защищено высокими холмами от холодных северных ветров. Низенькие домики, скученные в беспорядке у берега, построены из бревен и проконопачены сухим мхом. Крыши покрыты сухой осой и лубочными полосами, которые свешиваются по сторонам и образуют большие навесы. Вместо стекол и оконных рам часто бывают натянуты прозрачные рыбы пузыри, сшитые вместо ниток сухими жилами северного оленя. Двери всегда почти квадратные, а трубы состоят из нескольких прямых

жердей, составленных так, что образуют высокую, длинную трубку, обмазанную толстым слоем глины».

В 1895 г. в селении было всего 10 домов и 59 жителей. Они содержали пять лошадей, 29 коров, 135 ездовых и охотничьих собак. За этот год охотники добыли 65 соболей, 17 медведей, 18 выдр, восемь лисиц и одного волка. На огородах собрали 575 пудов картофеля и 137 пудов репы.

В начале XX в. староста Кирганика сообщал в отчете окружному начальнику: «Честь имеем донести Ваше высочордие о получении вашего предписания. Семена доктора Слюнина — репа, брюква, редька, капуста, прочие... уходят хорошо. Нынешнее лето была засуха в июне месяце, потому и мелкая репа, брюква, редька, капуста получились, а также и картошка тоже плохо... Староста Кирганской Карп Чуркин».

Руководитель ботанического отряда экспедиции Ф. П. Рябушинского В. Л. Комаров отмечал: «Кирганик имеет такое же бодрое, жизнеспособное и веселое население как... Верхнекамчатск и Мильково. Население это — потомки коренных камчадалов... Местный быт наиболее полно сохранил древние камчадалские черты... Кирганикские жители и сами считают себя коренными камчадалами. Некоторые из них, как они говорят, еще “слышат”, то есть понимают по-камчадалски, но уже не помнят этот язык».

Швед С. Бергман в начале 1920-х гг. среди прочих достопримечательностей полуострова отмечал каюра из Кирганика Чуркина: «Известность о его подвигах уже давно дошла до нас. Для него и его собак 150 км за один день было пустяком. У него был особый секрет, как заботиться о своих ездовых собаках. Этот секрет он никому не раскрывал. Когда на следующий день мы из его деревни стартовали в путь к большой деревне Мильково, расположенной лишь в 12 верстах, моя жена имела удовольствие ехать на его знаменитых собаках с Чуркиным в качестве каюра. Когда мы с Хедстремом проехали только половину пути, то встретили Чуркина уже возвращающимся из Мильково. Его собаки прямо летели над землей».

В 1928 г. общая площадь огородов в 18 дворах составляла 15 568,6 кв. м, из них под хлеб были заняты 123,6 кв. м. В 1929 г. камчатский агроном И. Голованов совершил поездку в селения долины реки Камчатки, где проводил беседы с населением о развитии сельского хозяйства. В Кирганике на беседу собралось почти все взрослое население — 25 чел.

В 1930 г. на Камчатке активно проходила коллективизация. В Кирганике был создан колхоз «Красное знамя». На первых порах в него вступили несколько семей, а все имущество колхоза состояло из десятка животных — коров, лошадей и собак. Из инвентаря имелись лишь лопаты да тяпки.

В 1939 г. в селе насчитывалось 117 жителей. В этом году выдался хороший урожай. С гектара было собрано: пшеницы — 19, овса — 18, ржи — 21,6, картофеля — 203 ц.

Колхоз «Красное знамя» к лету 1941 г. располагал двумя сенокосилками, одними конными граблями, соломорезкой, семью звеньями борон «Зигзаг», одной дисковой бороной, двумя конными жатками, конным кочкорезом, двумя конными окучниками, двумя одноконными и четырьмя пароконными телегами. Хозяйство содержало 32 коровы.

Областная газета «Камчатская правда» 15 октября 1943 г. сообщала об успехах колхозников: «Колхоз “Красное знамя” (председатель тов. Кузьмин) первым в Мильковском районе убрал и полностью заскирдовал зерновые. Начался обмолот. С каждого гектара колхозники получают более 12 центнеров зерновых культур. Одновременно с уборкой богатого урожая колхозники ведут большую работу по освоению новой земли. В 1943 г. поднято 20 гектаров целины. Всю работу по освоению новых земель колхозники проводят вручную, собственными силами. На раскорчевке хорошо работают и перевыполняют задания Надя Пермякова, Вера Михайлова и Люба Михайлова. Колхоз “Красное знамя” за высокие показатели, достигнутые в 1943 году, занесен на районную Доску почета».

В 1943 г. колхоз выполнил план по урожайности пшеницы на 253, овса — на 218, ячменя — на 204 %. За высокие показатели в труде его наградили переходящим Красным знаменем.

В 1944—1945 учебном году в Кирганике работала четырехклассная школа. В двух первых классах учились по восемь, в третьем — шестеро и в четвертом — всего четверо ребят. Пятеро из них не успевали. Дети не только учились, но и вносили свой скромный вклад в общее дело победы. «Ученики кирганской начальной школы приняли участие в сборе средств на эскадрилью самолетов. В первый же день они собрали 135 рублей».

В ноябре 1955 г. в дома селян провели радио. Жители древнего камчатского села стали слушать Москву и Петропавловск.

В 1957 г. колхоз «Красное знамя» добился высоких результатов: от каждой коровы надоили по 2 000 л молока, превывсив прошлогодний показатель на 286 л. Тем не менее, в этом году колхоз прекратил самостоятельное существование и вошел в состав нового совхоза «Мильковский».

В начале 1960-х гг. в Кирганике имелись магазин с продуктовым и промышленным отделами, общественная баня, почтовое отделение, медицинский пункт, где работал фельдшер. В свободное время селяне посещали клуб, в котором выступали самодеятельные коллективы, приезжие артисты, а по вечерам «крутили» фильмы. При клубе был свой дизель, обеспечивавший нужды очага культуры, а в селе работала маломощная электростанция.

Кирганик являлся конечным пунктом, куда в полную воду приходили катера с баржами из Усть-Камчатска. Для районного центра Мильково и выше лежащих сел они привозили продукты, промышленные товары, строительные материалы, оборудование.

В селении продолжала действовать четырехклассная школа. Для учебы в пятом классе и дальше дети уезжали в мельковский интернат. В период летних каникул школьники работали на полях совхоза, помогая родителям.

Постепенно жителей в Кирганике становилось все меньше и меньше. Совхозное стадо перевели в районный центр. Люди каждый день ездили на работу в Мильково, а затем стали селиться там. В Кирганике остались одни старики, но постепенно и они переехали к родственникам. 5 января 1959 г. был упразднен Кирганикский сельсовет. В 1979 г. в селе жил 61 чел. Сегодня здесь единственным официальным жителем, имеющим прописку, является А. Хазов.

Сейчас здесь нет магазина, почты, не говоря уже о других социально значимых учреждениях. Весь Кирганик — это около десятка разбросанных на территории бывшего села домов, в которых летом живут мельковчане, возделывающие картофель, капусту и другие овощи. Архитектура строений и быт селян позволяют заглянуть на полвека назад, в прошлое: здесь все осталось, как было прежде.

10 июня 1996 г. принят закон «О территориях муниципальных образований в Камчатской области». В приложении к нему в составе Мильковского района указаны девять населенных пунктов, среди них и Кирганик. Это дает надежду на возрождение старинного камчадальского села.

Култук, селение. Слово «култук» по-тюркски значит «залив, лагуна».

Самое большое озеро на Камчатке — Нерпичье — соединяется с озером Култучным. На его северном берегу находилось небольшое поселение, получившее название по имени озера — Култук. По данным В. П. Кускова, оно возникло до 1953 г. Старожилы же утверждают, что селение было основано в середине 1930-х гг. как подсобное хозяйство Усть-Камчатского рыбокомбината.

Климат в селении более благоприятный, чем в Усть-Камчатске. Здесь, на защищенном от холодных ветров горными хребтами месте, имеются прекрасные пастбища, где летом выпасали лошадей и коров. Из молока вручную сбивали сливочное масло. Его, молоко и мясо доставляли в столовую рыбокомбината.

В 1946 г. в Култуке жили 13 рабочих и служащих. Все селение состояло из нескольких жилых строений и магазина. Профсоюз рыбокомбината организовал здесь Дом отдыха.

Рядом с селением располагалось месторождение глины. Ее использовал скульптор Н. Кононенко, имевший здесь мастерскую, в которой он проработал около десяти лет. Здесь же на небольшом кустарном заводике делали кирпич для нужд рыбокомбината.

В 1960 г. в Култуке имелись всего четыре хозяйства. Они возделывали картофель, посевы которого занимали 5,5 га.

Култук исключили из списков населенных пунктов Камчатской области 13 декабря 1974 г.

Лазо. Днем рождения этого населенного пункта, по мнению краеведа А. Горбача, является 7 марта 1935 г. А исследователь В. П. Кусков указывает другую дату и утверждает, что Лазо было образовано как лесозаготовительный участок в 1932 г. Название поселок получил по предложению строителя Ф. Н. Бердина, соратника С. Г. Лазо. Сергей Лазо — участник гражданской войны на Дальнем Востоке, в возрасте 26 лет был замучен японцами. Мы скорее должны согласиться с В. П. Кусковым.

Первые лесозаготовители появились здесь в 1930 г. Три года они жили в землянках, затем очистили площадку от леса, срубили четыре барака, столовую, начальную школу, контору леспромхоза. Лесорубы вручную пилили лес, на волокушах подвозили бревна к реке, укладывали их здесь в штабели. Весной, в начале мая, скатывали в реку. Бревна молевым сплавом доставлялись до Ключевского лесокомбината, где изготавливались доски, ящики, бочкокомплекты, строились маломерные суда.

В 1938 г. здесь жили 124 лесозаготовителя и члены их семей, а в 1939 г. — 67 чел. На 1 января 1941 г. в местной четырехклассной школе учились 18 чел. В 1944—1945 учебном году школьников было 39 чел., 15 из них не успевали.

Больших успехов в выполнении плановых заданий лесозаготовители добивались во время войны. В 1943—1944 гг. они заготовили 19 477 куб. м, выполнив план на 120 %. Производительность труда на лесоучастке составляла в декабре 1943 г. 219, в январе 1944 г. — 207, в феврале — 200, в марте — 224 %.

Через несколько лет после войны на лесоучастке развернулось активное строительство. 2 июля 1950 г. «Камчатская правда» сообщала: «Рабочие и служащие леспромхоза решили провести воскресник по быстрейшему окончанию строительства школы». Возводились магазин, чайная и новая контора леспромхоза. Здесь хорошо трудились бригады строителей, которыми руководили Гайдагов и Лаптев. Они выполняли дневные нормы на 200 % и более.

К 1955 г. в поселке были построены клуб, библиотека, где насчитывалось более 3 000 книг, больница, магазин, столовая, начальная и средняя школы, интернат, два общежития на 66 мест, детские ясли, баня. Более 250 индивидуальных электрифицированных и радиофицированных домов образовывали улицы Набережную, Омскую и Краснодарскую.

«После рабочего дня лесозаготовители часто собираются в клубе. Недавно с концертами для них выступили участники местной художественной самодеятельности, в их числе активисты клуба — грузчик Г. Михайлов и заведующая аптекой поселка Лазо В. Крынковская, вдвоем исполнившие на последнем концерте песню из кинофильма “Свадьба с приданным” — “На крыльчке вдвоем”».

В 1957 г. жители Лазо выписывали 23 газеты в количестве 659 экз., 389 разных журналов. Торговлю вел местный рыбкооп, который также занимался животноводством, откармливал 98 свиней средним весом по 135 кг.

В начале 1960-х гг., по данным И. Гурвича, в поселке было около 300 дворов, из них всего около двадцати старожильческих.

После более чем тридцатилетней эксплуатации запасов делового леса в окрестностях Лазо не осталось. Власти решили переориентировать жителей на занятие сельским хозяйством. На пахотных землях колхозов «Имени XVII партсъезда» (с. Макарка) и «Вторая пятилетка» (с. Среднекамчатск) был создан совхоз «Лазовский». Первоначально построили животноводческую ферму, гараж, тепличный комплекс. В 1976 г. совхоз получал от каждой коровы 3 285 л молока, средний средоточный вес скота на мясо составил 267 кг. В 1977 г. эти цифры достигли соответственно 3 405 л и 362 кг, в 1978 г. — 3 404 л и 397 кг.

По Всесоюзной переписи населения, проходившей в январе 1979 г., численность населения Лазо составляла 617 чел.

Макарка, селение. Возникло в 1926 г., после того, как сюда сплавили свои дома несколько жителей селения Толбачик. В 1928 г. на Третьем съезде Советов в Усть-Камчатске депутат от Толбачика Григорьев заявил, что «некоторые из селян уже перевезлись и начали постройку в местечке Макарка».

Название село получило по месту расположения рядом с ключевым озером Макарка. Из озера вытекает протока того же названия, соединяющая озеро и реку Камчатку. Расстояние от Макарки до Мильково 216 км, с Лазо село соединяла грунтовая дорога протяженностью 3 км. В 1930-е гг. Макарка административно относилась к Среднекамчатскому сельсовету. Располагалась оно на правом берегу реки Камчатки, в нем было около пятидесяти дворов, образывавших две улицы, тянувшиеся вдоль берега.

В 1935 г. местному колхозу установили план посадки 2,5 га картофеля, 0,2 га капусты, 4 га зерновых. Единоличники должны были посадить 0,2 га картофеля, 0,05 га капусты и 0,04 га других овощей.

В 1938 г. здесь жили 63, в 1939 г. — 58 чел.

В январе 1939 г. газета «Камчатская правда» рассказывала о трудовых подвигах охотника Николая Федоровича Слободчикова, одним из первых в области выполнившего план пушных заготовок.

В годы войны макаровцы принимали участие в защите страны, один из них — родившийся в 1912 г. Иннокентий Андриянович Слободчиков — пропал без вести.

В 1944—1945 учебном году в селении работала четырехклассная школа с 28-ю учениками, девять из них не успевали. В 1947 г. в школе учительствовал камчадал М. Ф. Пермяков, член ВКП(б) с восьмилетним стажем, окончивший педагогическое училище. Самой высокой успеваемости — стопроцентной — в 1946—1947 учебном году добился второй класс. Из 29 учащихся школы на второй год оставили пятерых.

14 февраля 1954 г. колхозники на общем собрании обсуждали результаты деятельности колхоза за 1953 г. Они отметили, что падеж составил 16 голов

крупного рогатого скота и шесть лошадей. Доход от животноводства ожидался в 134 238 руб., а фактически получено 103 469 руб. План заготовки кормов выполнен всего на 30 %, удои на одну корову составили 808, при плане 1 355 л. Прямой убыток от полеводства определен в 22 256 руб.

В ноябре 1955 г. село электрифицировали, сюда провели проводное радио.

В 1960-х гг. число хозяйств оставалось на прежнем уровне — 49, население — около 200 чел., камчадалы составляли только треть, остальные были пришлыми — русскими и белорусами. Последние приехали в Макарку по вербовке в 1941 г.

Часть старожильческого населения в течение тридцати лет переехала в другие близлежащие поселки. В начале 1960-х гг. Макарка перешла в административное подчинение Мильковского совхоза. Тогда в селе имелись телятник и скотный двор. Здесь работала бригада доярок и животноводов, имелась трехклассная школа.

В 1960-е гг. в селе жил Николай Каргопольцев — последний ключевской священник, служивший в 1920-х гг. в Троицкой церкви.

Как достопримечательность села, на берегу несколько десятилетий стоял трактор «Фордзон». В 1969 г. в результате необычайно теплой весны поднявшейся водой село затопило, смыло и «Фордзон». Жители решили разбирать дома и перевозить их в безопасное место. Но вода уже начала спадать, рушился берег, увлекая за собой сарай, изгороди и жилье. Спасти удалось всего несколько строений. Так прекратило свое существование село Макарка. Официально оно закрылось в 1974 г. Сейчас на его месте находится пустая терраса реки Камчатки.

Малки, селение. Расположено на левом берегу реки Быстрой. В 1868 г. ближайшим водоемом к нему считался Безымянный ключ. До Петропавловска расстояние определялось в 138 верст.

В 1730-х гг. С. П. Крашенинников указывал на наличие между Апачей и Ганалами «Аханичева жилища». Оно располагалось между Опачинским острожком и Ганалами. Расстояние от Опачинского острожка до Аханичева жилища составляло 55 верст, от Аханичева до Ганал — 33 версты.

Впервые наименование *Малки* встречается у Лессепа, записавшего в 1787 г.: «Острог Малкин сходен с теми, кои видел я и описал; в нем пять или шесть изб и с пятнадцать балаганов; стоит на берегу Быстрой реки и окружен высокими горами». Лессеп указывал на то, что рядом с селением имеется горячий ключ.

В. Головин в 1811 г. так описывает основное занятие местных жителей — охоту: «Зимой с 1810 на 1811 год здесь был большой соболиный лов. Малкинский тойон Спиридон Дурындин имел у себя в лесах 280 кулемок, из коих в одну ночь он вынул 18 соболей».

К. Дитмар, в 1850-х гг. неоднократно бывавший здесь, считал селение одним из самых больших и зажиточных на Камчатке, хотя во время его посещения здесь было всего 12 домов. Путешественник отмечал: «Этот острог больше Начик и очень живописно расположен в обширной котловине, окруженной горами. Тойон сообщил нам об очень удачном урожае овощей: уродилась капуста, репа и хрен; а с посаженных 5 пуд. картофеля наш рассказчик собрал 60».

Здесь находился дом директора и аптекаря госпиталя, имелся деревянный бассейн для купания. Госпиталь был построен в 1818 г., после эпидемии, поразившей население Камчатки. Его возглавлял штаб-лекарь коллежский асессор Померанцов. Всего на Камчатке в то время было две больницы, вторая — в Тигиле.

В словаре А. Кириллова указывалось: «Малкинское — селение в южной части Камчатки, на месте бывшего острожка. В 1888 г. в селении этом было: часовня во имя Казанской иконы Богородицы, домов 11 и жителей — камчадалов 40 муж. и 25 жен. пола».

В последние годы XIX в. население значительно выросло, и уже в 1895 г. в нем стояли 18 домов и 23 нежилых постройки, жили 61 мужчина и 38 женщин. Значительное развитие получило животноводство, селяне содержали 30 лошадей и 59 коров, 188 ездовых и охотничьих собак. Охотники добыли 51 соболя, 39 медведей, три лисицы, две выдры, девять горных баранов, шесть диких оленей, поймали 71 580 рыб. С огородов сняли 597 пудов картофеля и 10 пудов репы.

В 1908 г. В. Л. Комаров отмечал, что в селении имелась «маленькая, крытая травой часовня. Небольшие, но чистые домики, разделенные огородами и пустырями, говорят о недостатке строительного материала, так как селение это — одно из зажиточных и растущих».

Здесь проживали камчадалы, и только одна семья Ворошиловых, где женой была сестра жителя селения Завойко И. Е. Машихина, могла считаться русской. Коренными жителями являлись Абакумовы, Атласовы, Пановы, Пермьяковы, Дурынины. В течение почти полутора веков (с 1852 по 1994 г.) численность населения оставалась примерно постоянной: от 65 в 1888 г. до 108 в 1896 и 1924 гг. Самая низкая численность (56 чел.) отмечена в 1994 г.

Обычно семьи здесь были большие. Так, в 1889 г. был зарегистрирован брак Петра Петровича Абакумова и Ольги Викторовны Антоновой, родивших восьмерых сыновей: Фотия, Ивана, Иллариона, Константина, Виктора, Никифора, Григория и Василия. Вплоть до 1930-х гг. детская смертность на Камчатке оставалась высокой: умирали до 20 % родившихся.

Малкинцы принадлежали к приходу Большерецкой Успенской церкви, но из-за очень большого расстояния священник бывал здесь редко.

В период гражданского противостояния на Камчатке малкинцы осторожно относились к смене власти, поэтому были причислены к сепаратистам. На заседании Второго Петропавловского съезда в 1922 г. говорилось о Малкинской волости, как о «идушей на поводу спекулянтов и другого разьежающего по области контрреволюционного сброда, желающего внести смуту и раздор между населением Камчатки...» В октябре 1922 г. через Малки в Петропавловск прошел устькамчатский партизанский отряд. Никаких осложнений во взаимоотношениях со здешним населением у него не возникло.

В 1909 г. была образована Камчатская область. В ее селениях стали открываться новые одно- и двухклассные школы. Одноклассная церковно-приходская школа появилась и в селении. Но уровень преподавания был в ней крайне низок.

Советское государство придавало школьному делу большое значение. В 1930 г. вышло постановление «О всеобщем обязательном образовании». Важное место уделялось дисциплине учащихся. В 1932 г. были переработаны учебные программы и созданы новые учебники. На рубеже 1930-х гг. начали открываться новые школы и в камчатских селениях, а местная школа получила государственное финансирование. До этого времени ее содержали местные жители.

В 1939 г. в малкинской школе преподавали два учителя: Линева и Сахно. В этом году затраты на содержание учебного заведения, его отопление, приобретение инвентаря и заработную плату учителей составили 6 555 руб. В 1940 г. здесь учились 22, а в 1944 г. — 16 чел.

До 1960-х гг. дороги между Петропавловском и селением, еще не было. Все товары сюда привозились вьюками на лошадях или зимой на собачьих упряжках. В 1926 г. стоимость продуктов в селении составляла (руб. за кг): крупчатка — 0,24, крупа гречневая — 0,25, рис — 0,4, масло сливочное — 3,0, масло бобовое — 0,82, сахар-песок — 0,6, чай байховый — 5, табак листовой — 1,25 коп. Спички стоили 13 коп. за коробку, сапоги простые — 15 руб., резиновые — 10 руб. 90 коп.

В июле 1924 г. из Петропавловска в Малки совершил ботаническую экспедицию камчатский краевед П. Т. Новограбленов, который в своем отчете, направленном в Русское Географическое общество, отмечал: «Малки — небольшое селение, обычного невзрачного камчадальского типа, с маленькими деревянными домиками, крытыми травой, расположено на левом берегу реки Быстрой. Расположение неудачное: весенние воды реки затопляют улицы деревни; реченька, которая течет посредине деревни, разбухает, даже сносит мостики через нее; улицы сырые, всюду лужи. Место для жилья нездоровое. Кроме того, Быстрая, стремительная и мощная река, быстро подмывает речной аллювий, на котором расположено селение, и грозит смыть года в три тот островок, на котором находится западная часть Малки. Жители

уже стали поговаривать, что-де надо бы подумать о том, куда переносить свою деревню.

Население перенесло недоход рыбы в прошлом году, вследствие которого погибли ездовые собаки (около 75 %) и скот, убыль которого равна почти 50 %.

Школа первой ступени занимает небольшой домик с соломенной крышей, кривыми окнами, дверьми и даже кривой трубой. Кривизна преобладает в архитектуре здания школы. Недалеко от этой убогой постройки, наводящей уныние даже в солнечный летний день, стоит хорошее, просторное здание, начатое почтовым ведомством для конторы и так и неоконченное; малкинцы исхлопотали передачу этого здания для школы, но сами тоже не в силах окончить постройку. Сруб с железной крышей укоризненно чернеет большими отверстиями для окон и дверей».

В восхождении на горный хребет П. Т. Новограбленова сопровождал местный житель Дурынин.

Ученый записал местные названия: Малкинские термы, хребет Малкинское зеркало, луг Асачанок, местечко Корханчиц, где растет одно из редких растений — ароидное, которое в Малке зовут «цхауч».

Малкинцы, лишённые в те годы медицинской помощи, принуждены были сами изыскивать способы для излечения разных болезней. Много им в этом помогали горячие ключи и разные травы, «почему их познания в области ботаники значительны. Названия растений у малкинцев свои. Старокамчатальских слов у них еще много, хотя говорят они все на русском языке, своеобразным говором».

Еще одним этапом в истории села стало образование колхоза. По сравнению с другими селениями, здесь он появился значительно позже, только 1932 г. Хозяйство назвали «Первое мая». В январе 1939 г. в нем насчитывалось 13 семей общей численностью 52 чел., в том числе 15 трудоспособных мужчин и 10 женщин. Имущество колхоза составляли: два невода, четыре запора, два плуга, четыре бороны «Зигзаг», орудник, три сенокосилки, двое конных грабель, четыре дровни и три бата. Колхозники обрабатывали 2 га пашни и 8 га огородов. Луга простирались на 70 га.

Административно Малкинский сельсовет первоначально входил в Мильковский район, но из-за значительного расстояния (около 200 км) до районного центра — села Мильково оперативная связь с колхозом и сельсоветом была крайне затруднена. А со стороны Петропавловска в сторону селения Начики строилась автодорога. По ходатайству Мильковского райсовета и Камчатского областного Совета народных депутатов 5 сентября 1944 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О перечислении Малкинского и Начикинского сельских Советов из Мильковского района в пригородную зону города Петропавловск-Камчатский, Камчатской области Хабаровского края».

12 февраля 1956 г. прошло общее собрание граждан села. Из 72 взрослых жителей здесь присутствовали 64 чел. Собрание решило упразднить Малкинский и войти в Начикинский сельсовет.

Основоположник камчатского туризма В. И. Семенов в конце 1960-х гг. отмечал: «Сейчас Малки — крошечный поселок из нескольких почерневших от времени покосившихся домиков. Захирение Малки началось с открытием регулярного морского сообщения с Усть-Камчатском и развитием автотранспорта».

Сегодня для камчатцев и гостей полуострова Малка — это, прежде всего, минеральная вода и горячие источники, расположенные в долине реки Ключевки, в четырех километрах от дороги Петропавловск — Мильково. Температура воды в них достигает 84 °С.

В 1963 г. на Малкинских источниках начались буровые работы. Сегодня эксплуатируется Малкинское месторождение холодных углекислых вод с минерализацией от 4,5 до 32,5 г на литр. Запасы этих вод утверждены в 1968 г. в объеме 335 т в сутки. С 1960-х гг. минеральная вода разливается в бутылки для продажи населению. Здесь имеется рыбоперерабатывающий завод. Но на нем работают лишь несколько местных жителей.

Майское, селение. Находится на правом берегу реки Камчатки, ближайшие населенные пункты — город Ключи и поселок Козыревск. Расстояние от Майского до районного центра Усть-Камчатск по реке 185 км. Жители добираются в райцентр на рейсовом автобусе Петропавловск — Усть-Камчатск. Летом в соседние населенные пункты можно доехать и по реке, но уже лет десять, как здесь нет пассажирского сообщения. Буксирные же катера не ходят, а на лодке добираться накладно из-за очень дорогого бензина.

Майское обязано своим возникновением бурному экономическому развитию Камчатки, начавшемуся на рубеже 1930-х гг. Тогда организовывались сельскохозяйственные предприятия: Петропавловский, Усть-Большерецкий и Козыревский совхозы. Последнему следовало снабжать продуктами Ключевской лесокомбинат, Усть-Камчатский рыбокомбинат и Козыревский лесозаготовительный участок.

Совхоз был основан 27 мая 1930 г. Его первым директором стал Иван Михеевич Касьянов, его заместителем Борис Иванович Береговой. В хозяйстве начинали трудиться агроном Гавриил Леонтьевич Терещенко, зоотехник Еремеев, завхоз Критик, прораб Кирющенко, механик Стукалов, завскладом Шобалин, завмагазином Косицин.

В совхоз завезли 45 дойных коров, двух быков-производителей, 30 лошадей, пять голов свиней, 11 тракторов, сельхозмашины к ним, конные плуги, бороны «Зигзаг». Автомашин на первых порах не имелось. Начинали работу 25 механизаторов, доярки, скотники, конюхи, два кузнеца, сельхозрабочие. Позже, в июне 1930 г., приехали 150 сезонных строителей, которые приступи-

ли к возведению жилых бараков и производственных помещений: скотного двора, конюшни, а также пекарни и больницы.

В первые годы АКО не особенно щедро снабжало совхоз техникой. До войны хозяйство имело всего одну автомашину, полуторку ГАЗ-АА и отечественные тракторы «Интер» с моторами мощностью 25 л. с., один-два газогенераторных трактора ХТЗ, газогенераторный трактор «Сталинец» в 65 л. с. и два 40-сильных керосиновых трактора «Алтаец». В конце войны пришли американские грузовики «Студебеккер». После войны начали поступать тракторы С-80, С-100, «Беларусь», ДТ-54, автомашины ГАЗ-63, самосвалы...

Урожайность полей сильно колебалась: так, в 1939 г. сельяне собрали урожай в три раза больше, чем в прошлом 1938 г.

К 1960-м гг. значительно выросло население района, и совхоз «Козыревский», расположенный в Майском, уже не мог удовлетворить потребность близлежащих населенных пунктов в сельхозпродукции. Для решения этой задачи в 1959 г. был образован совхоз «Крутобереговский», а в 1960 г. — совхоз «Ключевской».

Тридцать лет село не имело определенного названия. Его именовали то «Совхозом», то «Козыревским совхозом», то совхозом «Имени Особой Краснознаменной Дальневосточной армии». Так было до 1960 г., когда на общем собрании жители наконец-то решили дать название своему селу. Думали, ряздили, предлагали: «Светлый путь», «Ленинский путь». В итоге дали название «Майское», мол, в мае образовано. Теперь шутят: «С тех пор и маемся».

В 1970 г. сельяне собрали 677 т капусты, 711 т овощей. В 1985 г. получили по 202 яйца с одной курицы, на одну корову надоили 2 877 л молока. Объемы посевов были настолько большие, что на уборочную в Майское приезжали десятки автомашин из Ключей и Усть-Камчатска. В Козыревске и Ключах открылись отделения совхоза.

Посевная площадь в 1976 г. насчитывала 1 171, в 1977 г. — 1 358, в 1980 г. — 1 818 га. В 1976 г. совхоз собрал 300, в 1977 и 1980 гг. — 200 т картофеля. Урожайность гектара капусты к 1980 г. достигла 250—300 ц. В 1987 г. план надоев был установлен в объеме 2 920 л с коровы, фактическое же его выполнение составило 3 180 л.

С началом «экономических реформ» в 1990-х гг. надои резко упали и составляли: в 1993 г. — 600, в 1994 г. — 586 л. Сократилось стадо крупного рогатого скота. Если в 1992 г. было 3 200 голов, то к 1997 г. осталось 200. Численность работавших снизилась с 250 в 1992 г. до 70 в 1997 г.

Далее ситуация продолжала лишь ухудшаться. Газета «Новая камчатская правда» 26 августа 1999 г. опубликовала открытое письмо жителей: «Село Майское, в котором еще недавно проживало 720 чел., лишили статуса села. В связи с разрушением села и совхоза в Майском сейчас насчитывается 386 чел., из них 240 избирателей. В селе Майском закрыли участковую боль-

ницу. Среднюю школу перевели в жилой дом, где нет столовой и спортивного зала. Совхоз “Козыревский” на бумаге еще существует. Есть директор совхоза, главный бухгалтер, инженер по кадрам, две коровы, десять телят и один трактор “Беларусь”. Вот и все хозяйство».

Вскоре совхоз прекратил свое существование. Закрылась местная дизельная электростанция, электричество теперь подается из Козыревска. Население продолжает сокращаться. Село не имеет собственной администрации и входит в Козыревский сельский округ.

Машура, селение. По собранным в 1909 г. В. Л. Комаровым сведениям, имело первоначально ительменское название, звучавшее как *Конттоиок*. Название *Машура* оно получило от русских казаков, по имени тойона Начик Машурина.

Перед Машурой, напротив устья реки Кылтыгина, находился Машуровский лабазок — помост, с которого камчадалы наблюдали за рекой. Отсюда она хорошо просматривалась, и было ясно видно приближение рыбных косяков.

В Машуринском остроге стояли девять зимних жилищ, о размерах которых в 1727 г. сообщал В. Й. Беринг: «... в оном остроге тоюнская юрта весьма велика, глубина три сажени, в которой без труда можно уместить человек двести пятьдесят».

В начале XVIII в. острожек был самым многочисленным в долине реки Камчатки. С. П. Крашенинников сообщает, что ясачных плательщиков в Машуре было 154 чел., то есть все население можно оценить приблизительно в семьсот человек.

С 1745 г. рядом с Машурой при устье озерной протоки Пхлаухчича непродолжительное время существовала русская заимка из крестьян, переселенных сюда для сельскохозяйственных работ. Здесь же стояла небольшая часовня.

Для обучения отроков грамоте в 1750-х гг. в Машуре открылась школа.

Лессепс в 1780-х гг. сообщал: «Острог Машура был из числа лучших на полуострове, когда еще не было в оном оспы, но сия жестокая болезнь так его опустошила, что двадцать только фамилий осталось после того».

Посетивший селение в середине XIX в. К. Дитмар, отмечал: «Поселение расположено очень живописно на высоком левом берегу главной реки и окружено рослым, густым хвойным лесом. Десять жилых домов со службами были в полной исправности и порядке; жители... имели свежий и здоровый вид». Тойоном селения был Мерлин. Мерлины принадлежали к очень древнему и известному роду. Их предком, по преданию, был знаменитый камчатский воин Божош. Он славился небывалой силой: выпущенные им стрелы пробивали деревья. Другой Мерлин победил в бою известного харчинского разбойника Гулгуча, славившегося по всей Камчатке своими похождениями.

Основным занятием жителей Машуры, как и в других камчатских селах, были рыболовство и охота. В 1894 г. здешние охотники добыли 71 соболя, 48 медведей, 25 лисиц и 19 выдр. На огородах машурцы собрали 414 пудов картофеля, 61 пуд репы, выловили 38 000 рыбин.

Через полвека после Дитмара гидролог В. Н. Лебедев застал здесь совсем другую картину: «...расположенное в таком живописном месте, производит довольно безотрадное впечатление: бедность, особенно поражающая по сравнению с Толбачиком и Мильковым, какая-то пришибленность, унылые жалобы на судьбу. Впечатление такое, точно люди на все махнули рукой».

В. Л. Комаров, описывая селение, замечает: «Мы застали в Машуре 84 души жителей, 16 хозяйств при 18 балаганах, располагающих 56 головами рогатого скота и 11 лошадыми; собак 305, нарт 97, батов 29». По камчатским меркам, это было большое селение. Далее он подтверждает слова Лебедева: «Население ее в упадке; какая-то общая вялость и беспечность бросаются в глаза очень резко... Запор они ставят едва ли не слишком поздно, так как не могут совладать с рекой до полного спада воды».

До 1925 г. в Машуре находилась фактория, куда катера из устья реки Камчатки привозили товары для верхних селений Щапино, Кирганика, Мильково, Верхнекамчатска, Шаром. В 1925 г. факторию передали Мильковскому кооперативу. По переписи 1926 г. численность населения по сравнению с 1909 г. несколько возросла и составляла 107 чел., в том числе 64 мужчины и 43 женщины.

К 1920-м гг. на Камчатке происходит заметное расслоение населения, в том числе и среди коренных жителей. Появляются «передовики» — зажиточные хозяева. В 1929 г. журналист В. Канторович посетил в Машуре дом, где в хозяйстве было 11 лошадей, 11 свиней и три коровы, имелась американская кафельная печь.

26 августа 1928 г. газета «Полярная звезда» сообщила, что в селении Машура прошли первые киносеансы: «Население очень заинтересовано, кино многие видели первый раз, и теперь все время вспоминают эти три вечера. Некоторые граждане говорят: “Как вспомнишь, так и становится на душе весело, хорошо бы все время смотреть кино”».

А вот еще одна яркая картинка из жизни того времени: «9-го июля (1928 г. — В. Б.) в селение Машура прибыл агиткунгас, следующий по реке Камчатке. В этом агиткунгасе работает г. Петров (инструктор РИКа), доктор Вымлятил, Голованов (ОКРЗУ), Ноздрин (райполитпросветорганизатор). Товарищи дали живой инструктаж — разные разъяснения и указания. Товарищ Голованов измерял огородные площади и разъяснял крестьянам и крестьянкам, как садить овощи, как снимать и вообще, как с ними обращаться. Некоторые женщины поняли совет г. Голованова и на будущий год хотят провести опыт, как он учил».

В 1932 г. здесь было 31 хозяйство, в том числе 27 колхозных, три единоличных и одно «кулацкое». В 1933 г., по данным райисполкома, осталось 29 хозяйств, 111 жителей, в том числе 70 бедняков, 36 середняков и пять «кулаков». Из них 110 камчадалов и один русский. Камчадалы начали строить просторные жилища. Так, Всеволод Васильевич Мерлин возвел рубленый дом длиной 8,85, шириной 7,2 и высотой 2,58 м.

В начале 1930-х гг. двое молодых местных жителей Красильниковых переселились из Машуры на новое место, где основали селение Долиновку. Через несколько лет сюда переехало большинство жителей Машуры, где в 1935 г. остались всего шесть хозяйств. В 1936 г. на новое место жительства перебрались и они. Так прекратило существование это старинное камчадальское село.

Нижнекамчатск. В 1703 г. в устье реки Еловки появилось зимовье, позже перенесенное отсюда «служивым» Михайлом Зиновьевым несколько ниже, на так называемые «ключи», и получившее название Нижнекамчатска.

Пятидесятник Колесов, прибывший на полуостров в 1704 г., поставил около существовавшего зимовья «другой острог, мерою кругом 30 сажень, в вышину пол-третья сажени». Приехавший в августе 1713 г. дворянин Иван Енисейский закладывает на ключах первую на Камчатке Никольскую церковь и вновь переносит острог на новое место. С. П. Крашенинников отмечает, что «от того времени стали помаленьку строиться Нижнего острога жители на ключах, оставя старый острог».

В 1728—1729 гг. Нижнекамчатский острог становится базой Первой Камчатской экспедиции. По тем временам он являлся одним из самых крупных на полуострове. В. Й. Беринг сообщал: «...а при нижнем Камчатском остроге дворов с 50. Да в другом месте, где церковь, с 15». В журнале мичмана П. Чаплина записано: «Жилья имеется дворов с 40, а распространяется по берегу близ версты».

Рапорт В. Й. Беринга в Адмиралтейство от 10 июля 1728 г. гласил: «А для оставших от нас вещей построили мы анбар при ключах, где церковь, расстоянием от нижнего Камчадальского острогу верст с 6... а при астрогое построить не смел, для того что по вся годы топит водою и стоит воды июня с первых чисел и до половины июля месяца».

На Ильин день в 1731 г. восставшие ительмены под руководством тойона Федьки Харчина захватили Нижнекамчатский острог, перебив его немногочисленный гарнизон. Ительмены знали, что в это время готовилась экспедиция на Чукотский полуостров к Анадырю для покорения «немирных чукоч», и воспользовались ситуацией.

В результате захвата острога и последующего подавления бунта практически все строения в Нижнекамчатске были сожжены. Было решено построить новый острог, но на другом месте, значительно ниже первого. В 1736 г.

при впадении реки Радуги в реку Камчатку майор Якутского полка Василий Мерлин возвел новый Нижнекамчатский острог с башней «о четырех жильях». «Оной острог зделан четырехугольным, длиною 42, а шириною 40 сажень», — сообщал позже С. П. Крашенинников.

1 августа 1743 г. из Нижнекамчатска вышла первая промышленная экспедиция, снаряженная на средства московского купца Е. Санникова, посадских людей Паншина и Д. Соснина, крестьян Попова и Холщевникова.

Результаты плавания промышленников Емельяна Басова и купца Никифора Трапезникова послужили толчком для новых экспедиций на «незвестные острова», вначале Командорские, а затем Алеутские и Курильские для добычи на них пушнины. В период 1743—1783 гг. мореходами, вышедшими из Нижнекамчатска, была открыта и нанесена на карту большая часть Алеутских островов. Русские промышленники начали освоение «матерой» американской земли — Аляски.

Таким образом, история Нижнекамчатска самым тесным образом связана с именами русских мореходов, промышленников и купцов: Е. Басова, Е. Санникова, Л. Наседкина, С. Глотова, А. Толстых, Г. Пушкарева, С. Соловьева, П. Зайкова, И. Коровина, Г. Измайлова, Е. Деларова, Д. Бочарова, М. Чурина, Д. Панкова и многих других.

В 1767—1770 гг. в Нижнекамчатске базировалась секретная правительственная экспедиция под руководством П. К. Креницына — М. Д. Левашова. Здесь ее участники построили морской катер «Черный орел». В 1768 г. они составили топографический план Нижнекамчатска. На нем изображены: «А. Нижно камчатцкая крепость, которая обнесена деревянным палисадом, и сквозь оной вкруг крепости зделаны для стрельяния из ружей маленькие окошечки, которых числом 137. В. Трои ворота, ис которых к протчих более и над оными башня на которой вместо калаколны повешены колокола и в нижнем апартаменте для паления ис пушек зделаны четыре окна... С. Четыре бастиона, и во оных для постановления пушек намощены мосты, а сквозь крепостной полисад зделано по два окна. В крепости строения казеннаго: Д. Церковь деревянная Успение Пресвятыя Богородицы, Е. Приказная изба, Ф. Магазины, Г. Анбар для поклажи ясажной мяжкой рухляди и слаткой травы. Строения вкруг крепости: Н. Церковь деревяная Никалая Чудотворца, I. Казенные лавки зделаны для приезжих купцов, К. Казенный дом зделан для прежде бывшего на Камчатке архимандрита, ныне пуст, Л. Прядилные сараи, М. Место, где строятца купеческие суда, N. Казенной дом для командира крепости, О. Кабак, по тамошнему названию каштак, а протчей строения обывательские дома».

В 1783 г. указом Екатерины II Нижнекамчатск был возведен в статус уездного города. 26 октября 1790 г. императрица утвердила городской герб: «В верхней части щита герб Иркутский. В нижней части, в голубом поле, кит, в знак того, что у сего города в Океане много их находится».

В описании Иркутской губернии указывалось, что в конце 1790-х гг. острог занимал площадь длиною в 350 сажен и шириною в 120 сажен (около 20 000 кв. м). Над воротами палисада возвышалась башня с колоколами, в стенах были прорезаны бойницы. В остроге находились две церкви, нижний земский суд и уездное казначейство, казенные амбары, два гостиных ряда, четыре кузницы, питейный дом и 45 «обывательских» домов. По пятой ревизии (1795 г.) в городе считалось 55 «мужеска пола мещан и цеховых» и 56 церковнослужителей.

Жители выращивали репу и редьку, ячмень, овес. Растущие «травы пырейные» были «столь злачны, что летом три раза можно скашивать». На зиму заготавливали лесные ягоды, ловили рыбу и промышляли зверя. «У жителей запас съестной к зиме состоит из корней разных пород лилий... сладкая трава важнее лилейных, ибо употребляется в разные толкуши с ягодами... Она готовится вот как: связав ее десятками, дают завянуть, потом кладут в травяные мешки, в коих она чрез несколько дней сахарится, коей отрясают с пуда $\frac{1}{4}$ фунта; сок ее ядовит; из нее, в теплой воде сквашенной, гонится водка: из двух пуд травы выходит целое ведро. Черемши и луку много».

В 1803 г. при нижнекамчатском гарнизоне открылась «военно-сиротская школа» для солдатских детей, работавшая до 1817 г.

В 1812 г. Нижнекамчатск являлся самым большим населенным пунктом полуострова: здесь жили 840 чел., в том числе 41 духовное лицо, 450 военных, 190 приказных, 61 разночинец, 63 мещанина, 35 крестьян.

В январе 1811 г. под председательством И. Б. Пестеля в Петербурге работал комитет, принявший «Новое положение о Камчатке», утвержденное императором Александром I 9 апреля 1812 г. По этому положению «пребывание начальника Камчатки назначается впредь в Петропавловской гавани». Центр политической и духовной жизни полуострова с этого времени перемещается на берега Авачинской губы.

После переселения администрации и воинской команды Нижнекамчатск быстро превратился в обычное камчадалское поселение. В 1813 г. население сократилось на 48 чел. и составило 792 чел. В 1822 г. здесь жили 299, а в 1852 г. — всего 245 чел., в том числе 13 духовных лиц, 73 казака, 12 мещан, 105 крестьян и поселян, 42 камчадала. В 1891 г. в Нижнекамчатске остались 148, а в 1895 г. — 107 чел.

Побывавший в селении в середине XIX в. К. Дитмар сообщал: «Деревня помещается теперь почти совсем в новом месте; только нынешняя церковь и несколько домов стоят по-старому. От прежнего блеска древней столицы страны оставались только старинная церковь и название “городничего”».

В 1852 г. городничим, то есть старостой, был 68-летний Иван Васильевич Кузнецов, «сын очень зажиточных родителей, живших в Нижнекамчатске, родился около 1770 года. Еще молодым человеком он отправился в Вологду,

чтобы там научиться торговому делу. В 1804 году Кузнецов вернулся в Нижнекамчатск и с того времени безвыездно жил в Камчатке. Составив себе большое состояние, он затем вследствие нескольких кораблекрушений опял потерян его».

В Нижнекамчатске до 1930-х гг. находился местный архив, в котором хранились уникальные документы по истории освоения Камчатки и Русской Америки, охватывавшие период с начала XVIII до начала XX вв. К сожалению, весь архив утрачен. У нас есть информация, что во время Великой Отечественной войны из-за нехватки бумаги часть архива передали местным школам. На обратной стороне документов дети учились чистописанию и арифметике.

После успешного отражения нападения англо-французского десанта на Петропавловск в 1854 г. перед властями Камчатки встал вопрос о том, что делать, если враг повторно нападет на порт летом 1855 г. Здесь готовились к отпору: ремонтировали и укрепляли батареи, обучали местных жителей военному делу, создавали запасы продуктов. В селения полуострова тойонам и старостам были посланы депеши, содержавшие требование направить на оборону Петропавловска местных охотников.

Вот документ, дошедший до нас благодаря сотруднику Нижнекамчатского сельсовета В. Петрову, снявшему в 1926 г. с него копию. «Приказ Нижнекамчатскому старосте Кузнецову. Находя нужным оставить в распоряжении твоём наибольшее [число] людей для вспомоществования в работах оставшимся казачьим семействам в Усть-Приморском селении по требованию тамошнего частного командира, также для защиты и спасения женщин, детей, скота, всего крестьянского имущества здешнего селения по случаю появления врага в реке, а потому и предписываю им по желанию их идти на защиту Петропавловского порта двенадцати человек, послать всего пять, здесь поименованных: Захара Греченина, Ивана Гусева, Ивана Никифорова, Андрея Тарабыкина, Афанасия Помазкина, которым и выехать непременно к 1-му мая. Подлинный подписал: Капитан-лейтенант Чехачев. 1855 г. Генваря 22 дня».

Особое место в истории Камчатки занимает Нижнекамчатская Успенская церковь. Это — единственный памятник деревянной архитектуры, дошедший до нас через столетия. Церковь построили в 1737 г., освятил ее 15 июня 1741 г. священник Ермолай Иванов.

Затем рядом с острогом строится вторая церковь. В 1773 г. камчатский исправник капитан Тимофей Шмалев писал: «Крепость деревянная, в коей строения, церковь Успения Пресвятыя богородицы... За крепостью церковь же Николая Чудотворца...»

Новую Успенскую церковь построили при городничем Крылове. Ее освятил 12 ноября 1796 г. протоиерей Стефан Никифоров.

Никифоровы вошли в историю полуострова как род священнослужителей. Н. С. Никифоров родился в 1745 г., его отец Стефан Никифоров — сын

священника села Семеркина Дмитровского уезда Московской губернии Никифора Иванова. После окончания Греко-Латинской академии Стефан Никифоров входил в состав Камчатской Духовной миссии архимандрита И. Хотунцевского.

17 апреля 1761 г. святейший Синод принял решение: «Священнику Стефану Никифорову быть управителем камчатского духовенства, с производством его в протопопы». Ему положили жалования 400 руб. и «хлебную дачу». Стефан Никифоров был женат на Ирине — дочери известного на Севере и Камчатке священника Ермолая Иванова. Умер он в возрасте 83 лет, похоронен в Нижнекамчатске, в то время духовном центре полуострова.

Никифор Никифоров тоже прожил долгую жизнь, в возрасте 83 лет ушел на покой, умер в возрасте 92 лет, похоронен рядом со своим родителем.

Другой сын Стефана — Михаил, 1757 г. рождения, служил дьячком в Нижнекамчатской церкви. У Михаила и его жены Матрены Кузьминичны были дети: сыновья Андриан, Капитон, Платон и Ермолай, дочери Евдокия и Анна. Впоследствии Андриан (1778 г. рождения) становится священником и безвестно погибает в камчатских снегах: особенностью его службы были долгие разъезды по всему полуострову.

Племянник Никифора Иона Петров Никифоров, 1806 г. рождения, свою жизнь тоже посвятил служению церкви. Он был священником, после ухода на покой жил в Нижнекамчатске, умер в конце 1890-х гг. Его сын Петр Ионов стал псаломщиком, а затем священником в Нижнекамчатской церкви. Сын Петра Ионовича Петр Петрович Никифоров, 1891 г. рождения, служил дьячком в Нижнекамчатской церкви.

Иннокентий Вениаминов в 1846 г. отмечал: «Церковь деревянная, прочная, собранная из двух церквей, существовавших здесь до 1827 года, проповеднической Успенской и приходской Николаевской». Из-за угрозы разрушения сильными паводками церковь перенесли на возвышенность, куда впоследствии переселились и местные жители.

Вот что рассказывала в 1994 г. об этом событии родившаяся в 1909 г. в Нижнекамчатске Акулина Захаровна Портнягина, в девичестве Греченина: «Раньше Нижнекамчатск на заимке стоял, церковь там была другая. Потом стало подмывать, а наши деды жили на заимке, потом они давай переезжать туда, где сегодня Нижнекамчатск, жребий бросали, куда переезжать: на эту сторону или в Обухово. Заворачивали, билетки бросали, старухи это рассказывали».

В 1865 г. построили последнюю Успенскую церковь. Ее возвели из лиственничного леса, покрыли тесом, окрасили белой масляной краской, внутри обтянули плотной материей. Церковь имела длину 21,5, высоту до крыши 11,5 и ширину 10,25 аршин. Отмечая ее убранство, иеромонах Нестор писал: «В этой церкви на горном месте находится образ Успения Божией Матери, присланный в благословение первой камчатской Успенской пустыни».

в 1717 году от Киево-Печерской лавры. Образ этот в чеканной серебряной ризе и с вырезанной надписью».

С запада от церкви находилась двухъярусная колокольня, на которой висели два больших колокола весом 40 и 23 пуда и несколько меньших. Территория, прилегавшая к церкви, была огорожена волнистой оградой с красивыми решетчатыми воротами. Церкви принадлежали дом священника и псаломщика, а также церковноприходская школа.

Архивные документы донесли до нас фамилии последних служителей церкви: священника Геронтия Васильевича Коллегова, псаломщиков Петра Никифорова и Николая Сновидова.

Убранство церкви формировалось в течение всего времени ее существования. Прихожане жертвовали сюда вклады по случаю личных событий в жизни. Здесь находился один из самых богатых на Востоке России иконостасов. Церковная утварь активно пополнялась в годы бурного освоения русскими промышленниками Северной Америки и Алеутских островов. После плаваний они делали посильные вклады. Эта традиция продолжилась в XIX и начале XX вв. Как сообщили нам старожилы села, после закрытия церкви утварь изымали и вывезли в райисполком в Усть-Камчатск.

В 1921—1922 гг., в период гражданского противостояния на Камчатке, власть в Усть-Камчатске принадлежала революционно настроенным лицам, прибывшим сюда для работы на рыбных промыслах. Они создали партизанский отряд, в который вошли и нижнекамчатцы, несшие караулы в устье реки Камчатки и на Цуцумской кошке. В отряде числились: В. А. Греченин, Т. И. Козаев, Э. Косыгин, З. А. Петров, Т. С. Попов, Н. М. Попов, М. В. Портнягин, П. В. Портнягин, А. Сновидов, кореец Цо Ен Седи.

В период двоевластия на Камчатке обе стороны — и красные, и белые — пытались агитировать местное население и объяснять ему свои действия. Так, священник Нижнекамчатской церкви Геронтий Коллегов получил от проезжавших каюров воззвания к населению полуострова из Петропавловска, занятого отрядами белых.

Это стало известно красным партизанам. В апреле 1922 г. они отправили священнику предупреждение: «По полученным сведениям известно, что Вами распространяются прокламации Меркуловского правительства, а также высших духовных лиц, явно подрывающие престиж народной трудовой власти и губящие тем дело завоеваний великой пролетарской революции, поддерживая... разного рода самозванные правительства, которые стремятся к восстановлению старого царского деспотизма.

Военный Совет усть-камчатского добровольческого отряда стоит на страже защиты исконных прав трудового народа, далек от вмешательства в дело церкви и подрыва дела религии и в свою очередь просит Вас не вмешиваться в дела политического характера, и все имеющиеся у Вас прокламации пере-

дать Военному Совету для уничтожения, прекратив таким образом преступную агитацию против прав трудового народа, занимаясь исключительно делом церкви... При этом, считаясь с тяжелым переживаемым моментом, военный Совет предупреждает Вас, что если после сего Вами не будет прекращено дело агитации, то будут приняты самые решительные меры».

В то же время молодежь села создала «тайно-политическую группу», стоявшую «на платформе революционной борьбы». Вот текст ее сообщения из Нижнекамчатска в партизанский отряд от 3 апреля 1922 г. «Сим ставим вас в известность, что у нас организовалась небольшая тайно-политическая группа, цель которой — стоять на защите интересов народа. Сообщаем для сведения и, между прочим, просим держать в секрете, за исключением самого отряда. Но, надеемся на вашу поддержку вопрос потребности, как с материалами, так и всех остальных службах. Кроме того, что мы очень незначительны, и сила наша не многая, просим, если есть на лишке хотя один револьвер и, наверное, есть сабли или итачи штуки две для милиции. Если есть, то, пожалуйста, пришлите. Кроме того, сообщите письменно ваше положение в отряде».

В 1923 г. в Нижнекамчатске установилась советская власть. Существенных изменений в жизни селян на первых порах не произошло, если не считать организации в декабре 1924 г. комсомольской ячейки.

По Приполярной переписи 1926 г. в Нижнекамчатске числились 36 хозяйств и 225 жителей. Они носили следующие характерные фамилии: Гречинины, Портнягины, Тарабыкины, Коллеговы, Поповы, Никифоровы, Сновидовы, Снафидовы.

В начале 1930-х гг. в Нижнекамчатске образовался колхоз «Путь Ленина». Колхозники ловили лосося, возделывали картофель и капусту, выращивали табак, занимались скотоводством. В 1935 г. колхоз возглавил Давид Федорович Савинский — внук известного на Камчатке казачьего сотника, принимавшего участие в обороне Петропавловска в 1854 г.

Затем на базе колхоза открылось отделение совхоза «Крутоберговский», а в 1968 г. Нижнекамчатск был закрыт. Жителей переселили в Усть-Камчатск и Ключи.

В 1980-х гг. на месте бывшего острога сотрудники Камчатского областного краеведческого музея провели археологические раскопки. В 1993 г. частично отремонтирована и освящена Успенская церковь. Исторический центр полуострова — Нижнекамчатск — должен возродиться в новом качестве: как историко-туристический объект.

Николаевка, село. Из райцентра Усть-Камчатск до Николаевки тянулась тропа длиной 6 км, а от Мильково по реке на катере нужно было ехать несколько дней, чтобы преодолеть 559 км.

Основали Николаевку в смутный период гражданского противостояния начала 1920-х гг. рабочие усть-камчатских рыбных промыслов, решившие

остаться зимовать на берегу реки Камчатки. Точной даты основания селения пока не выявлено. В архивных данных оно упоминается с 1922 г., а сведения за 1923 г. говорят, что здесь проживали 60, в 1928 г. — 73, а в 1933 г. — уже 128 чел. В 1925 г. в селе было 18 дворов, в 1927 г. — 54 чел., в том числе 26 детей, имелись 53 нартовые собаки. Жизнь переселенцев была очень тяжелой. Первые новоселы ютились в землянках. К весне они голодали, за шкурку соболя местные скупщики давали всего 15 руб.

В 1931 г. в Николаевке образуется рыболовецкий колхоз, специализировавшийся на вылове лосося. Первыми колхозниками стали семьи Бобьльских, Станкеевых, Хомяковых. Глава семейства Хомяковых, Ефим Селеверстович, славился в округе умением изготавливать высококачественные балыки. Колхоз назвали «Новая жизнь». Все его имущество состояло из нескольких лодок да гнилых сеток. Наплава делали из кусков дерева, а грузила — из камней.

Прошли годы, колхоз окреп, вырос, средства, полученные от рыбалки, вкладывались в развитие поселка. Дома колхозники строили на совесть, рубили их из лиственничного леса, рядом возводили хозяйственные постройки, держали домашнюю птицу и скот. К 1 января 1933 г. здесь было 31 хозяйство, 140 жителей, из них 136 бедняков и четыре середняка. По национальному составу они делились так: 133 русских, пять татар и два поляка. В 1935 г. из 21 имеющегося в селе хозяйства в колхозе числились 20.

За время существования колхоза бывало всякое. Так, в 1939 г. из-за плохой организации работ последний невод установили только в июле. В результате при плане 8 200 ц колхозники добыли всего 5 571.

Очень интенсивно трудились колхозники во время Великой Отечественной войны. 22 августа 1943 г. они под председательством С. Ф. Фомина первыми в районе выполнили годовой план путины и сдали государству сверх задания более 500 ц рыбы.

Районная газета «Большевицкий путь» 23 марта 1944 г. сообщала: «От колхозников села Николаевка поступило на строительство эскадрильи самолетов “Камчатка — фронту” 12 677 рублей».

31 июля 1944 г. в приказе по усть-камчатской моторно-рыболовной станции отмечалось: «За обеспечение четкой работы звена закидного невода, хорошего ухода за орудиями лова и выполнение квартального плана звена на 157 % звеньевому Лобкову А. А. премировать денежной премией в сумме 500 рублей. За исключительный хороший уход за морским неводом № 5, обеспечивающий бесперебойную работу невода, в результате чего бригада выполнила свой квартальный план на 308 %, премировать Новикова денежной премией в сумме 300 рублей. Стахановцев рыбаков-колхозников Китаева И. и Тарасова П. Н., добившихся выполнения своего квартального плана на 308 %, премировать денежной премией по 250 рублей каждого. За оперативное ру-

ководство ловом, обеспечение выполнения квартального плана по добыче рыбы на 150 % председателя колхоза Фомина С. Ф. премировать 500 рублей».

В 1951 г. колхоз выставлял в Камчатском заливе два ставных невода, имел два тресколовных катера, 60 жаберных сетей, на вылове рыбы были заняты 39 рыбаков. По итогам работы в этом году колхозники на один трудодень заработали по 5 руб. 45 коп. В 1954 г. их средняя заработная плата составила 27 тыс. руб. Наибольших успехов добились В. П. и Н. П. Васильевы, К. Л. Шапран, И. Ф. Долгов и Г. И. Воробьев. Лучшее сработал морской ставной невод бригадира И. Ф. Долгова. Его рыбаки поймали 7 000 ц лосося, что составило 270 % от плана.

В этом же году село активно строилось: были возведены два жилых дома, введена в эксплуатацию электростанция, открылась новая школа, клуб, завершился капитальный ремонт пяти домов. Сельское хозяйство играло в жизни колхоза вспомогательную роль, но, тем не менее, в 1954 г. оно принесло ему 15 тыс. руб. дохода. Наибольшего процветания колхоз добился под руководством председателя Е. Дмитриенко. Старожилы вспоминают его добрым словом еще и сегодня.

Большое внимание в селе уделялось общественной жизни. Наряду с организацией досуга была налажена работа народной дружины. В результате за 1960 г. в Николаевке не зарегистрировали ни одного случая нарушения порядка. В 1960 г. число хозяйств в Николаевке выросло до 70, но в 1974 г. она была закрыта. В 1970—1980-х гг. по имени селения называлась рыбалка колхоза «Путь Ленина», располагавшаяся недалеко от бывшего села. После того как село было закрыто, и его жители переехали в Усть-Камчатск, до конца 1980-х гг. здесь еще стояли добротные срубы домов, но потом кто-то пустил пал, и все они сгорели.

Рыборазвод, поселок. Среди местного населения он именовался «Рыбовод». Недалеко от Козыревска на основной дороге Мильково — Ключи есть малозаметный съезд, идущий в сторону реки Камчатки. Он ведет на Ушковский рыборазводный завод. Впрочем, завода давно уже нет, осталось лишь несколько разбросанных на берегу озера строений, да кое-где встречаются отдельные предметы, напоминающие о некогда активной деятельности здесь рыбоводов.

Ушковский рыборазводный завод располагался на берегу одноименного озера, соединяющегося протокой с рекой Камчаткой и находящегося в ее среднем течении на правом берегу. До райцентра — поселка Усть-Камчатск расстояние отсюда составляло 200, до поселка Козыревск — 18 км.

На берегу озера в нескольких сотнях метрах от поселка, в 1960—1980 гг. магаданский археолог Н. Н. Диков вел раскопки Ушковской стоянки. Здесь впервые на Камчатке были обнаружены следы палеолита. Сегодня Ушков-

ская стоянка является самым древним историческим памятником Камчатки. Возраст поселения древних обитателей составляет около 14,5 тыс. лет.

Активно помогали ученым местное население, руководитель рыбопроизводного завода И. И. Исаев, председатель Козыревского поссовета А. Музалевский. В начале раскопок основной рабочей силой у археологов были местные школьники.

Работы по оплодотворению икры в этом месте начались в 1926 г., когда здесь появился наблюдательный пункт по учету лососей. В августе и сентябре 1927 г. сюда доставили оборудование, а в 1928 г. началось строительство рыбопроизводного завода по проекту инструктора-рыбовода В. И. Орава.

Первые четыре года подряд результаты работы завода были неудовлетворительны: потери икры и мальков достигали 90 %. Ситуация стала меняться только в 1930 г., когда потери уменьшились до 40,2, а в следующем году они снизились до 21,4 %. С 1930 по 1934 гг. завод выпустил 38,6 млн мальков.

В 1940 г. здесь имелись семь жилых домов, жилой барак, баня, несколько хозяйственных построек: дизельная электростанция, гараж, склад.

Основным объектом искусственного рыбозаведения являлась нерка или осенняя красная, как дающая наиболее положительные результаты по инкубации икры и выживаемости молоди. При недоборе икры красной закладывалась икра и других лососей — кеты и зимнего кижуча.

Все процессы, связанные с инкубированием икры и подращиванием молоди лососей, проводились на самоточном водоснабжении; хотя завод располагал оборудованием для перевода его на механическое водоснабжение.

Полная мощность рыбопроизводного завода после его реконструкции (в 1965 г.) при механическом водоснабжении была рассчитана на одновременное инкубирование 25 млн икринок. В состав предприятия входили: забойный цех с живорыбными садками, электростанция, электронасосная с плавающей сетью, предназначенная для подачи воды в инкубаторы, его штат включал 11 чел.: директора, техника-рыбовода, двух мастеров-рыбоводов, моториста и шести рабочих.

По данным Всесоюзной переписи населения, прошедшей в 1979 г., самая низкая численность населения на Камчатке наблюдалась в заводском поселке: здесь имелись всего три человека, на два меньше, чем в другом малонаселенном пункте — Щапино.

В 1988 г. Ушковский рыбопроизводный завод был закрыт, на его базе организован контрольно-наблюдательный пункт, который существует до настоящего времени. Хотя сегодня в поселке осталось всего несколько строений, Рыбопроизводный завод указан на всех картах района и области.

Тонкий мыс, селение. Возникло более полувека назад на берегу Нерпичьего озера, названо так по месторасположению. За устьем речки Рыбопроизводной можно наблюдать, как далеко в водоем вдается тонкая полоска суши.

Это и есть мыс Тонкий. С ближайшим населенным пунктом Крутоберегово селение связывала грунтовая дорога протяженностью 8 км, проходившая по берегу Нерпичьего озера.

После Великой Отечественной войны продолжалось переселение на Камчатку рабочих и специалистов с материка. Рыбные промыслы, строительство, заготовка и переработка древесины требовали все новых и новых рабочих рук. Активно велось жилищное и промышленное строительство, росла численность населения на рыбокомбинатах.

До 1960-х гг. основным видом топлива в селах Камчатки были дрова. Руководство Усть-Камчатского района решило создать село, жители которого занимались бы их заготовкой. Для этого и выбрали живописное место на берегу Нерпичьего озера, поросшее вековой каменной березой. На Тонком мысу построили несколько домов, причал для кунгасов, начальную школу, открыли продуктовый ларек. В разное время здесь жили семьи Жунтовых, Селезневых, Калининных, Михайленко, Маклашевых, Целищевых, Шуплецовых.

Помимо дровозаготовок жители сажали капусту, в период хода сельди ловили ее и сдавали на переработку в цеха Усть-Камчатского рыбокомбината.

Зимой отсюда отправлялись гужевые обозы, груженные березовыми дровами. Так продолжалось несколько лет, затем в райцентр стала поступать новая высокопроходимая техника — автомашины ЗИЛ-157, появилась возможность возить древесину по бездорожью летом. Для этого организовалось новое предприятие — Райтоп, на которое возлагалась задача обеспечить дровами пекарни, больницы, школы, учителей, врачей.

После начала деятельности новой организации необходимость существования маленького села отпала, и в 1964 г. Тонкий мыс был закрыт, а его жители переселены в другие поселки. Сегодня о прошлых днях напоминают только два побелевших столба на месте когда-то стоявших здесь домов и несколько заросших метровой травой могил в ближайшем лесу, на которые давно никто не приходит.

Новая Долиновка. Сельское хозяйство Камчатки в досоветский период имело зачаточный, примитивный характер. Развитие камчатское село получило с началом 1930-х гг., когда после притока рабочих на рыбные промыслы и лесные предприятия АКО потребовалось обеспечивать продуктами постоянно растущее население полуострова.

В самом начале 1930-х гг. образуются первые камчатские совхозы, но только к 1960-х гг. сельское хозяйство полуострова вышло на относительно высокий качественный уровень. Главным направлением стало молочно-овощное, дополнительным — птицеводство, свиноводство и звероводство.

К 1970-м гг. сельскохозяйственное производство обеспечивало потребление населения области в картофеле на 100 %, а в овощах, молоке, мясе и яйцах — более чем наполовину. Планами развития на 1971—1985 гг. в Миль-

ковском районе предусматривалось освоить дополнительно 31,4 тыс. га, в том числе 13,6 тыс. га торфяных болот.

На майском 1982 г. пленуме ЦК КПСС была принята Продовольственная программа. В рамках развития сельского хозяйства предусматривалась организация новых совхозов в долине реки Камчатки. Строители приступили к возведению жилых объектов для села, получившего название Новая Долиновка, так как оно располагалось рядом с уже существовавшей Долиновкой, на которую с каждым годом наступала река Камчатка, подмывая берега и угрожая строениям. Руководство района решило перенести ее подальше от реки.

Рождение села можно приурочить к концу 1987 г. Мильковская районная газета «Знамя труда» 15 сентября 1987 г. сообщила: «Заметно поднялся и расширился за прошедшие два года будущий совхоз “Новая Долиновка”. К октябрьским праздникам здесь практически будет уже построено первое в поселке жилое здание. Готовить его к сдаче будут строители недавно созданной строительной организации — Мильковской МПМК-2».

Они должны были «построить к зиме общежитие, запустить котельную, завершив строительство теплотрассы». Далее газета писала: «...примерно через год-два совхоз заживет полнокровной жизнью и в скором будущем даст первую свою продукцию».

Но этим планам не суждено было сбыться. Хотя в Новой Долиновке и появились первые новоселы, жили они в новом селе недолго: к концу 1990-х гг. всех их переселили в другие места. Основной проблемой, с которой столкнулись люди, оказалось отсутствие качественной воды. А потом закончилась советская власть, а вместе с ней и устойчивое финансирование.

Начало 1990-х гг. характеризовалось развалом сельхозпредприятий. За несколько лет от процветающих хозяйств остались руины ферм да остовы ржавых сельскохозяйственных машин, а недавние передовики производства превратились в безработных. Одним из последних жителей Новой Долиновки стал фермер В. И. Думченко, участник Великой Отечественной войны.

Новое село так и не успели достроить, многие дома стоят без крыш. Возле них разбросана разбитая техника. Впечатление от посещения многоэтажек жутковатое — на стенах новые обои, свежая краска, остатки столярки, брошенные учебники и тетради, детские игрушки. Такое впечатление, что люди бежали отсюда, как будто им дали всего несколько часов на сборы...

Опытная станция. Начало развития сельского хозяйства на Камчатке было положено еще в первые годы колонизации полуострова. А. С. Сгибнев сообщает: «Первые попытки хлебопашества в Камчатке делались еще до экспедиции Беринга. В монастырской пустыне в 1724 году посеяно было 18 пудов ржи, и урожай был хорош».

В связи с ростом русского населения полуострова перед правительством встала проблема доставки для него хлебного жалования. Для ее решения в се-

редине XVIII в. на Камчатку переселили пашенных крестьян. Но опыты хлебопашества не дали гарантированного урожая зерновых. Крестьяне стали заниматься животноводством, рыбной ловлей и охотой. Правительство направляло на полуостров агрономов, которые должны были обучить камчадалов огородничеству.

В 1916 г. на Камчатку прибыл бывший депутат Государственной Думы от партии социал-демократов И. Ф. Голованов. Он заведовал Петропавловской сельхозфермой, где проводил опыты по выращиванию культурных растений.

В начале 1920-х гг. сельское хозяйство на Камчатке находилось в зачаточном состоянии. По данным М. А. Сергеева, вся посевная площадь равнялась 14,77 га, стадо крупного рогатого скота составляло 3 200 голов. На душу населения производилось по 44 кг картофеля и по 1,6 кг овощей в год.

В конце 1920-х гг., с началом активной деятельности на полуострове АКО, остро встала проблема обеспечения вновь прибывших рабочих и их семей продуктами питания. Для ее решения создавались три сельскохозяйственных совхоза: Петропавловский, Козыревский и Большерецкий. Перед специалистами сельского хозяйства встала задача добиться высоких урожаев в сложных климатических условиях. Для изучения климата, почв, внедрения агротехнических приемов и культур следовало создать научно-исследовательское учреждение.

В 1931 г. были проведены первые опыты в совхозе Козыревском, завершившиеся неудачно. После этого научную работу перенесли в окрестности села Мильково, в 12 км от которого возникла Мильковская зональная опытная станция по полеводству и животноводству. Официальной датой ее создания считается 1 апреля 1933 г. В этот день вышло соответствующее решение Камчатского облисполкома.

Поселок опытной станции находился ниже Мильково по течению реки Камчатки. От него до Кирганика было 5 км. Все эти населенные пункты связывала грунтовая дорога.

В 1935 г. станция уже имела «7 рабочих лошадей, 48 ездовых собак, 2 телеги, 7 саней, 4 нарты — куторки и дровянки, почвообрабатывающий материал, молотилку, сенокосилку, конные грабли, 3 катера общей мощностью 29 лошадиных сил... Укомплектована приборами метеорологическая станция 2-го разряда».

3 ноября 1936 г. на заседании бюро Камчатского обкома ВКП(б) рассматривался вопрос о деятельности станции. Ее руководство обязывалось установить связь с хатами-лабораториями и оживить исследовательскую работу по выращиванию новых видов сельскохозяйственных культур.

В 1938 г. на станции проживали 36, в 1939 г. — 44 чел.

В 1939 году на полях станции посеяли 11 сортов ячменя, девять сортов пшеницы и восемь сортов овса. Работники станции успешно применили сне-

госгонку и посеяли культуры намного раньше обычного. В результате все яровые культуры сократили период развития от колошения до созревания. Всего станция имела 10 га пашни.

Ячмень «Червонец», собранный в 1938 г. на стадии перехода к восковой спелости, дал в 1939 г. всхожесть 99 %. Ученые пришли к выводу, что из сортов ячменя наиболее подходящими для выращивания на Камчатке являются скандинавские «Олли», «Хольт», «Нотум». Из двадцати испытанных сортов овса наилучших результатов достигли «Тулунский» и «Хибинский». Из скороспелых сортов пшеницы лучше других росли и вызревали «Гарнет», «Гамма 85/А» и «Экстра-прелюд».

Кроме зерновых культур проводились опыты и по выращиванию скороспелых сортов льна. При применении досрочной сгонки снега и ранней уборки были получены положительные результаты. Из сортов подсолнуха вызревал только один — «Карлик». Удалось добиться урожая гречихи.

Положительные опыты освобождения земли от снега и продления вегетационного периода были успешно внедрены в колхозах Мильковского района «Безбожник» и «Красное знамя».

В 1943 г. на станции впервые в Мильковском районе строятся теплицы, где проводились опыты по выращиванию овощей в закрытом грунте.

Весомый вклад в становлении сельскохозяйственной науки на Камчатке внес агроном, первый директор станции А. В. Мамин, агрономы В. Н. Чистовский, Н. Е. Тихомиров, А. А. Титлянов, Е. Г. Лебедева и другие. Наряду со специалистами здесь работали местные жители-камчадалы, а в 1937—1943 гг. на опытную станцию прибыли четыре семьи переселенцев из Центральной России.

10 февраля 1943 г. газета «Камчатский колхозник» рассказывала: «Работники Камчатской сельскохозяйственной опытной станции и агрометеостанции в подарок к 25-й годовщине Красной Армии вносят на постройку танка “Мильковский колхозник” наличными деньгами 2 912 руб. и отчисляют двухдневный заработок в сумме 1 088 руб. Был проведен воскресник по заготовке дров. Заработанные на воскреснике деньги в сумме 500 руб. также передаются на строительство танка. Тов. Филатова внесла на постройку танка свой месячный заработок, т. Тихомиров — 500 руб., т. Стаценко — 500 руб., т. Пилипченко — 300 руб. и т. Копылова — 100 руб.».

В 1944—1945 учебном году в селении действовала трехклассная школа с 28 учащимися. Пятеро из них не успевали.

В 1955 г. на станции жили Дмитриевы, Потаповы, Гарднер, Чулковы, Бушуевы.

В конце 1950-х гг. здесь находились: один многоквартирный деревянный дом, где размещалась лаборатория, и три жилых дома для сотрудников и рабочих.

С расширением сельскохозяйственного производства в Елизовском районе власти решили перевести опытную станцию сюда, в село Сосновку. В фон-

дах Государственного архива Камчатской области нами обнаружен следующий документ: «Справка о ликвидации деревни “Опытная станция”. Ранее в этой деревне проживало 54 жителя, преобладающая национальность — русские. Наименование деревни “Опытная станция” было дано потому, что там располагалась Камчатская сельскохозяйственная опытная станция со всеми постройками и опытными участками. В 1957 г. “Опытная станция” была переведена в Елизовский район Камчатской области. Населения осталось очень мало. На этой усадьбе была организована бригада от бывшего колхоза им. Сталина. Со временем население с этого населенного пункта выбыло в с. Кирганик и с. Мильково. В настоящее время на этом месте нет никаких построек. Мильковский райисполком просит Областной исполнительный комитет утвердить наше решение об упразднении этого населенного пункта с 1-го марта 1962 г.».

Поселок опытной станции был исключен из списков населенных пунктов Камчатской области в марте 1962 г.

Пуцино, селение. С. П. Крашенинников в «Описании земли Камчатки» упоминает речку Пуцино, а по-итильменски *Кашхоин*. Видимо, от этого названия и произошло русифицированное название *Кашкан* — небольшая речка, впадающая в реку Камчатку рядом с селением Пуцино.

Пуцино знаменито своими ключами, расположенными в 18 км от села. Сюда ведет обычная проселочная дорога, и после дождей проехать по ней бывает сложно. Всего источников шесть, они расположены в живописном ущелье Валагинского хребта. Температура воды в них достигает 42 °С. По своему составу она считается одной из самых целебных на Камчатке.

Почти через полвека после Крашенинникова Пуцино посетил участник плавания Лаперуза Лессепс. Он застал здесь у коренного населения первые избы, построенные по русскому образцу, но еще несовершенные. «Отличным для меня здесь показалось то, что избы не имели труб, в них, так как в балаганах, делалось небольшое отверстие вверх, это было одно место для выхода дыма, которое, не мешкая еще, запирали задвижкой, дабы не простудить комнату».

В 1799—1800 гг. солдаты сомовского батальона завезли на Камчатку «горячку». В результате несвоевременно принятых карантинных мер болезнь быстро распространилась среди местных жителей. В результате в селениях между Петропавловском и устьем реки Камчатки осталось лишь по несколько человек. Для обеспечения «почтовой гоньбы» и содержания тракта в селения долины реки Камчатки переселили жителей западного побережья, которых эпидемия коснулась в меньшей степени. Так, в Пуцино попали жители Морощеного, Белоголового и Колпаково.

В середине XIX в. тойонами Пуцино были представители рода Мерлных, потомки которых и сегодня проживают в селах долины реки Камчатки.

Посетивший Пушино К. Дитмар отмечал: «При неспособности пушинских обывателей к работе, немудрено, что и огородничество им не дается, и что они с трудом добывают нужный корм для своего рогатого скота в одиннадцать голов и двух лошадей».

В 1852 г. здесь жили 19, в 1868 г. в трех домах — 18 чел.: 9 мужчин и 9 женщин. В 1876 г. население Пушино составляли 19, а в 1880 г. — 15 чел., в том числе всего четыре ясачных плательщика.

В 1895 г. в Пушино стояли шесть домов, в которых жили 25 чел. В этом году пушинцы не сажали картофеля и собрали всего два пуда репы. Охотники добыли 15 соболей, 29 медведей, 17 лисиц и четыре выдры. Жители поймали 16 950 рыбин.

В 1909 г., по данным инженера П. Крынина, село состояло из шести домов, в которых жил 21 чел. Селяне содержали пять голов крупного рогатого скота и 71 ездовую собаку, лошадей у них не было. Охотники добыли 15 соболей и 18 медведей.

Спустя девять лет В. К. Арсеньев оценил Пушино как «маленькую деревушку жалкого вида» с двадцатью жителями.

В 1925 г. на реке Камчатке работала экспедиция, изучавшая возможность организации судоходства. В ее отчете указывалось, что тогда в селе жили 24 чел. и стояли пять домов.

Газета «Полярная звезда» 6 апреля 1926 г. так обрисовала жизнь села: «Пушино — полузасыпанная снегом до крыш деревушка в шесть домохозяев. Не видит она ни света, ни радости. Даже солнце зимой не всегда показывается: тучи и снег, снег и тучи. Каждое родное, современное общественное живое слово — большой праздник пушинцам. В самом деле: в вечной снежной мгле ни газет, ни книг, ни школы. Собрание с интересом слушает сообщение о растущей мощи нашего необъятного Советского Союза и дружно выбирает во вновь строящийся крестком. В комитет вошли: Илло — 41 год, Малахов — 35 лет, Подкорытов — 34 года. В ревкомиссию избираются: Краюкинас — 34 года, Дурьнин — 24 года и Выходцева — 18 лет».

В 1938 г. численность местного населения составила 49 чел.

В период коллективизации в Пушино образовался колхоз «Красное знамя». Во время Великой Отечественной войны колхозники трудились напряженно: «В тайге находятся все охотники. Председатель колхоза тов. Мерлин и председатель сельсовета тов. Выходцев, охотясь вблизи села, убили двух выдр, двух лисиц, пять горностаев, четырех соболей. Одной из первых вышла на промысел колхозница Елена Дементьевна Илло. Она уже добыла двух соболей, двух горностаев и одну выдру. План добычи лисы колхозники выполнили на 160 % и выдры на 100 %».

Газета «Камчатский колхозник» 2 декабря 1943 г. извещала: «В Пушино все, от мала до велика, борются за выполнение фронтového задания. Любите-

ли-охотники уже упростили 15 зайцев и 8 горностаев. Только один Велико Василий добыл 10 зайцев».

В сентябре 1946 г. колхоз «Красное знамя» (председатель Николаев, парторг Дворцов), выполнивший план заготовок сена на 101,4 и силоса на 102,5 %, был занесен на районную Доску почета.

В первые годы работы колхоза площади, занятые под картофель, были невелики и составляли в 1948 г. всего 4 га, с которых собрали 37,8 т. В связи с отсутствием неорганических удобрений, на поля колхоза на гужевом транспорте возили навоз и золу. Уже к 1 марта 1948 г. их доставили сюда 113,5 т. Здесь во главе соревнующихся шла Фаина Луконцева, ежедневно перевыполнявшая норму. Она «работает так, что не считается с пурговой погодой».

В 1954 г. на районную Доску почета за хорошую работу занесли возчика Ф. А. Ившина и доярку А. Г. Заочную. В 1955 г. заметных успехов в уборке урожая достигли Н. Зимина, А. Ившина, И. Жестяникова. В этом году в Пушино с материка переехали несколько семей, численность колхозников удвоилась.

В 1957 г. пушинский колхоз «Красное знамя» объединился с шаромским колхозом «Новая деревня». Так возник совхоз «Комсомольский». Пушинцы не только полностью обеспечивали себя продуктами питания, но поставляли их в областной центр. В сентябре 1957 г. из Петропавловска в Пушино за урожаем, выращенным селянами, отправилась колонна из 28 автомашин повышенной проходимости (в то время дороги до Пушино еще не было). Преодолев около 300 км, колонна доставила в город 70 т свежих овощей.

В январе 1979 г. в селе насчитывалось 137 чел.

Сегодня местные жители живут в нескольких деревянных двухэтажных домах и небольших частных домиках. Центром жизни можно смело назвать местный клуб: здесь собираются по вечерам, репетируют номера художественной самодеятельности, есть небольшое кафе, где можно попить чаю и послушать музыку. По вечерам в клубе проводятся дискотеки для местной молодежи. Ныне Пушино — одно из проблемных сел Мильковского районного муниципального образования. Здесь очень высок уровень безработицы.

Рябиково, селение. Значительной роли в истории Камчатки не сыграло, а о его существовании сейчас мало кто знает, даже старожилы не помнят такого села. Оно располагалось на левом берегу реки Камчатки. Отсюда до Среднекамчатска, лежавшего ниже по течению, насчитывалось 40 км, а до старинного села Машуры, находившегося выше, — 70 км. Между собой они общались летом по реке на катерах и багах, а зимой — на собачьих упряжках.

Названо село в честь Иллариона Васильевича Рябикова, «борца за установление советской власти на Камчатке». Авторы публикаций о нем обычно сообщали, что в «сентябре 1922 г. И. В. Рябиков был расстрелян», иногда называлась другая дата гибели — октябрь 1922 г.

И. В. Рябиков родился в 1892 г. (по другим данным, в 1894 г.) в семье железнодорожного рабочего на станции Борзя Забайкальской железной дороги. Окончил Иркутское техническое училище. Участвовал в революционном движении, находился под надзором полиции. На Камчатку приехал в 1910 г., трудился на строительстве телеграфной линии Петропавловск — Большерецк. По ее завершении остался в Большерецке, затем переехал в Тигиль. Занимался самообразованием, читал много политической литературы. Работал начальником почтового отделения, организовал Тигильский кооператив, был его председателем. Выпускал на пишущей машинке в нескольких экземплярах небольшую газету, расклеивал ее на столбах возле церкви и школы. Входил в число немногих камчатских фотографов.

12 апреля 1922 г. в селе Мильково открылся Второй чрезвычайный Петропавловский уездный съезд, И. В. Рябикова избрали его председателем. Затем он вместе с двумя делегатами отправился в Петропавловск для переговоров с белыми властями. В городе их арестовали. И. В. Рябиков с мая по сентябрь 1922 г. содержался в трюме военного судна «Свирь».

В документах, хранящихся в архиве ЗАГСа, указана дата его смерти — 25 сентября 1922 г., но ее причина и место захоронения не названы. Очевидно, тело И. В. Рябикова было сброшено в Авачинскую губу.

Селение Рябиково возникло, видимо, незадолго до 1926 г. Сюда переселились, по косвенным данным, камчадалы из селения Толбачик, в связи с тем, что последнее закрылось. Часть селян обосновалась в местечке Макарка, другая разъехалась по селам долины реки Камчатки, а четыре семьи основали Рябиково. По данным 1926 г. здесь было всего четыре хозяйства и 21 житель: 12 мужчин и 9 женщин, все камчадалы.

Селение просуществовало недолго, последний раз оно было обозначено на географических картах в 1934 г. В списке населенных пунктов Мильковского района за 1938 г. селение Рябиково уже не упоминается.

Среднекамчатск. В солидной книге Г. Богуславского «Памятники Сибири», выпущенной издательством «Советская Россия» в 1975 г., помещена фотография с подписью «Место, где находился основанный В. Атласовым в 1697 г. Среднекамчатский острог». Но дело в том, что Атласов на Камчатке основал только один острог — Верхнекамчатский, а Среднекамчатского на полуострове никогда не было. Имелось лишь небольшое село в среднем течении реки Камчатки.

Оно возникло в 1923 г. и уже в 1926 г. упоминается в Приполярной переписи: здесь жили 120 чел. и имелись десять хозяйств. Численность нового селения быстро росла. Агроном В. Голованов, обследовавший в 1928 г. долину реки Камчатки, застал в Среднекамчатске уже 24 двора. Общая площадь здешних огородов составляла 22 101 кв. м, зерновые культуры занимали 782 кв. м.

Новые дома строились на правом берегу реки Камчатки, несколько ниже современного села Атласово. Первыми поселенцами стали жители села Толбачик: камчадалы Красильниковы, Плотниковы, Бобряковы, Григорьевы и русские, прибывшие с материка, — Чесноковы, Новиковы, Кочергины, Заяц, Терентьевы и другие.

В 1931 г. рыбаки поймали 150 чавыч, 7 128 нерок, 2 035 кетин и 730 кижучей. В этом году в селении жили следующие «хозяева»: Г. И. Ушаков, И. П. Кочергин, И. Е. Новиков, П. И. Садовников, П. П. Артеменко, П. И. Красильников, И. А. Плотников, Д. Е. Плотников, А. И. Молаков, И. М. Новиков, В. А. Ушакевич, П. А. Бобряков, М. И. Григорьев, Пупишев, И. У. Морзаев, Н. Т. Кузнечук, П. Х. Коркин, М. А. Чесноков, В. Е. Бобров, С. М. Заяц, А. А. Карандашев, А. К. Петров, И. М. Терентьев.

Их дома стояли в некотором отдалении от реки Камчатки, на берегу речки Максимовки, получившей название в честь местного жителя Максима, которого некогда на охоте задрал медведь.

В 1933 г. в Среднекамчатске имелись 29 хозяйств и 119 жителей (20 русских и 99 камчадалов): 64 мужчины и 55 женщин, в том числе 85 бедняков, 25 середняков, один рабочий и шесть служащих.

В 1935 г. сельсовет возглавлял Потапов, в селе работала начальная школа. В 1938 г. здесь жили 165, в 1939 г. — 144 чел. Нередки были многодетные семьи. Так, у колхозницы Ульяны Григорьевой было одиннадцать детей. Власть оказывала им материальную помощь: райисполком выделил семье пособие в 5 тыс. руб.

В 1944—1945 учебном году в местной школе работали семь классов, которые посещали 74 ученика, причем 17 из них не успевали.

В конце 1950-х гг. из небольших колхозов в Долиновке, Макарке и Среднекамчатске сформировалось новое хозяйство — совхоз «Долиновский», центр которого располагался в Долиновке. В повседневных делах колхозникам помогали местные школьники. Газета «Камчатский колхозник» 6 июня 1958 г. сообщала: «Сразу же после окончания учебного года ученики Среднекамчатской семилетней школы включились в полевые работы на полях родного колхоза. По мере подхода в парниках капустной рассады, ребята сразу же высаживают ее на поле и поливают. Вместе с ними на колхозных полях работает ученическая производственная бригада учеников 8 и 9 классов Лазовской средней школы, которой руководит Надя Самсончик».

В 1962 г. в Среднекамчатске стояли 20 домов со 119 жителями.

В период компании укрупнения малых сел Среднекамчатск был упразднен. 31 марта 1965 г. состоялось решение Мильковского районного исполнительного комитета «О закрытии села Среднекамчатск».

Вот что сообщала записка, обосновывавшая необходимость такого решения. «Село Среднекамчатск Среднекамчатского сельского Совета Мильков-

ского района Камчатской области расположено на правом берегу реки Камчатки в 18 км от центра сельсовета села Лазо и в 155 км от районного центра, возникло в 1923 г. На начало 1964 г. в селе Среднекамчатск числилось 26 дворов, жителей 102 чел. Основная часть населения — лица, осужденные по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. “Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни”, являлись работниками Среднекамчатского отделения Мильковского совхоза.

Село Среднекамчатск находится в 12 км от села Макарка (центра отделения Мильковского совхоза), проселочная дорога между селами часто находится в неудовлетворительном состоянии и затрудняет сообщение между селами. В связи с тем, что в конце 1964 г. население Среднекамчатска переселилось в с. Лазо (куда намечено перевести центр Среднекамчатского отделения Мильковского совхоза), в селе закрыты учреждения культурно-бытового назначения, и в настоящее время в нем никто не проживает.

Учитывая просьбу исполкома Среднекамчатского сельского Совета депутатов трудящихся о закрытии села Среднекамчатск и то обстоятельство, что село Среднекамчатск решением облисполкома № 338 от 30 июня 1964 г. отнесено к ссылаемым населенным пунктам, райисполком просит исполком областного Совета депутатов трудящихся утвердить решение о закрытии села Среднекамчатск».

Его жители переехали в Лазо, Долиновку и Атласово.

Толбачик, селение. Находилась на левом берегу одноименной реки, правого притока реки Камчатки. От Козыревска до Толбачика по нартовому пути считалось 83 версты, от реки Камчатки до селения по конной тропе — 15 верст. Других селений между Козыревском и Толбачиком до конца 1920-х гг. не имелось.

Во времена С. П. Крашенинникова острожек назывался *Тудуачь*, «лучшим мужиком» здесь был Канач Кукин, ясачных плательщиков насчитывалось 12 чел., следовательно, все население можно оценить в 60 чел. Селение занимало удобное место, местные мужчины были единственными охотниками на сотни квадратных километров по Восточному хребту, вплоть до берегов Тихого океана.

В 1888 г. в Толбачике действовала часовня во имя Покрова Пресвятой Богородицы, стояли восемь домов, жили камчадалы: 27 мужчин и 21 женщина.

В 1891 г. 77 крестьян содержали 22 головы крупного рогатого скота, 11 лошадей, 158 охотничьих и ездовых собак. За зиму они добыли 80 соболей, 16 медведей, 32 лисицы, 18 выдр, 141 дикого оленя, семь горных баранов и трех волков. Улов лосося составил 47 020 шт., то есть 610 рыбин на одного жителя. С огородов сняли 641 пуд овощей.

В 1904 г. крестьяне возвели четвертую в долине реки Камчатки церковь, до этого они имелись в Мильково, Нижнекамчатске и Ключевском. «Здание Толбачинской Покровской церкви деревянное из лиственничного леса, длиной 21 аршин 14 вершков, шириной 8 аршин 7,5 вершков, высота до крыши 8 аршин 2 вершка. Церковь была увенчана тремя главами с осьмиконечными крестами, колокольня сооружена над притвором и имела размер 2 аршина 4 вершка при высоте от земли 11 аршин 15 вершков. На колокольне имелись четыре слуховых окна, в которых находились три колокола, один весом 1 пуд 22 фунта, лит на заводе Оловянного в городе Ярославле, другой весом $21\frac{3}{9}$ фунта, лит на том же заводе, и третий весом $29\frac{3}{4}$ фунта, место литья не известно.

Церковь огорожена решетчатой деревянной оградой. В западной стороне сделаны решетчатые двухстворчатые ворота с полукруглым увенчанным крестом верхом, ворота окрашены белой масляной краской... Иконостас простой местной работы из тополевого леса, вверху карниз позолоченного багета в 3 вершка ширины; царские врата местной работы резные в клетку с белыми по углам звездами, окрашены синей и белой масляной краской. Икон в иконостасе было 13...»

В 1909 г. в селении имелось 10 домов и 71 житель. Местные охотники славились своим смелым нравом, ходили в одиночку на медведя. В хозяйствах жителей было 20 лошадей и 40 голов рогатого скота. Участник экспедиции Рябушинского П. Ю. Шмитц сообщал: «Селение это небольшое. Оно одно из наиболее богатых на Камчатке, так как в окрестностях Толбачика сохранилось довольно много соболя; с другой же стороны, благодаря трудной доступности селения, у жителей мало соблазнов, и денег бывает некуда девать. В Толбачике нет ни магазина Компании (Камчатской Торгово-промышленной компании. — В. Б.), ни хотя бы какой-нибудь плохонькой лавки».

В одном из писем, написанном в 1910-х гг., епископ Камчатский Нестор так характеризовал проблемы села: «Жители Толбачика обсуждали даже на сходе вопрос о переселении всех на новое жительство куда-то за 500 верст в глушь только потому, что с каждым годом рыба уменьшается, и они испытывают серьезную нужду и голод. Сильный голод и неуровы рыбы заставляют толбачинцев совершенно покинуть свое селение, собственные дома и идти искать где-то себе пропитание, снова строиться и обзаводиться хозяйством. Ведь это же недопустимо. Это просто ужасно!»

В 1918 г. толбачинцы обратились с просьбой о выделении их села из состава Мильковской волости в самостоятельную единицу. Камчатский областной комитет 28 марта 1918 г. отклонил просьбу и указал, что если им не правится мильковский комитет, то его надо переизбрать.

В начале 1920-х гг. здесь проживало в процентном отношении самое большее число коренных жителей — камчадалов, и население знало ительменский язык. Одной из самых заметных в начале XX в. была семья

Бушуевых, потомки которых и сегодня проживают в Мильковском районе и областном центре.

Особенности празднования Рождества в Толбачике подметил в 1922 г. шведский путешественник С. Бергман: «Женщины одели многоцветные шелковые платья, а торбаса домашнего изготовления из оленьих шкур с подметками из медвежьих шкур заменили на купленные туфли на высоких каблуках, которые, как казалось, при ходьбе доставляли им большие мучения. На некоторых женщинах были даже лакированные туфли. Мужчины надели пиджаки, а некоторые даже сюртуки. У настоящих франтов поверх сапог были надеты блестящие каучуковые калоши. Маленькая деревянная церковь оказалась забита людьми. Внутри везде горели восковые свечи, и вся церковь, богато украшенная иконами и всевозможными украшениями, была насыщена запахом ладана. Богослужение продолжалось много часов. Несколько раз священник спускался к пастве, размахивая кадиллом. В промежутках, чередуясь с этими действиями священника, прихожане принимали участие в пении. Таким было вечернее богослужение перед Рождеством».

В 1923 г. в Толбачике было зарегистрировано общество верующих, состоявшее из 62 чел.

В 1929 г. в местной школе имелись 20 учеников. Учил их бывший священник ключевской Троицкой церкви Н. Каргопольцев, который в свободное время служил в Толбачинской церкви. По этому поводу газета «Полярная звезда» от 28 октября 1928 г. в духе времени негодовала: «В гуще камчатских лесов приютилась маленькая деревушка Толбачик. Ее редко видят и не замечают, как она тает и хиреет за последнее время. Завелся там червь, который сосет живые соки этой деревни. Этот червь — гражданин Каргопольцев, бывший поп, а ныне учитель. Он учит в школе и одновременно служит обедни. Старики и старухи любят учителя. Плохому, дескать, не научит. “Добрый паря, — говорила крестьянка Елена соседкам, — слово Божие любит”».

В 1933 г. селение значительно выросло: здесь имелось уже 30 хозяйств, жили 163 чел.: 97 мужчин, 66 женщин, в том числе 22 бедняка, 133 середняка, один служащий и семь «кулаков». Число последних в процентном отношении в Усть-Камчатском районе было самым высоким. Русских насчитывалось всего трое, камчадалов — 160. Постепенно из-за переселения число жителей стало уменьшаться. В 1938 г. здесь осталось 52, в 1939 г. — 48 чел.

В середине 1930-х гг. организовался колхоз. В 1935 г. ему следовало посадить 12,3 га картофеля, капусты, других овощей и зерновых.

Еще в конце 1920-х гг. Окргдравотдел поднял вопрос о переселении жителей из-за выброса сероводорода в воду, которую использовали сельские. На Втором съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Усть-Камчатского района, проходившем 25—29 мая 1928 г. в Усть-Камчатске, выступающий Григорьев выразил мнение жителей: «Селение Толба-

чик стоит на месте, неблагоприятном для здоровья. Но данных пока еще никаких нет (о качестве воды в реке. — В. Б.). Относительно предложения... о переселении в Среднекамчатск, я считаю недопустимым, так как некоторые из сельчан уже перевезлись и начали постройку в местечке “Макарка”».

Из-за запрета местным жителям заниматься рыбным промыслом и в связи с поступлением в реку Толбачик сероводорода селение было закрыто. Камчадалов Слободчиковых, Краснояровых, Еланцевых, Бушуевых переселили в Мильково, Лазо и Макарку. Одна семья перебралась в Долиновку.

В 1937 г. в Толбачике еще оставались несколько семей, среди которых были известные охотники Слободчиковы, добывавшиеся высоких показателей. Иринарх сдал пушнины на 1 580, Логин — на 1 255, а Александр — на 1 289 руб. Среди охотничьих трофеев иногда попадались и необычные. Так, в мае 1939 г. «Камчатская правда» известила, что камчадал Митевский убил у реки Толбачик белую медведицу, проникшую вглубь полуострова на 100 км от побережья. Впоследствии из ее шкуры сделали чучело, выставленное в краеведческом музее Петропавловска.

Урцы, селение. Названо так по реке Урц. В Широком хребте у вершины гор Урцовая, Савульч и Урц двумя истоками берет свое начало небольшая речка Урц, впадающая в реку Камчатку ниже селения Долиновка.

Лесоучасток Урцы (встречается написание Уртцы) первоначально относился к Козыревскому леспромхозу, затем, с образованием Камчатского леспромхоза, перешел в подчинение последнего. В годы Великой Отечественной войны участком руководил начальник Н. Бардин. Лесозаготовители добивались больших трудовых побед: более трех норм вырабатывали возчики Гордеев, Александров, Русанов, Серебряникова и Завалина, шоферы Елкин и Первалов.

План лесозаготовок на сезон 1942—1943 гг. в объеме 20 050 куб. м был выполнен на 101 %. С заданием на сезон 1943—1944 гг. — 24 100 куб. м — лесозаготовители справились на 120 %. Производительность труда на участке в ноябре 1943 г. составляла 189 %, а в январе 1944 г. — 206 %.

В начале 1950-х гг. здесь образуется небольшой лесозаготовительный поселок, в котором строятся бараки и несколько частных домиков, в 1955 г. появляются социальные объекты — клуб, столовая, магазин, пекарня.

После вырубки основных запасов леса необходимость в поселке Урцы отпала. Его официально закрыли в 1967 г.

Центральный, поселок. По итогам экспедиций, снаряженных АКО на рубеже 1930-х гг., на полуострове были выявлены три основных лесных массива — Еловский, Козыревский и Среднекамчатский.

Для освоения лесных запасов в последнем массиве за короткое время были построены поселки Лазо, Атласово, Центральный, 13-й, 14-й, 37-й квар-

талы. Поселок Центральный появился на месте лесозаготовительного участка в 137 км от Мильково, в 2 км от реки Камчатки и в 16 км от поселка Шапино. Временем его образования считается 1952 г. Название поселок получил оттого, что одно время считался центральной базой Лазовского леспромхоза.

К 1955 г. государство построило здесь 200 жилых домов с площадью 18 тыс. кв. м, рассчитанные на две и четыре семьи. Индивидуальные застройщики возвели еще 348 домов. В них провели электричество и радио. В поселке работали три магазина, столовая, клуб, семилетняя школа, больница.

Лесозаготовители ударно трудились, добываясь высоких производственных показателей. Достаточно сказать, что в 1955 г. вывоз древесины на одну автомашину составил 7 700 куб. м.

В конце 1950-х гг. начинается строительство еще одного поселка лесников на левом берегу реки Камчатки, который затем получил название Атласово. Постепенно центр лесозаготовок перемещается на новое место, а объемы работ в районе Центрального уменьшаются.

В начале 1960-х гг. здесь жили около 1 500 чел., среди них имелось лишь около 50 старожилы, выходцев из Верхнекамчатска, Машуры, Кирганика, Толбачика и Шаром. В 1967 г. поселок по решению облисполкома стал именоваться Таежным. По данным Всесоюзной переписи населения, в 1979 г. в нем проживали 331, а в 2002 г. — только 192 чел.

Летом попасть в Таежный можно, переправившись на барже, зимой действует ледовая переправа.

Шаромы. До середины XX в. в официальных документах и разговорной речи камчадалов селение именовалось Шеромы (встречается и написание Шоромы). От Шаром до Мильково по тракту в XIX в. считалось 46, до Петропавловска — 266 верст.

Шаромы находятся на правом берегу реки Камчатки, расстояние от селения по современной дороге до районного центра, села Мильково, составляет 41 км. В окрестностях села протекают несколько небольших речек — Малая и Большая Клюквенная, Черобокош. Рядом с селом в реку Камчатку на противоположном берегу впадают реки Кенсол и Санопадь (встречается произношение Шанопадь).

Речка Санопадь — историческое место. По ее долине в 1904 г. прошла дружина мильковских камчадалов, направлявшаяся на защиту западного берега Камчатки от японцев. Поднявшись по ущелью на Срединный хребет, дружинники достигли Перевальной речки, которая впадает в Левую Колпакову, и далее их путь лежал по охотскому побережью до селения Явино. Здесь им предстояло сражаться с японским десантом. Победа камчатских охотников над врагом была полная.

В 1799—1800 гг. на Камчатке наблюдалась сильная эпидемия «горячки», в результате которой погибла большая часть населения долины реки Камчат-

ки. Села опустели, и «некому было содержать на этом пространстве почтовую гоньбу». Для заселения опустевших Шаром переселили камчадалов с реки Воровской, что на западном побережье. Следовательно, коренные жители Шаром и Соболево имели родственные связи.

К. Дитмар так описывал свои впечатления о Шаромах: «Тойоном здесь был... Мерлин, происходивший из проживающей в Машуре отрасли этой фамилии. Здесь царит порядок и здоровье; по-видимому, обыватели отличаются даже некоторой зажиточностью. Превосходные сенокосы окрестных мест доставляют более чем достаточно корма для имеющихся здесь 36 голов рогатого скота, а на огородах поспевают достаточно овощей для людей. Точно также богатую добычу дают охота и рыбная ловля. Местность здесь изобилует соболями, река полна лососей...»

Здесь же Дитмар записал устное предание: «В Шаромах... был известен богатырь Божош, и здесь камчадалы прославляли его необыкновенную силу и ловкость. Богатырь этот, охотясь за дикими баранами, догонял на бегу этих быстрых животных и убивал их копьём...»

В 1868 г. селение образовывали семь домов, здесь имелась православная часовня, жил 51 чел. В 1880 г. в Шаромах проживали 45 чел., в том числе 13 взрослых мужчин, плативших ясак. Через десять лет население уменьшилось на 7 чел. В 1895 г. в селении стояли 11 домов и 15 хозяйственных построек, жили 58 чел. Селяне содержали 34 коровы и семь лошадей, 130 собак. Этот год стал рекордным для охотников: они добыли 63 медведя, больше, чем в других селениях долины реки Камчатки. Шаромцы поймали 23 965 шт. лососей, то есть по 413 рыбин на каждого жителя. В 1897 г. в Шаромах жили 49 чел., в том числе 40 камчадалов и девять русских.

Как и все камчадалы, шаромцы приготавливали в балаганах юколу для себя и собак, солили и заготавливали «кислую» рыбу. Американский путешественник Г. Кеннан так описывает камчатские балаганы: «... строения особой архитектуры, называемые “балаганами”, которые служат кладовыми для запасов рыбы. Это простые конические постройки из бревен на четырех высоких столбах для охранения находящихся в них запасов от собак. Возле каждого дома на горизонтально расположенных жердях висят тысячи сушеных лососей, и характерный рыбный запах, наполняющий атмосферу, свидетельствует о занятии камчадалов и о их пище». Далее он рисует характерную картину: «Несколько лодок лежат опрокинутые на песчаном берегу, покрытые большими, искусно сплетенными неводами. Узкие сани прислонены к каждому дому, и стая больших волкоподобных собак с торчащими ушами, привязанных на некотором расстоянии к длинным тяжелым шестам, лежат, греясь на солнце, и злобно ловят мух и комаров, которые нарушают их покой».

В. Л. Комаров в 1909 г. описал порядок заготовки рыбы на зиму: «Паев на девять шаромских хозяйств установлено четырнадцать, и та семья, которая

по очереди солил рыбу, в этот день получает отборную вне очереди. Обычай этот позволяет весьма быстро справиться с засолкой».

В XIX—XX вв. в Шаромах жили представители камчатского рода Атласовых. В 1810 г. капитан В. Головнин отмечал, что в селении проживал Яков Атласов, а в 1881 г. родился Иван Атласов. В хранящейся в архиве Мильковского районного загса церковной книге за 1915 г. есть запись: «17 октября 1915 г. родился Иоан. Родители — камчадал Шеромского селения Иона Калистратович Атласов и законная жена его Акулина Филаретовна, оба православного вероисповедания».

В 1918 г. в Шаромах побывал В. К. Арсеньев, нашедший здесь всего десять домов и 44 жителя, из них лишь двоих, знавших грамоту. Школа и фельдшерский пункт отсутствовали.

В 1923 г. Шаромы состояли из девяти дворов и 52 жителей. В ходе Приполярной переписи 1926 г. в селении учли 13 хозяйств и 89 чел., все камчадалы.

Школа в Шаромах открылась только в 1928 г. Один из первых ее учителей А. М. Копытин так впоследствии вспоминал о своей деятельности: «Мы хотели под предлогом неподготовленности школьного здания взять часовню, М. Г. Логинов отдал под школу свой дом. Учащиеся оказались очень смыслеными. Вскоре я разделил их на первый и второй классы. Занимались в одну смену, но по разным программам. Такие ученики, как Нюра Логинова, Даша Машихина, Филарет Атласов, Федор Плотников, Иван Зимин и другие, как быстрее усвоившие материал, стали учениками второго класса, и я с ними занимался больше.

В стране тогда развернулась культурная революция. Школа наша стала центром борьбы с неграмотностью взрослых. Мои ученики мне очень помогли в ликвидации неграмотности среди своих мам и старших сестер — мужское население находилось в лесу, на охоте. Все, что ученики узнавали в школе, они передавали дома родителям. Это я скоро понял, когда, собирая население на занятия по ликвидации неграмотности, с удивлением обнаружил, как быстро усваивают мои учащиеся-взрослые буквы. А потом выяснил, что мои ученики стали мне помощниками. Они дома показывали буквы и рассказывали все, что слышали от меня...»

12 декабря 1929 г. «Полярная звезда» сообщила: «Шаромцы и пуцинцы разорили часовню, часть материала использовали на постройку квартиры учителю. Работу закончили. Когда было постановление граждан ломать часовню, ее ломали и рубили топорами, и некоторые удивлялись, что ничего в это время не произошло».

В 1938 г. население составляло 65 чел. Камчадальских семей было 11 — Мерлины, Зимины, Машихины, Заочные, Поповы, Атласовы, Докучаевы. Кроме основного занятия — рыбной ловли, важное место в хозяйстве местных жителей занимала охота. Тон в охоте на пушных зверей задавали кам-

чадалы: так, Николай Докучаев в 1937 г. сдал пушнины на 1 977 руб., чем превысил норму в 6,5 раза!

Во время Великой Отечественной войны жители села трудились интенсивно, от взрослых не отставали и учащиеся. 9 декабря 1942 г. районная газета «Камчатский колхозник» отметила, что «школьники села Шеромы прислали в райком ВЛКСМ 86 рублей для покупки новогодних подарков воинам Красной Армии».

В 1944—1945 учебном году в шаромской школе в первом классе обучались семеро, во втором — трое, в третьем — семеро и в четвертом — четверо учеников. Семеро из них не успевали. В 1975 г. распахнула свои двери новая школа, рассчитанная на 192 учащихся.

Еще в 1960-х гг. в Шаромах можно было услышать камчадалскую речь. Ее, а также характер камчадалов в книге «На меридиане нового дня» показали Л. Иванов и А. Сомах: «Бывало, спросит случайный путник у шаромца, как пройти до Милькова или Кирганика, а тот набьет трубочку табаком, угостит и прохожего, усадит его на бревнышко или на опрокинутую лодку-долбленку и поведет неторопливую беседу о том, о сем, о жизни и прочем. И только выспросив основательно, встанет, поглядит из-под руки на петляющую по лесу дорогу и пояснит, характерно цокая: “А Кирганик-то, паря, за тем лесоцком. Пройдешь три кривуноцка, да два песоцка, тут он и объявится. Блиско, паря, цасов десять хода — и того не будет».

В 1957 г. шаромский колхоз «Новая деревня» объединился с пуцинским «Красным знаменем». Так появился совхоз «Верхнекамчатский». Но не все получилось так, как было задумано. На комсомольском собрании в 1962 г. представитель Шаром говорил: «Пусть к нам едут настоящие комсомольцы, но не присылайте в Шаромы проходимцев — ведь из 37 человек, начавших с путевкой обкома ВЛКСМ строительство нового совхоза, остались лишь 17. Остальные сбежали, просеялись сквозь решето трудностей. Причем, некоторые “добровольцы”, исчезли, едва получив аванс».

Тем не менее, вклад молодежи в строительство нового совхоза был оценен как значительный: «Идя навстречу пожеланием областной комсомольской организации и учитывая активное участие комсомольцев области в строительстве Верхнекамчатского совхоза, бюро обкома КПСС и облисполком постановляет: присвоить Верхнекамчатскому совхозу Мильковского района название “Комсомольский”».

5 января 1964 г. «Камчатская правда» сообщала: «Еще в 1961 г. это была заброшенная маленькая деревня с одной улицей. Сейчас Шаромы — большое село с благоустроенными домами, общежитием — центральная усадьба одного из лучших совхозов в области. Этот совхоз, носящий гордое и звонкое имя “Комсомольский”, создан руками молодежи, приехавшей сюда по комсомольским путевкам, ее героическим трудом, стойким желанием превратить зеленые просторы тундры в необозримые совхозные поля».

Хозяйство стало развиваться быстрыми темпами. Так, в 1970 г. посевные площади составили 1 381, в 1980 г. — 3 969, а в 1983 г. — уже 5 359 га. В 1970 г. собрали 1 696, в 1980 г. — 3 750, а в 1983 г. — 2 961 т картофеля. Урожайность одного гектара в 1970 г. составила 212, в 1980 г. — 150, в 1983 г. — 111 ц.

Больших успехов в труде добивались коллективы, занимавшиеся откормом молодняка крупного рогатого скота с применением бригадного подряда, руководимые И. А. Дементьевой и М. И. Головачом. Для увеличения производства молока в 1968 г. совхоз «Комсомольский» предпринял попытку сконцентрировать свою деятельность на выращивании телят.

Последние успехи в сельском хозяйстве пришлось на конец 1980-х гг. В 1987 г. валовое производство картофеля составило 9 306 т, или 155,6 % от плана; моркови — 2 834 т (122 %). При плане 16 250 сдано 16 330 ц мяса, вместо 24 200 сдано 24 592 ц молока. Производительность труда выросла на 27 %. Затем начался необратимый кризис, и ныне сельское хозяйство находится в глубоком упадке.

По данным Всесоюзной переписи населения, проходившей в январе 1979 г., село населял 681 чел. В 1994 г. в Шаромах жили 905 чел.

Щапино принадлежало к селениям, ведшим летоисчисление из глубины веков. С. П. Крашенинников упоминает острожек Шапин или Шепен, где «лучший мужик» Начик. В 1730-х гг. здесь имелось 13 ясячных плательщиков. Селение находилось в 51 версте ниже Машуры, в нескольких верстах вверх по реке Щапино. Отсюда открывался великолепный вид на потухшие вулканы Кинчоклу (Лебедев) и Кунчекла (Комаров).

Летники шапинских жителей находились на реке Камчатке: один выше реки Щапиной, три ниже ее устья. Самый верхний летник имел труднопроизносимое по-русски название «Каледвщ».

В 1896 г. селение состояло из десяти дворов, где проживали 54 камчадала. В их хозяйствах имелось шесть лошадей, 15 коров и 100 собак. Охота в том году оказалась неважной, за сезон добыли всего восемь соболей, пять медведей и столько же лисиц, одного оленя. В огородах собрали шесть фунтов ячменя, восемь фунтов конопли, 225 пудов картофеля, 16 пудов репы и шесть пудов брюквы.

В многочисленных экспедициях, посещавших Камчатку в начале XX в., шапинцы участвовали как проводники. В 1909 г. руководитель ботанического отряда экспедиции Рябушинского В. Л. Комаров застал селение расположенным на левом берегу реки Щапиной. Здесь стояли всего семь домов, имелись 33 жителя, 36 голов крупного рогатого скота, 138 собак и пять лошадей.

Мы не можем объяснить, что же произошло с селянами несколько лет назад, но известно, что все жившие здесь были недавно переселены сюда из близлежащих сел — Мильково, Машура и Толбачик. Из коренных шапинцев остался только один старик Попов.

В 1911 г. сгорела со всем имуществом сельская часовня. В 1914 г. селяне выстроили новую часовню длиной 24 и шириной 9 аршин, сохранявшуюся вплоть до 1960-х гг. В 1923 г. в «часовне находится один престол, один сосуд. . . престольный крест деревянный своей работы, три подсвечника медные, один жертвенник деревянный. . . один сундук маленький, деревянный, обитый жемчугом, шестнадцать лампадок маленьких медных, семь икон в алтаре, две занавески коленкоровые, три ковра маленькие на холсте, одно кадило медное, один подсвечник маленький, медный. . . сорок три иконы старые, две хоругви клеенчатые, два шкафа деревянные, один большой, другой маленький, один чайник медный, одна чашка эмалированная, две дорожки тиковые, семь книг разных, два колокола маленькие, одна купель деревянная».

Щапино имело телефонную связь с селениями долины, доходившую вплоть до Петропавловска.

В. К. Арсеньев, посетивший селение в 1918 г., записал в своем дневнике: «Оспа была в зиму 1916/1917 г. Медицинской помощи никому не подавалось. Умерло взрослых 8, детей 12. Третья часть населения».

В 1926 г. население выросло на девять человек по сравнению с 1896 г. В Щапино размещались всего 13 хозяйств, которые населяли 63 чел. Через два года в селении стало на два хозяйства больше.

В 1933 г. Щапино состояло из 20 хозяйств и 64 жителей, из них 38 мужчин и 26 женщин, в том числе 48 бедняков, 16 середняков, 55 камчадалов, шесть русских и три китайца.

В 1930-х гг. здесь образовался колхоз, которому на 1935 г. установили план посадки картофеля 5, капусты — 0,2, других овощей — 0,3, зерновых — 8 га.

В 1944—1945 учебном году работала двухклассная школа. В первом классе обучались двенадцать детей, во втором — пять.

В 1949 г. в Щапино приехали первые переселенцы из Омской области. До этого здесь все оставалось по-прежнему: рыбалка, охота, огородничество, меньше десятка домов коренных жителей, да сохранившаяся часовня без крестов. Теперь спокойная и размеренная жизнь древнего камчатальского села закончилась. Застучали топоры, зазвенели пилы, стала отступать вековая тайга. Новоселы заложили первую улицу и дали ей название «Омская».

18 мая 1950 г. областная газета «Камчатская правда» поместила заметку «Начался сплав леса», в которой говорилось: «В Щапинском механизированном лесопункте леспромхоза имени Лазо начался сплав леса. 8-го и 9-го мая в реку были спущены первые 8 тысяч кубометров леса. Между бригадами сплавщиков развернуто социалистическое соревнование. Бригады, которыми руководят мастера Нанако и Безденежных, взяли обязательство выполнять нормы не менее чем на 150—180 процентов».

По итогам работы в 1954 г. наибольших успехов добились работники леспромхоза — электровальщики Садыков и Кисляк, трактористы Мищенко,

Макаров, Мельник, Слюсарь, шофер Анисенко. Они перевыполняли нормы выработки в полтора, а то и в два раза.

2 июня 1950 г. «Камчатская правда» сообщила: «В этом году в подсобном хозяйстве Щапинского мехлесхоза значительно увеличивается посевная площадь под овощные культуры и картофель. На четырех гектарах уже посажен картофель, посеян лук. В парниках выращена хорошая рассада капусты. На днях будет производиться высадка ее в открытый грунт».

В 1957 г. село образовывали уже 200 строений и 12 улиц. Здесь находились лесничество, магазины рыбкооп, павильон бытового обслуживания, редакция и типография многотиражки, клуб, школа, больница, сберкасса, пекарня, столовая, почта, аэродром.

К концу 1950-х гг. благосостояние работников местного леспромхоза заметно выросло. В 1957 г. тиражом в 500 экземпляров стала выходить газета «Трибуна лесника». В 12-м номере она сообщила: «Щапинский рыбкооп продал недавно 15 мотоциклов ИЖ-49 и один М-72. Мотоциклы марки ИЖ-49 приобрели рабочие Помайбо, Веретенников, Чернов, киномеханик Ломанов, мастер Дурнаев...»

Большим авторитетом в поселке пользовалась комсомольская организация. В этой же газете была помещена такая заметка: «В ряды ВЛКСМ приняты рабочий Роберт Мелехов, шофер Петр Самарин, почтальон поселка “13-й квартал” Виктор Кириллов, Лидия Садыкова».

Щапино явилось центральной базой лесозаготовителей. Рядом возводились новые поселки-временки: Лазо, Центральный, 13-й квартал, 14-й квартал, Линейный, 37-й квартал. Планировалось строительство фанерной фабрики.

3 марта 1957 г. образовался Щапинский сельсовет. В период расцвета в селении жили около 4 000 чел. С 1952 по 1957 г. объемы лесозаготовок увеличились в пять раз. Но за короткий срок сырьевая база сильно истощилась, упали заработки, люди стали постепенно переезжать в другие села и поселки.

По данным переписи населения, в январе 1979 г. в селе жили всего пять человек. 13 февраля 1979 г. Щапинский сельсовет был упразднен.

Харчино, селение. Находилось на реке Еловке, в 25 км от ее устья, близ живописного Харчинского озера. Можно утверждать, что селение Харчино существовало еще до прихода в эти края первых русских казаков, но под другим названием. Точную дату его образования установить невозможно. Видимо, это произошло еще в эпоху неолита.

Если спускаться по реке Камчатке с верховьев, то после Красного Яра открывается великолепный вид на Ключевскую группу вулканов, Харчинский и Заречный хребты. Здесь, на северном склоне Харчинского хребта, и располагалось небольшое камчадалское селение Харчино.

Название оно получило в честь Федора Харчина, предводителя восстания ительменов в 1731 г. Новокрещенный камчадал Федька Харчин (так в доку-

ментах) обладал силой и ловкостью. По словам современников, он мог бегом догнать дикого оленя.

Колонизация полуострова протекала болезненно. Христианство у северных народов прививалось не сразу, еще долгое время после прихода русских харчинцы занимались шаманством. Так, проповеднический толмач Василий Мохнаткин в рапорте сообщал, что «... в прошлом 752 году на реке Еловке в Харчинском остроге у тоена Ивана Брехова с родниками происходило шаманство... оные иноземцы к прежним своим богам приносят жертвы и мнимое претворяют себе щастие».

В XIX в. жители селения, как и все камчадалы, занимаются рыболовством и охотой, заводят небольшие огороды.

В 1868 г. от Авачинской губы до Харчино считалось 647 верст. В селении стояли восемь домов, жили 25 мужчин и 19 женщин. В 1891 г. здесь имелось восемь детей школьного возраста, грамоте обучались один мальчик и четыре девочки, а в 1896 г. из семи детей только два мальчика изучали азбуку. В 1893 г. местные жители носили фамилии Баженовых, Коллеговых, Ключевых, Сновидовых, Привалихиных, Чабаевых.

В 1908 г. участник экспедиции Рябушинского А. Н. Державин отмечал: «Селение сравнительно зажиточное, место уютное, хорошие покосы. По словам старосты, прежде вызревал ячмень и конопля». В начале XX в. здесь стояла небольшая часовня с тремя маленькими колоколами, весившими один пуд, три фунта и один фунт.

Численность населения изменялась так: в 1836 г. — 38, в 1851 г. — 50, в 1876 г. — 52 (в том числе один грамотный), в 1901 г. — 47, в 1909 г. — 41 чел.

В 1876 г., согласно переписи, в селе жили восемь гижигинских мещан и один крестьянин, пять местных крестьян и 38 камчадалов. Здесь находились часовня, семь жилых домов, девять балаганов, пять стай, три бани и 13 амбаров.

В 1923 г. Харчино располагалось в 27 км от Ключей, здесь жили 35, в 1930 г. — 42, а в 1936 г. — 60 чел.

В 1928 г. здесь имелись всего восемь хозяйств. Огороды селян занимали площадь 3 553 против 2 731 кв. м в 1925 г.

В 1941 г. местный колхоз «Труженик» посадил 4,3 га картофеля, 1 га капусты, 1,5 га других овощей и 0,5 га зерновых. Его «лучшими людьми» являлись: Ф. В. Чуркина, Т. Ф. Баженов, М. Д. Десятова, Е. С. Толкачева, С. Д. Соболев, Л. С. Ушакова, В. Д. Ключева.

В 1943 г. колхозу «Труженик» присуждено переходящее Красное знамя райкома ВКП(б) и Совета народных депутатов трудящихся Усть-Камчатского района.

Старожил Ключей В. И. Неведомский вспоминал: «Во время войны камчадалы из Харчино говорили: “Мы не позволим немецкому сапогу топтать нашу харчинскую землю!”» На совещании по подготовке к посевной пред-

седатель колхоза докладывал: «Цо, паря, у нас один плуг-то готовый, второй начали готовить».

Положение в селе оставалось крайне неблагоприятным и в 1950-х гг. Так, на сессии Ключевского Совета депутатов трудящихся, состоявшейся 25 марта 1950 г., один из выступавших говорил: «В Харчино люди живут крайне плохо. Они не могут почитать газет, так как их у них нет, нет радио, несколько лет не видели кино. Никакой культурной работы нет. Совершенно отсутствует медицинская помощь». Сессия решила: «Организовать фельдшерский пункт в с. Харчино с обслуживанием за счет словеского населения».

Харчино исключили из числа населенных пунктов Камчатской области в середине 1950-х гг. Людей переселили в Ключи. В конце 1950-х гг. краевед В. И. Воскобойников застал в Харчино двух последних жителей: старого камчадала Тимофея Баженова и его жену. В это время здесь еще находилась деревянная часовня с характерной древнесибирской архитектурой. Сегодня в живых осталось меньше десятка уроженцев этого старинного ительменского села.

Хваленка. Одно из местечек в отрогах хребта Кумроч среди камчадалов имело добрую славу, считалось красивым. «Хооросо, однако», — хвалили его старые камчадалы. Рядом в распадке лежало озерцо, где нагуливали жир утки. Склоны сопок обильно поросли яркой зеленью и березняком, ягодами и грибами. Отсюда рукой подать до Ажабачьего озера, несколько часов хода до океана, а если перевалить через невысокий хребет, то выйдешь к нерестовому озеру Курсинка. В отличие от ветреных поселков устьевой части реки Камчатки, здесь преобладает солнечная погода. В прошлые годы путники, преодолев первые 30 км, обычно делали в этом месте привал и чаевали на берегу.

В период революции на Камчатку хлынула разная публика: белые и красные солдаты, офицеры-капеллевы, бывшие каторжане, спекулянты, просто бежавшие от гражданской войны. Много было и иностранцев, особенно азиатских соседей — японцев, китайцев и корейцев. Если японцы после путины уезжали домой, оставляя не более десятка человек для зимовки на рыбозаводах, то для корейцев здесь жизнь оказалась более благоприятной, чем на родине.

Хорошее знание огородничества, навыки в ремесле, охота и рыбалка позволили новым переселенцам прижиться в этих суровых краях. Да и местная власть помогала им, например, установила для корейцев право первоочередной покупки риса, чем вызвала ворчание среди местных хозяек.

В 1928 г. агроном И. Ф. Голованов застал здесь небольшое поселение, состоявшее из 21 двора и 31 жителя. Их основным занятием было огородничество, площадь огородов превышала 10 тыс. кв. м.

В 1933 г. население составляло 21, а в 1936 г. — всего 17 чел. В 1935 г. в Хваленке числились 20 хозяйств, все они входили в колхоз. В 1937 г. для корейцев наступили черные времена: власти дали им сутки на сборы и выселили отсюда.

Перед началом Второй мировой войны сюда перевели воинскую часть, личный состав которой принимал участие в создании Камчатского оборонительного района. При подготовке Курильского десанта рядовых и сержантов передали в состав 302-го стрелкового полка, высаживавшегося на остров Шумшу. В июне 1948 г. на базе части был сформирован пулеметно-артиллерийский полк, которым командовал участник войны полковник Витольд Адольфович Попко, трагически погибший в ноябре 1951 г.

В последующие годы в Хваленке находилось сельскохозяйственное отделение Березояровского рыболовецкого колхоза.

Прошли годы. Теперь ни села, ни воинской части здесь больше нет. На восточном склоне осталась чудом уцелевшая крыша склада на нескольких столбах. На западном склоне лет пятнадцать назад еще сохранялась осыпавшаяся маленькая землянка.

Черный Яр. Географическое понятие Черный Яр — высокий берег реки Камчатки, сложенный клейкими илистыми отложениями почти черного цвета, с очень тонкими прослойками желтоватого песка. Это название местности существовало еще до появления здесь селения староверов.

Селение Черный Яр находилось на левом берегу реки Камчатки в 19 км от ее устья. Еще в конце 1970-х гг. здесь стоял добротный рубленый дом, в котором летом жили рыбаки, добывавшие для усть-камчатского рыболовецкого колхоза «Путь Ленина» ежегодно около 1 000 т лосося.

Профессор В. Ф. Овсянников во время путешествия по реке Камчатке в 1928 г. так описывал селение: «Здесь уже живут выселившиеся с 1912 г. староверы. По внешнему виду можно заключить, что обитатели деревни — народ зажиточный: дома исправны. . . бычок симментальской породы, коровы голландского типа, огороды с картофелем. На берегу много рыбацких лодок, снастей. Эта деревня — поставщик судоводителей по реке Камчатке. Дома построены по типу сибирских зажиточных изб. В обстановке мебель, зеркала, на полу линолеум, швейная ножная машинка, самовар, граммофон. Возле изб и на берегу группы здоровых бойких ребятишек».

В первые годы существования Черного Яра у соседних местных жителей существовало мнение, что новоселов следует опасаться, о них ходили всякие небылицы. Шведские путешественники, заночевавшие в 1921 г. в одном из домов Черного Яра, опасаясь за свою жизнь, клали под подушки револьверы. Но ночь прошла благополучно, и на следующий день путешественники отправились дальше.

В 1926 г. в селении, согласно Приполярной переписи, имелись 20 хозяйств и 97 жителей. В 1927 г. его населяли 47 мужчин, 22 женщин и 52 ребенка. Селение было чисто русским, здесь жили семьи Абросимовых, Подрезовых, Селедковых, Матвеевых, Даниловых, Хомяковых. Они содержали 179 ездовых и охотничьих собак, за сезон выловили 27 072 лосося.

Новоселы быстро освоили правила ведения хозяйства: летом — рыбалка, зимой — охота. Ловили за зиму по 30—35 соболей, но случались годы, когда добывали всего одного-двух зверьков, а то и ни одного.

О доходах, получаемых с рыбалки, писал еще владелец рыбоконсервных заводов в устье реки Камчатки А. Г. Демби: «Жители с. Усть-Камчатска и ближайших селений Березового Яра и Черного Яра сдали рыбопромышленнику Демби 615 000 штук “красной рыбы”, заработав в течение двухнедельного времени на одни рабочие руки в среднем до 2 000 рублей. Одна семья из пяти душ (Герасимова) заработала 12 956 руб. 40 коп.».

Интересна дальнейшая судьба семьи Герасимовых. Заработав на вылове рыбы, она уехала в Канаду. Оставшийся здесь для продажи хозяйства один из ее членов не смог воссоединиться с родственниками: в июле 1923 г. на Камчатку прибыл отряд ОГПУ, и граница оказалась закрытой. Так что сегодня потомки наших земляков живут в Канаде.

В 1933 г. в Черном Яру имелись 19 хозяйств и 122 жителя, в том числе 50 бедняков, 62 середняка и 10 зажиточных. В 1935 г. здесь организовался колхоз «Новая жизнь». Из 15 семей в него вступили восемь, на следующий год колхозниками из 17 хозяйств уже были 12, остальные пять хозяйств числились единоличными. Колхоз просуществовал до 1961 г.

В военный 1943 г. колхозники передали в фонд Главного командования 4 000 пудов рыбы.

Просуществовав всего полвека, 29 марта 1968 г. селение Черный Яр было исключено из списка населенных пунктов Камчатской области, а его жители переселены в Усть-Камчатск. Сегодня здесь осталось несколько заросших травой ям с остатками битого кирпича и почерневших от времени досок.

Щеки. Река Камчатка, достигнув Ключевской группы вулканов, делает крутой поворот на восток и течет вдоль хребта Кумроч. Здесь течение значительно усиливается, и дальше река несет свои воды в Тихий океан, касаясь берегами горных уступов. Это место издавна называют Щеки. Протяженность Щек около 23 км, оканчиваются они в 4 км от бывшего Нижнекамчатска.

На карте С. П. Крашенинникова в Щеках камчадальских острожков и русских селений не указано. Н. Н. Диков обнаружил здесь пять довольно крупных древних городищ, которые, видимо, существовали задолго до прихода на Камчатку русских.

Первое упоминание о существовании Щековского острожка относится к концу XVIII в. Французский путешественник Лессепс указывает, что Щеки располагались в 22 км от Нижнекамчатска. Щековской острожек во время своего зимнего путешествия по Камчатке посетил В. М. Головин, который указал, что он — один из самых бедных и едва обитаемых. Отсюда до Нижнекамчатска было 18 верст.

В исповедальных росписях Нижнекамчатской Успенской церкви за 1812 г. в Щековском острожке значатся «камчадалы и домашние их» — 15 душ обоого пола, в том числе всего шесть мужчин. Вновь крещеные ительмены носили фамилии Мешковых, Гловых, Креницыных, Поповых. Но уже в середине XIX в. К. Дитмар, дважды проезжавший здесь, записал: «На северном берегу находятся остатки Щековского острога, теперь совершенно оставленного, но впору процветания Нижнекамчатска он представлял богатое и очень людное место».

Сейчас постоянного населения в Щеках нет, если не считать дежурного связиста. До середины 1980-х гг. здесь находилась рыбалка колхоза «Путь Ленина», куда за кунгасами ходил буксирный катер Усть-Камчатского рыбоконсервного завода с бортовым номером 242.

В. П. ПУСТОВИТ

ГЛАСНЫЕ: НЕ БЕЛЫЕ, НЕ КРАСНЫЕ

Петропавловская городская Дума — первый опыт местного самоуправления на Камчатке

О нынешней городской Думе слышаны все. Однако мало кто знает, что у нее была предшественница, и действовала она в эпоху революционных потрясений и гражданского противостояния, с 1917 по 1922 г.

Если предаются забвению явления такого рода, то это происходит не случайно. Петропавловская городская Дума тех лет почти не упоминается в советских изданиях, а если и упоминается, то обязательно с клеймом «контрреволюционная буржуазная». Трагичны и судьбы ее депутатов, которых тогда именовали гласными...

Когда пятнадцать лет назад я прикоснулся к этой теме, то не представлял в полной мере ее трудоемкости. Сведения отрывочны, искажены, мало первоисточников. Такое ощущение, что кто-то позаботился, чтобы мы как можно хуже знали свое прошлое.

ПЕРВАЯ ДУМА

В конце июля 1917 г. в разгар Первого Камчатского областного съезда из столицы поступил циркуляр в адрес местных властей. В нем значилось: «Постановлением Временного Правительства в Петропавловске-на-Камчатке введено городское положение. Подлежит немедленно озаботиться производством выборов гласных Городской Думы, возложив распорядительные по выборам действия на временный городской комитет или на специально образованную комиссию...»

Число гласных определялось в двадцать человек. В случае отсутствия средств на проведение выборов, местные власти могли получить от центра возвратную ссуду, причем с обязательным внесением ее в первую городскую смету.

30 июля 1917 г. общее собрание граждан Петропавловска образовало избирательную комиссию из девяти человек во главе с Н. Д. Голубецким. Располагалась она по месту службы ее руководителя, в помещении агентства Добровольного флота — судоходной компании, осуществлявшей регулярные грузопассажирские перевозки по линии Владивосток — Петропавловск.

В комиссию вошли представители разных слоев населения: крестьянин, рыбак, судья, торговец... Среди членов избирательной комиссии оказался даже солдат-отпускник И. Е. Ларин, вступивший во время службы на материке в РСДРП(б) и являвшийся единственным в тот момент большевиком на Камчатке.

Составляя списки избирателей, члены комиссии в два дня обошли город, насчитывавший до двухсот пятидесяти домов. Отлучившиеся в это время из города должны были «оставить в квартире сведения о своем имени, отчестве, фамилии и возрасте».

При населении Петропавловска около 1 200 человек комиссия зарегистрировала 552 избирателя. Их списки она выставила на всеобщее обозрение в двух местах: возле своей штаб-квартиры и в Народном доме — на предмет уточнения. На ошибки или пропуски в тексте в течение пяти дней комиссии могли указать как избиратели, так и представители власти.

Избирательным правом пользовались граждане обоего пола всех национальностей и вероисповеданий не моложе двадцати лет, проживающие в Петропавловске, либо имеющие иные, связанные с городом, определенные занятия. Поначалу к выборам не допускались представители административной власти и милиции, но затем из центра поступило разъяснение, что сей пункт положения о выборах отменен. Не разрешалось принимать участие в голосовании сумасшедшим, глухонемым, а также приговоренным судом к наказаниям, которыми предусмотрено лишение или ограничение прав состояния в течение трех лет по отбытии ими наказания.

Данный срок снижался до одного года для осужденных за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку или принятие в заклад в виде промысла заведомо краденого или полученного через обман имущества. К этой же категории закон причислял лиц, отбывших наказание за подлог, ростовщичество, лихоимство и лиходеительство. От участия в выборах освобождались содержатели домов терпимости.

Что касается списков кандидатов в гласные, то подавать их имели право группы, состоящие не менее чем из десяти человек. За день до выборов таких списков было два: № 1 от только что образованного Союза рабочих, а также демократов и № 2 «группы местных граждан».

В каждом из этих списков насчитывалось по семнадцать человек. Среди кандидатов были руководители Областного комитета А. А. Пурин и П. Я. Сусляк, комиссар области К. П. Лавров, товарищ (заместитель) комиссара И. Ф. Голованов, председатель Союза рабочих П. Я. Румянцев со своим помощником В. А. Тимонькиным, глава избирательной комиссии Н. Д. Голубецкий. В кандидаты попал также коллежский асессор А. М. Пименов, занимавший до Февральской революции должность помощника Петропавловского уездного начальника.

Опубликовав 3 сентября 1917 г. оба списка, местная газета «Камчатский листок» призвала избирателей отдать свои голоса за список № 1. В том же номере газеты печаталось обращение этой группы к горожанам.

В нем, в частности, говорилось: «Городу нужен дельный хозяин, нужна дельная, работоспособная городская дума, заботящаяся об улучшении жиз-

ни труженников. В нашем списке № 1 представлены интересы всего городского населения; наши кандидаты будут в думе заботиться об улучшении и развитии городского хозяйства на демократических началах...»

За несколько дней до выборов, в соответствии со статьей 15 Временных правил, избирательный комитет предложил направить для работы в его составе по одному представителю от каждой группы, выдвинувшей кандидатов в гласные.

7 сентября 1917 г. «Камчатский листок» выступил с призывом не относиться безучастно к выборам. «Это ваше насущное дело, ваша забота, — писала единственная на Камчатке газета, — не думайте, что кто-то за вас все сделает, как это было при старом режиме... Спешите все получить избирательные карточки и конверты от комиссии по выборам».

Первые в истории края выборы в органы местного самоуправления проходили в воскресенье 10 сентября 1917 г. с девяти утра до девяти вечера в бывшем губернаторском доме. Процедура их была такова: горожанин проходил к месту голосования с избирательной запиской, то есть бюллетенем по-нынешнему (бланки раздавались до выборов), где им уже был помечен номер кандидатского списка, которому он отдал предпочтение. Впрочем, сделать эту пометку он мог и на участке. Избирательная записка в запечатанном конверте вручалась председателю комиссии; тот, проверив наличие печати Областного комитета, опускал конверт в присутствии избирателя в специальный ящик.

Незаполненные записки, а также написанные неразборчивым почерком или подписанные избирателем (вместо того, чтобы поставить лишь номер предпочтенного им списка), или с перечислением желательных кандидатов, считались недействительными. В расчет не принимались голоса, поданные за оба списка.

Предвыборная агитация, «выражающаяся вывешиванием воззваний, раздачею брошюр, плакатов, произнесений речей и т. п.» у входа и на самом избирательном участке во время голосования запрещались. Газета же «Камчатский листок» в день выборов вышла с большим — во всю первую полосу — заголовком: «Голосуйте только за список № 2!!!», то есть за кандидатов группы местных жителей.

Подсчет конвертов с записками и поданных голосов производился в понедельник, 11 сентября. При вскрытии ящиков для голосования присутствовали все изъявившие желание граждане.

Результаты этих выборов, однако, так и не стали достоянием гласности. Спустя десять дней Петропавловский окружной суд их кассировал, то есть отменил по протесту областного комиссара в связи с нарушением избирательной комиссией одной из статей «Временных правил о выборах». Теперь надо было начинать все с начала: составлять списки избирателей и кандидатов в гласные, проводить агитацию...

Повторные выборы были назначены на 5 ноября 1917 г. При втором голосовании задача избирателей усложнялась. Если в сентябре им предстояло выбирать один из двух списков, то теперь — из пяти. Три списка подали местные жители, один — Второе Петропавловское общество потребителей, Рабочий Союз и демократические группы и еще один — камчатская воинская команда.

Фамилии некоторых кандидатов в гласные фигурировали в нескольких списках: во всех пяти — Николая Дмитриевича Голубецкого и владельца магазина Деушева, в четырех — приехавшего на Камчатку между выборами Александра Яковлевича Эггенберга...

На сей раз выборы в Петропавловскую городскую Думу (ПГД) состоялись. Город получил местное самоуправление из двадцати гласных. Председателем ПГД стал А. Я. Эггенберг, городским головой Н. Д. Голубецкий.

Александр Яковлевич Эггенберг являлся податным инспектором. Николай Дмитриевич Голубецкий в 1920-е гг., уже при советской власти, работал на Командорских пушных промыслах и, по отзывам начальства, неплохо: «Не за страх, а за совесть, со временем не считается, иногда прихватывает от вечеров и праздников».

Н. Д. Голубецкий «вызывал уважение аккуратностью, прилежанием и знанием счетоводческого дела». Оба они — Эггенберг и Голубецкий — в свое время выехали (один раньше, другой позже) на материк. Кстати, Голубецкий избирался городским головой трижды — в 1917, 1918 и 1919 гг.

Прошло немногим более месяца после выборов, как в местную воинскую команду прибыло пополнение («Красная сотня») и с ним член РСДРП(б) Иван Емельянович Ларин. Заручившись поддержкой Рабочего союза, Ларин с помощью другого солдата-большевика А. Олейника организовал городской Совет солдатских и рабочих депутатов. Председателем Совета стал И. Е. Ларин (на Камчатке с 1908 г., основная профессия — слесарь).

Тем временем в Петропавловске окончательно оформилась система местного самоуправления. У городской Думы возник рабочий орган — городская Управа. Руководил ею городской голова. С появлением Управы упразднялась комиссия по благоустройству города, которая была образована летом 1917 г. после публикации в местной газете следующего сообщения:

«В городе за последнее время свободно днем и ночью разгуливают лошади, все бы хорошо, если б эти лошади не портили огородов. Этими лошадьми в ночь на 14 июля уничтожено три огорода. На хозяев этих лошадей подаются жалобы за причиненные убытки. Господа хозяева лошадей, пощадите огороды. Вы сами знаете, как трудно на Камчатке иметь огородные овощи».

Тогда же, летом, в городе велись речи о том, как бы поправить тротуары и развесить по столбам фонари «Солнце», ведь стеклянные колпаки к ним уже привезены из Петрограда.

Председателем комиссии по благоустройству был А. М. Пименов, делавший от ее имени «объявления для всеобщего сведения». Так, одно из них в конце июля (примерно в одно время с известием о выборах первой ПГД) гласило: в здании уездного комиссара производятся торги «на сдачу в арендное пользование летом 1917 г. городских покосных площадей».

Теперь же все городское хозяйство переходило в ведение Петропавловского самоуправления. В декабре 1917 г. городская Управа, что разместилась в доме бывшего губернатора, обратилась с просьбой к домовладельцам и лицам, не уплатившим городские повинности за истекший год, чтобы они «поспешили внести таковые к 1-му января 1918».

Первый день нового 1918 г. ознаменовался митингом сторонников Совета солдатских и рабочих депутатов. На нем Совет объявил себя высшей политической властью в Петропавловске.

Дума предложила Совету разграничить функции. 10 января Областной комитет принял соответствующее постановление: «В случае разногласий между Советом и Городской Думой, окончательное решение таковых решений принадлежит Камчатскому Облкому», который, как орган, избранный демократическим путем на Первом съезде Камчатской области, продолжал осуществлять высшую власть в пределах Камчатской области.

29 января 1918 г. облком просит городское самоуправление издать обязательное постановление о запрещении стрельбы в Петропавловске и недопущении граждан к пороховому погребу «на расстояние, предусмотренное Законом». Дело в том, что в декабре 1917 г., накануне возникновения Совета, в пороховом погребе произошел взрыв, в результате чего пострадал караульный. После этого ЧП воинская команда, уменьшенная до пятидесяти человек, большая часть которых несла нестроевую службу, наотрез отказалась охранять злополучное место; пришлось нанимать уволившихся в запас.

В феврале 1918 г. городская Управа подала в облком ходатайство о назначении комиссии по осмотру печей в Петропавловском казначействе и ассигновании средств на содержание городского приходского училища. Областной комитет поддержал оба ходатайства.

В состав комиссии по осмотру печей включили председателя горсовета И. Е. Ларина и городского голову Н. Д. Голубецкого. Сумел ли Николай Дмитриевич привлечь к этой работе Ивана Емельяновича, остается невыясненным.

Городская Дума установила на 1918 г. сборы за стоянку коммерческих судов в пределах городских владений (под иностранным флагом — 25, под отечественным — 20 руб.) и сбор больничный с каждого взрослого жителя, а также попудные сборы с вывозимых из Петропавловска на материк и в Японию рыбных (10 коп.) и всех прочих (1 коп.) грузов. ПГД вынесла и такое решение: заготовить 550 сажень дров для нужд городского населения.

Между тем, горсовет категорически настаивал на признании советской власти в России и неукоснительном выполнении всех ее декретов. Положение усугубилось после получения телеграммы К. П. Лаврова, члена Учредительного Собрания от Камчатки, о последних событиях в России.

Председатель облкома А. А. Пурин и городской голова Н. Д. Голубецкий обеспечили этой телеграмме широкую огласку. «Опираясь на вооруженную силу, Совет Народных Комиссаров разогнал Учредительное Собрание, объявил себя единственной властью в стране и приступил к ведению сепаратных переговоров с Германией и ее союзниками. По всей стране разгорелась гражданская война и ныне не прекращается... На защиту Учредительного Собрания встали земские и городские самоуправления, как органы широкого народовластия...»

Опровержение слухов по поводу грядущей национализации денег частных лиц, хранящихся в казначействе, — единственный известный нам документ, под которым стоят подписи обеих противоборствующих сил: облкома и ПГД, с одной стороны, и горсовета, с другой.

Проходящий в с. Завойко (ныне Елизово) волостной съезд с участием представителей облкома и ПГД требует роспуска Совдепа и закрытия его газеты, выходившей с конца февраля 1918 г. Это едва не приводит к вооруженному столкновению между сторонниками и противниками советской власти.

На объединенном заседании Камчатского областного комитета, ПГД и горсовета, где присутствуют также горожане-«общественники», верх берут приверженцы власти Советов.

В ночь на 24 марта 1918 г. ПГД объявляет о самороспуске. Она бездействует три месяца и три недели. Ровно столько же, сколько продержались на Камчатке Советы солдатских и рабочих депутатов «первого призыва», потерявшие весной 1918 г., с упразднением местной воинской команды, главную свою опору.

12 июля 1918 г., сразу же после антисоветского переворота в Петропавловске, члены облкома и гласные Думы собрались для обсуждения неотложных вопросов, связанных с конструкцией власти, соблюдением законности и правопорядка в городе, снабжением населения продовольствием.

Из журнала заседания ПГД от 13 июля 1918 г.: «Принимая во внимание сделанное председателем Союза домовладельцев Колмаковым пожелание граждан ввести в городе упрощенное самоуправление, постановлено: незамедлительно приступить к выборному производству нового состава городского общественного управления, руководствуясь соответствующими правилами...»

О составе временного исполнительного органа в лице Городской Управы. Поручить временно заведовать хозяйством города Городскому Голове

и единогласно избранному гласному Думы И. И. Нигголь (ветеринарный врач. — *В. П.*) и одному представителю от Союза домовладельцев, прося Союз делегировать своего выборного члена (делегирован был бухгалтер Иван Трифионович Новограбленов. — *В. П.*). Означенному составу лиц поручить принять все городское хозяйство от бывшего горсовета и произвести выборное производство нового состава Думы и представительство от города в Камчатский облком. Ввиду того, что охрана порядка в городе, политическая и административная сторона дела находятся в руках Камчатского облкома, функции городского исполнительного органа сводятся исключительно лишь к хозяйственной стороне жизни города».

Многие установления советской власти были отменены, однако — не все. 1 августа городская Управа объявила, что «обязательное постановление бывшего горсовета от 30 мая с. г., относящееся к соблюдению санитарного порядка в городе, сохраняется полностью в силе. Наблюдение за выполнением возлагается на гормилицию».

На сезон 1918 г. ПГД установила уплату за право добычи рыбы в пределах городских угодий по 10 руб. с каждого невода, «независимо от условий лова, т. е. для личной ли исключительно потребности или с целью обработки излишков сырья к вывозу или перепродаже».

В середине августа городской голова Н. Д. Голубецкий на очередном заседании ПГД огласил акт осмотра Народного дома и электростанции. Особую тревогу по части противопожарной безопасности вызывал Народный дом — место проведения массовых мероприятий, в том числе театральных представлений.

Дума поручила гласному А. А. Пурину вновь осмотреть с комиссией и привести в порядок электропроводку, дабы предотвратить возможное возгорание. «Если же в зрительном зале, из-за отсутствия материалов, нельзя переделать электричество, то освещать... керосином». Решено было в дни спектаклей и концертов держать около Народного дома дежурных милиционеров с пожарной машиной и водой.

После закрытия советской газеты в областном центре начал выходить демократический «Камчатский вестник». 21 августа он опубликовал предостережение начальника городской милиции А. П. Токаревского любителям выпить, кои, собираясь на улице, «позволяют себе критиковать распоряжения Областной и Городской администрации».

Главный милиционер Петропавловска поделил вышеуказанных лиц на две категории: просто нетрезвые и агитаторы; первым грозил арест, вторым — высылка за пределы Камчатки без права возврата.

Тем временем, в городе завершалась подготовка к выборам второй ПГД. Они должны были состояться 1 сентября 1918 г.

ВТОРАЯ ДУМА

31 августа 1918 г., за день до выборов новой Думы, боясь, что они сорвутся, «Камчатский вестник» опубликовал редакционную статью с призывом к горожанам отказаться от лениности и равнодушия и, дабы Петропавловск был «красивым и цветущим», исполнить всем, как одному, свой гражданский долг. Газета напоминала избирателям, что это их неотъемлемое право — «ставить во главе города людей, облеченных всенародным доверием, людей знания и опыта». В противном случае не будет достойного управления городом, чистых и освещенных улиц.

«Или, может, граждане желают видеть судьбу городского хозяйства в руках полуграмотного, но вечно пьяного владыки павших дней — совдеповского комиссара?» — вопрошал «Камчатский вестник» и предостерегал: «Для народа ленивого и бездеятельного нет места на земле. Громадные богатства, которые мы имеем, не могут лежать втуне, и если мы не хотим вести свое хозяйство, которое могло бы стать прибыльным, за нас это сделают чужестранцы; и хозяйство будет, конечно, прибыльным, только не для нас».

Выборы 2-й ПГД прошли нормально. 15 сентября на ее закрытом заседании сформировалось руководство. При тринадцати голосах «за» и двух «против» Думу возглавил активный участник июльского антисоветского переворота педагог Павел Яковлевич Сусяк. Товарищем, то есть заместителем председателя, стал врач Петр Петрович Рубецкий. В рабочий орган Думы — городскую Управу — вошли (тоже на выборной основе) городской голова Николай Дмитриевич Голубецкий, его заместитель Мечислав Константинович Станчиковский, гласный Василий Иванович Артюхин.

Каждому члену Управы было положено жалование 400 руб. в месяц. При совмещении других должностей эта цифра уменьшалась наполовину. Телеграфное ходатайство перед Временным Сибирским правительством разрешить в порядке исключения Петропавловску выбирать в Управу «совместителей» было возбуждено позднее, в ноябре.

Одним из первых новая Дума приняла постановление о взимании денежного сбора в размере 5 руб. с граждан, достигших двадцати лет, «взамен отбытия каюрной повинности». Крайний срок уплаты — 15 ноября, после чего «будет приступлено к взысканию через милицию».

Тогда же, в конце октября 1918 г., Областной комитет — высшая власть в области, избранная демократическим путем на Втором областном съезде — и ПГД создают уездную и городскую милицию с новым штатным расписанием: начальник, помощник начальника, секретарь, трое старших милиционеров и двадцать пять младших. В пределах Петропавловского уезда она подчиняется Областному комитету, а в пределах города — местному самоуправлению. Назначить или уволить начальника милиции они могут только

на «соединенном заседании». Вооружают стражей порядка револьверами системы «Наган», шашками и винтовками.

Гласные ПГД воспрещают жителям Петропавловска выпускать скот бродить по улицам, а также объявляют об утрате права владения земельными участками лицами (за исключением призванных на военную службу), которые в течение года не приступали к застройке.

В самой Управе учреждены еще две должности: заведующего техническим отделом и секретаря (вместо писца); оклады, соответственно, 75 и 200 руб.

Дума не выпускает из виду санитарное состояние города, а оно, как и прежде, оставляет желать лучшего. Выполняя поручение гласных, городская Управа возлагает на домовладельцев обязанности по содержанию в исправности тротуаров «против усадеб». На приведение их в надлежащий вид дается две недели. Помимо этого, такой же срок определен для очистки от мусора усадебных пространств и улиц.

Один из пунктов этого обязательного постановления гласил: «Во избежание загрязнения городских усадебных пространств запрещается в городе убой различного рода скота. Для убоя скота предлагается пользоваться городской скотобойней на условиях, выработанных Городской Управой».

Рыболовам надлежало убирать отбросы промысла тотчас по получении таковых. Торговцам съестными припасами вменялось в обязанность содержать в чистоте все свои помещения, а прилавки непременно обтянуть клеенкой или выкрасить белой краской. Постановление распространялось также на владельцев столовых, кофеен и пекарен.

На основе Устава о наказаниях за грязь на улице, бродящий скот, плохое содержание помойных ям и несоблюдение правил о чистоте и опрятности во дворах и торговых помещениях взыскивалось до 15, а за неисправность тротуаров, мостовых, дорог и мостов — до 25 руб.; убой скота в неполюженном месте тоже стоил четвертную, но мог быть заменен тремя сутками ареста.

23 октября 1918 г. ПГД рассмотрела вопрос о порядке лова сельди в Ковше (участок акватории современного рыбного порта, ограниченный мысом Сигнальным, сопкой Никольской и набережной порта до завода «Фреза». — *Ред.*). Был разрешен промысел в неограниченном количестве, «без участия наемного труда, с правом продажи излишка» отдельным лицам, трудовым артелям и постоянным жителям Петропавловска. Размер неводов был ограничен сорока печатными саженьями. Иностранным подданным, проживающим в городе, дозволялось ловить рыбу только для личного потребления, они не имели права продавать ее и вывозить. В зону действия думского постановления, помимо Ковша, входил район Авачинской губы от мыса Сигнального «до створных знаков».

10 ноября Дума вновь вернулась к данному вопросу и записала в своем журнале: «Принимая во внимание, что Городской Управой уже выданы че-

тырем артелям, состоящим из японцев и корейцев, разрешения ловить селедку четырьмя неводами, то больше таких же разрешений иностранцам не выдавать. На каждого иностранца, производящего лов селедки по указанным разрешениям, определить норму рыбы для личного потребления до десяти пудов.

Промысловый же излишек, согласно ходатайства японского консула в Петропавловске, изложенного в официальном письме его за № 20, обложить в пользу города по 3 руб. с пуда в виде исключения на текущий сезон, то есть до первого декабря по старому стилю, с тем, чтобы лов селедки после 1-го уловленного излишка при накидке тони был прекращен.

Лица, нарушающие настоящее постановление, будут привлекаться к ответственности по закону от 27 мая 1918 (горсовета. — В. П.). Ширина неводов должна быть не более пяти сажен. Надзор за выполнением сего постановления возложить на чинов милиции».

Первый снег выпал в Петропавловске 28 октября, и в воскресенье 10 ноября, когда проходило очередное заседание Думы, его было достаточно, чтобы некоторые граждане устроили гонки на собаках, причем не стеснялись ездить по тротуарам, не уступая дороги шествующей публике. Сообщая об этом, «Камчатский вестник» добавлял: «Полагаем, что возможно было бы запретить езду на собаках по тротуарам, которые, как и везде, устроены для удобства пешеходов».

При заготовке дров на зиму возникла проблема «размежевания» с Завойкинской волостью. Городской Управе было поручено ходатайствовать перед правительством адмирала А. В. Колчака об отводе городу земель со всеми угодьями, потребными для городского самоуправления, и просить командировать в Петропавловск «специальное лицо для размежевания и указания границ на предмет закрепления за городом его владений».

11 декабря 1918 г. по докладу городского головы о рубке дров в пределах городской черты принимается следующее решение: «Городское Самоуправление имеет в данное время право, впредь до размежевания городских земель, пользоваться для своих нужд территорией... вне всякого вмешательства волости, у которой нет основания считать городскую выгонную площадь отчужденной в частях у волости».

Позднее, в начале февраля 1919 г., городская Управа объявляет о выдаче порубщикам специальных удостоверений. «Не получившие оных привлекутся к ответственности, а дрова конфискуются».

На 1919 г. Дума составила смету в сумме 26 тыс. руб. Доходы планировались от сборов: оценочного, нотариального, аукционного, а также с казенных зданий, торговых документов, сенокосных угодий, рыбных промыслов, шаланд, лошадей, собак, с убоя скота.

ПГД взимала плату за ввозимые и вывозимые из города грузы, использование парходами «городского водного места» в качестве стоянки.

В расходную статью сметы было включено жалование городскому голове — 2 400, двум членам городской Управы — 4 800, секретарю Думы и Управы — 4 800 и технику — 900 руб. Вместе с другими расходами на свое содержание Дума собиралась потратить без малого 14 тыс. руб. Остальные расходы распределялись так: 7 500 — на благоустройство города, 1 800 — на медицинские, санитарные и ветеринарные мероприятия, 1 500 руб. — на приобретение недвижимости. Отчисления в запасной капитал — 400 руб., столько же — пособия Петропавловскому училищу и городской библиотеке.

А вот рыночные цены конца 1918 г. на некоторые товары. Пуд муки первого сорта — 26 руб., фунт (409 граммов) риса — 90 коп., гречки — 40 коп., гороха — 30 коп., сахара — 1 руб. 40 коп., «рыба-сельдь» — 17 коп. за штуку.

Городской голова Н. Д. Голубецкий одновременно руководил Камчатским торгово-промышленным товариществом, которое отпускало со склада «местами» (оптом), за деньги или в обмен на пушнину продовольствие, в том числе муку, масло, рис, чай, гречку, апельсины. Николай Дмитриевич регулярно оповещал об этом горожан, указывая место, куда им следует обращаться — агентство Добровольного флота, где он работал по совместительству.

В первый же день нового 1919 г. всплыла дорожная проблема. Поставил ее в праздничном номере «Камчатского вестника» общественный деятель, агроном И. Ф. Голованов. Он ратовал за прокладку колесной дороги Петропавловск — Сероглазка — Авача, что, по его мнению, не только бы удешевило проезд (чтобы попасть в с. Авача по бухте на катере приходилось платить до 50 руб.) и доставку грузов, но и дало бы возможность поддерживать сообщение между городом и указанными селениями круглый год без перерыва. А это, в свою очередь, оживило бы местную рыбопромышленность и сельскохозяйственное производство. С проведением колесной дороги, соединяющей Петропавловск с Сероглазкой и Авачей, автор статьи связывал решение такого болезненного вопроса, как «дрвяной голод» — леса, годного на дрова, около города год от года становилось все меньше и меньше. «Не мешало бы облкому и Городской Думе войти с надлежащим ходатайством в Переселенческое Управление (располагавшееся во Владивостоке. — *В. П.*) об ассигновании средств на устройство этой дороги».

В том же номере газеты сообщалось, что Дума постановила перечислить 1 января 1919 г. 1 529 руб. 22 коп., собранные от устройства спектаклей в Народном доме, в специальный капитал общественного призрения. А остатки наличных сумм, что выявлены к концу отчетного года, распределить следующим образом: провести расчет со служащими городского самоуправления, уплату всех долгов по кассе 1918 г., как правительственным учреждениям, так и частным лицам по всякого рода поступлениям и «позаимствованиям»; включить в запасной городской капитал, «который и будет с данного времени фигурировать под правильным учетом».

В начале января 1919 г. ПГД восстановила обязательное преподавание в городских начальных училищах Закона Божьего, отмененного год назад при Советах.

Заслушав доклад городского головы об установлении сборов на сметный период 1919 г., Дума ввела налоги: оценочный в размере 0,5 % со стоимости недвижимости; с убиваемого на городской скотобойне или на указанном городской Управой месте крупного рогатого скота 5, с головы, телят — 1 и свиньи — 3 руб.; с лошадей до трех лет — 3, свыше — 10 руб. в год. В пользу города изымались также 8 % от общей суммы подоходных налогов, поступающих в государственное казначейство.

Заявив о том, что, согласно конвенции между Россией и Японией, рыбный промысел в Авачинской губе для иностранцев закрыт, Дума запретила «в черте городских угодий лов всякой рыбы иностранными подданными навсегда».

Городской голова тогда же, в конце января 1919 г., представил Думе план Петропавловска, составленный инженером К. А. Заранеком. План этот гласные приняли к руководству и поручили заведующему технической частью И. П. Воротникову нанести на него все отведенные, как застроенные, так и незастроенные участки, а также наметить границы застройки города и доложить об этом Думе.

Для частных построек было отведено десять участков. Среди них: площадь напротив Петропавловского собора и Братской могилы, сад Завойко, на Главной улице (ныне Ленинская) от земель ветеринарного ведомства по направлению к Судейскому участку. Перечень включал Базарную площадь, Кошку, мыс Сигнальный и кладбище. Дума обязала всех заинтересованных лиц представить в городскую Управу планы на предполагаемые застройки.

Н. Д. Голубецкий высказал гласным свою обеспокоенность «бессистемным состоянием» канцелярии — отсутствует инвентарная книга, нет описи дел и т. д. Управе было отдано соответствующее распоряжение.

Председатель ПГД П. Я. Суслык был встревожен появлением «прогульщиков» в своей среде. Некоторые гласные предпочитали не посещать думские заседания, и их приходилось переносить из-за отсутствия кворума. К «прогульщикам» без уважительных причин решили применить 1140 статью «Уложения о наказаниях»: подвергнуть «... в первый раз — замечанию от Председателя Думы, во второй — денежному взысканию не свыше 75 руб., в третий — сверх такого же взыскания исключение из Думы на время, Думою определяемое, но, во всяком случае, не более как до следующих выборов».

Снижение активности гласных совпадает по времени с роспуском правительством А. В. Колчака Областного комитета (февраль 1919 г.) и назначением Управляющего Камчатской областью.

Новый руководитель Камчатки, возглавлявший при последнем царском губернаторе его канцелярию, коллежский ассессор Н. Н. Червянский при-

был в Петропавловск 31 мая 1919 г. За три дня до этого были составлены списки граждан областного центра, имеющих право участвовать в выборах нового состава Думы. Их насчитывалось 365.

Избиратель, коего не удовлетворял ни один из претендентских списков, мог, используя их, подать «сборный», однако число внесенных в него кандидатов в гласные, как и прежде, не должно было превышать двадцать человек.

О деятельности ПГД перед выборами летом 1919 г. почти ничего не известно. 2 июня она приняла еще одно обязательное постановление против антисанитарии. На другой день городская Управа сообщила, что ей нужен пастух для выпаса скота горожан, а через три недели — что таковой нанят и ему надлежит ежедневно, начиная с пяти часов утра, проходить по Главной улице и извещать хозяев скота «посредством трубы о выгоне такового на пасьбу, а также по пути принимать скот от тех хозяев, которые успеют к указанному времени выгнать. Затем, с 5 час. 30 мин. и до шести утра пастух должен ожидать доставления ему скота у мостика возле озера. В шесть утра пастух обязан немедленно угонять скот на пасьбу».

Далее в объявлении городской Управы разъяснялась задача опоздавших: догонять и разыскивать пастуха на пасьбе, не оставляя свой скот «без призора»; время возвращения стада домой — семь вечера.

Трудно сказать, какие отношения сложились у Думы с управляющим областью в первые месяцы после его приезда. Свидетельств на этот счет пока не найдено. Приведем лишь один документ, преданный гласности 10 августа, накануне выборов нового состава ПГД: «Управляющий Камчатской областью... обратился в Петропавловскую Городскую Думу со следующим запросом: “За последнее время ко мне неоднократно поступают заявления о ничем не обоснованной дороговизне предметов первой необходимости, продаваемых из магазинов местных торговцев, повышающих почти ежедневно цены (в конце 1918 г. они были «отпущены». — *В. П.*) на свои товары.

Вследствие того, что надзор за правильным производством торговли лежит, согласно городского Положения, на Городском Самоуправлении, прошу сообщить, какие меры принимаются Городской Управой к устранению... повышения цен... и если не принимаются, то что Управа предполагает сделать в этом направлении, так как в противном случае я вынужден буду взять решение этого вопроса на себя и принять свои меры».

ТРЕТЬЯ ДУМА

Если выборы первых двух ПГД производились по правилам Временного Российского правительства, то в период избирательной компании 1919 г. уже действовал закон, утвержденный правительством А. В. Колчака.

Правом участия в выборах гласных обладали граждане, достигшие к моменту составления избирательных списков двадцати одного года, проживающие в данном городе, или же имеющие в нем «домашнее обзаведение», или состоящие не менее одного года на правительственной, общественной или частной службе.

В выборах не участвовали: высшие в пределах области, уезда представители администрации, их заместители и помощники, военнослужащие, милиционеры, монашествующие, «признанные в законном порядке безумными, сумасшедшими, глухонемыми и расточительными».

К выборам не допускались лица, судимые за преступные деяния, за которые предусмотрено лишение или ограничение прав состояния, либо увольнение со службы. Они могли голосовать только спустя десять лет после отбытия наказания или вступления приговора в законную силу, если за давностью содеянного освобождены или помилованы от наказания.

Этот срок сокращался наполовину для осужденных за: кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку и принятие закладов в виде промысла или получение через обман имущества, сводничество, тайное изготовление и продажу спиртного, уклонение от воинской службы или преступные деяния против избирательного права.

Лишены права голоса были граждане, состоящие под судом и следствием по обвинению в перечисленных преступлениях, а также «подвергшиеся несостоятельности впредь до определения свойства ее».

Противогосударственная деятельность тоже являлась препятствием к участию в выборах. Заключенным в связи с этим не выдавались избирательные удостоверения. Подобное отношение было и к тем, кто содержался под стражей ранее по постановлению следственных комиссий. Таким образом, от голосования отстранялись явные противники существующего режима.

Списки желающих баллотироваться в Думу городской голова должен был получить не позднее, чем за три недели до выборов. Таких списков поступило два, как и в предыдущую избирательную кампанию. В 1918 г. оба претендентских списка подали группы местных граждан. В 1919 г. они составили только один. С ними соперничал избирательный блок «Петропавловский кооператив — Камчатское культурно-просветительское общество “Просвещение” — Союз домовладельцев».

В каждом списке значилось двадцать фамилий — столько человек надлежало избрать в Думу.

Среди претендентов преобладали служащие и домовладельцы. Некоторых из них можно было найти как в первом списке, так и во втором, что давало им дополнительный шанс победить на выборах. К таким «выдвиженцам» относились В. А. Артюхин — служащий агентства Добровольного флота, его коллега нынешний городской голова Н. Д. Голубецкий, И. Д. Козы-

рев — чиновник почтово-телеграфной конторы, Н. П. Корякин, Ф. Ф. Панков и И. П. Ревацкий — домовладельцы.

Гласными и кандидатами к ним имели право стать граждане не моложе двадцати пяти лет. Чтобы пройти в Думу, следовало набрать не менее 10 % голосов принявших участие в выборах.

Петропавловцы избирали 3-ю ПГД 19 августа 1919 г. Из 365 зарегистрированных проголосовали 92 избирателя. Выборы были признаны состоявшимися. Оба соперничающих списка получили равное количество мест в Думе. По числу голосов лидировали перечисленные выше граждане. Больше всего избирателей (67) проголосовало за В. И. Артюхина и Н. Д. Голубецкого.

Гласными ПГД стали также секретарь городской Управы М. М. Бадах, областной агроном И. Д. Добровольский, председатель Петропавловского кооператива Е. А. Колмаков, начальник почтово-телеграфной конторы Е. Ф. Одынец, правитель канцелярии Областного управления А. М. Пименов, инженер В. М. Рыбкин, дорожный техник И. А. Шкляев и другие.

7 сентября 1919 г. Дума на выборной основе сформировала руководство городского самоуправления. Председателем ПГД был избран Иннокентий Дмитриевич Добровольский, помощником — Прокопий Трифионович Новограбленов, который уже выполнял подобную работу на общественных началах в 1917 г., учительствуя в г. Александровске на Сахалине. В Думе заседали теперь двое Новограбленовых. Брат Прокопия Иван, бухгалтер по профессии, тоже имел кой-какой опыт: его земляки избирали гласным второй раз подряд. Городским головой вновь решили оставить Н. Д. Голубецкого.

Сведения о деятельности Петропавловского городского самоуправления в первые два месяца после выборов крайне скудны.

14 сентября городская Управа объявила о том, что возьмет на службу сведущее в канцелярском деле лицо, «могущее исполнять обязанности городского секретаря с окладом по соглашению». Неделью спустя она уволит городского пастуха «за неудовлетворительность пасьбы скота» и сняла с себя заботы о его найме, возложив их на самих скотовладельцев. Через несколько дней она оповестила ловцов сельди в Ковше и на участке от мыса Сигнального до радиостанции (район нынешнего Дома офицеров флота), что им следует непременно зарегистрироваться в Управе. В середине октября представитель городского самоуправления был включен в состав комиссии по мобилизации военнообязанных.

Управа обратила внимание на бесхозные материалы, лежавшие около сгоревшего здания пожарного общества, и заявила: если в двухнедельный срок не отыщется владелец, она распорядится ими на правах собственника.

Таковыми делами в городской Управе занимался А. М. Ткаченко. Он специализировался по хозяйственной части, ведал земельными, водными вопросами, распоряжался городским имуществом, отвечал за кассу. В сфере дея-

тельности другого члена Управы П. Я. Суслыка входили народное образование, финансы, общественное призрение, юриспруденция, налоги... Общее руководство Управой осуществлял городской голова. Члены ПГД работали с десяти утра до двух дня. По субботам у них происходили совещания.

Самое долгое заседание Думы (три дня) состоялось в середине ноября 1919 г. Восстановим его ход по неофициальному протоколу, который вел кто-то из приглашенных.

Рассмотрев денежный отчет городского головы за 1918—1919 гг., Дума постановила «взыскать как недоимку оценочный сбор за 1918 г. одновременно с 1919 г., назначив сроком платежей обоих 31 декабря 1919, после чего взыскивается вместе с пеней 1 % за каждый месяц просрочки». К недоимкам был причислен также налог на плавучие средства (шаланды, кунгасы, катера) за 1918 г. На остальных, не поступивших за 1918 г., налогах Дума «поставила крест», признав, что взыскать их невозможно.

В отчете за 1918 г. внимание гласных привлекли 10 тыс. руб., фигурирующих как доход, и ассигнованных Советским правительством на «социалистический отряд» (Красную гвардию). Раздавались голоса: не рано ли зачислять эти деньги в городской доход, может быть, их еще придется вернуть?

Городской голова объяснил, что Горсовет распорядился финансами без всякого учета, городская Управа, приняв от него дела, так и не установила, по каким счетам и сколько израсходовано; и упомянутые десять тысяч могли пойти, а могли и не пойти по назначению. «Но в случае, если эти деньги потребуют, то придется их, конечно, отдать».

Доход за 1918 г. составил 28 588 руб. 84 коп. Основные расходы — содержание служащих и покупка электростанции. На благоустройство средств почти не выделялось. Доходы 1919 г. состояли, главным образом, из не предусмотренных сметой поступлений: аукционные продажи, аренда сенокосов и прочее. Из предусмотренных, 300 руб. дохода принесла городская скотобойня, «благодаря того, что была сдана под засол рыбы».

Что касается налогов текущего года, то они почти не поступали, в то время как содержание служащих все дорожало...

17 ноября в числе других рассматривалась «дровяная проблема». По документам городской Управы числилось сто семнадцать погонных сажень. Двадцать четыре с половиной сожжено ею в прошлый отопительный сезон, часть продана беднейшему населению, часть отдана в долг и еще одна часть пойдет на отопление Управы. «Свободный остаток» — двадцать сажень. Общество «Просвещение» хлопочет о ссуде дровами в количестве трех сажень, причт Петропавловского собора покорнейше просит пожертвовать десять...

Гласный Е. Ф. Одынец потребовал уточнить, кто конкретно является «беднейшим населением». Городской голова зачитал список.

Голос с места: «Ишь — бедные какие получали!»

Член городской управы П. Я. Сусяк: «“Просвещению” дать только с условием, что возвратят».

Городской голова сообщил, что в прошлый отопительный сезон бане М. К. Соколова дали, с возвратом, десять саженой дров, но он не возвратил, мотивируя тем, что его обманул подрядчик.

Председательствующий (П. Т. Новограбленов): «Дать Соколову срок возврата до 1 января 1920 г. и представить доказательства с внесением залога в 3 000 руб., и если он и к этому сроку не доставит дрова, то Управа сама закажет это количество за его счет».

Гласный В. Е. Лунев (рыбак) не согласен: «Что же, вы хотите задавить Соколова... Срок короткий... Пурги подойдут... Предлагаю — до 1 апреля. Залог взять с него 6 000». (Смех).

Кандидат в гласные С. В. Таланцев, домовладелец: «До 1 января пурги не бывает... не первый год... Две лошади, имеет два — три работника, захочет — доставит. А так вы десять лет ходить за ним будете — не получите».

В. И. Артюхин: «Нет, господа... Дрова-то он не продал, не на себя сжег... баню топил... мы мылись... Срок — до 1 мая».

Гласный И. Т. Косицын, домовладелец: «В бане мыл не даром».

Гласный Ф. Ф. Панков, домовладелец: «Мылись за 1 р. 50 к., да вдруг 5 р. платить стали...»

Большинством голосов срок возвращения дров Соколову определен — до 1 января 1920 г.

Затем оглашаются заявления причта Петропавловского собора. В одном — просьба простить старый долг в пять саженой дров, в другом — дать десять и нанять сторожа.

Таланцев: «Почему на заявлении нет подписи церковного старосты?»

Городской голова: «Еще не выбран. Долг надо простить. Что же касается пожертвования в десять саженой и найма сторожа, то ввиду того, что Городское Самоуправление не обязано содержать Собор, оно может принять участие наравне с прочими жертвователями».

Предлагает пожертвовать четыре сажени, а от найма сторожа отказаться.

Артюхин: «Пять сажень».

Председательствующий: «Десять».

Большинство голосует за пять.

Дума переходит к следующему пункту повестки.

Городской голова: «В 1908 г. был снят план местности, тяготеющей к Петропавловску. Попало туда селение Халактырка. С возникновением в нынешнем году вопроса о наделении города землей, возник вопрос о Халактырке».

Представители города съездили в Халактырку, уговорили жителей присоединиться к городу, но те поставили условие: местность, находящаяся в пользо-

вании Халактырки, “отграничивается”, город может распоряжаться в этих границах лишь с согласия селения.

А все селение — пять-шесть домов, причем некоторые возбудили ходатайство о переселении в Налычево. Теперь же необходимо послать Управлению областью план угодий хотя бы с неким “присоединением” Халактырки с тем, чтобы с последним парходом просьба о наделении землей была отправлена (на утверждение, по-видимому, во Владивосток. — *В. П.*)».

Предложение городского головы принимается единогласно.

Выслушав сообщение городского головы и мнение поддержавшего его председательствующего по поводу повышения попенного сбора (за вырубку погонной сажени леса, например) Дума увеличивает такой до 10 руб.

Городской голова: «В городе имеются дома, построенные не на участке, а иногда прямо на улице. Для этих зданий необходимо применить обязательное постановление о неремонтировании их, и когда они придут в нежилой вид, то снести их, а взамен строить новые, но уже на отведенных для этого участках. Кроме этого, есть совсем нежилые лачуги, занимающие хорошие участки в центре города, они перепродаются из рук в руки, причем, ценность придается, видимо, участку. Поэтому Городская Управа предлагает избрать комиссию для регистрации ветхих зданий».

Артюхин отказывается войти в комиссию, так как ему придется осматривать и свой дом, а у него только задняя стена на участке («Мне неудобно»).

Голос: «Так все откажутся». «Ну, ладно», — соглашается Артюхин. Трех гласных — домовладельцев А. Д. Брагина, И. Т. Косицина и служащего Г. А. Лисового — убедить не удалось. Дума избрала комиссию в составе Артюхина, Ревацкого и Лунева.

Городской голова информирует собравшихся и о мелиоративных работах в районе сельскохозяйственной фермы (ныне здесь размещен вино-водочный завод), проводимых гидротехником Переселенческого управления кандидатом в гласные К. И. Навалихиным, и высказывает в связи с этим мысль об осушении Халактырской тундры — «для города получится довольно значительная сенокосная площадь». Постановление Думы — войти с ходатайством в Переселенческое управление.

Городской голова говорит, что есть возможность получить правительственную ссуду на нужды города в размере 250 000 руб., надо лишь представить ряд сведений о Петропавловске. Гласные решили ссуду не брать.

На том же заседании 15—18 ноября 1919 г. ПГД приняла постановление о землепользовании и частном строительстве. Отвод земельных участков под застройку отныне будет проводиться городским самоуправлением в границах градостроительного плана, «который в ближайшее время будет расширен нанесением новых площадей». Порядок прежний: одно частное лицо — один участок.

Владелец лишается отведенного участка, ежели в означенный срок не возведет жилого помещения, а появившиеся вместо него «легкие постройки, как-то сараи, амбары» пойдут под снос. Продажа построек с передачей прав землепользования допускается с разрешения городского самоуправления.

ПГД утвердила список временно закрытых для застройки участков (в районе Кошки, мыса Сигнального, Базарной площади, на углу Церковного переулка и других). И, поскольку к таковым относилась территория напротив Братской могилы, где намеревалось построить контору, конюшни и склады Переселенческое управление, ему в этом было отказано.

В конце 1919 г. городская Управа устроила несколько аукционных торгов. Проводились они по будням и в выходные. В воскресенье 23 ноября с одиннадцати утра во дворе городской больницы продавались свинья и три поросенка, в среду 10 декабря после обеда возле хлебопекарни морского ведомства — бык. Один из аукционов проходил в помещении Управы; он привлек желающих приобрести подбитую выпоротками новую пыжиковую доху, принадлежавшую бывшему начальнику Петропавловского уезда господину Ненсбергу...

Субботним утром 10 января 1920 г. Петропавловск проснулся при новой власти. Называлась она «Временный Военно-Революционный Комитет» (ВВРК). Возглавлял его коммунист-анархист П. С. Маловечкин. ВВРК объявил, что власть передана ему «восставшими крестьянами, рабочими, инородцами и солдатами».

На следующий день текущий момент, то есть переворот, обсудили гласные ПГД и попросили земляков спокойно отнестись к происшедшему — «каждому продолжать заниматься своими обычными делами».

В резолюции, принятой Думой, подтверждалась ее приверженность старому лозунгу «истинной демократии»: вся власть в центре — Учредительному Собранию, на местах — земствам.

«Власть должна принадлежать только всему народу, который организует ее путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования... Всякие попытки захватить власть, откуда бы они не исходили, особенно одной какой-либо партии, приводят только к разрухе и ужасам гражданской войны и невиданному пролитию крови и дадут возможность к незаконному вмешательству в наши дела иностранцам», — подчеркивалось в резолюции.

Высказав сожаление, что Дума в настоящее время не является самостоятельной политической единицей, в силу оторванности от материка и «неокрепшего городского самоуправления», гласные, тем не менее, призвали горожан сплотиться вокруг нее и сохранять полный порядок.

Дума решительно выступила против всяких насилий и издевательств, хотя бы это касалось даже явных преступников. Террор, по убеждению гласных, рождает лишь обоюдное озлобление.

ПГД заявила о готовности «войти в необходимое сношение» с ВВРК по вопросам охраны порядка в городе, подчеркнув в то же время, что считает себя «единственной законной властью в городе» и до получения исчерпывающих сведений о политическом положении Сибири и Дальнего Востока вопрос о признании ВВРК оставляет открытым.

ВВРК удовлетворил ходатайство председателя Думы И. Д. Добровольского, освободив арестованного «по недоразумению» городского голову Н. Д. Голубецкого, бывшего правителя областной канцелярии, гласного А. М. Пименова и помощника управляющего Петропавловским уездом, кандидата в гласные В. А. Павлова. И. Д. Добровольский приглашен на службу в канцелярию ревкома. П. Я. Сусяк, как один из руководителей антисоветского переворота 1918 г., остается под домашним арестом.

23 января 1920 г. вступает в силу первое совместное постановление ВВРК и городского самоуправления о мерах по предупреждению распространения бешенства домашних животных. Беспризорные собаки подлежат отлову и уничтожению. Городская Управа просит горожан лично содействовать милиции в поимке бродячих собак.

Управа же дает объявления в местной газете на предмет аренды за приличное вознаграждение небольшой комнаты «для помещения до весны нетрудоспособного гражданина Шевченко».

Публикуется также обращение Управы к тем, кто желает в сезон 1920 г. заняться промыслом рыбы в пределах городских угодий. От них должны поступить письменные заявки не позднее середины февраля, дабы самоуправление «имело возможность своевременно распределить порядок пользования рыбной ловлей между горожанами и вместе с этим дать возможность им приступить своевременно к необходимой заготовке материала (бочек, соли, сетей и прочего)». Обращение адресовано добывающим рыбу не только в пищу себе и своим детям, но и на продажу.

26 января 1920 г. Дума на основании пункта 6 статьи 108 Городового положения запретила сбор валежника и рубку леса на Никольской горе, сославшись на его историческое для народа значение (в память обороны от англо-французов в 1854 г.). Тем же обязательным постановлением запрещено вырубать деревья и кусты на Петровской горе от радиостанции до конца Култучного озера, так как «кустарник является естественной одеждой поверхности почвы, уничтожение которой повлечет за собой, во-первых, быстрое таяние снегов, во-вторых, размыв по поверхности горы, и, в-третьих, уменьшение воды, даваемой ключами, до иссякания их в известное время года...»

ВВРК, по словесному заявлению члена Управы А. М. Ткаченко и врача Ч. К. Щипчинского «о беспризорных и ненормальных больных в городе», поручает городскому самоуправлению «озаботиться об устройстве соответствующего приюта», на что ассигнует ему пять тысяч рублей.

В начале февраля доводится до сведения жителей Петропавловска: новые заявления на получение земельных участков будут рассматриваться не ранее весны, после проверки Управой городского плана «с действительностью его застройки». План этот «за недостаточностью строительной площади» намечено дополнить «нанесением новых границ городской селибитной черты, с подразделением таковой на размежеванные участки».

3 февраля 1920 г. на очередном заседании ВВРК зачитывается ряд телеграмм из Охотска, настаивающих на увольнении со службы члена Управы П. Я. Суслыка за контрреволюционность. Семь из восьми ревкомовцев (при одном воздержавшемся) поддерживают данное предложение. Но, однако, высказываются против его перевода — ввиду болезни — в арестный дом.

Через несколько дней думцы Е. А. Колмаков, И. П. Ревацкий, И. А. Коновалов просят новую власть отдать им на поруки бывшего начальника колчаковской милиции В. И. Закржевского, но получают отказ до разбора дела.

В первых числах марта для снабжения населения продовольствием, скупки пушнины и наблюдения за правильностью торговли создается Временный Камчатский продовольственный совет, в состав которого входят три члена Продовольственной управы, четыре — ревкома и по одному представителю от кооператива и городского самоуправления.

Тогда же, в начале марта, проходили выборы делегатов на уездный съезд рабочих, солдатских, крестьянских и инородческих депутатов. Дума решила направить для работы в избирательной комиссии своего председателя И. Д. Добровольского. Газета «Известия Камчатского Областного Военно-Революционного Комитета» выразила по этому поводу удивление, назвав его «земцем колчаковской формации», который при Временном правительстве был помощником комиссара, а затем, видимо, «по выгодности предприятия Колчака, стал управляющим Камчатской областью по назначению генерала Хорвата, столь обожаемого на Дальнем Востоке известной частью населения, скромно именующих себя биржевиками, кадетами и прочими безобидными словами». Орган ВВРК заявил: «Не место Вам, господа добровольские, идти по выборам в народные организации».

И. Д. Добровольский в знак протеста покидает должность заведующего канцелярией Областного комитета. Власть реагирует на это следующим образом: «Вред общему делу нанести легко; построив на личном оскорблении свой уход, затормозить людей, стоящих у строительства, личными делами, вместо того, чтобы оказать помощь в общей требуемой жизнью работе, разрешать текущие для всех нужные экстренные вопросы, не подсовывать того, что обождет и что при разрешении вызовет с той или иной стороны неудовольствия, посещает среди работников рознь и т. д.

Все это говорит за то, что виновный тот, кто это делает сознательно, гр. Добровольский, игнорируя народных избранников, делая выводы эгоистичные и сеющие рознь — это сознательный враг власти трудового народа».

15 марта 1920 г. уездный съезд рассматривает вопрос о Петропавловском самоуправлении и постановляет: Думе исполнять свои обязанности до 1 мая, пока не будет образован городской Совет трудового народа; специальной комиссии из представителей самоуправления, ревкома и «заинтересованных селений» срочно заняться проблемой отвода городу земельного участка, и о результатах доложить делегатам.

Всех «врагов трудового народа» съезд разбил на несколько категорий, к большинству из них решено было применить репрессивные меры. Среди таковых находились гласные ПГД разных созывов А. А. Пурин, П. Я. Суслык, Н. Д. Голубецкий, И. Д. Добровольский, В. М. Рыбкин. Однако вскоре все они попали под амнистию, объявленную Приморской областной управой в связи с соответствующим постановлением Временного правительства Дальнего Востока.

31 марта городская Управа напоминает жителям Петропавловска о том, что для свалки дворовых и домашних отходов несколько лет назад отведено место на перешейке между Култучным озером и Авачинской губой у подножия Мишенной горы, о чем говорилось в обязательных постановлениях, как горсовета, так и самоуправления. Тем не менее, некоторые несознательные граждане разбрасывают мусор по всему перешейку или сбрасывают под лед, загрязняя бухту. Этим наносится непоправимый ущерб рыбному хозяйству. Кроме того, предупреждала Управа, «нечистоты являются рассадником всевозможных заболеваний».

1 апреля 1920 г. Дума принимает постановление об эксплуатации городских водных угодий. Девятнадцать лососевых участков подлежат распределению между трудовыми артелями (в каждой не менее четырех взрослых рыбаков). Четырнадцать из девятнадцати участков расположены в районе Солеварки, нынешнего Богородского озера. По одному — близ Большой и Малой Лагерной, на Перешейке, в Богатыревской бухте и Светлом Ключе.

Все лососевые участки подразделяются на четыре категории. Неодинакова, естественно, и арендная плата — от 12 до 4 тыс. руб. К четвертой категории отнесены участки в Богатыревской бухте, на одноименном перешейке в Светлом Ключе. Арендная плата вносится в два приема: при подписании ее условий и 1 сентября 1920 г. Крайний срок заключения договоров города с артелями — 1 мая. Пожелавшие ловить лосося в других свободных местах обязаны уплатить сбор «по 1 000 руб. с каждой артели и невода, взыскиваемых при выдаче удостоверений».

Что же касается весеннего лова сельди в Ковше и Авачинской губе, то здесь сбор с невода 400, а с сетки 100 руб. Вдобавок, вся пойманная рыба облагается десятипроцентным налогом от ее рыночной стоимости.

Иногда повестка дня предстоящего заседания Думы становилась известна избирателям из газеты. Так, 20 апреля 1920 г. «Известия Камчатского Област-

ного Совета Трудового Народа» сообщали, что на днях гласные обсудят вопросы изыскания средств на приобретение отопления, приема сторожа и мелкий ремонт Петропавловского Приходского училища; приведения в исправность пожарного обоза; заготовки дров для продажи населению (в целях сохранения от окончательного уничтожения молодого леса) и лесных строительных материалов, необходимых для починки мостов и содержания в исправности тротуаров.

На том же заседании Думы предполагалось принять меры по благоустройству городского сада Завойко, что находился близ того места, где теперь стоит новое здание бывшего обкома КПСС. Речь должна была пойти также о сдаче в аренду обществу «Просвещение» Народного дома и электростанции. Гласным предстояло утвердить приходно-расходную смету на 1920 г. . .

30 апреля Дума налагает запрет на любую вырубку леса в городских владениях тоньше пяти вершков в срубе (от корня), потому как «процесс роста леса на Севере происходит чрезвычайно медленно, и на выращивание лесных площадей требуются десятки лет». Все разрешительные удостоверения, выданные ранее Управой, с 15 мая утрачивают силу. Нарушители привлекаются к ответственности по дооктябрьским законам 1917 г., а наблюдение за исполнением думского постановления ведет Народная охрана (милиция).

Месяц спустя городская Управа обращается к «несознательным гражданам» с просьбой «немедленно доложить о количестве вырубленного без разрешения леса, внеся попенный сбор по 50 руб. за одну погонную сажень».

19 мая 1920 г. Дума возвращается к распределению лососевых участков. Отмечается, что больше половины их, главным образом в Солеварке, остаются «незаарендованными». На полдень 6 июня назначена сдача с торгов на весь сезон участка в Авачинской губе «протяженностью 100 саженей по береговой линии на речке Гремучка с правом пользования городским сараем за общую арендную плату».

Это заседание ПГД могло стать одним из последних: 18-го числа областной Совет принял решение о проведении выборов в городской Совет. Но они так и не состоялись. По рекомендации Далькрайкома РКП(б) камчатские коммунисты 23 мая 1920 г. временно отказались от советизации области, признав Приморское правительство и реорганизовав областной Совет в облисполком Приморской земской управы.

Итак, Дума продолжала действовать. Постановления городского самоуправления были обязательны для всех и, прежде всего, самих законодателей. 11 июня милиция составила протокол на кандидата в гласные С. В. Таланцева. Он нарушил думское постановление от 2 июня 1919 г., которое обязывало владельцев ездовых собак вывести их за город и держать там на привязи, а не около ключа с питьевой водой в Петропавловске.

... Приближались выборы Четвертой ПГД. Со 2 июня 1920 г. в Народном доме и городской Управе висели списки из 365 человек, правомочных принять участие в голосовании. Своих претендентов в органы местного самоуправления выдвинули три группы: граждане города; члены Петропавловского кооператива и общества «Просвещение»; Трудовой союз служащих и рабочих (куда вошли коммунисты-большевики).

В канун выборов, назначенных на 20 июня, «Известия Камчатского Областного Исполнительного Комитета» в четырех номерах опубликовали статью без подписи под заголовком «Городская Дума в прошлом и настоящем». В статье говорилось об абсолютной пустоте городской кассы, ничтожной работе налогового аппарата, полном отсутствии устойчивых источников дохода, что «поставило городскую Думу в безвыходный тупик».

Какой же выход предлагала газета? «Смело, товарищи, спешите на выборы и храбро прокладывайте путь через реакционные преграды к новой и свободной жизни, стремитесь к социальной пристани — к своей вековой мечте, ясной, как солнце, прекрасной, как сама природа. Смело, товарищи, к урнам! Голосуйте за список Трудового союза служащих и рабочих г. Петропавловска».

ЧЕТВЕРТАЯ ДУМА

На выборах в новую Думу, состоявшихся 20 июня 1920 г., победу одержал Трудовой союз служащих и рабочих. За него из трехсот тринадцати избирателей проголосовало сто тридцать семь. На один голос меньше набрали «Граждане г. Петропавловска». Тридцать горожан отдали предпочтение группе «Петропавловский кооператив — общество “Просвещение”». По мнению «Известий Камчатского Областного Исполнительного комитета», значительное число принявших участие в выборах свидетельствовало «об отрадном факте — о пробуждении граждан города от обычной спячки и индифферентности».

25 июня в Петропавловск, где, помимо корейской и китайской, существовала колония, то есть община, японских подданных, прибыла японская эскадра. Командир эскадры, капитан 2-го ранга К. Накамура и местное руководство в лице председателя облисполкома, городского головы обменялись визитами.

Первое заседание ПГД 4-го созыва, избранной на срок до января 1922 г., произошло 29 июня 1920 г. Председателем Думы вновь стал областной агроном И. Д. Добровольский, секретарем — Анатолий Дмитриевич Батурин, а городским головой — Чеслав Куприянович Щипчинский. Что же касается двух членов городской Управы, их Дума была намерена приглашать по вольному найму, «если из гласных не найдется желающих занять эти платные должности».

Думцев было тридцать восемь (девятнадцать гласных и столько же кандидатов к ним). Десять человек или около этого являлись приверженцами со-

ветской власти, которые состояли в партии коммунистов, чья организация образовалась в Петропавловске незадолго до выборов 1920 г. *В них впервые приняли участие претенденты в представительный орган власти от политической партии* (в предшествующие годы этого случиться не могло по причине отсутствия на Камчатке каких-либо партий), однако выдвигались они не отдельным списком, а среди членов Трудового союза служащих и рабочих. В число думцев попали коммунисты Иван Емельянович Ларин, Александр Иванович Бабкин-Байкалов, Александр Николаевич Пересыпкин, Николай Павлович Фролов, Иван Иванович Елисеев, занимавшие те или иные должности после январского переворота 1920 г.

Первым своим постановлением новая Дума запретила лов рыбы сетями и неводами в районе радиостанции «во избежание порчи находящихся на берегу и береговой полосе моря проводов».

5 июля 1920 г. гласные приняли резолюцию, которая затем была вручена японскому консулу в г. Петропавловске. В ней говорилось: население города всегда стремилось и стремится «к мирному сожительству с Японией, не нарушая ее интересов» и не имея намерения посягать на жизнь и имущество проживающих в Петропавловске японских подданных. Одновременно обращалось внимание консула на отдельные случаи продажи спирта матросами японских судов, из-за чего «может развиваться усиленное пьянство малосознательных граждан города, также, помимо воли всего городского населения, нежелательные недоразумения».

11 июля облисполком публикует сообщение об избирательной комиссии по выборам во Временное Народное Собрание Дальнего Востока, куда должны войти представители Трудового союза служащих и рабочих и городской Управы. Комиссия поручает проведение выборов Петропавловскому самоуправлению.

Городской голова Ч. К. Щипчинский ходатайствует о работе по совместительству в должности врача. Исполком передает ходатайство «на усмотрение Правительства, со своей стороны высказавшись за отклонение этого ходатайства».

В середине июля Управа доводит новые сведения до «всех лиц, строящихся в г. Петропавловске», что «на все новые постройки, капитальные ремонтные перестройки и перестановки заново печей в домах» вводится наздор со стороны местного самоуправления. Это мотивируется интересами самих застройщиков, соблюдением основных правил застройки и строительного искусства. Без разрешения Управы и утвержденных ею планов никакое индивидуальное строительство не допускается. Следить за выполнением данного постановления должен комиссар Народной охраны Н. П. Фролов.

13 июля 1920 г. вступает в силу «антиалкогольный закон», запрещающий в городе продажу спирта и появление граждан в пьяном виде на улицах, со-

браниях и тому подобных местах. Владельцам домов вменяется в обязанность не допускать спиртопродажи в принадлежащих им помещениях и о производстве таковой немедленно оповещать народных охранников. «Всякий гражданин имеет право задерживать кого бы то ни было в пьяном виде и представлять в Комиссариат Народной Охраны». Нарушителям обязательного постановления Думы грозит тюремное заключение от двух месяцев до полутора лет. Привлекаются к судебной ответственности и пьяные от спирта, которые при задержании отказываются сообщить, где они его приобрели.

На следующий день, 14 июля, в городской Управе принимали гостей — командиров японских крейсеров «Нийтака» и «Кошу» господ Арита и Хара, явившихся в сопровождении группы офицеров. Эти лица побывали также в исполкоме, после чего посетили на дому Ч. К. Щипчинского. В три часа пополудни городской голова «сделал им ответный визит».

Неделю спустя в Петропавловск приезжает уполномоченный Временного правительства Дальнего Востока по Камчатской области Назар Васильевич Кочергин. В комиссию по денежной реформе под его руководством (в связи с девальвацией сибирских дензнаков) включены гласный Н. П. Фролов и председатель Думы И. Д. Добровольский. Обмен денег Петропавловское казначейство намерено произвести в двухнедельный срок: с 23 июля по 6 августа.

23 июля ПГД объявляет, что выборы в Народное Собрание назначены на 8 августа и в основу их «кладутся избирательные списки, составленные в период предвыборной компании в Четвертую Думу с внесением в них новых избирателей по их о том заявлении не позже 7 августа». Списки же претендентов подаются на имя городского головы до девяти часов вечера 5-го числа.

К концу июля Дума опять, как и год назад, столкнулась с отсутствием кворума. За четыремья прогулами, пригрозила она, последует лишение мандата.

Тогда же из Владивостока поступила правительственная инструкция, разъясняющая, кому на местах принадлежит власть: «а) органам самоуправления — земским городским учреждениям, а где таковые не сохранились... исполнительным комитетам; б) Уполномоченному Временного Правительства... Круг прав и обязанностей органов местного самоуправления определяется Земским и Городовым Положением. Теми же правами обладают и несут те же обязанности и Исполнительные комитеты».

«Чья власть?!» — сорвалось с уст Ч. К. Щипчинского на очередном думском заседании 26 июля. Через день ему ответили «Известия...»: «Областной Исполнительный комитет, работая на благо камчатскому трудовому народу в согласии с Временным Правительством (отдельные недоразумения скоро рассеются), должен оставаться на своем посту до областного съезда, подавляя подпольные реакционные замыслы силой репрессий, а тем более организованные выступления черной сотни всеми наличными средствами вплоть до вооруженной силы. Таково наше мнение по вопросу о том, чья у нас

власть и как ее надо осуществлять; можно думать, что оно исчерпывает все возникающие сомнения». 28 июля Дума вторично рассмотрела вопрос «о текущем моменте». Заслушав доклад Н. В. Кочергина, гласные признали его уполномоченным при десяти голосах «за», восьми — «против» и одним воздержавшемся.

«У отцов города, — иронизировал официоз «Известия Областного Исполнительного Комитета», — огромное желание помочь отечеству, услугу оказать краю, но пока услуга выразилась в том, что некоторые сумели лягнуть Комитет и поддержали кое-кого, как веревка повешенного».

29-го числа вновь состоялось заседание ПГД. Она утвердила «смету на доходы и расходы на 1920 г.» в том виде, в каком составила ее финансовая комиссия, приняла отставку Ч. К. Щипчинского, избрав городским головой вместо него секретаря облисполкома А. И. Бабкина-Байкалова (основателя камчатской коммунистической организации), который вступил в должность 1 августа 1920 г.

4 августа 1920 г. уполномоченный правительства Н. В. Кочергин выступает с обращением к населению области. Причислив к органам местного самоуправления, помимо Думы, облисполком, он заявляет о своем решении образовать из их представителей Совет.

«Выражаю твердую уверенность, — говорилось в обращении, — что и органы местного самоуправления, и население области пойдут навстречу ответной работе... полагаю, что сохранение общей солидарности явится наилучшей гарантией экономического возрождения края, устойчивости демократической платформы Временного Правительства и сохранения за краем национальной независимости в тяжелых условиях данного момента».

В тот же день было предано гласности отношение ПГД к конфликту между паланцами и японскими рабочими в статье по этому поводу в «Известиях...» Признавая факт насилия над жителями Паланы со стороны японских граждан и протестуя против «подобных нарушений национальных прав России иностранцами», гласные нашли публикацию в правительственном органе недопустимой, «так как сеется не мир, а ненависть между японцами и русскими, могущая вылиться в кровавую расправу». Аналогичного мнения придерживался и облисполком.

В начале августа становятся известными имена кандидатов в члены Народного Собрания Дальнего Востока от групп граждан Петропавловска. Их пятеро: коммунисты М. П. Воловников, кооператор, находящийся во Владивостоке, и И. Е. Ларин, председатель Камчатского облисполкома, а также И. Д. Добровольский, руководитель Думы, П. Т. Новограбленов, гласный, А. Д. Батурин, секретарь.

Городская Дума избирает своим представителем в Совете при уполномоченном правительства по Камчатской области гласного И. Е. Ларина.

12 августа в печати появляется обязательное постановление Думы о порядке содержания в чистоте улиц, площадей, тротуаров и сточных канав. Все это «лежит на обязанности домовладельцев на всем протяжении участка», а также за счет ведомств, занимающих казенные здания.

«Очистка улиц и тротуаров должна быть производима рано утром, причем сметаемый сор, нечистоты и всякий навоз должны быть складываемы в кучи и вывозимы ежедневно на указанное Управой место».

Строго воспрещается: разбрасывать по улицам строительный мусор, грязь, навоз, сор из сточных канав, «другие отбросы со дворов, могущие при гниении заражать воздух»; устраивать свалки в оврагах и на берегу бухты; выливать в ключи помой и прочие жидкие нечистоты; «останавливаться на улице возле заборов и домов для отправления естественных надобностей».

Торгующим на городских улицах в будках и лавках предписывалось «соблюдать чистоту, как в содержимых ими помещениях, так и в окружности их».

Между тем, коммунисты доводят до сведения населения, что во время перерегистрации из их рядов выпало несколько лиц, и в том числе городской голова А. И. Бабкин-Байкалов, поручителей за которого среди членов партии не нашлось.

Следует отметить, что еще в июле противники Александра Ивановича высказывали следующие суждения, вдобавок, публично: «Коммунистическая партия не должна иметь в своих рядах людей, пришедших в благоприятный момент. Руководителями ее не должны быть “коммунисты январские”». Людей, распинавшихся за Колчака, плакавших кровавыми слезами над загубленной большевиками Россией, создававших словесные храмы в честь бесшабашного разгула отбросов народа, позоривших страницы прессы восхвалением грязной идеологии атамановщины — все они недостойны носить имя коммунист».

В середине августа 1920 г. выходит еще одно «антисанитарное» постановление Думы. Называется оно «О мерах против порчи воды, уборки и уничтожения павших животных, о предупреждении и прекращении заразительных и повальных болезней, а равно скотских падежей».

В постановлении говорится: у всех городских ключей необходимо поставить ограждения, дабы туда не попадала вода и грязь со стороны и не было доступа скоту. Поить его или стирать в ключах белье строго воспрещается, как и «бросать дохлых кошек и крыс, а также выгонять на ключи гусей и уток». Мелких животных и птиц, кои подохли, следует «закапывать не менее одного аршина глубины за городом вдаль от жилья и водохранилищ по собственному усмотрению», но сообщив о том ветврачу или в народную охрану. Сложнее дело обстоит с павшей домашней скотиной. Ее разрешалось вывозить со двора лишь после осмотра ветеринаром и закапывать в землю за городом только в указанном месте.

В первых числах сентября состоялись выборы в Народное Собрание Дальнего Востока. Депутатами были избраны А. Д. Батулин, бывший уполномоченный ВВРК во Владивостоке, коммунист М. П. Воловников и И. Д. Добровольский, кандидатами — И. Д. Голубецкий, И. Е. Ларин и П. Т. Новограбленов.

Тем временем, выбывший из РКП(б) А. И. Бабкин-Байкалов занимается разработкой всевозможных городских проектов, используя при этом опыт своих предшественников на посту городского головы.

Это, прежде всего, устройство электрического освещения в Петропавловске. По данному вопросу, писала местная газета, городской голова «вошел в переговоры с Чехо-Словацкой центральной экономической Комиссией, причем с транспортом “Охотск” уже отправлена (правительству. — *В. П.*) смета с пояснительным докладом».

Проектами предусматривается устройство водопровода, планировка города и тротуаров, организация пожарного обоза и создание «вольно-пожарного общества», создание при городской Управе санитарного, хозяйственного и технического отделов, открытие городского общественного банка и муниципальных предприятий.

Спустя десять дней, 19 сентября 1920 г., та же газета «Известия Областного Исполнительного Комитета» печатает письмо в редакцию Петропавловской организации Российской компартии, обвиняющее городского голову в сотрудничестве с колчаковской властью на Камчатке — пропаганде «контрреволюционных идей», в организации «антисоветских казачьих армий» на материке. Первое обвинение основано на документальных данных, для подтверждения второго таковые отсутствуют...

15 сентября 1920 г. городская Управа объявила о продаже свиный супоросной, 19-го, ввиду появления в городе подозреваемых в бешенстве, а также множества бродячих, неизвестно чьих собак предложила жителям Петропавловска взять на своих четвероногих друзей специальные билеты и держать их на привязи, и если уж выпускать, то обязательно в намордниках, «иначе бродячие собаки будут убиваться и убираться за счет владельцев».

22 сентября Н. В. Кочергин отправился в ознакомительную поездку по восточному берегу Камчатки.

Гласный А. Т. Коробко выступил с критикой своего товарища по партии и местному парламенту Н. П. Фролова — начальника Народной охраны: плохо борется со спекулянтами, не реагирует на предложения по наведению порядка. 26 сентября облисполком сообщил, что в отношении спекулянтов приняты соответствующие меры.

Исполняющий обязанности уполномоченного правительства Дальнего Востока Ф. Ф. Куклярский, в связи с предстоящим 3-м областным съездом,

распубликовал распоряжение, суть которого сводилась к следующему: обл-исполком, вопреки его установлению, не может быть представлен на съезде в полном составе; съезд, согласно правительственных инструкций, должен провозгласить себя сразу же после открытия Областным земским собранием.

Дума поручила Управе определиться с кандидатами в Земское собрание на городском предвыборном собрании в пятницу 1 октября 1920 г., а выборы трех делегатов от Петропавловска провести в воскресенье 3-го числа с девяти утра до шести вечера.

1 октября 1920 г. на очередном заседании Петропавловского укома РКП(б) Н. П. Фролов делает заявление о брошенных в Думе обвинениях в уголовных преступлениях в адрес гласного — коммуниста А. Н. Пересыпкина. В постановлении по этому вопросу говорится: «Потребовать выписку из протокола Городской Думы... для привлечения виновных к суду Общественного мнения».

3 октября датировано письмо укома, направленное Приморскому обкому РКП(б), где содержатся аргументы (в том числе «недоверчивый взгляд населения») против введения земства на Камчатке. В том же письме гласный А. И. Бабкин-Байкалов характеризуется «в высшей степени опасным человеком», от коего необходимо избавиться — выслать на материк. Очевидной нелепостью называет уком обвинение Пересыпкина в бытность его председателем профсоюза грузчиков во Владивостоке в похищении крупной суммы общественных денег, за что тот, якобы, сидел в тюрьме. Чтобы наказать клеветников, уком нуждается в официальном опровержении обвинения со стороны Союза грузчиков, о чем он и просит Приморский обком РКП(б).

Клевета, утверждают петропавловские коммунисты, исходит от сторонников Бабкина-Байкалова, устранившего с должности городского головы «при помощи гласных-коммунистов».

4 октября 1920 г. начальник Народной охраны Н. П. Фролов в присутствии понятых — среди которых приехавший из Владивостока М. П. Воловников — производит обыск на квартире исполняющего обязанности уполномоченного правительства Ф. Ф. Куклярского. На следующий день обл-исполком решает привлечь его к уголовной ответственности, указав наотягающие обстоятельства — служебное положение обвиняемого.

6 октября на имя управляющего внутренними делами правительства Дальнего Востока (копии: Народному собранию и представителю от Камчатки во Владивостоке П. С. Маловечкину) отправлена телеграмма за подписью Камчатского областного исполнительного комитета. В ней значится: в квартире Куклярского «обнаружено значительное количество стрихнина, употребляемого здесь тайно-противозаконно для отравления ценного пушного зверя... Кроме того, производится следствие по делу занятия Куклярским в 1919 г. спиритоношением в Усть-Камчатске». Обл-исполкомовская газета предает

гласности содержание найденного при обыске 4 октября проекта докладной Ф. Ф. Куклярского правительству, из чего следует, что большинство областных служащих — бездельники, обременяющие государственную казну, и что 60 % из них «надо убрать из Петропавловска».

Председатель облисполкома И. Е. Ларин предлагает делегатам, избранным на 3-й Камчатский областной съезд, зарегистрироваться у секретаря исполкома и одновременно доводит до всеобщего сведения время и место открытия: десять часов утра 8 октября, здание областной канцелярии.

Съезд открывается только в понедельник 11 октября. Задержка связана, по-видимому, с тем, что делегаты от Петропавловска были избраны лишь 10-го числа, если верить документу, подписанному накануне новым городским головой Е. А. Колмаковым и членом Управы В. И. Румянцевым, которые, «ввиду общественного значения Областного Съезда», просили жителей города отнестись к выборам «с должным вниманием и сочувствием».

На первом же заседании съезда возникли сомнения относительно депутатских полномочий А. И. Бабкина-Байкалова, выдвинутого Трудовым союзом служащих и рабочих. Правление Союза созвало 12 октября общее собрание. На нем присутствовало шестьдесят пять человек. За Бабкина-Байкалова проголосовало сорок пять, против — семнадцать при трех воздержавшихся.

16 октября 1920 г. съезд обсуждал форму управления областью. «Известия Камчатского Областного Исполнительного Комитета» писали: «Все делегаты, несмотря на энергичную защиту Земства гр. Добровольским (председатель 4-й ПГД. — В. П.), отнеслись к этой мысли единодушно — почти все отрицательно».

«Указывалось на незначительность оседлого населения, на которое лягут все тяготы, на громоздкость земского аппарата и отсутствие работников, на нежелательность передачи всей администрации в руки чуждого области человека — уполномоченного, на отсутствие специальных доходов, на которые можно содержать земство, так как главные доходные статьи — рыбные и морские звериные промыслы — эксплуатируются правительством, на недоброжелательное отношение к земству населения, видящего в нем реакционную затею, на привычку области к комитетскому управлению, существующему здесь с малым перерывом с революции 1917 г.

Высказывалось также, что земство вводится здесь чисто бюрократическим порядком, что показывает склонность Владивостока держать Камчатку в таком же забвении, как раньше».

1 ноября 1920 г. Н. В. Кочергин созывает Думу совместно с депутатами Народного Собрания (Батуриин, Воловников, Добровольский) и представителями ведомства «для предотвращения отделения Камчатки от Дальневосточного буферного государства». Он зачитывает манифест о роспуске обл-

исполкома, «как незаконно выбранного незаконным, ввиду неполного представительства, областным съездом» и покидает думское собрание.

После краткого обмена мнениям ПГД выносит постановление: «Во главе областной власти до сих пор стоял не Уполномоченный, а Камчатский Областной Исполнительный Комитет, который, как законно избранный 3-м Камчатским областным съездом, является высшей властью в области, как отвечающий интересами демократии и стремящийся работать в контакте с Временным Правительством Дальнего Востока».

4 ноября горожанам становится известен текст телеграммы П. С. Маловечкина из Владивостока от 21 октября 1920 г.: «Предлагаю принять меры к отстранению Кочергина, подготовить почву для аннулирования постановления от 7 июня о признании Временного Правительства» (телеграмма адресована облисполкому).

А накануне, 3-го числа, исполком собирает особое совещание. На нем, помимо членов Комитета и заведующих отделами, присутствуют делегаты съезда, правление Трудового союза, гласные Думы, городской голова, Петропавловский уком РКП(б) и по одному представителю от всех местных учреждений. Всего около шестидесяти человек.

На повестке один вопрос: о действиях Кочергина. Против его осуждения высказались четверо во главе с И. Д. Добровольским, столько же занимают нейтральную позицию. Остальные одобряют позицию облисполкома. Власти надеются, что уполномоченный правительства «учтет все это и освободит область от своего присутствия».

5 ноября петропавловский мировой судья Н. М. Успенский приговаривает кочергинского заместителя Куклярского к трехмесячному тюремному заключению (или штрафу в 300 руб.). Вещественные доказательства — семь флаконов стрихнина — передаются в областную больницу, а шесть бутылок спирта возвращаются Куклярскому.

8 ноября 1920 г. Дума рассматривает заявление гражданина Зубкова об открытии в Петропавловске «ренского погреба на вынос». Вносится предложение не ввозить спиртных напитков совершенно. Всесторонне обсудив проблему, гласные постановляют «разрешить ввоз в Петропавловск ограниченного количества спиртных напитков, но лишь бы они не пошли в область, и при условии продажи здесь только по особым разрешениям от областной власти».

Гласный П. Т. Новограбленов не согласен с данным постановлением и остается при своем, особом мнении. Оно прилагается к протоколу заседания: «Все культурные страны и города во время Великой Войны (Первой мировой. — В. П.) вели решительную борьбу с пьянством, издавая запретительные законы против фабрикации и торговли алкоголем. Никто не сомневается, что такие же законы против спиртных напитков дали у нас в России лишь одни хорошие результаты

На основании изложенного, я не могу согласиться с разрешением у нас в городе открытой торговли алкоголем не только в полном объеме, как ренсковый погреб на вынос, когда Камчатка будет буквально залита спиртом, но и в таком виде, в каком Дума признает возможным иметь в городе кабак.

Мои оппоненты выставляли свой главный аргумент, что открытая торговля уничтожит нынешнее зло — тайную продажу, когда население переплачивает втридорога за скверный, вредный для здоровья японский спирт, при открытой продаже же будет населению принесена огромная польза. Но они забывают, что зло нельзя уничтожить злом».

Вместо Н. В. Кочергина правительство Дальневосточной республики, куда с конца октября 1920 по март 1921 гг. входила Камчатка, назначило областным эмиссаром большевика Н. В. Холодова. Он выехал в Петропавловск в декабре 1920 г. со штатом служащих «и продовольствием на зиму». 14 декабря облисполком реорганизуется в Камчатский областной народно-революционный комитет.

В середине января 1921 г. на Камчатке проводятся выборы в Дальневосточное Учредительное собрание. В трех из четырех кандидатских списках значатся гласные ПГД: И. Е. Ларин, И. Д. Добровольский и А. И. Бабкин-Байкалов. Первые двое попадают в число депутатов Учредительного Собрания.

На 12 января городская Управа назначает аукционный торг: сорок мешков обойной муки по пять пудов каждый. Предварительная цена одного мешка 12 руб. (или иен). Место аукциона — пристань Добровольного флота.

В первых числах февраля 1921 г. милицией составляются протоколы на пятерых незаконных порубщиков леса (за нарушение обязательного постановления Думы от 26 ноября 1920 г.) и двоих граждан, уличенных в свалке «навоза и мусора на Култучном озере». Протоколы препровождены мировому судье для привлечения виновных к ответственности.

20 февраля 1921 г. городское самоуправление публикует финансовый отчет за прошедший год.

Доходов золотом поступило на 1920 г. 341 727 руб. Остаток недоимок и долгов разными учреждениями и лицами на 1 января 1921 г. исчислялся 8 375 рублей. Предполагалось к израсходованию, согласно сметы, 32 805 руб. сибирскими дензнаками и 13 677 золотом. Израсходовано 341 727 руб. золотом. На 1 января 1921 г. наличных денег на текущем счете 30 472 руб. 10 коп. золотом. Баланс — 835 653 руб. 56 коп.

В начале марта 1921 г. городская Управа объявила об обмене удостоверений на порубку леса на дрова в черте областного центра, в конце месяца известила всех желающих ловить рыбу, что им необходимо подать письменное об этом заявление не позднее середины апреля, «дабы иметь возможность своевременно распределить, как рыболовные участки между артелями, так равно и порядок пользования». Срок этот затем продлевается до 1 июня,

«после чего прежние владельцы будут считаться выбывшими и Управе предоставляется право передавать их другим лицам».

В мае, с наступлением теплого времени, Дума в очередной раз вступает в борьбу за чистоту в городе. Данный вопрос, несмотря на то, что в Петропавловске 500 домов и 1 200 жителей, оставался актуальным весь период действия городского самоуправления. Особенно тревожил гласных вред, причиняемый домашним скотом.

Три пункта из восьми обязательного постановления ПГД от 16 мая 1921 г. посвящены этому. «Устройство скотских стай, свинарников, отхожих мест, содержание на привязи лошадей и т. п. должно быть производимо на расстоянии не менее трех сажен от протекающего ручья питьевой воды...

Воспрещается обывателям распускать рогатый скот, свиней, лошадей и пр. по улицам города; выгон скота на пастбище разрешается только под присмотром владельцев, дабы животные не ходили по тротуарам и не портили их, а прогонялись проезжей частью улицы, бродячий скот будет арестовываться и загоняться в особые загоны, причем за содержание одной головы в сутки будет взыскиваться по 5 руб. золотом».

Городская Управа предполагает создать санитарную комиссию, которая бы к 1 июня совершила обход территории Петропавловска. 30 мая Управа созывает «частное совещание» по городским покосам, исправлению дорог и найме пастуха. На совещание приглашаются граждане-скотовладельцы. Они узнают о том, что самоуправление недавно обратилось с ходатайством в Камчатский облнарревком об отводе в пользование горожанам части сенокосных угодий Петропавловской сельхозфермы.

19 мая 1921 г. представители Думы — ее руководитель Ч. К. Щипчинский и городской голова Е. А. Колмаков, а также представитель морского ведомства В. И. Гайдамак и начальник народной охраны Н. П. Фролов составили акт на экипажи японских военных судов «Ивами» и «Канто». В акте значилось: во время зимней стоянки в порту они сваливали шлак и мусор под лед, а по вскрытии бухты — в воду. Кроме того, транспорт «Канто» часть шлака вывозил на береговую полосу, чем сделал берег Ковша непроходимым. Действия японских моряков, говорилось далее в акте, отравляющих нечистотами воду, препятствуют заходу в Ковш весенней сельди, что «отразилось на благосостоянии граждан».

Акт был препровожден облнарревкому, тот, согласившись с ним, передал копию японскому консулу в Петропавловске, прося распоряжения командирам судов об уборке вывезенного на берег шлака «в место, указанное городским самоуправлением, а также, чтобы в будущем шлак, мусор и нечистоты не выбрасывались в бухту, а вывозились на берег и там уничтожались, так как отбросы, выброшенные приливом, подвергаются гниению, заражая воздух».

Приводим ответ командира «Ивами» полностью: «Требование, изложенное в означенном письме, считаются несправедливыми, если только не существуют правила о порте Петропавловска Центральным Правительством и на основании международных обычаев установленные, и не установлены сооружения и порядок, дабы прибывающие военные суда могли надлежаще соблюдать таковые правила и пользоваться соответствующими удобствами».

26 мая 1921 г. во Владивостоке (на который традиционно ориентируется Камчатка) в результате переворота к власти приходит белое Временное Приамурское правительство. Глава возвратившейся оттуда областной делегации И. И. Гапанович заявляет на митинге в Народном доме, что это было неизбежным ввиду террора, развязанного в столице Приморья красной госполитохраной. Он призвал выделить Камчатку в самостоятельную государственную единицу. Гласный А. И. Бабкин-Байкалов предлагает резолюцию, требующую от облнарревкома передачи власти народу. Так писал в отчете о митинге официоз «Известия...» 26 июня 1921 г.

И. И. Гапанович и его сторонники, не дав себя арестовать, забаррикадировались в одном из казенных домов и предупредили народных охранников (милиционеров), что окажут вооруженное сопротивление. Просидели в осаде они больше недели.

4 июля 1921 г. по инициативе облнарревкома состоялось собрание представителей общественных организаций: городской Думы, Трудового союза служащих и рабочих, Союза камчатских кооперативов и Петропавловского кооператива — с участием, по требованию «заговорщиков», лейтенанта японского флота Минандзума и секретаря консульства Страны восходящего солнца Сидо. Накануне городской голова и секретарь Управы посетили консула, и тот заверил их о невмешательстве в русские дела.

Гласный П. Т. Новограбленов в резкой форме отозвался о Гапановиче и Бабкине-Байкалове и их планах, рассказав о предложенной ему «заговорщиками» должности министра народного просвещения области. Другой гласный А. Н. Пересыпкин сообщил, что они кричали: «Это не власть, а бандиты и разбойники!» Лейтенант Минандзума высказал пожелание, «чтобы это дело кончилось без крови».

Собрание поручило облнарревкому арестовать «заговорщиков» любым способом, но без применения оружия. Последних выручили 10 июля близлежащие селения — Завойко, Паратунка и Микижа — взявшие их на поруки. Возмутители спокойствия были отправлены туда впредь до высылки за пределы Камчатки.

17 июля Управа, во исполнение постановлений ПГД от 8 ноября 1920 г. и 5 июля 1921 г., вводит налог на ввозимое разными лицами в Петропавловск на пароходах пиво больше одного ящика. За каждый лишний — сбор 5 руб.

Получают последнее предупреждение все, кто сдал на выпас свой скот пастуху, однако до сих пор не внес положенный взнос. После 20 июля Управа собирается предъявить им через мирового судью гражданский иск.

29 июля 1921 г. проходит очередное заседание Думы. Среди обсуждаемых вопросов — взимать или нет налог с вырубки леса колонией прокаженных. Постановили: если рубят себе и своими силами — не взимать, а если через подрядчиков, то — на общих основаниях, по три рубля с погонной сажени.

А как быть с китайскими подданными Хя-Лусий-ли, который, не считаясь с русскими законами, без разрешения Управы, производит вырубку в городских угодьях «в целях эксплуатации»? Поручить Народной охране дознаться о количестве вырубки. Взыскать с иностранца попенный сбор в тройном размере за погонную сажень «с недостающего количества». Невывезенные с участка дрова конфисковать в пользу городского самоуправления.

В воскресенье 21 августа с аукционного торга, организованного городской Управой, продавались: «корова, 36 бочонков, 5 пыжиков, 5 нерпичьих, 1 медвежья и 1 коровья шкуры, 80 мешков джутовых, 1 американские весы, 12 пудов соли, 3 ружья разных и прочее».

День спустя Дума постановила отвести гражданам Клочкову и Сычеву земельный участок в Петропавловске под строительство консервного завода и электростанции, а также заключить договор с гражданином Миклашевским на устройство в городе электрического освещения.

30 августа 1921 г. опубликован приказ № 22, подписанный председателем и заведующим административным отделом облнарревкома И. Е. Лариным и заведующим подотделом Н. П. Фроловым: «Помощник начальника областной милиции Пересыпкин с 26 августа за появление в общественном месте в нетрезвом виде отстраняется от должности без права получения заштатного пособия».

1 сентября 1921 г. в больнице после тяжелой продолжительной болезни умер кандидат в гласные ПГД гидротехник Константин Иванович Навалихин. Считалось, что он надорвался на работе, поскольку последнее время с утра до ночи пропадал на огородах сельхозфермы. «На материк от него, — писала местная газета, — поступили прекрасные коллекции топоров и ножей, стрел и пр. В обществе изучения Камчатской области покойный состоял деятельным членом, сделав несколько докладов комитету».

Командир японского крейсера «Читосе» г-н Эндо пожертвовал городской Управе 100 иен «на благотворительные цели». Об этом горожане узнали 14 сентября, когда уже второй день в районе Култучного и Халактырского озер моряками вышепомянутого крейсера «производилась практическая стрельба».

6 октября было объявлено, что в воскресенье 9-го в помещении Управы состоится «торги на сдачу 2-х сельделовных участков с правом варки удобрительного тука».

Н. П. Фролов, уроженец Калужской губернии, из крестьян, член РКП(б), вспоминал некоторое время спустя: «Будучи начальником областной милиции в 1920 и 1921 году, мне приходилось часто сталкиваться с ярыми противниками Областного Народно-Революционного Комитета в лице Щипчинского, Колмакова, Чернышева (руководитель Завойкинской волости. — В. П.) и Артюхина, случаи эти были более в 1921 году, когда во Владивостоке существовала Меркуловская власть. Когда Областной Комитет получил сведение, что на Камчатку едет экспедиционный отряд во главе известного главаря белобандитов Бочкарева, то упомянутые лица больше подняли головы и ставили препятствие Комитету».

В первых числах октября 1921 года Комитетом была получена телеграмма от командующего народной армией (Дальневосточной республики. — В. П.) по оказанию вооруженного сопротивления прибывающим на Камчатку бандам Бочкарева».

Облнарревком решил обратиться за поддержкой к гражданам областного центра и окрестных селений. Собрание по его инициативе началось в шесть часов вечера 6 октября 1921 г. в Народном доме. Основной доклад сделал И. Е. Ларин.

Документальное свидетельство об этом событии оставили тот же Фролов, секретари собрания И. И. Елисеев и М. П. Щербаков, а также сочувствующий РКП(б) В. И. Святой.

«Елисеев: Многими ораторами были обрисованы все зверства, какие производились в Приморье бочкаревцами.

Святой: После этого пошли разные прения и пререкания...

Щербаков: Главными из выступавших ораторов в противовес докладчикам были городской Голова Колмаков и Щипчинский. Первый говорил, что все то, что говорят о бочкаревцах — неправда, что это такие же люди, как и все. Одним словом, проводил мысль, что их нужно встречать чуть ли не с хлебом-солью...

Елисеев: ...что приедут люди, а не звери, что никакого вооруженного сопротивления не нужно, что покорную голову меч не сечет, что надо придерживаться Владивостока, то есть, какая власть там, той и мы должны подчиняться. Доктор Щипчинский указывает на несостоятельность и бессильность Облнарревкома...

Щербаков: ...как орган власти он должен уступить свое место другому, более сильному или убраться из города, или добровольно сдаться. На эту же тему и в таком же духе говорили Н. Косыгин, Артюхин, Чернышев и другие.

Святой: Гражданин Самсонов предложил вынести Комитету моральную поддержку, но вместе с тем Комитет должен уйти из города, так как в городе не имеется достаточно сил и оружия для сопротивления... Щипчинский возразил Самсонову, что моральная поддержка — не одеяло, от которого Коми-

тету было бы теплее, и настаивал, чтобы Комитет не предпринимал никаких вооруженных сопротивлений, а признал бы Приамурское Правительство, мотивируя, что там такие же люди, как и мы... Косыгин Н. П. говорил в своей речи, что наша поддержка поможет Комитету, товарищ Бочкарев товарищу Щербакову всыплет, как следует, а мы будем смотреть, и также доказывал, что Комитету лучше уйти, чем избавиться от лишнего кровопролития невинного населения.

Фролов: «Собрание постановило: не оказывать Облнарревкому активную поддержку, а только моральную, и избрали делегацию для ведения переговоров с бандитами».

В состав делегации вошли: председатель ПГД Ч. К. Щипчинский, городской голова Е. А. Колмаков, гласный Е. Ф. Одынец, а также четверо других авторитетных лиц.

В опубликованной 9 октября резолюции собрания говорилось, что оно «считает недопустимым нарушение мирной жизни граждан области и всякую перемену путем насилия».

Фролов: «Комитет учел свои силы и отношение жителей города и Завойкинской волости, стал готовиться к эвакуации в глубь области на случай прихода белобандитов. Тогда милицией было вывезено в тайгу оружие и собственное продовольствие. Узнав об этом, Чернышев стал требовать от меня и Думы объяснение, почему допускается, чтобы Комитет вывозил казенное продовольствие...»

8 октября 1921 г. в район рыбалки Шемлячек отходил пароход «Банзамару», на который было погружено 300 пудов муки для будущих красных партизан. По запросу Чернышева председатель Думы Ч. К. Щипчинский назначает заседание гласных совместно с гражданами Петропавловска на час дня. Пароход отправляется в четыре. Щипчинский приходит на пристань чтобы помешать вывозу муки. Там же — городской голова. Щипчинский пытается убедить китайского подданного, пароходного агента Федора Ивановича Сун-ин-туна снять с «Банзамару» народное достояние, прося пособить ему в этом японского консула, но — тщетно.

Е. А. Колмаков с кандидатом в гласные В. А. Павловым дожидаются Щипчинского, чтобы втроем направиться на заседание Думы. Начальник милиции предупреждает Щипчинского и Колмакова: «Этот номер вам не пройдет!» — имеется в виду мука — и грозит им обоим арестом. Фролов и его сторонники утверждают, что председатель Думы пьян.

По приказанию облнарревкома, начальник милиции запрещает думское заседание и предлагает публике разойтись по домам. Он приступает к аресту Щипчинского, однако сделать это ему не удастся. Чернышев (его Фролов называет «диктатором Завойкинской волости») выкрикивает: «Следует взять под стражу самого Фролова!»

После чего, как рассказывал гласный А. Т. Коробко, «в толпе последовало замешательство, воспользовавшись которым, теща и жена Щипчинского взяли Щипчинского под руки и увели домой».

Фролову запомнились слова Алексея Яковлевича Чернышева насчет того, чтобы облнарревкомовцы не вздумали бежать из города по тракту — не то Завойкинская волость «будет Комитет “переножить”».

Ч. К. Щипчинский же везде стал заявлять, что облнарревком «собирает свои манатки и удирает в сопки, и после этого слуха корейцы осаждали Комитет, чтобы он с ними расплатился», — вспоминал Н. П. Фролов. «В предупреждение открытого вооруженного выступления против облнарревкома было объявлено: город Петропавловск находится на военном положении».

Заседание Думы, перенесенное на следующий день, не состоялось. 10 октября 1921 г. гласные получили заявление от Е. А. Колмакова. «В дальнейшем, — писал он, — не желая подвергаться по долгу службы оскорблениям и угрозой тюрьмы, я прошу Думу освободить меня от обязанностей городского Головы». Просьба Елизара Александровича осталась без удовлетворения...

15 октября 1921 г. «парламентеры» сложили свои полномочия, о чем официально уведомили облнарревком, ПГД, Трудовой союз рабочих и служащих.

«С введением военного положения в г. Петропавловске, — значилось в документе, — делегация лишена возможности собираться и обсуждать столь серьезное возложенное на нее поручение. Безо всякой же подготовки вступать в переговоры с есаулом Бочкаревым — это равносильно погубить все дело и не исполнить взятых на себя тяжелых обязанностей. Долг же всякого порядочного гражданина — сознаться, может ли он выполнить то, за что взялся, или нет. Сознывая все это, делегация заявляет Союзу домовладельцев, а через него всему населению (так как других путей для оповещения последнего у делегации нет, благодаря административным распоряжениям), что она снимает с себя всякую ответственность за нарушение мирной жизни граждан, если таковое произойдет с прибытием есаула Бочкарева, с коим она ни в какие переговоры входить не будет». Заявление подписали Ч. К. Щипчинский, Е. Ф. Одынец, Г. А. Машихин, Н. П. Косыгин, Е. А. Колмаков, В. И. Святой. Нет подписи И. А. Шкляева.

23 октября 1921 г. особоуполномоченный Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае Х. П. Бирич передал начальнику штаба Северного экспедиционного отряда генерал-майору Н. А. Полякову следующее распоряжение:

«Предлагаю Вам выехать в Петропавловск с получением сего на корабле “Свирь” с вверенным Вам эскадронном Жандармской Полиции (по заключенному после русско-японской войны 1904—1905 гг. Портсмутскому договору Россия не могла держать на Камчатке воинские формирования, и они

назывались силами по поддержанию порядка: местной или жандармской командой. — В. П.). По прибытию в Петропавловск Вам надлежит вызвать представителей Городского Самоуправления и оказать им всякое содействие по восстановлению нормальных гражданских условий жизни в городе, нарушенных большевиками и их агентами. Подтвердите Городскому Самоуправлению, что Охотско-Камчатский Край принадлежит, как часть бывшего Генерал-Губернаторства, Приамурскому Временному Правительству. В случае какого-либо сопротивления со стороны коммунистических агентов, таковых предлагаю арестовать и содержать под стражей до моего прибытия. О целях экспедиции вообще и, в частности, о возложенных на Вас поручениях, Вам надлежит извещать представителей иностранных держав в Петропавловске, с представлением им копии моего приказа о прибытии моем в Охотско-Камчатский Край, моего обращения к населению и копии настоящего Вам предложения. Я прибуду в Петропавловск вслед за Вами по окончании дел в Охотском Крае».

Обнаряженным принял решение эвакуироваться без сопротивления, и 28 октября покинул город вместе со своими сторонниками. Ушло всего двадцать пять человек (двенадцать коммунистов и тринадцать беспартийных). «Свирь» уже стояла в Авачинской губе.

В половине десятого вечера того же дня состоялось экстренное заседание Петропавловской Управы в составе: городского головы Колмакова, Ивана Новограбленова и члена — секретаря Румянцева.

Сохранилось копия протокола этого заседания. «Заслушали: Обращение и приказ от 5 октября с. г. за № 38 Особоуполномоченного Приамурского Правительства и приказ от 28 октября с. г. . . . генерал-майора Полякова, прибывшего в Петропавловск из Владивостока с пароходом “Свирь” и передавшего вышеозначенные приказы с охотниками из селений Тихой Петропавловскому Самоуправлению для немедленного опубликования таковых жителям города Петропавловска. . . »

«Принимая во внимание, что, по слухам, местная областная власть с начальником милиции вышла из города неизвестно куда и, таким образом, оставила город без гражданского и военного Управления, что может привести к нежелательным инцидентам в смысле нарушения общественной тишины и безопасности граждан от несознательного элемента, а также учитывая то обстоятельство, что приказ генерала Полякова гласит в категорической форме, что, если к 7 часам утра 29 октября с. г. не будет сдано оружие, то от города не останется камня на камне и не будет дано никому пощады, Городская Управа, не желая проливать чьей-либо крови и разрушения города от артиллерийского огня, а также принимать ответственность на себя без поручения Думы — входить в переговоры с представителями Приамурского Временного Правительства, постановила: срочно собрать общее собрание граждан города Петропавловска в Народном Доме, на котором будут и боль-

шинство Гласных Городской Думы, и быть исполнительницей воли петропавловских жителей».

Завершившееся к полуночи собрание горожан передало власть в Петропавловске «впредь до установления нового порядка» городскому самоуправлению «как законно избранному гражданами города и отвечающему своему назначению», обязало сдать все имеющееся оружие военного образца (берданы) в Управу, одновременно назначив ночной караул из местных граждан «для наблюдения за порядком и спокойствием и охраны учреждений».

«Не имея в мыслях выступать против Приамурского Временного Правительства, заботящегося, как видно из Обращения, о создании нераздельной России и благосостояния всего населения края, собрание единогласно избрало для поездки на пароход “Свирь” делегацию с самыми мирными пожеланиями из следующих лиц: 1) Председателя Городской Думы доктора Щипчинского, 2) Городского Головы Колмакова, 3) Одного члена Городской Управы, 4) Гласного Думы Новограбленова, 5) Председателя Союза домовладельцев г. Петропавловска (Косыгина. — В. П.) и 6) Гласного Думы Одынец».

По инициативе Е. Ф. Одынца, его выбрали старшим охраны города. Сочувствующий РКП Григорий Загоруйко впоследствии рассказывал, что охрану города набирал Колмаков, мол, коммунисты ночью придут и взорвут радиостанцию, поэтому охранять ее и Петропавловск должны люди верные...

К радиостанции был выставлен караул из десяти человек.

Регистрацию сданного оружия, по словам того же Загоруйко, «вел гражданин Румянцев, который с женою работал всю ночь... собрали полный кунгас». Другой участник событий А. И. Дьячков утверждал: от горожан поступило двадцать винтовок разных систем. Но так или иначе, наутро 29 октября делегация увезла все собранное оружие на «Свирь» на «моторе» рыбака Логвина Евстафьевича Захарова.

При изучении архивных материалов мое внимание привлек черновик объявления коменданта Петропавловска (есаула с неразборчивой подписью) от 30 октября 1921 г., обещавшего возвратить горожанам оружие «по предъявлении в семидневный срок гарантий от Городской Управы в непричастности к большевизму».

Стоящий «на платформе советской власти» портной Адольф Антонович Оссе, находившийся на борту «Свири» в момент приезда делегации, вспоминал: «Колмаков представился генералу Полякову, как Городской Голова, и они были приглашены в кают-компанию, где они долго разговаривали. После чего донесли казакам, что делегация от города просит вас занять город, и что они рады нас встречать, и что население ненавидит красных».

Поговаривали, о чем не преминул сообщить в 1923 г. на допросах по делу гласных ПГД А. И. Дьячков, что казаков генерала Н. А. Полякова встретил хлебом-солью Василий Илларионович Гайдамак, один из жителей города

(1881 г. рождения, по социальному происхождению крестьянин, унтер-офицер царской армии, в 1909—1919 гг. поставщик печеного хлеба на военные корабли, заходившие в Петропавловский порт, с 1917 г. — смотритель маяка).

Первый день новой власти в описании Г. Л. Загорюлько (кандидата в гласные 3-й ПГД) выглядел так: «...Поляков со своим конвоем зашел сначала в городскую Управу, а затем к нам, в Казначейство, где спросил казначея: “Что, презренный металл есть или нет?” Ему казначей ответил, что давно уж нет, а что поступило, Комитет забрал. Поляков ушел со своим конвоем, который был вооружен исключительно городским оружием, то есть, с приклейками на прикладах. Он в этот день обходил все учреждения. Его сопровождал городской Голова и много граждан города Петропавловска».

Особоуполномоченный Приамурского правительства Хрисанф Платонович Бирич прибыл в Петропавловск вечером 11 ноября 1921 г. на «Кишиневе». 12-го утром пароход ошвартовался, на него поднялись городской голова Е. А. Колмаков, представители населения и некоторых фирм. «Все приветствовали меня и выражали радость и благодарность Приамурскому Правительству за спасение от большевиков и за восстановление в крае нормальных спокойных условий жизни, — докладывал во Владивосток Х. П. Бирич. — Для того, чтобы немедленно же осведомить население о задачах экспедиции, я просил Городского Голову пригласить всех желающих выслушать нашу информацию в Народный Дом на следующий день. Вопрос об информации населения сильно осложнился тем, что большевики, уходя из города, испортили единственную типографию...»

«В тот же день, — писал далее Х. П. Бирич, — у меня был с визитом на “Кишиневе” китайский консул Сун-ин-тун, являлись с приветствием два офицера от командира находящегося здесь японского стационара “Канто”. На другой день, в воскресенье 13 ноября, мною вместе с Н. М. Соколовым были сделаны визиты представителям Городского Самоуправления, японскому и китайскому консулам и командиру японского корабля “Канто”. У всех встретили чрезвычайно радушный прием и обменялись взаимными приветствиями и пожеланиями.

В три часа дня в здании Народного дома я передал собравшимся жителям г. Петропавловска и ближайших селений приветствие от Приамурского Правительства, поздравил с благополучным и бескровным избавлением от власти большевиков и выразил уверенность, что камчатские старожилы, помня подвиги и заветы предков, окажут должную поддержку Национальному Приамурскому Правительству в его героической борьбе за сохранение в целостности единственно уцелевшего от всеобщего разрушения и грабежа Дальневосточного угла нашей Родины.

После меня приветствовал собрание Н. М. Соколов, как представитель Правительства и ближайший его сотрудник за время борьбы с большевика-

ми, описал затем современное состояние Советской России, сделал обзор деятельности социалистов на Дальнем Востоке... изложил ход событий, вызвавших переворот 26 мая (приход к власти весной 1921 г. во Владивостоке Временного Приамурского правительства. — *В. П.*)».

Особоуполномоченный подчеркивает: все присутствующие слушали ораторов «с напряженным вниманием. Несмотря на полное отсутствие какой бы то ни было полиции и наряда войск, порядок на собрании самими его участниками поддерживался образцовый. Ни шума, ни возгласов, несмотря на то, что в здании было до пятисот человек самой разной публики».

За два дня до этого, 11 ноября 1921 г. Приамурское правительство для оказания экономической и культурной помощи, улучшения состояния казенного имущества и хозяйства, выяснения нужд и желаний местного населения учредило Особое по Охотско-Камчатскому краю Совещание из лиц, знакомых с краем, служивших или работавших там. Членами Совещания стали гласный 1-й и 2-й ПГД А. А. Пурин и руководитель 3-й ПГД И. Д. Добровольский.

16 ноября 1921 г. особоуполномоченный Х. П. Бирич провел заседание по борьбе против бесконтрольного ввоза на Камчатку спиртных напитков и установления акциза в пользу казны.

Ч. К. Щипчинский сообщил собравшимся, что этот вопрос уже обсуждался гласными, и они вынесли постановление о свободной торговле спиртным, но облнарревком не позволил ввести его в действие, «очевидно, опасаясь, что при свободной продаже... будет лишен возможности конфисковать в свое распоряжение».

Высказываясь за свободную торговлю спиртным, Щипчинский сослался на собственные наблюдения за бурятами, которые «до введения в их улусах монопольных лавок сильно пьянствовали, а когда монопольные лавки у них были введены, то пьянство пошло на значительную убыль»

Е. А. Колмаков поддержал Щипчинского, однако предложил предусмотреть ограничения в отношении инородцев, чтобы они не остались без средств на пропитание. В адрес правительства было направлено ходатайство о разрешении свободного ввоза, торговли спиртным и акцизного обложения.

На следующий день, 17 ноября, Х. П. Бирич выступил в Думе. Он «вкратце доложил о назначении его Уполномоченным от Приамурского Временного Правительства в Охотско-Камчатский край с правами прежних губернаторов. Далее выразился, что Камчатка без Владивостока не может существовать, как в географическом, так и в других отношениях, так как нужен пункт, который бы снабжал ее всем необходимым.

Задача Временного Правительства — установить на Камчатке демократическую власть (порядок), но твердую, каковая существовала при царе. Городским и сельским самоуправлениям Правительство дает широкие права, которые будут проводиться в жизнь, и надеется работать с ними в контак-

те». Гласные поблагодарили особоуполномоченного за доклад, приняв такой к сведению...

С конца ноября начинается работа по подготовке выборов в Пятую ПГД. 6 декабря 1921 г. горожане уведомляются о выставлении второго, уточненного списка избирателей в помещении городской Управы, Народном доме, управлении особоуполномоченного и комендантском управлении, магазине Чурина, правлении Союза домовладельцев. В списке четыреста восемьдесят фамилий. Теперь никакие изменения и дополнения уже не допускаются.

14 декабря 1921 г. Дума назначает выборы на 15 января 1922 г., продлив до этого срока свои полномочия. На том же заседании принимается постановление: «Всем лицам, которым отведены земельные участки в городе и не застроившим их до настоящего времени, надлежит подать в Управу заявления к 1 января о дальнейшей отсрочке, после какового срока участки лиц, не подавших заявлений, будут считаться свободными с правом передачи в другие руки».

К 1-му января 1922 г. группы избирателей, различные организации должны представить списки кандидатов в гласные. Их Управа обязана опубликовать не позднее, как за неделю до выборов. Списки эти подаются городскому голове под расписку одним из подписавших такой документ.

Помимо полных имени, отчества и фамилии, следует привести такие данные, как возраст и адрес кандидата, какую он имеет связь с городом. Претендентский список действителен только в том случае, если его подписали не менее двадцати человек, указавших собственные фамилии, имена и отчества и свой номер в «окончательно опубликованном» списке избирателей. Кандидат в гласные обязан письменно подтвердить согласие баллотироваться в Думу...

Между тем, переместившийся на партизанские базы обларревроком на заседании 16 декабря 1921 г. заслушал доклад своего президиума о продлении полномочий 4-й ПГД. Постановление по этому вопросу приняли такое:

«Ввиду занятия города Петропавловска бандами Бочкарева и Полякова, в присутствии которых свободно провести выборы в новую Думу не представляется возможным. Кроме того, большинству трудящихся пришлось покинуть город, а часть трудящихся арестована и выслана во Владивосток.

Поэтому Комитет постановляет продлить срок Петропавловской городской Думы срока созыва 1920 года впредь до особого распоряжения Комитета. Думе предлагается вести работу, придерживаясь постановлений и распоряжений Областного Народно-Революционного Комитета и Всероссийской центральной власти и ничуть не исполняя никаких распоряжений находящейся в гор. Петропавловске “власти” самозванцев из лагеря Меркулова, возглавляемой неким Биричем, в противном случае Дума в целом будет привлечена к ответственности наравне с бандами Бирича и Бочкарева и понесут равное с ними наказание».

25 декабря 1921 г. городской голова Е. А. Колмаков председательствовал на общем собрании Союза домовладельцев Петропавловска, где предстояло избрать кандидатов в гласные новой Думы на срок до 1926 г. Колмаков сообщил, что выборы 5-й ПГД будут проходить как в 1919 г., по закону, принятому правительством А. В. Колчака, разъяснил некоторые его положения.

Председатель Союза домовладельцев Н. П. Косыгин попросил присутствующих отнестись к выборам «серьезно, продуманно, выбирать гласных... людей своих, городских, энергичных, более крепких умом и радеющих интересам города, а не случайно залетных», ничего общего с ними не имеющих. А таких, напомнил он, в последней Думе было много, и они «ничего хорошего в жизнь не провели, а только тормозили ход дела».

Участники собрания согласились с Косыгиным: «Да, нужно проводить в Думу своих людей, а не приезжих», однако кандидатов в гласные от Союза домовладельцев не избрали, так как намеченные ранее баллотироваться отказались. Решить этот вопрос и своевременно передать список выдвиненцев в городскую управу было поручено правлению.

Собрание обязало всех домовладельцев в случае возникновения пожара «являться на таковой для тушения по первому тревожному сигналу соборного колокола со своими орудиями и другими принадлежностями, как-то: бочками, ломанами, топорами, ведрами, лестницами, лопатами, брезентами и бочками с водой на лошадях и нартах, смотря по времени года — с предупреждением, что, если кто из них не явится без уважительных причин, такие лица будут подвергаться штрафу...» Распределение между пожаротушителями инвентаря собрание возложило на руководство Союза «при участии городского головы Е. А. Колмакова и одного гласного».

26 декабря Управа начала рассылать всем, имеющим право голоса, именные удостоверения и избирательные записки.

1 января 1922 г. ею была устроена аукционная продажа разных товаров, в том числе какао, горчицы, прованского масла, синьки для белья, одеколона, туалетного мыла, бритв германских, скипидара французского...

Управа объявила о переводе в ее помещение из Народного дома городской библиотеки. Обмен и выдача книг производились по понедельникам и пятницам с 15 до 17 часов под залог (1,5 руб. за книгу и 50 коп. за чтение в месяц двух книг).

За полмесяца до выборов Союз домовладельцев, выставивший свой претендентский список, выступил в местной газете с обращением к избирателям, а точнее к людям, на голоса которых он рассчитывал. В обращении говорилось: «Помните, что этот день для всех имеет громадное значение, так как выбранный состав гласных будет решать в течение 4-х годов самые насущные вопросы городского хозяйства, в коих заинтересованы больше всех вы, домовладельцы. Благодаря своему домозаоводству, вы одни имеет прочную

связь с городом. Городские дела — это наши дела, а вы свои дела должны решать сами. Не поручайте решения городских дел кому попало. 15 января (с 9 час. утра до 9 вечера) все вы должны идти в Почтовую контору к урне и подать свою избирательную записку. Напомните в этот день всем членам своих семейств, имеющим право на голосование, чтобы и они исполнили свой гражданский долг. Голосуйте за список своего Союза!»

В первой половине января 1922 г. обострились отношения между гражданской и военной администрацией (Х. П. Биричем и Н. А. Поляковым). «Одно время, — вспоминал Е. А. Колмаков, — дело чуть не дошло до вооруженного столкновения. Бирич выставил караул со “Свири” возле своей квартиры, а Поляков около военного городка, у ворот; по сигналу, как та или другая сторона должны были выступить против друг друга». Конфликт особоуполномоченный объяснил своими категорическими приказами торговцам не отпускать без его ведома военным спиртное.

Улаживался этот конфликт по инициативе священника Петропавловского собора о. Михаила. На квартиру генерала Никиты Андреевича Полякова пошли вчетвером: сам священнослужитель, городской голова Е. А. Колмаков, председатель Думы Ч. К. Щипчинский и П. Т. Новограбленов. Они уговаривали генерала ради праздника — Рождества Христова — и спокойствия в городе прекратить ссору. Потом вместе с Поляковым отправились домой к Биричу. Там вновь началась пикировка — кто кому должен подчиняться. «В конце концов, — рассказывал Е. А. Колмаков, — Бирич и Поляков уверили нас, что команды не сделают ни одного выстрела. Но караулы не снимались всю ночь...» Однако 7 января все же произошел инцидент со стрельбой...

Из журнала заседания ПГД от 13 января 1922 г.: «Заслушав заявления председателя Думы и городского Головы о создавшихся недоразумениях и конфликтах между Особоуполномоченным Х. П. Биричем и генерал-майором Поляковым Н. А. и учитывая, что в случае вооруженного между ними столкновения это может повлечь за собой вмешательство японского командования с гибельными последствиями, как для города Петропавловска, так и для всей Камчатской области, Дума, стоя на защите Русской Государственности и населения города и области, и не входя в разбор по существу возникшего... постановила обратиться к означенным выше лицам с просьбою не допускать по отношению друг к другу какой бы то ни было репрессивных (пропуск слова. — В. П.). Кроме того, Дума постановила просить ознакомить ее со следственным материалом по инциденту, происшедшему 7-го января 1922 г. в квартире Особоуполномоченного Х. П. Бирича».

14 января 1922 г. «Камчатский листок» публикует сообщение об образовании избирательной комиссии по выборам 5-й ПГД под председательством Е. А. Колмакова. Один из приглашенных в качестве члена комиссии — гласный 2-й, 3-й и 4-й Думы И. Т. Новограбленов.

ПЯТАЯ ДУМА

За двое суток до выборов новой Думы, состоявшихся 15 января 1922 г., гласные на последнем своем заседании утвердили финансовый отчет городского самоуправления.

На 1 января 1921 г. в его кассе наличными находилось 629 руб. 34 коп. (здесь и далее — золотом), на текущем счете в Петропавловском казначействе — 1 082 руб. 45 коп. Год спустя: соответственно 199 руб. 42 коп. и 2 149 руб. 79 коп. Движимого и недвижимого имущества приобретено за это время на 500 руб. Вместе с имеющимися оно оценивается в 29 736 руб. 95 коп.

Задолженность юридических и физических лиц городскому самоуправлению к началу 1921 г. составляла 8 375 руб. На 1 января 1922 г. оставалось недоимок и налогов по окладным листам почти на 11 000 руб.

Предполагалось к поступлению и израсходованию в течение 1921 г., согласно сметы, 17 530 руб., израсходовано 4 624 руб. 56 коп. Списаны по акту похищенные неизвестно кем две бочки соленой рыбы (24 пуда 13 фунтов) стоимостью 72 руб. 98 коп. Дебет-кредит составил 87 629 руб. 90 коп.

Думцы заслушали также сообщение городского головы «о пожертвовании по подписному листу г. командиром японского военного судна “Канто” ста рублей (иен) на елку для детей в Петропавловское низшее начальное училище и поблагодарили его за отзывчивое отношение к русским детям-школьникам».

Выборы 5-й ПГД проходили в воскресенье в помещении почтово-телеграфной конторы по двум спискам: группы местных граждан (№ 1) и Союза домовладельцев (№ 2). В первом значилась двадцать одна, во втором — двадцать пять фамилий. Пятнадцать фигурировали в обоих списках, и среди них Е. А. Колмакова, Н. П. Косыгина, П. Т. Новограбленова, Е. Ф. Одынца, В. И. Артюхина...

16 января в девять часов утра, удостоверясь в целостности печатей, избирательная комиссия вскрыла ящик для голосования. Количество находившихся в нем записок (бюллетеней) полностью совпадало с числом избирателей. Шестнадцать из двухсот четырех записок были признаны недействительными, а таковыми считались незаполненные, исправленные, подчищенные или с подписью голосовавшего.

Наибольшее количество голосов набрали агент Добровольного флота В. И. Артюхин (163) и торговец И. Г. Подпругин (158). За ними следовали городской голова Е. А. Колмаков и член Управы, бухгалтер И. Т. Новограбленов — по 155. На восемь голосов было меньше у Е. Ф. Одынца и П. И. Федорова. Далее шли: бухгалтер, первый редактор газеты «Камчатский листок» (в 1914 г.) В. А. Огородников (140), председатель Союза домовладельцев Н. П. Косыгин (138), рыбаки Н. В. Савин (131) и Л. Е. Захаров (129). Педагог П. Т. Новограбленов набрал 118, председатель 4-й ПГД Ч. К. Щипчинский — 107 голосов.

Помимо названных, гласными стали еще восемь горожан. Итого — двадцать. Кандидатами к ним было избрано одиннадцать человек, за которых проголосовали от тридцати двух до восьмидесяти восьми избирателей (чтобы попасть в Думу, следовало набрать не менее 10 % голосов от числа принявших участие в выборах).

Особоуполномоченный Приамурского правительства Х. П. Бирич уведомил телеграфом свое владивостокское начальство, что «на выборах в Петропавловское Самоуправление прошли самые желательные лица».

18 января 1922 г. городская Управа получает выписку из протокола заседания президиума облнарревкома от 16 декабря 1921 г. за № 80. Думе предлагается «принять таковую к неуклонному исполнению».

20 января 1922 г. Управа представила Х. П. Биричу (согласно циркуляра Министерства внутренних дел от 14 января 1919 г. за № 204 и ст. 83 Правил о производстве выборов гласных) требуемые сведения о результатах голосования. Канцелярия особоуполномоченного «нарушений закона и неправильностей» не обнаружила, о чем сообщила в ПГД 25 января.

В тот же день Ч. К. Щипчинский, а также А. А. Пурин и И. Д. Добровольский присутствовали на совещании комиссии по организации военной милиции. 2 февраля датирован рапорт поручика Маслова командиру военного судна «Свирь» о гласном Н. П. Косыгине, подозреваемом в большевистской агитации.

6 февраля 1922 г. в Петропавловске состоялись выборы в Приамурское Народное Собрание. В списке № 1 Союза домовладельцев и коренных жителей значился В. И. Артюхин (И. Д. Добровольский баллотироваться отказался), в списке № 2 граждан города — Ардальон Александрович Попов и Анатолий Дмитриевич Батурин, гласный 4-й Думы, член Особого Совещания. Депутатом был избран кандидат списка № 1.

7 февраля 1922 г. в помещении Управы прошло первое торжественное заседание ПГД нового состава. Кроме гласных, в зале находились представитель Приамурского правительства генерал Н. М. Соколов, члены Особого Совещания Пурин и Добровольский с правом совещательного голоса, японский офицер с “Канто”, большое число жителей областного центра.

Заседание открыл в 18 часов Е. А. Колмаков. Он предложил господам гласным приступить «к подписке акта торжественного обещания честно и добросовестно исполнять принятые на себя обязанности» на срок до 31 декабря 1925 г., что они и сделали.

После этого Елизар Александрович доложил «о своевременном и успешном производстве выборов в городскую Думу и Приамурское Народное Собрание»; за помощь в проведении последних поблагодарил от имени избирательной комиссии делопроизводителя областной канцелярии М. Я. Марамзина.

Затем Е. А. Колмаков ознакомил Думу с деятельностью городского самоуправления в течение 1921 г., когда работали «с большим тактом и осторожностью, благодаря той ненормальности и разрухе, которая постигла нашу родину, и сознавая, что основная задача городского Самоуправления заключается в заботе о хозяйственно-экономических и культурно-просветительских нуждах города, к сожалению, нередко приходилось принимать участие и в делах политических, неуклонно стоя на страже поддержания порядка и спокойствия в городе».

На пост председателя 5-й ПГД сроком на один год гласные выдвинули Ч. К. Щипчинского, П. Т. Новограбленова и И. Ф. Голованова. Баллотироваться согласился лишь первый, который и стал председателем Думы, получив девятнадцать голосов.

При выборах товарища председателя также на год было выставлено пять кандидатур: братья Прокопий и Иван Новограбленовы, И. Ф. Голованов, служащие В. А. Павлов и С. В. Ганцев. Один за другим четверо по разным уважительным причинам от участия в баллотировке отказались. Остался П. Т. Новограбленов. Его, как и Щипчинского, избрали единогласно.

С приветственным словом к 5-й ПГД обратился представитель правительства Н. М. Соколов, отметивший, что прежний состав Думы, «несмотря на политические переживания страны, в лице малой своей единицы не допускал разрухи и поддерживал власть полезную». «Приамурское правительство, — добавил он, — проводя реальную политику, опирается на широкие массы населения, чью волю выражают городские и сельские Самоуправления».

На заседании выступили гласные 1-й ПГД А. А. Пурин и И. Д. Добровольский. По мнению последнего, все, избранные в городское самоуправление — люди достойные, а сама Дума имеет громадное значение для Петропавловска, как центрального пункта Камчатки.

А. А. Пурин начал свою речь с того, что вспомнил, как «впервые создавалось маленькое городское самоуправление и... никто не думал, какое Думе придется переживать тревожное время при всеобщей разрухе... На востоке приходится собирать Россию из клочков, как это было когда-то при Иоанне Калите собиране земли русской вокруг Москвы». Подобно предыдущему оратору, Александр Антонович выразил уверенность, что Петропавловск превратится с годами в более крупный город «и улучшится экономическое и культурное развитие его».

Все гласные открытым голосованием поддержали предложение председателя Думы (в 1923 г. И. Т. Новограбленов указывал на Н. М. Соколова, как на инициатора) послать приветственную телеграмму Временному Приамурскому правительству. Составить ее текст поручили специальной комиссии из четырех гласных: П. Т. Новограбленова, В. А. Павлова, С. В. Ганцева и Е. Ф. Одынца.

Городской голова избирался на четыре года. Думцы полагали, что с этой работой мог вполне справиться кто-нибудь из семерых: Е. А. Колмаков, Н. П. Косыгин, П. И. Федоров, В. А. Павлов, С. В. Ганцев, И. Т. Новограбленов, И. Д. Грызлов. Однако и здесь соперничества не получилось. Шестеро сняли свои кандидатуры в пользу Колмакова. Против него не было подано ни одного голоса, никто также не воздержался.

В избранную 5-й ПГД Петропавловскую Управу вошли городской голова Е. А. Колмаков, секретарь Думы В. И. Румянцев (на платной основе) и почетный член И. Т. Новограбленов. Все они, как и председатель ПГД со своим заместителем, избирались тайным голосованием.

Из текущих дел Дума рассмотрела вопрос о ветвраче (фельдшере) и, принимая во внимание сравнительно большую заболеваемость скота в городе и окрестностях, постановила обратиться через Управу к особоуполномоченному с ходатайством о выписке с материка «одного ветеринара с содержанием за счет государства».

Управа получила задание самостоятельно выработать наказ депутату Народного Собрания от Петропавловска В. И. Артюхину, каковой представить на рассмотрение городской Думы до отбытия его во Владивосток на пароходе «Охотск».

На том в 20 часов первое заседание 5-й ПГД завершилось.

8 февраля 1922 г. Ч. К. Щипчинский и Е. А. Колмаков направили Приамурскому правительству телеграмму, содержащую приветствие «за его национальную программу деятельности», благодарность «за заботу о Камчатском крае, выразившуюся в посылке судна “Охотск” с продовольствием в такое время года, когда примеры навигации прошлых лет, казалось, исключали всякую возможность это сделать». Телеграмма заканчивалась словами: «Город верит, что Великая могучая Россия возродится, если Приамурское Правительство будет неотступно преследовать великие намеченные цели — объединение народов Российского государства на началах народоправства».

14 февраля Управа вручила выработанный ею наказ В. И. Артюхину. Первым пунктом в наказе стояло: участвовать в Охотско-Камчатском Советании при Приамурском правительстве.

16 февраля 1922 г. Х. П. Бирич объявляет в Петропавловске и окружающем его районе военное положение. Приказ особоуполномоченного в тот же день зачитывается на экстренном заседании Думы. С этого она и начинает свою работу. Заслушивает доклад городского головы о текущем моменте.

«За последнее время в Петропавловскую городскую Управу стали поступать сведения о появлении в районах селений Колыгерь, Завойки, Паратунки и Авача каких-то партий вооруженных людей, которые, пользуясь отсутствием в селениях взрослых домохозяев, выехавших на охоту, переходят из селения в селение, кормятся за счет жителей, угрожают им насилием и имеют

смелость заявлять даже, что они поведут наступление на Петропавловск для свержения здесь органов власти, установленных Временным Приамурским Правительством.

Такие же сведения поступают и к г. Особоуполномоченному Временного Правительства, который по этому поводу объяснил городскому Голове, что с его стороны будут приняты решительные меры к ликвидации тех отрядов, не имеющих ничего общего с коренным оседлым Камчатским населением, если они будут продолжать тревожить местное население, жить за его счет и мешать его мирному, спокойному труду.

Попытки этих революционеров создать из себя какое-то подобие власти совершенно безнадежны, так как имеющийся в г. Петропавловске Правительственный отряд вполне достаточен для того, чтобы разогнать и преследовать всех этих революционеров в самом скором времени. Скоро же из Владивостока прибудут в Петропавловск еще правительственные суда с вооруженными отрядами для распределения по всему Камчатскому побережью.

Сегодня городскому Голове было сделано предложение гласным Думы В. И. Артюхиным поехать с одним или двумя гласными Думы в с. Авача и далее для встречи с лицами, называющими себя членами Камчатского Революционного Комитета, ознакомить их с позицией, занятой населением г. Петропавловска по отношению к Приамурскому Правительству, и убедить их отказаться от безумной и невыполнимой цели поднятия каких-то восстаний против той власти, которую население г. Петропавловска признало истинно-национальной и демократической и которую оно приветствовало телеграммой и пожелало полного успеха в деле возрождения и объединения Родины на началах народоправства.

Городская Управа, со своей стороны, одобряет предложение В. И. Артюхина, тем более, что он является депутатом в Приамурское Народное Собрание и глубоко благодарит Василия Ивановича за сделанное им предложение.

По докладу предложения В. И. Артюхина Особоуполномоченному последний также предложение это одобрил в интересах предупреждения бесполезного кровопролития между русскими людьми и во вред Русскому Национальному делу и, со своей стороны, указал на то, что в исполнении объявленной всенародно декларации Временного Приамурского Правительства ни в коем случае не будет преследовать каких бы то ни было революционеров, если они перестанут тревожить жителей и возвратятся к мирному труду. Мало того, если кто-нибудь пожелал бы выехать во Владивосток, то всем таким лицам будет предоставлен бесплатный проезд до Владивостока на пароходе "Охотск" и гарантируется полная безопасность.

Докладывая об этом Петропавловской городской Думе, городская Управа испрашивает согласия Думы на поездку В. И. Артюхина с одним или двумя гласными по избранию Думы в с. Авача для указанной цели и представляя-

ет проект обращения Петропавловской городской Думы к населению Петропавловского уезда на утверждение».

Год спустя на допросе в ГПУ доктор Щипчинский скажет о докладе Управы: «Его составлял генерал Соколов и препроводил гражданину Колмакову или Румянцеву. Составлен он был с таким расчетом, чтобы втянуть Думу в политику и восстановить Думу против действий Революционного комитета... участниками являлись Колмаков, Артюхин, Бирич и Соколов, но при каких обстоятельствах они составляли доклад, я затрудняюсь сказать».

В протоколе же заседания ПГД от 16 февраля 1922 г. записано, что доклад городской Управы «составлен на основании слухов от разных лиц и личного заявления председателя Сероглазкинского комитета Крупенина В. Е., что вооруженными лицами из партии коммунистов в дер. Халактырка и других производились насильственные мобилизации в свои ряды молодежи, а также забирались нарты с собаками для привозки юколы и брались частью продукты бесплатно».

Обсудив доклад, Дума приняла постановление. В нем отмечалась серьезность момента, «когда от безрассудного предприятия лиц, называющих себя Камчатским Народным Революционным Комитетом, возможна потеря всею населению Камчатки своих русских Национальных прав».

Доклад Управы был утвержден (из двадцати семи думцев, присутствовавших на заседании, двадцать шесть проголосовали «за», один «против» — кандидат в гласные Тарас Ефремович Головань, портной сорока лет, отец шестерых детей). Для «приведения к мирному исходу, без кровопролития, между отрядом Временного Приамурского Правительства и лицами партии революционеров» избрали еще двух парламентаров: Кобцева и Косыгина. Почему именно их? Кандидат в гласные Андрей Иванович Кобцев слыл «крайне левым», а Николай Петрович Косыгин имел среди партизан родственника В. М. Чекмарева (который, кстати, считал делегацию Артюхина разведкой).

Мнение о руководителе парламентаров, как о довольно умном, образованном и хладнокровном человеке, благодаря чему переговоры «могли бы привести к благоприятному результату» — разделяли многие. В. И. Артюхин происходил из крестьян Нижегородской губернии, окончил сельское начальное училище. В царской армии служил старшим унтер-офицером. В Петропавловске жил в собственном доме, занимал должность агента Добровольного флота. Поговаривали, что он как-то упоминал о своем эсеровском прошлом. Сам же Василий Иванович на вопрос, каковы были его политические убеждения при белых и после их ухода, отвечал так: «Я своих убеждений не изменял. Я — беспартийный, но эволюционист, демократ и сторонник демократической власти».

Мысль о переговорах с красными пришла ему дома по случаю того, что партизаны вступили на 8-ю версту Завойкинского тракта, чем была наруше-

на нормальная жизнь города. Вначале он сообщил об этом городскому голове — ходил в Управу. «На обратном пути я встретил генерала Соколова, который спросил у меня, куда я ходил. Я ответил ему, что ходил в Управу, он спросил, по какому делу...»

С идеей мирных переговоров они отправились к Х. П. Биричу. «Бирич сказал, что ничего против не имеет и спросил, кто согласится туда ехать. Соколов ему указал, что согласился ехать Артюхин».

На допросе у следователя в январе 1923 г. гласный С. В. Ганцев заявил: делегация направилась в стан красных, чтобы примирить их с белыми. Далее произошел такой диалог:

- Для какой цели помирить?
- Я считал, что на Камчатке война между русскими людьми бесцельна.
- Между какими русскими людьми?
- Между белыми, хотя и бандитами, и между красными.

Другой гласный Е. Ф. Одынец посылку делегации объяснял «исключительно целью не допустить какого-либо вооруженного столкновения и предложением миром разойтись и сложить оружие, потому что обстоятельства могут измениться ввиду присутствия японцев в Петропавловской бухте. Японцы могли занять Петропавловск».

На думском заседании 16 февраля 1922 г. было решено, что парламентары повезут с собой обращение к коренным жителям Петропавловского уезда, дабы оградить их от братоубийственной бойни. Помочь Управе составить его текст согласились В. А. Павлов, С. В. Ганцев, П. Т. Новограбленов и Н. В. Флетчер.

В основу обращения лег приведенный выше доклад Управы ПГД. «Появившиеся у города вооруженные партии, — говорилось в документе, — откажутся от своей цели, если мирное коренное население уезда, в свою очередь, будет доказывать и убеждать их отказаться от намеченного ими выступления и тем самым предотвратит никому не нужное кровопролитие между русскими людьми с явным вредом для *национальных русских интересов*».

Заканчивалось обращение традиционным утверждением о своеобразии географического положения Камчатки, в силу чего собственную политику она проводить не может и должна подчиниться тому, что «диктует ей материк».

В 1923 г. Ч. К. Щипчинский назовет это обращение превышением власти со стороны Думы, а часть содержащихся в нем обвинений в адрес облнарревкома не подтвердившимися — «например, насильственное забирание в отряды молодежи партизаны не производили и на счет местных жителей не кормились, за взятые продукты расплачивались валютой».

В путь парламентары отправились 17 февраля 1922 г. «Мы выезжали, — вспоминал Н. П. Косыгин, — утром, часов в 8—9 прямо из Управы». Каюр-

ным был Мутовин. «Белый флаг вез Артюхин... для того, чтобы показать, что едет мирная делегация, и стрелять в нее нельзя».

«По выезде из Петропавловска, — докладывал Думе через два дня В. И. Артюхин, — мы встретили караул из местного военного отряда, объяснив ему о целях своей поездки и предупредили, чтобы за время нашего пребывания там не было с этой стороны никаких разведок, тем более стрельбы.

На шестой версте от города по Завойкинской дороге нас встретил пост из лиц партии Комитета, в числе коих был некто Трухин, по слухам, будто бы убитый, как хищник (ворующий из охотничьих капканов пушного зверя. — *В. П.*), но в действительности оказавшийся живым. Пост Комитета нас начал опрашивать, куда поехали и зачем, на что мы и отвечали, что едем как делегация от Петропавловской Городской Думы к Председателю Комитета Ларину для переговоров о серьезности момента, когда каждую минуту может быть пролита кровь лиц партии и отряда Правительственных войск. Ответ был таков, что председателя Комитета здесь нет, а Фролов и Чекмарев здесь, но их поблизости сейчас нет, а Вы поезжайте в с. Авача, куда к Вам и приедет Фролов.

Приехав в с. Авача, там никого из членов Комитета не нашли и вооруженных лиц не видели. Подождавши несколько времени, мы Фролова не дождались, а жители сказали, что Комитет уехал в с. Завойко, куда вызывается и население волости на совещание.

Таким образом, не дождав в с. Авача Фролова, мы наняли две нарты собак и поехали в Завойко, где и зашли в их Волостной Комитет. В Завойкинском Комитете их также не нашли. Камчатский Комитет, говорят, еще вчера ушли все в деревню Коряки во главе с Лариным и, по рассказам, очень торопились. По словам исполняющего обязанности председателя Завойкинского Комитета Бибикова, члены Камчатского Комитета просили его написать от имени завойкинцев протест против существующей власти Временного Приамурского Правительства, но он такового не дал, а решил сделать совещание из оставшихся дома (большинство мужчин находилось на охоте. — *В. П.*) жителей волости на 17-е число февраля, но Ларин, не дождав этого совещания, ушел с Лукашевским и другими лицами — в числе шести человек.

Мы спросили по телефону Коряки и сказали, что Ларин еще там, но собирается уходить. Вызвав его к телефону, мы сказали о целях нашего приезда и попросили приехать в Завойко для обсуждения вопроса миролюбивой ликвидации возможного кровопролития. Ларин ответил, что ему нет времени приехать в Завойко для разговоров, но уверил, что они на город нападать не собирались и не собираются, а их цель — это срочно созвать Областной съезд, которому и сдать всю полноту власти в области, как избравшему Комитет, а до того времени “мы с оружием в руках будем защищать свои права”; что причина, вызвавшая перерыв сообщения, это та, чтоб не дать воз-

возможность солдатам генерала Полякова поехать к атаману Бочкареву и творить насилие над населением.

Сообщили Ларину об аресте его жены и жены Фролова и мотивы, вызвавшие это обстоятельство, чтобы не было насилия над задержанным полковником Лукомским, и предупредили его от имени офицеров местного правительственного отряда, что, какие меры будут приняты по отношению Лукомского, такие же будут и здесь к их женам.

Ларин сказал, что задержанного Лукомского он не видел, но слышал, что задержан он был с Самсоновым (каюрным. Лукомский был убит, но партизаны это держали в тайне. — *В. П.*).

На совещание в Завойко Ларин не прибыл, а когда через некоторое время мы еще хотели с ним переговорить, то нам уже сказали, что он уехал.

На совещание в Завойко прибыл член Камчатского Комитета Шлыгин, и когда ему сказали о желании уладить мирным путем обе вооруженные стороны, то он ответил, что не может вести никаких переговоров по этому вопросу без других членов Комитета и, тем более, Ларина.

На наш вопрос относительно занятия вооруженными людьми из партии Комитета дороги и этим перерыва сообщения города с населением Камчатки, он ответил, что причина не та, чтоб не дать части отряда генерала Полякова проникнуть в Няяхан к Бочкареву. По словам Шлыгина, будто бы, им известно, что “есть телеграмма в Петропавловск генералу Полякову от атамана Бочкарева об отобрании от местного населения пушнины и денег, а чтоб этого не произошло, Комитет и выступил на защиту интересов населения области, к отряду которого присоединились многие охотники и частью жители некоторых селений и решили не пустить бочкаревцев в область до тех пор, пока будут живы хоть один человек, а Областной Комитет может разойтись только после съезда, которому одному и можем передать власть”.

На наш вопрос, где они предполагают собрать съезд, Шлыгин ничего не сказал, говорит: “Не знаю, еще не решено”.

В это время в Завойкинский Волостной Комитет на совещание жителей прибыл Чекмарев и с ним 4 вооруженных человека и в довольно грубой форме начал нас спрашивать, зачем пришли, так как он, по-видимому, полагал, что мы приехали с целью пропаганды в Завойко, а в это время возможно повести на них наступление отряда Временного Правительства, потому что вслед за нашим проездом в с. Авача, они говорят, была разведка, и производились выстрелы.

Я дал Чекмареву постановление Думы и обращение к населению уезда, прочтя которые, он сказал, что за написанное всыплют со временем всему составу Думы, так как они ложные и ни на чем не основанные. Далее он сказал, что на город наступать их отряд не будет, но чтоб и отряд Временного Правительства не выступал за черту города. Их определенная цель — не про-

пустить бочкаревцев в область, а за это время созвать экстренный областной съезд и передать власть Комитета.

Относительно улаживания вопроса без столкновения вооруженных отрядов обеих сторон, он посоветовал приехать для переговоров в с. Авачу, куда мы и прибыли на заседание в семь часов вечера. Между прочим, я спрашивал некоторых жителей Завойки и Авачи об отряде Комитета, и мне сказали, что они даром ничего не берут и насилий никаких не делают, но агитацию против существующей власти ведут усиленную. Между прочим, я спросил два человека из деревни Халактырки, насильно ли взяты они в отряды Комитета или по желанию, и мне отвечали, что по собственному желанию, а причины те, что бочкаревцы осенью сего года зажгли у них сено. Крупенин же из деревни Сероглазка на мой вопрос отвечал, что пошел в этот отряд потому, что подавал прошение Уполномоченному Биричу о принятии его на службу, но он, “не читая моего прошения, бросил его под стол, вот и причина”.

В селе Авача мы увидели Фролова, которому я говорил о причинах ареста его жены и жены Ларина, на что он мне ответил, что это слишком бесчеловечно, нехорошо, варварство вымещать злобу на ни в чем не виновных лицах, что опять противоречит Обращению к населению Камчатки Временного Правительства. О Лукомском выразился, как о человеке интеллигентном, и, якобы, такие люди, как он, очень нужны им, а освобожден он будет лишь по выяснении общего вопроса и дал заверение, что Лукомский будет неприкосновенен.

Далее просил Думу обсудить вопрос об освобождении из-под ареста его жены и жены Ларина, причем предупредил, что, если их не освободят, то их отряд будет делать налеты на город, или совсем его обложить. Общая же цель Комитета — это не допустить части отряда генерала Полякова пробраться в Няяхан к Бочкареву и творить там насилия над жителями, причем Фролов говорил, что часть отряда Бочкарева будто бы перебита инородцами за невозможные притеснения».

В этом месте Василий Иванович, прервав доклад, спросил зал, по чьему распоряжению в первый раз выставлен военный караул за с. Сероглазка.

На экстренном заседании ПГД с правом совещательного голоса присутствовали представитель Приамурского правительства Н. М. Соколов, начальник обороны г. Петропавловска Генерального штаба генерал-майор Н. А. Поляков, члены Особого Совещания по камчатским делам А. А. Пурин и И. Д. Добровольский.

Генерал Поляков объяснил, что в первый раз распоряжение о выставлении караула поступило от Х. П. Бирича. А городской голова Е. А. Колмаков назвал причину: «Председатель Сероглазкинского Комитета В. Г. Крупенин, расстроенный, прибежал в город и по секрету сообщил: большевики наступают на деревню, о чем Е. А. Колмаков и предупредил Особоуполномоченного».

Арпюхин продолжал: «Я слышал здесь, что караул в Сероглазке поставлен по инициативе сероглазкинцев, но, странно, что на совещании в Завойко представитель Сероглазки говорил как раз наоборот и даже просил о снятии этого караула, так как они, якобы, боятся большевиков, что, благодаря караулу, на их деревню будет первое нападение большевиков, а то бы они, может быть, остались в стороне.

Между прочим, мне Фролов говорил, что им послана записка в Сероглазкинский Комитет о снятии военного поста, и если это не будет исполнено, то они сделают нападение на Сероглазку. Затем Фролов добавил, что “мы будем жить мирно, но до тех пор, пока не соберется Областной съезд, и, что он постановит, то мы и будем делать”, а пока, ввиду защиты интересов населения, они не пустят в область бочкаревцев, так как считают себя ответственными перед населением за его благополучие.

В бывшей после нашего проезда в Аваче стрельбе они винят местный отряд, солдаты которого, будто бы, после нашего проезда сразу же пошли в разведку и натолкнулись на их отряд, после чего открыли стрельбу, а они отвечали и двух человек ранили.

Выезжая из деревни Авача в город, нам говорили (как Фролов, так и другие), что крайне желательно было бы еще переговорить, но лишь бы не было кровопролития, но на наш вопрос о сдаче и сложении оружия они категорически заявили, что не согласны до Областного съезда.

В заключение Фролов сказал: “Мы избегаем делать поступки, за которые бы нас впоследствии клеймили, или чтобы не осталось на нас пятна Тряпицына (приамурский красный партизан-анархист, который со своими отрядами «отклонялся от выполнения политики Советской власти, явно подрывал среди трудящихся доверие к коммунистическому строю». — *В. П.*) в настоящее время мы будем считаться только с Городской Думой и сельскими Самоуправлениями, а со штабом Временного Правительства не желаем вести никаких переговоров».

На вопрос из зала: «Какая причина тому обстоятельству, что отряд Комитета повредил телеграф, и дадут ли они его исправить?», делегация ответила: «Телеграф поврежден потому, чтобы не давать возможность местным властям иметь связь с жителями области, и исправить его они ни в коем случае не дадут».

В. И. Арюхин зачитал Думе копию протокола совещания жителей Завойкинской волости от 17 февраля 1922 г., а также «два отношения городской Думы из так называемого Штаба Комитета за подписями начальника штаба Фролова и помощника его Чекмарева».

«Я должен сказать, — подчеркнул В. И. Арпюхин, — что члены Комитета и его агенты собирают по деревням протесты против существующей власти Временного Правительства, и уже несколько собрали, правда, за подписа-

ми двух-трех человек, каковой просили и в Завойкинском Комитете, но неудачно, и протесты эти далеко не в пользу Правительства, что видно и из обращений к населению, расклеенных в селениях, копии каковых, к сожалению, взять не удалось».

Артюхин обратился к Думе с предложением возбудить ходатайство перед властями об освобождении жен Ларина и Фролова. На что Н. М. Соколов и Н. А. Поляков тут же заявили: они будут немедленно отпущены, как только получат свободу полковник Лукомский и гражданин Самсонов, то есть, это целиком зависит от красных.

Давая ответ на вопрос, где находится в настоящее время Самсонов, делегация сослалась на Фролова, уверявшего, что тот поехал по делам партизан в Налычево «и должен возвратиться сегодня-завтра в город».

Насчет свободного проезда из города в Завойко далее красные обещали никому не чинить препятствий, кроме военных — их не пропустят ни в коем случае. На Х. П. Бирича партизаны смотрят как на Особоуполномоченного Правительства и до своего съезда не тронут, а после — «смотря по желанию такового, на власть Временного Правительства, как на захватчиков, на отряд атамана Бочкарева — совсем отрицательно».

Н. М. Соколов предложил повременить с принятием резолюции по итогам поездки до завтрашнего совещания у Х. П. Бирича, и Дума согласилась с ним.

В. И. Артюхин информировал собравшихся, что спрашивал у бывшего начальника милиции Фролова, куда исчезли деньги, вырученные за вещи Лисового (гласного 3-й ПГД, убитого в 1921 г.), и тот утверждал, будто много денег не было собрано, а остальные — у него. Мировой судья Н. М. Успенский дал Думе следующую справку: по аукционному листу Фролов растратил наличными 900 руб., и ему предъявлено соответствующее обвинение.

Делегация затруднилась ответить, «до какого пункта думают идти Ларин и Лукашевский для созыва Областного съезда». Ей показалось, они пока не знают.

Что касается вооруженных сил красных, делегация повторила то, что слышала от жителей Авачи — там было человек шестьдесят и, кроме того, по слухам, к ним должны прийти на помощь еще тридцать из Усть-Камчатска.

Н. П. Косыгин назвал положение, в котором находится городская Дума, «заколдованным кругом». Обе противоборствующие стороны, по их словам, борются за народовластие. «Кому верить? И кто прав и виноват?»

Товарищ председателя ПГД П. Т. Новограбленов обратился с запросом к членам делегации: кто их уполномочивал принимать участие в Завойкинском совещании, и в качестве кого они были там — как частные лица или как представители Думы? В. И. Артюхин объяснил, что «пришлось там быть по необходимости, за малочисленностью собравшихся жителей», и присутствовали они как частные лица.

П. Т. Новограбленов попросил внести в протокол слова Чекмарева, содержащие угрозы Думе в целом по поводу доклада от 16 февраля.

В самом конце заседания, продолжавшегося с половины шестого вечера до половины второго ночи, третий парламентар А. И. Кобцев сделал сообщение такого рода: ему передавали в штабе облнарревкома о получении, «хотя и с большим с трудом», нескольких посылок с пароходом «Охотск». Реакции на это со стороны Думы не последовало.

...Из приказа № 4 генерал-майора Н. А. Полякова войскам обороны г. Петропавловска от 18 февраля 1922 г.: «Гражданами города Петропавловска, ввиду недостатка личного состава служащих Городской Милиции для несения службы по охране спокойствия города днем и ночью, выражено желание организовать ночную охрану города из граждан-добровольцев.

Организацию этого дела приняло на себя Петропавловское городское Самоуправление при участии Статского Советника Н. М. Соколова, который принял на себя руководство охраной города гражданами-добровольцами с присвоением ему звания Начальника Добровольческой Охраны г. Петропавловска».

Город был разбит на три участка. Их начальниками избраны гласные Е. Ф. Одынец, Н. В. Савин и кандидат к гласным С. В. Таланцев.

20 февраля 1922 г. под председательством особоуполномоченного состоялось совещание «по поводу представленных делегацией от Петропавловской Городской Думы сведений о действиях и намерениях лиц, называющих себя Представителями Камчатского Революционного Комитета». На совещании присутствовали Н. А. Поляков, Н. М. Соколов, А. А. Пурин и И. Д. Добровольский. Обсудив создавшееся положение, они единогласно приняли постановление: «1. С момента вручения населением Приамурского края Верховной власти Временному Приамурскому Правительству всякие революционные комитеты в крае упразднены. В частности, Камчатский Рев. Комитет с момента водворения на Камчатке органов власти Приамурского Правительства также упразднен, и всякие с его стороны вооруженные выступления могут рассматриваться только как бунтовщические на территории Приамурского Правительства, и к подавлению таких выступлений Правительством и его войсками будут приняты самые решительные меры.

2. Никакой переброски части экспедиционного отряда не предполагалось, а из состава отряда около двадцати пяти человек, оставивших казенную службу, поступили по вольному найму в коммерческое предприятие и за счет этого предприятия должны были следовать на Западный берег Камчатки для сопровождения транспорта товаров, причем в обеспечение платы за наем нарты и довольствия людей в пути директором фирмы «Китомарус» Пилецким представлен господину Особоуполномоченному залог в сумме десяти тысяч золотых рублей.

Теперь, к сожалению, при создавшейся обстановке отправка транспорта состояться не может, и население, помимо лишения необходимых средств запасов, потеряло крупный заработок.

Войска, присланные Правительством, будут присылаться во все важные пункты Камчатки только для обеспечения мирной жизни и условий спокойного труда Камчатского населения, и, если бы не было вооруженного выступления Революционного Комитета, начавшаяся налаживаться спокойная жизнь ни в чем не могла бы быть нарушена.

Действия всех вооруженных отрядов, присланных Правительством на Камчатку, находятся под контролем Особоуполномоченного, и никаких жалоб (кроме маловажных проступков отдельных лиц, за которые виновные понесли заслуженные наказания) на какие-либо притеснения населению отдельными отрядами к Особоуполномоченному до сего времени не поступило. Правда, были произведены частичные реквизиции у некоторых лиц, торговых фирм, но за все взятое у них Правительство рассчитывается по действительной стоимости товаров.

3. Правительственные войска спокойно жили в городе и не нарушали нормального течения жизни населения до появления вооруженных отрядов, открыто угрожающих городу и его населению. Естественно, что если в семи верстах от города стоит вооруженный отряд, прерывающий всякое отношение города с окрестностями, арестовывая проезжающих с мирными целями, то и Правительственный отряд, пока хотя бы только для обеспечения города от нападения, обязан выставлять свои наблюдательные заставы, согласно Полевого устава, не считаясь ни с какими другими соображениями, так что, естественно, надо требовать, чтобы нарушивший спокойную жизнь населения коммунистический отряд ушел со своих позиций на такое расстояние от города, чтобы последнему не угрожала опасность неожиданного нападения, да и Правительственные войска снимут свое сторожевое охранение».

Четвертый пункт постановления гласил: правительство рекомендовало созвать в Петропавловске при первой возможности съезд от населения всего Охотско-Камчатского края; предполагаемый «чрезвычайный», с участием нескольких волостей, преждевременен и «ничем, кроме произвола коммунистов», не вызываем.

Участники совещания опровергли слухи о Приамурском Правительстве и его органах власти, распространяемые партизанами, кои, проезжая из селения в селение, сбивают с толку мирное население, поскольку оно «не может разобрать в предъявляемом ему на обсуждение материале заведомо ложных сведений». «Власть Приамурского Правительства, — утверждалось в постановлении, — крепнет и распространяется на новые районы».

Накануне совещания при особоуполномоченном, 19 февраля 1922 г., И. Е. Ларин подписал следующий документ: «Доводится до всеобщего све-

дения, что сего числа после временного перерыва Камчатский Областной Народно-Революционный Комитет приступил к дальнейшей работе по управлению областью в полном своем составе за исключением члена Комитета Александра Дубкова, который командирован в Командорский уезд. Всю корреспонденцию, телеграммы адресовать на имя Областного Комитета».

Согласно постановлению облнарревкома от 28 октября 1921 г. (дата его ухода в «сопки» партизанить. — *В. П.*) № 66, «все распоряжения, изданные правителем Биричем и бандитами Бочкаревым и Поляковым, отменяются».

...20 февраля 1922 г. гласные собрались вновь для выработки резолюции по докладу мирной делегации. Как и в предыдущий раз, в зале находились Н. М. Соколов, Н. А. Поляков, А. А. Пурин и И. Д. Добровольский — все с правом совещательного голоса.

Председатель ПГД Ч. К. Щипчинский обратился к присутствующему на заседании руководителю Сероглазкинскому сельского комитета В. Г. Крупенину с вопросом, какие он имел данные о насилии над мирным населением вооруженных людей «из партии областного комитета». При этом Щипчинский зачитал две бумаги, поступившие в адрес ПГД от штаба облнарревкома, где содержались угрозы привлечь к ответственности Думу в полном составе за ложные обвинения.

В. Г. Крупенин отвечал: два охотника из села встретили «около Налочевой отряд большевиков, который требовал, чтоб последние поступили в их ряды, а после отказа им было приказано возить на собаках икру, юколу и прочие продукты; братьям Черных были тоже подобные приказания, а также многие другие лица заявляли, что большевики не дают работать, задерживают по дорогам и заставляют возить их вещи». Председатель сельского комитета Сероглазки подтвердил необходимость ее охраны «ввиду письменных угроз большевиков, что они нападут на деревню». Он представил Думе копии трех жалоб в сельский комитет от разных жителей.

В. И. Артохин: «В бытность делегации на Завойкинском совещании, представители Сероглазки особенно не настаивали на снятии поста из их селения, но все-таки говорили, что лучше бы его убрать, дабы не было на них первых нападений большевиков, и от боя не пострадало мирное население».

В. Г. Крупенин счел нужным добавить: ему известно о намерениях красных, и, несмотря на их утверждения («идут бороться за народную власть»), им никто не поверит, так как «у них одни лишь хищники в отряде, которые нас погубили тем, что уничтожили всякого зверя, поэтому и нужно их послать туда, откуда они пришли». «Хищники» не только крали добычу из чужих капканов, но стреляли пушного зверя во время запусков, когда охота на него была запрещена.

(Эти и последующие затем выступления приводятся по протоколу заседания Думы от 20 февраля 1922 г.).

«Новограбленов П. Т. предлагает прекратить ни к чему не ведущие разговоры и находит, что рассуждать о банде разбойников — это терять авторитет Думы, которой нужно лишь обсуждать об интересах города, а не о шайке большевиков.

Председатель Щипчинский Ч. К. находит, что обсудить этот вопрос необходимо, основываясь на письменных угрозах Думе от Штаба Комитета.

Новограбленов П. Т. заявляет, что делегация из гласных была послана к большевикам для вручения постановления Думы, а не входить в сделки с разбойниками.

Председатель Щипчинский Ч. К. предлагает Думе в последний раз обсудить вопрос об угрозах большевиков всему составу Думы и вынести определенную резолюцию и в дальнейшем дело предоставить военным властям на их усмотрение.

Артюхин В. И. того же мнения, что и Щипчинский Ч. К.

Новограбленов П. Т. добавляет, что к власти Временного Приамурского Правительства, установившей известный порядок, наладившей государственный аппарат и т. п., нам нужно обратиться для ликвидации выступившей с угрозами шайки большевиков.

Павлов В. А. заявляет, что с делегацией Думы члены Комитета от переговоров уклонились, и пришлось им иметь разговоры только со второстепенными лицами, и теперь Дума, выслушав делегацию, ознакомившись с отношениями Штаба Комитета и заслушав протокол заседания Особоуполномоченного Временного Приамурского Правительства, должна вынести или определенную резолюцию или же — принять к сведению».

Щипчинский поддержал Павлова. Прекратив прения, гласные избрали комиссию по составлению резолюции, куда, помимо председателя Думы, вошли П. Т. Новограбленов, В. А. Павлов, В. И. Артюхин, Е. А. Колмаков и И. Д. Грызлов.

После часового перерыва резолюция была зачитана и единогласно принята открытым голосованием. В ее постановляющей части говорилось: «Предложить так называемому Революционному комитету и его вооруженным людям во имя спасения Камчатки и предотвращения братоубийственной бойни не предпринимая никаких активных выступлений, мирно разойтись, а разрешение всех вопросов, касающихся Камчатской области, предоставить будущему съезду, который должен быть созван в начале апреля с. г. в Петропавловске местными представителями Приамурского Временного Правительства из представителей населения Камчатской области, избранных без всякого давления с чьей бы то ни было стороны, а не тому съезду, который предполагает сделать в данное время коммунистическая партия под своим давлением.

По поводу снятия воинских частей из с. Сероглазки и сельскохозяйственной фермы Городское Самоуправление считает себя не в праве вмешиваться

в действия военных властей, но вполне уверено, что с очищением мест, занятых красными, будут очищены и вышеупомянутые местности Правительственными войсками.

Действия каких-либо политических партий, в особенности коммунистической, на Камчатке Дума считает недопустимыми и вредными для общего спокойствия жителей Камчатки, а равно вредными и для проведения в жизнь идей народовластия.

Порчу красными телеграфной линии на 6-й версте от города Петропавловская Дума считает умышленным актом со стороны коммунистов лишить возможности население города обмениваться мнениями с населением Петропавловского уезда в столь серьезное и ответственное время.

В случае, если после всего этого вооруженные отряды красных не разойдутся мирно, то Петропавловская Городская Дума считает себя обязанной заявить, что единственными виновниками могущих разыгаться на Камчатке событий являются именно лица, продолжающие именовать себя Камчатским Областным Комитетом и его агентами».

Облнарревком отреагировал на этот документ 22 февраля.

«Отношение Петропавловской Городской Думы к предстоящим событиям в России и, в частности, на Камчатке, выразившиеся в том, что Дума стала на защиту сфабрикованного иностранцами и ютящегося под крылом интервенции так называемого Временного Приамурского правительства и его агентов — сложилось не свободно, а под давлением кучки разнузданной военщины, произведшей в период заседаний Думы целый ряд арестов, избиений и других варварских приемов.

Арестованы десятки мирных, не причастных к вооруженной борьбе граждан, в числе которых есть старики и женщины, которым угрожают расстрелом. Под такой шум и бряцание оружием над головами безоружных граждан и арестованных Петропавловская Городская Дума другой резолюции вынести не могла.

Заявление Думы о том, что Областной Комитет лично уклонился от переговоров, основано на непонимании положения и враждебности к Комитету некоторых заправил. Областной Комитет впредь до возвращения из области в Петропавловск доверил, как руководство военными операциями, так и могущими возникнуть мирным переговорам, назначенному им с согласия всех отрядов Штабу, состоящему из пяти лиц.

Все факты, приводимые Думой, и допущенные выражения, как в Обращении, так и в резолюции, не только не лояльны, но глубоко оскорбительны для каждого честного русского, не продавшегося иностранцам, человека. После допущенных выражений не стоило бы ей говорить о том, что Думе беспричинно грозят.

Правительство, образовавшееся в части Приморья, занимаемой иностранными войсками, с помощью этих войск, и могущее существовать толь-

ко до увода иностранных войск с Приморья, не имеет никаких прав на Камчатскую область, переданную Дальневосточным Учредительным Собранием РСФСР, следовательно, не имеет никаких прав упразднить Камчатский Областной Народно-Революционный Комитет. Областной Комитет заявляет, что он будет продолжать работу до передачи своих полномочий Четвертому Камчатскому Съезду».

Реакцией на позицию Думы явилась и резолюция общего собрания всех военных отрядов облнарревкома от 22 февраля, принятая, подобно думской, единогласно.

На этом собрании, судя по резолюции, зачитывались какие-то документы за подписью генерала Полякова, из коих стало «ясно видно, что предполагалась переброска в Тигиль сорока отрядников, как их называет Поляков, и ничего не видно, чтобы это были бы добровольцы на частную службу».

Предложение Думы мирно разойтись прозвучало для красных «слишком наивно» и не могло быть выполнено «ни в коем случае» до съезда, созываемого ревкомом.

Обещания Приамурского правительства не преследовать тех, кто прекратит с ним вооруженную борьбу, собрание называет «самой бессовестной и наглой ложью», поскольку, «сразу же после этих вероломных заявлений начались аресты, насилия и убийства». В качестве примера приводится Петропавловск. «Со дня появления в городе насильников десятки граждан арестованы и увезены во Владивосток, гражданин Чужих зверски убит, десятки томятся в настоящее время в Петропавловской тюрьме и на пароходе “Свирь”. Причем все это мирные, ни в чем не повинные граждане».

В словах Думы о недопустимости действий на Камчатке компартии красные увидели «трусливые уши агентов Меркулова (председатель Приамурского правительства. — *В. П.*), которым коммунисты мерещатся днем и ночью».

«К великому сожалению, — говорилось в резолюции собрания, — в Отрядах и в Области коммунистов нет, за исключением двух-трех человек, не имеющих влияния на общий ход событий. В числе членов Камчатского Областного Народно-Революционного Комитета также только один коммунист.

Принимая все вышесказанное во внимание, и в то же время идя навстречу обманутому и закабаленному населению города, Общее Собрание Отрядов совместно со Штабом доводит до сведения Думы:

а) Впредь до решения созываемого Областным Комитетом Съезда Штаб Отрядов снимает свои передовые посты с местностей в районе города и не будет начинать в этой местности боевых действий.

б) В том случае, если вооруженный отряд Полякова и Бирича будет пытаться продвинуться от занимаемых им позиций и вблизи находящейся деревни по направлению тракта или в тайгу, Штаб Отрядов Областного Комитета примет меры для ликвидации этих попыток и снова оцепит город с тем,

чтобы окончательно ликвидировать никем не прошенных “правителей”. Ответственность за кровопролитие и разрушения, могущие произвестись в таком случае, Штаб с себя снимает.

в) Продвижение мирных граждан по своим делам ничем не будет нарушаться и может происходить вполне свободно, за исключением лиц, активно способствующих Биричу и Полякову. Дума, однако, должна предупредить население города, что те, которые повезут в Область вооруженных людей Полякова и Бирича или черносотенную противонародную литературу, будут задержаны и оставлены для обслуживания нужд отрядов.

г) Восстановление телеграфной линии впредь до решения созываемого Съезда допущено ни в коем случае не будет. Штаб Отрядов одновременно ставит в известность Городскую Думу и город, что верным для восстановления порядка свободы и спокойствия, как в городе, так и в Области, является отъезд отряда Полякова из города, на чем необходимо настаивать всему населению.

В случае очищения отрядом Полякова и Бирича города никаких преследований и репрессий против противников Камчатского Областного Народно-Революционного Комитета допущено не будет.

С отходом военных отрядов Камчатского Областного Комитета с позиций, занятых ими вблизи города, Штабом Отрядов выполнена та просьба, которая выражена в протоколе Чрезвычайного Общего Совещания из представителей местных жителей Завойкинской волости, полученной в штабе 20 февраля с. г.

В заключение пусть будет известно Городской Думе, что все участники Отрядов глубоко возмущаются той наглой ложью, которая распространяется о России среди Камчатского населения агентами исчезающего с горизонта черносотенного правительства.

Несмотря на то, что Россия переживает тяжелое стихийное бедствие — неурожай, на Камчатку было отправлено необходимое продовольствие, материалы и товары на зафрахтованном английском пароходе, но военные суда преступного Владивостокского правительства не пропустили этого судна на Камчатку. Черносотенцы, замаскированные в тогу народовластия, и сами решились, пока не поздно, извлечь пользу из Камчатки. Для этой цели ими введена на Камчатке военная (видимо, винная. — *Ред.*) монополия, ввезено в Петропавловск тысячи ведер спирта и посланы отряды отборных вояк, немало проливших народной крови в Приморье, где они известны и старому, и малому.

Мы, участники Отрядов Комитета, верим, что все это продлится недолго: в самом скором времени созываемый съезд одобрит действия Комитета и ликвидирует этих авантюристов, пытающихся, где за спирт, а где силой, захватить на Камчатке народные ценности.

Мы убеждены, что население Камчатской области до полной ликвидации народных врагов по всей России и в горе, и в радости будет с матерью Росси-

ей и ее передовым народом, а не укрывшимися на далекую окраину России отжившими свой век черносотенцами и авантюристами.

Копию настоящей резолюции препроводить Городской Думе».

19 марта 1922 г. в комиссию по составлению документа «в ответ на письмо Революционного Штаба» обратился А. А. Пурин.

«В июле 1921 г., — писал он, — в Японском море в нейтральной зоне посыльным судном “Взрыватель” был обстрелян пароход “Ральф Моллер”, шедший под английским флагом на Камчатку. Несмотря на пробоину, “Ральф Моллер” вместе с “Батареей” были задержаны и доставлены в японский порт.

На пароходе “Ральф Моллер” оказалось большое количество оружия, военное снаряжение, чекисты (члены чрезвычайной советской комиссии для производства террора и арестов), человек пятнадцать советских комиссаров во главе с Кларком и [...] Воловниковым-Фрумкиным. При наличии такого опасного груза японские власти совместно с английским консулом признали задержание парохода “Ральф Моллер” вполне правильным в интересах защиты порядка от произвола и покушений коммунистов на спокойную жизнь камчатского населения.

“Батарея” была освобождена и возвратилась во Владивосток, а пароход “Ральф Моллер”, груз и советские комиссары арестованы.

По дополнительным сведениям, Кларк (назначенный руководителем Камчатской области. — *В. П.*) и сопровождавшие его советские комиссары высланы обратно в Шанхай [...] Отпущенное советским правительством для содержания чекистов, подкупа китайских властей и прочего золото присвоено, по сообщениям газет, Кларком [...]

1 марта 1922 г. Х. П. Бирич издал приказ № 167/174. Согласно ему, «вследствие ухода коммунистических отрядов из окрестностей города и возвращения наших воинских частей в Петропавловск, окарауливание города» возлагалось на военных, а добровольческая охрана «от принятой на себя обязанности» освобождалась.

В именном списке добровольцев, представленном Х. П. Биричу начальником охраны Н. М. Соколовым, значилось девяносто три, а в местной газете — девяносто семь человек; эта публикация после возвращения в город красных вплоть до 1940-х гг. являлась своего рода компроматом и так или иначе повлияла на судьбу каждого из перечисленных в ней жителей Петропавловска.

Список открывал Артюхин, а завершал Щипчинский. Среди добровольцев были гласные С. Ганцев, Н. Косыгин, И. Новограбленов, В. Огородников, Е. Одынец, И. Ревацкий, кандидаты к гласным Л. Валицкий, Т. Вичиркин, Т. Головань, А. Кобцев, С. Таланцев, П. Федоров, Д. Шигаев.

С установлением советской власти одни участники охраны Петропавловска утверждали, что учредили ее, чтобы ввязать население в вооружен-

ную борьбу на стороне белых, другие — исключительно с милицмейскими функциями. Второй точки зрения придерживался Е. Ф. Одынец, называвший караулы не дружинами, а постами на Первой, Второй и Третьей улицах... По его мнению, инициатива их организации принадлежала Биричу и Соколову. Существовала и третья точка зрения: охраняли город от пьяных белогвардейцев.

В приказе особоуполномоченного от 1 марта 1922 г. отмечалось, что за «редким исключением все являлись на свои заставы и посты в назначенное время и несли службу вполне добросовестно с полным сознанием важности принятой на себя обязанности, чем способствовали поддержанию в городе полного порядка и спокойствия и созданию среди жителей города уверенности в том, что, несмотря на близость нарушителей нормальных условий жизни городского населения, город вполне гарантирован от опасности неожиданного нападения и какого-либо ночного переполоха».

«Так как ночная охрана, — говорилось в приказе, — была организована при участии Городского Самоуправления в помощь городской милиции ввиду недостаточного состава последней, я считаю себя обязанным принести свою глубокую благодарность Петропавловскому Городскому Самоуправлению за оказанное в этом деле содействие местной административной власти и горячо благодарю всех участвовавших в организации добровольческой охраны, а равно и всех добровольцев, потрудившихся на пользу общего дела по охране спокойствия и безопасности населения города».

Тем же днем, 1 марта 1922 г., датирован иной приказ — штабу соединенных отрядов облнарревкома, подписанный его председателем И. Е. Лариным: «Занять боевые позиции около города. Установить секретные посты по тракту, ведущему по направлению сел. Завойко. Ввиду того, что так называемые войска некоего Приамурского Временного Правительства не снимают своих постов с пунктов сельскохозяйственной фермы и Сероглазки — организовать сильный боевой отряд — Летучий — из отборных охотников впредь до прихода из области подкрепления, где спешно, независимо от созыва (облнарревкомом. — В. П.) 2-го Петропавловского Уездного съезда, предпринимаются меры к организации боевых отрядов.

Задача летучего отряда: делать набеги и быть готовым к засаде в случае, если бочкаревы попытаются проникнуть по тракту — в таком случае лучше их пропустить, а затем уже напасть.

Снять с колонии прокаженных и маяка телефоны, установить таковые для связи с Комитетом.

Для продуктивной и согласованной работы штаба с Комитетом — назначается при штабе уполномоченный Областного Ревкома М. И. Славский-Савченко (председатель Петропавловского укома РКП(б). — В. П.) — без одобрения которого штаб не может решать ни одного вопроса.

О всех действиях отряда и штаба периодически информировать Комитет, для чего впредь до установления секретного телефонного сообщения установить связь нарочным. Одновременно Комитет также будет информировать штаб о своих действиях».

1 марта 1922 г. И. Е. Ларин «по уполномочию Всероссийской Центральной Коммунистической партии» выпускает еще один боевой приказ № 1 членам Петропавловской уездной организации РКП(б). Они объявляются мобилизованными. Им предлагается «принять самое активное участие в осаде г. Петропавловска и охране дороги по тракту, лежащему по направлению к сел. Завойко в рядах Камчатского Областного Народно-Революционного Комитета».

«Члены партии, — гласит приказ, — должны своим примером увлечь рядовых членов отряда, не взирая на болезни, холод и голод [...] За нарушение означенного приказа будет доведено до сведения Центрального Комитета партии на предмет привлечения к суду Военно-Революционного Трибунала членов, нарушивших означенный приказ».

Приамурское правительство постоянно подчеркивало, что приняло на себя тяжелый труд национального возрождения былой Великой России, а также городских и сельских самоуправлений на законных началах, как единственных выразителей пожеланий народа, считая их первыми помощниками правительства в решении общих задач.

Именно это имел в виду Х. П. Бирич, направляя 2 марта 1922 г. письмо в ПГД. В этом письме он информировал ее о своем стремлении поднять культурный уровень населения — самый мощный рычаг «к пробуждению национального самосознания и любви к Отечеству». Особоуполномоченный обращал внимание Думы на положение школы, называя школу первейшим рычагом, излучающим свет знаний и вносящим оздоровление в народную жизнь во всех ее проявлениях.

«Городские школы, — писал он, — переживают острейший кризис по неимению отопления. Я взываю к Петропавловскому городскому Самоуправлению: помогите школе, не дайте ей умереть. Не забывайте, граждане гласные, что где нет школы, там нет тепла и света, и дети — наши надежды — бродят ощупью во мраке, постепенно теряя те божественные искры, которые заложены природой в человека при его появлении на свет Божий. Придите с посильной помощью. Я же, со своей стороны, приложу все усилия, чтобы при содействии вашем школа вознеслась на высоту, ей подобающую».

К школе местные самоуправления, подчеркивал Х. П. Бирич, не могут относиться равнодушно, так как жажда знаний является врожденным инстинктом здорового человека. Самоуправлениям нельзя упускать из виду школу, она, несмотря на политические и другие осложнения, должна жить нормальной жизнью и вести подрастающее поколение «правильным путем к идеалам человечества».

Между тем, Бирич по роду своей деятельности в прошлом не имел никакого отношения к системе образования. Его интересы как рыбопромышленника лежали в иной сфере. Достаточно перечислить названия докладов, сделанных им до революции на совещаниях, где собирались люди его профессии: «О найме русских рабочих на рыбные промыслы Камчатки», «Об утилизации крабов», «О предоставлении русским рыбопромышленникам права беспошлинного ввоза рыбопромысловых грузов на их рыбалки и права фрахтования иностранных судов», «Об устройстве телефонов и дековилек (узкоколейных железных дорог. — *Ред.*) между рыболовными участками Камчатки». (Следует отметить, что Х. П. Бирич был первым, кто в 1911 г. предложил привлекать учащихся камчатских школ к практическим занятиям на русских рыбоконсервных заводах. Так он мыслил организовать на полуострове подготовку отечественных специалистов-консервщиков. — *Ред.*).

Письмо особоуполномоченного было отчасти ответом на бумагу, посланную ему 18 ноября 1921 г. активным думским деятелем, заведующим училищами Камчатской области П. Т. Новограбленовым, который писал: школы находятся «более чем в печальном положении», но вот обе городские «в отношении снабжения орудиями труда представляют счастливое исключение» и для их успешной работы «нужны две вещи: топливо (уголь, дрова) и жалование педагогическому персоналу».

Для того, чтобы система образования соответствовала элементарным требованиям правового государства, необходимо, по мнению Новограбленова, особоуполномоченному выступать в качестве официального попечителя учебного округа, «как это раньше лежало на Камчатском Губернаторе. Все учебные заведения должны быть государственными. Даже Петропавловское городское Самоуправление не в состоянии содержать ни одной школы в городе, и школы областного города будут владеть жалкое существование, если Правительство будет настаивать на передаче школ городу».

18 марта 1922 г. состоялось внеочередное заседание ПГД. Обсуждался текущий момент — «в связи с вооруженным выступлением большевиков». В заседании — согласно его протокола — приняли участие делегаты близлежащих волостей: Мильковской и Малкинской, представители Завойкинской и Паратунской, а также «большое количество частной публики».

Выяснилось, что население Петропавловского уезда не в курсе последних политических событий, а точнее — антиправительственной акции, предпринятой членами обларревкома с целью свержения существующей власти.

Гости из волостей пожелали ознакомиться «со всем письменным материалом, касающимся большевиков-коммунистов, и всех мер, какие были предприняты Правительством и городской Думой для бескровной ликвидации этой авантюры», а также получить словесные объяснения, если что-то покажется им не совсем понятным. Дума открытым голосованием постановила

удовлетворить просьбу представителей волостей и вторично заслушать всю переписку по данному вопросу.

После этого место председательствующего занял П. Т. Новограбленов, зачитавший совместно с городским головой Е. А. Колмаковым думские, прavitельственные и облнарреврокомовские бумаги.

Сам же председатель ПГД Ч. К. Щипчинский покинул зал заседаний. Свою позицию он изложил письменно: «Думское заседание господ гласных, в моих глазах, казалось более серьезным, чем всякие собрания кооперативных и других народных организаций, на которых зачастую решались весьма несерьезные вопросы. В думских заседаниях всегда приходилось решать серьезные вопросы, как экономического, так и политического характера, что и делалось до 18 марта с. г.

Но с созывом Думы 18 марта мы (я и городской Голова) поступили слишком легкомысленно, так как, по существу, не было достаточных заявлений для заседания таковой... и нам надлежало исправить свою ошибку, но я не нашел поддержки ни со стороны городского Головы, ни со стороны гласных.

Дело в том, что созыв Думы устроен согласно словесного заявления городского Головы о желании прибывших делегатов от четырех волостей Петропавловского уезда ознакомиться с положением дел в г. Петропавловске, а равно, в свою очередь, познакомить Думу с постановлениями своих частных съездов.

Подобное заявление и заставило меня согласиться на созыв Думы. В действительности же оказалось совершенно иное: были лишь представители в количестве трех от двух волостей — Мильковской и Малкинской. Документы же, представленные делегатами, не содержали в себе ничего существенного, мало-мальски соответствующего заявлению городского Головы. После ознакомления Думы с этими бумагами я предполагал, что вполне достаточно словесно поставить в известность делегатов о положении дел, не зачитывая всего делопроизводства Управы по текущему моменту.

Но некоторым гласным почему-то (на следствии в ГПУ год спустя они скажут, что хотели знать содержание протоколов, так как не все, особенно по части формулировок, доводились до них руководством Думы. — *В. П.*) потребовалось зачитывание всех Думских протоколов, а на мое заявление, что делегаты получают копии зачитываемых документов, эти гласные все же настойчиво требовали дальнейшего чтения думских постановлений.

К этому следует добавить и то, что делегаты сами заявляли, что их население послало в Петропавловск лишь для ознакомления с положением дел в городе — отнюдь не с целью информации городского населения с постановлениями их общественников.

Такое, по существу, несерьезное Думское заседание и заставило меня покинуть таковое, попросив заместить меня товарищем председателя и по-

дать на следующий день городскому Голове докладную записку о выходе моем из числа гласных».

Объяснительная записка датирована 25 марта 1922 г. (Тем не менее, Ч. К. Щипчинский остался и гласным, и председателем ПГД).

...Выслушав мнения депутатов и представителей волостей, ПГД поручила выработать резолюцию по всему оглашенному материалу для опубликования «во всеобщее ведение» граждан Петропавловского уезда и области.

Резолюция ПГД от 18 и 20 марта 1922 г. явилась ответом на документы красных (и, прежде всего, общего собрания отрядов облнарревкома), которые ранее, 7 марта, были ею приняты к сведению без обсуждения.

Дума подтвердила свою ориентацию на Временное Приамурское правительство, исходя из того, что Камчатка по своему географическому и экономическому положению собственной политики делать не может. К тому же, Приамурское правительство, по мнению гласных, безусловно, национальное и демократическое...

Возмущенная «наглым заявлением красных» по поводу ее, якобы, продажности иностранцам, ПГД напомнила о посылке мирной делегации из числа гласных в партизанский стан, своем призыве к населению предотвратить назревающий вооруженный конфликт, благодаря чему удалось в самый острый момент избежать пролития «русской крови на Камчатке в братоубийственной войне».

В решении отрядников не расходиться по домам Дума увидела «то самое намерение, которым руководствовались красные при своем первоначальном выступлении и которое руководит ими сейчас, когда они продолжают грубо нарушать мирную жизнь населения, преследуя лишь свои хищнические эгоистические интересы, стремясь к власти».

Партизаны пытались убедить ПГД, что среди них всего лишь два-три коммуниста. Дума расценила это как «желание выставить себя действительными защитниками интересов Камчатки, учитывая, что население ее к коммунистам относится отрицательно». Думцы не сомневались в том, что красный отряд целиком под влиянием коммунистов (во главе с М. И. Савченко-Славским), «желающих на Камчатке установить “земной рай”», от которого с голоду вымерло и вымирает в России миллионы ни в чем не повинных людей».

По поводу репрессий в отношении гражданских лиц Дума сочла необходимым заявить следующее: все взятые под стражу — кроме одного — освобождены, даже член ревкома И. И. Флетчер и красный отрядник С. А. Селиванов, как добровольно сдавшие властям оружие; из восьми высланных во Владивосток только Н. Белокопытов — местный житель, и о его возвращении городское самоуправление возбудило ходатайство еще до выступления красных в феврале; П. Чужих, подозреваемый в убийстве трех офицеров два

года назад, застрелен при попытке к бегству. Иными словами, ПГД отвергла утверждение облнарревкома о белом терроре в Петропавловске.

Думцы были уверены, что большевики ошибаются, говоря о введении винной монополии на Камчатке. «Правительством, — говорилось в резолюции ПГД, — разрешена лишь свободная торговля алкоголем при соблюдении всех законных требований в целях уничтожения спиртной контрабанды и отравлений спиртовыми суррогатами».

ПГД довела до населения свою позицию: красным следует освободить всех мирных жителей, которых они удерживают; врачи, священники и другие гражданские лица должны свободно передвигаться по Камчатке...

На думском заседании выступила гражданка Н. Л. Лосева, поведавшая о тяжелом семейном положении в связи с задержанием красными больше месяца назад ее мужа Е. С. Самсонова — каюра у полковника Лукомского, выехавшего в сторону селения Завойко.

Делегаты и представители волостей, присутствующие на заседании, расценили подобные действия красных как насилие над мирным населением. И Дума открытым голосованием постановила просить их «обратиться с требованием к большевикам о немедленном освобождении всех задержанных граждан г. Петропавловска и впредь никого не задерживать, так как все арестованные здесь по подозрению в коммунизме уже освобождены». Представители и делегаты волостей Петропавловского уезда дали на это согласие.

Последние два вопроса, рассмотренные в Думе 20 марта 1922 г., не имели никакого отношения к политике: перевод земельных участков с одних лиц на имя других, согласно дарственной записи (засвидетельствованной мировым судьей) и нотариального условия о продаже дома. ПГД постановила выдать в обоих случаях соответствующие удостоверения.

Во второй половине марта городская Управа информировала жителей областного центра о налогах текущего года.

Оценочный сбор с недвижимых имуществ устанавливался в размере 0,5 % с рубля; земельные участки под постройки облагались налогом от трех до пяти копеек. С торговых и «складочных предприятий», приносящих доход, в городскую казну шло по восемь копеек за каждую квадратную сажень.

С владельца шаланды взималось 10 руб., кунгаса (как и рабочей лошади) — 5, моторной лодки или катера — 2 руб. «с силы». Якорная стоянка коммерческого судна в Ковше стоила 30 руб., а в городских водах Авачинской губы — на 10 руб. меньше. Попудный сбор за грузы самоуправление определило в одну копейку.

Пуд заготовленного в городских владениях сена обходился косарям в пять копеек, а погонная сажень дров порубщикам — в полтора рубля. С бревен брали в казну города по пятаку (с каждого), с жердей — вдвое больше. Дворовая, охотничья собака — три рубля, ездовая — полтинник. Самые боль-

шие сборы были установлены для владельцев питейных заведений. Чтобы получить разрешение на ренсковый погреб, надо было уплатить 300 руб., столько же на трактир второго разряда (первого — 600).

В конце марта 1922 г. в правление Союза домовладельцев поступило заявление от его председателя, гласного ПГД Н. П. Косыгина. «Я, местный житель Петропавловска, 24 марта вез бочку с водою себе домой от церковного ключа. Не доходя до дома, позади меня шел какой-то солдат и начал меня понукать, как на лошадь, со свистом, я обернулся и увидел, что шедший солдат был пьяный...»

Косыгин ответил военному, мол, лучше бы помог довести, чем подсмеиваться. А везти воду ему в самом деле было тяжело. Попавшийся навстречу другой местный житель Н. П. Флетчер прикинул, что в бочке пудов десять, не меньше. Солдат же не оставлял своего занятия. Думец повторил просьбу. Солдат отошел сажени на две и матюгнулся на обоих штатских: «Эх, вы, иерусалимские обломы...»

Н. П. Косыгин не выдержал: «Зачем ты, дурак, шатаешься здесь! Ходит публика...» Солдат ударил думца по лицу. Увидев в стороне еще двоих казаков и среди них знакомого Власова, Косыгин, как руководитель Союза домовладельцев, попросил их задержать обидчика вплоть до объяснения у генерала Полякова, куда Косыгин пообещал явиться вместе с городским головой. Солдаты взяли своего сослуживца (он назвался Осьмининым) под руки и увели в направлении военного городка.

«Грубые действия со стороны чинов воинского отряда с коренным жителем Камчатки, — говорилось в заявлении Н. П. Косыгина в правление Союза домовладельцев, — могут привести к печальным последствиям и подорвать престиж существующей областной власти». Заявитель просил разобрать это дело и принять меры к предупреждению сходных явлений в будущем.

Принимая во внимание, что такого рода случай не единичен и подобное недопустимо «для мирного течения жизни», а также то, что потерпевший не только председатель Союза домовладельцев, но и гласный ПГД, правление высказалось за срочный созыв Думы по этому вопросу.

28 марта по приказанию начальника штаба Северного экспедиционного отряда (СЭО) Н. А. Полякова ротмистр Муратовский сообщил Косыгину: дознание об оскорблении действием его приказным 1-й сотни Хомяковым, произведенное военным летчиком полковником Андреевым, препровождено мировому судье Петропавловского и Командорского участка.

Когда 5 апреля Дума разбирала инцидент, мировой судья возвратил дело, ввиду его неподсудности, и теперь оно, по уверению генерала Полякова, будет слушаться в полевом суде во Владивостоке.

Между тем, в указанном выше документе за подписью ротмистра Муратовского содержалось разрешение гласному Косыгину вызвать обидчика на дуэль, как нанесшему «в публичном месте оскорблением действием».

Привлечение казака к наказанию полевым судом Дума признала достаточным и никакой резолюции по поводу инцидента не вынесла. Недовольный этим гласный Н. П. Косыгин остался при своем мнении.

После жалобы Косыгина (подтвержденной Н. П. Флетчером) ПГД заслушала отношение генерал-майора Н. А. Полякова за № 302 от 29 марта 1922 г. на имя городского головы: «Прошу предложить Думе вынести постановление о воспреещении жителям приглашать к себе в гости чинов 1-й сотни СЭО и угощать их спиртными напитками, так как никто из нас не имеет ни копейки, и мы не имеем возможности пить на свои средства, и если пьем, то — нас угощают жители или в кредит в столовой “Камчатка”».

Пожелание генерала было принято к сведению без вынесения определенной резолюции.

На думском заседании 5 апреля первым стоял вопрос о посылке делегата на съезд представителей нескольких волостей, созываемый по инициативе Мильковского и Завойкинского комитетов в с. Мильково. Гласный П. П. Рубецкий доложил Думе, что он, будучи по служебным (врачебным) делам в с. Завойко, читал протокол заседания представителей этих волостей по созыву съезда: руководителю облнарревкома И. Е. Ларину предлагалось дать письменную или словесную гарантию неприкосновенности городских депутатов «от насилий большевиков при поездке их на съезд», но он таковой гарантии не дал. Более того, имеются сведения, согласно которым отрядом красных принимаются меры к задержке делегатов и недопущению их в Мильково.

Выслушав доктора Рубецкого и детально обсудив положение, Дума тайным голосованием (один к семнадцати) от посылки своего представителя на мильковский съезд воздержалась. При принятии этого решения были учтены данные о задержании красными местного населения при проезде из уезда в город, а также обысках и насильственном изъятии имущества у некоторых лиц (жителя Большеерецка А. П. Корюкина и Сероглазки — П. А. Крупенина). По поводу заявления Крупенина «о насилиях над ними большевиков по Завойкинской дороге при переезде из с. Паратунки, выразившееся путем обыска и угроз», думцы единогласно поручили городской Управе приложить копию заявления к документам и послать на созываемый в Мильково съезд — для сведения.

В постановлении Думы от 5 апреля 1922 г. говорилось: «Несмотря на то, что Особоуполномоченным и военными властями предпринимались все меры к предотвращению кровопролития между правительственным отрядом и коммунистами, как русскими людьми, и в городе текла вполне спокойная жизнь, большевиками зверски произведено убийство солдат и один ранен, ездивших в лес по дрова, и уведено четыре лошади, потому нельзя быть уверенным, что и на представителя народа невозможно подобное же нападение...

Городская Дума считает большевиков-коммунистов не защитниками трудового народа, а просто бандитами на большой дороге».

Представитель особоуполномоченного Н. М. Соколов, со своей стороны, заявил: делегат от администрации не будет направлен на съезд по тем же причинам, что и думский, а также ввиду невозможности, при всем старании, достичь компромисса с большевиками, и «придется с ними действовать не словами, а с оружием в руках, как с бандитами».

Н. М. Соколов подчеркнул: правительством намечен созыв областного съезда, в компетенции которого обсуждать экономические и политические вопросы. Съезд же в Мильково следует рассматривать только как волостной, решающий местные проблемы.

Дума приняла к сведению телеграмму военной администрации Охотско-Камчатского края полковника Валериана Ивановича Бочкарева и оперативную сводку «о движении и занятии его отрядом многих важных северных пунктов до г. Якутска включительно совместно с коренным населением тех местностей».

Тайное голосование по седьмому пункту повестки выявило разный подход думцев к внутренней охране Петропавловска из числа горожан в помощь милиции. При тринадцати голосах «за», четырех «против» и одном воздержавшемся постановили: «Охрана города и горожан, безусловно, необходима». Вторичное открытое голосование продемонстрировало единодушное мнение по обсуждавшемуся вопросу: вменить в обязанность всем проживающим в городе лицам (русским подданным) нести внутреннюю охрану в помощь городской милиции, согласно инструкции, каковую должны выработать ее начальник и городской голова.

Дума поручила также начальнику милиции взимать с прописки паспортов иностранных подданных, поскольку те, пользуясь наравне с русскими городскими угодьями, не платят никаких налогов — по три рубля, в расчете, что 1 руб. 25 коп. пойдет в доход города, а остальное — «на больницу».

ПГД установила пятипроцентный сбор на городские нужды с постановщиков спектаклей, иллюзиона (кинопоказа) и прочего, устраиваемого в Народном доме.

Протокол заседания ПГД от 5 апреля 1922 г. безоговорочно подписали тринадцать из семнадцати присутствовавших на заседании народных избранников; Г. П. Миничев — за исключением седьмого пункта об охране города. В протоколе отсутствуют подписи В. А. Павлова, Н. В. Флетчера и П. И. Федорова. Два дня спустя гласный В. Е. Лунев попросил исключить его из состава Думы, так как не имеет возможности участвовать в ее работе.

Помимо Н. М. Соколова, на заседании Думы 5 апреля был еще один представитель Приамурского правительства, член Особого Сопровождающего по камчатским делам, первый демократически избранный в 1917 г. руко-

водитель области А. А. Пурин, несколько лиц от населения уезда и граждан Петропавловска.

7 апреля 1922 г. председатель Думы Ч. К. Щипчинский и городской голова Е. А. Колмаков обратились в штаб нарревотряда с письмом на имя Г. Елизова. Они просили вернуть «наших собак», то есть нарту гласного А. И. Кобцева, отправленного Думой в стан красных с заданием узнать, жив ли полковник Лукомский. Думцы полагали, что он, подобно Лукомскому, задержан партизанами, в то время как Кобцев был перебежчиком.

Неделю спустя облнарревком получил документ иного характера. Его копии предназначались сельским и волостным комитетам — органам власти на местах. В этом документе содержалась резкая критика деятельности ПГД и ее руководства.

Городское самоуправление обвинялось в пособничестве белым и, прежде всего, главе их гражданской администрации Х. П. Биричу. «Посланец Владивостокских черносотенцев, монархистов и купцов сахалинец Бирич сам по себе совершенно бессилён и не может продержаться и одного дня в городе. Но незаконная “Дума” (напомним, что облнарревком, не имея на это прав, продлил полномочия старой, 4-й. — В. П.) впредь до изгнания Бирича, учитывая свои преступления перед населением Области, всеми силами старается укрепить “власть” Бирича, а так как трусливые выкрики в ихней резолюции и прочая шумиха думцев нисколько не укрепляет разбойничьей власти, думские дельцы, забросив городские хозяйственные делишки, для которых они избраны, взяли на себя роль “парламента” и поставили разрешением вопросы Государственного значения.

Узурпаторы-думцы ведут переговоры с японскими фирмами о продаже Командорских островов. Узурпаторы думцы ведут переговоры о продаже в аренду казенной сельскохозяйственной фермы. Узурпаторы думцы всячески способствуют разбойникам о разграблении Народного Достояния. Узурпаторы думцы насильно посылают Биричу для несения караульной службы мирных граждан, называя их “добровольцами”».

Инкриминируя гласным перечисленное и называя это неслыханными на Камчатке преступлениями, составители документа подчеркивают, что «преступления творятся людьми обезумевшими, потерявшими всякую честь, стыд и совесть», которые «надеются в трудную минуту бежать от правосудия вместе с меркуловскими самозванцами».

Далее даются характеристики «пытающимся решать судьбу Камчатки: 1. Голова — безголовый Колмаков, подхалим и вечно пресмыкающийся перед более сильными, до сего времени славившийся только ночными похождениями для растления малолетних девушек.

2. Доктор Щипчинский на материке давно уже находился бы в доме сумасшедших. Этот человек двадцать раз меняет свои убеждения. Много раз был

защитником народной власти, но в большей мере работает в лагере народных врагов. Первым уездным съездом объявлен врагом трудового народа.

3. Новограбленов — вечно ползающий у ног сильного.

4. Румянцев — бывший колчаковский офицер, хулиган и пьяница.

Далее идут одыныцы, федоровы, грызловы и прочие шарлатаны, плохие имена которых вызывают негодование у знающих их тружеников. Вот кем держится Бирич. Вот кто от имени Области хочет продать Камчатку».

Воздержимся от комментариев по поводу вышеприведенных обвинений, пригласив вместо этого читателя проследить за дальнейшим развитием событий вокруг ПГД, поступками тех, кого в январе 1922 г. жители областного центра избрали гласными — депутатами местного самоуправления.

Цитируемый нами документ заканчивался неприкрытой угрозой в адрес думцев. «Штаб военных отрядов придерживается вынесенной отрядами резолюции, до сего времени не открывал военных действий в районе города, ожидая решения съезда. Но в данное время, если съезд (имеется в виду открывшийся 12 апреля в Мильково 2-ой чрезвычайный Петропавловский уездный съезд нарревкомовцев. — *В. П.*), со своей стороны, не предпримет экстренных и решительных мер против действия незаконной Думы и Бирича, то штаб уже не может дать гарантии в дальнейшей пассивности, так как трудно удержать отдельных личностей от самой жестокой расправы, как с гласными Думы, так и с биричевцами».

Документ подписали: Н. П. Фролов, командующий партизанскими отрядами, М. И. Савченко-Славский, уполномоченный облнарревкома при штабе отрядов, руководитель Петропавловского укома РКП(б), Глухих — за секретаря.

Тем временем, один из наиболее авторитетных думцев В. И. Артюхин, избранный от Петропавловска в Приамурское Народное собрание, готовится принять участие в его деятельности. Он запрашивает Владивосток, кому сдавать дела на своей основной (оплачиваемой, в отличие от думской) работе — агентстве Добровольного флота, и оставляет за себя Е. А. Колмакова.

Приехавшие в двадцатых числах апреля 1922 г. из Милькова в город общались: несмотря на то, что «трехволостной съезд» не состоялся из-за отсутствия малкинских представителей, сама Мильковская волость солидарна с Завойкинской, а также с Петропавловской Думой, как с наиболее осведомленными в вопросах экономики и политики; это подтвердил 31 марта Мильковский волостной съезд, обсудивший материалы ПГД, особоуполномоченного Приамурского правительства и облнарревкома и принявший постановление о нежелательности всяких выступлений вооруженных отрядов, восстановлении телеграфного и телефонного сообщения с областным центром и свободном поезде, как до Петропавловска, так и обратно.

В период существования в областном центре городского самоуправления, аренда казенных построек и имущества производилась только через Думу. 25 апреля 1922 г. она, по ходатайству фирм Виттенберга и Фукуда-гуми, распорядилась сдать городской склад на пристани с торгов в ближайшее время. Аналогичное решение было принято в отношении двух комнат и бильярда в Народном доме по заявлению частного лица В. К. Сиротина, просившего также разрешить ему «буфетную торговлю во время спектаклей и иллюзионов и вне их». Петропавловское самоуправление подыскивало помещение и для себя. Признав условия аренды приемлемыми, Дума постановила произвести там ремонт и заключить с областной властью договор на пять лет.

Командир японского военного судна «Канто» господин Сицида получил разрешение на пользование дамбой на Кошке для выгрузки до двух тысяч тонн угля за установленную Думой плату 500 руб. (нен).

Добыча рыбы иностранцами для собственного употребления «без права эксплуатации не отразится особенно на уменьшении населением лова сельди» — к такому выводу пришли гласные и, во изменение своих предыдущих постановлений, удовлетворили прошение японской фирмы «Нихон-Моохи» о промысле данной породы, ограничив двадцатью саженьями длину сеток с оплатой городского сбора по пять рублей с каждой.

Заслушав телеграмму председателя созванного большевиками 2-го Петропавловского чрезвычайного уездного съезда И. Рябикова о незаконной, якобы, сдаче фирме «Нихон-Моохи» Командорских островов Х. П. Биричем совместно с Думой, гласные отметили, что в упомянутой телеграмме «кроме извращений фактов и лжи, ничего нет» и постановили «прекратить с большевиками всякую переписку» и впредь никаких резолюций в связи с их посланиями не выносить.

За тонну пресной воды со стоящих в порту иностранных судов решено было взимать по 30 коп. — на 20 коп. меньше, чем с соотечественников. Скорректированный больничный сбор выглядел теперь так: с иностранцев по два рубля, со своих — по одному. Городской голова сообщил о желании японцев устроить в пятницу 28 апреля 1922 г. в Народном доме иллюзион «с их картинами для японских военных и гражданских лиц и русских граждан по приглашению с бесплатным входом». Желание подданных Страны восходящего солнца удовлетворили.

Покидающий Камчатку М. С. Миклашевский предложил купить у него за 150 руб. карту Петропавловска. Городская Управа получила задание осмотреть ее и, если «таковая отвечает назначению плана города, то приобрести».

Доклад начальника городской и уездной милиции Д. И. Пригоровского Дума заслушала в тот же день, 25 апреля, при закрытых дверях. Гласные С. В. Ганцев и И. Д. Грызлов сделали запрос, могут ли они присутствовать на этом заседании (где будет, по-видимому, рассматриваться политический воп-

рос), поскольку у первого сегодня, а у второго 19-го числа членами местной сысковой милиции производился обыск, «вероятно, с подозрением в соучастии с большевиками».

Дума сильно удивилась такой новости, так как «за все время выступления большевиков стояла отрицательно по отношению к ним», вдобавок, признала Приамурское правительство. Сожалея по поводу происшедших недоразумений, гласные постановили вынести обоим коллегам «полную благонадежность о непричастности к большевизму».

Милицейский начальник доложил: отрядом красных в двадцать четыре человека занято селение Завойко, там открывается съезд и поднят красный флаг. Известно, что съехалось шестнадцать делегатов и предлагается приступить к исправлению телеграфно-телефонной линии для переговоров с областным центром.

На думском заседании от 25 апреля 1922 г. «за выездом из Петропавловска» из состава гласных вышел Н. П. Косыгин — председатель Союза домо-владельцев, ездивший в феврале на переговоры в стан красных.

Год спустя, при советской власти, он следующим образом будет мотивировать свое нежелание участвовать в работе Думы: «Когда я вернулся из делегации, то сказал в Думе, что Дума находится в заколдованном круге. Партизаны говорят, что белые грабят, что они — бандиты, белые тоже говорят, что партизаны — бандиты. Белые хотят свой съезд собирать, красные — свой... Я стал хлопотать о выходе [...] но председатель Думы меня не пускал, так как сказал, что я не имею права покидать должность, ибо выборы на четыре года, и только 25 апреля отпустил меня временно, я уехал...»

Предположительно в конце апреля 1922 г. в партизанском отряде облнарревкома составляется документ за тремя подписями: командующего Н. П. Фролова, уполномоченного при штабе, вожака камчатских коммунистов М. И. Савченко-Славского и заместителя начальника штаба Г. М. Елизова — обращение к жителям Петропавловска, начинающееся словами: «Граждане порабощенного города...»

Подписанты призывают горожан аннулировать «все, сделанное Думой на помощь Биричу», принять меры к его удалению из областного центра. В противном случае, предупреждают красные партизаны, «несмываемый позор ляжет на весь город, и многим придется понести самое суровое наказание... Дальнейшее пребывание Бирича и его преступная работа совместно с Думой по закабалению Камчатки иностранцами допущено не будет. Если после мирных мероприятий, которые на днях сделает чрезвычайный съезд, Дума не изменит своей позиции, и Бирич не уберется со своей бандой из Петропавловска, то мы не остановимся ни перед чем.

Пусть тогда пролитая кровь ляжет на совесть гласных Думы, а также горожан, вовремя не остановивших преступной работы своей Думь».

25 апреля 1922 г. в Завойко открылось первое заседание переехавшего сюда из Мильково 2-го чрезвычайного Петропавловского уездного съезда, созванного партизанами. На нем было решено послать в город, объявленный белыми с 8 апреля «на положении усиленной охраны», парламентариев из числа делегатов съезда. Им надлежало предъявить через ПГД ультиматум особоуполномоченному Х. П. Биричу и провести переговоры с иностранными представителями — японским консулом и китайским временным поверенным. Так утверждает в своих воспоминаниях бывший партизан П. Г. Ивашкин.

Сохранились собственноручные показания городского головы Е. А. Колмакова, данные им год спустя в ГПУ: «Делегация — Рябиков, Попов и Яковлев... утром 29 апреля прибыла в город и спросили меня в Управе, пришли ко мне на квартиру, где мы, напившись чаю и побеседовав о деле, по которому они пришли... Во время беседы в дом вошел подпоручик П. Д. Поярков. Узнал, кто и зачем прибыл, и направился в сторону городской Управы».

Е. А. Колмаков, по его словам, сказал делегатам, что Поярков — начальник политического розыска и высказал пожелание скорее прийти к мирному соглашению с партизанами, это должны помнить и сейчас, в 1923 г., подчеркнул он.

«В Управе мы занялись рассмотрением дела о вооруженном выступлении (красных партизан. — *В. П.*); здесь были Румянцев, доктор Щипчинский, Цапов и Петр Крупенин. Рябиков просил собрать Думу и обещался ей доложить о цели делегации. Дума назначена была в 4—5 часов вечера. Повестка... послана, но заседание Думы не было разрешено генералом Поляковым. Рябиков был арестован со своими товарищами при выходе их из коридора Управы Поярковым, якобы, на время. Рябиков успел передать мне свой револьвер “Кольт”».

30 апреля особоуполномоченный Х. П. Бирич, начальник Петропавловского военного района генерал-майор Н. А. Поляков, руководители местного самоуправления председатель Думы Ч. К. Щипчинский и городской голова Е. А. Колмаков отправили Завойкинскому, Паратунскому и Ключевскому волостным управлениям отношение за № 2087. В нем говорилось: «29 апреля с. г. представители Паратунской волости Яковлев и Ключевской — Попов, бывшие делегатами на незаконном чрезвычайном съезде, созванном революционным комитетом, явились в Петропавловск с председателем этого съезда Рябиковым и принесли постановление этого съезда, которое гласит, что если Представитель Приамурского Правительства не выедет со своим отрядом из Петропавловска, то самозванный революционный комитет нападет на город и возьмет город с бою.

Делегаты незаконного съезда, представители местного населения Яковлев и Попов заявили всем нам, нижеподписавшимся, что они заведены в за-

блуждение коммунистами-большевиками, добивающимися власти над коренным населением, чтобы грабить богатства, находящиеся на Камчатке.

Не желая принимать никаких репрессивных мер к представителям местного населения, введенным в заблуждение и не желающим кровопролития, а также принимая во внимание, что я (Х. П. Бирич. — В. П.) отправлен на Камчатку Правительством для охраны интересов, имущества и жизни местного населения, я разрешаю Попову и Яковлеву выехать из Петропавловска, а коммуниста Рябикова (в компартии он не состоял. — В. П.) я буду содержать под строгим арестом как вредного человека, призывающего Вас, коренных жителей, к кровопролитию, а также заложника за полковника Лукомского и на случай вооруженного выступления большевиков против Правительства».

В тот же день, 30 апреля 1922 г., Временное Приамурское правительство известило Х. П. Бирича об удовлетворении его ходатайства о введении особого сбора с ввозимых в Петропавловск спиртных напитков в размере 10 % акциза в пользу городского самоуправления.

3 мая парламентарии Е. М. Попов и Г. П. Яковлев вернулись в с. Завойко. Съезд получил от них информацию устную и письменную (в виде копии отношения № 2087).

С этого момента деятельность ПГД приобретает еще более драматический характер...

После того, как И. В. Рябиков был арестован белыми, облнарревком оповестил об этом селения. В ответ поступили протесты из Хайрюзова, Утхолока, Мономахова. Копии данных телеграмм ревком послал Думе. В получении их 8 мая 1922 г. расписался городской голова Е. А. Колмаков.

14 мая он телеграфирует во Владивосток депутату Народного Собрания от Камчатки В. И. Артюхину, гласному ПГД: «Петропавловск в небезопасности. Сообщите результат вашего доклада Председателю Правительства». Спустя десять дней тот отвечает: «Все устривается немедленно. О событиях сообщайте мне».

Речь, по-видимому, идет о посылке на Камчатку дополнительного воинского отряда в связи с угрозами, исходящими не только от партизан, действующих в окрестностях Петропавловска и Завойкинской волости, но также из Хайрюзова, Утхолока, Коврана и Мономахова.

В середине мая 1922 г. Петропавловская Управа объявляет: «Лицам, желающим арендовать городские рыболовные участки в Солеварке и пр. на сезон с. г., предлагается подать заявление до 25 мая...»

16 мая на встрече перед отходом японского военного корабля «Канто» его командир капитан 1-го ранга Сицида выразил сожаление, что ему «приходится наблюдать разнь между русским народом» и пожелал «скорейшего выздоровления от... беспорядков». В числе выступивших на «At Home» был городской голова Е. А. Колмаков.

... По воспоминаниям участника 2-го чрезвычайного съезда П. Г. Ивашкина, на заседании 22 мая обсуждался вопрос об отношении Думы к происходящим политическим событиям и, в частности, к облнарревкому. «Съезд постановил считать незаконными выборы гласных в городскую Думу, поскольку они... произведены в период захвата Петропавловска ставленниками черносотенного меркуловского правительства, а за то, что своими постановлениями и действиями гласные берут под защиту и фактически присоединяются к штабу Бирича-Полякова — объявить их врагами трудового народа с преданием суду революционного трибунала».

На следующий день, 23 мая, объединенное заседание облнарревкома и военного совета, избранного на 2-м чрезвычайном съезде, утвердило текст нового ультиматума Х. П. Биричу: если немедленно, за сутки, не освободите Рябикова «и прочих граждан, арестованных по политическим убеждениям», то штаб партизанского отряда откроет военные действия.

По словам одного из руководителей красных В. М. Чекмарева, в ультиматуме говорилось, что за жизнь Рябикова «будут отвечать своей жизнью лица, подписавшие отношение № 2087 от 30 апреля 1922 г., адресованное Завойкинскому, Паратунскому и Ключевскому волостным управлениям», а значит, кроме Полякова и Бирича — и председатель ПГД Щипчинский, и городской голова Колмаков.

24 мая 1922 г. Ч. К. Щипчинский и Х. П. Бирич поздравили правительство и Приамурское Народное Собрание с первой годовщиной «возрождения национальной власти» и пожелали им «двести до благополучного конца начатое великое Русское дело».

Тогдашний заведующий Петропавловской сельхозфермой, сотрудничавший с партизанами и являвшийся гласным ПГД, И. Ф. Голованов год спустя в ГПУ показывал: «В конце мая 1922 г., точного числа я не помню, в одно из посещений фермы товарищем Фроловым, тогда командовавшим всеми партотрядами, было сделано мне задание предложить городскому Голове Е. А. Колмакову, при моем участии, во искупление всех его, Колмакова, преступлений против партизанских отрядов, отдаться в качестве заложника, как городского Головы, на предмет устройства затем обмена на тов. Рябикова.

Задание это я выполнил, то есть предложил Е. А. Колмакову, чтобы он под тем или иным предлогом пришел на ферму, а там, на ферме, или по пути возвращения его с фермы, как бы совершенно случайно, его, Колмакова, захватят партизаны. В интересах конспирации, а также в целях придать факту захвата Колмакова партизанами чисто случайный характер, что его задержали, якобы, по неосторожности, я предупредил Колмакова, чтобы, независимо от того, согласился он или нет, он никому, даже своей жене, не говорил бы ни слова.

На мое предложение Колмаков ответил, что он на это согласиться не может, и вот почему: 1) По чисто семейным обстоятельствам, жена моя — большой человек, и раз только меня захватят партизаны, то с ней может быть смертельный удар. Семья же моя большая, и дети мои будут оставлены на произвол судьбы. 2) Уверен, что за меня Рябикова не обменяют, я уже принимал и принимаю все меры к освобождению Рябикова, но из этого ничего не выходит. Прежде всего надо добиться, чтобы Рябикова вырвать из рук бочкаревцев, заменить охрану другими.

Из этого ничего не вышло, но слово свое сохранить это предложение в тайне он действительно сдержал. Иначе моя судьба была бы та же, что и товарища Рябикова».

31 мая 1922 г. городской голова обратился с официальным письмом к Х. П. Биричу. Сославшись на угрозы партизан, что они гласных Думы «будут вылавливать», а жителям города «не дадут ловить рыбу в бухте Солеварка и других местах... производить заготовку сена и дров... выгонку скота и т. п.» и приведя пример исполнения этих угроз — захват Григория Петровича Миничева и Федора Яковлевича Личкуна, городской голова попросил особоуполномоченного сделать распоряжение, чтобы белые освободили из-под стражи партизанского парламентаря И. В. Рябикова. Помимо Колмакова, письмо подписали члены городской Управы В. И. Румянцев, И. Т. Новограбленов, а за секретаря — Н. А. Цапов (в 1930 г. он будет помощником начальника Камчатского пограничного отряда по политической части).

В тот же день, 31 мая, партизаны передали через И. Ф. Голованова ультиматум ПГД и японскому консулу, выработанный облнарревкомом и военным советом.

Посланный на ферму для получения ответа (как утверждает в своих воспоминаниях П. Г. Ивашкин) отряд красных был застигнут врасплох казаками — завязался бой, в результате которого обе стороны потеряли несколько человек убитыми.

После этого, рассказывал В. М. Чекмарев, ревштаб «объявил террор как гласным, так и причастным к Биричу, хотел заставить Думу и население, чтобы они требовали освобождения тов. Рябикова».

...Городское самоуправление ходатайствовало перед фирмой «Демби и К^о» об «отпуске и привозе в Петропавловск разного лесного, строительного материала для продажи населению». Глава фирмы телеграфировал Е. А. Колмакову, что лес и материалы завезены в областной центр.

1—2 июня 1922 г., осмотрев дворы, городская санитарная комиссия составила на некоторых граждан протоколы «за антисанитарное отношение, в особенности около казенных зданий».

На 2 июня городское самоуправление назначило «трудовой субботник по засыпке Большой (ныне Ленинская) улицы галькой, напротив магазина

Виттенберга и против церкви, а также по исправлению моста против магазина Сунь-ин-туна». Горожане охотно приняли участие в благоустройстве Петропавловска и «на лошадях выезжали для починки моста».

На заседании 21 июня 1922 г. ПГД отвела земельные участки четырем гражданам под жилищное строительство, «вменила в обязанность жителям города следить за своим рогатым скотом и свиньями и не допускать их свободно разгуливать по городу, так как последние ломают тротуары, роются по улицам и купаются в ручьях, откуда население употребляет питьевую воду».

Дума дала разрешение фирме «Фукуда-Гуми» на перевод магазина из дома Гросберга в дом Духовного ведомства, где была почтово-телеграфная контора. Этому предшествовал ответ Благочинного Камчатских церквей игумена Николая на запрос доверенного фирмы, что «духовные власти не препятствуют к открытию вблизи церкви винно-гастрономического магазина, раз в нем не будет производиться раздробительская продажа крепких напитков, каковая разрешается в сорока сажнях от храмов».

ПГД установила режим работы торговых точек в городе. Магазины и лавки открыты с 8 до 18 часов с двухчасовым отдыхом на обед, буфеты, трактиры и бильярдная — с 10 до 24 часов ежедневно, кроме первых дней Святой Пасхи, одного дня Рождества и Нового года.

На том же заседании 21 июня Дума приняла постановление о рыболовстве и сенокосах в текущем году в связи с задержанием мирного населения города отрядом большевиков. Постановление это было зачитано 25 июня 1922 г. на общем собрании граждан Петропавловска, созванном городской головой. Присутствующие на собрании петропавловцы обратились к обеим враждующим сторонам с прошением: к белым — выпустить Рябикова, к красным — отпустить задержанных Личкуна, Миничева, Игрушечкина и Новограбленова (последние двое — четырнадцатилетние подростки, «ушедшие за лошадь»), которые отлучались из города по хозяйственным надобностям и «не замешаны ни в какой политической борьбе».

Представители Приамурского правительства, — писали участники собрания, — «с большими затруднениями и затяжкой времени дают пропуска на выезд из города... представители штаба Военно-Революционного отряда всех граждан, ушедших или выехавших за черту города, задерживают». Соответственно, просьбы: беспрепятственно выдавать пропуска по ходатайству городской Управы всем горожанам и на все лето; лиц, имеющих удостоверения от Управы и занимающихся рыболовством, охотой, сенокосением и рубкой дров, не задерживать.

Граждане Петропавловска уверяли, что стоят вне политических споров и борьбы, и в случае неудовлетворения их просьб они будут лишены возможности заготовить все необходимое на зиму и тем самым поставят свои семьи в «крайне тяжелое материальное положение». Резолюцию, отослан-

ную в партизанский отряд, подписали семьдесят человек, в том числе четырнадцать думцев.

За два дня до собрания вышел приказ особоуполномоченного Х. П. Бирича, предупреждавший мирное население Петропавловска о необходимости соблюдать осторожность в ночное время, в особенности в пределах верхних улиц (теперешние Советская и Партизанская) и окружающих пустырей «на случай проявления военными караулами активных действий по отношению к злодеям».

Объяснение этому читатели местной газеты нашли в номере от 23 июня 1922 г.: «Вчера, около 11 часов ночи, врагами русского народа выстрелом через окно зверски убит подпоручик Павел Дмитриевич Поярков». Группой партизан, которая совершила этот террористический акт и благополучно скрылась, руководил сподвижник И. Е. Ларина, гласный предыдущей, 4-й ПГД, Н. П. Фролов.

К вечеру 3 июля 1922 г., когда пастух И. Е. Захаров гнал городское стадо домой, его остановил вооруженный отряд, в котором он насчитал около тридцати человек. Подошедший к пастуху мужчина с револьвером назвал себя Чекмаревым и потребовал указать коров Л. Захарова, Колмакова, Вичиркина, Савина и Чурина (все, кроме последнего, были думцами).

Пастух повиновался, оговорившись, что коров Вичиркина и Савина в стаде нет. В. М. Чекмарев (27 лет, из крестьян Пензенской губернии, «матрос запаса флота», образование — двухклассное земское училище) приказал своим людям взять трех коров Чурина и одного быка Колмакова. Пригрозив добраться до других, и в первую очередь гласных, Чекмарев заявил, что партизаны разрешат горожанам косить сено, заготовливать рыбу и дрова и не будут отбирать скот, как только выпустят И. В. Рябикова, а «с бочкаревцами они справятся сами».

По возвращении домой пастух явился в Петропавловскую Управу и обо всем рассказал Е. А. Колмакову.

На следующий день состоялось общее собрание скотовладельцев, рыбаков, домовладельцев и граждан города. В нем приняло участие более шестидесяти человек. Помимо третьениольской реквизиции скота, речь на собрании шла о документах недавней сходки граждан, прошении Управы от 31 мая об освобождении парламентаря Рябикова, сообщении Х. П. Бирича о беспрепятственном пропуске жителей города на рыболовные, сенокосные и другие хозяйственные работы.

Зачитан был также ответ штаба облнарревкома на «резолюцию 70-ти», принятую горожанами 25 июня 1922 г. Штаб удивлялся, «как решаются граждане... невинно заявлять о своей непричастности к политической борьбе, тем более, что в числе подписавших резолюцию стоят почти все гласные городской Думы».

«Всем известно, — писал далее штаб, — что городская Дума не только признала и приветствовала от имени всех граждан города “временное Приамурское правительство”, объявленное Дальневосточной Республикой вне закона, но все время активно помогала агентам Меркулова-Бирича... Так как никаких протестов против подобной деятельности Думы со стороны граждан города не последовало, то нужно понимать, что такая деятельность населением одобряется. Характерно... что помощь Биричу во всех видах оказывалась исключительно Думой и управой без участия остальных граждан города, когда же дело коснулось покосов и рыбалок, то гласные и управа апеллируют к гражданам и действуют через них».

Штаб соглашался «допустить всех граждан города свободно ловить рыбу, косить сено, заготавливать дрова и прочее, но лишь в том случае, если население города настаивает на немедленном освобождении Председателя Второго Петропавловского Чрезвычайного Уездного Съезда Иллариона Васильевича Рябикова и всех остальных, арестованных по обвинению в причастности к настоящим политическим событиям...

По возвращении в с. Завойко И. В. Рябикова и получении Штабом точных сведений об освобождении остальных арестованных, будут немедленно отпущены Миничев, Личкун, Игрушечкин и Новограбленов, и впредь никто не будет задерживаться».

Под «остальными» подразумевались Брагин, Немов, Бахтин и Кравченко, которых белые подозревали в причастности к большевизму.

Похлопотать об освобождении их и Рябикова, горожане обязали избранную на собрании 4 июля комиссию. В нее вошли учитель Э. Пивинский, депутат парламента Приамурья В. И. Артюхин и гласный Е. М. Бандурин, председатель собрания. То же самое комиссии следовало предпринять относительно граждан Петропавловска, удерживаемых партизанами.

Хлопоты эти ни к чему не привели. Заведующий канцелярией особополномоченного П. Я. Сусяк уведомил городского голову о том, что ответ, который будет дан Х. П. Биричем делегации, «не подлежит никакому обсуждению, и по этому вопросу никаких собраний он не разрешает».

10 июля 1922 г. И. Е. Ларин пишет неофициальное письмо Е. А. Колмакову, поведение которого объявляет «величайшим преступлением», а его самого — вне закона с конфискацией имущества.

Ларин подчеркивает, что в прошлом, «насколько мог», не применял репрессий к политическим противникам, но теперь, когда «борьба крайне обострилась не на жизнь, а на смерть», он снимает с себя всякую моральную ответственность и предупреждает городского голову: дни его сочтены. «Вы [...] будете убиты, или, в лучшем случае, уведены в сопки». Этого не случится, добавляет Ларин, если Колмаков станет «работать на пользу Советской России и, в частности, Камчатского Областного Комитета».

Адресат Ларина вечером 10 июля заседал в Думе. Заседание началось с выборов представителей от города на Земский Собор, открывающийся через пять дней во Владивостоке. Наметили Е. А. Колмакова и Е. Ф. Одынца. В случае избрания Колмакова, кто-то должен его заменить в городской Управе. Сняли свои кандидатуры двое из троих: И. Д. Грызлов и И. Т. Новограбленов. Брат последнего, Прокопий Трифионович, согласился баллотироваться в заместители городского головы при условии, если закон допускает совмещение двух должностей лицом, состоящим на государственной службе. Оказалось, однако, что — не допускает...

10 июля Дума рассмотрела заявление от граждан о наделении их сенокосными участками и проект сдачи земельных участков под застройку складами, приносящими доход, а также единогласно постановила: всех владельцев рогатого скота, не желающих отдавать его пастуху, обложить налогом «за выгон в городские угодья по 1 руб. с большой и по 50 коп. с малой рогатой скотины в месяц».

На следующий день в газете «Камчатский листок» появилась заметка такого характера: «За последнее время, несмотря на обязательное постановление городской Думы, по улицам свободно разгуливают коровы, которые, должно быть, не читая этого постановления, взрывают земли, оставляют свои “визитные карточки” на тротуарах, мешают хождению по ним и т. п.

Ко всему прибавилось весьма печальное явление, а именно: по дворам и по улицам бегают чьи-то, по-видимому, голодные собаки, ловят цыплят, куриц, утят и поедают их, чем приносят большой ущерб хозяйству.

Как известно, в городах против таких беспризорных собак применяются соответствующие меры: их ловят особо назначенные на это лица от городского самоуправления, и если явится за ними хозяин, то собака выдается лишь при внесении... известной платы, а если хозяин собаки не является в определенный на это срок, то таковые уничтожаются.

Не мешало бы и у нас, кому этим ведасть надлежит, принять меры к точному исполнению постановления Думы, а также обратить внимание и на бродячих собак, ибо случай уничтожения кур, цыплят и других домашних птиц — не первый».

...Между тем, получив письмо-угрозу за подписью И. Е. Ларина, городской голова не замедлил с ответом. Он писал Ларину, что смерти не боится, только жалко больную жену, которая этого не перенесет, да детей (а их у него было пятеро). Не боится и конфискации имущества, стоимость коего всего полторы тысячи рублей — «маловато для покрытия расходов отряда», поскольку дома своего нет, а двух коров партизаны «скушали».

Е. А. Колмаков был убежден: судить его правомочен только народный суд, а совсем «не кучка безответственных, обозленных в лесу людей». Он отменил обвинения в адрес Думы. «Власть здесь укрепилась не при нашем содей-

ствии, а, как Вам известно, при содействии силы своего оружия. А Вы этой силе не смели поставить силу своего оружия и с оружием в руках убежали в сопки. Кто же виноват? Неужели мирное население города или кто-то из нас в отдельности?

Как мирные жители не идут против Вас, так и не пойдут против других, конечно, до тех пор, пока не будут их трогать, как Вам и заявили ближайшие волости и не пошли за Вами. Мы не желаем проливать русской братской крови, и не желаем пользоваться чужим добром».

Городской голова подтвердил принципиальную позицию Думы: она признает и подчиняется тому правительству, какое находится во Владивостоке, и принимает все меры к мирному разрешению конфликта противоборствующих сторон.

То же самое писал Е. А. Колмаков и насчет себя. «Служу не потому, что хочу быть Городским Головой или из-за куска хлеба, его я всегда найду, а потому, что позорно бросать службу в такое ответственное время. Уйду только тогда, когда меня исключит Дума, или мои избиратели вынесут мне недовверие за мои действия, если они противоречат народу».

...Красные партизаны продолжали захват думцев. 27 июля 1922 г. они взяли на рыбалке вместе с катерами гласного Л. Е. Захарова и кандидата к гласным Т. Г. Вичиркина. За Логвина Евстафьевича вступились жители Паратунки. Их ходатайство об освобождении Захарова скрепил двумя подписями — как представитель власти, за себя и за неграмотного председателя А. Яковлева — секретарь волостного комитета Яков Иванов.

Главным аргументом в пользу Захарова было то, что он доставлял из Петропавловска на своем катере в Паратунку и другие селения продукты, в том числе рис, масло, сахар, хотя имел пропуск от белой администрации только на соль и «на два кулька муки». Это подтвердил позднее участник партизанского отряда Георгия Елизова С. Ф. Корнев.

29 июля 1922 г. в Петропавловске при не выясненных до конца обстоятельствах был убит казачьим офицером председатель ПГД 2-го созыва (1918—1919 гг.) П. Я. Сусяк, временно исполнявший должность правителя канцелярии особоуполномоченного.

16 августа Х. П. Бирич подписал постановление об аресте бывшего в 1920 г. городским головой А. И. Бабкина-Байкалова. Его белые подозревали в коммунистической деятельности.

21 августа 1922 г. Е. А. Колмаков обратился к Биричу с покорнейшей просьбой об уплате стоимости взятых красными стельной коровы Гальки (800 руб.) и двухлетнего бычка (200 руб.). Согласен был городской голова и на замену денежной компенсации «хотя бы одной фермовской коровой». Свою просьбу он обосновал затратами на уход за скотом в зимнее время и исполнением должности городского головы под постоянными угрозами красных.

Через несколько дней Колмаков направил на имя Бирича еще одну бумагу: «23 сего августа некоторые граждане выехали на покосы, расположенные на Халактырской дороге, а владельцы покосов в Кирпичной пади и к Сениценскому озеру еще не могут нанять корейцев-покосщиков, которые запрашивают очень дорого, во всяком случае, через день-два приступят к покосу все, а также и в Раковой бухте.

Ввиду того, что красные неоднократно слали свои угрозы не дать возможности косить, а если будет накошено, то угрожали сжечь сено, поэтому на заготовку сена и вывозку его в город потребуется не менее одного месяца времени, принимая во внимание успешную работу и хорошую погоду.

Что же касается заготовки дров... поручено начальнику милиции принять соответствующие меры побудить корейцев к скорейшей вывозке шаландами в город».

30 июля 1922 г. Е. Ф. Кобцева, жена кандидата в гласные, обратилась к особоуполномоченному Х. П. Биричу с прошением о назначении ей пособия ввиду отсутствия кормильца (ее супруг А. И. Кобцев перебежал к партизанам, те же распустили слух, что он задержан ими).

Спустя месяц канцелярия особоуполномоченного прислала ответ с резолюцией начальника гарнизона капитана 1-го ранга Бориса Павловича Ильина: «Вот это-то нехорошо, что мадам Кобцева не является ни помощником, ни врагом ни одной из властей. Совершенно также относятся к нашей борьбе и все животные, птицы и рыбы. Я совершенно не знаю мадам Кобцеву, но, если от нее никакого проку нет, то пусть помирает — это не люди».

3 сентября 1922 г. городская Управа довела до всеобщего сведения, что на городские покосы и рыбалки начальником гарнизона послано сторожевое охранение и что «граждане, желающие производить ловлю рыбы и заготовливать сено, могут сейчас же отправляться, взявши у коменданта города пропуск».

В тот же день городской голова Е. А. Колмаков и техник Управы Н. А. Цапов обратились к лицам, имеющим какие-либо претензии о неправильности своих земельных участков, с просьбой о том заявить письменно не позднее 15 сентября, «в противном случае размеры этих участков будут приняты согласно выданных удостоверений».

6 сентября 1922 г. представители городского самоуправления принимали участие в празднествах, посвященных 68-й годовщине обороны Петропавловска от нападения англо-французов, и в банкете у начальника гарнизона капитана 1-го ранга Б. П. Ильина.

12 сентября городской голова присутствовал на обеде на «Кошу», 15-го был на другом транспорте Страны восходящего солнца «Нозима», где состоялось «торжественное возложение венков на останки тридцати пяти японских моряков, погибших на крейсере “Нийтака”».

15 сентября приказом № 69 начальник Петропавловского гарнизона отменил десятипроцентный акцизный сбор со спиртных напитков в кассу городского самоуправления со следующей мотивировкой: «По Законам Российской Империи таких сборов в пользу города не существует...»

На воскресенье 17 сентября городская Управа назначила аукцион по срочной распродаже домашних вещей Е. Ф. Кобцевой «за ее отъездом».

27 сентября «Камчатский листок» сообщил: «Городская Управа заказала у г. Свенсона (американского торговца. — В. П.) для нужд города моторный катер с вельботом. Катер будет доставлен весной. Господин Свенсон, идя навстречу городскому самоуправлению, обещал доставить катер с уплатой денег в рассрочку».

28 сентября Управу посетил временно исполняющий обязанности начальника Камчатской области капитан 1-го ранга Б. П. Ильин, чтобы ознакомиться с деятельностью городского самоуправления за 1922 г.

При осмотре кассовой книги он нашел, что «большинство поступающих в кассу Управы сумм выписывается лишь на содержание служащих Управы, а на благоустройство города не расходуются почти ничего». Ильин предложил составу Управы, как выборным почетным лицам, «отказаться от получения содержания или получать по тридцать-сорок рублей в месяц, но только тогда, когда от расходов по благоустройству будут остатки». Управе надлежало оборудовать пожарный обоз и дружину, так как на объявленную Ильиным пожарную тревогу «явился лишь один человек и доложил, что у них ничего нет».

Во время своего посещения Управы руководитель области заявил также: служащим городского самоуправления надо «самим работать на благоустройстве города, как-то: таскать бревна и трубы, проводить водопроводные трубы, делать мосты и прочие работы, а не сидеть в канцелярии и не писать бумаги; принять принудительные меры к взысканию налогов по окладным листам; и чтобы не бродил по улицам скот...»

Б. П. Ильин потребовал от Думы в срочном порядке обсудить все его письменные и словесные предложения и «в корне изменить порядок в городском самоуправлении, и если не пойдет по-новому, то он, в силу предоставленной ему власти, распустит городскую Думу и назначит сюда офицера, который даром или за малое вознаграждение будет делать все».

29 сентября, на другой день после посещения Управы Ильиным, Дума обсудила его письменные предложения за № 316 и 317, наказ от 28 сентября и словесные распоряжения и постановила, руководствуясь законом о городском положении, утвержденным высочайшим указом от 11 июня 1892 г.:

а) признать действия Управы... отвечающими закону; б) поручить Управе действовать в расходах денежных сумм согласно сметы на 1922 год, составленной Думой 7 марта сего года и утвержденной областной властью; в) по-

ручить Управе сделать давление на Союз Домовладельцев г. Петропавловска об организации пожарной дружины и пожарного обоза, переданного Управой последнему еще весной сего года для приведения в надлежащий порядок; г) ввиду добровольного согласия служащих Управы в уменьшении окладов жалования против сметного ассигнования на 1922 г., поручить Управе в дальнейшем производить выдачу жалования по занимаемым должностям применительно к классам должностей правительственных служащих; д) изыскать средства на благоустройство города, школ и медицинскую часть... не выходя из пределов сметных ассигнований...»

ПГД распорядилась предоставить начальнику области сведения о приходах и расходах Управы «по настоящее число» по кассовой и главной книге.

На том же заседании Дума отклонила требование гр. Е. С. Самсонова, отказавшегося до установленного договором срока от аренды городского бильярда, возратить назад натянутое им сукно...

Принимая во внимание, что гласный Л. Е. Захаров летом, «за уводом его большевиками», никаких работ на отведенном ему участке не производил, то есть не ловил рыбу и не косил сено, думцы постановили «причитающиеся с него налоги за таковой не взыскивать».

В конце сентября 1922 г. в Петропавловске было «приступлено к работам по устройству водопровода около Собора». В начале октября в городской Управе и Народном доме появились телефоны. Установкой их в торговых фирмах, коммерческих конторах и у частных лиц руководил начальник связи при штабе гарнизона Смирнов, взимая 60 руб. «единовременного взноса». Месячная плата за пользование телефоном составляла 10 руб. В магазине фирмы Фукуда-Гуми бутылка молока стоила 20, фунт творога — 25, стакан сметаны — 40 коп. Доставлялись эти молочные продукты с сельхозфермы. Ее заведующим в первой декаде сентября военные власти назначили ротмистра Файвишевича, отличившегося и раненного (сначала в левую руку, а затем в грудь навылет) в бою с партизанами 2 июня 1922 г. на этой ферме. При расследовании «Думского дела» год спустя бывший кандидат в гласные К. И. Кодылев приводил в ГПУ слова Файвишевича, считавшего, что «вся Дума — большевики, и если они на заседаниях подписывают, то боятся нас».

«Камчатский листок», продававшийся с 1 октября 1922 г. по пятаку, писал, что тротуары на Главной улице «пришли в такую ветхость, что вечером стало ходить небезопасно». И напоминал о думском обязательном постановлении по содержанию их, а также мостов. 18 октября газета вновь возвращается к этой проблеме, предупреждая: особенно рискованно ходить у пивной лавки (дом Чупятова), где тротуар «повалился в сторону дороги».

А за несколько дней до этого публикуется письмо в редакцию, под коим стоит подпись И. Ш. Отталкиваясь от другого обязательного постановления ПГД по сохранению чистоты ключей и ручейков, питающих население во-

дой, согласно которому все бродячие собаки и свиньи должны быть запираемы во дворы, автор констатирует, что первых не стало видно, а вторых «наглядно меньше».

«Но, — продолжает И. Ш., — отцы города совершенно забыли о гусях, а ведь гуси любят воду. Посмотри, обыватель, и ты ужаснешься, что творится в вершине церковного ручейка, питающего водой добрую половину городского населения, воинские части и составы команд русского флота. Там ежедневно около семи часов утра со двора помещицы Батырихи (по-видимому, прозвище какой-то домовладелицы. — *В. П.*), из неимоверно грязной конюшни выпускаются дочерна грязные полсотни гусей, которые с криками гусиной радости бросаются в ручеек для питья и мытья.

К девяти часам утра гуси, конечно, белеют, но обыватель внизу вместо чистой питьевой воды получает мутную похлебку из гусяного помета, сдобренного мелкими грязными перьями. Все протесты добрых соседей остаются втуне и часто подвергаются оскорблениям.

Гусиное хозяйство — дело полезное и даже похвальное на Камчатке, но почему же мадам Б., имея все средства и удобства, не устроит во дворе у себя водяного бассейна специально для своих гусей, а глумится над населением и пользуется удобным расположением местности, сама пьет чистую воду и плюет в колодезь».

«Для оздоровления местности молчаливых чувств брезгливости мало», — заканчивает письмо в редакцию житель Петропавловска И. Ш.

14 октября 1922 г. командами японских миноносок было устроено большое гуляние у Братской могилы. Состязались учащиеся местных школ. Вместе с военными во главе с капитаном 1-го ранга Б. П. Ильиным, японским консулом г. Симадой на этом мероприятии присутствовали председатель ПГД Ч. К. Щипчинский и городской голова Е. А. Колмаков.

22 октября в высшем начальном училище состоялось общее собрание родителей под председательством инспектора училищ области П. Т. Новограбленова. После выборов нового родительского комитета, куда в числе других вошли думцы И. Ф. Голованов, Л. Е. Захаров, К. И. Кодылев, присутствующие «горячо обсуждали вопрос об отоплении школьных помещений в настоящую зиму. . . единогласно решили дать школам 72 сажени дров, полсажени сейчас и четверть сажени после Рождества с каждого родителя».

В тот же день городское самоуправление принесло глубокую благодарность горожанину Александру Тихоновичу Зубкову «за пожертвование для Низшего начального училища трех сажень дров и ста рублей для покупки учебных пособий, которые и переданы г. Инспектору П. Т. Новограбленову». Искреннюю признательность выразило самоуправление командующему дивизионом миноносцев капитану 2-го ранга господину Накаяме в связи с передачей им пятидесяти рублей «в пользу местных школ и двадцати рублей на нужды Народного дома».

Этот жест доброй воли Накаяма проявил при посещении 19 октября (накануне своего отбытия из областного центра) городского головы. От имени японских моряков он поблагодарил население города «за дружеское отношение во время сравнительно долгого пребывания их здесь, а равно за внимание к ним и содействие городского самоуправления, как-то: разрешение рыбной ловли, устройство игр и развлечений для команд в городе. Накаяма пожелал скорейшего установления полного порядка в России и Камчатской области, дальнейшего процветания дружбы между соседями Японией и Россией, развития промышленности и взаимных операций. . .»

18 октября 1922 г. в 17 часов 30 минут по предписанию Б. П. Ильина открылось внеочередное заседание Думы совместно с почетными гражданами. На заседание явилось шестнадцать думцев, включая руководителей самоуправления Ч. К. Щипчинского и Е. А. Колмакова. Первое слово было предоставлено Б. П. Ильину. Он заявил, что городское самоуправление вело себя в его отношении «неделикатно». И пояснил свою мысль следующим образом: «В такое время, когда идет гражданская война, самая ужасная из войн, когда погибает 150-миллионное население, а вы здесь перелистываете законы 1892 года, говоря, что делаете все законно».

«Вполне понятно, — продолжал Ильин, — что в гражданском отношении управлять народом военные не могут, но обстоятельства заставили нас взять бразды правления в свои руки, так как нет людей, подходящих для этой цели. Одной же вооруженной силой без поддержки населения ничего не сделать. Пример Колчака, когда народ его не понял, и произошли обстоятельства всем известные. Правитель Приамурского Земского Края Дитерихс для достижения национальных идеалов и стремления достигнуть могучего духовно-гражданского объединения народа издал идею этого объединения в указе на бумаге, и он указал этот путь — как выполнить ее.

Несмотря на то, что городские Самоуправления есть чисто хозяйственные аппараты, Верховный Правитель, входя в положение народа, нашел, что поднять культурный уровень его и сделать духовно-гражданское объединение возможно только через посредство Самоуправлений Приходских, а потому необходимо и здесь, не теряя ни одного дня, приступить к организации Приходских этих Советов».

О чем шла речь? Генерал М. К. Дитерихс основной городской Земской и Казачьей административной единицей местного самоуправления устанавливал приход. «Граждане прихода, — говорилось в его указе от 15 августа 1922 г. — отказавшись от всякого дробления на партии различных политических принципов, а исповедуя лишь национальные начала. . . объединяются вокруг приходской церкви, как основы святой веры и духовного единения». Приход управляется Советом, во главе которого стоят: по духовному руководству — пастырь церкви, а по всему гражданскому управлению — назнача-

емый из числа прихожан председатель. Члены Совета «выделяются жребием, производимым пастырем».

Приходские Советы, к созданию коих призывал на думском заседании Б. П. Ильин, должны были ведать экономическими, административными, образовательно-воспитательными, судебными и контрольными делами прихода; постепенно к ним переходили также функции ведомств внутренних дел, промышленности, народного просвещения, призрения...

Гласные отвечали Ильину, что указ Правителя не совсем ясен, и надо бы подождать разъяснений из Владивостока.

Ильин: «Прибудут ли еще эти разъяснения — не известно, да и положение о приходском Совете, которое будет выработано там, я ручаюсь, не будет применимо здесь по местным условиям. Настоящий состав городской Думы есть буржуазный, но не нужно этой буржуазности, и в будущие Советы должны войти люди всех классов населения, начиная с последнего бедняка».

Руководитель области приказал к 2 ноября 1922 г. выработать положение и организовать городской Приходский Совет в Петропавловске, обещая со своей стороны помощь и «необходимые указания». Б. П. Ильин попросил думцев сегодня же, не расходясь по домам, выработать основные пункты положения о приходском Совете.

«Если вы, — добавил он, — найдете что-нибудь неточное или непонятное в Указе, то создавайте свой закон, а ответственность за него я беру на себя. Нам нужно сословное демократическое правление — представительство».

Председатель Думы Щипчинский, попросив Ильина дать разъяснения по третьему и другим пунктам указа от 15 августа, не согласился с замечанием Бориса Павловича о буржуазности ПГД. «Настоящий состав городской Думы, — сказал он, — не буржуазный, а действительно демократический, так как в числе гласных почти совершенно отсутствует имущий класс населения, не считая чиновников, если их только можно назвать буржуями».

Городской голова Колмаков и мировой судья Успенский дополнили Щипчинского: выборы гласных настоящего состава не цензовые, а сословные по закону 1918 г. адмирала А. В. Колчака.

Дума получила от Ильина ряд указаний по выработке положения о городском Приходском Совете: председатель совета избирается членами из своей среды и в должности утверждается начальником области; количество членов Совета — девять и десятый священник, непременный член; председателем избирается гражданское лицо; при разборе в Совете духовно-нравственных вопросов председательствует один из священников; при голосовании в Совете гражданских вопросов, председатель из священников участия не принимает.

Всю ответственность «за правильность проведения в жизнь начал, преподанных в Указе Правителя от 15 августа 1922 года», взял на себя временно

исполняющий обязанности начальника Камчатской области капитан 1-го ранга Б. П. Ильин.

Как отмечалось выше, думцам были не совсем ясны некоторые статьи указа. Они касались порядка формирования городского Приходского Совета. Члены Совета «выделялись» жребием, производимым церковным пастырем. Устанавливалось, что в жеребьевке участвуют только граждане прихода не моложе двадцати пяти лет, «свободные от уголовной ответственности». Для жребия они «распределяются на группы по роду деятельности, а в них — на цензовых и бесцензовых (образовательных и имущественных). Жребий по группам производится по пропорциональности, устанавливаемой законом по отношению к общему числу членов, подлежащих назначению в состав Совета. Кроме сего для граждан, проживающих в Крае более семи лет, пропорциональность в три раза больше, чем граждан, проживающих в Крае менее этого срока».

Городское же самоуправление в Петропавловске формировалось с осени 1917 г., с 1-й ПГД на иной основе и в ином порядке. Избиратели голосовали по спискам, выдвинутым различными группами населения, и их объединял не обязательно род деятельности. Так, в Думу пятого созыва в январе 1922 г. было выставлено два списка: от местных граждан и Союза домовладельцев. Большинство думцев имели свои дома, где квартировали служащие, врачи, учителя, но каждый владел какой-либо профессией.

В Думе 1922 г. заседали пять рыбаков, два плотника, слесарь и даже чернорабочий — Дмитрий Андреевич Шигаев. В числе думцев находились фотограф Елизар Александрович Колмаков, портной Тарас Ефремович Головань... Из тридцати одного думца (двадцать гласных, остальные кандидаты к ним) малограмотных было семеро и только один — рыбак Тимофей Григорьевич Вичиркин, — неграмотный. Высшее образование имели председатель Думы врач Ч. К. Щипчинский, товарищ председателя педагог П. Т. Новограбленов, бухгалтер В. А. Огородников. Кто-то окончил городское или приходское училище, кто-то, как, например, председатель Союза домовладельцев, рыбак Николай Петрович Косыгин, получил домашнее образование.

Служащих в ПГД в 1922 г. насчитывалось немногим более половины ее состава. Имелся и коммерсант, правда, в единственном числе — Иван Гаврилович Подпругин. Так что с обвинением Думы в буржуазности Ч. К. Щипчинский согласиться, конечно же, не мог.

Подготовить совместно с Управой проект положения о городском Приходском Совете было поручено ранее избранной комиссии в составе о. Михаила Ерохина, И. Ф. Голованова, С. Г. Ошева и Н. М. Успенского. Под этим постановлением подписались Е. А. Колмаков, член управы В. И. Румянцев, гласные Н. П. Косыгин, братья Новограбленовы, И. Д. Грызлов, Е. Ф. Одынец, П. И. Федоров, кандидат к гласным Е. М. Бандурин.

В думском заседании 18 октября 1922 г. участвовали девять, как их именуется документ, Почетных граждан. Они расписались в журнале-протоколе: священник Михаил Евсеевич Ерохин, игумен Николай, миряне Григорий Дмитриевич Сосновский, Илларион Михайлович Борейша, Петр Владимирович Проскуряков. Двое других, Сергей Григорьевич Ошев и Николай Михайлович Успенский, вошли в вышеуказанную комиссию. Неизвестно, был ли, выражаясь по нынешнему, задействован в организации Приходского Совета еще один Почетный гражданин Фома Данилович Стецюк, временно исполняющий должность начальника Петропавловского уезда.

25 октября 1922 г. в четыре часа дня в Петропавловск из Владивостока прибыли назначенный начальником Камчатской области генерал-майор Петр Михайлович Иванов-Мумжиев, правитель его канцелярии (известный всем горожанам ученый-сейсмолог, глава антисоветского переворота 1918 г.) гласный Думы двух первых ее созывов Александр Антонович Пурин, а также офицерский состав, чиновники гражданских ведомств и милицмейская сотня.

Приехал генерал со своей администрацией. Недаром на пристани, где выстроились части местного гарнизона и воспитанники школ, к нему обращались так, как до начала смуты к царскому губернатору. Генерал проследовал в Петропавловский собор. Туда же явился прибывший с ним на пароходе «Сишан» Преосвященный епископ Охотский Даниил (Шерстенников). Под звон колоколов владыка был встречен на паперти церковным старостой Федоровым хлебом-солью, затем вошел в храм, совершил благодарственный молебен.

В отчете, опубликованном в «Камчатском листке», говорилось: «Яркий солнечный теплый день, могучее “Здравия желаем!”, радостные улыбки на лицах, собравшаяся для встречи публика, расцвеченный флагами город... Даже дети с особым энтузиазмом грянули: “Здравия желаем, Ваше Превосходительство!” И мы от наболевшей души пожелаем Петру Михайловичу и его помощникам продолжения той честной и плодотворной работы и миролюбивой политики, начало каковой положил скромный труженик Борис Павлович Ильин. Дай Боже, чтобы Генерал и Владыка, и все их помощники работали и мыслили заодно, помня девиз: “По делам нашим будете и судить нас, мы заслужим любовь и доверие”».

По роковому совпадению именно в этот день — 25 октября 1922 г. — во Владивосток вошли части красной Народно-революционной армии. Но Петропавловск узнает об этом только через неделю.

1 ноября в семь часов вечера команда канонерской лодки «Магнит» планировала устроить танцевальный вечер в Народном доме, объявив, что вход бесплатный. Но с утра по Петропавловску стали неожиданно распространяться слухи о спешной эвакуации администрации и войск из областного центра. В городскую Управу посыпались запросы от жителей, правда ли это,

однако там толком ничего не знали приблизительно до пяти вечера — на это время городского голову вызвал к себе «внеочередно» начальник области П. М. Иванов-Мумжиев, от которого поступило уже официальное сообщение: Петропавловск по причине падения Владивостока и с ним власти Правителя М. К. Дитерихса «будет местным отрядом во главе с представителями правительства покинут, и власть в городе передается Петропавловскому городскому самоуправлению».

Из собственноручных показаний Е. А. Колмакова в ГПУ 10 февраля 1923 г.: «1 ноября стало известно, что белые выезжают на пароходах “Сишан” и “Магнит”. К вечеру на пароходы стали возить имущество, также и целый день 2 ноября. Я пошел к Иванову-Мумжиеву и Ильину с просьбой о том, чтобы не увозилось казенное имущество, в том числе с ходатайством о выдаче оружия Виттенберга (фирмы, у которой оно было реквизировано с приходом белых в Петропавловск в конце октября 1921 г. — *В. П.*). В выдаче оружия было отказано. Пишущие машинки несколько были возвращены... Мумжиев на мою просьбу обещал оставить в целости радиостанцию и сделать распоряжение ничего не ломать и не брать. Но отряд Ильина поломал окна в казенных помещениях и забрал имущество Народного дома. Им не удалось взять пианино, за которым приехали солдаты на лошади, ибо гр. Сиротин заявил, что выдаст его только тогда, когда разрешит городской голова... И с бывшим заврадиостанцией Асаевичем ходили на пароходы и просили Мумжиева выдать передаточный аппарат, который выдать отказал и обещал его прислать из Японии. Отряд-сотня Мумжиева отступил, ничего не тронув, безобразничали бочкаревы и десантная рота, хотя до этого за несколько недель Ильин мне заявил, что если под напором красных они уйдут, то сожгут весь город».

«Когда я узнал об эвакуации, — рассказывал Е. А. Колмаков, — и того же дня, то есть вечером 1 ноября, уже Управа отправила нарочного гр. Гайдамака в с. Завойку с сообщением об этом радостном событии. Завойкинский председатель общества гр. Чернышев сообщил в Начики и дальше, где находился отряд красных. И 2 ноября с японцем Мори я послал сообщение в Налычево Брагину, а тот мое письмо послал дальше Комитету. Трудно было нарочному проехать заставы... но я сам взял пропуск ему, сказал, что шлю о присылке представителей Завойкинской волости с разрешения Иванова-Мумжиева для приемки власти и всех дел от уезжающих».

Колмаков ставил себе в заслугу также то, что «готовил помещение (видимо, для возвращающегося облнарревкома. — *В. П.*), выписал муки, заказал хлеба, который и послал отряду на ферму. Попросил Иванова-Мумжиева оставить продуктов с парохода, так как таковых было мало, и не давал взять таковые из складов Ильину, о чем знает Воротников».

5 ноября 1922 г., когда белых уже, а красных еще не было в городе, газета «Камчатский листок» писала, подтверждая сказанное позднее Колмаковым:

«Лишь только городское самоуправление узнало, что город покидается, и власть передается ему, как срочно было отправлено с нарочным в село Завойко местному Волостному Комитету отношение о немедленном командировании трех представителей от Завойки и трех от Паратунки для участия в коллективе по временному управлению городом впредь до прихода Областного Комитета и вступления в свои законные обязанности».

Днем 2 ноября 1922 г. около четырех часов дня пароход «Сишан» и канонерская лодка «Магнит» снялись с якорей и направились, выйдя из Авачинской губы, в южное от Петропавловска направление. На их борту находились «все правительственные чины, их отряды и некоторые из граждан».

Спустя семьдесят два года в фондах Центра документации новейшей истории Камчатской области я обнаружил подлинник обращения последнего начальника Камчатки к нашим землякам. Называлось оно «К населению Камчатской области». Генерал-майор П. М. Иванов-Мумжиев, посланный в Петропавловск, чтобы «водворить в Камчатской области спокойствие, порядок и возможность заниматься мирным трудом», увидел, что «население здешнее, не большевистское по своим убеждениям, все же терпит в своей среде явных большевиков, позволяя диктовать им свою волю и беспощадно обидать себя». Что это значит? — спрашивает генерал и отвечает: «...на Камчатке повторяется то же, что и в Приморье, и в других областях России. Каждый ждет, что кто-то со стороны должен прийти защитить его и установить порядок. Но всякий боится вступить в решительную борьбу из нерешительности и из трусости, а отчасти и по незнанию природы большевизма». Петр Михайлович не сомневается, что население Камчатки дружно жило бы с ним и властью, которую он олицетворял, но — в мирных условиях, а нынче помощи при открытом столкновении с большевиками никакой не окажет. Проливать же кровь своей маленькой группы русских людей, не встретив в населении готовности к активной борьбе, он не желает. Не желает рисковать жизнью солдат и офицеров, ряды которых «и так все больше и больше редуют».

Этим генерал объясняет решение оставить Петропавловск и Камчатку, передав власть местному самоуправлению, и завершает обращение словами: «От души желаю всему населению, как Петропавловска, так и всего края, перенести, по возможности, безболезненно грядущее испытание. Да хранит всех Вас Господь Бог». Документ датирован 2 ноября 1922 г. По иронии судьбы, к этому дню Петропавловской городской Думе надлежало выработать положение и организовать в областном центре Приходский Совет...

Вечером 2 ноября 1922 г., после того, как белые покинули город, общее собрание горожан и Думы постановило временно экономическую и хозяйственную власть передать самоуправлению. Это постановление подтвердило на следующий день думское заседание с участием представителей Завойкинской волости. Идея совместного управления с завойкинцами отпала. Было

уточнено, что «временное управление городом в хозяйственном и административном отношении возложено на Петропавловское городское самоуправление в лице городской Управы... С приходом Камчатского Областного Народно-Революционного Комитета власть по Закону переходит последнему».

Но прежде вышеупомянутое собрание приняло обращение к Камчатскому облнарревком: «Товарищи! Под давлением сложившихся обстоятельств Вы год тому назад вынуждены были оставить нас. Мы, население г. Петропавловска, провели под властью водворившихся здесь бочкаревцев, и если тяжело было Вам среди лишений и невзгод в сопках, то нельзя было предвидеть и нашей тяжелой участи. Общее собрание граждан г. Петропавловска и представителей окрестных селений... в связи с отъездом бывшего приморского правительства, постановило: впредь, до прибытия Вашего сюда, передать городскому Самоуправлению охрану города. Мы все ждем Вас, глубоко уверенные в том, что на нас, мирных жителей города, не отразятся все те невзгоды, кои были Вам причинены захватом Камчатки бочкаревцами.

Мы искренне верим в то, что с Вашим приходом навсегда прекратится братоубийственная война и рознь, и что и над нашей далекой окраиной России воссияет светлое и радужное солнце свободы и порядка. Долгой рознь и братоубийство. Да здравствует единение и дружеская товарищеская работа».

3 ноября 1922 г. Петропавловское городское самоуправление приказом № 788 воспретило (до особого распоряжения) в пределах областного центра продажу спирта, вина и пива. Исполнение приказа возлагалось на начальника городской милиции Д. И. Пригоровского. Виновных «в нарушении сего» собирались привлечь к ответственности по ст. 29 Установления о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

В дни, свободные от белых и красных, городская Управа опубликовала несколько распоряжений. Петропавловскому казначейству было предложено впредь не производить (опять-таки «до особого распоряжения») никаких денежных операций до возвращения в город облнарревкома, а всем служащим областной канцелярии выйти на работу 6 ноября в девять часов утра и находиться там до двух дня.

Заведование казенными зданиями возлагалось на И. П. Воротникова, областной типографией — временно на И. Д. Козырева, кандидата к гласным Думы третьего созыва 1919 г. Всем гражданам предлагалось в течение двух дней с 5 ноября заявить в Управу о приобретении казенного имущества от уехавших военных. Лица, укрывшие его, предупреждались о привлечении к ответственности «с отобранием оказавшегося у них имущества в пользу казны бесплатно».

Заведовавшему некоторое время областной канцелярией Ф. Д. Стецюку поручили руководить ею, пока не вернется облнарревком. Установленная приказом бывшей белой власти плата за амбулаторный прием в городской

больнице отменялась... Городское самоуправление, оставив заведовать радиостанцией Ф. Т. Шатинского, потребовало, чтобы «все телеграммы, кои будут приняты или перехвачены, должны немедленно препровождаться в Управу для опубликования таковых во всеобщее сведение».

Одно из распоряжений Управы касалось рогатого скота. Его владельцам надлежало держать животных во дворах и не позволять бродить по городу; к виновным грозили применить всю строгость закона. Ветврач получил предписание «иметь постоянный досмотр скота, как на сельскохозяйственной ферме, так и в городе».

Последнее было, скорее всего, связано с тем, что в Петропавловск на пароходе «Сишан» в конце октября привезли казенный скот из местности, «неблагополучной по чуме, по выгрузке его... две скотины пало». Газета, выпускавшаяся самоуправлением с прежним названием «Камчатский листок», писала по этому поводу: «Председатель Думы Щипчинский и городской голова Колмаков обратились к генералу Иванову-Мумжиеву с запросом: имеется ли свидетельство пропускного пункта, и какие меры приняты по предупреждению эпидемии?»

Вызванный ветеринарный врач пояснил, что пароход находился в пути больше двух недель, что служит достаточной гарантией выдержки карантина, и на пароходе заболевание не наблюдалось. В результате объяснения был вызван капитан Ильин и получил приказание немедленно пристрелить двух подозреваемых и всех четырех облить керосином и сжечь.

На указанное городским головой место Гремучку скотины не были доставлены за неимением кунгаса, а были отвезены на свалочное место, на озеро, где, обгоревшие, остались не убраны, и только по распоряжению городской Управы вновь облиты керосином, сожжены и закопаны в яму».

В ожидании партизанских отрядов в Петропавловске развешивались красные флаги, а также японские, китайские и американские. Консул Японии Симада объявил, что на днях устраивает в Народном доме иллюзион для жителей города, причем бесплатный. Магазин Фукуда-Гуми повысил цену на молоко, и теперь бутылка стоила не двадцать копеек, как при белых, а тридцать. Тем временем, другой магазин — американский, господина Виттенберга, значительно снизил цены на все товары, в том числе на сахар-песок, который стал продаваться по двадцать копеек за фунт.

6 ноября в областном центре появился небольшой передовой отряд красных партизан. Город заговорил о том, что четыре парохода с белыми взяли курс на Петропавловск. В Управу повалили горожане — узнать, что она намерена предпринять, если это подтвердится. Управа приказала начальнику городской милиции немедленно арестовывать и препровождать в арестное помещение до разбора ею дела всех распространителей ложных слухов.

Такие же действия следовало применять к нарушителям общественной тишины и порядка в городе.

... Минула неделя после ухода белых, прежде чем облнарревком появился в Петропавловске. Произошло это в пятницу 10 ноября 1922 г.

Спустя полвека это событие в изложении газеты «Камчатская правда» выглядело так: «Холодный, чуть морозный день. Главная улица — Большая — в красных флагах. В 10 часов утра по гулким от первого снега и льда деревянным тротуарам шли партизанские отряды... Шли стройно, с красными стягами. По сторонам улицы толпились радостно улыбающиеся жители». В «Очерках истории Камчатской областной партийной организации (1917—1985)» можно прочесть: «Их встречало все население города, расцвеченного красными флагами и транспарантами. На митинге у здания облнарревкома с краткой речью выступил И. Е. Ларин. Он поздравил трудящихся с освобождением Петропавловска-Камчатского от белых».

«Камчатский листок» в 1922 г. откликнулся на возвращение красных сверхоперативно. В № 78 за 10 ноября он сообщил, что партизаны вошли торжественно, и что в действительности их встречали «граждане города и учащиеся местных школ, массою сопровождавшие их по улице до здания Областного Комитета», а «при непродолжительной остановке отряды стояли стройно, с флагами впереди. Председатель Областного Комитета И. Е. Ларин обратился к собравшимся с краткой речью приветствия». Он «выразил свое огорчение, что год назад Петропавловская городская Дума оказала приют черносотенным бандам Бирича и Полякова». Это, как и вся ларинская речь, содержалось в обращении облнарревкома.

Обращение отсутствует в издании «За Власть Советов (из истории борьбы за установление Советской власти в Камчатской области). 1920—1922 гг. Документы и материалы». Таковых здесь 107. 10 ноября 1922 г. датирован единственный (он и заключает книгу) — приветственная телеграмма Камчатского облнарревкома Владивостокскому ревкому в связи с восстановлением советской власти на Дальнем Востоке.

К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции книжная редакция при газете «Камчатская правда» выпустила сборник статей «За Власть Советов на Камчатке (1917—1923 гг.)». В статье «Годы борьбы и побед» обращение облнарревкома к жителям Петропавловска, называемое «воззванием», сокращено более чем наполовину. Вот полный текст этого, мало кому известного ныне документа:

«К населению г. Петропавловска. Товарищи и граждане! Камчатский Областной Народно-Революционный Комитет вступил сегодня в город с двумя добровольческими Военно-Революционными отрядами.

Год с лишним тому назад Облнарревком, не получивший активной поддержки от граждан города для отпора прибывающих разбойничьих шайк

во главе с Биричем и Поляковым, постановил оставить город и уйти для работы в глубь области. К стыду Вашему приходится сознаться, что реакционные шайки нашли себе приют в Петропавловске и в нем властвовали, большую часть благодаря оказанию им полной поддержки Петропавловской городской Думой, как с начала вступления их в город, так и во время ведения вооруженной борьбы с разбойничьими шайками Облнарревкомом.

Областной Народно-Революционный Комитет не имел возможности вывезти в глубь области государственное имущество и продовольствие из казенных и кооперативных складов Петропавловска перед занятием его бандитами, хотя принимал к этому меры, но опять-таки тормозом этому делу служила все та же Дума.

Теперь вы, граждане, убедились и испытали на собственной шкуре, кого Вы год тому назад так радостно встречали, кого охраняли с оружием в руках. С глубокой горечью приходится входить в город Облнарревкому при сознании того, до чего довели город позорно бежавшие банды — продовольствие ограблено, казенные здания полуразрушены, сельскохозяйственная ферма наполовину уничтожена.

Товарищи граждане г. Петропавловска! Настала пора всем одуматься и выбросить раз навсегда дурь из головы, что трудящиеся России хотят вновь царя, хотят себе ярмо на шею. В дни великой радости, когда вся территория необъятной пролетарской России освободилась от иностранных войск, помогавших русским черносотенцам подавить власть трудящихся, мы все должны напрягать свои усилия и способности на воссоздание экономической мощи Р.С.Ф.С.Р.

Областной Народно-Революционный Комитет, призывая Вас к полному спокойствию, глубоко уверен, что Вы искренне будете помогать ему в тяжелой работе по воссозданию всего разрушенного, по улучшению культурно-го и экономического положения населения Камчатки».

11 ноября 1922 г. в три часа дня на основании ордера коменданта города, одного из руководителей красных партизан Н. П. Фролова, его помощник В. С. Ревенко арестовал председателя Думы Ч. К. Щипчинского. Часом позже был арестован городской голова Е. А. Колмаков.

18 ноября облнарревком принимает постановление, в котором значится: «Независимо от контрреволюционности Петропавловской городской Думы, избранной 15 января 1922 г. на четырехлетие по закону Колчака, считать ее упраздненной...»

22 ноября 1922 г. «как контрреволюционер» помещен в арестное помещение товарищ председателя Думы П. Т. Новограбленов. На следующий день заведующий отделом юстиции облнарревкома, вчерашний партизан В. Ц. Пересвет-Солтан уведомил коменданта Петропавловска, что «с сего числа политические арестованные зачисляются за Следственной комиссией при Революционном Трибунале».

26 ноября 1922 г. милиционер-«сопочник» С. М. Докало по предложению Фролова (на документе еще три подписи: Пересвет-Солтана и членов следственной комиссии А. Федорова и Трухина 2-го) арестовывает секретаря Думы и городской Управы В. И. Румянцева.

2 декабря взят под стражу той же комиссии гласный В. И. Артюхин — один из наиболее авторитетных думцев.

С января 1923 г. думское дело ведет уже ГПУ.

23 июля того же года выездная сессия Приморского губернского суда, оправдав девятнадцать подсудимых думцев, находит вполне доказанной вину четырех: Щипчинского («препятствовал вывозу муки Народно-Революционным Комитетом в сопки при оставлении Петропавловска»), Колмакова («выступал активно против Революционного Комитета»), Новограбленова («настаивал на принятии репрессивных мер против власти трудящихся, называя коммунистов-большевиков шайкой разбойников»), Артюхина («будучи членом меркуловского Народного Собрания, информировал о положении меркуловской власти»).

Приговор гласил: всех их «поразить в правах сроком на пять лет за преступление по статье 58, часть 2 УК РСФСР, подвергнуть условному наказанию на пять лет с конфискацией имущества... В ознаменование 5-й годовщины Октябрьской революции срок наказания сократить наполовину».

Другие камчатские парламентарии были репрессированы в 1930-е гг.: по три года лишения свободы получили А. Д. Брагин, Н. В. Савин и П. К. Шерстенников, «высылку» — Н. И. Болтенко и Е. В. Хабаров, один год «гласного контроля» — Н. Н. Селиванов. Умерли под следствием Д. А. Шигаев, Н. В. Флетчер. К десяти годам лишения свободы с конфискацией имущества был приговорен В. Е. Лунев.

Такой же срок лишения свободы тройка ПП ОГПУ Дальневосточного края определила 29 апреля 1934 г. первому председателю ПГД Александру Яковлевичу Эггенбергу, который к тому времени заведовал кафедрой общей зоотехники Благовещенского сельскохозяйственного института. На следствии Эггенберг признался, что «является участником контрреволюционной вредительской организации, существовавшей в сельскохозяйственной секции Крайплана», куда был завербован в 1925 г., и им проведена следующая «вредительская работа»: задержано развитие кролиководства в крае, по его инициативе был закрыт отдел животноводства Приморской областной опытной станции, при проектировании сельского хозяйства в крае им не учитывались в достаточной мере запасы воды для водоемов скота.

А. Я. Эггенберг не попал в список лиц, проходивших по делу «Автономная Камчатка» и расстрелянных в январе 1934 г. Среди них значились девять бывших парламентариев: Е. А. Колмаков, братья И. Т и П. Т. Новограбленовы, Д. М. Бадах, А. А. Ворошилов, И. Ф. Голованов, С. В. Ганцев, И. Д. Козы-

рев, Н. П. Корякин. В 1938 г. высшую меру с конфискацией имущества получил И. Я. Иванов.

В 1950—1990-е гг. репрессированные думцы были реабилитированы, в том числе в 1992 г. (спустя без малого семьдесят лет) осужденные выездной сессией Приморского губернского суда...

Но оставался еще один человек — Александр Антонович Пурин, первый демократически избранный руководитель области. Когда в 1917 г. петропавловцы выбирали первую Думу, его фамилия значилась в трех из пяти претендентских списков. Уйдя за границу с отрядом Русской Армии генерала П. М. Иванова-Мумжиева, он жил в Китае. Там в 1952 г. его арестовали и доставили в Хабаровск, где завели дело сразу по четырем пунктам все той же 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР. Под следствием Александр Антонович умер.

В 1996 г. мною был направлен первый запрос в Хабаровскую краевую прокуратуру, через некоторое время — второй... И вот, наконец, в марте 1999 г. А. А. Пурина реабилитировали. История первого камчатского парламента и парламентариев завершилась.

Пройдет время. Моя работа будет дополнена новыми сведениями из неизвестных нам сегодня архивных источников. Первый опыт местного самоуправления на Камчатке проанализируют историки, экономисты, политологи. Он — не сомневаюсь — покажется интересным и поучительным.

Для меня же Дума и думцы тех лет остаются, прежде всего, теми, кто помешал свергнуть Камчатку в братоубийственную бойню по материковскому сценарию. И это, по моему глубокому убеждению, их главная заслуга. А может быть, даже подвиг.

При подготовке очерка были использованы документы ЦДНИКО и ГАКО, а также хранящиеся в этих архивах местные газеты за 1917—1922 гг.

ПРЕДПРИЯТИЯ КАМЧАТКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙН

В военный период хозяйственный комплекс Камчатки претерпел существенные изменения. Основная отрасль экономики полуострова — рыбная промышленность, действовавшая в условиях ограниченных людских и материальных ресурсов, развивалась качественно и количественно. Ее доля в общесоюзном производстве выросла с 6,9 % в 1940 г. до 17,8 % в 1945 г., то есть в 2,6 раза. Рыбная промышленность утратила ранее присущий ей сезонный характер, став круглогодично действующей. В военные годы заметно расширился активный морской промысел, появились новые виды консервной и мороженой продукции. Рыба как продукт питания населения приобрела особую важность, в том числе и на самой территории ввиду заметно сократившегося ввоза продовольствия с «материка».

Рост рыбной промышленности сопровождался развитием обслуживающих производств: судоремонта, производства местных материалов. В это же время на полуострове сложилась многозвенная система рыбохозяйственного образования, включавшая курсовое и фабрично-заводское обучение, а также — впервые — подготовку среднетехнического персонала.

Петропавловск превратился в одну из крупнейших перевалочных баз для вооружения, оборудования и снабжения, поставлявшихся в СССР из США и Канады в рамках союзнической помощи. Это потребовало создания здесь в короткий срок механизированного, снабженного современным оборудованием морского торгового порта, во многом определившего послевоенное развитие экономики Камчатки.

В годы войны изменился и облик города: возник поселок торгового порта, впервые началось капитальное многоэтажное строительство.

В настоящей статье охарактеризована работа ведущих предприятий области: Петропавловской судоремонтной верфи, механических мастерских Акционерного Камчатского общества (АКО), Морлова АКО и его береговой базы Моховой и одного из крупнейших рыбокомбинатов западного побережья — Озерновского. «Больше рыбы стране и фронту!» — вот главный девиз их деятельности в это время.

Огненные военные годы показали высокую моральную силу нашего народа, побеждавшего врага не только оружием, но своим трудом и патриотизмом. Рабочие, инженерно-технические специалисты и служащие напряженной работой ежедневно вносили собственный вклад в то, что позже было названо «трудовым подвигом советского народа в годы Великой Отечественной войны».

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ СУДОРЕМОНТНАЯ ВЕРФЬ

Петропавловская судоремонтная верфь (ПСРВ) официально вступила в число действующих предприятий союзного значения в ноябре 1936 г. Первым опытом ее работы стал ремонт парохода АКОфлота «Чавыча».

Перед войной значение верфи в экономике области, особенно в «деле восстановления морского флота рыбной промышленности», оценивалось как чрезвычайно важное. Оно особенно увеличивалось в свете продекларированного решения недавнего XVIII съезда ВКП(б): «Решительно преодолеть отставание в рыбной промышленности в третьей пятилетке», а также тем обстоятельством, что верфь играла большую роль в обеспечении деятельности молодого Тихоокеанского флота (ТОФ).

Верфь являлась единственным областным предприятием, связанным с металлообработкой. Помимо основного назначения — производства судоремонта — она занималась судостроением, изготавливала запасные части, выпускала товары широкого потребления, то есть к началу войны не имела «своего окончательного профиля».

Предприятие находилось в стадии строительства, которое шло крайне медленно. В 1940 г. на это было отпущено 5 млн руб., но, несмотря на то, что план капитальных работ был выполнен на 137 %, темп работ не обеспечивал потребностей верфи и не позволял выполнить решения партсъезда о завершении ее сооружения в 1942 г.

К началу 1941 г. верфь располагала механическим, судокотельным, деревообделочным цехами, электростанцией и плавучим доком, перегнанным из Черного моря в августе 1938 г. Нехватка специализированных цехов затрудняла нормальную организацию производства. Такие важные объекты, как кислородная и компрессорная станции, еще не были достроены, продолжался монтаж части оборудования.

Начатые строительством подъездные пути также не были закончены, из-за чего крайне осложнялось передвижение по территории верфи между цехами и складам. Ввиду отсутствия транспорта, детали с ремонтирующихся судов и складов в цеха, а также из цехов на суда доставлялись вручную. Причальная линия по существу отсутствовала: гражданские пароходы и военные корабли швартовались в случайных местах. Каждая пурга сопровождалась крупными авариями, приносящими значительные убытки и верфи, и судовладельцам. Берегоукрепление, выполненное лишь частично, оказалось непрочным и размывалось прибоем. Из-за этого на отдельных участках береговой линии создалась угроза разрушения фундаментов основных цехов. Отсутствие мест постоянной стоянки судов всякий раз при их постановке в ремонт или при перешвартовке в процессе работ требовало прокладки временных трубопроводов и электропроводки, влекшей дополнительные затраты.

Социальная инфраструктура предприятия также оставляла желать много лучшего: достаточно упомянуть, что у него не имелось ни детского сада, ни яслей [1, л. 118—119].

В 1942 г. в состав ПСРВ входили механический, судокотельный, литейный, кузнечный, деревообделочный, ремонтный, инструментальный и электро-монтажные цехи. Капитальное строительство вел трест «Камчатрыбстрой», монтажные работы хозспособом выполняла сама верфь. В течение года в строй вошли цех № 10, временная механическая мастерская, паропровод от котельной до механического цеха, хлораторная. Завершилось сооружение кирпичного завода, к которому спешно прокладывалась высоковольтная линия, наполовину был выстроен каменный склад № 1 и восстановлен после пожара четырехквартирный рубленый жилой дом [2, л. 1].

В течение 1942 г. запланированное еще до войны завершение строительства цехов и монтажа оборудования не состоялось. Причиной этого называлась «явно неудовлетворительная работа подрядчика “Камчатрыбстрой”». Суммы, отпущенные тресту в 1942 г., были освоены всего на 74 %. Не построили и причальную линию, а временные паровые, воздушные и водяные трубопроводы износились, благодаря чему наблюдались большие потери тепла, воздуха и воды.

Территория верфи ежегодно расширялась за счет отсыпки, но планировка не производилась, вследствие чего она представляла собой «сплошные рвы и возвышенности». Хотя верфь действовала уже шесть лет, дорог на ее территории почти не имелось, за исключением единственного отрезка между кузнечным и механическим цехами. После дождя или снега движение автомашин тормозилось непролазной грязью.

Автотранспорт ПСРВ за 1941—1942 гг. значительно пополнился, однако из-за отсутствия горючего он большую часть года простоял в бездействии. Зимой ввиду обильного снега заводским транспортом служили только немногочисленные лошади. В 1942 г. заработали два подъемных крана, один из которых из-за малой протяженности подкрановых путей использовался ограниченно. К зиме 1942—1943 гг. пути удлиннили на 171 м, что позволило использовать перегрузочную технику более эффективно [3, л. 165].

План 1942 г. предприятие выполнило на 103,3 %, произведя продукции на сумму свыше 25 млн руб. Для этого года характерен рост показателей основных разделов производственной программы.

В табл. 1 показан характер изменения загрузки плавучего дока за пятилетие с момента его прибытия на Камчатку.

Таблица 1

Количество судов	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.
Поставлено в док	4	10	9	19	28
Спущено из дока	3	9	9	19	27

Как видно, по сравнению с 1941 г. количество судов, прошедших докование, выросло на 42 %.

Утвержденная на 1942 г. программа малотоннажного судостроения предусматривала выпуск пяти стальных цельносварных катеров типа «Ж», трех барж грузоподъемностью 150 т и двух спецкатеров. Но ввиду плохого обеспечения материалами удалось собрать корпуса только четырех катеров и одной баржи. Механизмами, в частности двигателями, вначале снабдили только три «жучка». Позднее на четвертый установили ремонтировавшийся старый калоризаторный двигатель типа «Июкагай» мощностью 50 л. с.

Первые два катера были достроены и сданы Петропавловскому порту АКО в феврале и августе 1942 г. К концу лета, когда третий, готовый на 90 %, находился накануне сдачи, последовало указание Наркомата рыбной промышленности (НКРП) СССР о передаче строящихся катеров, в том числе и третьего, в распоряжение Петропавловской военно-морской базы (ПВМБ). Военные моряки потребовали внести в их проекты значительные изменения, благодаря чему сдача катеров затянулась до конца года. В результате дооборудования от первоначальных проектов без изменений остались только корпуса.

Сложности, вызванные изменением конструкции четвертого катера, усугубились установкой на него другого типа двигателя, а также дополнительными требованиями заказчика на замену цилиндровых крышек и прочих узлов. Пятый катер в начале января 1943 г. имел готовность 60 %, но дальнейшие работы на нем остановились из-за отсутствия листовой стали.

Единственную завершенную баржу передали порту в сентябре 1942 г. Сооружение остальных остановилось опять-таки из-за отсутствия стали. К 1 января 1943 г. на стапелях стояли еще пять барж и десять катеров. В итоге план судостроения был выполнен всего на 60,4 %, но все готовые плавсредства получили оценку «отлично».

«Получение материалов в 1942 г. было в исключительно мизерных количествах по отношению к потребности, или не были получены совершенно. Неполучение листовой стали послужило причиной... положения, когда из десяти заложенных катеров для ТОФа только по двум катерам ведутся работы. На 1/1-43 г. на верфи совершенно отсутствует листовая сталь толщиной до 11 м/м. Неполучение верфью лесоматериалов в течение 1942 г. (из заявленных 13 тыс. кубометров получено 500 куб. метр.) особенно затрудняет работу верфи» [3, л. 164].

Помимо листовой стали, остро недоставало цветных металлов, кокса, прокладочных материалов. Еще одним обстоятельством, отрицательно повлиявшим на работу верфи, стал недостаток квалифицированной рабочей силы, значительная часть которой была призвана в войска.

Недостаточное снабжение предприятия в течение 1942 г. заклепками, гвоздями, болтами и гайками заставило изготавливать их на месте. Это позволило

в значительной степени облегчить положение с выполнением основной программы — судоремонта. Кроме этого верфь освоила перенасечку изношенных напильников, изготовление сверл, фрез и ножовочных полотен, штамповку лопат. В связи с отсутствием достаточного количества материалов предпринимались меры по использованию имевшихся отходов. Так, из старых стальных листов изготавливался поперечный набор катеров, выпускались шайбы, фланцы. Для строжайшей экономии горючего и смазки технический отдел разработал нормы расхода этих материалов, которые к концу года были ужесточены.

По производственному профилю и составу кадровых специалистов верфь была больше приспособлена к судоремонту. Но ее загрузка по этому виду деятельности в 1942 г. оказалась недостаточна, особенно во второй половине года. Начиная с августа даже док, на который всегда имелся большой спрос, простаивал из-за отсутствия судов. С сентября по декабрь на верфь не прибыл ни один гражданский пароход.

Такая неравномерная загрузка в течение года создавала «неплановость в работе предприятия» и вынуждала его заниматься выполнением разных заказов местных организаций из их материалов, дабы не допускать простаивания цехов. С августа по декабрь верфь совершенно не имела заказов на судоремонт, а судостроение встало из-за отсутствия листовой стали.

В течение 1942 г. прошло ремонт 61 судно, из них семь получили оценку «отлично», 41 — «хорошо» и 13 — «удовлетворительно». На пароходы «Щорс», «Коряк» и траулер «Буревестник» пришли рекламации.

Особенностью работы ПСРВ в 1942 г. стало значительное увеличение объемов «специального судоремонта» (проводившегося по заявкам ТОФ), сумма которого превысила 7 млн руб. и составила 35,8 % по отношению ко всему выполненному судоремонту. В течение года предприятие освоило техническое обслуживание кораблей, оборудованных дизелями.

Еще одной существенной составляющей производственной программы верфи явился выпуск запасных частей, которых за 1942 г. изготовили на 1,28 млн руб., превысив прошлогодний результат в 2,37 раза. Но, тем не менее, план по запчастям был выполнен всего на 64 %, так они представляли собой преимущественно чугунное литье, на выход которого повлиял недостаток кокса.

В течение 1942 г. ПСРВ освоила выпуск новых видов запчастей для маломерного рыбопромыслового флота АКО и рыболовецких колхозов. В их число вошли 172 сварных стальных гребных винта и конструктивно сложные блоки цилиндров к японским двигателям «Табато», «Ханшин», «Кубото» мощностью от 18 до 100 л. с. [3, л. 163].

Для нужд рыбной промышленности в течение 1942 г. верфь впервые изготовила никогда ею не производившиеся 25 сетеподъемных машин, 10 ком-

плектов гребной арматуры, 25 промысловых лебедок и 25 комплектов поршневых насосов для двигателей М-17.

Новым видом сложной продукции, к изготовлению которой верфь приступила в 1942 г., стали экспериментальные калоризаторные двигатели «Камчадал» мощностью 50 л. с. В течение года завершились проектные работы и началось сооружение двух первых машин.

Как уже упоминалось выше, верфи пришлось резко перестроиться как ввиду изменений требований к ранее выполняемым работам по судоремонту, так и из-за необходимости освоения производства новых видов изделий. Если первая задача не вызвала больших трудностей, так как принципы ведения работ остались привычными, только увеличились требования к их результату, то выполнение второй потребовало больших усилий.

Примерами непрофильных работ 1942 г. являются: ремонт подводной лодки, выпуск запчастей для тракторных и автомобильных двигателей, деталей для самолетов, спецоборудования кораблей. Выполнение этих заказов усложнялось не только тем, что судоремонтники никогда ничем подобным не занимались, но и тем, что отсутствовали необходимые материалы.

Помимо основного производства, предприятие выполнило работы по его обеспечению, такие, например, как установка для изготовления смолы, наладило обжиг кирпича. В связи с удаленностью от материковских центров оно не имело возможности получить консультации по большинству возникавших в ходе освоения новых видов деятельности вопросов, почему вынуждено было решать их самостоятельно.

В 1942 г. были изготовлены следующие новые агрегаты: ручной пресс для металлической стружки, приспособление для опрессовки труб, глиномешалка, две землесеялки, прибор для пневматической окраски больших поверхностей, приспособление для опрессовки арматуры, станок для получения деревянной «финской» стружки, использовавшейся в качестве кровли [3, л. 169].

За год имелось 282 случая брака. На их ликвидацию затратили 20 846 чел.-часа и 437,5 тыс. руб., что составило 1,53 % к сумме выпущенной верфью валовой продукции. Большую часть брака, пришедшуюся на литейный и механический цехи, составили запасные части. Несмотря на то, что типовые детали в массовом порядке изготавливались уже в течение пяти лет, их производство до сих пор не было налажено. Верфь делала запчасти по чертежам заказчиков, при этом случалось, что «чертежи разных заказчиков на одноименные детали отличаются друг от друга, и если литье выполняется по чертежам одного заказчика, а обработка происходит по чертежам другого, то в таких случаях неизбежен брак» [3, л. 166—167].

В 1942 г. на предприятие пришел 471 чел., из них 160 женщин — «вторых членов семей», — впервые попавших на производство. За это же время уволился 491 чел., причем 238 из них (то есть 50,5 %) призвали в армию.

Большинство вновь принятых требовалось обучить началам различных профессий. За год учениками побывали 137 чел., из них 56 женщин. За десять месяцев 75 новичков получили рабочие разряды. Некоторые ученики осваивали специальность очень быстро. Примерами «быстрого роста» называли компрессорщицу дока Мызову, рабочих 3-го разряда Терентьеву и Симахинову, моториста 2-го класса Лысачкину и других. Больше всего обучили токарей и слесарей (по 24 чел.), мотористов (14 чел.).

Обучение проводилось не только в курсовой форме, но и индивидуально — прикреплением вновь принятых к опытным кадровым рабочим. Так «охватили» 230 чел., в том числе 99 женщин. Последние получили профессии: нагревальщика (20 чел.), электросварщика (9 чел.), слесаря (10 чел.), токаря (9 чел.), крановщика (2 чел.), бракера (2 чел.), бойца ПВСО (2 чел.), счетовода (4 чел.), раздатчика инструментов (2 чел.), электрика (6 чел.), моториста (1 чел.), болторезчика (1 чел.), компрессорщика (2 чел.).

В декабре 1942 г. заработали кружки техминимума, где занимались 37 токарей, 31 слесарь и 73 судосборщика. Имелись и курсы, на которых 20 шоферов переквалифицировались с бензиновых автомобилей на газогенераторные, работавшие, как тогда говорили, на «чурке», то есть на дровах [3, л. 173]. Перевод автомобилей на питание от газогенераторов, использовавших местное сырье, стал вынужденной мерой, вызванной постоянным дефицитом жидкого горючего.

Трудовая дисциплина среди работников верфи в годы войны поддерживалась весьма суровыми мерами, определенными Указами Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1942 г. За нарушения положений первого указа народный суд осудил 186 чел., по второму — военный трибунал приговорил семерых. Кроме этого, было вынесено 106 административных взысканий.

В соответствии с упомянутым выше Указом от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» за прогул без уважительной причины виновные наказывались «исправительным» трудом по месту работы на срок до шести месяцев с удержанием четверти заработной платы. Суды должны были рассматривать все подобные дела не более чем в пятнадцатидневный срок и немедленно приводить приговоры по ним в исполнение. В связи с введением этого указа в действие отменялось практиковавшееся ранее обязательное увольнение за прогул без уважительной причины.

«Примером в постановке трудовой дисциплины» считался начальник цеха Нагайченко, где за 1942 г. был осужден только один человек. «Тов. Нагайченко ведет профилактическую работу, он предупреждает нарушение, проявляя заботу о людях, планирует и равномерно загружает работой свой состав».

«Плохое место» по состоянию трудовой дисциплины занимали корпусный и ремонтный цехи. «Начальник ремонтного цеха... не проводит работы с людьми, не занимается воспитанием, а наоборот, вынуждает их нарушать дисциплину, планомерно работой не загружает, а эта незагрузка приводит к нарушениям» [3, л. 172—175].

В среде рабочего люда интенсивно внедрялось так называемое «стахановское движение». Количество стахановцев за первое полугодие 1942 г. составило в среднем 255, во втором — 284 чел. Их количество выросло с 26,6 до 36,4 % от общей численности работников. По инициативе лучших кузнецов верфи Москвина и Люцина сентябрь 1942 г. стал месяцем массового развития стахановского движения.

Увеличение числа стахановцев на 9,8 % и «двухсотников», то есть рабочих, выполнявших нормы выработки на 200 и более процентов, на 38 чел. во втором полугодии 1942 г. явилось результатом проведения широкой работы по организации социалистического соревнования. Одной из ее форм стало, например, внедрение индивидуальных и коллективных стахановских вахт. Так, только в ходе соревнования по достойной встрече 25-й годовщины Октябрьской революции прошло 214 индивидуальных вахт. Здесь выполнение норм достигало 500 и более процентов.

Во всех цехах ежедневно вывешивались показатели соревнования. Его результаты каждый день обобщались на общезаводской доске. Ежемесячно специальное жюри подводило итоги и вручало лучшему цеху переходящее Красное знамя. Так же ежемесячно печатался информационный бюллетень «по обмену опытом стахановских методов работы», результаты деятельности наиболее выдающихся стахановцев освещались на страницах областной газеты «Камчатская правда» и радио.

Для популяризации движения «двухсотников» и «трехсотников» на их рабочих местах вывешивались красные флажки, а сами передовики завтракали, обедали и ужинали за специальными столами. «В целях внедрения стахановских методов труда» ряд лекций провели инженеры. Их же «в порядке технического шефства» прикрепляли к рабочим, не справлявшимся с нормами.

В результате этой большой работы специалистов, выполнявших задания на двести и более процентов, к 1 января 1943 г. на верфи насчитывалось 196 чел. [3, л. 175].

План 1943 г. по товарной продукции верфь выполнила на 106,1 % [4, л. 100]. Наименьшая доля пришлась на судостроение для рыбной промышленности — всего 18 %. Причиной этого вновь стало почти полное отсутствие материалов и оборудования. Лишь в конце июля 1943 г. пришла листовая сталь для корпусов плавсредств и началось сооружение пяти стапелей для постройки 150-тонных самоходных барж. Этим теперь должен был заниматься специально организованный самостоятельный судостроительный участок.

Подготовительные работы завершились к концу августа, а в течение оставшихся до конца года четырех месяцев были построены и сданы АКО две баржи (в ноябре и в декабре). В конце 1943 г. сооружались семь барж и три плашкоута. Имевшегося металла хватило еще на четыре баржи и три плашкоута.

Для нужд ТОФ планировался выпуск пяти катеров, из которых удалось собрать только один. Но флот от него отказался ввиду установки неподходящего пятидесятицилиндрового двигателя «Икогай». По распоряжению НКРП катер приняло АКО. Еще один катер удалось достроить на 85 %. На нем осталось установить двигатель и смонтировать оборудование машинного отделения. Остальные суда пришлось законсервировать [4, л. 107].

Годовое задание по судоремонту для НКРП и Народного комиссариата морского флота (НКМФ) удалось выполнить на 166,1 %. Были отремонтированы 109 рыболовецких и транспортных судов. В рекордно короткий срок — всего за 13 суток — удалось заделать на плаву огромную пробоину на пароходе «Одесса». Это судно американской постройки типа «Либерти» на подходе к Петропавловску атаковала американская же подводная лодка. «Скоростным методом» выполнялся завершившийся на двадцать суток раньше срока средний ремонт рыболовного траулера «Топорок».

Объем ремонта кораблей ТОФ на 1943 г. был запланирован в сумме 10 млн руб. и оказался выполнен на 108 %. Суверфь выпустила 42 «единицы». По сравнению с 1942 г. удельный вес заказов для военных, или, как их называли в документах, «на сторону», по отношению ко всему судоремонту значительно вырос: если в 1942 г. он составлял 36,8 %, то в 1943 г. — 62 %. Через док в 1943 г. прошел 21 корабль [4, л. 108].

Предприятие освоило средний ремонт кораблей с дизелями «Франко-Този», причем для этих машин были впервые изготовлены форсунки, плунжеры топливных и шестерни масляных насосов, распределительные валы с приводами. Также впервые был успешно произведен ремонт рулевого устройства «Вард-Леонард», собрали параванное устройство и пневматический тормоз валовой линии.

Впервые за время существования верфи в 1943 г. был выполнен и даже перевыполнен (на 21 %) план выпуска запасных частей [4, л. 102—103]. Их для тракторов и газогенераторов местных организаций изготовили на сумму 165 тыс. руб.

В течение 1943 г. удалось построить два опытных двигателя «Камчадал». Обе машины прошли испытания на стенде с положительными результатами, но эксплуатация их не началась ввиду отсутствия реверсивных муфт и масляных насосов. Их тоже пришлось проектировать и изготавливать на месте. Завершение этой работы ожидалось в первом квартале 1944 г.

В сентябре 1943 г. в газете «Камчатская правда» инженер механического цеха Д. Я. Фельдман опубликовал заметку «Можем делать свои моторы».

«На днях впервые в истории Камчатки пущен двухцилиндровый шарокальный мотор мощностью в 50 л. с., построенный полностью из своих материалов силами коллектива судовой верфи, — говорилось в ней. — Особенно много поработали над новым мотором слесари тт. Шевченко и Рязанцев, воспитанник ремесленного училища слесарь тов. Беденко...» [5].

Для развертывания серийного производства двигателей НКРП распорядился создать особый участок при механическом цехе. Одиннадцать станков для его оборудования верфь уже получила. Организация участка осложнялась чрезвычайной скученностью: на его территории располагалось хозяйство ремонтно-хозяйственного цеха, здание которого еще не было построено. Остро стоял вопрос с укомплектованием участка квалифицированными рабочими.

Из-за отсутствия подходящей стали не началось массовое изготовление коленчатых валов. По этой же причине не могли сделать шатуны, поршневые пальцы и мелкие детали. Тем не менее, для обеспечения массового производства «Камчадалов» верфь приступила к отливке деталей первой серии. К 1 января 1944 г. были готовы 12 картеров, 10 цилиндров, 16 цилиндрических крышек, 45 поршней и 20 маховиков [4, л. 104—105].

В 1943 г. ПСРВ впервые в массовом количестве начала изготавливать топливную аппаратуру для маломерного флота: заказчики получили 350 топливных насосов и 448 форсунок для дизелей и калоризаторных двигателей. Судоремонтники освоили выпуск цилиндрических втулок для машин типов «Икогай», «Санио», «Коммунист».

Еще одним новым видом производства стали газогенераторы. За 1943 г. верфь изготовила 35 установок для автомашин ГАЗ-АА и 10 для тракторов ЧТЗ-65, завершались еще 24 комплекта. Решение Камчатского облисполкома обязывало верфь изготовить еще два десятка комплектов для тракторов, но чертежей на них предприятие не получило. Для корпусов первых партий газогенераторов не удалось найти тонкую листовую сталь, поэтому пришлось делать их из старых бочек. Это ухудшало качество и удлиняло сроки изготовления [4, л. 106].

Кроме уже названных выше, верфь ежегодно осваивала и выполняла работы, не имеющие никакого отношения к судоремонтно-судостроительному предприятию. В их число в 1943 г. вошли: рыбонасосы системы инженера Чернигина, изготовленные в короткий срок и показавшие высокие эксплуатационные качества, двуконные плуги и орудия, конструкции моста через реку Быструю, вентиляторы, трехкулачные патроны для токарных станков.

В течение 1943 г. коллектив верфи пополнили 66 учеников-подростков, 743 военнослужащих, 147 выпускников ремесленного училища № 8 и 153 лица «прочего контингента». Всего на предприятие пришли 1 109 чел. В числе принятых имелись 111 женщин. За год количество последних увеличилось

на 43 чел. или на 10,5 %. Как постоянных кадровых рабочих за верфью закрепили 495 демобилизованных военнослужащих. Ей временно передали и краснофлотцев, занимавшихся ремонтом своих же кораблей. По его окончании они были «уволены», то есть вернулись к месту службы.

За год предприятие по разным причинам покинули 703 чел. Среди них, кроме названных выше краснофлотцев, были 273 работника, призванных в Красную Армию, в том числе 100 чел. допризывников 1926 г. рождения.

По плану на верфи должны были трудиться 149 инженеров и техников. Фактически по состоянию на 1 января 1943 г. имелось 32 специалиста с высшим образованием. В течение года их число уменьшилось на пять человек. Один из инженеров — Минаев — ушел в армию. К концу 1943 г. прибыли еще четыре инженера. Теперь их общее количество составило 31 чел., из которых 19 работали в заводууправлении и 12 — в цехах. Инженеры Семенов и Михайлов побывали в США, будучи командированы туда для решения вопросов судоремонта. Среднее специальное образование имели 26 управленцев. За год их по разным причинам стало меньше на четыре человека (одного сотрудника за самовольный уход с рабочего места заочно осудили на тюремное заключение). Из оставшихся в конце года 14 трудились в заводууправлении, восемь — в цехах [4, л. 123].

В течение 1943 г. на разные руководящие должности в порядке поощрения и восполнения кадрового голода было «выдвинуто» 17 чел. [4, л. 123]. В их число вошли:

- бригадир слесарей Яров, назначен мастером цеха № 3;
- токарь Савин, выдвинут мастером цеха № 3;
- газорезчик Яцепко, выдвинут нормировщиком цеха № 5;
- мастер Ильюшин, стал начальником кузнечного цеха;
- кузнец Ванюшин, назначен мастером ремонтного цеха № 2;
- токарь Андреев, выдвинут мастером ремонтного цеха № 3;
- плотник Разупков, стал десятником ремонтно-строительного цеха;
- моторист Пустовалов, стал заместителем начальника котельной;
- грузчик Завсигайлов, назначен мастером транспортного цеха;
- разнорабочий Хабулаев, выдвинут бригадиром кирпичного завода;
- слесарь Феофилактов, выдвинут контрольным мастером инструментального цеха;
- токарь Крикливый, назначен начальником транспортного цеха;
- нормировщик Тишкин, стал мастером цеха № 5;
- заместитель начальника цеха № 3 Зайцев, назначен начальником цеха;
- руководитель плановой группы Жещенок, назначен помощником директора по кадрам;
- кладовщик Чкиря, стал заведующим подсобным хозяйством.

Охранял хозяйство верфи, нес противовоздушную и противопожарную оборону специальный отряд. Его составляли: начальник (оклад 850 руб.), входивший в категорию служащих, два его помощника, заведующий бюро пропусков, старшина, три начальника караула, дежурный помощник по смене, 40 пожарников, 50 стрелков, два вожатых служебных собак, четыре шофера и три моториста. На вооружении отряда находились два пожарных трехтонных автонасоса и мотопомпа [4, л. 146].

А вот как в течение 1943 г. обстояло дело с трудовой дисциплиной и мерами по ее поддержанию. По состоянию на 1 января 1944 г. в народный суд были направлены 198 дел на нарушителей дисциплины. Из них 11 оправдали, восьмерых подвергли тюремному заключению, 159 осудили на принудительные работы. Суд отозвал шесть дел и передал в прокуратуру еще 14.

Наибольшее количество дел (134) пришлось на четвертый квартал. По видам нарушений они делились так: самовольный уход с верфи — 5, прогулы разной продолжительности (от одного дня и больше) — 108, преждевременный уход с работы — 14, опоздание свыше 20 минут — 3, отказ от сверхурочных работ — 4. Чаше всех «труддисциплину» нарушали недавние выпускники ремесленного училища (24 чел.), бывшие военнослужащие (29 чел.) и кадровые рабочие (81 чел.). В течение 1943 г. были отмечены восемь опозданий к началу работы продолжительностью меньше 20 минут. Виновные в соответствии с Указом от 26 июня 1940 г. получили выговоры.

«Самовольно ушедшие с производства и осужденные к тюремному заключению являлись:

Христофорович — слесарь ремонтного цеха ОГМ (отдела главного механика. — С. Г.) рождения 1926 г. Систематический нарушитель трудовой дисциплины, был два раза осужден по указу, последний раз мотивировал свой уход нежеланием работать в качестве слесаря.

Веретепов — слесарь ремонтного цеха ОГМ, рождения 1926 г., бывший член ВЛКСМ (исключен в связи с заключением), также систематически имел нарушения труддисциплины. Бросил работу, когда ему стало известно, что примерно через месяц будет призван в армию, мотивировал свой уход необходимостью погулять.

Журавлева — токарь ремонтного цеха ОГМ, рождения 1926, совершила прогул, была осуждена к шести месяцам принудительных работ, после суда на работу не вышла, вторично была осуждена к тюремному заключению. Мотивирует свой уход нежеланием работать на судовой верфи.

Пигиман — плотник стройучастка, рождения 1926 г., выпускник ФЗО Николаевска-на-Амуре. Отказался от работы на строительстве подсобного хозяйства без каких-либо мотивируемых причин.

Казанцев — слесарь кузнечного цеха, рождения 1927, был осужден по указу два раза, бросил работу без каких-либо мотивированных причин.

Оглы — из бывших военнослужащих, работая в ряде цехов судовой верфи, нигде не выдержал испытание, был направлен на лесосеку, но к работе не приступил, мотивируя свой отказ плохим состоянием здоровья. Военно-врачебная комиссия установила полную пригодность Оглы к физической работе...

В 4-м квартале 1943 г. за несвоевременное оформление материалов и нарушение труддисциплины было наложено семь административных взысканий на начальников цехов и помощника директора по кадрам, который осужден Нарсудом к одному году условно.

За необеспечение вырезки хлебных талонов у нарушителей труддисциплины, осужденных по Указу от 26.06.40 г., на главного бухгалтера судовой верфи было наложено адмвзыскание» [4, л. 125—126].

Из последнего абзаца следует, что, помимо удержания четверти заработной платы, приговоренные лишались и возможности «отоварить» свои хлебные карточки. Легко предположить, что это могло поставить их на грань физического выживания.

В 1943 г. верфь располагала семью самоходными катерами, приобретенными еще в 1937 г. Их износ достигал 50 %, плохое техническое состояние усугублялось низкой квалификацией мотористов и старшин катеров. Большая часть таких кадровых специалистов была призвана в армию и заменена неопытными военнослужащими. Отсюда возникали частые поломки и имелись большие простои.

Автотранспорт включал десять автомашин и шесть тракторов, из них на ходу были лишь два грузовика и столько же тракторов, остальные простаивали из-за отсутствия запчастей. Нормально эксплуатировались две машины и трактор, полученные в этом году из США. Причиной преждевременного износа техники являлось отсутствие дорог на территории верфи, где насыпной грунт по-прежнему размывался дождями, машины буксовали и их зачастую приходилось вытаскивать тракторами. Малочисленность автотранспорта отражалась на своевременности доставки материалов на верфь из порта. Штат гаража был укомплектован, но шоферами с низкой квалификацией. Из-за этого произошло несколько аварий, в том числе с человеческими жертвами.

Значительная часть перевозок приходилась на гужевой транспорт, включавший 12 лошадей и признававшийся малочисленным. Зимой на него возлагалась доставка дров, в которых верфь ежегодно испытывала серьезный недостаток. Тракторы и автомобили при сильных снежных заносах проехать в лес не могли [4, л. 136].

Кирпичный завод верфи, построенный в прошлом году в районе Богородского озера, за 1943 г. сформовал 41 и обжег 30 тыс. кирпичей. Здесь трудились в среднем 13—15 чел., что считалось крайне недостаточным и не позволяло одновременно работать на всех агрегатах по изготовлению кирпича и в карьере. Людей приходилось перебрасывать с места на место: если они

трудились в карьере, то работа в цехе останавливалась. Из-за недостатка дров нередко приходилось прекращать топку печи, в которой велся обжиг. За время простоя она остывала, а ее вторичный разогрев сопровождался перерасходом топлива.

Завод обслуживали два карьера, расположенные на противоположном берегу Авачинской губы. В первом на разрезе длиной в два десятка метров добывалась разносортная глина: синяя, белесая песчаная, серая, к тому же имевшая примесь камней. Во втором — желтая тощая глина тоже с камнями, дававшая «слабый» кирпич. Из сырья первого карьера он получался лучше. Глину молола плохо подходившая для этого камнедробилка «Клеро» — ничего другого найти не удалось. Она выдавала крупную, похожую на песок, глину, и отличалась низкой производительностью [4, л. 144].

Жилищные и бытовые условия, в которых находились многие работники верфи и их семьи, не иначе, как жуткими, назвать было нельзя. Вот что сообщалось в докладной записке, датированной 9 сентября 1943 г. и направленной в горком ВКП(б): «Точного учета семей красноармейцев на заводе до сих пор нет, по данным отдела кадров числится 140 семей, по данным завкома — 132. Ряд семей... не учтены совсем... Из обследованных двадцати пяти семей красноармейцев шесть не имеют квартир, одиннадцать квартир требуют немедленного ремонта. Из числа обследованных семей ни одна дров не имеет.

Красноармейская семья Козючкова (Лесная, 15) имеет четырех детей и престарелую мать. Во время дождя не знает, как пристроить детей, чтобы их не заливало, крыша требует немедленного ремонта. Обращалась неоднократно в Комхоз с просьбой починить крышу, но до сих пор ничего не сделано.

Жена красноармейца Филимонцева, болеющая туберкулезом, имеет больного ребенка. В декабре 1942 г. ее уговорили поселить к себе на квартиру на один месяц семью из трех человек, и вот уже десять месяцев в пятнадцатиметровой комнате живет пять человек, из них четверо взрослых. В комнате тесно, воздух спертый, больной туберкулезом Филимонцевой не хватает воздуха...

Красноармейские семьи Гуськина, Паньшева — стахановка литейного цеха, имеют малолетних детей, живут в бараке № 24 в темном углу, перегороденном тряпками, куда дневной свет совершенно не проникает. В представлении им лучшего угла комхоз отказывает. Красноармейка Соболева ждет ребенка, Баринава, имеющая детей, квартир не имеют совсем...» [4а, л. 65, 67].

Горком констатировал, что ни профсоюзная, ни комсомольская организации, а также женсовет ничего не предприняли, чтобы помочь нуждающимся. Небольшую единовременную помощь им оказывал лишь отдел гособеспечения. Большинство неработающих матерей (из-за того, что они не могли определить детей в сады или ясли ввиду нехватки последних) существовали на государственное пособие в 100—150 руб. и иногда получали названную

выше помощь отдела гособеспечения. Как отрадное явление признавалось то, что «все обследованные семьи имеют огороды» [4а, л. 65].

Поддержанию высокого морального духа мобилизованных в армию судоремонтников, помимо осознания того факта, что их домашние нередко оказывались брошенными на произвол судьбы, не способствовали вести о случаях, о которых в декабре 1942 г. секретарю парткома верфи сообщал бригадный комиссар А. Шаров: «Имеются факты, свидетельствующие о том, что среди проживающих на судоремверфи семей красноармейцев не проводится достаточной разъяснительной и воспитательной работы. В результате — целый ряд случаев, когда жены красноармейцев выходят замуж или ведут развратный образ жизни...» [4а, л. 8].

Годовой план 1944 г. по валовой продукции верфь выполнила на 108 % [6, л. 81]. В течение года были построены и сданы: десять катеров типа «Ж» с заводскими номерами 8, 9, 11, 13, 16—19, 24, 25; три 150-тонные баржи № 6—8; три плашкоута; два катера для Ключевского лесокombината; понтон плавкрана для треста «Камчатморстрой», ударными темпами возводившего морской торговый порт; две плоскодонные лодки для Всекопромрыбаксоюза. На стапелях стояли еще 34 «жучка» и две баржи [6, л. 83].

Судостроение сдерживалось отсутствием необходимого электросварочного оборудования и достаточного числа сварщиков. Только во второй половине года вошел в строй «многостный сварочный аппарат на 15 точек с дросселями», изготовленный самой верфью, а в сентябре заработали американские «Линкольны», что и решило «успех сварочных работ по новому судостроению» [7, л. 18].

К 1 января 1945 г. в стадии завершения строительства находились 18 уже хорошо отработанных катеров «Ж». Вновь были заложены десять катеров типа «Бравый», велась плазовая разбивка и заготовка частей набора для двух катеров «с ломаными обводами» типа «Якорь». Завершение ряда работ на плавсредствах, связанных с установкой двигателей, в частности, монтаж фундаментов, задерживалось тем, что было неизвестно, когда и какие двигатели поступят [6, л. 83].

Программа ремонта гражданского флота (рыбопромыслового и транспортногo) была выполнена на 88,2 %. В течение 1944 г. ремонт получили 33 судна НКРП СССР, в том числе доковый аварийный — пароход АКОфлота «Коккинаки» и траулер Морлова «Гага», капитальный восстановительный — катер «Шквал», аварийный — китобоец «Трудфронт», пароход АКОфлота «Чавыча», доковый — траулер Морлова «Дальневосточник».

Ремонт и межрейсовое обслуживание прошли 27 судов НКМФ. Внеплавный аварийный ремонт получили пароходы «Александр Невский», «Аскольд», «Пугачев», «Витебск», «Ковда», «Совет», «Декабрист», «Амур», аварийный доковый — пароход «Маньч» [6, л. 85].

Аварийные ремонты, крайне необходимые для восстановления, в первую очередь, судов, ходивших через Тихий океан в порты США и Канады и перевозивших требовавшиеся стране оборонные грузы, нарушали равномерную загрузку предприятия. Ему приходилось перебрасывать рабочих с плановых объектов на аварийные, оголяя отдельные участки.

«Как положительный фактор следует отметить, что весь судоремонт был произведен в сроки, обусловленные договорами, и аварийные ремонты — в кратчайшие сроки, фактические периоды ремонта меньше нормативных».

Судоремонт «на сторону», то есть для военных, за 1944 г. прошли 55 кораблей и вспомогательных судов: текущий — 41, аварийный — 4, средний — 9, капитальный — 1. При этом 21 судно становилось в док. Эта программа была выполнена со значительным превышением — на 127,5 %.

«Успешное выполнение... следует отнести за счет неоднократной единовременной помощи со стороны командования ПВМБ ТОФа, оказанную личным составом, т. е. временная передача рабсилы для оказания помощи по ремонту; в частности, успешному и досрочно произведенному аварийно-доковому ремонту объекта “С-2” оказали большую помощь выделенные командованием 68 чел.» [6, л. 86—88].

Но не обходилось, конечно, и без брака. Так, на корабле «Б-2» из-за плохого выжига заклепок забраковали лист наружной обшивки площадью 8,45 кв. м и толщиной 14 мм. Затраты по его замене составили 300 чел.-час. Механический цех повредил конус гребного вала китобойца «Трудфронт», на ликвидацию дефекта затратили около 5 000 руб. При ремонте пожарного насоса корабля «С-2» прорезали дно цилиндра, в результате затраты на исправление брака составили 250 чел.-часов [6, л. 104].

План по разделу «Двигатели» выполнить не удалось (всего 22,4 % по товарной продукции). Первые два «Камчадала» установили на деревянном катере, корпус которого построил Ключевской лесокомбинат. Коленчатые валы для остальных двигателей, а также сталь для шатунов, поршневых пальцев и крепежных деталей не прибыли. «Имеется сообщение, что заготовленные 10 шт. коленчатых валов находятся во Владивостоке, прибытие на верфь пока неизвестно».

Пока же, по состоянию на 1 января 1945 г., дело обстояло следующим образом: «Литье и обработка на первые 10 шт. двигателей закончены, 10 реверсивных муфт находятся в стадии окончания... имеем по двигателям следующую готовность: 10 двигателей — 60 %, 10 — 5 %» [6, л. 90].

Газогенераторы, которые активно производились в 1942—1943 гг., больше не требовались: потребности города и области в значительной степени были покрыты поставками современных американских грузовиков «Студебеккер» и топлива для них. Поэтому верфь «произвела доделку переходящих с 1943 г. газогенераторов для автомашин ГАЗ в количестве 24 комплек-

тов. Больше заказов и потребности в изготовлении газогенераторов верфи не предьявлялось...» [6, л. 91].

Вся необходимая номенклатура крепежных изделий и арматуры по-прежнему делалась на месте ввиду «абсолютного отсутствия завода со стороны». Годовую программу по ней выполнили на 141 % [2, л. 92].

Для АКО были построены 14 рыбонасосов системы инженера Чернигина, освоенных в прошлом году, 75 сейнерных лебедек, 180 кнехтов и киповых планок для верфей Владивостока и Николаевска-на-Амуре, 20 гарпунов, сданных владивостокскому Крабтресту [6, л. 89].

В течение 1944 г. предприятие подготовило по различным специальностям 676 чел. Индивидуально-бригадным ученичеством были охвачены 311 чел., в том числе 41 женщина [6, л. 94].

Состояние трудовой дисциплины в 1944 г. характеризуют следующие цифры: общее число взысканий составило 680, осужденных насчитывалось 380, причем 160 судимостей приходились на бывших военнослужащих, 92 — на выпускников ремесленного училища.

В начале августа 1944 г. директор верфи А. И. Кобылянский по собственной инициативе обратился в НКРП с телеграммой, в которой просил разрешить «организовать гауптвахту, считая, что последняя необходима и даже полезна». Тем самым он предлагал распространить на работников верфи Дисциплинарный устав ВМФ СССР. 15 августа 1944 г. наркомат ответил, что флотский устав распространяется только на военизированный личный состав, например, экипажи судов АКОфлота. Работники ПСРВ не были военизированы, а имели так называемую «бронь», то есть освобождались от призыва как трудившиеся на оборонном предприятии. Несмотря на это, 21 августа 1944 г. директор верфи издал приказ об организации гауптвахты.

Самовольная гауптвахта действовала незаконно. Это стало известно вышестоящим инстанциям. 30 октября 1944 г. А. И. Кобылянский отправил в Главрыбстрой телеграмму с запросом: «Прошу разъяснить. На заводе [действует] устав ВМФ, по какому указу привлекать нарушителей трудовой дисциплины?» На депешу последовал ответ: «Кто, когда вводил устав ВМФ? Нарушителей трудовой дисциплины привлекайте по Указу Верховного Совета Союза ССР от 26 июня 1940 г.». Получив ответ, А. И. Кобылянский не приостановил действие своего приказа до точного выяснения правильности введения гауптвахты, «на что, как видно, у него не хватило мужества» [8, л. 55].

Вот за какие проступки можно было попасть на «губу»: «Токаря Короткова за скандал в цеху и уход с рабочего места подвергнуть строгому аресту на пять суток (Семенов). Сварщика Овечкина за самовольный уход и опоздание на работу на сорок минут арестовать на трое суток (Вышковский). Старшину катера Макарова за пререкание с начальником транспорта арестовать на трое суток (Селюков, он же начальник транспорта). За халатное отноше-

ние к своим обязанностям Марочкина подвергнуть восьми суткам ареста, за пререкание по поводу исполнения ареста добавить десять суток ареста (Семенов)» [8, л. 56].

С 25 сентября 1944 г. по 15 января 1945 г. под арестом побывал 71 чел. Гауптвахта работала до вмешательства областной прокуратуры. В январе 1945 г. последняя нашла, что «применение Дисциплинарного устава ВМФ на судовой верфи является незаконным, о применении коего на судовой верфи требуется уточнить вопрос в Наркомрыбпроме». Пока же, руководствуясь 133-й статьей Конституции, она постановила «выполнение приказов... по судовой верфи приостановить» [8, л. 59]. В феврале 1945 г. последовало распоряжение изъять из личных дел наказанных приказы о направлении под арест и отменить вычеты из зарплат.

Проверявший работу верфи сотрудник обкома ВКП(б) 10 февраля 1945 г. отмечал, что «рабочие и работницы подвергались аресту по поводу и без повода не только за дисциплинарные проступки, но, как видно из материалов, гауптвахте подвергались люди, нарушившие трудовую дисциплину, хулиганы, дезорганизаторы производства, которые должны были быть привлечены к уголовной ответственности... Непонятно, почему дела на 419 нарушителей трудовой дисциплины переданы в суд, а часть прогульщиков подверглись аресту на гауптвахте» [8, л. 56].

Таким образом, руководители, арестовывавшие работников за трудовые провинности, нарушали действовавший Указ от 26 июня 1940 г. Но благодаря этому отсидка на гауптвахте стала для некоторых лиц избавлением от более тяжелого наказания, например, от суда военного трибунала.

Больше всех судимостей (207) имелось в корпусном цехе, больше всего гауптвахт (13) — в транспортном. По Указу от 26 июня 1940 г. были осуждены 98 женщин. Суд оправдал 68 чел. «Основным материалом для оправдания явилось: отсутствие обуви и теплой спецодежды, например, Тимофеев В. И., бывший ученик ремесленного училища № 8, был подан материал на привлечение по Указу от 26.06.40 г. за невыход на работу с 1 декабря 44 по 14 декабря 44 г. Судом оправдан, так как не имел обуви. Выданные ему брезентовые туфли 18 ноября 44 г. были изношены, а новых не мог дать завод, так как не имел ордеров, купить же это Тимофеев не мог, так как его зарплата низка.

Непредоставление работы матерям после родов, которую они занимали до ухода в декрет, например: Пасечник — табельщик-кладовщик кузнечного цеха оправдана судом в связи с тем, что ей не была предоставлена работа после декретного отпуска на прежнем месте работы.

Недостаточное изучение материалов, передаваемых в суд, как, например: Титова А. — табельщица транспортного цеха, оправдана в связи с тем, что находилась дома по причине тяжелой болезни матери, на что имела освобождение врача и т. д.» [6, л. 97].

Текущая рабочая сила в 1944 г., по сравнению с прошлым годом, заметно снизилась. За год были приняты 315, в том числе 96 женщин, а уволены 322 чел., в том числе 106 женщин. Причинами увольнения стали перевод в другие организации (184 чел.), призыв в армию (41 чел.), после отбытия заключения (50 чел.). Шестеро работников скончались...

Наряду с взысканиями, дирекция ПСРВ поощряла хорошо трудившихся. В течение 1944 г. благодарности получили 372, повышения в разрядах — 447 чел.

Развивалось и «стахановское движение». Социалистическое соревнование, оформленное индивидуальными и коллективными договорами между отдельными работниками, бригадами и цехами, охватило 584 чел., то есть 61 % списочного персонала. В 1944 г. прошли двенадцать стахановских вахт с участием 185 чел., «в период проведения которых возросло выполнение норм от 150—160 % до 200—220 %». За образцовую стахановскую работу в 1944 г. Почетными грамотами дирекции, парткома и завкома награждены 103, денежными премиями — 190 чел.

В третьем квартале верфь получила 3-ю Всесоюзную премию НКРП и ВЦСПС в размере 150 000 руб. За перевыполнение плана работ «на сторону» судоремонтникам были выделены еще 90 000 руб.

«Ведущими в социалистическом соревновании явились лучшие люди верфи, среди которых имеется: награжденных орденами и медалями 10, знаком отличника НКРП — 8, знаком отличника ВМФ — 13, Почетной грамотой НКРП — 31, Почетной грамотой ВМФ — 8, получивших благодарность ВМФ — 11, Почетной грамотой судовой верфи — 103» [6, л. 96—99].

Лучшими стахановцами, рационализаторами, значительно перевыполнявшими годовые производственные планы и нормы, являлись: «кузнец т. Москвин — выполнил годовой план на 181 %, а годовую норму на 266 %; кузнец тов. Баканов — 138/238 %, кузнец тов. Карпенко — 132/227 %, тов. Корякин — 129/230 %». В число передовых людей трубопроводного цеха входили бригадиры: Андреев (его бригада выполнила годовой план на 189 %), Голяев (162 %), Виденин (159 %), Коротков (143 %), Мамонтов (143 %) [6, л. 105—106].

Особым вопросом в обеспечении деятельности ПСРВ являлось так называемое «рабочее снабжение», организацией которого занималось специальное подразделение — «Отдел рабочего снабжения» (ОРС). В 1944 г. рабочие и служащие получили 7 198 «ордеров», то есть разрешений на приобретение через розничную сеть рыбокооп различных промышленных товаров. В их число вошла обувь: мужская — 2 838 пар, женская и детская — 911 пар; 6 490 м мануфактуры, верхнее готовое платье (мужское и женское) — 483 изделий и прочее. По распоряжению НКРП работницам верфи выделили 102 ордера на различные товары, в том числе 440 м отрезков на пальто, костюмы и платья, семь предметов верхней одежды и прочее. Дополнительно к рабочему снабжению из фондов директора верфи среди рабочих

и руководства реализовано 2 841 шт. различных промтоваров и 6 817 м ма-нуфактуры [6, л. 101].

Продолжалось освоение нового производства и внедрение ранее не применявшихся технологий. Технический отдел рассчитал продольную прочность транспортных судов типа «Либерти» и изготовил рабочие чертежи подкрепления корпуса. Конструкторское бюро выпустило в производство в общей сложности 920 наименований чертежей, не учитывая эскизы, повторные экземпляры и копии.

При непосредственном участии отдела освоено изготовление нового оборудования: комбинированного брашпиля и ручного пожарного насоса с подачей 35 литров в минуту (оба изделия собственной конструкции ПСРВ); ручного переносного насоса, вентиляторов, сейнерных лебедок конструкции Судопроекта и консервных автоклавов на четыре тележки по чертежам АКО.

Много оригинальных технических решений, упрощавших и удешевлявших производство, предложили рационализаторы верфи. Начальник судосборочного участка корпусного цеха А. Г. Богемский разработал печь для нагревания шпангоутов и листов наружной обшивки перед гибкой вместо использовавшихся до этого дровяных горнов. Судосборщик Жидок опробовал способ холодной гибки бимсов по металлическому шаблону. Сотрудник технического отдела Ф. П. Редько внедрил отливку массовых деталей в металлических, а не в земляных, как ранее, формах. Он предложил «металлический изложник, в результате чего литье топливной аппаратуры и других деталей проходит с очень малым незначительным браком» [6, л. 117—119; 9, л. 81].

В течение 1944 г., несмотря на сложности с получением строительных материалов, удалось закончить и ввести в эксплуатацию ремонтно-хозяйственный и инструментальный цехи, лабораторию, металлический разборный склад площадью 675 кв. м, пришедший из США. Судоремонтники заселили новый восьмиквартирный дом.

Годовой план победного 1945 г. по валовой продукции в неизменных ценах был выполнен всего на 94,2 % [10, л. 89]. Причиной этого стала, например, нехватка квалифицированной рабсилы (84,5 % от потребности). «При этом следует учесть, что основное пополнение шло за счет переменного состава временных рабочих, поступающих с ремонтируемых кораблей (то есть военных моряков. — С. Г.), как и от других заказчиков, за счет неквалифицированных рабочих. Ввиду того, что ремонты в течение 1945 г. были, в основном, кратковременны, то люди, не освоившись с работой, уходили, а на их место приходили новые».

Постоянные рабочие в большинстве своем были недавними выпускниками ремесленного училища либо прошедшими персональное или бригадное обучение. В условиях индивидуального производства, характерного именно для судоремонта, они зачастую по своей квалификации не могли удовлетво-

ритель потребностей верфи. Большинство же старых работников за истекшие военные годы уволились, в основном, из-за болезней.

Поставка материалов все так же оставляла желать лучшего. Заявки верфи совершенно не удовлетворялись, а резервы, которыми она располагала, за годы войны были полностью использованы. В 1945 г. завоз материалов в весьма незначительных количествах имел случайный характер. Покрытие потребностей шло в основном за счет заказчиков и полученных на месте «в результате больших усилий из импорта, находящегося в Петропавловском порту, однако следует отметить, что наличие этих материалов было в весьма ограниченной номенклатуре и не тех качеств, которые требовались» [10, л. 88].

Точно так же обстояло дело и со снабжением топливом, как жидким, так и твердым. Зимой 1945 г. цехи не отапливались. Из-за нехватки кокса литейный цех работал с перебоями, простояв 50 суток. Его рабочие занимались подсобными работами. В свою очередь, из-за отсутствия литья не был загружен механический цех. А лесоматериалы верфь вообще не получала уже в течение нескольких лет [10, л. 88—89].

В течение 1945 г. заказчикам передали четыре катера типа «Ж» № 15, 21—23, две 150-тонные баржи, два плашкоута грузоподъемностью по 50 т. На стапелях стояли 18 катеров с «большим процентом готовности», имелся набор на 10 катеров и четыре 150-тонных баржи, были заложены еще два 50-тонных плашкоута [10, л. 91]. Но выполнение плана по выпуску плавсредств сорвалось ввиду отсутствия двигателей для них.

За 1945 г. из ремонта вышли 156 судов НКРП и НКМФ, причем 42 из них прошли через док. Объем гражданского судоремонта оценивался в 6,79 млн руб. и был выполнен на 158 %. А вот объем работ по находившимся в ремонте кораблям ТОФ значительно сократился ввиду подготовки к войне с Японией. Из-за этого программа была выполнена лишь на 84,7 % или в денежном выражении на 7,92 млн руб. Но количество кораблей, отремонтированных в 1945 г., оказалось значительно выше предусмотренного [10, л. 93].

За 1945 г. выявлены 109 нарушителей Указа от 26 июня 1940 г., из них 26 осуждены к тюремному заключению, 20 — оправданы, а остальные — приговорены к «принудработам по месту работы с удержанием соответствующего процента из зарплаты на срок от четырех до шести месяцев». По сравнению с прошлым 1944 г. количество прогулов снизилось вчетверо, а число вынесенных взысканий — втрое.

А вот какие судоремонтникам достались поощрения: 217 благодарностей, 943 премии, 48 Почетных грамот от руководства верфи, 35 грамот от НКРП СССР, 11 знаков «Отличник ВМФ», 82 премии от Главсевморпути, 43 повышения в должности, 233 повышения разряда, 64 ордена и медали [10, л. 99].

Текучесть кадров в 1945 г. еще более сократилась: было принято 250 чел. (77 женщины) и уволено 271 чел. (85 женщин). Тринадцать судоремонтников призывали на службу в армию и на флот.

«За истекший год, особенно в дни победы над Германией, в дни боевых действий над Японией и победы над последней, большое развитие получило социалистическое соревнование. На 1 января 1946 г. количество стахановцев составило 569 чел., 72 % к общему числу сельщиков, ударников — 78 (10 %), в том числе двухсотников — 372 чел., многостаночников — 14 чел. Всего охвачено соцсоревнованием 975 чел. (84 %). Проведено 26 стахановских вахт с охватом в 325 чел., в период проведения которых выполнение норм составило от 160—165 до 200 %» [10, л. 100].

Технический отдел подготовил документацию для модернизации катеров типов «Ж» на основе накопленного при эксплуатации опыта, разработал проект установки на них американских двигателей «Катерпиллар» мощностью 100 л. с., рассчитал и спроектировал новые гребные винты к ним, составил чертежи нового катера типа «Якорь», разработал проект морской сухогрузной баржи грузоподъемностью 300 т. За год отдел выпустил в производство 142 технологических процесса [10, л. 103].

Продолжилось и рационализаторское движение. Вот лишь несколько предложений, принесших наибольшую экономию. Начальник судостроительного участка корпусного цеха А. Г. Богемский придумал особый «стапель-кондуктор», значительно упростивший процесс сборки, «почти совершенно исключивший проверочные работы, позволил применить низкоразрядный труд и значительно повысил качество работы». Экономический эффект от внедрения кондуктора составил 518 986 руб. и обеспечил «скоростную и качественную сборку набора катеров, в результате чего каждые две недели при небольших затратах рабочей силы корпусный цех выпускает два корпуса».

Газосварщик В. Ф. Дубровин предложил способ восстановления бронзовых подшипников, обеспечивший экономию ценных материалов и пятикратно ускоривший процесс их ремонта. Здесь экономия достигла 116 782 руб. [10, л. 105]. А слесарь «тов. Чепенков В. С. предложил и осуществил простейшей конструкции лубрикатор для “Камчадалов”, который оказал колоссальную помощь верфи» [9, л. 88].

В апреле 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР 43 лучших работника верфи были награждены орденами и медалями за успешное освоение и обеспечение заданий командования ВМФ по ремонту кораблей. В число награжденных вошли рабочие-стахановцы и инженерно-технические специалисты Спектор, Жмак, Еремин, Вийк, Медведев, Романютенко, Алексеев, Кондратьев, Дьяконов, Королев, Власов, Токарев, Коротков, Магух и другие [9, л. 83]. Так, орден «Знак Почета» вручили начальнику цеха № 2 Виктору Владимировичу Виноградову [9а].

В течение последнего военного 1945 г. ПСРВ получила:

- металлический американский склад, использовавшийся как гараж;
- здание резервной электростанции с генератором мощностью 480 кВт;

- жестяницкое отделение в корпусном цехе;
- автогужевую дорогу, главная магистраль которой протягивалась от электростанции № 2 до кузнечного цеха;
- дополнительную территорию в районе стапельной площадки слипа;
- восьмиквартирный «сахалинский» жилой дом.

Кроме этого, началось строительство первого здания собственного дома отдыха в селе Паратунка.

Крайне необходимые работы по берегоукреплению не производились ввиду отсутствия рабочих рук, гидротехнического леса и водного транспорта. Не началась постройка грузового причала и судоремонтной набережной, хотя в середине 1945 г. на территорию верфи завезли 1 071 т импортного металлического шпунта. Однако работы производить было нельзя ввиду неполучения анкерных тяг, связей и деталей оголовка [11, л. 19—20]. Строительство причальной линии не началось и в 1946 г. Автопарк верфи в конце 1945 г. включал два автомобиля ГАЗ-АА, три ЗИС-5 и 32 импортных машины, в том числе 23 «Студебеккера» [10, л. 32].

МЕХАНИЧЕСКИЕ МАСТЕРСКИЕ АКО

Механические мастерские АКО (предшественник Петропавловского судоремонтно-механического завода, расположенного на Озерновской косе) были организованы в 1931 г. Их основное назначение — изготовление деталей судовых механизмов и запчастей. Лишь незначительная часть работ производилась с разрешения управления АКО «на сторону». Готовой продукцией, кроме литья и электроэнергии, предприятие не выпускало.

К началу военного 1941 г. им руководил директор И. А. Каширников. Мастерские имели восемь цехов: литейный, токарный, котельный, кузнечный, электромонтажный, слесарно-моторный, плотницкий, весоизмерительный и электростанцию. Они оценивались как «по мощности незначительные». Достаточно упомянуть, что механизмы имел только токарный цех. Здесь размещались пять токарных, два наждачных, три сверлильных, строгальный, шлифовальный и фрезерный станки, а также приспособление для расточки цилиндров. Все эти устройства были сильно изношены. В конце 1941 г. предприятие получило от телефонной станции и гаража АКО еще по одному старому наждачному и токарному станку.

Цехи занимали непригодные к производству сильно изношенные не отапливаемые бывшие склады. Нормальную температуру в них поддерживали печи-«временки», малейшая неосторожность с топкой которых могла привести к пожару.

На производительности труда существенно сказывалось отсутствие в цехах вентиляции, особенно в литейном. Здесь порою невозможно было нахо-

даться из-за газов, выделявшихся при отливке. Недопустимая теснота в помещениях заставляла часть работ производить под открытым небом. В начале января 1941 г. началась эксплуатация нового корпуса механического цеха. Его часть использовали для расширения литейного.

Электростанция мастерских располагала двумя агрегатами, приводимыми двигателями «Кубото» (100 л. с.), обслуживающим производство, и «Секшон-ГАЗ» (200 л. с.), питавшим осветительную линию. Имелся еще двигатель «НМС» (50 л. с.), который из-за отсутствия динамомашин не работал [12, л. 8].

Несмотря на столь неказистое, маломощное хозяйство и изношенное оборудование, мастерская выполняла сложные литейные работы, для которых требовался дорогостоящий и дефицитный ассортимент сырья, материалов и полуфабрикатов. При его нехватке приходилось заменять бронзовую арматуру ремонтируемых моторов чугуной, но «эффективность этой замены из-за отсутствия учета установить не представляется возможным».

Примером сложной работы является отливка цилиндрических крышек для главного двигателя танкера АКОфлота «Максим Горький». Эти крупные, ответственные детали весом 350 кг отказались изготавливать во Владивостоке и на ПСРВ. АКО собралось заказать их в США. «Потом от намерения отказались. НКРП разрешил изготовить на месте — в механических мастерских АКО. Стахановец-модельщик Лупак изготавливал формы, руководить литьем будет знатный мастер рационализатор П. И. Редько... Нарком рыбной промышленности Ишков дал указание сообщать ему о положении дел с отливкой крышек...» [13].

Из-за отсутствия складских помещений готовую продукцию хранили в беспорядке на территории мастерских [14, л. 16—17].

По штатному расписанию численность работников предприятия в 1941 г. должна была насчитывать 124, но фактически к концу года трудились всего 85 чел.: 50 рабочих, 11 инженерно-технических работников, 10 служащих и четверо обслуживающего персонала [14, л. 21].

Несколько рабочих ушли в армию, а найти им замену было довольно сложно в связи с общим и постоянным дефицитом рабочих рук на Камчатке, а также из-за невозможности предложить людям сколь-нибудь сносное жилье. Мастерская имела в своем распоряжении два каркасно-засыпных дома и одну изношенную палатку с общей площадью всего 252 кв. м, из которых более половины занимали посторонние лица и семьи красноармейцев.

В 1942 г. предприятие освоило выпуск зон горения для автомобильных газогенераторов, которые раньше завозились на Камчатку с материка. Часть установок показала неплохие результаты в эксплуатации. Зимой 1942—1943 гг. мастерские приступили к изготовлению достаточно сложных отливок — головок к двигателям автомобилей марок ГАЗ и ЗИС, позволявших перевести эту технику с жидкого топлива на газ [12, л. 40].

Во второй половине 1942 г. за счет совершенствования технологии отливки чугунных изделий предприятию удалось вдвое уменьшить допуски на последующую обработку. Если ранее детали обдирались на глубину до 5 мм, то теперь — лишь до 2,5 мм. Это снизило потери металла, уменьшило износ режущих инструментов и сократило потребность в и без того дефицитной рабочей силе на 10 % [12, л. 33].

Плановое задание на 1942 г. было успешно выполнено: по валовой продукции на 110,1 %, по товарной — на 104,6 % [12, л. 10].

В течение 1942 г. работники предприятия собрали и внесли на постройку танковой колонны, в Фонд обороны и на подарки красноармейцам в действующую армию 10 370 руб. личных сбережений [12, л. 52].

В течение всего 1943 г. в связи с призывом части людей в армию механическая мастерская рабочими и другим персоналом по-прежнему обеспечена не была. Резкий недостаток людей пополнялся за счет индивидуально-ученичества, привлечения рабочей силы из так называемого «спецконтингента» и перевыполнения норм выработки сельщиками. К концу года на предприятии трудился 81 чел., в число которых вошли шестеро расконвоированных заключенных [15, л. 2, 4].

За год были отмечены 19 случаев нарушения трудовой дисциплины, заключающиеся в опоздании к началу работы и в ее окончании раньше времени в обеденный перерыв. Их допустили девять рабочих, восемь учеников и двое служащих. Двоих провинившихся отдали под суд, определивший им наказание в виде принудительных работ сроком четыре месяца по месту основной деятельности. Остальным вынесли взыскания [15, л. 11].

Пятидневный прогул некоторое время числился и за учеником Ивановым, который без уведомления администрации покинул рабочее место. Правда, как потом выяснилось, он поступил на пароход, получив на это разрешение самого И. Д. Папанина, легендарного полярника, дважды Героя Советского Союза, тогда уполномоченного Государственного Комитета Обороны по перевозкам на Севере.

Решением начальника АКО работа мастерских за 1944 г. была оценена как неудовлетворительная. План по выпуску продукции оказался выполнен на 64,4 %, по отпуску электроэнергии — на 33,1 %, ремонтных работ «на сторону» — на 63,5 %, качество ремонтных работ признавалось низким [16, л. 1].

С планом по литью не справились из-за отсутствия чугуна. Литейный цех по этой причине простоял с 22 июня по 1 ноября. Бронзовое литье выполнялось, но, в основном, из материала заказчика. Недовыполнение плана по выработке электроэнергии объяснялось постановкой на капитальный ремонт «движков» электростанции.

В 1944 г. мастерская впервые освоила изготовление гильз для тракторных моторов и поршней автомобилей ЗИС-101, керосиновых испарителей к автомашинам ГАЗ-АА и ИМ-1 и к судовым моторам М-1 и ГАЗ [16, л. 11].

Об условиях, в которых происходило выполнение поставленных задач, свидетельствует акт, составленный 26 октября 1944 г. Для заготовки и перевозки формовочной глины для литейного цеха в бухту Ягодную были отправлены катер и шлюпка. «Во время рейса против мыса Казака разыгрался большой шторм, в это время оторвало шлюпку от катера, спасти ее не было никакой возможности. Отпустить буксир — значит потопить кунгас с глиной и людьми. Мною решено двигаться вперед в разрез волн для спасения кунгаса... шлюпку разбило у мыса Казака, о чем и составлен настоящий акт. Пазий, Туров» [16, л. 50].

Несмотря на сложности с выполнением годового задания, на предприятии имелись рабочие, существенно перевыполнявшие установленные нормы выработки. Особенно хорошо трудились «трехсотники» и «двухсотники»: токарь Кутук, выполнявший нормы на 306,1 %, токарь Поценюк (222,2 %), слесарь Могошков (246,3 %), котельщик Швейкин (265,1 %), молотобоец Безязыков (212,2 %). Немного отставал от товарищей формовщик Авдеев (195,1 %).

В течение 1944 г. опоздали к началу работы на двадцать и более минут трое рабочих, ученик и служащий. Трех виновников осудили к двум месяцам принудительных работ, еще одного — к четырем месяцам тюрьмы. За различные проступки были наложены 24 административных взыскания.

В 1945 г. руководство мастерских сменилось: вместо директора И. А. Каширникова и технического руководителя В. М. Шевцова пришли, соответственно, В. Г. Топчиенко и Заболотный. Работа предприятия за этот год по формальным плановым показателям признавалась «совершенно неудовлетворительной» [17, л. 1].

Причиной этого стало снижение количества рабочих до 44 чел., в число которых входили трое «низкоразрядников», переведенных из учеников [17, л. 12]. В августе в армию ушел добровольцем токарь 5-го разряда Н. Ф. Шишко.

Кроме этого, за время войны с Японией наблюдалась большая потеря рабочего времени, вызванная выполнением военных обязанностей и мероприятий по противовоздушной обороне. Была и еще одна, теперь уже вполне мирная причина: по окончании войны абсолютному большинству рабочих (85 %) были предоставлены очередные отпуска, разрешенные правительством, но не предусмотренные планом в 1945 г. Кроме того, в конце августа и в сентябре все рабочие, включая высококвалифицированных, были заняты на монтаже оборудования механического цеха [17, л. 13].

Тем не менее, и в таких условиях предприятие сумело наладить выпуск новых видов продукции. В течение 1945 г. мастерские выполняли экспериментальные работы по заказу Петропавловской жестянобаночной фабрики (ЖБФ): изготавливали отбортовочный станок и устройство для выправления «деформируемого конуса баночки». В число новой и *готовой*, в отличие от прошлых лет, продукции вошли запасные части для станка окончательной

закатки, соледробилок для рыбокомбинатов и ленточных подъемных элеваторов. Элеваторы вступили в эксплуатацию в 1945 г., а оборудование для ЖБФ и соледробилки в конце года находились в стадии доводки и усовершенствования. Их намеревались внедрить в производство к концу первого квартала 1946 г. [17, л. 21].

Работники предприятия принимали участие в завершающем этапе Второй мировой войны — Курильской десантной операции. Об этом свидетельствует протокол заседания инвентаризационной комиссии, состоявшегося 10 января 1946 г. Собравшиеся «постановили: дебиторскую задолженность тов. Каширникова И. А., руб. 20-90, погибшего на Курильских островах, Шишко Н. Ф., задолженность по зарплате руб. 462-95, ушедшего добровольно в РККА, списать в убыток» [17, л. 69].

БАЗА МОРЛОВА АКО «МОХОВАЯ»

В 1930 г. в составе АКО был организован Авачинский рыбокомбинат, включивший несколько рыбообрабатывающих баз, в том числе Моховую. База занималась ловлей и засолом рыбы, принимала улов у колхозов, расположенных на берегах Авачинской губы.

В 1937 г. на Моховой разместилось временное хозяйство Базы активного морского лова (БАОЛ), флот которой состоял из двух деревянных сейнеров, двух дрейфтеров и разведчика. Зимой, когда они находились на хранении, на Моховой готовились к следующей путине, шили и ремонтировали орудия лова. В середине мая в губе и за ее воротами начинался промысел. Добытую рыбу БАОЛ сдавал Авачинскому рыбокомбинату [17, л. 99].

Учитывая тесные связи предприятий и необходимость развития берегового хозяйства промыслового флота, в начале 1938 г. АКО решило передать базу Моховую из Авачинского комбината БАОЛу, к этому времени переименованному в Морлов. В 1938 г. флот Морлова вырос на пять паровых траулеров и два сейнера [19, л. 4]. Передача окончательно состоялась в конце 1940 г.

17 декабря 1939 г. АКО распорядилось начать на базе силами треста «Камчатрыбстрой» строительство сборного холодильника [20, л. 304]. Оборудование для него доставили пароходы АКОфлота «Сима» и «Коккинаки». Приемка выполненных работ началась 23 ноября 1940 г. [21, л. 122].

На холодильнике стояли два паровых котла, паровая лебедка, калоризаторный двигатель «Болиндер» мощностью 35 л. с. производства Астраханского завода, электроустановка «АМД» мощностью 24 л. с., абсорбционная холодильная установка АБУ производительностью 135 000 ккал/ч. База располагала трактором ХТЗ с мотором в 40 л. с. и тремя катерами с моторами «Ашемже», «Ханьшин» и «Коммунист» [22, л. 83].

В 1940 г. предприятие возглавил опытный тралмастер Н. А. Томашевский. Оно обеспечивало суда снабжением, водой, льдом, ремонтом (кроме доко-

вого и капитального), промысловым снаряжением. Его оборудование оставляло желать много лучшего. В 1940 г. здесь имелись всего два дома и строился склад для сетематериалов и готовых орудий лова. Рабочие жили в палатках, в них же хранились материалы и помещались временные мастерские по изготовлению орудий лова. Территория базы хаотично, без генерального плана застраивалась индивидуальными хозяевами. Такая планировка требовала «коренной реорганизации, хотя бы в интересах самой элементарной промысловой санитарии... Там же мыслится проведение жилого и бытового строительства» [23, л. 22].

Школы на Моховой в то время не было, она находилась в селе Авача. Местным ребятишкам приходилось ходить туда и обратно в любую погоду пешком по тропинке над обрывистым берегом.

В 1940 г. Петропавловский горисполком отвел Морлову в районе Моховой земельный участок в шесть гектаров для организации подсобного хозяйства [24, л. 26]. В 1941 г. участок вырос до десяти гектаров. Половину занимал картофель, остальное — капуста, турнепс, редис, лук, морковь и свекла. Животноводческое хозяйство Морлова на первых порах включало по пять коров, лошадей и свиней [25, л. 268].

Через базу Моховую население Петропавловска снабжалось свежей рыбой. В январе 1941 г. начальник АКО установил Морлову расчетную цену на рейде Моховой для центнера камбалы 70, трески — 66 руб. При этом разнице между расчетной ценой и коммерческой себестоимостью следовало «отразить на результатах Морлова и учитывать их особо» [25, л. 83].

В 1941 г. база самостоятельно не ловила, перерабатывая колхозный сырец. Улов с траулеров на нее почти не поступал, так как сдавался на рефрижераторные суда и другим комбинатам. Тем не менее, выполнение норм выработки составляло от 114 до 169 %. Наиболее ударно работал сетепошивочный цех, где выработка достигала 164 % в декабре, 182 % в мае и июне и 197 % в июле. По отчету политотдела АКО, «работа этого цеха по справедливости может считаться стахановской, а рабочие — стахановцами» [26, л. 16—25].

В 1941 г. на базе был организован опытный консервный цех. Его штат составили 17 чел.: мастер, химик-аналитик и 15 рабочих. До 1 октября цех должен был выпустить 165 000 банок закусочных рыбных консервов. Их ассортимент включал корюшку, камбалу и лосось в томате, печень в томате, корюшку и треску, жареные в масле [27, л. 135, 139].

С началом войны значительная часть работников рыбозавода надела солдатские шинели. С их уходом в армию сразу же обнаружилась нехватка рабочих рук. Нагрузка на оставшихся резко выросла. «Ввиду создавшейся обстановки, недостаток на производстве базы Моховая Морлова рабочей силы — мужчин — требует вовлечения в производство вторых и третьих членов семей (то есть жен и детей-подростков сотрудников, призванных в ар-

мию). Для этой цели женщины должны быть на время работы освобождены от имеющих ребят ясельного и дошкольного возраста».

Поэтому с 1 августа 1941 г. на базе следовало организовать детский сад с двенадцатичасовой работой двух групп из 25 чел. Под него заняли бывшую контору базы площадью 48 кв. м, представлявшую собой старый барак, требовавший ремонта. Лучшего помещения пока не имелось. В 1942 г. предполагалось «поднять вопрос о... строительстве специального дома для детсада».

Детский сад открылся 1 августа 1941 г. Здесь трудились заведующая, два воспитателя, повар и две няни-уборщицы. Смету на содержание детей из расчета 200 руб. на одного ребенка в месяц утвердил начальник АКО. При этом часть стоимости содержания оплачивали родители [27, л. 138, 141].

К обработке рыбы на основе платной трудовой повинности привлекались и домохозяйки. 11 февраля 1943 г. Петропавловский горисполком для обеспечения выполнения государственного плана вылова и обработки рыбы постановил:

«1. Разрешить директору Морлова тов. Ермошкину мобилизовать домохозяек, имеющих детей школьников свыше 12 лет, в количестве 20 домохозяек, согласно прилагаемого списка, сроком на один месяц, то есть с 18 февраля 1943 г. по 18 марта 1943 г. 2. Всем мобилизованным на вылов и обработку рыбы выплачивать зарплату по действующим в рыбной промышленности расценкам, установленным для основных кадровых рабочих. 3. Поручить директору Морлова тов. Ермошкину и председателю Рыбкоопа тов. Толчину организовать бесперебойное питание и снабжение мобилизованных рабочих в порядке трудовинности через закрытую сеть столовой Рыбкоопа базы Моховой. 4. За уклонение от трудовой повинности по выходу на рыбную путину виновные привлекаются к уголовной ответственности...» [28, л. 28].

Недостаток рабочих рук был причиной того, что долгое время не удавалось наладить снабжение населения базы хлебом, с которым случались большие перебои. Ближайшая пекарня в Аваче помочь не могла, так как имела незначительную производительность [29, л. 18].

А вот еще один эпизод, характеризующий условия, в которых жило население базы во время войны. Приказ по управлению морского рыболовства АКО от 23 января 1945 г. гласил: «Последнее время наблюдается массовое нарушение использования электроэнергии для освещения в жилых домах. В целях пресечения подобного явления приказываю: 1. Распространить на поселок б. “Моховая” порядок пользования электроосвещением, установленный в г. Петропавловске, то есть — все электролампы должны быть напряжением 220 В, мощность лампы не должна быть больше 60 Вт. 2. Пользование лампами вольтажем 110 В совершенно запретить» [30, л. 75].

В 1943 г. рыбзаводом Моховая руководил директор Ф. С. Лелюхин. В 1944 г. на предприятии трудился 261 чел., в том числе 160 рабочих, 15 уче-

ников, 16 инженеров, техников и служащих. Рыбозавод выработал 19 776 ц рыбопродукции вместо 17 506 плановых. Программа по выпуску закусовых консервов была выполнена на 108 %: их закатали 157,5 туб. вместо 146,5. Производительность труда по сравнению с прошлым годом выросла на 21, а себестоимость продукции снизилась на 0,6 %. Все это дало основание признать работу рыбозавода хорошей.

Лучше всех сработал засольный цех, возглавляемый мастером В. Н. Великановым, выпустивший 15 143 ц, то есть 112 % от плана. На славу потрудились коптильно-икорный цех (мастер Лавриненко), холодильник (инженер-технолог В. П. Кутеко) и консервный цех (мастер Подгорный). Наряду с традиционной соленой продукцией завод освоил «выпуск улучшенного ассортимента»: маринованную, копченую и слабосоленую сельдь. Правда, не удалось выполнить задание по заготовке лососевой икры ввиду недополучения лосося от колхозников. Зато снизился расход сырца и на 10 % уменьшился расход соли. Бондарный цех собрал вместо плановых 6 893 бочек разной емкости 8 446 шт. общей вместимостью 12 196 ц.

Лес для цехов и отопления зданий полностью заготовить не удалось ввиду отдаленности лесных участков от базы и недостатка инструмента и транспорта. По свидетельству завхоза Славкина, в мае 1944 г. вместо восьми рабочих на дровозаготовках трудилось всего трое, и хотя они «давали выполнение норм от 150 до 260 %», все же этого было недостаточно. В результате производственные цехи, рабочие и служащие, в том числе и семьи красноармейцев, не удалось полностью обеспечить дровами на зиму, что усугубило их нелегкое бытовое положение. Ситуация несколько поправилась после того, как на лесозаготовках начал работать газогенераторный трактор.

Не хватило и технического сена, которое пришлось скормить скоту на подсобном хозяйстве из-за нехватки кормов. Площадь, занятая огородными культурами, выросла до 11,5 гектаров, но собрали с них лишь 762 ц. Надой на одну корову составил всего 1 160 литров. Крупного рогатого скота насчитывалось 24 головы, лошадей — 12.

В результате низкого урожая и надоя молока сельхозферма закончила год с убытком в 44 тыс. руб. С учетом невыполнения плана лесозаготовок и плохой деятельности сельхозфермы работа предприятия была оценена как удовлетворительная.

По результатам четвертого квартала 1944 г. за достижение хороших производственных показателей были премированы начальник засольного цеха В. Н. Великанов, подчиненные которого перевыполнили задание более чем наполовину, и начальник консервного цеха Д. Е. Подгорный. Возглавляемые им консервщики превысили план на четверть.

В конце 1944 г. обязанности директора рыбозавода исполнял В. Н. Великанов, а в 1945 г. директором был назначен М. П. Ларионов.

В военное время требования к качеству продукции были несколько снижены: по понятным причинам больше внимания уделялось ее количеству. Уловы судов Морлова выросли, а способы обработки рыбы на борту остались прежними (в то время охлаждаемых трюмов на траулерах не имелось). Вместо расчетных 170 в трюмах размещали до 300 т. Из-за ухудшения качества сырца после обработки на базе росло количество продукции третьего сорта, значительно превышая предусмотренное планом.

Качество выпускаемой продукции контролировала размещавшаяся на Моховой центральная химическая лаборатория АКО. Ее заведующий А. И. Теняков в 1945 г. отмечал недооценку обработки рыбы на берегу. Ее «можно видеть из того, что на базе до сего времени нет ответственного по обработке рыбы... Старый засольный и уборочный сарай совершенно не годятся, но к ремонту их до сего времени не приступили». Требовала ремонта и пристань, к которой становились промысловые суда с уловом [31, л. 8—15].

17 мая 1945 г. благодарность за внесение рационализаторского предложения и активное участие в постройке водяной турбины, установленной в машинном отделении, получил механик холодильника Кривоножкин. Расчеты турбины и ее чертежи выполнил главный инженер Морлова А. И. Гаркави. Кривоножкин, Гаркави, а также «лица машинного персонала холодильника и кузницы», участвовавшие в изготовлении и монтаже турбины, — Аркавенко, Фоменко и Шаронин получили денежные вознаграждения [30, л. 42].

Размеренная деятельность базы нередко нарушалась вмешательством стихии. В бурную ночь с 15 на 16 ноября 1942 г. у берега рыбозавода разбился кунгас, груз которого затонул. Убыток от этого происшествия составил 26 328 руб. и был списан на стихийное бедствие [32, л. 5]. А в 1944 г. сильным осенним штормом размыло берег. Его укрепили установкой ряжевой набережной, на изготовление которой затратили 9 548 руб. 48 коп. [33, л. 61].

Иногда причиной убытков становилась халатность. Так, приказ начальника АКО от 8 апреля 1944 г. гласил: «Госрыбинспектором базы Моховая установлен факт безобразного отношения к рыбопродукции, доставляемой траулерами. На траулере “Топорок” замерзла водяная магистраль. Чтобы ее отогреть, вахтенный машинист применил пар. В результате 38 803 кг рыбы было подварено и признано негодной в пищу». Дело об этом происшествии было отправлено в следственные органы [34, л. 228].

На протяжении всей войны работницы базы Моховой трудились не покладая рук, зачастую выполняя мужскую работу, перевыполняя нормы, давая фронту и тылу все больше рыбных продуктов. 7 марта 1945 г. увидел свет праздничный приказ по Морлову, донесший до нас имена некоторых из этих скромных тружениц. «За безупречную работу в деле выполнения производственных заданий» благодарности с занесением в личное дело объявлялись: Редькиной, А. Т. Плотниковой, Н. Мисюриной (сетепопшивочный цех),

А. Гридневой, П. Двойченко, Т. Поляковой, Д. Найденовой (засольный цех), М. Сахновой, А. Бакастовой (консервный цех), А. Власюковой, М. И. Чаплиевой, А. Евсеевой (хозяйственный цех), А. Князевой (боец ПВСО), М. Г. Рыженко (заведующая детсадом), Ф. Юрченко (повар), З. Исаковой (холодильник), Мельниковой (копильный цех), А. Д. Славкиной и Н. Ф. Лелюхиной (управление рыбозавода).

Благодарностей удостоились: Г. И. Головина (сетепшивочная мастерская), О. Мурзина, Ф. Аверина, Шарафутдинова, Мячина (засольный цех), М. Шишова, А. Симахина, К. Волкова (консервный цех), Антонова и Луденкова (копильный цех) и другие.

Руководство Морлова выражало уверенность в том, что женщины «и впредь будут, не жалея сил, помогать бойцам Красной Армии быстрее покончить с зарвавшимся врагом — немецким фашизмом» [30, л. 69].

МОРЛОВ АКО

Пионер морского промысла на Камчатке — База активного опытного лова (БАОЛ) — была создана приказом начальника АКО 19 января 1936 г. 5 ноября 1938 г. БАОЛ переименовали в Управление активного морского рыболовства АКО (Морлов). В 1940 г. его возглавлял директор В. А. Кортиков. В этом сезоне предприятие добыло всего 19 000 ц рыбы, так как значительная часть его судов занималась не промыслом, а перевозкой грузов.

По состоянию на 1 января 1941 г. Морлов имел 16 промысловых судов, табл. 2 [22, л. 19].

Таблица 2

Суда	Мощность, л. с.	Грузоподъем- ность, т	Водоизмеще- ние, т
Сейнеры № 1 и 2	270	55	248
Сейнеры «Авача» и «Виллой»	270	60	253
Дрифтеры «Ударник» и «Стахановец»	150	30	179
Разведчики «Нептун», «Сатурн», «Юпитер»	150	20	124
Траулеры:			
«Восток»	650	229	1 170
«Дальневосточник»	675	213	915
«Гага»	650	245	1 254
«Топорок»	680	202	1 210
«Буревестник»	600	194	1 136
Итого:	5 085	1 433	7 293

Производственная программа Морлова на 1941 г. предусматривала вылов 40 000 ц сырца. Потребность предприятия в орудиях лова на предстоя-

ший сезон оценивалась в девять кошельковых селедочных неводов и восемнадцать тралов. Лед для хранения улова в объеме 5 000 куб. м «самозаготовкой» намеревались запастись в бухтах Жировой и Моховой.

Плановая численность плавсостава определялась в 232 чел., их среднегодовая зарплата на промысловых судах — 12 149,2 руб. [22, л. 7].

В 1941 г. предприятие принял «пионер круглогодичного лова на Каспийском море орденоносец» Г. Я. Ермошкин, направленный на Камчатку НКРП СССР с заданием наладить круглогодичную добычу и здесь. В управлении Морлова трудились 12 инженеров и техников и четверо обслуживающих (курьер, уборщица, два сторожа). Предприятие располагало двумя грузовиками-«полуторками» ГАЗ-АА, одной легковушкой-«эмкой» ГАЗ-М1 и тремя катерами с моторами «Ашемже», «Ханьшин» и «Коммунист» мощностью 30—50 л. с. [22, л. 33, 41].

После приема базы Моховой вместе с холодильником, рыбозаводом и подсобными предприятиями Морлов стал предприятием с законченным циклом производства: в его рамках добыча объединилась с обработкой. В состав Морлова вошли:

- промысловый флот;
- цехи: засольный, копильный, колбасный, консервный, икорный, строительный, «огневой сушки рыбы»;
- холодильник;
- сельскохозяйственная ферма;
- коммунальное хозяйство.

Одновременно Морлов коренным образом изменил характер промысловой деятельности: из сезонной она превратилась в круглогодичную. Однако на первых порах «успешное разрешение в 1941 г. проблемы круглогодичного морского рыболовства в его организационных формах не могло сразу оказать заметного влияния на результатах хозяйственной деятельности».

В 1941 г. предполагалось провести работы экспериментального характера: освоить симметричный трал и изучить его промысловые качества в различных условиях. Но «изменническое нападение немецко-фашистских орд на Советский Союз временно приостановило эту работу, и, более того, значительную часть флота пришлось переключить на работу не по прямому назначению» [26, л. 17].

Летом 1941 г. большинство судов пребывало на промысле. Вот как отреагировал на весть о начале войны экипаж траулера «Топорок»: «Находясь в море, мы услышали по радио сообщение Народного комиссара иностранных дел Вячеслава Михайловича Молотова о переходе германскими войсками советской границы без объявления войны. Экипаж тральщика “Топорок” с глубоким возмущением выслушал сообщение о вероломстве фашистов Германии, напавших на нашу священную и неприкосновенную социалисти-

ческую Родину. Экипаж готов в любую минуту по зову коммунистической партии и правительства встать на защиту социалистических рубежей и дать сокрушительный отпор фашистским бандитам, чтобы им неповадно было совать свое свиное рыло в наш советский огород. В настоящий момент экипаж тральщика “Топорок” обязуется еще теснее сплотить свои ряды, выполнить и перевыполнить производственный план, как по качеству, так и по количеству, усиливая мощь нашей социалистической Родины» [35].

Часть промыслового флота мобилизовали и передали ТОФ. 19 июля 1941 г. начальник АКО С. П. Емельянов распорядился: «Во исполнение телеграфного указания начальника штаба ТОФ... приказываю... директору Морлова АКО Ермошкину не позднее 21 июля сего года передать в распоряжение командира ПВМБ ТОФ два сейнера: “Авача” и “Виллой”».

План вылова рыбы на 1941 г. был выполнен лишь на 52,5 %: удалось добыть всего 23,2 тыс. ц. Причиной этого стало то, что суда работали, в основном, не по назначению: на грузоперевозках они были заняты 40, а на промысле — всего 27 судомесяцев. С заданием по выпуску готовой продукции Морлов справился на 43 %. Ее ассортимент составили, ц: охлажденная и парная рыба — 5 760, мороженая — 4 924, копченая — 454, лосось соленый — 3 438, икра лососевая — 108, маринад — 137, рыбная колбаса — 77, соленые лососевые брюшки — 26, прочая пищевая — 71. Были приготовлены первые 471 ящ. закусовых консервов.

План по сортности также выполнить не удалось: доля высших и первых сортов уменьшилась на 21 %, зато вырос выпуск вторых и третьих. Себестоимость продукции выросла на 16,1 % по сравнению с прошлым годом. «План по выпуску не выполнен из-за недолова. Морлов дал более разнообразный ассортимент продукции против предусмотренного. Такие изделия, как консервы, копчености, маринады и колбаса вырабатывались не только из лососевых пород, но и из менее ценных. Так, например, из 233 ц сырца, направленного на производство рыбной колбасы, рыбы лососевых пород было только 89 ц, остальные 144 — треска, камбала, корюшка, навага. На маринад направлено 183 ц уйка... Использование этих наименее ценных пород рыбы на производство качественной продукции следует отметить как положительный момент в работе Морлова» [26, л. 5].

«Причина недолова промысловыми судами кроется не в плохой работе руководителей Морлова или судовых команд, а в неправильном их использовании, в тенденции преимущественного использования судов на грузоперевозках в ущерб прямому назначению».

Хозяйственная деятельность Морлова в 1941 г. оценивалась как неудовлетворительная [26, л. 8].

Промфинплан на 1942 г. был утвержден в объеме 32 450 ц. При его разработке особо отмечалась «необходимость использования всех отходов произ-

водства, в том числе молок и головок, направляя последние в первую очередь на питание рабочих и служащих в свежем или соленом виде, в крайнем случае отходы от производства направлять для заготовки корма для собак».

Наиболее мощные суда — паровые траулеры — решено было в максимальной степени использовать на промысле. Только в этом случае выполнение плана вылова могло стать реальностью.

Промысел начался в январе 1942 г. Вот что сообщали моряки траулера «Восток» о своем первом опыте: «Пробное траление дало хорошие результаты, мы подняли на борт 1,5 т камбалы. До этого экипаж тральщика еще не работал на активном лове. “Восток” использовался как транспортное судно, и первый хороший улов воодушевил коллектив.

Затем за пять промысловых суток мы сделали 40 тралений и добыли 560 ц рыбы. Задание на вторую половину января мы выполнили, несмотря на то, что это дело для всей команды новое, а погода все дни была исключительно неблагоприятной — шторм со снегом достигал семи баллов. Это сильно затрудняло промысел. Но наши люди работали самоотверженно, стойко перенося трудности.

Особо отличился тралмейстер Павел Егорович Алешкин, который все время держал трал в исправности, и матрос 2-го класса Владимир Кульков, хорошо работавший на уборке рыбы в трюм. Не отставал от них матрос 1-го класса Дмитрий Неупокоев. Илья Григорьевич Ефстафиади, несмотря на штормовую погоду, хорошо держал тральщик на рыбных банках. Кочегары 1-го класса товарищи Вагайцев и Челаков всегда держали пар на марке и обеспечивали нужный ход судна. Механик Лесовой обеспечил бесперебойную работу механизмов. Вместе с нами работал инженер добычи Морлова товарищ Томашевский. Он обучил экипаж траловому лову.

Сейчас мы уже имеем некоторый опыт тралового лова. В предстоящий выход в море на промысел мы учтем недостатки, которые были в первом рейсе, и задание на февраль выполним в срок. Хочется скорее снова выйти на активный лов. Между тем, из-за снабжения углем и водой выход тральщика задерживается. Этого нельзя допускать!» [36].

Оставшиеся в Морлове после передачи ТОФ суда были военизированы, их экипажи объявлены состоящими на воинской службе. 24 января 1942 г. организован «дивизион рыболовецкой службы» в составе траулеров «Дальневосточник», «Буревестник», «Восток», «Топорок» и «Гага». Его командиром стал директор Морлова АКО Г. Я. Ермошкин. В июле 1942 г. помощникам капитанов по политической части (помполитам) были присвоены должностные звания «политрук» [37, л. 34].

В 1942 г. ТОФ дополнительно передали дрейфтеры «Стахановец» и «Ударник». Судами Морлова в начале 1942 г. командовали: «Дальневосточником» — К. К. Берг, «Ударником» — И. Г. Ефстафиади, «Топорком» — С. Г. Оводовский,

«Буревестником» — П. М. Иванов, «Гагой» — Р. Г. Кеерберген, «Востоком» — Г. Т. Ленский, сейнером № 1 — Н. Колядин [38, л. 99].

В октябре 1942 г. на добыче рыбы лидировал «Топорок» (капитан Оводовский, тралмастер Попов). Суточные уловы доходили до 31 т. С 7 по 12 октября судно поймало 105 т рыбы, преимущественно камбалы. Рейсовое задание оказалось выполненным на 110 %. «Восток» (капитан Ленский, тралмастер Токарев) за восемь дней добыл 102 т. После сдачи улова на Кихчинский комбинат судно опять вышло на лов и с 11 по 14 октября поймало еще 50 т. «Гага» с 21 сентября по 6 октября выловила 113 т. Между командами траулеров шло «предоктябрьское соревнование за право рапортовать к 25-летию Советской власти о выполнении фронтového задания» [39].

Итогом такого напряженного труда стало выполнение плана 1942 г. по заготовке рыбы-сырца на 104,4 %. Морлов добыл 33,9 тыс. ц, превысив прошлогодний улов почти вдвое. Наиболее эффективно в течение года работал траулер «Топорок», справившийся с заданием на 197,6 %.

«Необходимо отметить, что Морлов на протяжении ряда лет, будучи еще БАОЛом, впервые в отчетном году, благодаря налаженности в работе, добился значительных сдвигов в части увеличения добычи рыбы, выполнив, таким образом, план заготовки рыбы... по сравнению с прошлым 1940—41 г. Добыча рыбы в 1941 г. по гослову увеличилась на 10,7 тыс. ц. Выполнение плана проходило крайне напряженно и, в основном, было успешно завершено в конце четвертого квартала, на долю которого падает 47,2 % общего количества вылова по гослову. Во втором и третьем кварталах траулеры снимались на грузоперевозки, в частности, “Восток” и “Гага”. Всего же при 23,1 судомесяце работы на лову 10,6 судомесяцев промысловые траулеры работали на грузоперевозках, что следует рассматривать как ненормальное явление...» [38, л. 3—5].

Впервые семь лет существования БАОЛа — Морлова его работа признавалась удовлетворительной.

В течение 1942 г. средняя численность работников Морлова составляла: 316 рабочих (в том числе 66 рядовых моряков), 11 учеников, 77 инженеров и техников, 24 служащих и 22 обслуживающих. Их годовая зарплата была равна, соответственно, 9 620 (в том числе у моряков 11 881), 3 273, 15 280, 11 170 и 5 454 руб. [38, л. 5].

Подсобное хозяйство предприятия засеяло 10 га картофелем и капустой и собрало 553 ц овощей (60,6 % плана). Удой на одну корову достиг 1 756 против 1 690 л по плану, всего надоили 19 240 л. За год родились 11 телят [38, л. 7].

В составе Морлова трудились 42 строителя, возглавляемые прорабом Никифоровым, в том числе 25 плотников и столяров. Ввиду нехватки завозных стройматериалов «жилищное строительство оказалось проваленным, и Морлов поставил себя под угрозу невозможностью приема рабочей силы

в 1942 г. при существующем у него жилищном кризисе». Его работники размещались в десяти каркасно-засыпных палатках, крытых так называемой «финской стружкой», то есть щепой, одном бараке, домике, перестроенном из парикмахерской, трех гессенских утепленных палатках и одном новом доме [38, л. 22].

Строители трудились по своему прямому назначению всего пятую часть рабочего времени. Остальное занимал ремонт и другие работы, не связанные со строительством (например, тарировка и погрузка рыбопродукции). Новый жилой дом, заложенный в прошлом году, за 1942 г. собрали лишь на четверть. Сооружение бани, стационарной пристани, сохранилища и реконструкция уборочного цеха и водопровода также не закончились. Некоторые объекты вошли в эксплуатацию незавершенными: пятнадцатикомнатный дом был готов лишь на 63,4, а столовая — на 76,6 %... [38, л. 13].

К началу 1943 г. Морлов располагал следующими производственными сооружениями: пристанью, медпунктом, яслями, пошивочными мастерскими, промкомбинатом, столярными мастерскими, конюшней на три станка, оградой промысла, наружной электросетью, временной столовой, складом, конторкой засольного цеха, вешалами для неводов, овошехранилищем, шлюпочной мастерской и кузницей [38, л. 22].

1943 г. стал переломным «в занятии управлением Морлова АКО своих функций по добыче рыбы-сырца активным морским ловом, а также обработке пойманного сырца на заводе Моховая». Удовлетворительное снабжение флота орудиями лова, материалами и топливом, правильное распределение рабочих рук и другие факторы обеспечили перевыполнение плана по всем основным показателям (табл. 3, в неизменных ценах 1926 г.).

Таблица 3

Показатель	План	Отчет	% выполнения
Добыча сырца, ц:	36 100	44 061	122
Готовая продукция, ц	33 360	41 090	123
Консервы, ящ.	1 973	2 249	114
Валовая продукция, тыс. руб.	1 469	1 679	114
Выработка готовых изделий, тыс. руб.	5 246	5 781	110

Названные цифры подчеркивают самоотверженную работу коллектива Морлова АКО в 1943 г. Наиболее интенсивно трудились экипажи траулеров «Буревестник» (капитан В. М. Неклюдов) и «Топорок» (капитан С. Г. Оводовский), выполнившие план добычи рыбы на 167 и 151 % соответственно [31, л. 7].

Вот как газета «Камчатская правда» описывала труд экипажа «Буревестника». «Сложна работа моряков. Но еще сложнее она на промысловых судах. Человек должен быть здесь не только моряком, но и опытным рыбаком, в лю-

бое время способным оставить штурвал или лопату кочегара и встать к тралу или на сортировку и солку рыбы.

Таких людей воспитывает на своем небольшом судне капитан Владимир Михайлович Неклюдов. Ему сорок восемь лет, и тридцать три из них посвящены морю, морскому лову. Начав морскую службу в водах Ледовитого океана, Владимир Михайлович за тридцать с лишним лет избородил многие моря и океаны. С 1932 г. он непрерывно плавает в водах, омывающих Камчатку, лова краба, треску, камбалу, сельдь.

Когда перед траловым флотом АКО была поставлена задача максимального вылова рыбы, Владимир Михайлович пришел на “Буревестник”. Нерадостными были первые дни. План не выполнили, люди работали с прохладцей, не вкладывали в работу души, не болели за честь судна. Пришлось начинать с людей, воспитывать в них чувство ответственности за работу, за государственный план. И сейчас Владимир Михайлович может гордиться. Люди “Буревестника” — это лучшие рыбаки Морлова.

Тралмейстер — первый помощник капитана на лову рыбы. От его знаний, умения, инициативы зависит успех дела. Таким требованиям отвечает Павел Егорович Алешкин — первый тралмейстер “Буревестника”.

— Человек дела! Неутомимый работник, — так характеризует капитан своего тралмейстера. Его можно видеть на полубаке и днем, и ночью. Когда идет траление, все внимание Павла Егоровича сосредоточено на одном: правильно протралить намеченный участок моря, быстро поднять трал на судно и освободить его от ценного груза. Тралмейстер хорошо знает, что трал должен подниматься свободно и без задержек. Поэтому он ведет траление пять-семь минут, что гарантирует быструю маневренность и сохранность снаряжения. “Буревестник” не потерял ни одного трала.

Держать пар на марке, а судно на курсе — такое требование предъявляется к машинной команде. Игнат Игнатович Наркевич — старший механик. Он, его помощники, кочегары и машинисты у жарких топок помогают успешному тралению. Когда трал в действии — нужно держать высокое давление в котлах и обеспечивать необходимый ход судна. Моряки-рыбаки никогда не жалуются на машинистов и кочегаров. Напротив, восторженно о них отзываются. Да и как не говорить о хорошей работе механиков, когда они делают все, чтобы обеспечить бесперебойный лов?!

Вышла из строя центробежка, грозит срывом рейса. Этого допустить нельзя, и Игнат Игнатович с помощниками быстро находят дефект, своими силами исправляют его, и судно продолжает лов. Крепление талей ослабли, разболтались скобы. И здесь механики помогли — быстро устранили неисправность.

Штурманы товарищи Тяжкин и Салтыков — опытные судоводители. У них судно всегда идет по курсу, не сходит с рыболовной банки. Вместе с механиками и штурманами, вместе с капитаном и тралмейстером матросы товари-

щи Пронин, Жулында, Коротчин, Трофимов, засольщик Лисаков, буфетчица Евдокия Позднякова и другие в тихую и штормовую погоду борются за каждый центнер выловленной рыбы. Это они по 14—16 часов непрерывно работают на приемке трала, уборке рыбы.

Небольшой коллектив траулера живет одной мыслью — помогать фронту стахановской работой на лове. И их труд виден. Они первыми в Морлове выполнили квартальный план. Они продолжают лов, в труде отметив 25-ю годовщину Красной Армии» [40].

Нередко моряки попадали в критические ситуации. «18 и 25 марта 1943 г. рыболовный траулер “Гага” на пути из Охотского моря в Петропавловский порт в районе острова Уташут — мыс Кузачи дважды обезуглился. Израсходовав весь уголь и находясь вблизи опасности, в целях спасения судна, груза и людей, по распоряжению капитана Кеербергена сожгли все, что могло гореть: разное деревянное оборудование, окрасочный материал и груз — картон 3 500 кг. Кроме этого, потерял верп (завозной якорь, использующийся в аварийных случаях. — С. Г.) весом 200 кг и 600 м васа, выброшено за борт 10 т камбалы, испортившейся во время качки.

Расследованием установлено, что плавание рыболовного траулера “Гага” проходило в крайне осложненной гидрометеорологической обстановке, которая не только задержала ход судна, но и не позволила из-за плохой видимости своевременно возвратиться в Охотское море, чтобы там отстояться и пополнить бункер. 31 марта 1943 г. пароход “Орочон” прибуksировал траулер “Гага” на рейд Озерновского рыбокомбината и выдал ему 80 т угля. 4 марта траулер “Гага” прибыл благополучно в Петропавловск. На основании того, что обезугливание траулера “Гага” наступило по стихийной причине, приказываю: обезугливание траулера “Гага” отнести к общей аварии, а убытки от нее распределить между судном, фрахтом и грузом соразмерно их стоимости» [31, л. 31].

31 марта 1943 г. был составлен акт, в соответствии с которым убытки от «невыполнения плана, на спасательные работы, ремонт и приведение в годное состояние поврежденных или попорченного груза» определились в 71 190 руб. [31, л. 30].

Судовой состав Морлова в 1943 г. вновь изменился: 31 июля и 29 октября он передал ТОФ сейнеры № 1 и № 2 и получил от Главмуррыбпрома паровой траулер «Палтус» стоимостью 4 млн руб. В начале 1943 г. затонул вошедший в прошлом году в состав ТОФ дрейфтер «Ударник». Убытки от его гибели, в соответствии с актом, составленным 5 октября 1943 г., оценивались в 53 939 руб., в том числе 15 000 «по выдаче пособий на лечение людей, семьям погибших» [31, л. 31, 76].

Показатели использования флота в 1943 г. приведены в табл. 4.

Таблица 4

Показатель	Траулер промысловый		Траулер транспортный	
	план	факт	план	факт
Количество судов	4	4	1	1
Сутки, в том числе:				
– лов и переходы	380	430	—	—
– грузоперевозки	—	—	226	172
– ремонт	288	294	90	156
– стоянка	792	254	49	43

Как видно, время работы флота на лову выросло против планового на 13 %. Простой в ремонте и на стоянках уменьшились в общей сложности на 97, а несвойственные промысловому флоту грузовые перевозки снизились на 31 %. К тому же, за год пять траулеров: «Восток», «Гага», «Буревестник», «Дальневосточник» и «Топорок» сэкономили 5 14 т условного топлива и 3 272 кг дефицитного смазочного масла [31, л. 66]. Удовлетворительное техническое состояние флота явилось заслугой экипажей судов, а также главного инженера Морлова В. П. Борзова и группового механика П. Н. Харкевича.

По состоянию на 1 января 1944 г. капитанами траулеров состояли: «Дальневосточника» — К. К. Берг, «Гаги» — П. М. Иванов, «Востока» — Г. Т. Ленский, «Топорка» — В. М. Неклюдов, «Палтуса» — Н. Ф. Шурыгин [31, л. 65—66, 89].

Численность персонала Морлова в 1943 г. составила 479 чел., в том числе: 388 рабочих (из них 56 на лове и 38 на обработке), девять учеников, 76 инженерно-технических работников, 23 служащих, 63 обслуживающих [31, л. 12].

Одним из проявлений творческого отношения людей к порученному им делу стало рационализаторское движение. За 1943 г. сумма экономии от внедрения трех предложений (использования одного электромотора для привода двух станков, применения устройства по завивке нитки на веретене и приспособления для подъема затонувшей шхуны) за счет снижения затрат электроэнергии и освобождения рабочих рук составила 9 000 руб. Рационализаторы Анисимов, Орлов и Аркавенко получили 1 150 руб. авторского вознаграждения [31, л. 107, 116].

Энергетическое оборудование предприятия в 1943 г. включало: три паровых котла системы инженера Шухова, паровую лебедку мощностью 50 л. с., шесть электромоторов, семь электросварочных аппаратов, холодильную установку, аппарат окончательной закатки консервов фирмы «Троер Фокс» и два автоклава. Электростанция, оснащенная тремя двигателями общей мощностью 63,5 л. с. и двумя генераторами, выработала 39 200 кВт·ч против прошлогодних 27 000. Из них больше всего (13 600 кВт·ч) израсходовали на бытовые нужды. Два грузовика Морлова за 1943 г. прошли 6 485 км и перевезли 945 т груза [31, л. 36—37].

Слабым звеном, как и на большинстве других предприятий АКО, оставалось подсобное сельскохозяйственное производство. Здесь систематически

наблюдался падеж скота. Заведующий сельхозфермой С. И. Слободчиков сообщал: «Кони на ферме истощены ввиду того, что их приходится кормить только сеном». В течение года были «ликвидированы» лошади Маруся, Наня и Росси, быки Мишка и Алтай [29, л. 18; 31, л. 95].

В 1944 г. на ферме имелись лошади Роня, Вредный, Сокол, Тамара, Волна, коровы Марта, Юлька, Люська, Люстра. В результате «истощенного состояния поголовья крупного рогатого скота» весной 1944 г. забили двух коров и двух бычков, пали пять лошадей [33, л. 125; 41, л. 24].

И все-таки в 1943 г. Морлов впервые добился весьма существенных успехов. При плане заготовки рыбы-сырца в 36,1 тыс. ц он добыл 44,06 тыс. ц или 122 %. С заданием по выпуску пищевой продукции он справился на 120, по выпуску консервов — 118,8, по собачьему корму — на 511 %. Улучшился и ассортимент: больше выработали малосолевой и среднесолевой сельди, маринадов. Предприятие выполнило нормы по расходованию сырца на производство продукции, достигнув экономии в 56 ц, но перерасходовало 34 т соли.

Морлов завершил 1943 г. с убытком в сумме 545 тыс. руб. против планового 3 477 тыс. руб. Уменьшение потерь произошло за счет повышения сортности продукции, снижения ее себестоимости, перевыполнения выпуска продукции и получения сверхплановой прибыли по грузоперевозкам [29, л. 1—2]. Продукция в 1943 г. составила 12 362 тыс. руб. [31, л. 35].

Хотя управление АКО и признало работу Морлова удовлетворительной, результаты могли быть еще лучше. По словам главного инженера В. П. Борзова, основной объем судоремонта пришелся на конец года. Ремонтные ведомости составляла судверфь, траулеры выходили из ремонта со многими недоделками, на устранение которых приходилось тратить дополнительные средства и время.

Это мнение поддерживал начальник службы эксплуатации А. Я. Думенко: «Основные убытки получены от частого ремонта флота. Убытки не зависят целиком от Морлова... Большая часть вины в этом падает на управление АКО. До тех пор, пока Морлов не будет заниматься флотом самостоятельно, убытки будут неизбежны (АКО заставляет возить грузы). Ведомости СРВ нами не проверяются... необходимо, чтобы наши работники по механической части и отдела кадров посещали суда при их приходе в порт, что даст возможность своевременно устранить неполадки по машинной части, вовремя уладить дело с визами и некомплектom кадров».

Улучшить можно было и снабжение судов. Так, старший помощник капитана траулера «Восток» Я. Я. Изаак жаловался, что снабженцы проявляют нерасторопность в обеспечении флота нужными материалами. Добыть же имевшееся тоже было трудно: склады находились в городе, а управление Морлова — на базе Моховой. «Судовым работникам, чтобы получить с го-

родского склада материалы, нужно бежать на Моховую, выписывать их, что отнимает много времени» [29, л. 18].

12 мая 1944 г. начальник АКО утвердил Морлову новый годовой план: «заготовка рыбы-сырца, тыс. ц: гослов — 53, скуп — 7,5, итого — 60,5... Выпуск готовой рыбной продукции... 48 208 ц... Выход консервной продукции... 146,5 туб., 2 000 ящиков... Численность работающих — 518... Фонд зарплаты 4 848,0 тыс. руб. Выработка в неизменных ценах на одного среднесписочного работника — 6 508 руб. Рост производительности труда по отношению отчета 1943 г. — 12,5 %» [42, л. 18].

В 1944 г. Морлов насчитывал шесть траулеров: «Дальневосточник», «Палтус», «Буревестник», «Восток», «Гага» и «Топорок». С января по октябрь 1944 г. они добыли 56 535 ц рыбы и морзверя, затратив на это 4 964 тыс. руб. Себестоимость 1 ц сырья составила, таким образом, 87,9 руб. За этот же период траулеры 5 910 судочасов занимались перевозкой грузов [33, л. 19, 27].

Общий улов в 1944 г. достиг 61 300 ц. Годовой план был выполнен на 101,3 %.

На траулерах было налажено соревнование вахт. Так, на «Топорке» они заключили между собой договоры, в которых обязались ловить за вахту не менее 8 т рыбы. 20 января 1944 г. вахта третьего помощника Салтыкова и тралмейстера Косыгина добыла 12,9 т. Заступившая на смену вахта второго помощника Романова и помощника тралмейстера Кулинова выловила уже 14,5 т. Первой за эти сутки стала вахта старшего помощника Гладкова и помощника тралмейстера Шашина: она поймала 15 т. Всего же за сутки рыбаки добыли 72 т рыбы. Такой результат был достигнут впервые. Впрочем, уже вскоре он был заметно перекрыт: 30 января 1944 г. вахта Романова и Кулинова выловила 17,5 т.

«Экипаж траулера “Топорок”, — радировали с промысла, — одержал крупную трудовую победу: 24 марта завершил выполнение годового плана вылова рыбы. Меньше чем за три месяца промысла в чрезвычайно трудных условиях зимы, в бурном Охотском море моряки выловили 13 тыс. ц рыбы. Полный горячей любви, беззаветной преданности матери-Родине, воодушевленный предстоящими победами героической Красной Армией, экипаж траулера успешно продолжает лов рыбы в фонд Верховного Главнокомандования Красной Армии» [43].

Отлично трудились и другие моряки. «В течение долгого времени среди тральщиков Морлова АКО рекорд по добыче оставался за командой тральщика “Гага”, выловившей за сутки 55 т рыбы. Это считалось большой производственной победой в траловом рыболовстве. Моряки тральщика “Восток” (капитан тов. Ленский, тралмейстер тов. Косяченко) решили перекрыть этот рекорд. Они долго готовились к этому. Выискивали новые банки, увеличивали число тралов. 31 марта им удалось одержать крупную производственную победу. В этот день команда тральщика выловила 120 т рыбы и установила новый трудовой рекорд. Моряки не останавливаются на достигнутом. Они

дали твердое слово добиться еще лучших результатов и этим помочь наступлению героической Красной Армии» [44].

Победоносное наступление на фронте и трудовые подвиги тыловиков «породили небывалый подъем среди моряков, рыбаков и рыбачек нашего коллектива на досрочное выполнение государственного плана 1944 г., всестороннюю поддержку Красной Армии в ее борьбе за наше правое дело».

На протяжении войны коллектив Морлова, несмотря на трудности, из года в год увеличивал темпы добычи и обработки рыбы, перевыполняя данные ему годовые задания. Добыча рыбы, тыс. ц, за 1942—1944 гг. показана в табл. 5.

Таблица 5

Год	План	Отчет	% выполнения
1942	32,4	33,2	103,1
1943	36,1	44,0	122,0
1944	60,5	61,3	101,3

В 1944 г. помимо рыбы добыли 1,766 тыс. ц морского зверя [41, л. 66].

Наращиванию темпов добычи способствовала самоотверженная работа экипажей зимой в условиях тяжелой метеообстановки и хорошая всесторонняя подготовка к промыслу. В результате траулер «Топорок» (капитан Неклюдов, тралмейстер Попов, старший механик Анкур) выловил 18 034 ц, выполнив план на 138 %, траулер «Гага» (капитан Иванов, тралмейстер Токарев, старший механик Мамонтов) при плане 9 000 поймал 11 950 ц, то есть 132,6 %.

Показатели работы флота за 1944 г. приведены в табл. 6.

Таблица 6

Время	План		Отчет	
	судосуток	в %	судосуток	в %
На лову	796	36	777	35
На грузоперевозках	860	39	1 007	45
Вне эксплуатации	540	25	412	20
Всего:	2 196	100	2 196	100

Как видно, флот использовался на промысле только 35 % времени. Перевыполнив план по добыче рыбы в кратчайший период времени и максимально сократив простои в ремонте, траулеры оказали неоценимые услуги ряду комбинатов по завозу соли, угля, консервной баночки, клепки, сигар с пиломатериалом и прочего. Недостатком, препятствующим получению еще более высоких результатов, являлись большие простои в ожидании бункеровки углем в Корфе и отсутствие возможности набора воды на комбинатах.

За год флот сэкономил семь тралов, 808,5 т угля, 13,6 т нефти и 3,7 т смазочного масла [33, л. 35].

Убытки от стихийных бедствий за 1944 г. составили 19 774 руб. 88 коп. Сюда вошли стоимость 120 ц камбалы, смытой 26 февраля 1944 г. с палубы «Топорка», и расходы по укреплению береговой линии на базе Моховой

после сильного шторма. «Палтус» в 1944 г. трижды терпел аварии: 15 января в б. Ахомтен (ныне Русская), 22 февраля в Авачинской губе и 23 мая в районе Кичиги. «Гага» пострадала дважды, причем оба раза на ПСРВ: 25 января и 16 мая. В середине мая на рейде Кичигинского рыбокомбината не повезло и «Дальневосточнику». Общая сумма потерь от аварий составила 383 141 руб. 49 коп. [33, л. 61—62].

В 1945 г. в море работали только три траулера: «Буревестник», «Топорок» и «Палтус», но и они не были полностью использованы на лове, а большую часть времени занимались перевозками. «Гага», «Восток» и «Дальневосточник» ремонтировались.

18 января 1945 г. директор Морлова издал приказ № 4: «Учитывая важность работы одного траулера “Буревестник” на лове рыбы в 1945 г. и большого планового задания на этот год, приказываю: 1. Начальнику эксплуатации тов. Думенко А. Я. организовать свою работу с таким расчетом, чтобы траулер мог быстро возвращаться из порта на лов рыбы. Для этого необходимо следить за быстрой бункеровкой углем и водой, добываясь перед управлением АКО внеочередности, а также следить за быстрой разгрузкой рыбы в порту, о всех ненормальностях ставить меня немедленно в известность.

2. Начальнику кадров тов. Клочко Г. Я. по приходу судна в порт немедленно являться на борт последнего и по необходимости, согласно указаний капитана, делать перестановку или доукомплектование состава экипажа...

3. Начальнику снабжения тов. Ходаковскому особо следить за полной снабженностью материалов на р/т “Буревестник”, в первую очередь обеспечивая его спецодеждой и обувью по моему разрешению.

4. Групповому механику тов. Харкевич при наличии мелких неполадок с механизмами “Буревестника” немедленно устранять дефекты силами экипажа...

5. Учитывая отсутствие необходимого количества квалифицированных помощников тралмастеров, а также опыт работы прошлых лет, с 15 января с. г. устанавливаю на р/т “Буревестник” двухсменную траловую вахту, причем таковую должны нести тралмейстер тов. Алешкин и помощник тралмейстера тов. Кулинов...» [30, л. 77].

В течение четырех дней января 1945 г. в районе Озерной «Буревестник» под командованием капитана П. М. Иванова добыл 250 т рыбы. Самый большой улов — 91 т — пришелся на 14 января 1945 г.

Команда «Буревестника», «по-фронтовому проведя два рейса, обязалась в январе в честь победного наступления Красной Армии провести еще один рейс. Это обязательство с честью выполнено. Выйдя в третий раз на лов, члены экипажа за 34 часа добыли 220 т рыбы». Моряки заявили: «Увеличением добычи рыбы мы помогаем родным советским воинам. Пусть они беспощадно громят врага, еще стремительнее идут вперед к Берлину!» [45, 46].

Отлично трудились и моряки «Топорка». В беспокойном февральском море за короткое время они добыли 100 т камбалы. Экипаж решил перевыполнить рейсовое задание к годовщине создания Красной Армии на 15 %, сэкономить 15 т топлива и «честным трудом славить героических советских воинов».

Следует отметить, что наряду с проявлениями трудового энтузиазма, на судах, занимавшихся перевозкой грузов, наблюдались хищения и недостачи. О таких фактах сообщает заключение главной бухгалтерии АКО по итогам работы Морлова в 1945 г.

«При перевозке тральщиком “Восток” почты в Пенжино пропали принятые к перевозке посылки; на тральщике “Буревестник” был похищен командой ящик махорки, адресованной в Корф; на тральщике “Гага” пропал ящик обуви; были еще два случая пропажи из перевозимого груза обуви на тральщиках “Гага” и “Палтус”. При перевозке на тральщике “Дальневосточник” американских подарков в комбинаты восточного берега Камчатки все места с подарками были на судне вскрыты и из них расхищены различные вещи и т. д. Руководство Морлова относится к этому со странной снисходительностью и благодушием. Требование закона о взыскании с виновников недостач и хищений стоимости их в 12,5-кратном размере руководством Морлова игнорируется...»

«Несмотря на ряд категорических запрещений, до сих пор продолжается приписка в коносаментх разного рода примечаний, вроде: “Тара слабая, тузлука не держит”, “Вес по заявлению отправителя” и др. Указанные приписки создают безответственность и безнаказанность за недостачи и хищения перевозимых тральщиками грузов. Кроме того, частая смена ревизоров (вторых помощников капитана. — С. Г.) на судах Морлова также способствует безответственности и безнаказанности за сохранность вверенных им ценностей» [47, л. 2].

Руководители Морлова были склонны считать причиной подобных происшествий отвлечение промысловиков от основной деятельности на грузо-перевозки, порождавшее «недисциплинированность на траловом флоте».

Случались и преувеличения данных о добыче рыбы. «При сдаче тральщиком “Буревестник” рыбы Озерновскому комбинату количество рыбы было преувеличено на 148 ц. . . Широко практикуется запрещенная законом закупка разного рода ценностей у частных лиц, способствующая развитию хищений и спекуляции, что говорит за ненадежность планового производственно-технического снабжения Морлова» [47, л. 6].

1 мая 1945 г. благодарность по случаю «Международного праздника трудящихся — дня 1 Мая» получили «особо проявившие себя в работе по выполнению плана 1-го квартала 1945 г., показавшие образцы стахановского труда в дни победоносного завершения Отечественной войны с немецко-фашистскими разбойниками» моряки и работники управления. В их число вошли капитан Иванов, стармех Шурыгин, второй механик Андриющенко, ревизор Финашин,

третий помощник Миклашевич, тралмейстер Алешкин, радист Коптелов, за-сольщик Лысаков, матросы 1-го класса Можаяев, Фатеев, Николенко, кочегары Поздняков, Морозов, Сучков, матрос Морозов («Буревестник»), капитан Неклюдов, стармех Анкур, помполит Поленков, старпом Гладков, второй механик Маринин, ревизор Кошечев, тралмейстер Попов, третий помощник Салтыков, радист Бойко, боцман Тулапин («Топорок») и другие моряки [30, л. 55].

Весной 1945 г. директора Морлова Г. Я. Ермошкина отозвали с Камчатки в распоряжение Наркомрыбпрома СССР. Его обязанности исполнял А. Я. Думенко, затем его сменил вновь назначенный директор В. С. Кириллов.

В мае 1945 г. завершилась война в Европе. Страна постепенно переходила к мирной жизни. 30 июля 1945 г. Президиум Верховного Совета СССР своим указом восстановил с 1 января 1945 г. права работающих граждан на получение очередных и дополнительных отпусков. Руководство Морлова совместно с профсоюзной организацией к 1 сентября разработало график предоставления отпусков. Учитывая же значительный и хронический недостаток рабочих рук, при согласии сотрудников им предлагалось получить компенсацию за неиспользованные отпуска. 20 сентября 1945 г. было объявлено, что «по сообщению из Москвы, начиная с 1 августа с. г. вводятся льготы на Камчатке. Процентные надбавки начисляются в прежнем порядке. Дополнительный отпуск работникам с нормированным рабочим днем — 18 дней, с ненормированным — 30. Восстанавливаются заключение трудовых договоров...» [30, л. 24, 13].

9 августа 1945 г. на территории Камчатской области было введено военное положение: началась советско-японская война. На следующий день директор Морлова, он же «командир второго дивизиона» А. Я. Думенко, распорядился организовать «унитарную команду НПВО в составе 46 чел. с шестью отделениями. Назначаю командиром тов. Голубова, его заместителем тов. Сытина П. У., зав. химическим имуществом тов. Фадеева И. В... Приказываю командирам отделений быть с 10 августа всегда в полной готовности. Для производства практических занятий устанавливаю два раза в неделю — вторник и четверг — по два часа». Персональная ответственность за соблюдение всех правил светомаскировки возлагалась на военного инспектора Игошина [30, л. 28, 30].

Моряки Морлова приняли непосредственное участие в боевых действиях: в августе 1945 г. «Буревестник» и «Дальневосточник» под командованием П. М. Иванова и К. К. Берга перебрасывали десант из Петропавловска на Курильские острова. Курильская десантная операция стала последним аккордом Второй мировой войны. Пять членов экипажа «Дальневосточника» получили боевые награды за отличие при доставке военных грузов и их своевременную разгрузку в сложных метеоусловиях. «Экипаж тральщика лично участвовал во всех грузовых работах и заслужил отличную оценку командования Камчатского оборонительного района».

«Буревестник» в сентябре 1945 г. доставил с островов в Петропавловск трофейный груз, причем его количество оказалось меньшим, чем погруженное на островах [30, л. 11]. На отправку «Буревестника» и «Дальневосточника» на Курилы были затрачены 682 тыс. руб. [30, л. 52].

В начале сентября 1945 г. во Владивостоке завершилось строительство восьми деревянных рыболовецких сейнеров с двигателями мощностью по 150 л. с. («Трал», «Шкив», «Ваер», «Вертлюг», «Блок» и другие). Наблюдал за их постройкой инженер Н. А. Томашевский. Сейнеры передали Морлову и решили доставить в Петропавловск самым простым, но в то же время наиболее рискованным способом — буксировкой. Ее должен был выполнить пароход под командованием капитана Т. В. Войтенко. В конце сентября 1945 г. караван тронулся в путь через два моря и океан. Удачно завершившееся плавание стало результатом упорного труда капитанов сейнеров Соколова, Маликова, Вахтеева, механиков Сорокина, Щепкова, Флотова, матросов Гридина, Барашко, Саяпина [48].

Вскоре выяснилось, что сейнеры построены некачественно, приняты с недоделками. Расходы по переоборудованию судов в Петропавловске составили 259 тыс. руб., но приспособить их для работы в камчатских условиях не удалось, и вскоре они отправились обратно.

В октябре 1945 г. АКО было реорганизовано в «Камчатский государственный рыбопромышленный трест» (КГРТ). Теперь Морлов АКО стал именоваться «Управлением Морского рыболовства КГРТ» [30, л. 2]. Одним из первых распоряжений по новому управлению стал приказ № 53 от 6 октября 1945 г., признававший, что существовавшее доселе административное деление Морлова себя не оправдало. Управления Морлова и базы работали параллельно, начальники цехов базы по существу оказались лишены самостоятельности, так как их функции выполнял директор, при том что юридическую ответственность с них никто не снимал. Результатом этого стали ненормальные взаимоотношения между руководителями.

Отныне бухгалтерии рыбозавода и базы объединялись, холодильник подчинялся главному инженеру, электростанция, мехмастерские, кузница и маломерный флот — механику и капитану флота, коммерческий отдел — директору, строительный отдел — прорабу Морлова [30, л. 8].

План заготовки рыбы-сырца в количестве 40,0 тыс. ц в 1945 г. Морлов выполнил только на 86 % (34,5 тыс. ц). Срыв программы объяснялся тем, что траулеры большую часть года занимались грузоперевозками и в силу изношенности в прошлые годы стояли в ремонте, а также отвлекались на выполнение заданий воинского командования в период боевых действий между СССР и Японией, а также после них.

Так, «Буревестник» по плану должен был поймать 17 000 ц, фактически же выловил уже в первом полугодии 19 043 ц или 115 % задания. «Топорок»

вместо 10 000 ц в первом полугодии за два рейса добыл 6 177 ц или 62 % годового плана. «Палтус», которому следовало поймать 8 000 ц, на лов фактически не выходил. Если бы «Топорок» и «Палтус» были использованы на промысле, как «Буревестник», то план добычи рыбы был бы выполнен.

Готовой продукции выработали 22,9 тыс. ц при задании 33,5 тыс. ц, то есть 68 %. Перерасход сырца составил 1 403 ц, соли — 110 т. Себестоимость продукции выросла по сравнению с прошлым годом на 34 % и против плана 1945 г. на 9 %. «Морлов почти не использовал полезные отходы для переработки на пищевую и техническую продукцию; совершенно не перерабатывал молоки лососевых пород, головы и хвосты и даже тресковую печень».

Среднее число работников составило 460 чел., в том числе 278 рабочих основного производства. С учетом невыполнения плана по валовой продукции образовался перерасход зарплаты рабочих в сумме 491 тыс. руб.

В результате хозяйственной деятельности Морлов получил в 1945 г. убыток 1 842 тыс. руб. Его деятельность была оценена как неудовлетворительная.

Руководству предприятия для исправления допущенных ошибок следовало «немедленно передать следственным органам материалы о всех случаях недостач и хищениях грузов для привлечения виновных к ответственности», не производить смены ревизоров судов без оформления приемки и сдачи вверенных ценностей, ликвидировать простой траулеров в порту и обратить «самое серьезное внимание на повышение сортности выпускаемой продукции, а также совместно с технологическим отделом треста определить возможности обеспечения выпуска в 1946 г. новых деликатесных товаров для снабжения ими открываемого фирменного магазина» [47, л. 1—3].

Автотранспорт Морлова в 1945 г. включал семь автомашин: два грузовика ГАЗ-АА и пять «Студебеккеров». Четыре машины требовали капитального ремонта, в том числе оба «газика». Персонал гаража состоял из трех шоферов, слесарей не имелось. Действующие машины прошли 30 346 км. «Данные о перевезенных тоннах груза ничем не обоснованы, ибо работа машин производилась без оформления путевых листов. Запись всех данных производилась со слов шоферов».

Электростанция произвела 35 000 кВт·ч, израсходовав 45,4 т жидкого топлива при норме 12,4 т. Таким образом, электроэнергия стала в прямом смысле этого слова «золотой», так как значительная часть горючего завозилась в Петропавловск из США.

К 1 января 1946 г. Морлов располагал 2 033 кв. м жилой площади в домах «постоянного типа» и 442 кв. м — в бараках. За год был введен в эксплуатацию один дом площадью 51 кв. м, приобретенный за 30 тыс. руб. из средств правительственного фонда освоения Камчатки. Все жилье обеспечивалось электричеством, но не имело канализации и центрального отопления. В домах жили 427 (415 работающих), в бараках — 94 чел. Квартплаты с них за год

собрали 56 тыс. руб., само предприятие возместило еще 277 тыс. руб. Работники береговых служб могли помыться в бане вместимостью 20 чел.

Руководство АКО полагало, что, «учитывая исключительно тяжелое положение Морлова с жилфондом, полное отсутствие строительства... можно объяснить только отсутствием со стороны руководства Морлова заботы об увеличении жилфонда. Наглядным примером плохой работы может служить тот факт, что материалы, переданные в октябре месяце для постройки двадцатикомнатного дома, до сих пор не использованы, и дом не построен» [47, л. 12].

Никакого строительства более не производилось, за исключением бомбоубежища стоимостью 18 тыс. руб.

Сельхозферма вновь не выполнила план по растениеводству и заготовке кормов, в результате чего уже к зиме 1945—1946 гг. имевшийся скот в очередной раз оказался на «голодном пайке».

Условия, в которых находились работники на сельхозферме, хорошо иллюстрируются установленным им рационом питания. 16 июня 1945 г. датировано вот такое распоряжение: «Разрешаю израсходовать на котел 150—200 кг отобранного картофеля, не могущего быть использованным для посева в результате тщательной сортировки... За счет неиспользованной рыбы по лимиту дополнительного питания тралового флота в июне месяце выдать для питания рабочих на посевной 200 кг разнорыбицы мороженой пониженной сортности». Дополнительно ежедневно в распоряжение заведующего сельхозфермой сроком на семь дней выделялись 10 литров молока для выдачи рабочим, участвующим в посевной, в количестве не более четверти литра на человека [30, л. 39].

В феврале 1945 г. в Петропавловске прошла первая в истории Камчатки техническая конференция работников рыбной промышленности. Война близилась к завершению, рыбная промышленность нуждалась в объективной оценке пути, который она прошла в тяжелейший военный период, и определении основных направлений развития на ближайшие годы. Значительная часть конференции была посвящена анализу накопленного опыта работы Морлова.

Одним из главных вопросов, поднятых здесь, было повышение качества продукции. Основную массу улова траулеров составляла камбала. Наиболее высокое качество она имела в свежем, охлажденном и мороженом виде. Ввиду отсутствия достаточного количества морозильных мощностей и рефрижераторных судов, АКО производило ее преимущественно в соленом виде.

«Сохранности добытой траловым флотом рыбы должного внимания не уделяется. Добытая рыба без промывки направляется прямо в трюм, что снижает ее качество. Указания управления треста о проведении мероприятий на траулерах по надлежащей обработке и сохранению добытого сырца зачастую не выполняются. Более того, ни руководство Морлова, ни командо-

вание траулерами не принимают никаких мер для того, чтобы комбинаты принимали с желанием рыбу с траулеров для обработки...» [47, л. 1].

Еще в 1944 г. вышло предписание «запретить посол нешкереной и необезглавленной камбалы и нешкереной наваги, кроме рыбы, передаваемой комбинатам. Всемерно использовать в производстве, особенно на траулерах, при транспортировке рыбы лед для повышения качества продукции» [41, л. 3], но значительного эффекта оно не возымело.

Отсутствие возможности охлаждать рыбу приводило к тому, что при сдаче на комбинаты, особенно в случае разнообразных задержек в море и на берегу, она имела низкую сортность. В практику вошла сдача рыбы «третьим сортом». Добротную продукцию из нее получить было нельзя.

Единственным документом, регламентировавшим порядок обработки улова на судах, была «Временная памятка по замораживанию рыбы на траулерах». В ней указывалось, что «в зимнее время рыболовные траулеры должны лед брать непосредственно из ледяного поля, откуда накальваются большие крыги, которые поднимаются сетками на борт траулера. На борту лед должен дробиться с тем, чтобы куски его по диаметру не превышали 5 см. Дробленный лед лопатами по лотку направляется в отсеки трюма». При этом не учитывалось то, что траулер должен был, находясь на промысле, ловить рыбу, а не заниматься самоснабжением. Обеспечение же судов льдом с берега нормально налажено не было.

Улов из кутка трала выливался прямо в трюм без мойки и переборки. Различные размеры отдельных рыбин также способствовали снижению сортности. Перевозка навалом не обеспечивала сохранения равномерной температуры в массе рыбы, вызывала ее сдавливание и трение друг о друга при качке, повреждавшие сырец. Таким образом, сложившееся положение способствовало тому, что «рыба уже с первой же минуты подъема из воды обречена на снижение качества».

Попыткой дать новые указания по обработке улова стал приказ начальника АКО № 2 от 2 января 1944 г. Этот документ предписывал мыть камбалу и обваливать ее солью до спуска в трюм. Камбалу длиной более 20 см следовало обезглавливать путем косого надреза головы, удалять внутренности, промывать и направлять тушку в посол. Часть последних уловов разрешалось сдавать на берег в охлажденном виде. Но и эти меры не могли дать хороших результатов.

Переломить ситуацию можно было лишь в случае реализации следующих мероприятий:

- организации снабжения траулеров всем необходимым на одном из комбинатов западного побережья, дабы избежать лишних заходов в Петропавловск;
- пересмотра штата команд, включения в них рыбообработчиков;
- изменения системы заработной платы;

- проведения опытных работ по разделке и обработке рыбы на борту судов, разработки соответствующих инструкций;
- внедрения круглогодичного снабжения судов льдом;
- запрещения укладки рыбы в трюмы навалом без мойки;
- организацией выгрузки улова из трюмов при помощи ящиков, с непосредственной подачей его на берег в обработку для сокращения лишних перевозок и сохранения рыбы.

Высказанные на конференции предложения по совершенствованию организации тралового промысла вскоре нашли отражение в приказе начальника АКО К. Н. Кулаженко № 215 от 16 мая 1945 г. «О реализации решений первой инженерно-технической конференции работников рыбной промышленности Камчатского бассейна». В соответствии с ним, для улучшения качества продукции на траулерах Морлова вводились должности засольных мастеров. Отныне запрещалась погрузка рыбы в трюмы навалом без предварительной мойки и отсортировки прилова. Для предотвращения повреждения улова в трюмах стали применять горизонтальные переборки, а при разгрузке использовать остропленные ящики или бады.

Производственному отделу АКО предписывалось в путину 1945 г. провести опытные работы на траулерах по разделке и обработке камбалы, разработать инструкции и снабдить ими Морлов и рыбокомбинаты. Отныне устанавливался «единый вид разделки для камбалы: удаление головы производить косым срезом с удалением части брюшка» [49, с. 209—211].

Решить задачу повышения качества продукции удалось позднее, когда на промысловых судах получил широкое распространение новый способ обработки сырца путем его замораживания.

ОЗЕРНОВСКИЙ РЫБОКОМБИНАТ

Первое поселение рыбаков в районе реки Озерной появилось еще в 1907 г. В 1914 г. здесь заработал частный рыбоконсервный завод (РКЗ) С. Грушецкого. В 1928 г. АКО приняло озерновские промыслы Дальгосрыбтреста, и в этом же сезоне оно построило здесь свой третий РКЗ. В 1933 г. АКО получило от частной фирмы «Бр. Люри» Нижнеозерскую группу участков, где имелся еще один завод. В 1938 г. из состава комбината выделился Опалинский рыбозавод.

В 1940 г. Озерновский рыбокомбинат возглавляли директор И. Е. Ассоров и главный инженер Н. А. Огреба. Предприятие снабжалось рыбой, добытой «гословом», то есть собственными силами, и «скупом» — уловом близлежащих колхозов, приобретенным по фиксированным ценам.

Гословом занимались девять неводных и три краболовных конвенционных участка, находившихся в арендном пользовании комбината. Неводные участки № 859, 863, 864, 868, 872—876 находились на расстоянии от 5 до 16,5 км

к югу и северу от устья р. Озерной, краболовные № 139—141 располагались в районе р. Явино, у базы рыбозавода № 2 и в районе мыса Сивучьего.

23 апреля 1940 г. управление АКО утвердило комбинату план выпуска готовой продукции на 1940 г. Он предусматривал заготовку 62 500 ц лососей (31 500 гословом и 31 000 скупом). Помимо лосося, с конца 1930-х гг. камчатские комбинаты начали постепенно осваивать вылов белорыбицы. Поэтому предусматривался вылов 86 500 ц сельди, наваги, частика и трески, причем на долю гослова должно было прийти 46 000, на скуп — 37 500 ц. Еще 3 000 ц следовало принять от траулеров Морлова. Ожидался выпуск 70 000 ящ. консервов и 42 923 ц продукции [50, л. 56, 119, 120].

В 1940 г. Камчатская станция ВНИРО, озабоченная уменьшением численности озерновской нерки, решила организовать на р. Озерной рыбоводно-биологическую станцию «в целях выявления необходимых мероприятий по повышению урожайности красной рыбы». За помощью ученые обратились к руководству АКО. 26 января 1941 г. оно распорядилось Озерновскому комбинату передать сруб двухквартирного дома и «оказать станции ВНИРО всемерное содействие». Из правительственного фонда освоения Камчатки ученым выделялись 86 тыс. руб., в том числе 30 тыс. на постройку учетной плотины и 20 тыс. на приобретение транспорта [51, л. 65].

План заготовки рыбы-сырца комбинат в 1940 г. выполнил на 100,9 %, но «дал значительно худший ассортимент сырца против предусмотренного планом». С заданием по выпуску продукции справились на 107,7 % и в результате повышенной сортности товаров получили 1 185 тыс. руб. сверхплановой прибыли. Себестоимость продукции снизилась на 0,4 %. С учетом этого, хозяйственная деятельность комбината в 1940 г. признавалась удовлетворительной [52, л. 1], за исключением капитального строительства: оно было провалено «по всем источникам финансирования». Так, постройка «печей огневой сушки» рыбы и не начиналась...

В военную путину 1941 г. главное богатство Озерной — нерка — шла слабо. Но большой подход горбуши дал комбинату возможность полностью перекрыть недолов нерки. Поймать можно было бы и больше, но недостаток рабочих рук в период рунного хода горбуши заставлял снимать ловцов с неводов и использовать их на обработке рыбы. На основании телеграммы начальника АКО директор комбината распорядился: «Директору рыбозавода № 1 тов. Климовичу, РКЗ № 53 тов. Аверьянову... предлагаю в случае недостатка красной (нерки. — С. Г.) для полной загрузки консервных заводов пускать на выработку консервов горбушу. Предупреждаю: заводы должны работать полной мощностью» [53, л. 34].

Ловили и седедку, но план ее заготовки был выполнен всего лишь на 60 % из-за позднего выставления неводов.

Выполнив план выпуска готовой продукции в натуральном выражении на 131,1 %, комбинат выдал «худший» ассортимент: только 78,8 % консервов и лишь 40,2 % мороженой рыбы. Основной объем продукции составила соленая рыба, причем заготовленная самым низкокачественным способом — сухим стоповым посолом, в плане отсутствовавшем. Последнее объяснялось нехваткой посольной емкости.

В военное время, когда проблема обеспечения страны продовольствием приобрела особую остроту, значительное внимание уделялось более полной переработке улова в пищевую продукцию. Так, впервые было обращено внимание на возможность посола лососевых голов и молок, ранее полностью уходивших в отходы. Однако задание по их выпуску выполнить не удалось, что, по мнению руководства АКО, свидетельствовало «об отсутствии борьбы со стороны руководителей комбината за полное использование отходов».

Консервов изготовили 55 177 ящ. вместо 70 000 по плану. На долю РКЗ № 53 пришлось 45 258 ящ., РКЗ № 54 выпустил 9 919 ящ. Еще 295 ящ. сделали из головок и хвостов [52, л. 30, 32].

Работавший первый сезон холодильник рыбокомбината заморозил 1 998 вместо плановых 4 970 ц. На нем отсутствовал гидротранспортер, доставлявший улов с пристани. Из-за этого время, уходившее на загрузку морозилки, вместо проектных двух часов удлинялось до пяти. Рыбу с пристани возили автомашинами. Помимо потери времени, связанной с излишними перевалками, это отрицательно отражалось на качестве продукции.

В путину 1941 г. действовали шесть ставных неводов. Расположенный на участке № 863 предназначался для ловли лосося, остальные добывали и лосось, и сельдь. К постановке селедочных неводов вместо 1 мая приступили лишь 13-го, и завершили ее только 21 июня. Причиной опоздания стала штормовая погода, не позволявшая выходить в море. К тому же не хватало катеров и кунгасов. Часть их занималась разгрузкой пароходов, которую тоже тормозила непогода. Материалы для изготовления невода на участке № 863 прибыли с опозданием.

При переходе с промысла селетки на лосось лов не прекращался, так как у неводов заменялись только ловушки. В течение путины непогода не беспокоила, поэтому крылья неводов простояли без замены весь сезон. Неводы начали снимать 28 августа и закончили 18 октября. Продолжительное снятие вновь было вызвано начавшимися штормами, а также частыми перебросками бригад ловцов теперь уже на погрузку пароходов новой продукцией. Последний пароход отправили в начале октября 1941 г.

Лучший невод работал на участке № 863 под руководством бригадира Петрова. Он выполнил годовой план на 134,4 % [52, л. 24].

Кроме собственного лова, комбинат скупал рыбу у колхозов «Красный труженик», находившегося на противоположном (к северу от комбината)

берегу р. Озерной, и «Труженик», располагавшегося в 48 км от центральной базы, а также других хозяйств. «Красный труженик» сдал 39 174 вместо ожидаемых 28 100 ц, «Труженик» — 4 188 вместо 4 400 ц, прочие колхозы — 2 270 ц. Больше всего в их уловах попало горбуши — 50 207 ц [52, л. 21—25].

Плановая численность работников комбината в 1941 г. устанавливалась в 1 750, но фактически трудились 1 127 чел., то есть 64,4 % от потребности. Такая существенная нехватка рабочих рук особенно сказалась в период рунного хода лосося. Вне Камчатки следовало завербовать 550 чел. В действительности их «завезли» 466 чел., то есть 84,7 % от необходимого. Установленная норма соотношения прибывавших работников и сопровождавших их иждивенцев обычно составляла 28 %, в то время как фактическое соотношение выразилось в 93,6 %. Этим комбинат был поставлен в крайне тяжелое положение, так как не располагал достаточным количеством жилья. Многие из прибывших рабочих в течение всей путины ютились с семьями в помещениях клуба и парткабинета.

Особенно не хватало опытного персонала. «Исключительно острый кризис комбинат испытывал в квалифицированных бондарях, которых вместо 10 чел. по заявке прибыло 8 чел., из которых два бондаря вскоре после их приезда были осуждены и вывезены за хулиганство, два “бондаря” оказались плотниками, а один “бондарь” пекарем (ныне работающий в пекарне). Остальные три человека были оставлены в бондарной, но из-за низкой их квалификации на самостоятельной работе они не работали и были на положении учеников» [52, л. 38—39].

Валовая выработка одного рабочего в неизменных ценах 1926 г. составила 7 127 руб., превысив плановую на 19,1 %, его заработная плата составила 7 977 руб. Последняя могла быть и выше, но значительное невыполнение плана заготовки сырца гословом привело к неиспользованию фонда заработной платы ловцов, то есть наиболее высокооплачиваемой категории рабочих, что и снизило размер заработка на одного человека в среднем [52, л. 6—9].

Определенным подспорьем для работников комбината в тяжелый военный период являлось собственное сельскохозяйственное производство, несколько разнообразившее скудный и жестко нормированный пищевой рацион военного времени.

Сельхозферма размещалась на противоположном берегу р. Озерной на расстоянии 12 км от центральной базы. С 27 мая по 7 июня 1941 г. здесь засеяли 68,16 га. Поздний и затянувшийся посев объяснялся исключительно длительной и снежной зимой: работы шли по мере вытаивания земли. Навоза под посевы внесли около 15 т вместо требовавшихся 100. «Из посаженных 68,16 га культур 35,3 га были списаны. В первом случае списание производилось из-за отсутствия признаков урожайности, так как под убогими кустиками картофеля ничего не оказалось, а во втором — часть всходов была пора-

жена, или не было вообще ничего... Уборка производилась клочками, оазисами. Всего собрано 1 023 ц вместо 7 375 по плану». Весь собранный картофель в количестве 602 ц в пищу не пошел, а был забронирован на следующий сезон как семенной фонд.

Крупного рогатого скота в хозяйстве комбината на 1 января 1942 г. имелось в наличии 129 голов, приплод за 1941 г. выразился в 40 животных, было забито 26 коров и быков. Свиной насчитывалось 126 шт., приплод составил 468 поросят, причем 212 из них пали из-за отсутствия «отепленного» свиноматочника: «Станки для свиной соприкасаются непосредственно с холодными каменными стенами, что явно недопустимо и является одним из факторов заболевания и падежа».

Территория фермы регулярно затапливалась грунтовыми водами. «Вследствие невыевоза навоза в летнее время, ферма вся находится в навозной жиже. Навозное болото с камнями, непроезжими дорогами не дают возможность вывезти летом навоз».

На центральном участке ферма располагала каменным скотным двором площадью 530 кв. м с кровлей из снопов, вмещавшим 46 голов. На участке Второго ключа имелся деревянный скотный двор площадью 320 кв. м на 60 голов. Здесь же располагалась конюшня «земляного типа на столбах... на шесть голов. Кровля соломенная». На центральном участке комбината имелся свинарник на 30 свиноматок. «Стены капитальные. Потолочные балки установлены на каменных стенах и находятся в 1,5 м от пола». Еще один деревянный свинарник на центральном участке «размером 16 на 8 м, типа барака, сделан из клепки. Без потолка. Крыша рубероидная, процент годности 50 %...» [52, л. 59—64].

С началом войны, в связи с усложнением поставки многих предметов снабжения и материалов, большое внимание уделялось изысканию их заменителей на местах. Вот характерный приказ директора комбината от 11 сентября 1941 г.:

«§ 1. Для полного обеспечения постановки неводов в путину 1942 года, обеспечения производственно-хозяйственных потребностей баз и рыбоконсервных заводов в соломенных рогожах, ниже сего устанавливаю на осенне-зимний период план заготовок технического сена, тканья мат и пошивки из них якорных мешков...

§ 2. Обязываю директоров баз немедленно организовать заготовки технического сена, для чего подобрать сенокосные участки в наиболее удобных местах заготовки и переброски к месту производства, создать бригады косцов и обеспечить последние необходимым инвентарем, и, в случае необходимости, палатками.

§ 3. Предупреждаю директоров баз, что завоза на путину 1942 мочальных рогож и кулей не будет, поэтому дело заготовок технического сена и изготовление рогож и кулей на месте приобретает исключительно важное значение.

§ 4. В целях недопущения потерь при доставке технического сена, заготовленного базой № 2, к месту производства, обязываю начальника коммунального хозяйства обеспечить базу № 2 необходимым количеством транспортных единиц.

§ 5. Для учета и контроля выполнения плана заготовок технического сена устанавливаю 5-ти дневную отчетность... Первая сводка представляется 16 сентября» [53, л. 39].

25 сентября 1941 г. на «объекте Озерновский рыбокомбинат» была введена светомаскировка [53, л. 40].

В 1942 г. комбинат заготовил 66 376 ц сырца, в том числе 28 489 гословом и 38 384 скупом, выполнив план только на 83,6 %. Лосося поймали достаточно при резком недолове сельди (всего 14,9 %), что и стало причиной невыполнения плана добычи в целом. Подход сельди в 1942 г. был исключительно слабым, а ведь эта одна из наиболее массовых рыб не раз спасала население нашей страны в бурном двадцатом веке. Недолов можно было перекрыть заготовкой частика, как это категорически предписывали областные партийные и советские органы и управление АКО, но комбинат «этому делу внимания не уделил и вовремя на этот лов не переключился».

Выпуск готовой продукции в 1942 г. составил: по консервам 95 120 при плане 86 000 ящ.; по пищевой 14 434 при плане 28 191 ц; по непившей 4 487 при плане 3 544 ц. Поставленная задача по освоению выпуска «рыбных концентратов» оказалась сорванной, их произвели только 17,3 % к плану (121 ц вместо 700). Вышестоящие органы по-прежнему требовали всемерно увеличивать выпуск продовольствия. В дело следовало пустить те части лосося, которые раньше считались отходами, в том числе молоки. Но установленный план по выработке молока в количестве 222 ц опять «совершенно не выполнялся» [54, л. 1].

Себестоимость одного центнера продукции оказалась, в основном, превышена. Так, мороженный лосось обходился в 372 руб. 23 коп. вместо плановых 212 руб. 62 коп., крепкосоленая сельдь — соответственно, 688 руб. 78 коп. и 403 руб. 02 коп., рыбная крупа — 3 958 руб. 70 коп. и 1 417 коп. 94 коп., собачий корм 151 руб. 06 коп. и 67 руб. 96 коп. Только треска-клипфиск оказалась дешевле ожидаемой: 657 руб. 78 коп. вместо 711 руб. 74 коп.

Сельскохозяйственная ферма в этом году сработала плохо, резко недополнив планы по всем показателям. Валовый сбор культур оказался вдвое ниже расчетного, план надоя выполнен на 76,5 %, составив 68 862 л, приплод крупного рогатого скота и свиней тоже оказался гораздо меньше ожидаемого. Все это привело к чрезвычайно высокой себестоимости продукции и резкому увеличению убытков по сельхозферме. Вместо планового убытка в 30 тыс. руб. он составил 390 тыс. [54, л. 2].

«Учитывая провал плана заготовки рыбы-сырца и выпуска рыбопродукции, большой перерасход сырца, резкое невыполнение плана капитально-

го строительства и, в особенности, срыв жилищного строительства, исключительно плохую работу сельхозфермы, а также целый ряд фактов преступной бесхозяйственности, нарушения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10-го февраля 1941 г., нарушений сметно-финансовой дисциплины и путаницы в учете труда, в результате которой были допущены несвоевременная выплата зарплаты, огромные обчеты рабочих... — хозяйственную и финансовую деятельность Озерновского комбината, возглавляемого директором Ассоровым, признать неудовлетворительной» [54, л. 5].

Последовали и «оргвыводы». Директора, «как не справившегося с работой», управление АКО предлагало перевести «на меньший рыбокомбинат, поставив перед Наркоматом вопрос о санкционировании этого решения». Главного бухгалтера комбината Г. П. Ламанского сняли с работы, понизили в должность и перевели на другое предприятие АКО. Снят был и директор РКЗ № 53 С. С. Аверьянов. Ему вменялись в вину «отсутствие табельного учета явки и ухода с работы на заводе... необеспечение завода, в связи с чем в табелях и нарядах за август 1942 г. были допущены многочисленные пропуски нарядов и одновременно повторная выписка нарядов, из которых отдельные наряды были выписаны самим Аверьяновым... механическое визиrowание нарядов, за вычеркивание рабочих часов... неиспользование для упорядочения учета отработанного времени счетных и учетных работников конторы комбината, привлеченных в путинное время для промработы на заводе». Аверьянов получил строгий выговор с предупреждением и был переведен на низшую должность [54, л. 5].

И. Е. Ассоров оставался директором комбината до апреля 1943 г., когда его сменил Н. А. Огреба. В июне 1943 г. главным инженером стал А. К. Евдокимов. 18 июня 1943 г. Г. П. Ламанского заменил Н. М. Мигун.

В 1942 г. при потребности в 1 102 чел., в том числе 730 рабочих основного производства, на комбинате трудились 1 054 чел.: 649 рабочих, 18 учеников, 41 инженер и техник, 58 служащих, 288 чел. обслуживающего персонала. Их средняя зарплата за год составила, соответственно, 5 863, 2 390, 17 806, 9 400, 6 000 и 5 558 руб. [54, л. 9].

В ноябре 1942 г. комбинат получил 25 срубов жилых домов. Это должно было существенно облегчить имевшийся «большой жилищный кризис». Автопарк комбината в 1942 г. включал три машины марки ЗИС и одну ГАЗ-АА [54, л. 15, 53].

В 1943 г. Озерновский рыбокомбинат включал [55, л. 31]:

- РКЗ № 53 на центральной базе, директор Изгородин;
- РКЗ № 54 на рыбозаводе № 3;
- рыбозавод № 1 Кошегочек в 30 км от центральной базы;
- рыбозавод № 2 на центральной базе, директор Пермяков;
- рыбозавод № 3 в 6 км от центральной базы;

- холодильник на центральной базе;
- жилищно-коммунальное хозяйство, начальник Ефимов;
- сельхозферму из двух участков;
- отдел капитального строительства.

В 1943 г. комбинат заготовил 102 565 ц сырца, выполнив задание на 141 % в количестве 102 565 ц. Пищевой продукции предприятие произвело на 33 % больше плана, консервов — на 40 %, непищевой продукции — более чем в три раза (308 %). Консервов выработали 111 686 вместо плановых 80 000 ящ. Себестоимость продукции снизилась против плана на 3,025 млн руб. или на 13,8 % и на 3,497 млн руб. (на 15,9 %) по сравнению с показателями прошлого 1942 г.

А вот сельхозферма вновь закончила год с плачевными итогами. Посадили 78,3 га. Урожай с гектара составил, ц.: картофель — 45, капуста — 77. План «по урожайности» оказался провален. Это стало причиной резкого повышения себестоимости растениеводства. На ферме имелись 129 коров, 80 свиней (вместо 260 плановых) и 73 лошади.

В итоге хозяйственная деятельность рыбокомбината в 1943 г. была признана удовлетворительной [55, л. 1—4].

В путину 1943 г. комбинат должен был эксплуатировать шесть ставных неводов для лова сельди и лосося. Два из них намеревались оборудовать двойными селедочными ловушками. Средняя длина снастей составила 1 558 м. Из-за недостатка материалов не действовал невод на участке № 859. Вместо него на берегу РЗ № 3 установил «коротыш», оказавшийся весьма эффективным не только в лове горбуши, но и нерки.

Постановка неводов ввиду плохой погоды затянулась: вместо 11 мая ее завершили 23 июня, то есть на 43 дня позже. Ставные невода в общей сложности проработали на лове 403 дня (вместо ожидавшихся 544). Кроме них ловили четырьмя закидными неводами, 36 лососевыми сетками и тремя вентерями.

Первые 6 ц сельди поймали 20 мая, после чего с 21 июня по 30 июня она шла с большими перебоями. Средний дневной улов составлял 126 ц, последний день лова сельди пришелся на 8 августа, когда ее добыли 5,2 ц.

Количество сельди, добывавшейся на участках комбината, ежегодно снижалось. Если в путину 1943 г. ее поймали 2 341 ц вместо 4 000 плановых, то в предшествующие годы добыча составила: 1937 г. — 16 267, 1938 г. — 12 603, 1939 г. — 10 523, 1940 г. — 13 424, 1941 г. — 5 440, 1942 г. — 2 299 ц.

Первые 2,5 ц нерки поймали 25 июня. Тогда же пошла горбуша. Массовый лов нерки начался 4 августа. В этот день ее добыли 1 345 ц. Завершился лов 19 августа, когда поймали 54 ц.

Колхозы сдали комбинату 56 753 ц своего улова [55, л. 16—17].

Несмотря на выполнение плана вылова, имелись резервы для его наращивания. Сопоставление уловов советских и соседних японских конвенцион-

ных участков, произведенное учеными Камчатской станции ВНИРО, показывало, что у японцев они были в несколько раз выше. Уловы нерки на один невод в районе Озерновского рыбокомбината показаны в табл. 7, тыс. ц.

Таблица 7

Годы	Советские неводы	Японские неводы
За 10 лет (1929—1938 гг.)	69,5	189,3
1941 г.	20,7	140,5
1942 г.	32,0	169,0
То же горбуша в 1942 г.	74,0	232,0

Как видно, различие в уловах нерки достигало 678, а горбуши — 314 % [55а, л. 217]. Подобная разница не объяснялась природными условиями, так как они были одинаковы. Причина заключалась в организационно-технической стороне, хотя последняя советским специалистам была неизвестна.

3 апреля 1943 г. директор Камчатской станции ВНИРО И. И. Лагунов, обращаясь к секретарю обкома ВКП(б) К. Н. Кулаженко, высказывал предположение, что японцы располагали неводами более совершенной конструкции и успешно сочетали работу неводов и береговых участков. Японский опыт требовал серьезного изучения. Такая возможность представилась советским специалистам только в августе и сентябре 1945 г. . .

В 1943 г. на комбинате трудились 630 рабочих, 20 учеников, 41 инженер и техник, 53 служащих и 45 обслуживающих. Их средняя годовая заработная плата составила 6 588, 2 300, 17 927, 9 434 и 5 778 руб. соответственно.

Недостаток в рабочей силе в эту пору был незначителен. К ее началу комбинат располагал 946 рабочими (527 мужчин и 419 женщин). Недоставало 32 мужчин. Нехватку женских рук частично покрыли за счет 170 домохозяйек. В работах участвовали 110 подростков-школьников. Но, учитывая перевыполнение плана по добыче и обработке, а также крайне примитивную оснащенность транспортирующим рыбу оборудованием (так, на РЗ № 2 отсутствовал гидравлический транспортер), недостаток людей все же ощущался. Пришлось «мобилизовать» сотрудников бухгалтерии, планового и других отделов. В целом обеспеченность рабочей силой составляла: мужчины 96,1, женщин и подростков — 104,7 % [55, л. 25].

В пору 1943 г. отлично показали себя множество тружеников-озерновцев. Вот лишь несколько примеров. Укладчицу рыбы А. Кабунову руководство комбината премировало пять раз. Ее сестра комсомолка-стахановка Е. Кабунова, широко известная на Камчатке, за время работы бригадиром рыбосушильного и засольного цехов получила восемь премий и была награждена знаком «Отличник Наркомрыбпрома». Хорошо трудились и их сестры — Ксения, Мария и Анна. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1943 г. Е. Кабунова была награждена медалью «За трудовое отличие» [57, с. 33, 35].

Трудовой энтузиазм рыбообработчиков нередко сдерживался плохой организацией производства. К началу путины на РКЗ № 53 не оказалось качественной соли. С первых же дней работы завода потребовалось ее сортировать и размельчать, чем ежедневно по двенадцать и более часов в сутки в течение длительного периода занимались 23—24 чел. В итоге «в разгар путины на ветер была брошена рабочая сила для работы, которая могла быть выполнена раньше». Соль подносили к чанам и штабелям вручную. Такая доставка соли, да и рыбы не обеспечивали бесперебойной работы посольных бригад.

Практика предыдущих лет подтвердилась и в эту путину: посольные бригады выполняли норму на 60—90 %, редко достигая 100 %. В это же время на других видах работ те же люди вырабатывали до 200 %. «Следовательно, этот участок работы остался не изученным». Местные управленцы полагали, что на невыполнение «влияние оказывают неудобные четырехместные столы. В результате — отсутствие стимула повышения производительности».

На РЗ № 2 отсутствовал гидравлический транспортер для подачи разделанного сырца от разделочной площадки к засольным чанам. Рыбу доставляли носилками. Для этого в течение всей путины трудились 10—12 мужчин «за счет оголения других цехов».

На РКЗ № 54 «узким местом» стал рыборазделочный станок ЖК, так называемый «железный китаец». Его производительность была существенно ниже остального оборудования. Особенно это становилось заметно на обработке самой массовой рыбы — горбуши.

Еще одним «узким местом», как на РКЗ № 53, так и на РКЗ № 54, являлось отсутствие закрытых охлаждающих площадок для консервов. Остывавшие банки мокли под дождем, их протирка требовала массы людей, которых взамен этого можно было бы занять обработкой рыбы. «Помимо лишней работы, этот фактор влиял и на качество консервов, увеличивая технический брак, так как отсутствие возможности хорошо протереть (насухо) банки мешочной (грубой) обтиркой приводило к проржавлению некоторой части банок. Имело бы большой эффект, если поступившие два сборных американских склада, один установить на РКЗ № 54, с использованием помещения старого склада под охлаждающую площадку, а второй — на РКЗ № 53».

При нормальной работе линий на РКЗ № 53 при часовой производительности выше 300 ящ. перед автоклавами скапливались тележки с банками. Требовался еще один автоклав, иначе следовало либо уменьшить интенсивность работы линии, либо пойти на нарушение технологической инструкции, не предусматривавшей столь долгого ожидания стерилизации.

Сортность продукции из лосося и камбалы уступала плановой. Одной из причин этого стало то, что добытую рыбу не успевали обрабатывать: «лов опережал обработку», на приемных и разделочных площадках образовывались завалы сырца, качество которого при хранении резко ухудшалось.

«Второй момент, повлиявший на снижение сортности — безграмотность и нежелание работать мастера-засольщика базы № 3 т. Егорова. Ни инструктаж, ни постоянное наблюдение и контроль за его работой не могли возместить его безответственное отношение к работе. Из-за его халатности были случаи снижения сортности целых вагонов готовой продукции, значительные переделки, исключительно по его халатности. При посоле принятой в начале 1943 г. с тральщиков камбалы, было дано ненормальное количество соли. . . этот факт, обнаруженный вновь назначенным в марте 1943 г. начальником обработки т. Аверьяновым был до некоторой степени ликвидирован, хотя он и не повел к окончательной порче, но снизил качество до третьих сортов.

Третий момент, снизивший качество по соленому гольцу — отсутствие засольщика на базе № 1. Посол гольца зимой и весной 43 года там производился совершенно неизвестными с этим делом людьми. . .» [56, л. 29].

«В путину 43 г., как и в предшествовавшие годы, рунный ход рыбы застал руководство комбината, заводов и мастеров “врасплох”. Припухшие, без сна и отдыха, растерянные лица и глаза в период путины наглядно иллюстрировали беспомощность директоров и мастеров рыбозаводов и РКЗ. Обычное явление — бесцельное хождение из одного места работы к другому. Ни дельных указаний, ни распорядительности. Мастер не замечает неправильного посола, не следит за расходом соли, за качеством сырца. Директоры рыбозаводов и РКЗ, в большинстве не занимаются производством, так как в течение дня несколько раз к ним обращаются за сведениями о выполнении плана “толкачи” от района, области, директора комбината, главного инженера, редакция местной газеты и т. д. После этого становится понятным недоумение директоров заводов, когда к ним обращается бухгалтерия и плановый отдел за сведениями об остатках продукции. В этих случаях директора отвечают, что подобные сведения даны “сотни” раз, — некогда, надо работать.

Главного инженера на комбинате не чувствуется. Большая часть его дня загружена дублированием работы директора. Строительство, капитальный ремонт, рацпредложения, усовершенствования и вообще организация производства, а также техника безопасности, по-видимому, его не интересуют. . .

С сожалением приходится констатировать прискорбный факт: директор уверен, что работникам бухгалтерии и планового отдела нечего делать. Это поддерживается директором РКЗ Изгородиным и др., а поэтому на всякие прорывы в производстве используются только работники этих отделов, а в этих условиях работа последних — немислима.

Недостаточно ведется борьба с воровством и злоупотреблениями. Приводятся несколько актов, например: за разными подотчетными лицами числится более 8 000 мешков. Однако этих мешков нет. При разгрузке соли с п/х “Щорс”

200 т было сдано под расписку уполномоченному по разгрузке 1 500 шт. мешков. Через день, то есть к концу разгрузки, осталось мешков не больше 300 шт.

Шофер Смычков полную машину рыбы свалил в свою яму, для своих собак, он избежал суда с уходом в армию» [55, л. 29—30]

Комбинатский холодильник заработал 28 июня и действовал по 31 декабря 1943 г., после чего из-за отсутствия угля остановился. Он заморозил 3 782,1 ц рыбы, в том числе 3 329 ц нерки [55, л. 27].

Использовавшийся для сохранения рыбы лед на комбинате применялся «в большинстве случаев только под нажимом со стороны начальника обработки и директора комбината». На будущий 1944 г. места для его заготовки отвели рядом с приемными и разделочными площадками. В предыдущие сезоны его приходилось переносить на расстояние до 100 м [55, л. 29].

Предприятие продолжало строиться, но работы шли медленно. Несмотря на неоднократные указания НКРП и начальника АКО, американские металлические склады, привезенные в июне 1943 г., до конца года не собрали. Сооружение коптильного цеха, которое намеревались начать еще в 1940 г., было законсервировано, хотя имелось указание вышестоящих органов достроить его в качестве засольного. Не были сданы и три четырехквартирных дома, привезенные с Сахалина в виде срубов в 1940 г.

Имелись еще 25 двухквартирных срубов, доставленные в 1942 г., но ни один из них так и не собрали. В целях экономии дефицитных стройматериалов отдельные срубы решили «спарить», но ввиду медленной сборки они портились, а «получение материалов в виде экономии от укрупненной сборки» задерживалось [55, л. 12].

Путина следующего 1944 г. оказалась неудачной: план был выполнен на 85,5 %. Сырца удалось заготовить 83 777 ц, в том числе гословом 37 086 и скупом 46 691 ц. Пищевой продукции комбинат выпустил 21 744 ц или 55,9 % задания, консервов 106 832 ящ. против плана 115 000 ящ. или 92,9 %. Зато непищевой продукции приготовили вдвое больше, правда при этом на тук «незаконно» ушли 4 796 ц сырца. Деятельность предприятия в этом году оценивалась как неудовлетворительная.

Работу комбината, помимо отмеченных выше ежегодных трудностей, осложняли присущие только ему особенности, с которыми другие предприятия АКО не сталкивались. В р. Озерной ежедневно наблюдались приливы и отливы. В дневной одинарный прилив лосось в реку не заходил, поэтому в это время не ловили. При одинарных водах, а также во время абсолютного отлива ловушки ставных неводов из-за сильного течения не перебирались. Одинарные воды проявлялись примерно через каждые 4—5 дней, отливы при одинарных водах наблюдались один раз, а при двойных водах — два раза в сутки.

Сильные порывистые ветры, дувшие несколько дней подряд, не давали возможности ловить не только в море, но и на реке. В это время колхозы

и комбинаты, расположенные севернее Озерной, продолжали работу, так как там сила ветра была несравненно меньше.

В то время как на все комбинатах АКО длина неводов не превышала 800—1 000 м, средняя длина снастей у Озерновского комбината составляла 1 800 м, а расстояния между ними были очень большие. Так, невод на участке № 863 находился в 18 км от центральной базы. Для обслуживания неводов требовались катера с мощными моторами, которых не доставало [57, л. 32].

Еще 19 июля 1941 г. СНК СССР своим распоряжением № 6932 разрешил НКРП предоставлять своим работникам отпуска на время межпутинного периода, а также на время простоя предприятия, если их невозможно использовать на других работах. Время отпусков люди использовали для «самоснабжения», то есть для заготовки продовольствия для себя и своих семейств.

5 марта 1943 г. управление АКО издало приказ № 84, в котором говорилось, что на некоторых предприятиях отпуска предоставлялись без достаточных оснований. «Больше того, имеют место случаи, когда отпуска предоставляются вопреки интересам производства. Иначе и нельзя оценивать факты предоставления отпусков в то время, как на ряде участков этого предприятия планы работ не выполняются. Характерно, что на отдельных рыбокомбинатах в связи с массовыми отпусками сокращена даже сеть постоянных детучреждений» [58, л. 80].

Руководство комбината утверждало, что в силу недостатка рабочей силы ему «к предоставлению отпусков приходится подходить с особой тщательностью». Отпускные оплачивались за счет спецвкладов предприятия. Для этого дирекция предоставляла в сберкассы списки тружеников, которым полагались отпуска. Здесь из списков по необъяснимым причинам могли исчезнуть некоторые фамилии, в том числе наиболее нуждающихся.

Так, 29 апреля 1944 г. директор комбината обратился к заведующему усть-большеречкой районной сберкассой: «Список рабочих, коим по тем или иным причинам предоставляются отпуска, детально обсуждается лицами, знающего рабочего на работе и в домашнем быту. Поэтому вычеркивание их из списков — для нас более чем непонятно. Например: Монашкин, боец ПВСО, отпуск был предоставлен и уже использован рабочим для поправки здоровья. Отсутствие средств к существованию вынудили его обратиться к частным займам с надеждой расплаты из сумм, причитающихся за отпуск со спецвклада. Ваше решение лишить т. Монашкина права на получение спецвклада ставит его в весьма затруднительное положение, из которого он намерен выйти посредством жалобы...» [59, л. 257].

Подобные «исправления» списков отпускников ставили директора комбината в положение лица, «неуверенного в своих действиях».

А вот еще одна зарисовка, характеризующая обстановку на предприятии. Бухгалтерский отчет за 1944 г. свидетельствует: «В комбинате практикуется бесплатное использование спецодежды, и при том лицами, которым таковая

даже за плату не предусмотрена никакими нормами. В числе лиц, пользующихся спецодеждой бесплатно — руководящий состав...» [57, л. 2].

Численность персонала в 1944 г. составляла 1 100 чел.: 717 рабочих, 12 учеников, 38 инженеров и техников, 55 служащих, 37 обслуживающих [57, л. 11].

Помимо традиционных видов деятельности, в 1944 г. комбинат занимался выделкой кирпича из местного сырья. План, установленный ему в объеме 10 000 штук, был выполнен на 120 % [57, л. 24].

Летом 1944 г. до комбината докатился отзвук Тихоокеанской войны: 5 июля американская подводная лодка торпедировала стоявший под разгрузкой в районе р. Озерной японский пароход «Синмей-мару» [49, с. 282].

С планом заготовки сырца на 1945 г. комбинат справился на 124 %, добыв 108 000 ц, в том числе гословом 48 000 и скупом 60 000 ц. Кроме этого, забили 305 ц морского зверя. Рыбу в этом году ловили пятью ставными неводами, двумя «коротышами», пятью закидными неводами и 16 сетями. Пищевой продукции выпустили 16 132 ц, или 74 % от плана, консервов 4 980 туб. (75 %). Непищевой сделали на 37 % больше задания [60, л. 7].

Недовыпуск пищевой продукции объяснялся отсутствием достаточного количества тары. Так, 59 000 ящ. консервных банок пришли лишь 1 августа 1945 г. Экспортная консервная программа была провалена: при задании в 41 000 ящ. удалось сделать только 8 841 или 21,5 % [60, л. 8].

К началу селёдочной путины 1945 г. комбинат располагал 237 засольными чанами с общей емкостью 14 890 ц, 97 чанов до сих пор заполняли 5 325 ц продукции 1943 и 1944 гг. Ее не затаривали из-за отсутствия бочек. К началу лососевой путины и свободные чаны были заполнены пойманными в новом сезоне мойвой, сельдью, треской, минтаем, камбалой и навагой. Пришлось часть продукции 1943 и 1944 гг. переработать в стоповый посол, а освободившиеся чаны загрузить рыбой ценных пород, пойманной в 1945 г. Такое вынужденное «маневрирование» чановой емкостью производилось до начала лососевой путины. Руководство комбината считало, что весь лосось пойдет на консервы. Но консервные банки, остатки которых от путины 1944 г. были крайне незначительны, в 1945 г. поступали небольшими партиями. Не хватало и угля. Поэтому РКЗ в рунный ход рыбы периодически простаивали, а в это время весь добытый лосось шел в посол и на холодильник.

Для выпуска более качественного ассортимента продукции из ценного лосося, добытого в период вынужденного простоя РКЗ, комбинат снова был вынужден освобождать чаны от менее ценной рыбы и продукции низкого сорта, укладывая их в штабели, а освободившуюся емкость заполнять свежим качественным сырцом [60, л. 19].

Положение с рабочей силой вновь оказалось сложным: против плановой потребности недоставало 619 чел. Требующихся «в большинстве случаев заменяли несовершеннолетние учащиеся, а мужчин во многих случаях заме-

няли женщины — кадровые рабочие, так как в путину 1945 г. по плану требовалось всего рабочих 1 554 чел., из них мужчин 879 и женщин 675. В наличии всего имелось 995 чел., из них мужчин 498 чел. (недоставало 390 мужчин) и женщин 446 чел. (недоставало 229 женщин)».

Нехватку покрыли: 91 «вторым и третьим членом семьи», 116 школьниками, 23 колхозниками, 45 служащими комбината и других организаций, 360 «завезенными извне». В числе последних из Петропавловска прибыли 95, Благовещенска — 41, Комсомольска-на-Амуре — 224 чел.

Из названных 635 сезонных рабочих мужчин было 96, остальные же 539 чел. — дети, старики и инвалиды. «Из завезенных мужчин, главным образом из Комсомольска, немало было прогульчиков и дезорганизаторов на производстве. Например, только в июле и августе было отдано под суд за злостные прогулы 28 человек. Завезенные же женщины в большинстве были слабые и не выполняли дневных норм выработки, как не выполняли норм выработки и большинство детей. Нельзя обойти следующий факт, что в течение июля и августа месяцев состояло больных и в декрете 86 человек, из которых большинство больных падало на сезонников. Свыше же 50 мужчин-сезонников пришлось ставить на легкую работу (охрану и т. д.)» [60, л. 27].

В течение 1945 г. работники комбината подали десять рационализаторских предложений, из которых в производство внедрили четыре. Экономия от этого составила 131 251 руб. Авторы получили 5 182 руб. в качестве вознаграждения [60, л. 11—12].

В январе 1945 г. завершалось строительство убежища, обозначавшегося в документации как «объект № 1». Здесь еще не успели оборудовать воздушный фильтр, для которого требовались известь и ручной вентилятор [60, л. 196].

Посевная площадь подсобного хозяйства в 1945 г. равнялась 66 га, из них 2 га занимали посевы махорки. Урожай с гектара (в тоннах) составил: картофель — 3,2, капуста — 1,3, турнепс — 5,6, махорка — 4,3 [60, л. 27—28]. Себестоимость 1 ц махорки превышала 3 тыс. руб.

В середине августа 1945 г. на комбинате несколько дней подряд слышали отдаленную канонаду: батарея мыса Лопатка обстреливала японские позиции на острове Шумшу.

12 августа 1945 г. НКРП СССР издал приказ № 22 о принятии имущества близлежащих бывших японских РКЗ компании «Ничиро Гио Гио Кабусики Кайша». Они получили номера 31, 32, 33 и 34. 15 августа 1945 г. для подготовки к сезону 1946 г. их директорами были назначены Т. Г. Коваленко, И. Т. Таран, Я. К. Гребенюк и Н. Г. Климович [60, л. 37].

Эти заводы в 1945 г. не работали. С момента приемки на каждом, помимо директора, находились несколько рабочих, охранявших предприятия и занимавшихся их инвентаризацией [61, л. 20].

ИСТОЧНИКИ

1. ГАКО, ф. 421, оп. 1, д. 6.
2. Там же, д. 12.
3. Там же, д. 11.
4. Там же, д. 14.
- 4а. ЦДНИКО, ф. 13, оп. 6а, д. 334.
5. Камчатская правда. — 1943. — 11 сент.
6. ГАКО, ф. 421, оп. 1, д. 17.
7. Там же, д. 18.
8. ЦДНИКО, ф. 2, оп. 2, д. 771.
9. Там же, д. 706.
- 9а. Камчатская правда. — 1945. — 13 апр.
10. ГАКО, ф. 421, оп. 1, д. 20.
11. Там же, д. 21.
12. Там же, ф. 189, оп. 1, д. 17.
13. Камчатская правда. — 1941. — 3 июня.
14. ГАКО, ф. 189, оп. 1, д. 14.
15. Там же, д. 19.
16. Там же, д. 21.
17. Там же, д. 23.
18. Там же, ф. 275, оп. 1, д. 3.
19. Там же, ф. 106, оп. 1, д. 135.
20. Там же, д. 98.
21. Там же, д. 102.
22. Там же, ф. 275, оп. 1, д. 10.
23. ЦДНИКО, ф. 1, оп. 1, д. 430.
24. ГАКО, ф. 166, оп. 1, д. 18.
25. Там же, д. 103.
26. Там же, ф. 275, оп. 1, д. 14.
27. Там же, д. 15.
28. Там же, ф. 166, оп. 1, д. 55.
29. Там же, д. 275, оп. 1, д. 25.
30. Там же, д. 31.
31. Там же, д. 24.
32. Там же, ф. 106, оп. 1, д. 127.
33. Там же, ф. 275, оп. 1, д. 29.
34. Там же, ф. 106, оп. 1, д. 136.
35. Камчатская правда. — 1941. — 26 июня.
36. Камчатская правда. — 1942. — 31 янв.
37. ГАКО, ф. 275, оп. 1, д. 18.
38. Там же, д. 19.
39. Камчатская правда. — 1942. — 17 окт.
40. Камчатская правда. — 1943. — 25 февр.
41. ГАКО, ф. 275, оп. 1, д. 30.

42. ГАКО, ф. 275, оп. 1, д. 26.
43. Камчатская правда. — 1944. — 26 марта.
44. Камчатская правда. — 1944. — 2 апр.
45. Камчатская правда. — 1945. — 16 янв.
46. Камчатская правда. — 1945. — 2 февр.
47. ГАКО, ф. 275, оп. 1, д. 34.
48. Камчатская правда. — 1945. — 12 окт.
49. *Гаврилов С. В.* Маленькие камчатские истории. — Петропавловск-Камчатский, 2002. — 302 с.
50. ГАКО, ф. 376, оп. 1, д. 23.
51. Там же, ф. 106, оп. 1, д. 103.
52. Там же, ф. 376, оп. 1, д. 25.
53. Там же, д. 26.
54. Там же, ф. 367, оп. 1, д. 34.
55. Там же, д. 39.
- 55а. ЦДНИКО, ф. 2, оп. 2, д. 588.
56. *Козлов А. Г.* Трудовой подвиг работников рыбной промышленности Северо-Востока в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // Краеведческие записки. — Вып. 6. — Петропавловск-Камчатский, 1989. — 163 с.
57. ГАКО, ф. 376, оп. 1, д. 43.
58. Там же, ф. 106, оп. 1, д. 128а.
59. Там же, ф. 376, оп. 1, д. 38.
60. Там же, д. 46.
61. Там же, ф. 106, оп. 1, д. 146.

«КАМЧАТСКИЕ» ЯПОНЦЫ

В 1702 г. Сибирский приказ от царского имени повелел Якутской воеводской канцелярии послать на Камчатку «охочих людей» для проводывания пути в Японию [18, с. 435].

Поводом к этому явилась «скаска» японца Денбея Татэкава, доставленного В. Атласовым с Камчатки, записанная в Сибирском приказе в январе 1702 г. [18, с. 502—508] и упоминание самим Атласовым об островах, которые он видел, будучи на Первой Курильской реке (Озерной) [4, с. 29].

С этого момента русские власти стремились найти морской путь с Камчатки в соседнюю страну, тщательно собирали сведения о ней с целью установления дружеских отношений и торговли. Эти усилия завершились через сто пятьдесят лет подписанием 7 февраля 1855 г. Симодского трактата.

До этого были предприняты четыре попытки установления добрых отношений с Японией, не удавшиеся по разным причинам:

— первое посещение четырьмя русскими кораблями под командованием М. П. Шпанберга в 1739 г. в рамках Второй Камчатской экспедиции;

— в 1778 и 1779 гг. экспедиция И. М. Антипина и Д. Я. Шабалина вела переговоры с японцами в Аксеси на острове Хоккайдо об установлении торговых отношений, но японцы ответили отказом;

— в 1792—1793 гг. Хакодате посетило посольство А. К. Лаксмана, получившее согласие на заход одного русского торгового судна в год в порт Нагасаки, но Россия, к сожалению, не воспользовалась этим;

— в 1804—1805 гг. состоялось посольство Н. П. Резанова, закончившееся отказом японцев установить торговлю с Россией.

Последние две экспедиции в качестве повода для посещения «закрытой» в то время Японии использовали доставку на родину японских моряков, потерпевших крушение у камчатских берегов. Все попытки установления отношений с Японией совершались с Камчатки: Шпанберг плывал туда из Большерецка, Антипин и Резанов — из Петропавловска. Да и экспедицию 1792 г. Екатерина II первоначально предполагала отправить с полуострова во главе с камчатским комендантом. Все известия о загадочной стране в Россию приходили с Камчатки. Первые сведения о ней сообщил упомянутый японец Денбей Татэкава, в 1713 г. ценные данные собрал И. П. Козыревский из распросов пятерых спасенных им японцев. В 1791 г. новые данные сообщил в Иркутске профессору К. Г. Лаксману привезенный с Камчатки Кодаю Дайкокуя, а затем он подробно рассказывал о Японии самой императрице, в 1812—1813 гг. в Петропавловске Такадая Кахэй много рассказывал о своей родине П. И. Рикорду.

На протяжении ста десяти лет в России существовала школа японского языка, с 1705 по 1753 г. — в Петербурге, а с 1754 по 1816 г. — в Иркутске. Преподавали в ней японские моряки, доставленные с Камчатки. Лишь один из учителей этой школы — Андрей Богданов — родился в России, но отцом его был японский моряк Санима, доставленный с Камчатки в Петербург в 1714 г.

Всего за сто пятьдесят лет (до 1850-х гг.) на Камчатке побывали десятки потерпевших крушение японцев. Несколько человек попали на полуостров насильно: они были захвачены русскими на Курильских островах и Южном Сахалине и доставлены в 1806 г. на судах «Юноне» и «Авось» Н. А. Хвостовым и Г. И. Давыдовым и в 1812 г. П. И. Рикордом на шлюпе «Диана». По-разному сложились их судьбы. Многие погибли в стычках с местными жителями, умерли от голода, холода и болезней, некоторым посчастливилось вернуться на родину, часть спасенных приняла православие и осталась в России. Были среди них и чистокровные самураи, и купцы, но большинство являлось простыми моряками.

Те, кому довелось вернуться в Японию, много сделали для изменения представлений о России и русских к лучшему. Они расставались с русскими людьми со слезами на глазах, рассказывали об их доброжелательном отношении к ним. Искренне дружеские отношения сложились у Кодаю Дайкокуя с камчатским чиновником Т. Ходкевичем, комендантом Нижнекамчатска Орленковым, профессором К. Г. Лаксманом и его сыном Адамом, у Такадая Кахэи — с командиром «Дианы» П. И. Рикордом, захватившим его в плен, но относившемуся к нему, как к равному.

Почти все японцы, попавшие на Камчатку, стали жертвами стихии. Некоторых из них доставили на полуостров с Курильских и даже с Алеутских островов. Ни одно из потерпевших крушение судов не плавало к берегам Камчатки специально. Японские суда были приспособлены лишь для прибрежного мореходства. Русские называли их «бусами». Буса — это большая лодка с одной мачтой и одним парусом, без надстроек и кают, на ней имелся лишь трюм для грузов.

Вот какое описание бусы дает Денбей: «... японские суды делаются без крышек, только для бережения товаров делается на всяком судне по чулану с покрывкою. А как на море бывает дождь, тогда дерево щогольное (щоголь — мачта. — В. А.) снимают и положат вдоль по судну и покрывают от дождя бумагою, которая держана в рыбьем жиру. А как великими волнами судно станет бить и в судно воду плескать, и по самой нужде то судно лехчат (облегчают. — В. А.) — бочки с вином и иные тяжелые товары бросают в море; а как то их судно лехко будет, тогда воды в него плескать не станет, и то судно по морю носит многие месяцы» [18, с. 506].

Экипаж бусы обычно составляли 15—20 человек. Вот как описывает состав команды такого судна со слов жителей Итурупа исследователь Куриль-

ских островов казачий сотник Иван Черный: «Суда против российских промышленных, кои они видали, не весьма велики; а на судне у них людей бывает человек по 16 работных, да, кроме их, первый, главный над всем, хозяин судна, или командир, называемый тоно, по нем другой — тонтойно, третий — шендо (штурман. — *В. А.*), четвертый толмач — тунчи и того 20 человек» [19, с. 140].

Законами Токугавы, «закрывшими» Японию от внешнего мира в 1637—1639 гг., запрещалось строить более крупные суда, так как эти законы запрещали японцам покидать пределы страны. Мореходство в Японии было развито с древнейших времен. Море для японцев всегда было кормильцем, по нему же шла основная торговля между прибрежными городами и княжествами. Навигация проходила круглогодично. Известно, что в гавани Эдо (Токио) и Осаки ежедневно заходили до 100 и более судов с разными товарами. Многие из них не достигали цели. Они либо гибли в пути, либо их выбрасывало на побережье Китая, Филиппин и даже Америки.

Американский историк Д. Кин пишет, что в 1685 г. португальцы доставили в Нагасаки 12 японских моряков, выброшенных близ Макао в Южном Китае [5, с. 51].

На первом заброшенном таким образом на Камчатку судне, о котором сохранились достоверные свидетельства, плыл Денбей Татэкава. Его в 1697 г. нашел В. Атласов в ительменском селении в районе р. Ичи. «И... пошел он, Володимер, вперед подле Пенжинское (Охотское. — *В. А.*) море на Ичу реку. И услышал он, Володимер с товарищи, у камчадалов: есть де на Нане реке у камчадалов же полоненик... И он де, Володимер, велел его привести к себе... И сказался тот полоненик ему, Володимеру, он де Узакинского государства, а то де государство под Индейским царством» [4, с. 23].

Это первое сообщение В. Атласова об иноземце, найденном им на Камчатке, было записано в Якутске 3 июня 1700 г. Из слов пленника Атласов понял, что он из Индии и называет его «индейцем». Эта ошибка Атласова вызвана созвучием названий «Индия» и «Эндо» (Эндо или Эдо — так прежде называли город Токио). А Узакинское государство — княжество и город Осака. Вот как передает Атласов рассказ Денбея о его странствиях: «Шли де они из Узакинского государства в Индею на 12 бусах, а в бусах де у них было — у иных хлеб, у иных вино и всякая цениная (фарфоровая. — *В. А.*) посуда. И у них де на одной бусе дерево (мачту. — *В. А.*) сломило и отнесло их в море, и носило шесть месяцев, и выкинуло к берегу 12 человек, и взяли де их, 3 человек, курильского народа мужики, а остальные де подле того же морского носу в стругу угребли вперед, а где девались — того он им не сказал. И товарищи де ево 2 человека, живучи у курилов, померли, потому что они к их корму не привычны: кормятся де они, курилы, гнилою рыбою и кореньем. И тот индеец им... сказал про себя, что он по-своему грамоте умеет, и был

подъячим и объявил книгу индейским письмом, и ту книгу привез он, Володимер, в Якутской» [4, с. 23].

В. Атласов из-за плохого перевода не совсем точно излагает некоторые сведения о приключившемся с Денбеем. Атласов привез пленника в Анадырский острог и хотел его сам доставить в Якутск. «И тот полоненик шел с ними 5 дней и ногами заскорбел, потому что ему на лыжах ход не за обычей (непривычен. — *В. А.*) и итти было ему невмочь, и он де, Володимер, того полоненика с дороги с провожатыми возвратил в Анадырской» [4, с. 24].

Через восемь месяцев после первой «скаска» 10 февраля 1701 г. в Москве в Сибирском приказе была записана вторая «скаска» Атласова. Атласов еще не знал, что найденный им «полоненик» — японец: «А полоненик, которого на бусе морем принесло, каким языком говорит — того не ведает. А подобием кабы гречанин: сухошав, ус невелик, волосом черн... У иноземцов жил он до него, Володимера, два ж годы. А сказывался индейцом, и золото де у них родится много, палаты ценные (мраморные. — *В. А.*), а у царя де индейского палаты серебряные и вызолочены» [4, с. 30].

Со «скаскакой» Атласова ознакомился Петр I. По его требованию в Якутск было послано указание: срочно доставить иноземца в Москву. Якутский воевода Дорофей Траурнихт отправил Денбея в сопровождении казачьего пятидесятника Софронеева. В конце декабря иноземца благополучно доставили в столицу, и в начале января 1702 г. в селе Преображенском с ним беседовал сам царь, а в Сибирском приказе со слов иноземца записали «скаску». В ней он впервые назван японцем. Денбей приводит множество интересных сведений о государственном устройстве, географическом положении, климате Японии, религии, хозяйстве, торговле, занятиях жителей, быте, мореплавании, вооружении армии. Из этого документа в наше время стало известно точное имя и фамилия Денбея — Дэмбэй Татэкава. Его подпись под «скаскакой» в 1968 г. расшифровал японский археограф С. Хаттори.

Рассказ Денбея о его приключениях уточняет пересказ Атласова: «А тот полоненик... сказался: Денбеем зовут, Дисаев сын, родом Японского острова города Осака... А он де, Денбей, с товаром хозяина ево с наемными людьми всего 15 человек на судне, да с ними на иных на 30 судах — на бусах, или на кораблях... Пошли было парусами по морю-окиану того ж Японского острова (Хонсю. — *В. А.*) в город Енду (Эндо — Токио. — *В. А.*), который стоит на взморье, разстоянием от Асакка с 700 верст. А товары с ними были: пшено сорочинское да вино пшонное (сакэ. — *В. А.*), да камки (шелковая ткань с рисунком. — *В. А.*) и китайки (бумажная светло-желтая ткань. — *В. А.*), бумага хлопчатая, сахар белой мелкой, что мука, и леденец, да дерево сандал, да железо — для меня на шелк и на дощатое железо, и на полотна крапивные, и на золото, и на серебро, для того, что серебро и золото печатают только в двух городах — в Меаке (дословно — столица, имеется в виду город Кио-

то. — *В. А.*) и в Енде, и владетель их (император. — *В. А.*) в тех двух городах, переезжая, живет.

И на океане де море их суды волнами рознесло... А их де судно носило по морю великим ветром 28 недель, и они де, избывая от ветру, щоглу с парусами срубя, опустили в воду, а с теми парусами потонуло у них 2 человека. А в том судне была с ними пресная вода, взятая из Осака города, и той воды стало им на 2 месяца, а как воды не стало, тогда они пшено варили в вине и, то вино выщедя, подсычивали пшено сахаром, леденцом и понемногу питались. И как де ветры престали, тогда они по матошнику (компасу. — *В. А.*) усмотрели, что их далеко в море занесло, стали вымышлятьца, как бы им назад возвратитца? И нашли на море небольшое дерево с коренем, и то дерево вместо щоглы на судне они поставили и сшили из камок парусы.

И теми парусами принесло их к Курильской земле (так Атласов назвал южную часть Камчатки, населенную курильцами-айнами. — *В. А.*), и они, увидя реку, пошли тою рекою вверх, и дошли до курильского народу (впоследствии И. П. Козыревский писал, что это была река Опала. — *В. А.*). И от тех курильских народов пришел к ним один человек, и он де, Денбей, с товарищи своими, хотя уведомильца, стали для познания земель и языка писать на бумаге, и то письмо отдали тому курилу, чтоб он также по своему языку написал. И курил де тое бумагу положил в пазуху, потому что де камчадалские и курильские земли у народов никакова письма нет, — и пошел от них прочь. А наутро де пришло их в 4 лодках человек с 20 и, посмотря на них, пошли прочь. А в ночи де пришло их в 40 лодках человек с 200, и почали на судно по них, Денбею с товарищи, стрелять из луков и топорами каменными и костяными судно их рубить, и его, Денбея, из лука у левые руки по персту ранили. И они де, Денбей с товарищи, видя их многолюдство, стали из судна выносить камки и китайки, и железо и отдавать им, чтобы их не убили. И курильские де люди те камки и китайки, и железо у них взяли. А пшено и сахар нюхали, и что запаху никакова оттого нет, також и вино, которого с ними было с 500 бочек, — понюхав, бочки розсекли и пометали то пшено и сахар и вино вылили в воду, а бочки оставили себе класть рыбу, для того, что де в Курильской и в Камчадалской земле никакой посуды у иноземцев нет, а рыбу кладут в ямы, а поверх накрывают деревьем и травою. И та рыба вся измыловееет, и они тое рыбу кладут в корыта и наливают водою, и разогревают горячим камнем, да к тому прибавляют грибов мухоморов, и то пьют, и гостей, свою братью, подчивают, и бывают оттого пьяны.

А он де, с товарищи Денбей, того их питья пить не могли, а ели корение и рыбу, которая не больно залежалась.

Да и оне ж, курильские люди, двух человек из них, которые, будучи на судне, на море от великих слез ослепли, — убили до смерти. А ево де, Денбея, взял один человек и сvez на Камчатку реку (видимо, на Ичу. — *В. А.*). А това-

рищи ево 10 человек остались у тех курилов (Атласов говорит о трех пленниках. — *В. А.*). А вместе он с товарищи своими жил у тех курилов с месяц.

А на Камчатке реке жил он, Денбей, до приходу Володимера Отласова с товарищи близко году (Атласов говорит — два года, то есть, по Денбею их выбросило на камчатский берег в 1696 г., по Атласову — в 1695 г. — *В. А.*), и по их камчадальскому языку немногие слова стал познавать, и слышал от тех камчадалцов, бутто к той Курильской земле приходили люди на бусах, или на кораблях, и тех товарищев ево 10 человек взяли с собою, а их ли Японские земли или китайские люди были, про то он не ведает (скорее всего, это были айны с южных Курильских островов, которые торговали с японцами и привозили японские товары на север и на Камчатку в обмен на каланов, орлиные хвосты и перья. — *В. А.*).

И как Володимер Отласов с казаками в Камчадальскую землю пришли, и он де, Денбей, видя у них в ествах чистоту, приехал к ним, чтоб ево от голоду не покинули, и Володимер де с товарищи взяли ево, Денбея, к себе, а камчадальским иноземцам не отдали, и вывезли в Сибирскую землю.

А как он, Денбей, из города Асакка на море пошел — тому ныне седьмой год (то есть он вышел из Осаки в 1695 г. — *В. А.*). И в городе Осакка есть у него, Денбея, жена да двое детей» [18, с. 504].

«А из дому он, Денбей, пошел зимою... А та Курильская земля, как оне от востоку шли, была у них в правой стороне... А в Камчатской земле до зимы жил он, Денбей, 6 месяцев (можно понять, что к Камчатке их принесло где-то летом 1695 г. — *В. А.*)» [18, с. 506].

Еще одну интересную деталь приводит Денбей из своей жизни на Камчатке: «А в Курильской де земле тамочные народы взяли у них, Денбея с товарищи, меньших золотых (монет. — *В. А.*) 2 ящика, пуда по два, и тех золотых они, камчадальские народы, не знают, роздали играть детям своим» [18, с. 507].

Дальнейшая судьба Денбея сложилась так, что вернуться на родину ему уже не довелось. Петр I приказал обучить его русской грамоте «и ему, Денбею, дать в научение из русских робят человека три или четыре — учить повыкнет и русских робят своему языку и грамоте научит, и ево отпустить в Японскую землю» [12, с. 9].

Но это обещание не было выполнено. Известно, что в 1710 г. Денбей обращался к Петру с просьбой отпустить его на родину, но получил отказ, так как путь в Японию в то время был неизвестен. По приказу царя его крестили, дав имя Гавриил. Петр распорядился содержать Денбея за счет казны. Известно, что в октябре 1705 г. он приказал генерал-майору Я. В. Брюсу выяснить, выучился ли он русскому языку и «своему языку и грамоте робят сколько человек выучил, и ныне учит ли?» [9, с. 55].

Денбей преподавал сначала в школе для изучения иностранных языков при Посольском приказе в Москве, а когда в 1705 г. при Петербургской море-

ходной математической школе была открыта школа японского языка, Денбея назначили преподавать в ней.

В 1714 г. в помощь Денбею с Камчатки был прислан японец Санима, также попавший в плен к камчадалам и освобожденный приказчиком Чириковым. Неизвестно, хорошим ли учителем японского языка был Денбей, его ученики никак себя не проявили. Но от него в России были впервые, из первых рук, от жителя самой Японии, получены достоверные данные об этой стране.

До этого в России о Японии имелись очень скудные сведения. Они содержались в книге «Космография», написанной в 1670 г. в Холмогорском монастыре. В ней есть глава, посвященная Японии, — «О Иапонии или Япон-острове», — где приводятся некоторые, не совсем достоверные, данные о географическом положении, климате, флоре и фауне, природных ресурсах, системе управления, занятиях, религии, нравах и обычаях Японии. Например: «Иапония — большой остров, лежит в 700 верстах к востоку от Китая, богат золотом, серебром и другия сокровища». Отмечалось, что японские обычаи и письменность схожи с китайскими, что японцы — «люди свирепые», «казнили многих португальских и испанских иезуитов» [9, с. 30—32].

После Денбея в первые годы русского правления на Камчатке были найдены еще несколько потерпевших крушение японских моряков, но сведения о них очень скудны, кроме одного — Санимы.

И. П. Козыревский упоминает, что приказчик Тимофей Кобелев, собиравший ясак в 1700—1704 гг., вывез в Якутск японца с бусы, разбившейся на восточном побережье в районе р. Асача, и что он сам «лес видел бусеной в строении у иноземцов» [19, с. 48].

Об остальных японцах мы встречаем сведения у С. П. Крашенинникова в его «Описании земли Камчатки» и в тексте «Чертежа Камчадальского Носу и морским островам» И. П. Козыревского.

С. П. Крашенинников пишет о том, что в 1710 г. приказчик Петр Чириков спас на Бобровом море (так русские называли Кроноцкий залив) четверых японцев с разбитой бусы. «И понеже японцы полонены были немирными камчадалами, которые близ оной бусы жили, то Чириков имел случай четырех бывших у них японцев выручить; ибо изменники, увидев служивых, в бой с ними вступить не отважились, но оставя японцов, разбежались по лесу» [6, с. 204—205].

Об этом случае есть запись у Козыревского на «Чертеже...» против рек Шемячик (Семячик) и Березовых: «Меж сими реками, оставя бусу, в шлюпке нифонцы выехали на землю, и в то время неприятельские иноземцы в полон взяли и одного убили». А рядом следующая запись: «Калигерская губа (Калыгирь. — В. А.). На сем носу в прошлом 710 году в апреле месяце бусу разбило пустую, понеже что было у них, то все в море сами, они, ино-

земцы, сбросали. И носило 4 месяца. А бусу на море видели еще в марте месяце, как носило» [19, с. 47].

Из этой записи на «Чертеже...» можно понять, что японская буса в декабре 1709 г. потерпела крушение у берегов Японии, ее четыре месяца носило по морю, а в марте прибило к берегам Камчатки, где оставшиеся пять моряков (а, возможно, девять, считая, что четверо, спасенных П. Чириковым, это не Кист и Китара) пытались спастись на берегу, но были захвачены камчадалами.

В следующем упоминании Козыревского о японцах год, когда они были найдены, не ясен, а место — район Шипунского полуострова: «Шипун. В сих урочищах двух человек нифонцов, Киста, Китара, служилые люди взяли, а я в то время морем шел и якори четыре (видимо, японские. — *В. А.*) из моря вынял и на земле в удобное место положил. А ныне где оные: или иноземцы нашли и взяли — и о том не ведаю» [19, с. 48].

Возможно, Кист и Китара — это японцы, спасенные П. Чириковым от «немирных» камчадалов в 1710 г., но Крашенинников сообщает о четырех японцах, найденных в этом районе.

Еще троих моряков с того же судна И. П. Козыревский нашел в 1711—1713 гг. на западном побережье в районе р. Явина: «Да с разбойной же (разбившейся. — *В. А.*) бусы иноземцов трех человек: Ширюкея, Тиски, Сана — по разным рекам брал в показанных годах (1711—1713. — *В. А.*), в том же числе и выкуп дал за одного» [19, с. 47]. Одного из них, Сана (он же Сак, Санима) Козыревский брал с собой во второй поход на Курильские острова в 1713 г. в качестве переводчика на случай встречи там с японцами. Это именно тот Санима, который в 1714 г. стал помощником Денбея в школе японского языка в Петербурге.

Эти пять японцев (двое — на восточном побережье, трое — на западном) прибыли на Камчатку на одном судне: «Из Кинокуни города ходили в государство (так Козыревский называет столицу Японии Эдо — Токио. — *В. А.*) оные иноземцы Кисть, Китара, Ширюкей, Тиски, Сан — всех 14 человек с торгом, а именно с лесом. И, продав лес, купили вина, табаку, гороху, и, возвратясь, своего городу недошед дни за три, и отнесло ветром в море, а хозяин из государства горою (сушей. — *В. А.*) в свой город уехал. А как их отнесло от земли и стало на море бить волнами, и они дерево (мачту. — *В. А.*) и со снастьми опустили, и якорь с шеймою потеряли. А оные люди были работные по найму.

Особливое владение (княжество. — *В. А.*) — город Кинокуни. А владетель — узакинский царь... родственник ближней (императору? — *В. А.*)... И сего города жителей в прошлом 710 году в апреле месяце в Калигерной губе морем к земле разбило, а носило их на море, сказывали, четыре месяца» [19, с. 52]. Получается, что эти пять японцев и четверо, спасенных П. Чириковым, приплыли на одном судне и были земляками Денбея.

От найденных им японских моряков Козыревский получил очень подробные сведения об их стране. Это особенно важно потому, что первый капитальный труд о Японии издан в Европе Кемпфером в 1728 г., то есть через пятнадцать лет после Козыревского.

Козыревский, правда, ошибался в том, что от Камчатки до Японии не так далеко: «И по скаске их, иноземцев (итурупца Шитаная. — *В. А.*), до японского первого города Матмая не доходили де за 7 дней, да они ж, иноземцы, сказывали, что... от последнего острова (Кунашира. — *В. А.*) до Матманского японского города проезжают судами дни в 3 и в 4, а как они поехали от острова и приехали в 5 дней к Камчатской земле» [19, с. 28].

Козыревский был первым, кто предположил, что японские острова являются продолжением Курильской гряды. Он называет Матмайский остров (Хоккайдо) двадцать вторым, а Нифон остров (Хонсю) — двадцать третьим от Камчатки [19, с. 34]. Уроженец южного Курильского острова Итуруп Шитанай, плененный Козыревским в 1713 г. на Парамушире, сообщил ему сведения о Курильской гряде до Матмайского острова, а о Нифоне ему рассказали японские пленники.

«Матмайский остров. На сем концу стоит Матмай город (Мацумаэ. — *В. А.*) по край проливы, а по скаскам полоненных иноземцов Кистя, Ширюкея, Сана и других, построен вновь не из давних лет (княжество Мацумаэ основано в 1601 г. — *В. А.*); а которые люди явятца в каких винностях, и тех с Нифона острова ссылают в Матмай город в ссылку» [19, с. 50].

Множество сведений о географии, политическом устройстве, быте, обычаях, армии и вооружении, торговле, промышленности, религии, сельском хозяйстве Японии сообщает И. П. Козыревский со слов спасенных им японцев. Так, он говорит, что «народ острова сего Нифона на пищу себе коров не бьют и мяс их не едят, и ружья при себе держать им не повелено, кроме сабель, и то у знатных людей, также и торговым людям не велено, которые ходят и морем (поэтому японские моряки не оказывали сопротивления нападавшим на них аборигенам. — *В. А.*). А в службу де выбирают великовозрастных людей и обучают по своей обыкности в особливом городе и тогда приводят в государство. А к воинскому делу весьма неискусны и боязливы. Которые у меня в полону были, когда увидят человека кровава, и тогда падут на землю или руками глаза закроют, и про других своих людей тако ж сказывали» [19, с. 51].

«А войны из давних лет у них на Нифоне острове меж большими и другими владельцами, и нифонским и узакинским, не сказывали, но токмо мир меж собою имеют и торги водят. В полуденной — в подданстве узакинскому, а во востоке и сивере — нифонскому. А все ли владельцы (князья. — *В. А.*) в подданстве или не все ко оным большим государствам, о том в достаток не уведомился, понеже полоненные мною и служилыми людьми нифонцы русскому язы-

ку в достаток не навыкли; також и я большим разговором и поступками не заобыкновенен прежде того иностранных государств людей не видал...

Иные полоненные нифонцы сказывали: всех де особливых владельцев (княжеств. — *В. А.*) у них на Нифоне острове близ седмидесять, у которых города каменные и малые пригородки под ними. Да у них же, на Нифоне острове, обретается великой властитель (император. — *В. А.*)... и оному поклоняются большие их цари и владельцы и весь народ... что богу» [19, с. 51].

«А хлеб у них родится по трижды в год, а овощ и всякой земляной плод — безпрестанно; а табак сеют, и множество родится, и делают; а шелковые и бумажные товары делают, ткут мужики и бабы, и оттого одежду имеют торговую.

Государство стоит в великой губе морской над рекою, званием их Эдо, общим называют Нифонское, а люди называются нифонцы. А... морские суды... приходят и отходят безпрестанно, понеже зимы нет, в полдень — в Узаку, а в сивер — к камчатской стороне, к Матмаю и в другие города...

И царя своего не видают. А когда бывает ему ход, и в то время падут на землю и смотреть не смеют, и именем вслух назвать меж собою при других людях не смеют же» [19, с. 52].

Вот такие и много других свидетельств о своей неведомой в то время в России, да и в Европе тоже, родине поведали плененные Козыревским японцы, несмотря на то, что они с трудом понимали друг друга («нифонцы русскому языку в достаток не навыкли», как выразился И. П. Козыревский).

К сожалению, дальнейшая судьба этих японцев, кроме Санимы, неизвестна. Санима в Петербурге женился на русской. Его сын Андрей Богданов работал в библиотеке Академии наук, а затем стал, как и его отец, преподавать в школе японского языка. С его именем связывают создание первых в России японских словаря, разговорника и грамматики [13, с. 39].

Следующий эпизод, связанный с «камчатскими» японцами, произошел у берегов полуострова в 1729 г. Он имел трагические последствия. Его описание можно найти у С. П. Крашенинникова и А. С. Сгибнева. А впервые о нем сообщает В. Й. Беринг. В декабре 1730 г., вернувшись из Первой Камчатской экспедиции, он представил в Сенат предложения о мерах по устройству жизни и быта населения Сибири и Камчатки. Среди прочих событий, случившихся в его бытность на полуострове, он сообщает: «Прошлого 1729 года... по прибытии моем в Большеретцкий острог репортовал подмастерья Козлов (строитель бога «Святой архангел Гавриил». — *В. А.*), что видели подле берегу ходящих людей иностранных, а признаваем, что подлинно японского народу, и показал мне железа, трости и бумагу, что они нашли на малом острове близ Авачина...

Того ради приказал я тамошнему управителю, чтоб послать служивых искать, где оные люди обретаются, и привезть их под охранением, а ежели

впредь вышеписанный японской народ [найдется], то, по моему мнению, надлежит тех людей отправить на нашем судне в их землю и проведать путь, и можно ли с ними иметь торг или каким другим образом к пользе нашему государству что присмотреть, понеже до самые японские земли от Камчатского Угла (мыс Лопатка. — *В. А.*) имеются острова, и не в дальнем расстоянии остров от острова» [19, с. 96].

В последующем предложение Беринга о возвращении потерпевших крушение у берегов Камчатки японских моряков на родину, как предлог для установления торговых отношений с Японией, использовалось неоднократно (миссия Лаксмана, посольство Резанова и пр.).

Подробности о появлении этих японцев на Камчатке и об их трагической судьбе сообщает С. П. Крашенинников: «В том же 1729 году летним временем принесло к камчатским берегам между Курильской Лопаткою и Авачею японскую бусу, на которой было 17 человек и несколько товаров; но оные несчастливые люди побиты от случившегося в тех местах пятидесятника Штинникова, кроме двух человек, которые в Санкт-Петербург высланы и имели без сомнения случай к удовольствию своему слышать о казни сего злодея за неповинные убийства земляков своих» [7, с. 222—223].

Крашенинников имел в виду то, что в 1739 г. Походная розыскная канцелярия во главе с майорами Василием Мерлиным и Дмитрием Павлуцким, завершив расследование по делу о восстании камчадалов в 1731 г., приговорила к повешению двух приказчиков за неправильные поборы с камчадалов и пятидесятника Штинникова за убийство 15 японцев [20, с. 54].

Далее Крашенинников пишет, видимо, пересказывая самих японцев: «Оное судно по-японски называлось “Фаянк-мару”, было из города Сацмы, отправлено с сорочинским пшеном, с камками, полосином, пищею бумагою и другими вещами в город Азаку (Осаку. — *В. А.*); и следуя к оному окианом сперва бежали благополучным ветром, потом претерпело противную жестокую погоду восемь дней, которою отнесло их в открытое море, где уже пути своего не узнали. В море носило их так, как веяли ветры, шесть месяцев и 8 дней, считая ноября от 8 июня по 7 число; между тем принуждены они были выметать все свои товары, снасти, якори и срубить мачту, а руль отбило погодою, вместо которого употребляли они долги бревна, привязав их за корму... Наконец принесло их к камчатским берегам близ Курильской лопатки, где они от берегу верстах в 5, брося остальные свои якори, остановились, и начали свозить нужные вещи на берег. Потом и все съехали на землю... и поставя шатер 23 дни покой имели, не видав никого из камчатских обывателей, и между тем большее их судно унесло погодою.

После того нашел на них казачей пятидесятник Андрей Штинников с камчадалами. Японцы обрадовались людям, хотя языку не разумели. Начали им оказывать всякую склонность к приветствию, дарить платьем, и что у них

было; напротив чего и с другой стороны приютствовали, только под видом (делали вид. — *В. А.*), и Штинников стоял в 10 сажнях от стану целые два дни; наконец он с камчадалами скрылся от японцов в ночное время к немалому их сожалению. Следующаго дня собрались японцы в малое свое судно, погребли близ берега с тем, чтобы сыскать жиле какое, и отъехали верст с 30, нашли на берегу большее свое судно, которое Штинников ломал с камчадалами, и обирал железные припасы. Японцы, несмотря на гибель своего судна, продолжали далее путь своей стороною; но как увидел их Штинников, тотчас приказал камчадалам перенять и побить их. Японцы, видя легкое судно, за ними гонящее, и предвидя свою погибель, вначале стали ублажать и умиловать поклонами, но как вместо склонности увидели пускаемые стрелы, то инные пометались в воду, а остальные отчасти копьями переколоты, отчасти собственными своими саблями, которые подарили Штинникову в знак своей покорности, перерублены и в море помешаны; токмо в живе оставлены двое, именем Гонза (Гондзо. — *В. А.*), который был при отце своем штурмане для обучения мореплавания, но и тот в руку раненой; а другой старой (35 лет. — *В. А.*), именем Соза (Содзо. — *В. А.*), который взят был от купечества для провоза помянутого судна, и которой было бросился в море.

Штинников, получа малое их судно, все, что на оном было, себе взял: большое судно для железа сжег, японцов захолопил и со всею тою корыстью в Верхней острог (Верхнекамчатск. — *В. А.*) поехал, надеясь пользоваться варварством приобретенною добычею» [7, с. 222—224].

Некоторые детали к рассказу Крашенинникова добавляет А. С. Сгибнев [20, с. 41]. Прибывший в Верхнекамчатск приказчик Иван Новгородов посадил Штинникова в тюрьму, а японцев отвез в Нижнекамчатск и передал штурману Якову Генсу. Отсюда по приказу майора Д. И. Павлуцкого их отправили в Якутск, оттуда в Тобольск, затем в Петербург, где они были представлены императрице Анне Иоанновне. В 1734 г. их крестили. Гондзо стал именоваться Дамианом Поморцевым, а Содзо — Козьмой Шульцем. Их направили в Академию наук для обучения русскому языку, а в 1736 г. они стали учителями в школе японского языка. Но работать им пришлось недолго: в том же 1736 г. на 43-м году жизни умер Содзо — К. Шульц, а в 1739 г. — 21-летний Гондзо — Д. Поморцев. С. П. Крашенинников пишет: «Для памяти сего случая, что из толь отдаленного места были люди в России, приказала Академия срисовать их, и снять с лиц алебастровыя формы, которыя в Императорской кунсткамере поныне находятся» [7, с. 225].

В 1744 г. на Курильском острове Макаруши русские встретили японца по имени Игач и доставили его на Камчатку. Неизвестно, каким образом он попал на Курилы. Игач советовал русским отправлять суда в порты Эдзо (Матмая — Хоккайдо) с сукном, кожами, китовым жиром и вяленой рыбой [13, с. 62].

Весной 1745 г. судно, шедшее с острова Эдзо в Эдо (Токио) с грузом леса, вяленой рыбы и рыбьим жиром было занесено далеко на север и разбилось у пятого Курильского острова Онекотана. Капитан и шесть моряков погибли, а 10 человек обнаружил сборщик ясака Матвей Новограбленный и привез в Большерецк. Японец Юсончей, назвавшийся старшим, передал русским два меча, документы погибшего судна и подписал ландкарту, составленную по его рассказу о плавании и посещенных им островах. Все это было отослано в Петербург. Сенат и Адмиралтейств-коллегия предписали местным властям отобрать из спасенных пять «умных и способных» и отправить их в Петербург в качестве учителей японского языка. К этому времени в школе японского языка преподавал лишь один Андрей Богданов. Сначала всех японцев отправили в Иркутск.

Известно, что в Петербург был направлен лишь один из них — Токубай [13, с. 39, 60—61]. А вскоре, в 1753 г., закрылась школа японского языка в Петербурге и открылась в 1754 г. в Иркутске, где и просуществовала до 1816 г. Видимо, и в 1750-е гг. японцы попадали в Россию, но сведений о них найти не удалось. Известно лишь, что в Иркутской школе в 1761 г. работали семеро японских учителей и было 15 учеников [9, с. 57].

Самую большую известность и в России, и в Японии получил Дайкокуя Кодаю. Он внес самый значительный вклад в развитие взаимопонимания между нашими странами, что привело к согласию Японии на торговлю с Россией, выразившееся в том, что японские власти выдали в 1793 г. руководителю русской миссии в Японию А. К. Лаксману, доставившему Кодаю на родину, «Лист о дозволенном ходе в Нагасакскую гавань». Впервые Япония разрешила русским торговым судам посещать их страну. До этого таким правом пользовались только голландцы. К сожалению, Россия не воспользовалась этой возможностью, а двенадцать лет спустя посольству Н. П. Резанова, в 1805 г. также доставившему на родину японских моряков с Камчатки, было отказано и в торговле.

О Кодаю и его спутниках написано много и в России, и в Японии. Довольно подробно сообщал о нем посланник Лаперуза Ж.-Б. Лессепс, встречавшийся с ним в 1787 г. в Нижнекамчатске.

13 декабря 1782 г. (К. Г. Лаксман называет 1783 г.) 32-летний Дайкокуя Кодаю в качестве капитана судна «Синсе-мару» с грузом риса и других товаров вышел из гавани Симодо с экипажем в 17 человек. Только двоим из них посчастливилось через десять лет вернуться на родину: самому Кодаю и 19-летнему матросу Исокити. Судно попало в шторм, сломался руль, пришлось срубить мачту. Более семи месяцев их носило по океану. Когда кончилась питьевая вода, приходилось собирать дождевую, подставляя все имевшиеся на судне емкости: бочки, тазы, миски. На «Синсе-мару» находилось 500 мешков риса, поэтому они не голодали. Тем не менее, один матрос умер.

20 июля 1783 г. (у Лаксмана — 1784 г.) их прибило к незнакомому острову, на котором не росло ни деревца. Это был алеутский остров Амчитка. Здесь они встретили семерых алеутов и группу русских промышленников, старшим у которых Кодаю называет некоего Невидимова. В первую же ночь японское судно штормом выбросило на камни. Поэтому японцам пришлось остаться на острове. С русскими у них сложились дружеские отношения, но от сурового климата и непривычной пищи за время пребывания здесь умерли семь человек.

В 1785 г. за русскими промышленниками пришло судно, но и оно разбилось, а команда высадилась на остров. По словам Невидимова, русские суда заходили сюда не чаще, чем раз в пять лет. К. Г. Лаксман пишет, что японцы «принуждены были остаться на сем острове чрез три года и один месяц, в которое время русские промышленники построили из своего разбитого листовнишного судна и из остатков японского из красного и канфарного дерева состоявшего, буса, новое судно, и на оном вывезли в сентябре месяце 787 года в Нижнекамчатск оставшихся 9 человек японцев...» [19, с. 285].

В русских документах впервые об этом 28 января 1788 г. сообщает в рапорте вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И. Г. Чернышеву участник Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции И. И. Биллингса и Г. А. Сарычева капитан-лейтенант Р. Р. Галл, который, командуя кораблем «Слава России», заходил в 1787 г. в Петропавловск: «В 783-м ис простирающихся от Камчатки, клонящихся к северо-востоку островов, на одном, именуемом Амчитке, на коем жительствоуют алеуты, разбило ж японское судно, с котораго спаслось девять человек японцев, и оныя в 787-м на компанейском же судне вывезены в Камчатку» [19, с. 248].

Кстати, в том же году, по сообщению Роберта Галла, компанейское судно «Св. Георгий» доставило в Нижнекамчатск еще двух иностранных моряков с разбившегося в октябре 1786 г. у острова Медного английского судна Ост-Индской компании под командой капитана Петерса. Р. Галл называет одного из спасшихся и зимовавших на острове Медном бенгальцем, то есть индийцем, а другого — арапом (негром). Этих моряков затем доставили в Петербург для отправки их в Англию. В Большерецке с ними встречался посланник Лаперуза Ж.-Б. Лессепс, который называет одного из них португальцем, а другого бенгальским негром [16, с. 121].

В Нижнекамчатске японцы прожили десять месяцев, до июня 1788 г., русские относились к ним дружелюбно. Зимой через Нижнекамчатск проезжал Лессепс, направлявшийся из Петропавловска в Петербург и далее в Париж. В своей книге «Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири», изданной на русском языке в 1801 г., он оставил любопытное описание жизни японцев в Нижнекамчатске на восьми страницах. Так как это издание на Камчатке имеется лишь в одном экземпляре в мало-

доступной библиотеке Института вулканологии и сейсмологии Дальневосточного отделения Российской Академии наук, приведем это описание достаточно полно. В нем имеется немало любопытных деталей:

«Примечания достойнейшим показалось мне в Нижнекамчатске, и о чем умолчать не могу: девять японцев, которые прошедшим летом занесены были в Алеутские острова, [доставлены] на русском судне, назначенном для торгу выдрами...

Говоривший со мною, по-видимому, имел приметное преимущество пред прочими осмью: известно, что он был купец, а те — матросы, служившие ему. Они ему оказывают отменное уважение и любовь: печалятся и весьма беспокоятся, естли он когда бывает болен или чем-нибудь огорчен, всякой день по два раза посылают одного наведываться к нему. Можно сказать, что и он с своей стороны не менее дружества оказывает им, ибо не проходит ни одного дня, в который бы он не побывал у каждого, и старается о том, чтобы они ни в чем недостатка не имели; имя его Кодаил (Кодаю. — *В. А.*), видом не странен, но более приятен, глаза не так малы, как обыкновенно у китайцев, нос продолговатой, бороду часто бреет. Ростом около пяти футов и довольно статен. Он носил волосы по-китайски, то есть по середине головы оставлял один клочек волос во всю их длину, а прочие брил, но склонили его наконец отростить и завязывать по-нашему. Чрезмерно боится стужи... (далее идет подробное описание его одежды. — *В. А.*). Несмотря на суровость климата, у него всегда руки голы и шея открыта; только повязывает ему на шею платок, когда он выходит на стужу...

Преимущество его перед своими соотечественниками должноствовало бы отличить его; но он более заслужил оное своим благоразумием и кротостию. Живет у г. Орленкова (коменданта Нижнекамчатска. — *В. А.*). Вольность, с какою он входит к коменданту или к другому кому, почли бы в другом месте невежеством; поступает совершенно по своей воле, садится на первый стул, какой попадется, просит подать того, чего ему угодно, или сам берет, естли близко. Табак курит безпрестанно... Он чрезвычайно проникателен, понимает с удивительною скоростию все, что ему изъясняют; сверх того очень любопытен и примечателен. Меня уверили, что он ведет вседневную записку всего, что видит и случается с ним. (Лессепс не ошибся, Кодаю действительно вел подробный дневник. — *В. А.*).

Буквы показались мне такими же, как и китайския, но иначе пишутся; сии пишут, начиная с правой руки к левой, а японцы сверху вниз; говорит по-русски так хорошо, что понимать можно... Обхождением приятен, нравом постоянен, но очень подозрителен... Я удивлялся его трезвости, что совершенно не сходствует со свойством сея страны...

Я спросил его о товарах, которые были сбережены по разбитии его корабля... они состояли из чайных чашек, ящичков и прочих тому подобных

мелочей; был также очень хороший лак, часть оных уже продал в Камчатке» [11, с. 1—8].

Японские моряки жили в Нижнекамчатске в доме у писаря, а сам Кодаю — в доме коменданта Орленкова. Зимой трое японцев умерли от голода, так как отказывались есть говядину и пить молоко. Остальным пришлось питаться мясом, а весной они стали ловить рыбу.

В июне 1788 г. шестерых оставшихся в живых японцев отправили в Иркутск, куда они прибыли 7 февраля 1789 г. От Якутска до Иркутска ехали в разгар сибирской зимы, что явилось причиной смерти по прибытии в Иркутск еще одного матроса, а другому пришлось ампутировать обмороженную ногу.

В Иркутске двое японцев, окончательно потеряв надежду на возвращение на родину, приняли православие. Одного их них, Седзо, окрестили Федором Степановичем Ситниковым, а другого, Синдзо, — Николаем Петровичем Колотыгиным. Они стали преподавать в школе японского языка.

«Из 17 японцев в восемь лет умерли 12, — пишет К. Г. Лаксман, — что чрезвычайным показаться может. Однако сие наипаче приписать должно необыкновенным трудностям и заботам, суровому климату, также переменной и худой пище на островах Алеутских и в Камчатке, почему необходимо нужно об отправлении их в отечество помышлять неукоснительно и предохранять их от подобных затруднений» [19, с. 287].

В Иркутске Кодаю познакомился с жившим там профессором, почетным членом Петербургской Академии наук, известным путешественником и естествоиспытателем Кириллом (Эриком Густавом) Лаксманом, который много сделал для возвращения Кодаю в Японию.

С Лаксманом Кодаю познакомил камчатский чиновник Тимофей Ходкевич, с которым они подружились в Нижнекамчатске. Лаксман называл Кодаю «человеком из первейшим в Японии купцов, от коего можно получить довольныя сведения о японской торговле и вообще о его отечестве» [19, с. 285].

На основании бесед с Кодаю, К. Г. Лаксман 26 февраля 1791 г. направил президенту Коммерц-коллегии графу А. Р. Воронцову письмо об оказании помощи японским морякам и о возможности установления торговых отношений с Японией. Сообщая, что у Кодаю есть план возвращения на родину с помощью голландских моряков, он, как когда-то шестьдесят лет назад В. Й. Беринг, предлагал доставить японцев на русском судне и использовать это как предлог для переговоров о торговле. В тот же день К. Г. Лаксман направил А. Р. Воронцову представление «О японском торге», где, ссылаясь на сведения единственного оставшегося в живых живущего в Иркутске участника Второй Камчатской экспедиции 94-летнего Якоба Линденау, обследовавшего по указанию Г. Стеллера устье Амура, говорит о возможности постройки там пристани (порта), куда могли бы приходиться японские торговые суда. Другой вариант создания такой пристани и русского селения при нем

для торговли с Японией он предлагает «на южных наших Курильских островах» [19, с. 288].

Отправляясь 15 января 1791 г. в Петербург, Лаксман взял с собою Кодаю. В Петербурге они пробыли семь месяцев. Состоялось несколько встреч Кодаю с императрицей Екатериной II. Первая встреча произошла в Царском селе 28 июня 1791 г., последняя — 20 октября 1791 г. Екатерина II внимательно слушала рассказы Кодаю о перенесенных японскими моряками невзгодах, о Японии, задавала много вопросов. Она согласилась вернуть японцев на родину. 13 сентября 1791 г. императрица направила указ иркутскому губернатору И. А. Пилю об организации экспедиции для возвращения японцев. Главой миссии в Японию сначала планировалось назначить командира Камчатки, но затем Екатерина II решила «для препровождения тех японцев в их отечество употребить одного из сыновей означенного профессора Лаксмана... имеющих познания астрономии и навигации, поруча ему как в пути, так и в бытность в Японских областях делать на водах, островах и на твердой земле астрономические наблюдения и замечания, равно и о торговых тамошних обстоятельствах» [19, с. 304].

Японцев, помимо того, что в России они были на казенном содержании, Екатерина II распорядилась наградить: «Начальнику их Коодаю 150 червонных и золотая медаль, и сверх того ея и. в. пожаловать изволила золотые часы (вручены на последней встрече с Кодаю 20 октября 1791 г. — В. А. [13, с. 98]). Трем купцам (здесь ошибка — третий умер в Иркутске. — В. А.), с ним возвращающимся, каждому по 50 червонных и по серебряной медали.

Двум японцам, принявшим веру православного исповедания и здесь остающимся, каждому по 200 рублей» [19, с. 305].

В отношении двух последних (Сёдзо — Ф. С. Ситникова и Синдзо — Н. П. Колотыгина) в указе сказано: «Как из числа помянутых японцев двое приняли христианский наш закон и, следовательно, в отечество свое уже возвратиться не могут, то употребить их у нас для обучения японскаго языка, который при установлении торговых с Япониею сношений весьма нужен будет» [19, с. 304].

Руководителем экспедиции был назначен второй (из трех) сын К. Г. Лаксмана 26-летний поручик Адам Лаксман, служивший до того в Гижиге. Получив в Охотске инструкции от отца, А. К. Лаксман вышел из Охотска на судне «Екатерина» 13 сентября 1792 г. Командиром «Екатерины» был назначен штурман В. М. Ловцов. На борту находились 39 членов экспедиции и три японца: Кодаю, Коити, Исокити. 7 декабря прибыли в Немуро на севере острова Хоккайдо, где пришлось зазимовать. Во время зимовки, 30 марта 1793 г. умер от цинги один из трех возвращавшихся на родину японцев — Коити. А. К. Лаксман пишет, что японцы не знают цинготной болезни, а лечил его японский лекарь из Немуро собственными средствами. Коити похоронили сами японцы по своим обычаям [10, с. 467—468].

Лишь 4 июля 1793 г. «Екатерина» прибыла в порт Хакодате, где А. К. Лаксман заявил, что ему предписано передать сопровождаемых им японцев правителю Японского государства в городе Эдо. Местные чиновники ответили, что путь в Эдо «затруднителен» и предложили вернуть японских моряков в Хакодате. При передаче Лаксман заявил: «... имею честь и подданных ваших представить в покровительство и призрение ваше, соболезнуя о третьем, умершем в Нимуру, что не достиг сего счастья» [10, с. 485].

20 июля «ввечеру сдал пришедшему... старшему чиновнику препровождаемых японцев Кодая и Исокича... для препровождения их в столицу Эдо. По сдаче же упомянутых нами привезенных японцев уже более не видали. 21-го числа принесли от начальствующих чиновников в принятии ими своих подданных, Кодая и Исокича, расписку» [10, с. 486]. Кодая было 43 года, Исокити — 29.

О дальнейшей судьбе Кодая и Исокити сообщает С. Накамура. 18 сентября 1793 г. в «Павильоне любования фонтанами» в замке Эдо их принял 11-й сегун (правитель Японии) Иэнари в присутствии членов правительства, где их подробно расспрашивали о России. Им была назначена ежемесячная выплата на содержание: Кодая — 3, а Исокити — 2 рё (японская золотая монета). Затем их отправили на поселение на плантацию лечебных трав, приказав ничего не рассказывать о России. Правда, Кодая разрешили встречаться с японскими учеными и обучать их русскому языку. Кодая женился, его сын стал ученым, известным под именем Дайкоку Байин. Умер Кодая 15 апреля 1828 г. в возрасте 78 лет. Исокити дожил до 70 лет и умер в 1834 г. [13, с. 117—118].

На основании записей Кодая японский писатель Иноуэ Яесуси создал роман «Сны о России», где рассказывает о дружелюбном отношении русских к японцам, о жизни в России в XVIII в. [9, с. 64].

Из оставшихся в Иркутске японцев Накамура сообщает лишь о Синдзо (Колотыгине), что он опубликовал в России сочинение «О Японии и японской торговле», обучал своему языку ученого Генриха Клапрота, женился на русской и имел троих детей, скончался в Иркутске в 1810 г. [13, с. 119]. Другой японец, Сёдзо (Ситников), которому ампутировали обмороженную ногу, видимо, умер раньше.

В том же 1793 г., когда миссия А. К. Лаксмана передала японским властям Кодая и Исокити, на один из Андреяновских островов (самые южные в Алеутской гряде) после нескольких месяцев дрейфа в Тихом океане было выброшено судно «Вакамия-мару» с 16 моряками на борту. Оно вышло из Сёндая в январе. Судьба этих моряков похожа на судьбу Кодая и его спутников. В 1797 г. их доставили в Иркутск, возможно, через Камчатку. К 1803 г. шестеро из них умерли, шестеро приняли православие, а четверо пожелали вернуться на родину [13, с. 131].

Этих четверых в 1803 г. доставили в Петербург, где их принял император Александр I. Решено было отправить их на родину вместе с посольством Н. П. Резанова на шлюпе «Надежда» под командой И. Ф. Крузенштерна, совершавшего первое русское кругосветное плавание. Н. П. Резанов надеялся, что возвращение этих несчастных, более десяти лет разлученных со своим отечеством, увеличит его шансы на успех предстоящих переговоров [8, с. 35].

Судьба этих японцев сложилась несладко.

После одиннадцатимесячного плавания из Кронштадта в Петропавловск они вынуждены были два месяца пробыть на Камчатке, ожидая отплытия в Японию. Затем еще месяц провели в плавании до Нагасаки, куда прибыли в начале октября 1804 г. Вскоре после прихода в Нагасаки японский губернатор просил Резанова отдать ему доставленных, но тот не согласился, надеясь лично представить их императору. Через несколько недель губернатор повторил свою просьбу, но снова получил отказ. Лишь после того, как 16 января 1805 г. один из японцев попытался лишить себя жизни (шел восемнадцатый месяц после отправления из Кронштадта), Резанов сам обратился к губернатору с просьбой забрать у него привезенных японцев, но теперь в этом отказал губернатор.

И. Ф. Крузенштерн пишет: «...сии бедные люди по преодолении трудного пути, продолжавшегося четырнадцать месяцев, хотя и прибыли в свое отечество, однако не могли тотчас наслаждаться полным удовольствием, которое они в отчизне своей обрести надеялись, но вместо того принуждены были семь месяцев находиться в неволе и заключении. Да и не известно, возвратятся ли они когда-либо на свою родину, которая была единственной целью их желания, понудившего их оставить свободную и малозаботную жизнь, какую препровождали они в России» [8, с. 168].

Крузенштерн предполагал, что причиной покушения моряка на свою жизнь мог быть дошедший до него слух, будто привезенные Лаксманом японцы осуждены на вечное заключение (что не соответствовало действительности). Более вероятным поводом к покушению Крузенштерн считал угрызения совести этого японца, передавшего японским чиновникам клеветническое письмо, «в котором жаловался не только на жестокие с ним в России поступки, но и на принуждение их к перемене веры, прибавив к тому, что и посольство сие предпринято главнейше с намерением испытать, нельзя ли ввести в Японию христианского исповедания» [8, с. 169].

Лишь перед самым отходом на Камчатку, в апреле 1805 г., удалось передать японских моряков на родину. По окончании переговоров Резанову были вручены бумаги, «содержащие запрещение, чтобы никакой российский корабль не приходил никогда в Японию... Если вперед случится, что японское судно разобьется у берегов российских, то спасшихся японцев должны рос-

сияне отдавать голландцам для доставления оных через Батавию (Яву. — *Ред.*) в Нагасаки» [8, с. 170].

Из оставшихся в Иркутске японцев с «Вакамия-мару» известно имя лишь одного — Дзенроку. Он получил фамилию Киселев и после смерти в 1810 г. Колотыгина оставался единственным учителем в школе японского языка [13, с. 158].

В октябре 1804 г. у Курильских островов потерпело крушение японское судно, моряков с которого доставили в Петропавловск. И. Ф. Крузенштерн упоминает о своей беседе со шкипером этого судна, состоявшейся в Петропавловске в июне 1805 г., где тот сообщил ему некоторые сведения о японской экспансии на Южные Курилы [8, с. 200].

В 1786 г. на Южных Курильских островах побывала экспедиция Могами Токунаи и обнаружила на острове Итуруп лишь троих россиян и пустующие базы русских промышленников на Урупе. В 1798 г. на Итуруп прибыл японский отряд из 180 человек во главе с Кондо Сигэтоси. Японцы уничтожили русские кресты и поставили свои столбы с надписью «Эторофу — владение великой Японии». В 1801 г. то же самое они сделали на Урупе, где имелось русское поселение, основанное в 1795 г. по распоряжению Г. А. Шелихова. В 1801 г. из 38 русских поселенцев — сибирских крестьян — здесь оставалось 17 человек, а в 1807 г. Н. А. Хвостов не обнаружил никого из них, но зато нашел японского чиновника, 30 солдат и трех переводчиков [13, с. 122—126].

То же самое происходило и в заливе Анива на юге Сахалина. В этом убедились И. Ф. Крузенштерн и Н. П. Резанов, когда в мае 1805 г. они на обратном пути из Японии посетили Южный Сахалин, где встретили небольшую японскую факторию, в которой жили несколько японцев, в том числе два офицера. «Мы могли заметить, что японцы поселились здесь недавно, потому что дома офицеров, а особенно амбары были совсем новы, некоторые еще не окончены», — пишет Крузенштерн [8, с. 200].

Японцы чувствовали себя как дома. На них безропотно работали до четырехсот сахалинских айнов. О причинах японского присутствия на Сахалине Крузенштерн пишет, что официально японские офицеры обязаны были только смотреть за торговлей с айнами, чтобы не допустить злоупотреблений. «Но если сообщенные мне одним японским шкипером (о котором мы упоминали выше. — *В. А.*)... в Камчатке в июне 1805 г. известия справедливы, в чем я не сомневаюсь, то виды японского правительства не столь благонамеренны» [8, с. 200].

Моряки «Надежды», убедившись, что японцы, в нарушение законов Токугавы, запрещающих им покидать пределы своей империи, стали незаконно осваивать южное побережье Сахалина и южные Курильские острова, пришли к единодушному мнению, что надо удалить их из русских владений. Все

острова в Тихом океане к северу от Хоккайдо, как открытые русскими людьми, по указу императора Павла I от 1799 г. о создании Российско-Американской компании (РАК) были отданы в ее распоряжение.

И. Ф. Крузенштерн предлагал для защиты Южного Сахалина от японцев установить там русскую батарею, но после получения на это согласия русского правительства. Но Н. П. Резанов не желал ждать так долго и приказал офицерам, находившимся на службе РАК, лейтенанту Н. А. Хвостову и мичману Г. И. Давыдову, командирам фрегата «Юнона» и тендера «Авось», изгнать японцев с Сахалина и Южных Курил.

В октябре 1806 г. Н. А. Хвостов уничтожил японскую базу в заливе Анива, взял в плен четырех японцев и отправился на «Юноне» на зимовку в Петропавловск, где уже находился «Авось». Летом 1807 г. Хвостов и Давыдов еще раз побывали на Сахалине, затем уничтожили японские посты на Урупте, Итурупте и Кунашире, взяли в плен еще нескольких японцев. Восемьмерых пленных они высадили на Хоккайдо, а двоих — Сахээ и Накагава Городзи — взяли с собой в качестве переводчиков и доставили их в Охотск.

Действия русских моряков в 1806—1807 гг. были единственным случаем насилия по отношению к японцам, приведшим к обратному результату. Япония стала укреплять свое присутствие на Южных Курилах и Сахалине. На Южных Курилах с 1808 г. Япония стала держать не менее тысячи солдат. Отношения с ней окончательно испортились.

В 1811 г. японцы вероломно захватили на острове Кунашир руководителя второй русской кругосветной экспедиции на шлюпе «Диана» В. М. Головнина. Более двух лет он и шесть моряков «Дианы» провели в плену. Пребывание в неволе не прошло для В. М. Головнина даром. Он смог составить одно из наиболее полных описаний Японии. Его труд «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах» был опубликован в 1816 г. и переведен почти на все европейские языки. В книге содержатся ценнейшие сведения об укладе жизни и государственном устройстве японцев, об их культуре, вероисповедании и обрядах, промышленности и торговле, народонаселении и военных силах.

Выручил Головнина и его товарищей из плена и доставил их в Петропавловск его друг и помощник, будущий начальник Камчатки, принявший командование «Дианой», Петр Иванович Рикорд. Рикорд считал, что можно было бы обменять пленников на равное количество спасенных японцев. Такой обмен между европейскими странами был обычным делом. В том же 1811 г. у берегов Камчатки затонуло японское судно, с которого спаслись шестеро моряков. «18 июля 1812 года, быв в совершенной готовности к отплытию, принял я на шлюп шесть человек японцев, спасшихся с разбитого на камчатских берегах японского судна, для отвоза их в отечество... Что всего удивительнее, как будто определением самого провидения из всего экипажа

японского судна спаслось ровно то самое число людей, сколько японцы захватили наших» [17, с. 380].

С. Накамура сообщает, что эти японцы были из г. Сэтцу (префектура Осака). Из шестнадцати человек десять умерли от голода. Среди живых находился некий Кудзо, которого отправили в Иркутск учителем японского языка, но его вернули обратно, так как школа закрылась. Он привез с собой вакцину от оспы. Кудзо написал «Заметки о дрейфе у берегов России», в которых много рассказывается о русских обычаях, приводится около двухсот шестидесяти русских слов и даже помещены тексты русских песен [13, с. 155—156]. Седьмым оказался захваченный в плен в 1807 г. Н. А. Хвостовым японец Городзи (Рикорд называет его Леонзаймо, второй — Сахээ — умер), доставленный из Иркутска в качестве переводчика.

Плавание 1812 г. оказалось неудачным. Японцы заявили, что Головнина с товарищами нет в живых, переводчик Городзи, отправленный на берег, не вернулся, и Рикорд отпустил на волю остальных японских моряков. (Кстати, Городзи изучал в России медицину, и, вернувшись в Японию, был первым, кто начал делать прививки от оспы).

Когда Рикорд собирался уже уйти с Кунашира, не добившись достоверных сведений о судьбе своего командира и его товарищей, оставшись без переводчика, ему повезло. Спасаясь от непогоды, в бухту зашло японское судно «Кансэ-мару», на котором находился владелец целой флотилии из десяти судов Такадая Кахэй. Он возвращался с Итурупа в Хакодате на юге Хоккайдо. Это был тот самый купец, которому управитель Итурупа Кондо Сигэтоси еще в 1799 г. поручил быть поставщиком товаров из Японии на Итуруп. Такадая Кахэй, как понял Рикорд, был известным в Японии человеком, а не простолюдином, как предыдущие японцы. Рикорд решил взять его в заложники, а вместе с ним еще четверых матросов, не пожелавших расстаться со своим хозяином.

От Такадая Кахэя Рикорд узнал, что русские пленники живы и содержатся в Хакодате. В Петропавловске Рикорд поселил Такадая Кахэя в своем доме. Они постоянно общались, и к весне прекрасно понимали друг друга и подружились. Одно огорчало их обоих: не выдержав тяжелой камчатской зимы, умерли двое японских матросов.

Летом 1813 г. «Диана» снова была на Кунашире. При посредничестве Такадая Кахэя переговоры прошли успешно. Японцы разрешили «Диане» прийти в Хакодате, где 1 октября 1813 г. Головнина и его товарищей передали русским, и «Диана» вернулась в Петропавловск.

После эпопеи с вызволением из плена В. М. Головнина, в котором немаловажную роль сыграли доставленные с Камчатки японские моряки и пленники, сведения о найденных на Камчатке японцах довольно скудны. Эти слу-

чай упоминаются в книгах Л. Н. Кутакова «Россия и Япония» и С. Накамура «Японцы и русские». Так, Л. Н. Кутаков сообщает, что в 1815 г. штурман Средний, плававший на «Диане» с Головинным и Рикордом, должен был доставить на судне «Св. Павел» трех спасенных японских моряков с письмом иркутского губернатора Н. И. Трескина японским властям из Петропавловска на Итуруп, так как посещение японских портов для русских кораблей было закрыто. Но из-за штормовой погоды высадка не удалась, и «Св. Павел» с японцами вернулся в Петропавловск. В 1817 г. с тем же письмом Трескина были отвезены на Итуруп уже шесть японцев [9, с. 93—94].

Видимо, к трем добавились моряки, привезенные из Русской Америки, о которых сообщает С. Накамура. В ноябре 1813 г. судно «Токудзэ-мару», шедшее из Нагоя в Эдо, попало в шторм. Пятнадцать месяцев оно дрейфовало в Тихом океане, два новых года моряки встретили в открытом море. Лишь в начале 1815 г. их спасло английское судно, доставившее их на Аляску. Управляющий РАК А. А. Баранов отправил их на Камчатку, куда добрались лишь двое оставшихся в живых, среди которых был капитан Сигаёси. Из Петропавловска их и доставили на Итуруп. Сигаёси впоследствии составил в Японии «Русский разговорник» и написал сочинение «Русская одежда и утварь». В 1822 г. в Японии вышла его книга «Дневник капитана судна “Токудзэ-мару”» [13, с. 157].

В 1836 г. с Камчатки на Итуруп были доставлены три, а в 1843 г. — шестеро японцев на бриге РАК «Промысел» под командованием штурмана Гаврилова [9, с. 94]. В 1850 г. были спасены семеро моряков, потерпевших крушение у берегов Камчатки. Император Николай I распорядился отправить их на судне РАК. «Князь Меншиков» под командой Линденберга доставил их в порт Симодо, но местные власти отказались принять без разрешения центрального правительства. Поэтому Линденберг высадил японцев на пустынный берег недалеко от Симодо.

Все приводимые нами факты говорят о том, что Россия всегда стремилась к дружбе и добрососедству с Японией. Главнейшей целью в отношениях с Японией Россия считала установление торговых отношений. Все действия русских в отношении потерпевших крушение японских моряков соответствовали указанию Сената, данному В. Й. Берингу еще 28 декабря 1732 г.: «А хотя и после случится таких же занесенных японских людей на берегах взять или во время одного вояжу в море погибающих японские суда найдутся, тем всякое вспоможение чинить дружески и потом отсылать спасенных людей или судны их, буде мочно, при своих судах к японским же берегам и отдавать или на берег людей спускать... дабы своею дружбою перемогать их застарелую азиатскую нелюдность, и что чаще посылаю будет, то больше известия получать мочно» [19, с. 128—129].

ИСТОЧНИКИ

1. *Алексеев А. И.* Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. — Хабаровск, 1958.
2. *Бондаренко О. Я.* Неизвестные Курилы. — М., 1992.
3. *Головнин В. М.* Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах... — Хабаровск, 1972.
4. Землепроходцы. — Петропавловск-Камчатский, 1994.
5. *Кин Д.* Японцы открывают Европу. 1720—1830. — М., 1972.
6. Колумбы земли русской. Сб. документов. — Хабаровск, 1989.
7. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — Т. 2. — Петропавловск-Камчатский, 1994.
8. *Крузенитерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». — Владивосток, 1976.
9. *Кутаков Л. Н.* Россия и Япония. — М., 1988.
10. *Лаксман А. К.* Описание путешествия из Иркутска с возвращением спасенных при кораблекрушении // Головнин В. М. Указ. соч.
11. Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири. Пер. с фр. — Ч. 2. — М., 1801.
12. *Мартыненко В. П.* Путешествие в страну Уйкоаль. — Петропавловск-Камчатский, 1987.
13. *Накамура С.* Японцы и русские. Из истории контактов. — М., 1983.
14. *Невельской Г. И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. — М., 1969.
15. *Петров В.* Русские в истории Америки. — М., 1991.
16. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990. — Петропавловск-Камчатский, 1994.
17. *Рикорд П. И.* Записки флота капитана Рикорда // Головнин В. М. Указ. соч.
18. Русская тихоокеанская эпопея. — Хабаровск, 1979.
19. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. документов. — М., 1984.
20. *Сгибнев А. С.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г. // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 1. — Петропавловск-Камчатский, 2005.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Некоторые сведения о японцах, попавших на Камчатку в течение XVIII — первой половины XIX вв.

Прибытие на Камчатку	Количество спасенных	Откуда и с чем шло судно	Место крушения судна	Где содержались на Камчатке	Дальнейшая судьба спасенных
1695—1696, дрейф шесть месяцев	10 чел.: Денбей Татэкава и др.	Из Осаки в Эдо с рисом, сахаром, тканями, бумагой, сандаловым деревом, железом	р. Опала на западном побережье	—	Денбей в 1702 привезен в Москву, встречался с Петром I, основал школу японского языка. Крещен, дано имя Гавриил
1700—1704	1 чел.	—	Против устья р. Асачи, восточное побережье	—	Вывезен в Якутск приказчиком Т. Кобелевым
1710, апрель. Дрейф четыре месяца	5 чел.: Санима, Кист, Ширукей, Тиски, Китар	Из Кинокуни в Эдо с рисом, из Эдо с вином, табаком и горохом	В Кроноцком заливе, б. Калыгирь — р. Семлячик	В Большерецке и Верхнекамчатске	Санима в 1713 участвовал в походе Козыревского на Курилы. С 1714 преподавал в СПб в школе японского языка
1729, 7 июля. Дрейф шесть месяцев	2 чел.: Гондзо (11 лет), Содзо (35 лет)	Из Сацмы в Осаку с рисом, тканями, бумагой	У юго-восточного побережья	В Верхнекамчатске и Нижнекамчатске	Отправлены в СПб, крещены: Гондзо — Дамиан Поморцев (умер в 1736), Содзо — Козьма Шульдц (умер в 1739), преподавали в школе японского языка. В 1733 приняты императрицей Анной Иоанновной
1744	1 чел.: Игач	—	4-й Курильский остров Маканруши	В Большерецке	—
1745	10 чел.: старший Юсончей, Токубай и др.	С острова Эдзо (Хоккайдо) в Эдо с лесом, рыбой, рыбьим жиром	5-й Курильский остров Онекотан	В Большерецке	Токубай доставлен в СПб, в школу японского языка

Прибытие на Камчатку	Количество спасенных	Откуда и с чем шло судно	Место крушения судна	Где содержались на Камчатке	Дальнейшая судьба спасенных
1787, сентябрь	16 чел. на Амчитке, 9 — на Камчатке, 6 — в Иркутске: Дайкокуя Кодаю, Исокити, Коити, Сёдзо, Синдзо и др.	Из Симодо с 500 мешками риса и др.	Алеутский о-в Амчитка в 1784	В Нижнекамчатске 10 месяцев с сентября 1787 по июнь 1788	6 чел. доставлены в 1789 в Иркутск, 1 умер, 2 в школе японского языка. Крещены: Сёдзо — Ф. С. Ситников, Синдзо — Н. П. Колотыгин. Кодаю принят Екатериной II, отправлен с миссией Лаксмана в 1792 в Японию вместе с Исокити и Коити, который умер в апреле 1793 в Немуро. Кодаю и Исокити доставлены в 1793 г. на родину. Первый умер в 1828, второй — в 1834, Синдзо — в Иркутске с 1810
1793	16 чел.	Из Сёндая с рисом и ледом	Андреяновские острова Алеутской гряды	—	В 1797 доставлены в Иркутск, 6 приняли православие, 6 умерли, 4 доставлены на родину посольством Резанова в 1805. В СПб. были приняты Александром I. В Иркутске Дзенроку крещен в Киселева
1804	—	—	На Курильских островах	В Петропавловске	—
1806—1807	4 чел.	—	Взяты в плен на южном Сахалине Хвостовым и Давыдовым	В Петропавловске	Доставлены на Хоккайдо, взятые на южных Курильских островах 2 чел.: Сахээ и Накагава Городзи доставлены в Охотск, где Сахээ умер, Городзи в 1812 передан японцам на Кунашире
1811	6 чел.: Кудзо и др.	Из Сэтцу	—	В Петропавловске	В 1812 Рикорд высадил их на острове Кунашир

Прибытие на Камчатку	Количество спасенных	Откуда и с чем шло судно	Место крушения судна	Где содержались на Камчатке	Дальнейшая судьба спасенных
1812	5 чел.: Такадая Кахэй и 4 матроса, взяты в плен Рикордом	С Итурупа в Хакодате с рыбой и др.	Взяты в плен у острова Кунашир	В Петропавловске	2 умерли в Петропавловске, Такадая Кахэй и 2 матроса обменены на Головнина и 6 моряков шлюпа «Диана»
1814	3 чел.	—	—	В Петропавловске	В 1815 была неудачная попытка доставить их на Итуруп
1815, дрейф 15 месяцев	2 чел.: Сигаёси и один матрос	Из Нагоя в Эдо	Доставлены английским судном на Аляску	В Петропавловске	В 1817 6 чел. доставлены на Итуруп. Сигаёси составил первый в Японии русский разговорник
1836	3 чел.	—	—	В Петропавловске	В 1836 доставлены на Итуруп
1843	6 чел.	—	—	В Петропавловске	В 1843 доставлены на Итуруп
1850	7 чел.	—	У берегов Камчатки	В Петропавловске	В 1850 капитан судна «Князь Меншиков» высадил на пустынный берег у Симодо, так как власти города отказались принять их

АВТОПОРТРЕТ ВРЕМЕНИ

В этой, уже обещающей стать традиционной, рубрике мы помещаем документы, дополняющие картину гражданского противостояния в Охотско-Камчатском крае в 1918—1922 гг. Данному трагическому периоду отечественной истории уже были посвящены публикации первого выпуска «Вопросов...» и значительная часть содержания настоящего издания.

Открывают рубрику доклады официальных лиц, представлявших «белую» и «красную» стороны: особоуполномоченного Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае Х. П. Бирича и заместителя председателя Камчатского областного народно-революционного комитета М. И. Савченко-Славского.

Особоуполномоченный Временного Приамурского
правительства в Охотско-Камчатском крае.

21 ноября 1922 г. № 219.

г. Петропавловск-на-Камчатке

ДОКЛАД О ЗАНЯТИИ ОХОТСКО-КАМЧАТСКОГО КРАЯ

Господину Председателю Временного Приамурского правительства

Экспедиция в Охотско-Камчатский край вышла из Владивостока в ночь с 24 на 25 сентября с. г. на двух кораблях: гражданское Управление во главе с Особоуполномоченным, часть воинского отряда, главный груз и пассажиры на пароходе «Кишинев» и боевая часть воинского отряда во главе с Войсковым Старшиной Бочкаревым, его штабом и всем вооружением на пароходе «Свирь». По выходе за о. Аскольд поднялся сильный норд-ост, перешедший в шторм, барометр сильно пал, корабли могли продвигаться вперед со скоростью не больше 3 миль в час, и вскоре со «Свири» был дан сигнал следовать за нею в бухту «Врангеля». Здесь оба корабля оставались до утра 26, когда снова вышли в море, но, встретив вновь сильнейший шторм, вынуждены были вернуться в ту же бухту «Врангеля».

К утру 27 шторм стих, и оба корабля снова вышли в море, держа курс вдоль берега. Не доходя миль 60 до залива Св. Ольги, корабли взяли курс на пролив Лаперуза. Не доходя пролива, «Свирь» дала сигнал, что обгонит нас и пойдет вперед прямо в Охотск, а в случае шторма будет ждать нас в одной из бухт Тауйской губы.

4 октября вечером показались очертания Охотских берегов. Корабль бросил якорь милях в 10 от берега. За туманом и темнотою «Свири» не было

видно. Рано утром продвинулись ближе к Охотску и застали здесь «Свирь», которая пришла на сутки раньше. Оказалось, что отряд, находившийся на «Свири», сделал уже 4 октября ночную рекогносцировку в сторону города, переправившись через реку Охоту на кунгасах. Была абсолютная темнота, шел дождь и производившая рекогносцировку часть отряда не могла достигнуть серьезных результатов, блуждая в темноте по незнакомой местности, и произвели лишь переполох в стане красных, которые, по словам Войскового Старшины Бочкарева, продолжали стрельбу еще долгое время после возвращения нашего отряда на свои позиции.

Во время этой рекогносцировки в нашем отряде было двое ранено, убитых не было.

Из расспросов местных жителей выяснилось, что у красных всего около 180 человек, вооруженных разным оружием. По правую (нашу) сторону реки Охоты оказалось до 30 местных жителей Булгинцев, получивших это название от местечка Булгин, в котором они имеют свою базу. Булгинцы во главе со своим Начальником Яныгиным и Сентяповым боролись с большевиками весь летний сезон, выбивали большевиков и из Охотска, но по своей малочисленности не могли удержать его за собой и ограничивались последнее время только тем, что не давали возможности красным переправляться на правый берег реки Охоты и старались не допускать приходящие суда к каким бы то ни было сношениям с большевиками.

Из рассказа Войскового Старшины Бочкарева выяснилось, что наш отряд прибыл и произвел высадку как раз вовремя, чтобы помешать прибывшему в тот же день отряду красных из Якутска соединиться с Охотскими большевиками. Прибыло, по словам Бочкарева, в этот день из Якутска всего около 90 коммунистов на лошадях.

Этот отряд под начальством Вердервского, очевидно, ища переправы на ту сторону реки Охоты, наткнулся неожиданно на 11 человек наших людей из отряда, возившихся около кунгасов, обезоружил их и взял в плен. Несомненно, им пришлось бы плохо, если бы в это время не показались наши цепи рекогносцировочного отряда. По словам самих попавших в плен, увидев наши цепи, красные моментально сели на коней, и все скрылись в том же направлении, откуда пришли, т. е. по дороге на Якутск, не успев даже дать знать о своем приходе Охотским большевикам.

Если бы вновь прибывшим большевикам, отлично вооруженным (винтовками и пулеметами облегченного типа), удалось ликвидировать сначала булгинцев, соединиться с Охотскими большевиками и иметь в своих руках таким образом оба берега реки Охоты, овладеть Охотском нашему отряду было бы чрезвычайно трудно.

Теперь же Войсковой Старшина Бочкарев выражал полную уверенность в том, что в эту же ночь займет Охотск.

Около одного часу дня со стороны Охотска показалась лодка, в которой сидели два американца. За ними был послан катер, и они были доставлены на пароход «Кишинев». Один из американцев, говоривший по-русски, объяснил, что занимающие Охотск большевики просили их съездить на «Кишинев» для переговоров.

Войсковым Старшиной Бочкаревым было им объявлено, что никаких переговоров не может быть, сила на его стороне, и все красноармейцы должны сдать оружие. Только в этом случае они могут рассчитывать на пощаду, в противном случае город будет подвергнут во время атаки бомбардировке, и пострадает много невинных людей. В таком роде им был дан Войсковым Старшиною Бочкаревым письменный ответ, адресованный Начальнику отряда красноармейцев и Председателю Совета города Охотска.

В течение дня была высажена с «Кишинева» еще одна сотня для усиления высаженного со «Свири» отряда. К вечеру «Свирь» встала против города и освещала его прожектором. На «Свири» была взята для поддержки отряда пушка Гачкова (системы Гочкиса. — *Ред.*), принадлежавшая Булгинскому отряду. Ночью на «Кишинева» слышны были выстрелы со «Свири», из чего можно было заключить, что большевики оружие не сдали. Утром 6 октября над одним из зданий Охотска за церковью был виден большой белый флаг, а в два часа дня на том же месте взвился трехцветный Национальный флаг.

Около 4 часов дня была получена записка от Войскового Старшины Бочкарева, в которой он извещал, что занял Охотск без боя и без потерь. Вечером Войсковой Старшина Бочкарев прибыл на «Кишинев» и рассказал подробности занятия Охотска. Ночью, по его словам, никаких операций не производилось. Утром он переправился на другой берег реки Охоты на двух кунгасах во главе 20 человек и увидел над городом белый флаг, вошел в Охотск, не дожидаясь подкрепления. Красноармейцев в городе уже не было. Они покинули город в количестве от 100 до 120 человек и унесли с собой оружие. Остались только насильственно мобилизованные и перебежчики, которых Войсковой Старшина Бочкарев после должного внушения отпустил по домам. Радость населения была неопишима. Получили, наконец, возможность вернуться в город, к своим семьям, многие, ушедшие от большевиков на ту сторону реки Охоты и не выдавшие своих семейств уже месяцев пять. Так, во власти большевиков оставалась семья священника, в то время как сам батюшка вынужден был укрыться под защиту булгинцев на той стороне реки Охоты.

В тот же вечер я с лицами Гражданского Управления высадился на берег и прибыл в Охотск. По моему распоряжению было расклеено обращение мое к населению Охотско-Камчатского края и приказ мой о прибытии моем в Охотск, с предложением всем должностным лицам оставаться на своих местах под угрозой предания военному суду, в случае ухода, неотдачи дел и вверенного по службе имущества...

7-го был созван сход, на котором жители выбрали пока от себя уполномоченного для сношения с новыми властями. Собравшиеся на сход были мною и Н. М. Соколовым информированы о всех событиях, предшествовавших перевороту во Владивостоке и обусловивших его, о переходе власти к Временному Национальному Правительству, о составе Правительства, его ближайших задачах, о Приамурском народном собрании, о Дайренской и Вашингтонской конференциях, о целях экспедиции и чрезвычайной важности в настоящий исторический момент, чтобы хозяином Тихоокеанского побережья было Национальное Русское Правительство. Сделано было сообщение о жизни в Советском «раю» и указаны факты, свидетельствующие о скором конце Советской власти в России и о крушении идей большевиков и коммунистов в мировом масштабе. Все слушали с большим вниманием и не меньшим удивлением. Видимо, местные жители вследствие ложной информации имели совершенно неверное представление о том, что делается в Советской России, и смутно представляли себе события во Владивостоке.

8 и 9-го производилась выгрузка людей отряда и продовольствия ему. В это время снова пришел в Охотск пароход «Взрыватель», который до нашего прихода не был допущен булгинцами к выгрузке людей и груза, ввиду имевшихся сведений о том, что он везет оружие для большевиков и рабочих, намеревающихся влиться в ряды большевиков. О причине задержания «Взрывателя», о реквизиции находящихся на нем грузов по распоряжению Начальника отряда Войскового Старшины Бочкарева мною одновременно предьявляется в особом докладе по жалобе хозяина реквизированного груза.

Так как «Взрыватель», имея осадку всего одиннадцать футов, намерен разгрузиться, пройдя через бар и зайдя в устье реки Охоты, то, по соглашению с командиром парохода «Взрыватель», на последний были перегружены с «Киева» мука и некоторые другие грузы отряда, для более скорой и удобной выгрузки на берег. После тщательного промера бара, «Взрыватель» сделал попытку войти в реку, но ввиду уменьшения высоты прилива в эти дни месяца и сильного берегового ветра, сел носом на мель на 2-м баре, имея под носом 10¹/₂ фут и под кормой 16 фут.

Немедленно же были приняты меры к разгрузке «Взрывателя», чтобы уменьшить его осадку, но благодаря начавшемуся сильному шторму, разгрузку пришлось прекратить.

В это время прибыл на Охотский рейд еще пароход «Тунгуз», принадлежащий Ставракову и зафрахтованный Свенсоном и К-о.

Вследствие начавшегося шторма, оба корабля «Кишинев» и «Свирь» вынуждены были сняться с якоря и уйти отстаиваться в одной из бухт по Охотскому побережью. Не зная, с какими целями пришел «Тунгуз», и опасаясь, что он мог привезти оружие и припасы для большевиков, Начальник отряда приказал ему следовать за собою для осмотра его в одной из ближайших

бухт. 13-го все три корабля отдали якорь в Ейринейской бухте. На «Тунгузе» оказалось лишь некоторое количество нарезного оружия, принадлежавшего Свенсону. Оружие это г. Свенсон согласился уступить для отряда на договоренных условиях, и «Тунгузу» было разрешено дальнейшее плавание, 13 и 14-го с «Кишинева» перегружался на «Свирь» и «Тунгуз» уголь. «Тунгуз» просил уступить ему 50 тонн угля.

Начальник отряда Войсковой Старшина Бочкарев еще в Охотске заявил мне, что он по стратегическим и некоторым другим соображениям решил изменить первоначальный план экспедиции и вместо образования базы отряда в районе Аян — Охотск находит более целесообразным организовать базу в районе селения «Ола», отстоящем от Охотска около 400 миль к западу.

Для меня такое изменение плана было совершенно неожиданное и непонятное, но, не зная, что такое представляет из себя «Ола», каковы средства сообщения ее с Охотском, и, не имея ни достаточных сведений в военном деле, ни авторитета для того, чтобы убедить Войскового Старшину Бочкарева отказаться от изменения первоначального плана, я до прибытия нашего в Олу должен был ограничиться тем, что выразил Бочкареву свое крайнее удивление и сомнение в правильности принятого им решения.

Не допуская никаких изменений своего решения, Войсковой Старшина Бочкарев заявил мне, что в Охотске он оставляет самостоятельный отряд около 200 человек под командой капитана Грандульса.

Вопреки мнению Бочкарева, считая Охотск в стратегическом и административном отношениях важнейшим пунктом, главенствующим на всем Охотском побережье, я с своей стороны решил оставить в Охотске своего помощника Полковника Покровского, представив ему замещать меня по всем делам Гражданского Управления. Полковник Покровский вместе с Начальником уезда Соболевым благополучно высадился в Охотске и приступили к отправлению своих должностей. Как для размещения отряда, так и для квартир лиц Гражданского Управления в Охотске оказалось достаточно помещения без притеснения местных жителей.

14 Октября «Свирь» с частью отряда отправилась обратно в район Охотска и Иня для участия в ликвидации большевиков в этом районе и для того, чтобы помочь, в случае надобности, «Взрывателю» сняться с мели, а мы на «Кишинева» отправились далее в Олу. По дороге заходили в Агатонский залив против устья реки Яна и в бухту Гертнера. Войсковой Старшина Бочкарев исследовал эти бухты и условия стоянки в них судов. Бухты эти оказались совершенно пустынными. 18-го прибыли в бухту против селения Ола. В Оле большевиков не оказалось, напротив, сюда укрылись несколько семейств, бежавших от большевиков из Якутска и из Охотска. По осмотре бухты и окружающей местности, Войсковой Старшина Бочкарев отказался от создания в Оле, главным образом вследствие того, что Ольская бухта была слишком открытой

и для ветров, и для стоянки судов неудобной. В Ольской церкви священником отряда был отслужен молебен, на который собрались все жители селения.

После молебна Н. М. Соколовым, так же как и в Охотске, были разъяснены собравшимся жителям цели экспедиции и нарисована картина современного политического положения в Советской России и на Дальнем Востоке. В Оле оказались два склада: один Центросоюза и другой бывший казенный, перешедший в ведение Союза Камчатских Кооперативов. Моим приказом для последнего было восстановлено название казенного склада, и склад этот подчинен Уполномоченному Охотского уезда. В Оле для несения административно-полицейских обязанностей назначен пристав, в район которого входит все побережье от Тауйска до Ямска и в глубь на 150 верст, с подчинением его Уполномоченному Охотского уезда. В помощь приставу оставлено несколько солдат отряда. Название полицейского пристава применено мною по просьбе населения, как более знакомого ему и понятного. Для руководства приставам в их деятельности Н. М. Соколовым оставлена особая инструкция, мною утвержденная. Ольское население выражало искреннюю радость по поводу прибытия, обеспечивающего им жизнь и устранение опасности со стороны Охотских большевиков.

Во время пребывания нашего в Оле получено по радио известие из Охотска, что «Взрыватель» снялся с мели, а «Свирь» по выполнении возложенных на нее задач выходит в Олу.

21-го числа «Кишинев» вышел в Тауйск и стал против устья реки Яна. В Тауйске большевиков также не оказалось.

Заведывание Тауйским казенным складом поручено местному священнику. 22-го посетили бухту Арман и 23-го вернулись в Олу, где застали возвратившуюся из Охотска «Свирь». Прибывший на «Свири» Генерал Поляков доложил, что вся местность от Охотска до Иня очищена от большевиков. Несколько большевиков было захвачено в плен и привезено на «Свири».

Более опасные и активные, на которых указывали Сентяпов и булгинцы — Ведерников и Бедрищев, были переданы 23 Октября военно-полевому суду, образованному на «Свири» при участии представителя от Гражданского Управления. По недостатку улик оба подсудимые были судом оправданы. 24 Октября «Свирь» с частью отряда в количестве 100 человек под командой Генерала Полякова была отправлена вперед для занятия Петропавловска. Ввиду Портсмутского договора, запрещающего нам содержать войска на Камчатке, пришлось отправляемый отряд назвать Петропавловской жандармской командой. Генерала Полякова я до моего прибытия уполномочил особым предписанием меня замещать и действовать от моего имени.

В Оле с Н. М. Соколовым вновь убеждали Войскового Старшину Бочкарева отказаться от мысли создать базу на Охотском побережье, ввиду отрезанности всех этих пустынных мест от главной части отряда в Охотске и от

населенных пунктов Камчатки, но Войсковой Старшина Бочкарев остался при своем мнении и категорически заявил нам, что он устроит базу отряда и сам останется в Наяхане, верстах в 80 от Гижиги, куда мы и отправимся. Выйдя из Олы, мы 26 Октября бросили якорь в бухте Наяхан, где и простояли до 6 Ноября.

В Наяхане на берегу оказалась только радиотелеграфная станция и несколько построек при ней для размещения ее служащих. Небольшое селение дворов в 8 оказалось верстах в 8 от станции. Войсковой Старшина Бочкарев, осмотрев бухту, станцию и побережье, нашел это место пригодным для устройства здесь своей базы и приступил к выгрузке своих запасов.

Одновременно делались промеры лагуны и бара, в предположении, что удастся завести в лагуны пароход «Взрыватель», который Войсковой Старшина Бочкарев имел намерение оставить на зимовку при себе в бухте Наяхана. Несмотря на благоприятные, казалось бы, результаты промеров, «Взрыватель» ввести в лагуну не удалось даже при самой большой высоте прилива, и Бочкарев вынужден был отказаться от мысли оставить при себе на зиму «Взрыватель». Между тем начались уже сильные холода (до 15° ниже нуля по Р[еомюру]) при сильнейших северных ветрах. Все побережье покрылось также льдом, затруднявшим выгрузку.

Все три взятые нами с собою кунгаса были при попытках начать выгрузку разбиты и затоплены. Рабочие-китайцы, участвовавшие в выгрузке, отморозили себе ноги и отказались от работы. Катера во льду также с трудом работали и беспрестанно портились. К счастью, с 2 Ноября ветер стал утихать, стало значительно теплее, и можно было приступить к выгрузке катерами, при помощи небольших лодок. С величайшим трудом вечером 6 Ноября, работая днем и ночью, Войсковому Старшине Бочкареву удалось выгрузить все, что он находил нужным, и он остался зимовать с отрядом в 40 человек, а «Кишинев» и «Взрыватель» отправились в Петропавловск.

Во время пребывания нашего в Наяхане, 29 Октября было получено радиодонесение от Генерала Полякова о том, что Петропавловск занят без боя. 11 Ноября вечером «Кишинев» бросил якорь на внешнем рейде Петропавловской бухты. Прибывший на корабль на лодке Генерал Поляков доложил подробности занятия Петропавловска.

«Свирь» подошла к Петропавловской бухте 28 Октября. Необходимо было в первую очередь занять маяк. Для этого вызвалось шесть добровольцев, которые высадились на шлюпке, заняли маяк и пошли далее по берегу, равняясь со «Свирью» и освещая местность до Соловарки.

При переходе по бухте (по внешнему рейду) со «Свири» была замечена лодка, переплывавшая бухту.

Так как лодка ни на какие сигналы со «Свири» не обращала внимания, то по направлению к ней были произведены три выстрела, и подплыла к «Сви-

ри». На лодке оказалось четыре охотника, выехавшие на охоту на ту сторону бухты. Двое эти охотников оставлены были Генералом Поляковым в качестве заложников, а двое других были отправлены в город для передачи требования большевикам сложить оружие и сдать город. На другое утро на «Свирь» явилась депутация от города во главе с Городским Головой с приветствием и с сообщением о том, что большевики оставили город, узнав о приближении «Свири», еще в 3 часа дня 28-го, все же оставшееся население не только не окажет никакого сопротивления отряду, а, напротив, встретит отряд, как избавителей от захватчиков власти.

По высадке на берег, отрядом без всяких затруднений были заняты оставленные большевиками и пустующие казенные здания. Свободных казенных зданий оказалось достаточно для размещения отряда, гражданского Управления и для квартир офицеров и чиновников. Все здания в порядке и требуют лишь небольшого ремонта.

На другой день утром «Кишинев» вошел на внутренний рейд и пришвартовался к берегу. Вскоре прибыл на пароход Городской Голова, некоторые представители населения и представители фирм. Все приветствовали меня и выражали радость и благодарность Приамурскому Правительству за спасение от большевиков и за восстановление в крае нормальных, спокойных условий жизни. Для того чтобы немедленно же осведомить население о задачах экспедиции, я просил Городского Голову пригласить всех желающих выслушать нашу информацию в Народный дом на следующий день. Вопрос об информации населения сильно осложнился тем, что большевики, уходя из города, испортили единственную Типографию Областного Правления в городе.

В тот же день у меня были с визитом на «Кишиневе» Китайский консул Сун-ин-тун, являлись с приветствием два офицера от Командира находящегося здесь японского стационара «Канто». На другой день в воскресенье 13 ноября мною вместе с Н. М. Соколовским были сделаны визиты представителям Городского Самоуправления, Японскому и Китайскому консулам и Командиру японского корабля «Канто».

У всех встретили чрезвычайно радушный прием и обменялись взаимными приветствиями и пожеланиями.

В 3 часа дня в здании Народного Дома я передал собравшимся жителям г. Петропавловска и ближайших селений приветствие от Приамурского Правительства, поздравил с благополучным и бескровным избавлением от власти большевиков и выразил уверенность, что Камчатские старожилы, помня подвиги и заветы предков, окажут должную поддержку Национальному Приамурскому правительству в его героической борьбе за сохранение в целости единственного уцелевшего от общего разрушения и грабежа Дальневосточного угла нашей родины. После меня приветствовал собрание от имени Правительства Н. М. Соколов, как представитель Правительства и ближайший его

сотрудник за время борьбы с большевиками. Н. М. Соколов описал затем современное состояние Советской России, сделал обзор деятельности социалистов на Дальнем Востоке после власти Адмирала Колчака и Атамана Семенова и изложил ход событий, предшествовавших революции во Владивостоке и вызвавших переворот 26 Мая. После этого им было доложено Собранию о личном составе Приамурского Правительства, о его ближайших задачах, о Приамурском Народном Собрании, о будущем Учредительном съезде, о Дайренской и Вашингтонской конференциях и о важности переживаемого исторического момента и укрепления на всем нашем Дальневосточном побережье русской национальной власти.

Последним говорил М. А. Баранов, сделавший более подробное описание событий, предшествующих перевороту 26 Мая, давший обзор исторической работы несоциалистических организаций и несоциалистического съезда, и нарисовал яркую картину самого революционного дня 26 Мая. Все слушали ораторов с напряженным вниманием. Не смотря на полное отсутствие какой бы то ни было полиции и наряда войск, порядок на Собрании самими участниками его поддерживался образцовый, ни шума, ни возгласов, не смотря на то, что в здании было до 500 человек самой разнообразной публики. Высказав еще раз пожелание собравшимся совместной дружной работы, я после речи М. А. Баранова закрыл собрание.

При ближайшем ознакомлении затем с Петропавловскими Правительственными учреждениями, с Городским Самоуправлением и личным составом служащих казенных и общественных учреждений и с работой этих учреждений за последнее время, мы могли констатировать, что влияние большевиков за время их властвования в Петропавловске было поверхностное и весьма осторожное. Каких-либо произвольных захватов частной собственности на Камчатке, например, не было вовсе. Это объясняется, отчасти, может быть, тем, что на Камчатке большевики нашли достаточно казенного имущества в казенных складах и Центросоюзе. Для использования казенных складов был учрежден Союз Камчатских кооперативов, взявший в свое ведение казенные склады, сделавший пока из этой операции источник дохода и кормления коммунистических агентов. Этот Союз мною ликвидируется, его склады и имущество возвращаются в ведение казны и подчиняются одному из отделов Областного Управления. Часть имущества Центросоюза, особенно ценную пушнину, полученное в обмен на товары, большевики успели вывезти через своих агентов.

Распоряжение делами и имуществом Центросоюза в Охотско-Камчатском крае принял на себя по доверенности члена Правительственной комиссии М. А. Баранова и Н. М. Соколова.

Этим я и закончу обзор операции по занятию находящимся в моем распоряжении экспедиционным отрядом Охотско-Камчатского края.

О финансово-экономических мероприятиях, которые желательно осуществить в первую очередь, мною одновременно делаются представления Правительству в особенных докладах.

Подлин. подпис.

Особоуполномоченный *Х. П. Бирич*

С подлинным верно: Заведывающий Канцелярией *Стецюк*.

ЦДНИКО, ф. 1199, оп. 1, д. 653, л. 195—199.

Уполномоченному представителю Р.С.Ф.С.Р в Китае
Адольфу Абрамовичу Иоффе.
Заместителя председателя Камчатского Областного
Народно-Революционного комитета
Михаила Савченко (Славского)

КРАТКИЙ ДОКЛАД О ПОЛОЖЕНИИ НА КАМЧАТКЕ

Положение перед высадкой десантов Меркулова. Прежде всего необходимо указать на тот печальный и странный факт, что за годы революции должно внимание к Камчатке было проявлено только белыми. В период Колчаковщины они послали в область войска, целые кадры чиновников, административных и политических работников, которые не только восстановили, но и во многом усовершенствовали старый царский аппарат и с его помощью успешно насаждали и поддерживали среди коренного населения дух монархизма. За тот же период в область влилось не менее тысячи мелких спекулянтов, офицеров бывшей царской армии и всякого рода любителей легкой наживы, которые, рассосавшись по самым далеким и глухим углам области, одновременно с обиранием и спаиванием населения проповедовали о преимуществах старого строя. После свержения Колчака, Центральная Революционная власть не позаботилась о том, чтобы разрушить это гнездо, даже не был послан ответственный работник для ознакомления с положением области. Во всем положились на информацию местной власти. А местная власть того времени, опутанная сетями провокаторов и авантюристов вроде Бабкина-Байкалова-Саянского и Гапоновича, усиленно шумела о своей революционности. Центр не подозревал, что за пустословием Камчатских революционеров скрывалась слабость, безсилие и неспособность к творческой работе. В результате контр-революционное гнездо не было тронут. До поры, до времени кто перекарасился, а кто притаился. До моего приезда на Камчатку во главе партии организации Р.К.П. численностью около 100 человек стоял провокатор Бабкин-Байкалов. Большого урона и подрыва имени партии быть не могло. После роспуска этого сброда хулиганов и уголовщины и произведенной перерегистрации в Петропавловске в организации числились 12 че-

людей, из которых способных к работе было только двое. Посланный в 1920 году Приморским Земским Правительством Уполномоченный на Камчатку Н. Е. Кочергин, благодаря провакационным приемам тех же Бабкина-Байкалова и Гапановича, Областным Комитетом не был признан, завязалась ненужная нелепая борьба, в конце подорвавшая авторитет Областного Комитета и ослабившая его способность к борьбе с приближавшимся нашествием белых. При первом же дыхании контр-революции в Приморье, ожило и зашевелилось Камчатское гнездо. Клевета против Совроссии, травля и ненависть против коммунистов достигли чудовищных пределов. К моменту прибытия Меркуловских банд, создалось такое положение, что Областной Комитет и его сторонники, всего 25 человек, вынуждены были оставить город, не оказав вооруженного сопротивления.

Подготовительная работа к вооруженному выступлению. После отступления на Восточный берег Камчатки, руководство в работах Областного Комитета перешло к членам Р.К.П. Преодолевая невероятные трудности и лишения, без необходимой в Камчатской тайге одежды, с крайне ограниченными запасами дорожного продовольствия, мы на лыжах обошли 400-верстный район от Петропавловска до половины Кроноцкого залива, сагитировали к участию в выступлении малочисленное русское население этого района, отыскивали в глуши тайги отдельных охотников. Увеличив отряд до 65 человек, начали подвозку к городу продовольствия, находившегося на расстоянии 150 верст от города.

Подготовительная работа была закончена к началу февраля 1922 года, т. е. в течение трех месяцев. В течение всего этого периода наша контрразведка тщательно следила за тем, что делается в Петропавловске. Прибывший туда Уполномоченный Меркулова Бирич с офицерским отрядом в 150 человек и двумя генералами разослал по области строжайшие приказы о подчинении Камчатки «Приамурскому Временному Правительству». После чего продолжал сидеть со своим отрядом в Петропавловске и еженедельно служил благодарственные молебны за дарование победы над Камчатскими большевиками и скорое завоевание Камчатского Края. Областной Комитет решил не мешать этому занятию до тех пор, пока бандиты не попытаются проникнуть в «завоеванную» область.

Вооруженное выступление Областного Комитета против Петропавловска. В первых числах февраля с. г. наша контрразведка донесла, что 40 человек бандитов должны числа 10-го отправиться в глубь области, сначала в Большерецк, где намерены расхитить склады «Центросоюза», а оттуда по Западному побережью до Тигиля. Решено было помешать этому намерению белых. Выработали план, согласно которого отряд Областного Комитета стремительным натиском должен занять город, а в случае неудачи (в зависимости от поведения японцев) установить тесную блокаду. Областной Коми-

тет тем временем выезжает в глубь области и созывает 4-ый Областной Съезд. Занять этот город не пришлось, но в остальном плане хорошо удался. Перерезав телефонную линию и окружив город, захватив при этой операции в плен Полковника Лукомского и его офицера, наши отряды численностью в 70 человек сделали натиск на город, внимательно наблюдая за поведением японцев, которые приготовились к тому, чтобы разоружить отряды Областного Комитета. Взять город с бою больше не пытались, но установили тесную блокаду. В городе воцарилась полнейшая паника, огни по ночам не зажигались. Белые силой мобилизовали 100 человек чиновников и горожан. Командующим обороной был назначен Генерал Поляков. Но за город продвинуться им все-таки не удалось: меткий огонь наших отрядов каждый раз заставлял противника возвращаться в город. Такое положение длилось около двух недель, пока не поступила в Штаб отряда просьба ближайших по тракту волостей о допущении въезда жителей в город за продовольствием и предложение Городской Думы прекратить угрозы городу и убрать патрули подальше.

Просьба населения было во время, так как больше 3-х недель наш отряд не мог выдержать. Вследствие отсутствия теплой одежды, продовольствия и достаточного количества палаток с печками, все ослабли, стали больны и едва держались на ногах. Штабу отряда пришлось «пойти на встречу» просьбе населения, Городской Думе было сообщено, что патрули непосредственно от города снимаются при том условии, что белые не будут делать новых попыток проникнуть в область, и что дальше 8 верст от города они будут уничтожаться. Такой компромисс своего рода должен был продолжаться до открытия созываемого Съезда, решением и постановлениям которого должны были подчиняться, по мнению населения, обе воюющие стороны. Такая тактика позволила нам отправить на отдых большую часть отряда. Пока улеглась в городе паника, и противник оправился, наш отряд тоже успел отдохнуть, подвезти продовольствия и ко времени созыва 2-го Петропавловского Чрезвычайного Уездного Съезда (Областной не мог собраться) правительная блокада города была возобновлена.

2-ой Уездный Съезд и его решения. 3-го Апреля с. г. в с. Мильково (300 в. от Петропавловска) открылся 2-ой Чрезвычайный Уездный Съезд. Прибыли делегаты от 14 волостей уезда (из 17-ти), представители от Охотского края и Анадырского уезда. Собравшиеся делегаты единодушно высказались против попыток Меркуловского правительства завладеть областью: В течение 5-ти дней были приняты внесенные Членами Р.К.П. резолюции по текущему политическому моменту и по вопросу о власти, затем съезд переехал в с. Завойко в 20-ти верстах от Петропавловска и там продолжал свою работу. Основываясь на том, что за период военных действий белые дважды присылали Областному Комитету Мирную делегацию, предлагавшую оставить в покое Агентов Меркулова и отпущенную без насилий обратно в Петропавловск, Съезд

со своей стороны послал делегацию из 3-х лиц к Петропавловской Городской Думе для объявления через нее Биричу решений Съезда. Делегация была арестована, против чего прислало протесты население всей области. В мае Съезд закончился. Пополнив Областной Комитет тремя новыми членами, в числе которых числюсь я, Съезд имел лишь моральное значение, но не мог дать поддержки реальной. Вместо добровольцев в ряды Комитета и средств, население, за исключением Усть-Камчатска, прислало целые кипы протестов и резолюций против Меркуловских банд.

Второй период вооруженной борьбы против Петропавловска. С 29-го апреля с. г., со дня ареста Мирной Делегации Уездного Съезда, началась 2-ая Кампания против Петропавловска. Отряд Областного Комитета увеличился до 100 человек. Подкрепление пришло из селений восточного берега, заселенных русскими. Снова была попытка занять город Петропавловск, но в тот момент, когда один из отрядов пытался занять радио станцию, с японского крейсера был высажен десант, вооруженный пулеметами, который направился против наступавших на город отрядов. Не зная положения на материке и тактики центра по отношению Японии, от боя с японцами уклонились. Хотя после этого половина отряда (местные жители восточного берега) Штабом была распущена, но город в течение апреля, мая, июня, июля и августа подвергался самой строгой блокаде. Наша разведка часто делала ночные вылазки в город и убивала того или другого руководителя белых, часто днем обстреливала патрули белых в городе. Был период, когда белые и днем и ночью боялись патрулировать по так называемой «третьей» улице города, где их часто обстреливала наша разведка. В течение лета 1922 г. население города, за признание Меркуловского правительства и содействие его агенту Биричу, по постановлению Уездного Съезда Штабом лишено было рыбалок, покосов, пастбищ и дров, с города никто не мог выйти ни сушей, ни бухтой. За лето нами было захвачено два катера и конфисковано около 20 ведер спирта и арестованы некоторые гласные «Городской Думы».

Потеря надежды на помощь центра и подготовка к зиме. Горячее желание сохранить область для Совроссии и ожидание каждую минуту прибытия подкрепления и информации были причиной тому упорству, с которым Областной Комитет вел борьбу в течение года. Но ничего не было. В июле дошли до Комитета сведения о Меркуловском недовороте и о том, что Япония эвакуирует войска. Если не было поддержки Областному Комитету, то с получением указанных сведений у всех участников в борьбе появилась глубокая уверенность в том, что не получат больше подкрепления и белые. Так как была надежда на то, что Японский крейсер больше не останется в Петропавловской бухте на зимовку, то Областной Комитет, потеряв надежду на помощь, но и на информацию и директивы центра, начал собираться с последними силами и подготовиться к зимней кампании, надеясь после ухода

японцев своими силами уничтожить остатки белых. Благодаря принятым энергичным мерам, в первых числах августа в главную базу Областного Комитета было доставлено на 20.000 иен продовольственных продуктов, но мало было надежды на то, чтобы удалось достать необходимые для зимы оружие и одежду; для этого не было средств.

Новое нашествие на Камчатку белых. Каково же было удивление Областного Комитета, всех участников в борьбе и населения, когда десант за десантом начали прибывать из Владивостока новые силы белых. Сначала прибыл «Магнит» с отрядом 70 человек, после него «Сишан» с отрядом в 150 человек, затем «Томск» с двумя сотнями отборных палачей и убийц, и есть сведение, что такое же количество должно прибыть на «Кишинева». На Охотское побережье также направились четыре военных судна с десантом в 350 человек.

В момент получения этих сведений, я был уже в Большерецке. У многих опустились руки. Решено было блокаду города прекратить и оттянуть отряд в глубокий тыл для отдыха и пополнения и выработки новой ориентации. Мне же Областным Комитетом по телефону предложено было как можно скорее прорваться через морскую блокаду белых во Владивосток или Шанхай за средствами и военной поддержкой.

Областному Комитету нужна помощь людьми и средствами. Помощь необходимо послать до зимы, т. к. в течение зимы Областной Комитет вместе с остатками отряда будет окружен и уничтожен или в лучшем случае рассеян по тайге и обречен на смерть от голода и холода. Кроме того, белые, не встречая противодействия, за зиму займут важнейшие пункты и к весне настолько укрепятся, что потребуется много усилий и жертв для того чтобы выбить их с Камчатки летом. Я говорю это, зная Камчатские условия. Боеспособный отряд в 100 человек, пополненный Камчатским отрядом, смог бы вести успешную работу с разбросанными силами белых и не дал бы им превратить Камчатку в свою новую базу.

Что необходимо сделать. Для посылки на Камчатку вооруженного подкрепления пока есть один способ — это спешное вооружение парохода «Завойко», погрузка на него хорошо экипированного, вооруженного и вполне боеспособного отряда и высадка этого отряда на восточном побережье Камчатки. Но как теперь выяснилось, для выполнения этого плана потребуется много времени, между тем как помощь Камчатскому Облкому, хотя [бы] средствами и информацией, нужно оказать как можно скорее.

Если будут отпущены необходимые средства, у меня есть много данных за то, что эти средства можно будет переслать на п/х п/х Добровольного Флота, продолжающих перевозку на Камчатку десантов и снаряжения для белых. Для этой цели можно использовать имеющихся среди команды пароходов вполне надежных людей, с которыми у меня есть связь. Кроме того, я уверен в том, что можно будет подыскать подходящего коммерсанта (во

Владивостоке я знаю таких), который оставит нам соответствующий залог, поедет на Камчатку и вручит Ларину переданную сумму, получив за это условленное вознаграждение.

Можно быть уверенным, что Ларин не сделает ненужных расходов и будет экономен. К этому нас приучила суровая камчатская действительность. В общем, если в этом направлении выяснить все возможности, и не будет задержки со средствами, денежное подкрепление и информация на Камчатку будут переданы своевременно.

Во вторую очередь необходимо послать «Завойко» с десантом хотя бы в 100 человек. Как бы ни сложились обстоятельства в Приморье, «Завойко» должен доставить десант на Камчатку в конце февраля или начале марта. Посланный отряд соединится в «Колыгире» с силами Облкома и на «Завойко» же отправится в тот пункт, с которого удобнее будет повести наступление на Петропавловск. В то время пароходы белых будут в бухте заперты льдом, и крейсирование «Завойко» по побережью будет вполне свободно. Я буду принимать участие в организации и снаряжении этого отряда, вместе с ним отправлюсь на Камчатку и, надеюсь, ничего не будет упущено.

При выполнении этих двух мер, центр может быть уверен, что белые в глубинной области не укрепятся, и окончательная ликвидация их не потребует так много жертв и материальных средств.

Относительно того, что необходимо сделать на Камчатке в третью очередь, я напишу в Чите подробный доклад с приложением смет и копию доклада пошлю Вам. Заранее скажу, что мои проекты относительно тех мероприятий, которые нужно будет провести на Камчатке, не потребуют много издержек, будут вполне реальны и построены на чисто практических соображениях.

Я надеюсь, что в случае отправки на п/х «Завойко» отряда, будут посланы ответственные работники для работы на Камчатке и проверки моих докладов на месте.

«17» октября 1922 г.

Подписал: *М. Савченко (Славский)*

Ниже представлены воспоминания о событиях в Охотско-Камчатском крае в начале 1920-х гг. жителя Петропавловска М. Ф. Орлова. Михаил Филиппович Орлов в революционное время и до конца октября 1922 г. занимал должности помощника уездного начальника Гижигинского и Петропавловского уездов, заведовал финансовым отделом Камчатского областного правления. Приведенные им сведения имеют особую ценность, ибо они собраны непосредственным очевидцем событий.

М. Ф. ОРЛОВ

НА КАМЧАТКЕ В 1921 И 1922 ГОДАХ

В первых числах июня 1921 г. Камчатский Ревком получил телеграмму от Крайисполкома, в которой сообщалось, что для исследования Командор на Камчатку прибудет тов. Якум с двумя сотрудниками, и ему предлагалось оказать всяческое содействие.

Дня через четыре «Адмирал Завойко» прибыл в Петропавловск и ошвартовался у угольной пристани. Спустя час т. Якум со своими сотрудниками был принят председателем Ревкома И. Лариным. Тов. Якум представлял из себя типичного коммивояжера. Курчавый брюнет, орлиный нос, правый глаз косил, держал себя самоуверенно.

На второй день после экстренного заседания Областного Ревкома, тов. Якум с сотрудниками на пароходе «Адмирал Завойко» ушел в море. Курс был взят на Командоры. Во Владивостоке в это время уже произошел переворот, и было образовано Приамурское Национальное правительство.

Командоры отстоят от Петропавловска в расстоянии восемнадцати часов плавания. Эти острова обладают морскими бобрами, котиками и голубыми песцами. Промысловое население состоит из 300 алеутов. Закон 1893 г., изданный по соглашению с канадским правительством, устанавливает тридцатимильную запретную зону около Командорских островов.

На эти острова и прибыл т. Якум. Он собрал здесь всех алеутов острова Беринга, а потом и Медного, и объявил, что отныне острова принадлежат алеутам, и они должны управляться на выборных началах. Была устроена манифестация. Алеуты табуном пошли на кладбище и на могиле умершего от спирта запели нестройными голосами вместо: «Вы жертвою пали...» — «Ми жиртвую пули в бурьбе руковой...»

На второй день т. Якум забрал пушнину и объявил алеутам, что они за пушнину получают все, что захотят, то есть от дегтя до бриллианта, и он, Якум, постарается поторопить груженные пароходы, якобы стоящие во Владивостоке и ждущие только распоряжения т. Якума о выходе.

Ждали алеуты якумовских кораблей до закрытия навигации, так и остались на зиму голодными и холодными.

Недели через две в Петропавловск на имя председателя областного Ревкома Ларина была получена шифрованная телеграмма следующего содержания: «Прибыли благополучно. Завойко отдал якорь Вампу, Шанхай. Якум».

Вторая радиотелеграмма гласила: «Пушнина реализована за 175 тысяч. Плавающий штаб ЧеКа учрежден порту Шанхай борту Завойко. Работа ведется среди китайских студентов, иностранных моряков, старшинок артелей. Разрабатываем ряд крупных забастовок. Почва дает хорошие плоды. Якум».

6 мая 1922 г. пишущий эти строки приказом особоуполномоченного Временного правительства в Охотско-Камчатском крае был командирован на Командорские острова для наблюдения за выполнением договора, заключенного Акционерным обществом «Нихон-Моохи» от 11 апреля 1922 г., купившим командорскую пушнину, упромышленную в зиму 1921—1922 гг.

Комиссия состояла из уполномоченного, пишущего эти строки, государственного контролера, двух представителей от фирмы «Нихон-Моохи», двух офицеров и десяти охранников.

8 мая пароход «Взрыватель» подошел при большой качке к острову Беринг. К борту парохода с берега подошли два вельбота с алеутами. После опроса старосты острова, комиссия отбыла на берег. На другой день были обследованы склады, в коих кроме тощих крыс и порченных консервов, ничего не оказалось. Срочно было приступлено к выгрузке товаров и всех продуктов, предназначавшихся для населения.

У алеутов коммунистическая зараза, оставленная т. Якум, слетела, как шкурка с котика и, несмотря на истощенность от голода, все были настроены празднично.

Спустя неделю рано утром ко мне резко постучал в дверь надсмотрщик за промыслами и таинственно сообщил: японцы с крейсера высадили десант. Наскоро одеваюсь, выхожу и вижу: на рейде действительно стоит японский крейсер «Ивами», который зимовал в Петропавловске. По отливу по направлению к селению двигался беспорядочной толпой десант. Беру направление на соединение с десантом, который остановился и сбился в кучу. Подхожу вплотную и своим глазам не верю — без головных уборов стоят алеуты, одетые в японскую морскую форму. Впоследствии было выяснено, что с крейсера было сброшено несколько тюков старого обмундирования, которое и было алеутами подобрано.

Собранная пушнина на Командорских островах на 100 тысяч золотом была сдана представителям фирмы «Нихон-Моохи». Согласно договора, фирма полностью снабдила население островов всеми продуктами и товарами необходимой потребности.

22 декабря 1922 г., когда мы с Камчатки прибыли в Шанхай, на рейде в Вампу мы обратили внимание на облупленный, грязный, обросший ракушками «Адмирал Завойко».

Тов. Якум израсходовал полученные за пушнину на насаждение коммунизма 175 тысяч золотых долларов и, втянув в это дело местных китайских компрадоров на несколько десятков тысяч, отправил «Адмирал Завойко» во Владивосток, а сам остался в Шанхае для продолжения намеченной цели — коммунизации Китая.

Наступала осень 1921 г. Жители Петропавловска стали поговаривать о перевороте, но кто и когда будет переворачивать, никто указать не мог, а вернуться охота: уж больно долго советчики засиделись у власти и уж очень всех прижали. Шутка сказать, с декабря 1919 г. — срок порядочный.

В Петропавловске на почте и на телеграфе была введена строгая цензура, но для пассажиров японского парохода, прибывшего из Владивостока в Петропавловск, ее не существовало, и они таинственно передавали последние новости, из которых самой большой было — готовиться к перевороту.

Камчадалы не верили разговорам и просили подтвердить это фактами. Пассажиры удовлетворили это их любопытство и сообщили, что есаул Бочкарев, несмотря на рогатки, поставленные ему во Владивостоке, продолжает грузиться с отрядом на пароходы и что он, вероятно, очень скоро будет на Камчатке.

Местная власть заволновалась. Заработали радио и телеграф. Власти предупреждали из центра свои органы по уездам о надвигающейся опасности. Представитель от Охотска Щербаков находился в Петропавловске и поспешил послать радио следующего содержания: «Охотск Ревтройке. Белобандит Бочкарев с отрядом вышел из Владивостока. Вероятно, пойдет в Охотск. Примите самые строгие меры. 127. Уполохотска Щербаков».

На второй день Щербаков получил ответ на свою телеграмму: «Уполохотска Щербакову. Петропавловск. 127. Самые строгие меры приняты. Охотская ревтройка шлет привет из Охотской каталажки. Есаул Бочкарев».

Эта радиограмма буквально ошарашила Губисполком, и для него стало ясно, что Охотск пал и занят бочкаревцами. Стали готовиться к эвакуации Петропавловска и таскать в сопки провизию и оружие...

Была темная октябрьская ночь. У одного из чиновников собрались на семейное торжество сослуживцы разных ведомств. После выпитой бражки стали смелее обсуждать политические вопросы.

«Но вот, представьте себе, господа, — заявил доктор, — что камчатская власть покидает Петропавловск, уходит в сопки и т. д.»...

В это время Бочкарев успел уже занять Охотск и, оставив там маленький отряд на месте, со штабом и отрядом высадился в Наяхане, а своего начальника штаба генерала Полякова с сотней казаков на посыльном судне «Свирь» отправил занять столицу Камчатки — Петропавловск.

«Свирь» не дошла до маяка на пушечный выстрел. Заметив на горизонте шлюпку, ей был дан сигнал подойти к борту. В шлюпке оказались два охотни-

ка-камчадала. Одному из них генерал вручил пакет, который должен был быть доставлен в Петропавловск представителям власти, но власть уже бежала в сопки, и пакет был передан председателю городской управы.

Вот с этим-то пакетом и влетел, как метеор, городской голова на семейное торжество, с возгласом: «Господа, сенсация! Мною получен приказ от какого-то начальника Северного экспедиционного отряда». Содержание приказа примерно таково: как начальник Северного экспедиционного отряда предлагаю завтра к восьми часам утра доставить на борт парохода «Свирь» все имеющееся на руках у жителей огнестрельное оружие, не оказывать вооруженного сопротивления чинам вверенного мне отряда и т. д. Заканчивался приказ следующими словами: «Разобью весь город — не оставлю камня на камне. Начальник штаба СЭО Генерального штаба генерал-майор Поляков».

Доктор предложил всем присутствующим на торжестве отправиться в Народный дом на собрание. Забили в набат. Горожане стали собираться. Горожанам был зачитан приказ грозного генерала. Самым трудным делом был вопрос о сдаче оружия, так как в городе было уже безвластие. Горожанами был организован немедленно Комитет общественной безопасности и избрана мирная делегация, на обязанности которой и легло собрать оружие и доставить таковое на «Свирь».

Всю ночь бегали по домам и уговаривали сдавать оружие. Некоторые интересовались пушками генерала: «Однако, паря, большие, если камень на камне не оставит».

И вот наступило зловещее утро. Такого утра камчадалы не знали со времени наступления англо-французской эскадры в 1854 г. К семи часам утра оружие было собрано. Члены Комитета обратились к домовладельцу Захарову с просьбой предоставить его катер для перевозки собранного оружия на «Свирь».

Городской голова заявил ему: «Ну, Захаров, катер у тебя хороший, хочешь подряд сломать?» «Да, пошто не так, от хорошего заработка не отказываемся». «Ну, тогда подавай катер к пристани». Когда из казенного склада принесли и положили на катер первую партию оружия, Захаров, побледнев, дрожащим голосом заявил: «Нешто православных можно на убоину посылать»...

Городской голова торопил: «Господа, живет, уж полчаса восьмого». «Все готово, ну, с Богом!»

Члены комиссии прыгнули в катер, и он отвалил. Захаров сел за руль. На мачте взвился белый флаг мирной делегации. Обогнули мыс Никольской сопки. На горизонте Авачинской бухты стоял грозный двухтрубный «Свирь». С пушек чехлы были сняты и наведены на катер мирной делегации. С Захаро-

вым случился грех — у него от перепуга оказался сильный приступ медвежьей болезни...

Подошли к «Свири». Наскоро выгрузив оружие, Захарова отправили домой. Члены мирной делегации были приняты генералом в кают-компани.

Десант высаживался не сразу. Сперва генерал высадился на берег с начальником личной охраны, отрядным священником и с несколькими казаками. Только после полной инспекции всего города генерал отдал приказ выгружаться. Генерал оказался человеком добрым и общительным.

Как-то после оккупации города местный уездный врач спросил генерала: «Никита Андреевич, скажите, пожалуйста, с каким вооружением и боевыми припасами Вы пришли занимать столицу Камчатки?»

«Извольте слушать. “Свирь” при выходе из Владивостока имела две маленьких пушки (макленки) и ничтожное количество к ним снарядов. В Охотске пришлось обстрелять берег, чтобы дать возможность высадиться десанту. Петропавловск я шел занимать без денег, без продовольствия, без обмундирования, без оружия и снарядов. На весь отряд я имел десять берданок с ограниченным количеством патронов. Вот и все вооружение моего отряда».

«Местные партизаны гораздо сильнее Вашего отряда, они имеют автоматы, неограниченное количество патронов и бомбы. Выходит, что Бочкарев говорил Вам неправду?»

Генерал посмотрел на доктора и ответил словами Л. Андреева: «О, какое безумие быть человеком и искать правды».

Уста генерала молвили истину.

Вскоре прибыл в Петропавловск пароход «Взрыватель», на котором оказался особоуполномоченный по Камчатской области Х. П. Бирич и штат областной администрации (Бирич прибыл на «Кишиневе». — *Ред.*).

Так был освобожден Петропавловск небольшим отрядом Оренбургского казачьего войска, с честью пронесшим борьбу за Национальную Россию с Урала до крайних пределов нашей Родины — Камчатки.

Приезд членов Особого совещания при правительстве. Вскоре после занятия Петропавловска между военными и гражданскими властями возникли разногласия, принявшие затяжной и весьма прискорбный характер. Создавшееся в Петропавловске тревожное положение вынудило Приамурское правительство в декабре 1921 г. отправить на Камчатку пароход «Охотск» (это был первый зимний рейс на север) с членами Особого совещания при правительстве А. А. Пуриным и И. Д. Добровольским.

После месячного плавания вокруг Японии с заходом в разные ее порты, «Охотск» 21 января 1922 г., обледенелый до верхушек мачт, прибыл в Петропавловск, доставив сюда казенные грузы и различные товары для фирмы «Фукуда-Гуми», открывшей в Петропавловске отделение.

Прибывшими было доставлено на Камчатку от Временного Приамурского правительства обращение к населению Охотско-Камчатского края, в котором население призывалось принять участие в общем великом и святом деле возрождения нашей Родины.

«Те, кто с оружием в руках, волей или неволей, боролся против русской национальной власти Приамурского правительства, пусть оставят оружие и возвращаются к своим домам, где живут их семьи, где так надобен их труд. Те, кто служил, так или иначе, павшей власти, если в них бьется русское сердце и сохранилась любовь к Родине — России, — пусть идут работать вместе с нами...», — говорилось в этом обращении. Оно было разослано по деревням и селениям и тепло встречено населением.

Прибывшими было созвано под председательством особоуполномоченного Х. П. Бирича совещание начальников учреждений, ведомств и представителей города, на каковом было достигнуто примирение, и была установлена известная градация подчинения воинских групп начальнику гарнизона Петропавловска Генерального штаба генерал-майору Н. А. Полякову. Было также установлено, чтобы впредь все распоряжения, касающиеся вооруженных военно-морских сил, отдавались гарнизону не особоуполномоченным, а через начальника гарнизона.

Прибывшие вошли в связь с начальником Северного экспедиционного отряда полковником В. И. Бочкаревым и обещали ему оказать помощь в переброске из Петропавловска в Наяхан находящейся здесь части отряда во главе с генералом Поляковым. Из разных мест Камчатки приезжали представители населения, чтобы повидаться со старыми приятелями, прибывшими из Владивостока. Все говорило за то, что порядок в крае наладится, ибо население не сочувствовало большевикам.

Партизанский отряд, прекрасно снабженный и вооруженный, не был своевременно ликвидирован. Агенты красных разъезжали по рыбалкам и селениям и вербовали анархически настроенных русских. Им стало известно о неладах в Петропавловске, и это привело к активным выступлениям красных.

Прибывший в Петропавловск вместе с гг. Пуриным и Добровольским полковник кирасирского полка Лукомский генералом Поляковым был отправлен в селение Завойко, отстоящее от Петропавловска в тридцати верстах. По пути туда полковник Лукомский был перехвачен красными и около проезжей дороги умучен. Приезжавшие крестьяне рассказывали, что он был привязан к дереву и поливался водой, пока не замерз. Труп оставался в таком обледенелом виде до весны. Вслед за этим на окраине города были убиты три казака, поехавшие за сеном, а затем Петропавловск был обложен красными, с которыми проходили частые стычки. Отряд красных партизан быстро возрастал и достиг пятисот человек. В его составе было много лиц, принимавших в прошлом участие в отряде Тряпицына в Николаевске-на-Амуре. В Пет-

ропавловске создано чрезвычайно тяжелое положение. Сообщение с Владивостоком было прервано. Транспорт «Охотск» замерз в Авачинской бухте, и только в конце апреля, благодаря тому, что командир японского транспорта «Канто» и начальник японских десантных войск капитан 1-го ранга г. Сицида предоставил «Охотску» уголь, он мог выйти в Японию и дальше во Владивосток, куда и отбыли гг. Пурин и Добровольский, и где ими был сделан доклад правительству о положении дел на Севере.

Вскоре после этого из Владивостока на Камчатку был отправлен капитан 1-го ранга г. Ильин с отрядом моряков на канонерской лодке «Магнит». По прибытии в Петропавловск капитан 1-го ранга Ильин вступил в управление областью и вооруженными силами вместо особоуполномоченного Х. П. Бирича. Генерал Н. А. Поляков с частью своего отряда выехал в Наяхан и присоединился к полковнику Бочкареву.

Во Владивостоке тем временем произошел новый переворот, приведший к власти генерала Дитерихса.

В числе мероприятий в отношении русского Северо-Востока было: 1) Предоставление Якутии прав автономного самоуправления и отправка в Аян для действий в Охотско-Якутском крае экспедиции генерала Пепеляева и его начальника штаба генерала Вишневого и 2) Назначение начальником Камчатской области генерал-майора П. М. Иванова-Мумжиева и его помощником по гражданской части знающего Камчатку и популярного там А. А. Пурина. Еще до прихода новой администрации в Петропавловск ходили слухи, что Владивосток пал, и что Петропавловск будет эвакуирован.

Новая администрация и эвакуация. 25 октября в Петропавловск прибыла новая администрация области, отряд пластунской сотни под командой полковника Лаврова, епископ Даниил, офицерский состав и лица гражданских ведомств. В тот же день был отдан приказ о вступлении генерал-майора Иванова-Мумжиева в управление краем и о назначении капитана 1-го ранга Ильина начальником всех войск и частей флота, оперирующих в водах Камчатской области.

Когда сведения о крушении Приморской государственности подтвердились, был собран военный совет, который и постановил эвакуировать Петропавловск 2-го ноября. Против таковой эвакуации было население и большинство военных и гражданских начальников. Зная хорошо край и его возможности, А. А. Пурин был сторонником создания из северо-восточных областей буфера, который при наличии неисчерпаемых естественных богатств мог бы не только защитить себя, но и дать возможность сотням тысяч русских людей жить и работать у себя на родине. Еще задолго до отъезда на Камчатку начальник тылового района адмирал Старк неоднократно вызывал к себе А. А. Пурина и вел с ним разговоры о возможности создания на территориях Камчатской и Якутской областей автономной государственности. Перед отъез-

дом из Владивостока новой администрации адмиралом Старком было указано, что Владивосток продержится недолго, и что он решил эвакуировать корабли и военные силы на Камчатку и предложил подготовить Петропавловск и его окрестности для размещения тридцати тысяч человек. Все это казалось весьма естественным, так как в Охотском, Гижигинском и Якутском краях находились значительные антисоветские вооруженные силы и сочувствующее им население.

План создания краевого Северо-Восточного правительства был сочувственно встречен и поддержан представителями соседних стран. Огромный Камчатский край мог бы вместить миллионы людей, которые пожелали бы заняться мирным трудом. Кроме необходимых продуктов — муки, чая, сахара, масла — все остальное для жизни можно иметь на месте, а что недостает — получить из Японии, Канады и Америки. Уголь, золото, рыба, пушнина, китовый промысел, огородничество давали возможность работать всем, кто только пожелает.

Полезные и целесообразные советы знатоков края во внимание приняты не были, и 2-го ноября Петропавловск был оставлен, а находившиеся в Гижиге, Охотске и Аяне военные силы предоставлены сами себе без кораблей и без связи. Они были обречены на гибель, которой, по общему мнению, можно было бы избежать, если бы Петропавловск не был эвакуирован, и туда, вместо Гензана, был бы направлен флот и вооруженные силы Дальнего Востока.

Нам вспоминаются слова генерала Полякова, сказанные им накануне отъезда в Гижигу к полковнику Бочкареву: «Пускай я не вернусь. Я твердо верю, что победа будет за нами. Пусть только возможные неудачи не останавливают других бойцов. Я прошу лишь об одном: если мы погибнем — продолжайте и закончите наше дело...»

Никита Андреевич Поляков, В. И. Бочкарев и все чины отряда погибли в Гижиге в начале 1923 г. Х. П. Бирич был расстрелян во Владивостоке. Скоро сдался в плен и отряд генерала А. Н. Пепеляева, и на Северо-Востоке воцарилась советская власть.

Северо-Восток России оказался местом последней схватки между белыми и красными, и разыгравшиеся здесь эпизоды полны глубокого трагизма.

На положении эмигрантов. В середине ноября 1922 г. мы стояли в Хоккайде, выжидая решения нашей дальнейшей участи. «Магнит» с капитаном 1-го ранга Ильиным ушел в Гензан на соединение с эскадрой адмирала Старка. А. А. Пурин отбыл в Токио для выяснения нашей судьбы и изыскания средств на нашу дальнейшую переброску в Шанхай, если нельзя будет расселить нас в Японии. Сообщения с берегом не было, и более трехсот человек проживало в железной коробке, называемой пароходом «Сишан», в трюмах, скудно питаясь из общего котла. Периодически японцы привозили нам кое-какие деликатесы, детям молоко и изредка под свою ответствен-

ность свозили нас на берег, угощали в ресторанах, возили на горячие ключи в Юнакава и опять доставляли на пароход. Отношение со стороны японцев ко всем нам было сердечное, но, понятно, никто не мог переступить закона и выпустить нас на берег.

Из Мурорана прибыли новых 60—70 эмигрантов, выбравшихся из Охотска, и присоединились к нам. Тем, кто пожелал выехать во Владивосток, не препятствовали. Их снабжали документами и деньгами по 50—60 иен на человека и с миром отпускали в советский рай.

В трюмах царила зеленая скука. На нарах два сидевших сотника за рюмкой рисовой водки вспомнили, что они не представлены друг другу. Один из них сказал:

— Разрешите представиться: по флоту матрос 1-й статьи, по-казачьему — сотник Любченко.

— Очень приятно. По казачьему сотник, а ежели считать по якутскому тракту — командующий северной армией Бороденко.

— Скажите, пожалуйста, — спросил Любченко, — на каком участке находилась ваша армия?

— Вы что, сотник, с луны упали? Про армию якутского тракта знавали за пределами Камчатки.

— Холодно было командовать армией?

— Да нет, также как в Сибири. Знаете, сотник, несмотря на морозы, я проделал зимние маневры. Было у меня четыре адъютанта: по строевой, оперативной, хозяйственной части и адъютант-переводчик. Только я, командующий, был один русский, а остальная команда состояла из инородцев. Был отдан мною приказ: разделить армию на белых и красных поровну. Ввиду того, что армия находилась в стадии формирования, в день маневров в ней числилось 150 человек. Одна половина, белых, спряталась за сопку, а вторая половина, красных, в котловину. Был дан сигнал с наблюдательного поста наступать. Стали стрелять. Смотрю, что-то стали отставать цепи, как у красных, так и белых. Был послан адъютант подтолкнуть лежащих, который, возвратясь, доложил, что все лежащие оказались убитыми...

С большим трудом удалось прекратить огонь... Красные заявили, что белые первые стали залповать боевыми патронами, но мы тоже залпанули по белым. Результат — 25 убитых, никого раненого. Спрашиваю адъютанта-переводчика: «Почему ни одного раненого?» «Мы, северяне, привыкли охотиться на зверя, чтобы шкуру не портить, бьем в голову»...

Разговор их был прерван тревожными гудками парохода «Сишан». Все обитатели трюма выбежали на палубу, где выяснилось, что кочегары парохода не желают продолжать дальнейший рейс и старались с корабля спустить на воду шлюпки... Полковник Баженов хотел этому воспрепятствовать, но

был остановлен генералом Ивановым-Мумжиевым и между ними произошла крупная перебранка.

Команда парохода «Сишан» состояла из большевиков и им сочувствующих и была японской полицией возвращена с берега на корабль.

На второй день агент Добровольного флота Данич и консул Лебедев доказали японским властям, что пароход «Сишан» тридцатипятилетней давности и без капитального ремонта выйти в море не может.

На выхлопотанные А. А. Пуриным и переведенные из Токио деньги был зафрахтован пароход «Кинки-мару», куда и перегрузились все эвакуирующиеся. Через несколько дней пароход направился в Шанхай, куда прибыл 22 декабря 1922 г. после двадцати дней плавания.

Все выехавшие с Севера после долгих мытарств высадились в Шанхае и начали нести тяжкий крест русского эмигранта. С тех пор прошло восемнадцать лет. Многие сложили свои головы в Шаньдунской армии, но оставшиеся в живых полны воспоминаниями о Севере, его чарующих красотах и ждут того счастливого часа, когда судьба вернет их на Родину.

Приведенный выше и последующий материал позаимствован нами из юбилейного сборника «Камчатка 1740—1940», выпущенного в Шанхае в честь двухсотлетнего юбилея города Петропавловска-Камчатского, отмечавшегося в 1940 г. камчатской колонией местных эмигрантов. Копию сборника в распоряжение камчатских исследователей любезно предоставил владивостокский историк А. А. Хисамутдинов.

ПОСЛЕДНИЙ АНДРЕЕВСКИЙ ФЛАГ

*Тебе, Андреевский флаг, мое первое слово,
Тебе, безмолвному свидетелю служения
флота Родине,
Тебе, участнику славных побед,
Тебе, делившему горечь поражения.*

Порт Петропавловск-на-Камчатке. Ясное утро 2-го ноября 1922 года. В семь часов сорок пять минут после «повестки» судовой горнист канонерской лодки «Магнит» играет «Большой сбор».

Вахтенный начальник мичман М. И. Никифоров (штурманский офицер корабля) командует: «Гардемарины и команда на шканцах, во-фронт!»

Быстро сбегаются люди и через пять минут все уже в сборе: гг. офицеры выстроились на юте, гардемарины — на правых шканцах во главе первой вахты команды, вторая вахта — на левых.

Офицеры тихо ведут беседу о предстоящем уходе с берегов Камчатки, которую все полюбили.

Команда: «Смирно, господа офицеры!» дает знать, что командир корабля, лейтенант Д. А. фон Дрейер, на палубе.

Обойдя фронт гг. офицеров и приняв утренний рапорт от старших специалистов и старшего офицера, командир обходит фронт и здоровается с гардемарины и командой, которые стройно, чуть нараспев, бодро отвечают обычным: «Здравия желаем, господин лейтенант!»

Раздается тихий, но ясный голос вахтенного начальника: «Без пяти минут восемь, господин лейтенант».

Сигнальщики у кормового флага и гюйса на баке замерли в ожидании. Горнист, приложив мундштук к губам, «греет» горн, чтобы тот не «скиксовал».

«На флаг и гюйс», — раздается бодрая команда Миши, и все взоры обратились на корму.

«... Последний подъем родного флага в водах Камчатки, в водах российских... последний, — невольная мысль у всех на уме, — мы последний корабль под славным Андреевским флагом в российских водах, на родине...»

«Флаг и гюйс поднять!» — командует мичман Никифоров, чем нас всех отрывает от мыслей об уходе...

Как-то резко сорваны фуражки, и взоры всех устремились на корму, где флаг, затрепетав в налетевшем легком шквале, распустившись за поручни юта по ветру, открыл свой голубой Андреевский крест и медленно-медленно пошел кверху.

Андреевский флаг... наше Святое Знамя, Флаг Петра Великого, адмиралов Сенявина, Ушакова, Нахимова, Завойко, Макарова и Колчака, во всей своей красе распустился в последний раз на российском корабле, в российских водах далекой окраины нам всем дорогой и милой Родины... Последний Флаг...

Сколько мыслей роится в голове каждого, стоящего на палубе корабля «Магнит», готового покинуть и, быть может, навсегда, родные воды... Последний Флаг...

Замолк горнист... «На-кройсь! — опять командует Миша, — гардемарины и команде — разойтись!»...

Закончен последний подъем Флага «с церемонией» в водах российских Дальнего Востока и Камчатки, отошел в историю, и навсегда. Этот обычай — церемониал, повторявшийся изо дня в день во всех уголках нашей необъятной Родины, где бы ни находился хотя бы один российский корабль.

В четыре часа дня канонерская лодка «Магнит», приняв на борт отдельную морскую роту во главе с ее командиром лейтенантом Сеньковским, а также часть чинов гарнизона Петропавловска, покидает воды Камчатки с тем, чтобы соединиться с отрядами судов адмирала Ю. К. Старк, которые 24 октября оставили Владивосток.

Вернулся с берега и поднят на палубу последний «мотор», и связь с берегом прекратилась... последняя связь с родной землей... когда-то Господь приведет нас опять вступить на родную землю...

Пароход Добровольного Флота «Сишан» с частями гарнизона и всеми теми, кто пожелал разделить нашу горькую участь оставления Родины, выходит из конца гавани и, пройдя вдоль борта «Магнита», ложится на курс к выходу. Трехцветный флаг, служивший всем русским людям как Знамя России Национальной, уходит с верными своему долгу людьми и долго, долго, может быть, не увидит Петропавловск этого знамени... долго.

Быть может, среди оставшихся тоже есть много русских людей, верных своей Родине, много и сынов Камчатки и Алеутии осталось там разделить участь Родной Страны... Но мы, волею Божией уцелевшие остатки славного императорского российского флота, мы все, кто ушли на «Магните», имеем право честно и прямо сказать, глядя в глаза России, что долг свой перед Родиной в мере предоставленных нам возможностей мы выполнили до конца.

Долг наш перед Родиной, которая к тому времени уже называлась С.С.С.Р. по всей своей необъятной шире, за исключением лишь далеких окраин, оставляемых нами, и символизировавшаяся там кроваво-красным флагом, долг свой мы выполнили тем, что беззаветно, бесстрашно и бескорыстно несли мы службы свои по охране Земель Русских и кровью своей защищали интересы Государства Российского.

К концу 1922 года мы все прекрасно понимали и знали, что борьба наша с советской властью — борьба неравная; тем не менее, мы, помня заветы Петра и не взирая на неравность борьбы, продолжали блюсти границы нашей Родины и защищать ее окраины от хищников всеми силами и до последней возможности.

Наши северные владения и Камчатка требовали внимательного надзора и заботливого ухода за их богатствами и промыслами и защиты их от анархических банд, бродивших в крае. Наши бобры, котики и голубые песцы Командорских островов, камчатская пушнина, рыба, золото и прочие богатства вот уже несколько лет хищнически уничтожались, и русское добро вывозилось из края безнаказанно во всех направлениях.

Необходимо было восстановить действительную охрану наших побережий Камчатки и северного края с их промыслами и в корне пресечь самоуправство соседей, которые давно перестали считаться с часто сменяющимися веки местными правительствами, не имевшими фактически необходимой связи с Россией, и потому не обладавшими ни авторитетом, ни реальной силой для борьбы с хищничеством и самоуправством, которое дошло до того, что были даже организованы особые комиссии по изучению богатств Камчатского края и Чукотского полуострова и «промышленники» наших соседей свободно «обследовали» край.

Адмиралом Ю. К. Старк, командующим Сибирской Флотилией во времена Приморского правительства, возглавлявшегося тогда Д. С. Меркуловым, для этих целей и был выбран из состава судов флотилии «Магнит».

Хотя решение о посылке канонерской лодки «Магнит» на охрану побережий Камчатки было еще не окончательное, с ранней весны 1922 года мы лихорадочно стали готовиться к ответственному и серьезному плаванию, которое предстояло нам произвести на нашем утлом суденышке, плавание, которое стало и эпическим, и историческим.

Канонерская лодка «Магнит» всего только около 900 тонн водоизмещения. Судну, построенному для обслуживания Владивостокской крепости в роли минного кабельщика крепостного минного батальона, пришлось совершить плавание у берегов Камчатки, Берингова пролива и даже частично в Северном Ледовитом океане, плавание, которое действительно и бесспорно было эпическим и стало историческим.

Учитывая серьезность и ответственность плавания и предназначаемой задачи «Магниту» офицерский и личный состав его потому был выбран и назначен по трем признакам: «марсофлотство», морские знания и опыт, личное удалство.

Командование канонерской лодкой «Магнит» было вверено лейтенанту Д. А. фон Дрейер, совершившему в предыдущий год короткий поход к камчатским берегам и на Командорские острова в условиях совершенно ненормальных, но с большим успехом данные ему задачи выполнившего. Ему было предоставлено право выбора как офицерского состава, так и команды, соответствующих специальному назначению и роду предстоящего плавания, в полной мере по указанным признакам, чем хотя бы отчасти и немного можно было бы возместить те недостатки в качествах корабля, которые по условиям того времени невозможно было исправить или по соображениям техническим, или просто из соображений финансовых.

Неудивительно поэтому, что личный состав корабля «Магнит» был сплочен между собой от командира и до юного добровольца-матроса и жил одной семьей, спаянной желанием служить Родине до последних сил и последних возможностей.

Необходимо сказать, что канонерской лодке «Магнит» предстояло быть не только охранно-боевым кораблем, но и учебным судном, ибо в северное плавание на «Магните» шли гардемарины, которым необходимо было дать не только теоретическую подготовку военно-морских наук по программе Морского Корпуса, но и практическое плавание и морской опыт, столь необходимые каждому офицеру флота, которыми готовились быть наши гардемарины.

Для этой цели из состава офицеров «Магнита» были выбраны и назначены преподаватели-инструкторы для занятий с гардемаринами по специальным наукам, которые происходили в течение всего плавания совершенно регулярно, независимо от операций на побережьях.

Уместно также будет сказать здесь, что как гг. офицеры, так и весь личный состав корабля «Магнит», готовясь в серьезное и ответственное плавание, ни разу не обмолвились о своем будущем, а материального вопроса, денежного, как бы и не существовало: мы все готовы были нести службу свою по совести, но не за страх или материальное вознаграждение — служили Родине и Родному Флагу идейно и бескорыстно.

Андреевский флаг — этот символ верности и безграничной любви, любви до самозабвения («... я не могу быть распят на таком же кресте, как Учитель», — сказал Св. Андрей Первозванный, когда его хотели распять на «прямом» кресте), Флаг сочетания цвета правды и чистоты и Синего — цвета лазурного моря и неба. Этот Флаг своим косым крестом, крестом Св. Андрея Первозванного, был всегда нам символом служения Родине, служения честного, бескорыстного и верного, по заветам Великого Петра и Адмиралов Российских от времен Гангута и до последних дней жизни Адмирала Колчака.

Лихорадочно готовился «Магнит» к предстоящему плаванию. После трехмесячной интенсивной работы, в которой лично принимали участие все, от командира и до младшего матроса-добровольца, усилиями личного состава корабля и Владивостокского военного порта «Магнит» вышел на рейд, и мы могли сказать: «Мы готовы».

Однако только к концу июня месяца адмирал Ю. К. Старк смог отпустить «Магнит», который был ему необходим в операциях, которые флотилия вела вдоль побережья Приморской области и острова Сахалин.

После обыденных приемов из порта запасов снабжения и провизии, правда, в количествах очень незначительных, так как полное наше пополнение нам предстояло произвести в пути, в Японии, настал желанный и долгожданный день.

22-го июня 1922 года после инспекторского смотра, произведенного кораблю адмиралом Ю. К. Старк и его начальником оперативной части капитаном 2-го ранга А. П. Ваксмут, после обыденных рукопожатий, троекратного лобзания по обычаю русскому, командующий пожелал кораблю «Магнит» благополучного плавания и восвося благоприятного возвращения.

В десять часов «Магнит» отдал конец с бочки и покинул Владивосток, чтобы, как потом оказалось, более никогда не вернуться.

Эпическое плавание канонерской лодки «Магнит» у побережья Камчатки, Командорских островов и в Беринговом море вошло в историю флота, как плавание последнего носителя Славного Андреевского Флага в Российских водах, как корабля, унесшего этот Флаг от родных берегов чистым, в сознании выполненного до конца им долга перед Родиной и не опустившего Флага до конца дней своих.

Канонерская лодка «Магнит» вышла из Владивостока в следующем составе:

- командир корабля — лейтенант Д. А. фон Дрейер. Ныне здравствует (Китай);
- старший офицер — лейтенант Ю. А. Степанов. Ныне здравствует (Китай);
- старший штурман — мичман П. Н. Волчанецкий. Ныне здравствует (Китай);
- младший штурман — мичман М. Н. Никифоров. Ныне здравствует (Китай);
- вахтенный начальник и ротный командир — лейтенант М. Подиметопуло. Ныне здравствует в С.А.С.Ш.;
- вахтенный начальник и артиллерийский офицер — мичман М. В. Дешуков. Умер на Филиппинах;
- вахтенный офицер — мичман И. А. Буланин. Ныне здравствует (Британская Колумбия);
- вахтенный офицер — корабельный гардемарин В. Киркор. Ныне здравствует (Китай);
- старший судовой механик — поручик по механической части И. И. Котуновский. Умер в Шанхае;
- 2-ой судовой механик — подпоручик И. Г. Сергиенко. Местопребывание неизвестно;
- 3-ий судовой механик — машинный кондуктор В. К. Валшкис. Ныне здравствует (Китай);
- судовой врач — лекарский помощник П. Н. Степанов. Местопребывание неизвестно;
- старший судовой боцман — кондуктор флота В. М. Кобелев. Местопребывание неизвестно.

Гардемарины:

- Г. Петренко — ныне здравствует (Китай);
- А. Поляков — погиб на патрульном судне «Лейтенант Дыдымов»;
- П. Дорошенко — умер в Шанхае;
- В. Смеленец — ныне здравствует (Филиппины);
- П. Лашков — ныне здравствует (С.А.С.Ш.);
- Н. Вельмин — местопребывание неизвестно;
- И. Колосов — ныне здравствует (С.А.С.Ш.);
- П. Дубнитский — ныне здравствует (С.А.С.Ш.);
- Ю. Хейсканен — ныне здравствует (С.А.С.Ш.);
- М. Савитский — ныне здравствует (С.А.С.Ш.);
- А. Никошин — ныне здравствует (С.А.С.Ш.);
- В. Смирнов — ныне здравствует (С.А.С.Ш.);
- Н. Деснитский — ныне здравствует (С.А.С.Ш.).

Магнитец,

12 октября 1940 г., Шанхай

Зимний вид на Судейский городок в Петропавловске,
1910-е гг.

Главная улица Петропавловска
перед революцией 1917 г.

М. В. Д.
УБЕРНТОРЪ
КАМЧАТСКОЙ ОБЛАСТИ

№ 39
23/IV-1917г.
Командорскому Уъядному
Начальнику

17 Марта 1917

№ 1203

Петропавловск

Чаплинский
А

Постановленіемъ Временнаго Пра-
вительства я, временно устранивъ отъ
занятой мною должности при чемъ
мнѣ предложено сдать должность члену
Петропавловскаго Окружнаго Суда имель
якову, назначенному Временнымъ Пра-
вительствомъ Областнымъ Комиссаромъ.
Въ изложенной волеи Правительства собо-
рн для свѣдѣнн.

И

Генералъ-Губернаторъ
Дѣйствительнаго Статскаго
Совѣтника

И. Д. Правителя канцелярн

Чаплинский
А

Начальнику уезда Командорских островов. Сообщение вице-губернатора Камчатской области А. Г. Чаплинского об отрешении его от должности, март 1917 г. (РГАДВ, ф. 0147, оп. 2, д. 21, л. 1)

418001

Объявленіе

Граждане гор. Петропавловска приглашаются сего 6 марта въ 8 час вечера въ здание Драматическаго Общества для продолженія общаго собранія прерваннаго ВЧЕРА 5 марта, по вопросу о выборѣ представителей отъ жителей ГОРОДА

6 марта 1917 гор. Петропавловскъ.

Ж У Р Н А Л Ъ

№ 31

ЗАСЪДАНІЯ

Камчатскаго Областнаго Комитета

отъ 22-го Марта 1918 года.

Въ составѣ: Предсѣдатель Пурина.

Жобарщій его: Самборко.

Членовъ Комитета: Бушуева, Панькова, Худякова, Устюжанина, Ушакова Сивцева, Шиманчика, Олейника, Попова, Лазукова, Кумпана, Киселева, Добровольскаго, Крупенина, Дудко.

1. Докладъ 1-й секціи о состояніи кредитовъ находящихся въ распоряженіи Камчатскаго областного комитета.

Докладъ принять къ свѣдѣнію. 1) При 1-мъ противъ и 3-хъ воздерж. Поручить 1-й секціи разработать смету въ срочномъ порядкѣ на 3 мѣсяца опредѣляя содержаніе членамъ комитета по 150 руб. въ мѣсяць. 2) Составить требовательную ведомость и выписать ассигновку за январь и февраль мѣсяца 1918 г.

2. 1) Заявленіе 150-ти гражданъ гор. Петропавловска о сложеніи послонной городскихъ

представителей къ Камч. обл. комитетѣ. 2) Заслушали заявленіе предсѣдателя Камч. обл. комитета А. А. Пурина о сложеніи своихъ полномочій въ обл. комитетѣ.

Областной комитетъ признаетъ право за гражданами города переизбрать своихъ членовъ, относительно предсѣдателя комитета А. А. Пурина какъ представителя отъ города комитетъ признаетъ за нимъ постановленіе съѣзда области въ его избраніи предсѣдателемъ комитета каковое званіе сохраняется за нимъ до слѣдующаго съѣзда или вынесенія ему недоверія

въсѣмъ составомъ комитета. Снимая съ себя полномочія представителя областного комитета отъ гор. Петропавловска заявляютъ област. комитету и гражданамъ города, что автономія не объявлена и никто изъ представителей города въ областномъ комитетѣ не прибѣгалъ къ вооруженному проведенію въ жизнь своихъ рѣшеній.

3. О выраженіи довѣрія и недоверія предсѣдателю обл. комитета А. А. Пурина.

(При 1-мъ противъ и 1-мъ возд.) комитетомъ вынесено доверіе предсѣдателю комитета Пурина.

Циркулярно.

Препровождается для свѣдѣнія и исполненія Волостнымъ Комитетамъ.

Товарищъ предсѣдателя:

Секретарь:

, * Марта 1918 г.

г. Петропавловскъ
Камчатской области.

Журнал (протокол) № 31 заседания Камчатскаго областного комитета
от 22 марта 1918 г.

Гласный 4-й городской Думы
Георгий Максимович Тузов

Гласный 4-й городской Думы
Иван Емельянович Ларин

От пристани в Петропавловском Ковше отходит пароход
Добровольного флота «Яна»

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ УПРАВА

доводить до сведения встать граждан гор. Петропавловска о нижеследующем:

На основании постановления городской Думы отъ 14-го сего Декабря, утвержденного Особуполномоченнымъ Временнаго Примурскаго Правительства въ Охотско-Камчатскомъ краѣ выборы гласныхъ въ Петропавловскую Городскую Думу назначаются на 15-ое Января 1922 г., въ воскресенье, съ 9-ти час. утра до 9-ти ч. вечера въ помѣщеніи Петропавловской Почтовой телеграфной Конторы.

Выборы будутъ произведены по составленному Управой избирательному списку, составленному для всеобщаго избора, 1 го Декабря с. г.

Группы избиратели и различныя организации должны, не позже 1-го Января 22-го года, заявить Городскому Головъ списки кандидатовъ въ гласные, выразившихъ желаніе баллотироваться, которые Городская Управа опубликуеть во всеобщее свѣдѣніе, не позднее нахъ за семь дней до производства выборовъ.

Число указываемыхъ въ спискахъ кандидатовъ въ гласные не должно превышать общаго числа гласныхъ, т.е. 20 ти человекъ; излишніе кандидаты въ счетъ не принимаются.

Списки прилагаемыхъ къ баллотировкѣ кандидатовъ въ гласные подаются Городскому Головъ подъ расписку однимъ изъ подписавшихъ данный списокъ. О каждомъ изъ кандидатовъ, въ заявленныхъ спискахъ должны быть указаны слѣдующія свѣдѣнія: 1) полное имя, отчество и фамилія, 2) возрастъ, 3) связь съ городами и 4) адресъ.

Списки кандидатовъ въ гласные должны быть лично подписаны избирателями, имъ заявленными по данному списку и въ числѣ не менѣемъ числа гласныхъ, подлежащихъ избранію въ данномъ городѣ (т. е. 20-ю избирателями). Въ подписныхъ спискахъ, наивысшихъ списковъ должно быть указано: фамилія имя отчество и номеръ, подъ которымъ подписавшіеся явятся въ окончательномъ республиканскомъ спискѣ.

Лица, упомянутыя въ заявленномъ спискѣ кандидатовъ въ гласные, должны явиться лично съ согласіемъ принять въ случаѣ избранія званіе гласнаго, явившись на самомъ спискѣ или же письмомъ или телеграммою на имя Городского Голова.

Кандидаты о согласіи своихъ на принятіе гласнаго не будетъ получено надлежащимъ уведомленіемъ за два дня до опубликованія заявленныхъ списковъ, или списковъ исключаются, о чемъ каждое подающее списковъ лицо предупреждается.

В гласные и кандидаты могутъ быть избираемы не только лица, пользующиеся полнымъ участіемъ въ выборахъ, но и всѣ прочія лица, хотя и не проживающія в городѣ и не имѣющія тамъ домашнего обитанія, службы или занятій, но удовлетворяющія остальнымъ требованіямъ, установленнымъ для участія въ выборахъ,

Городская Управа.

Объявление о назначении выборов 5-й Петропавловской городской Думы
(ЦДНИКО, ф. 1199, он. 1, д. 653, л. 215)

Вид на Петропавловский Ковш, начало 1920-х гг.

Объявление. 4821

Распубликованный Городской Управой, избирательный списокъ гражданъ гор. Петропавловска, правомочныхъ принять участие въ предстоящихъ выборахъ новаго состава Городской Думы, по исправленіи и дополненіи его Городской Управой вторично выставленъ съ 6 по декабрь с. г. для всеобщаго обозрѣнія въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ помѣщеніи Городской Управы, въ помѣщеніи Народнаго Дома, въ Управленіи Особуполномоченнаго, въ магазинѣ ЧУРИНА, въ Правленіи Союза домо-владельцевъ и въ Комендантскомъ Управленіи.

Всего по списку состоитъ 481 человекъ. Число гласныхъ въ Петропавловскую Думу опредѣляется въ количествѣ 20-ти человекъ. Гласные Городской Думы избираются на 4-хъ лѣтній срокъ.

Ст. 22-23 Правилъ о производствѣ Выборовъ ..

Избирательные списки по исправленіи ихъ, не позднѣе, какъ за мѣсяць до выборовъ, вновь предъявляются для обозрѣнія, о чемъ объявляется во всеобщее свѣдѣніе съ указаніемъ количества избирателей, внесенныхъ въ списокъ, и количества гласныхъ, подлежащихъ избранію въ данномъ г.родѣ.

Послѣ вторичнаго предъявленія избирательныхъ списковъ для обозрѣнія, никакія дополненія и измѣненія въ нихъ не допускаются.

Городская Управа

Объявление о выборахъ
в городскую Думу

Бандурин

Гласный 5-й городской Думы
Егор Матвеевич Бандурин

Вид на Судейский городок и Авачинскую губу с Мишенной сопки

Объявление

На основании ст. 33 правил о выборах Городская Управа объявляет во всеобщее сведение заявленные избирателями списки кандидатов в члены Петропавловской Городской Думы на 4-х летний срок по деевые января 1923 года.

Список поданный группой местных граждан

Добровольскии Иннокенти Дмитриевич, Областной Агрном.
Рубецкий Петр Петрович, Врачебный Инспектор.
Болтенко Николай Иванович, Предст. союза. Прием. коллерт.
Голубецкий Николай Дмитриевич, Агент добр. флота.
Рыбкин Василий Макарович, инженер.
Артюхин Василий Иванович, служащий добровол. флота.
Шкляев Ивань Андреевич, дорожний техник.
Применов Андрей Михайлович, Правит. Канц. Област. Управ.
Лавгов Василий Алексеевич, д/эспр. области, управления.
Борисовский Александр Аркадеевич, и. д. подати, инспект.
Новогрбленов Ивань Трифонович, бухгалтер, т. д. Чуринь.
Новогрбленов Трокой Трифонович, учитель.
Оданаец Ефрем Филисович, Начальн. п-т конторы.
Козырев Игнатий Далматович, чинов. п-т конторы.
Ревацкий Иосиф Павлович, домовладелец.
Корякин Николай Петрович, домовладелец.
Паннов Федор Федорович, домовладелец.
Подпругин Ивань Гаврилович, домовладелец.
Захаров Логинь Вастафьевич, домовладелец.
Навалихин Константин Иванович, техник перес. управлен.

Список поданный петропавловскими кооперативами. Намчат-
скими культурно-просветительными обществами, пресвитере-
и обществом домовладельцев г Петропавловска.

Артюхин Василий Иванович, служащий
Голубецки Николай Дмитриевич, агент добр. флота
Валяж Демьян Моисеевич, секретер городской управы
Холодов Николай Васильевич, инструк. по кооперации
Колмаков Елеазар Александрович, пред. кооператива
Грызов Ивань Дмитриевич, служащий
Загоруйко Григорий Леонтевич, служащий
Косиных Ивань Тарасевич, домовладелец
Коновалов Иннокенти Александрович, служащий
Лисовой Григорий Афонасевич, служащий
Ревацкий Иосиф Павлович, домовладелец
Брагинь Андрей Дмитриевич, домовладелец
Журавская Екатерина Андреевна, служащая
Флетчер Николай Васильевич, домовладелец
Кочетков Андрей Якович, служащий
Козырев Игнатий Далматович, чинов. п-т конторы
Коркин Николай Петрович, домовладелец
Таланцев Степан Васильевич, домовладелец
Цанюв Федор Федорович, домовладелец
Лушев Василий Егорович, рыбак

Всего заявлено два кандидатских списка.

Той и другой групп избирателей подавших кандидатские списки предлагается на основании ст. 36 правил о выборах избрать из своей среды по одному представителю в избирательную комиссию, заявив об этом своевременно Городскому Голову

3—2

Городская Управа.

Кандидатские списки в 3-ю Петропавловскую городскую Думу, август 1919 г.

Егор Измайлович Попов, один из красных парламентаров, ходивший в 1922 г. в Петропавловск с ультиматумом белым властям. В 1939 г. попал под следствие, в 1940 г. приговорен к восьми годам лишения свободы. Реабилитирован в 1989 г.

А. С. Олейник в форме рядового императорской армии

П. Г. Ивашкин (Ларичев), член облнарревкома

Семья Н. П. Фролова

Село Атласово, 1975 г. Фото А. В. Пчелинцева

Атласовский леспромхоз. Формирование плотов для сплава, 1970-е гг.

Речной пассажирский катер «Лебедь» на реке Камчатке

Село Ганалы

Село Ганалы. Гравюра художника Пospelова в газете
«Камчатская правда» за 6 октября 1936 г.

Долиновка. Здание сельской администрации постройки 1960-х гг.
Фото В. И. Борисова, 2006 г.

Камчатальский балаган. Фото С. Бергмана, начало 1920-х гг.

Селение Быстрая. Остатки традиционных хозяйственных сооружений первой половины XX в. Фото В. И. Борисова, 2001 г.

Кирганик. Колодец и хозяйственные постройки 1950—1960-х гг.
Фото В. И. Борисова, 2004 г.

Кирганик. Начальная школа, 10 октября 1947 г.

Кирганик. Жилой балаган и летовье

Шаромы. Балаган и забор для ловли рыбы на реке Камчатке

Толбачик. Балаган с юртой

Пуцино

Машура. Вид села с берега реки Камчатки. Старинная часовня.
Материалы экспедиции Ф. П. Рябушинского 1908—1909 гг.

Селение Крахча, 1960-е гг.

Селение Крутоберегово. Вид на «Кремль». На переднем плане автомашина «Додж» с работниками базы КОРПС, середина 1950-х гг.

Село Майское. Трактор начала 1930-х гг. на въезде в совхоз «Козыревский».
Ныне этот трактор установлен в Петропавловске на крыше здания
на ул. Владивостокской, 21. Фото В. И. Борисова

Село Майское. Праздник «Проводы зимы», 1980 г.

Селение Толбачик. Освящение воды на реке. Праздник Крещения, 1916 г.

Камчадалы за копчением рыбы,
1920-е гг.

Установка остова юрты,
1920-е гг.

Селение Ключи в начале XX в. и в 1960-х гг.